

902.7(2)
№ 13

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С.Ш.ГАДЖИЕВА

КУМЫКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

902.7(Дзг)
Г13

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Институт истории, археологии и этнографии

С. Ш. ГАДЖИЕВА

КУМЫКИ

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

1 9 6 1

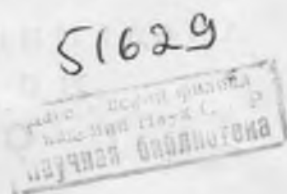
instituteofhistory.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. О. КОСВЕН

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Кумыки — одна из народностей многонациональной Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Они издавна населяют равнины и частично предгорья Дагестана. Кумыки живут компактно в семи районах: Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Буйнакском, Ленинском и Каякентском, в северной части Кайтатского района, а также в городах: Махачкале, Хасавюрте, Буйнакске, Каспийске, Избербаше, Кизляре и Дербенте. Небольшая часть кумыков проживает в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республиках.

Согласно переписи 1959 г. общая численность кумыков равняется 135 тысячам, из них на территории Дагестана проживает 120,9 тысяч.

Соседи кумыков на севере — русские и ногайцы, на западе — аварцы, даргинцы, лакцы и чеченцы, на юге — даргинцы и дербентские азербайджанцы. На востоке территория, населенная кумыками, омывается Каспийским морем.

За годы Советской власти в этнической карте Дагестана произошли значительные изменения. В равнинной части республики рядом с кумыкскими селениями или между ними возникли новые крупные благоустроенные селения даргинцев, аварцев, а также лезгин, переселенных с неудобных высокогорных земель на орошаемую широкой сетью каналов Прикаспийскую равнину. Кумыки стали граничить на западе и с лакцами благодаря возникновению на плоскости нового лакского района из переселенцев — Новолакского.

Кумыки живут на пересечении путей, связывающих центральные районы нашей страны как с внутренним горным Дагестаном, так и с Закавказскими республиками. Такое расположение способствует развитию экономических связей кумыкского народа с соседями.

Климат Кумыкской равнины умеренно-теплый, континентальный: лето здесь жаркое, особенно в низменной части, зима сравнительно холодная, атмосферных осадков выпадает мало (250—400 мм в год). В предгорьях и вдоль Каспия осадков несколько больше, однако полеводческое хозяйство ведется главным образом с применением орошения. По характеру рельефа район расселения кумыков может быть разделен на две части: предгорную, покрытую отдельными куполообразными возвышенностями или невысокими гребнями (Кукур-тау, Эльдам, Тарки-тау и т. д.), и низменную. Почвенный покров низменности представлен преимущественно луговыми разновидностями почв, в различной степени засоленными легкораствори-

мыми солями. Луговые почвы покрыты в естественных условиях луговой растительностью — пыреем, солодкой, нередко тростником. В предгорьях распространены главным образом разновидности почв каштанового типа. Они покрыты злаково-полевой растительностью.

По территории кумыков протекают реки Терек, Сулак, Аксай, Акташ, Шура-Озень, Манас-Озень, Гамри-Озень, Уллу-Чай и др. Терек и Сулак доносят воды до Каспийского моря, другие реки летом пересыхают или их воды целиком разбираются на орошение. В отдельных местах низменности встречаются соленые озера, имеющие промышленное значение.

Из полезных ископаемых первое место занимают нефть и горючие газы. Большое значение имеют также природные строительные материалы.

Предгорная часть богаче растительностью, чем низменная. Вообще в отдельных местах территории кумыков произрастают лиственные леса с кустарниковым подлеском (дуб, клен, тополь, грецкий орех, алыча, кизил, плющ, дикий виноград и т. д.). В лесах живут кабаны, благородный олень, косули, лисцы, шакалы, волки, изредка встречаются медведи. Речные водоемы и Каспийское море богаты различными видами рыб.

* * *

Истории народов Дагестана, в том числе кумыков, посвящен ряд трудов дореволюционных и советских авторов, но этнография народностей Дагестана до сих пор мало изучена. Если не считать труда покойного этнографа-кавказоведа Е. М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура»¹, этнографического сборника «Народы Дагестана»² и отдельных статей, посвященных некоторым проблемам этнографии Дагестана, ни одной более или менее значительной монографии, всесторонне характеризующей культуру и быт той или иной народности Дагестана в ее историческом развитии, не создано. Но без историко-этнографического изучения отдельных народностей невозможно создать полноценную историю народов Дагестана. Кроме того, изучение отдельных народностей Дагестана, в данном случае кумыков, дает возможность наглядно представить себе их безотрадное прошлое и по достоинству оценить великие преобразования, которые произошли в их жизни благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Настоящее исследование является результатом многолетней работы автора по изучению истории, хозяйства, общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры кумыкского народа. Характеристике истории, культуры и быта кумыков в XIX и начале XX в. предпослан краткий очерк древней истории кумыков. Вопросы более отдаленного периода (ранние формы материальной культуры, большая семья и др.) по мере возможности освещаются и в других разделах работы. Наконец, автор поставил своей целью проследить и те коренные изменения, которые произошли в экономике, общественной и семейной жизни, культуре и народном образовании кумыков за годы Советской власти. Этому вопросу посвящена заключительная глава.

Ценные историко-этнографические сведения о земле кумыков, о кумыкском народе содержатся в записках первых русских путешественников. Знаменитый русский путешественник XV в. тверской купец Афанасий Никитин прошел по Дагестану путь от Тарков до Дербента и оставил сведения о жителях этой территории и об их феодальных владетелях³. Очень ценные этнографические сведения о кумыках содержатся в описании путешествия в Персию московского купца Федота Афанасьевича

¹ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949.

² «Народы Дагестана». М., 1955.

³ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1958, стр. 12.

Котова⁴. Он первый выделяет «кумычан» (кумыков) из прочих народов Кавказа. Пройдя по северо-восточному Дагестану до Дербента, он собрал сведения о торговых путях и пошлинах, об опасностях, упрощавших на этой дороге купцам. Котов описал также занятия населения, внешний вид селений, систему орошения полей, садов и т. д.

Этнографические и исторические данные о кумыках имеются в книге известного немецкого путешественника XVII в. Адама Олеария. В своем «Описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (СПб., 1906) он рассказывает о занятиях, общественном строе, одежде, пище и вооружении кумыков. Олеарий оставил также зарисовки, в частности сел. Тарки. Описания вооружения и некоторых сторон быта и обычаев кумыков имеются в записках голландского путешественника того же времени Я. Я. Стрейса⁵. Но по сравнению с данными Олеария высказывания Стрейса несколько неточны и не лишены тенденциозности.

Ряд сведений об управлении и численности вооруженных сил тарковского шамхала, о привилегиях духовенства в этом владении и т. д. мы встречаем у турецкого путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби⁶. Некоторые его сведения, однако, нельзя считать достоверными.

Интерес к истории и этнографии Дагестана значительно усиливается с начала XVIII в., со времени похода Петра I в Дагестан. Русское правительство начинает субсидировать экспедиции на Кавказ, организуемые Академией наук. Появляются труды А. Лопухина, Ф. Соймонова, А. Волынского, И. Гербера, Д. Белла и др.

Среди источников, содержащих важный этнографический материал о народах Дагестана, в том числе о кумыках, особо заслуживает внимания сочинение участника похода Петра I капитана артиллерии Ивана Гербера, составленное им в 1728 г. по личным наблюдениям, сделанным во время длительного пребывания в Дагестане⁷. Гербер пишет о занятиях кумыков, в частности о состоянии земледелия и орошения полей, описывает отдельные крупные селения — Тарки, Отамыш и др., касается системы правления шамхалов, вооружения войска. Говорит он и о торговых связях кумыков, отмечает, что «жители города Тарху отправляют купечество в Персию и Россию». Описывая занятия населения равнинной части Дагестана, Гербер отмечает, что «дагестанцы... имеют изрядные виноградные сады, огороды, пашни и скотоводство, также собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»⁸.

Одновременно с Гербером в Дагестане побывал Джон Белль — врач, находившийся в свите Петра. В его сочинении, изданном в русском переводе под заглавием «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли», имеются подробные сведения о пребывании Петра в районе Тарков, о приеме, устроенном Петру во дворце тарковского шамхала Адиль-Гирея. Автор отметил, что «императору очень понравилось полевое положение сего города»⁹. Белль сообщает и некоторые сведения экономического и политического характера; восторженно отзываясь о гостеприимстве дагестанцев, он красоте женщин и т. д.

Более полные и ценные сведения по истории народов Дагестана, в том числе кумыков, содержатся в трехтомном труде П. Г. Буткова «Материалы

⁴ «Хождение купца Федота Котова в Персию». М., 1958.

⁵ Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935.

⁶ Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд. ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, д. 1157.

⁷ «Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и об их состоянии в 1728 году». — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1760, июль.

⁸ И. Гербер. Указ. соч., стр. 33.

⁹ «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли», ч. III. СПб., 1776, стр. 170—171.

зы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.» (СПб., 1869). Труд П. Г. Буткова написан на основе обширных архивных источников, главным образом военно-исторического и дипломатического содержания. Автор описывает политические и военные события, в частности русско-дагестанские отношения, поход Петра, присоединение равнинного Дагестана к России, походы Надир-Шаха в Дагестан и т. д. В труде Буткова содержится и весьма интересный материал по этнографии. Он подробно описывает Тарки: «Дома построены из дикого камня по-азиатски, столь крепко и столь высоко, что нерегулярному неприятелю, не имеющему пушек, противиться могут долго. Вода, какая можно прекрасная, протекая многочисленными из горы ручьями, напояет почти особенно всякий дом; на сих ручьях построено много мельниц»¹⁰.

Важные сведения о занятиях кумыков, об их языке, взаимоотношениях отдельных феодальных владетелей, о власти тарковского шамхала мы находим у академика И. А. Гильденштедта, совершившего путешествие по юго-востоку Европейской России и Кавказу в 1768—1775 гг. Указывая на феодальную раздробленность Кумыкии и частые раздоры владетелей Дагестана, Гильденштедт отмечает, что этих владетелей «связывает между собою отчасти всеми признанная верховная власть и защита России, коей они присягают в верности...»¹¹.

Начало XIX в. и завершение присоединения края к России характеризуется значительным увеличением числа историко-этнографических исследований, посвященных народам Дагестана.

Первое разностороннее исследование по истории и этнографии Дагестана связано с именем С. М. Броневского¹², который участвовал в Персидском походе 1796 г. и после этого некоторое время служил на Кавказе. Броневский больше, чем другие авторы, обратил внимание на общественные отношения в Дагестане, в частности у кумыков. Он отмечает существование на Кавказе трех форм правления: монархической, аристократической и демократической. Первые две формы, по мнению Броневского, правильнее назвать феодальными, а третью — народной. Все эти три формы правления он находит и у кумыков. К монархической форме он относит правление тарковского шамхала и кайтагского уцмья¹³, к аристократической (автор называет ее также «правлением многих») — правление засулакских владетелей (аксаевских, эндириевских и костековских)¹⁴. Видея Ядженгутайского владения, Броневский ошибочно считал правление его «демократическим» или «народным». Броневский делает попытку охарактеризовать и сословный строй. Он упоминает о следующем «чиносоостоянии: владетельные особы, духовенство, дворянство, крестьяне, пленники, или рабы»¹⁵. Тарковского шамхала и кайтагского уцмья он называет «владетельными особами», а аксаевских владетелей — «князьями»¹⁶. Броневский сообщает очень ценные сведения о численности населения и хозяйственной деятельности жителей Кумыкской равнины, касается вопросов происхождения кумыков, связывая их с кыпчаками, происхождение и родословной шамхалов и т. д.¹⁷

¹⁰ П. Г. Бутков. Записки Персидского похода 1796 г., или все, что я видел, слышал, узнал. «Материалы для новой истории Кавказа», ч. II. СПб., 1869, стр. 569.

¹¹ «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809, стр. 104—105.

¹² С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1—2. М., 1823.

¹³ С. Броневский. Указ. соч., ч. I, стр. 38.

¹⁴ Там же, стр. 39.

¹⁵ Там же, стр. 42.

¹⁶ Там же, стр. 43.

¹⁷ Там же, стр. 58—59; ч. II, стр. 187—202, 204—308.

Некоторые сведения общего характера и дотадки о происхождении кумыков мы находим у немецкого языковеда Г.-Ю. Клапрота¹⁸.

К концу первой четверти XIX в. относится путешествие по Дагестану и Закавказью известного естествоиспытателя академика Э. И. Эйхвальда. В его исследовании содержится значительный материал по кумыкам¹⁹. Подробные сведения он оставил о Тарках, которые посетил в 1825 г. Он обратил внимание на типы жилища, на целебные воды, расположенные, как отмечает автор, в 6 км южнее Тарков (очевидно, современный курорт Талги), на флору и фауну. Большое место в его описании занимают методы управления шамхала и применяемые им наказания. Эйхвальд дает изложение русско-кумыкских отношений, начиная с XVI в.

Среди трудов, содержащих наиболее ценный фактический материал о кумыках, следует назвать два обширных исследования: 1) Платон Зубов. «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношениях» (части 1—4, СПб., 1834—1835); в третьей части этого труда автор приводит ценные сведения о хозяйственной деятельности кумыков, о путях сообщения, управлении, о численности отдельных частей, дает краткое описание сел. Башлы, 2) коллективный труд «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (части 1—4, СПб., 1836); в четвертой части этого труда содержатся важные, хотя и краткие, сведения экономического и этнографического характера, в частности о состоянии торговли.

Интересным описанием Дагестана является работа подполковника А. А. Неверовского «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях» (СПб., 1847).

Известный тюрколог И. Н. Березин в своем «Путешествии по Дагестану и Закавказью» (Казань, 1849) приводит сведения о сел. Тарки, о занятиях его жителей, об одежде, состоянии народного просвещения. Березин затрагивает вопросы языка кумыков, происхождения шамхалов, русско-кумыкских отношений и т. д. В противоположность всем другим авторам, писавшим о Дагестане, Березин, сообщая о своих наблюдениях, допускает иногда презрительно-иронический тон, не отмечая вместе с тем ни одной положительной черты жизни и быта местных жителей. Все же приведенный автором фактический материал заслуживает внимания.

Серьезный вклад в изучение истории и этнографии кумыков был сделан в 40-х годах XIX в. русским офицером М. Б. Лобановым-Ростовским, служившим на Кавказе. Его работа «Кумыки, их нравы и законы»²⁰ является первым специальным исследованием по этнографии и истории кумыкского народа. Автор дает географическую характеристику района расселения кумыков, касается проблемы их происхождения, подробно рассматривает общественный строй, сословное деление, характеризуя каждую социальную категорию кумыкского общества в отдельности, говорит о податях и повинностях зависимого населения. В работе разбираются также отдельные вопросы обычного права. Исследуя вопрос о происхождении князей засулакских кумыков, Лобанов-Ростовский впервые приводит интересные предания о Султан-Муте — родоначальнике князей этой части Кумыкии. Автор делает попытку определить роль местных племен в

¹⁸ J. Klaproth. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814, S. 24—25.

¹⁹ E. Eichwald. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Kaukasus, Bd. I. Stuttgart-Tübingen, 1834.

²⁰ «Кавказ», 1846, № 37—38. О нем см. М. О. Косвен. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», 1, 1955, стр. 335—336.

формировании кумыкского народа, указывая одновременно на участие в этом процессе и пришлых тюркских этнических элементов.

К сожалению, это первое серьезное исследование, посвященное кумыкскому народу, касается главным образом засулакских кумыков, хотя автор отчетливо представлял себе, что кумыки живут и «по ту сторону Сулака, до самого Дербента», и возражал против существовавшего тогда мнения, что якобы кумыки живут только «между Тереком и Сулаком». Все же отсутствие этнографического материала по южным кумыкам не умаляет значения этого ценного труда. В 1843 г. Б. М. Лобанов-Ростовский заканчивает «Описание гражданского быта кумыков», которое позже было опубликовано Ф. И. Леонтовичем²¹.

Конец первой половины XIX в. знаменателен тем, что в этот период наряду с русскими исследователями народов Кавказа появляются и местные историки и этнографы, писавшие на русском языке. Первым по времени этнографом и историком из кумыков был Девлет-Мурза Махмудович Шихалиев, автор обширного очерка по истории и этнографии кумыков «Рассказ кумыка о кумыках»²², подписанного псевдонимом «Кумык». Появление этой статьи было весьма тепло встречено русской научной общественностью. Газета «Кавказ», публикуя этот очерк, писала: «Редакция газеты „Кавказ“ искренно благодарит просвещенного кумыка за присылку этой прекрасной статьи, знакомящей нас с его родиной и фактами для истории, географии и этнографии края»²³.

В первой части исследования Шихалиев излагает свою точку зрения на происхождение кумыков, причем пользуется ранними источниками по истории хазар, кыпчаков и др. Кумыки сформировались как народность с участием хазарского элемента, предполагает автор, объединяя под именем хазар тюркские племена, главным образом кыпчакские. «Я полагаю, кыпчак, — говорит Шихалиев, — ядром для хазар, из которого составилась их империя»²⁴. Большое место в труде Шихалиева занимает история кумыков, начиная с древнейшего периода, вопросы дробления Тарковского шамхальства и появления удела Султан-Мута — родоначальника засулакских владетелей, а также история русско-кумыкских отношений. Автор детально рассматривает общественный строй и сословия кумыкского общества, которые он называет «разрядами». Он насчитывает шесть «разрядов», различаемых по происхождению и имущественному положению. В этой работе подробно описывается хозяйственная деятельность кумыков, феодальные повинности, семейные отношения, обычное право и т. д. Так же как и труд Б. М. Лобанова-Ростовского, исследование Д.-М. Шихалиева посвящено засулакским кумыкам, кумыкам так называемой Кумыкской плоскости.

Большой вклад в изучение истории Дагестана внес выдающийся азербайджанский историк первой половины XIX в. Аббас-Кули-Ага Бакиханов, автор труда «Гюлистан-Ирам»²⁵. Эта работа посвящена истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен по XVIII в. включительно и содер-

²¹ См. Ф. Леонтович. Адаты кавказских горцев, вып. I. Одесса, 1882, стр. 56; вып. II, стр. 185—206.

²² Газета «Кавказ», 1848, № 39—44. Автор этого очерка — Д.-М. Шихалиев (1811 — около 1880 г.), уроженец с. Эндирей (Кумыкская плоскость), сын оружейника, образование получил в русской школе, с 1827 г. находился на военной службе. С 1841 г. работал письменным переводчиком при штабе войск Кавказской линии, с 1853 г. был главным приставом магометанских народов Ставропольской губ. Ушел в отставку примерно в 60-х годах в чине подполковника. Последние годы жизни провел во Владикавказе, а затем в Кизляре. См. о нем также: М. О. Косвен. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», вып. 1—2, 1955, 1958.

²³ «Кавказ», 1848, № 39.

²⁴ Там же.

²⁵ Аббас-Кули-Ага Кудси Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

жит обширный материал по самым различным вопросам истории общественно-политической жизни народов Дагестана и Ширвана, происхождения отдельных народов, отдельных поселений. Труд Бакиханова является до сих пор ценным, единственным в своем роде источником.

Важным материалом, содержащим статистические и фактические сведения середины XIX в., является работа Н. Н. Забудского «Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния» (т. XVI, ч. I, СПб., 1851).

В 50—60-х годах XIX в. в газете «Кавказ», в «Кавказском календаре» и других изданиях появляется ряд статей, затрагивающих самые разнообразные вопросы истории, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта кумыков. Из числа этих статей можно выделить: «Несколько слов о кумыках» («Кавказ», 1852, № 29; статья подписана инициалами «И. А.», которые М. О. Косвен расшифровывает «И. Августинович»²⁶), И. Абельдяева «Заметки о домашнем быте дагестанских горцев» («Кавказ», 1857, № 50, 51), Ад. Берже «Прикаспийский край» («Кавказский календарь», 1857), Я. Д. Лазарева «О гуннах Дагестана» («Кавказ», 1859, № 34, 36, 38), Т. Макарова «Кумыкский округ» («Кавказ», 1860, № 77, 78), И. Бахтамова «Чирка или Чиркей» («Кавказ», 1863, № 29), две статьи Хамзаева, подписанные «Князь Х-ъ»: «Кое-что о кумыках» («Кавказ», 1865, № 68—70) и «Барамта» («Кавказ», 1867, № 2).

В 60-х годах с интересными этнографическими исследованиями выступает П. Г. Пржецлавский, долгое время находившийся в Дагестане на военной службе и бывший помощником мехтулинского хана (с 1852 г.), а затем и тарковского шамхала (в 1858 г.). Из его работ прямое отношение к кумыкам имеет статья «Нравы и обычаи в Дагестане» («Военный сборник», 1860, № 4). Как справедливо отмечает М. О. Косвен, это исследование представляет собой разносторонний и весьма содержательный очерк о кумыках Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства. Автор с большой наблюдательностью подробно описывает отдельные стороны хозяйственной деятельности и материальной культуры народа (жилище, одежда, обувь и т. д.). Пржецлавский впервые дает описание и традиционного обычая коллективных работ по обмазке дома, по уборке и молотье кукурузы — «булкъа». Интересно сообщение автора о сохранившейся и в середине XIX в. меновой торговле у кумыков, что свидетельствует о слабом развитии в то время денежных отношений.

Значительный вклад в изучение истории и этнографии Дагестана внесли труды начальника штаба Дагестанской области А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним» (ССКГ, вып. I, 1868), «Народонаселение Дагестанской области» (ЗКОРГО, кн. 8, 1873) и др. В работе «Адаты и судопроизводство по ним» автор дал подробную характеристику судопроизводства по адату и по шарияту до и после присоединения Дагестана к России. В связи с судопроизводством автор охарактеризовал и другие стороны общественного быта народов Дагестана, сделав, в частности, попытку определить, что представлял собой в то время дагестанский тухум. Недостатком работ Комарова является то, что, приводя большой фактический материал, он не всегда относит его к определенным народностям. В работе «Народонаселение Дагестанской области» содержится ценное перечисление всех обществ и феодальных образований Дагестана. В противоположность многим другим авторам Комаров дал правильные сведения о расселении кумыков от Терека на севере до Башлы-Чая на юге. Он первый обратил внимание на диалектные различия в языке северных и южных кумыков. Однако трудно согласиться с точкой зрения автора, придерживавшегося миграционной теории в вопросе о происхождении кумыков.

²⁶ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 336.

Среди источников, важных для изучения истории и этнографии кумыков, особо следует указать исторические записки «Шамхалы Тарковские» и «Мехтулинские ханы», составленные Сословно-поземельной комиссией по заданию русской администрации и опубликованные в 1868—1869 гг. в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. I и II. Обе эти записки содержат ценные материалы по истории кумыков в XVIII и первой половине XIX в., дают картину феодальных отношений, а также отношений между кумыкскими владетелями и Россией до и после присоединения Дагестана к России. К запискам приложены родословные тарковского и мехтулинского домов.

Серьезным исследованием по этнографии кумыков следует считать «Очерк Кайтаго-Табасаранского округа», написанный в 1867 г. П. С. Петуховым («Кавказ», 1867, № 7, 8, 12, 13, 15, 16). Это первый обстоятельный очерк о южных кумыках, их занятиях, общественных отношениях, материальной культуре и т. д.

Среди исследований, посвященных земельному устройству народов северо-восточного Кавказа, следует прежде всего назвать работу П. А. Гаврилова «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» (ССКГ, вып. II, 1869), в которой значительное место отводится земледелию Кумыкской плоскости. Автор приводит сведения о проведении крестьянской реформы в Кумыкском округе в 1865 г., о принципах раздела земли между крестьянами и владельцами. Автор статьи, стоя на официальной точке зрения царской администрации, явно преувеличивает положительное значение проведенной реформы, умалчивает о ее грабительском характере, полагая, что получение половинной доли земли «совершенно обеспечивало благосостояние простого класса населения»²⁷.

Большим вкладом в изучение истории и этнографии Кавказа, в частности Дагестана, является известный труд Н. Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе»²⁸. В первом томе этого труда большое место занимают разделы «Дагестанские горцы»²⁹ и «Кумыки»³⁰. Автор касается истории, общественно-политического устройства кумыков до и после присоединения Дагестана к России, их хозяйственной деятельности, землевладения, происхождения засулакских князей, семейного быта, положения женщины и т. д. Н. Ф. Дубровин, целиком разделяя позицию дворянско-буржуазных историков, освещает социально-экономическую жизнь кумыков с точки зрения официального кавказоведения.

Огромную ценность для изучения общественного строя народов Дагестана представляет собой двухтомный сборник записей обычного права горцев, изданный Ф. И. Леонтовичем, — «Адаты кавказских горцев» (вып. 1—2, Одесса, 1882); здесь помещены: адаты кумыков, собранные М. Б. Лобановым-Ростовским в 1843 г., под названием «Описание гражданского быта кумыков»; «Сведения по программе об адате, или суде у кумыков» (дополнение к «Описанию») ³¹; «Сведения о величине калыма и штрафах, валагаемых согласно определению адата у кумыкских народов, 1849 г.» ³²; «Сборник адатов жителей Кумыкского округа 1865 года». Как видно из приведенных Леонтовичем архивных данных, к сбору кумыкских адатов привлекались и местные люди, в частности уже названный нами Давлет-Мурза Шихалиев, а также кашитан Касим Курумов, кадий поручик Юсуф Клыгчев и др. ³³

²⁷ ССКГ, вып. II, стр. 41.

²⁸ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871, стр. 497—618.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 619—640.

³¹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, вып. II, стр. 185—201.

³² Там же, стр. 204—206.

³³ Там же, стр. 207—230.

Некоторым вопросам истории кумыков, в частности вопросу об их происхождении, уделил внимание известный венгерский тюрколог А. Вамбери³⁴. По мнению Вамбери, кумыки составляли оседлое ядро населения Прикаспийской равнины еще до прихода хазар.

Сведения об истории возникновения некоторых населенных пунктов и экономическом состоянии Кумыкской равнины приводятся в «Путеводителе по Кавказу» Е. Вейденбаума (Тифлис, 1888) и «Военно-статистическом описании Терской области» Г. Н. Казбека (ч. I, Тифлис, 1888).

Серьезный вклад в изучение обычного права горцев Кавказа и их общественного строя внес известный ученый М. М. Ковалевский. Его труды «Закон и обычай на Кавказе» (т. II, М., 1890) и «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (СПб., 1905) имеют прямое отношение к Дагестану. М. М. Ковалевскому принадлежит первое глубокое и разностороннее исследование дагестанского тухума, хотя автор преувеличивал его роль, представляя тухум не как пережиточное явление, а как форму, сохранившую полностью характер родовой организации. Между тем и сам Ковалевский в целом ряде случаев указывал на господство феодального способа производства в Дагестане. К 90-м годам относятся появление ряда работ по антропологии кумыков. Среди них наибольшего внимания заслуживают исследования Р. Эркерта³⁵, И. И. Пантюхова³⁶ и П. Ф. Свидерского³⁷. Все эти авторы, особенно Эркерт и Пантюхов, отмечают у кумыков значительную монголоидную примесь, хотя их выводы не всегда убедительны. Работа Свидерского помимо антропологического материала содержит весьма интересные этнографические данные о южных кумыках, особенно об их материальной культуре и хозяйстве.

Большим вкладом в этнографию Дагестана, в частности кумыков, явилось исследование Н. С. Семенова «Туземцы Северо-восточного Кавказа» (СПб., 1895), где раздел «Кумыки» занимает значительное место. Исследование Семенова, посвященное кумыкам Кумыкской плоскости, касается вопросов происхождения кумыков, состояния их хозяйства, материальной и духовной культуры, обычного права и т. д. Особое внимание уделено здесь устно-поэтическому творчеству народа. В отличном переводе на русский язык автор дает отдельные образцы героических песен кумыков. Можно без преувеличения сказать, что разносторонний, интересный труд Семенова является самым значительным и самым содержательным из всех дореволюционных исследований по этнографии кумыков. Этот труд явился результатом многолетних личных наблюдений автора над жизнью кумыков. Несмотря на то, что Семенов был представителем высшей военной администрации (старший помощник начальника Владикавказского округа) и придерживался взглядов официального кавказоведения, его исследование проникнуто симпатией к описываемому народу и уважением к его обычаям и правам.

Немалый вклад в изучение истории и этнографии народов Дагестана, в том числе кумыков, внес Е. И. Козубский. В его «Памятных книжках Дагестанской области» (Темир-Хан-Шура, 1895, 1901) и в двух выпусках «Дагестанского сборника» (Темир-Хан-Шура, 1902, 1904) рассматривается большой круг вопросов истории и этнографии Дагестана. Хотя работы Козубского написаны с позиций дворянско-буржуазной историографии, они тем не менее содержат ценный фактический материал по экономике, культуре и административному устройству горцев Дагестана в XIX — начале XX в.

³⁴ H. Vambery. Das Türkehvolk. Leipzig, 1885.

³⁵ R. Erkert. Der Kaukasus und seine Völker. Kумыken. Leipzig, 1888.

³⁶ И. И. Пантюхов. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895.

³⁷ П. Ф. Свидерский. Кумыки. «Материалы для антропологии Кавказа». СПб., 1898, № 8.

К числу интересных и содержательных работ по истории Дагестана следует отнести работу П. В. Гидулянова «Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане»³⁸. Касаясь введения в Дагестане «Положения о сельских обывателях» (1868 г.), предусмотревшего самоуправление сельских обществ, а следовательно, и освобождение беков от обязанностей по управлению ими, Гидулянов справедливо отмечает, что «Положение» несколько не улучшило жизнь зависимых крестьян. «Здесь судьба сыграла злую шутку, — говорит автор, — благодаря которой беки оказались обладателями одних прав без всяких обязанностей, а на долю крестьянина-раята выпали одни обязанности, без всяких прав»³⁹. Основное достоинство труда Гидулянова заключается в том, что автор более правильно, чем многие другие дореволюционные авторы, подходит к оценке положения феодально-зависимого населения.

Среди исследований, представляющих интерес для решения вопросов, связанных с изменениями в административно-политическом устройстве и общественных отношениях в Дагестане после присоединения к России, следует назвать обширный труд С. Эадзе «Историческая записка об управлении Кавказом» (т. I, Тифлис, 1907). Наряду с материалом по Кавказу в целом, автор приводит ряд новых данных по Тарковскому шамхальству и Мехтулинскому ханству.

Серьезным для своего времени исследованием, посвященным земельным отношениям кумыков в дореформенный период и реформе 1865 г. на Кумыкской плоскости, является исторический очерк Н. П. Тульчинского «Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости»⁴⁰, написанный, как указывает автор, на основании официальных источников. Тульчинский, излагая историю феодального землевладения на Кумыкской плоскости, отмечает активизацию процесса захвата князьями общественных земель после присоединения данной территории к России благодаря покровительству царской администрации, преследовавшей цель: «закрепление территории Кумыкской плоскости за высшим сословием»⁴¹. Автор приводит много интересных фактов, характеризующих земельно-правовые отношения кумыков, и описывает проведенные в 1865 г. реформы. Однако разделять взгляды Н. П. Тульчинского на историю феодализма у засулакских кумыков трудно. Мнение автора, что только со времени Султан-Мута, получившего в XVI в. от отца в удел Терско-Сулакскую княжественность, здесь «возникает высшее сословие в лице биев-князей и узденей-дворян»⁴² — неверно, так как XVI в. для Кумыкии является периодом феодального дробления.

Из дореволюционных работ, содержащих материал по интересующей нас теме, следует назвать исторический очерк делопроизводителя канцелярии наместника на Кавказе В. Линдена «Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав» (Тифлис, 1917). Очерк написан в духе восхваления колониальной политики царизма. По мнению автора, «вопрос о поземельном устройстве коренного населения Кавказа являлся предметом постоянных забот правительства со времени присоединения этой части края к империи». Автор умалчивает о том факте, что только в 1913 г. в Дагестане было ликвидировано крепостничество и что земельное положение горцев до самой революции не было определено.

Особого внимания заслуживают труды поэта и этнографа из сел. Аксай Хасавюртовского округа Маная Алибекова (1859—1920). Его исследова-

³⁸ «Этнографическое обозрение», 1901, № 1—3.

³⁹ Там же, № 3, стр. 82.

⁴⁰ «Терский сборник», вып. 6. Владикавказ, 1903.

⁴¹ Там же, стр. 77.

⁴² Там же, стр. 57.

ния «Адаты кумыков» (Махачкала, 1927) и «Кумыкская свадьба»⁴³ содержат исключительно ценный и достоверный этнографический материал.

Следует особо отметить работы, посвященные фольклору кумыков. Ко второй половине XIX в. относится начало изучения и публикации отдельных произведений народного творчества кумыков, что связано с исследовательской работой русских ученых, деятелей народного образования и др. Весьма интересный этнографический и фольклорный материал о кумыках содержится в статье П. И. Головинского «Кумыки. Их игры, песни и обычаи»⁴⁴. Автор с большой точностью и подробностью описывает танцы и увеселения кумыков на свадьбе, особенно танец «Сюидюм-таяк» с пением. В прекрасном переводе на русский язык (очевидно, его собственном) автор записал образцы четверостиший поэтического состязания между юношей и девушкой при исполнении этого танца. Автор обратил внимание на героические песни кумыков «Къзаакъ йырлар»⁴⁵.

В 1893 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып. 17, 1893) был опубликован с объяснительной запиской Л. Лопатинского целый ряд кумыкских песен («Кумыкские тексты»), записанных заведующим Костековским начальным училищем М. Афанасьевым и учителем Аксаевской начальной школы Цаллаговым. Тексты снабжены подстрочным переводом. В «Сборнике» были опубликованы также русско-кумыкский и кумыкско-русский словари, составленные тем же М. Афанасьевым и И. Мохиром, включающие примерно 5000 слов⁴⁶.

Собиранием и публикацией кумыкского фольклора (песен, пословиц, сказок) занимались и отдельные представители кумыкской интеллигенции. Из кумыков первым собирателем и издателем произведений устно-поэтического творчества своего народа был Магомед-Эфенди Османов из сел. Аксай Хасавюртовского округа, состоявший с 1867 по 1881 г. преподавателем тюркских языков в Петербургском университете. В 1883 г. он опубликовал в Петербурге «Сборник ногайских и кумыкских песен» — первую кумыкскую книгу. Фольклором своего народа интересовался Адиль Шемшединов — учитель гимназии с университетским образованием. В журнале «Этнографическое обозрение» им были опубликованы «Легенды и предания кумыков»⁴⁷ и «Легенды и сказания кумыков»⁴⁸. Активную роль в собирании и публикации фольклорных произведений сыграл и кумык из сел. Нижнее Казанище, Темир-Хан-Шуринского округа Абу-Суфьян. Он издал в 1912—1914 гг. «Сборники кумыкских песен», куда входили отдельные произведения народного творчества и известных кумыкских поэтов. Все же в деле собирания, изучения и публикации фольклора кумыков было сделано мало. Названные выше публикации безусловно не могли дать ясного представления даже о песенном и сказочном жанрах устного творчества кумыков.

Как видно из вышесказанного, дореволюционные русские исследователи сделали немало для этнографического и исторического изучения кумыков. Многие из этих исследователей с большой любовью и довольно полно описали те или другие стороны жизни и быта кумыков и оставили оригинальные и ценные материалы.

Правда, это в основном небольшие очерки, статьи или отдельные сведения, приводимые в общих трудах по Кавказу или Дагестану. Кроме того, дореволюционные авторы из числа правительственных чиновников и

⁴³ См. «Собрание сочинений Маная Алибекова» (на кумыкск. яз.) Буйнакск. 1925.

⁴⁴ См. «Сборник сведений о Терской области», вып. 1. Владикавказ, 1879, стр. 290—297.

⁴⁵ «Лар» и «лер» в кумыкском языке аффиксы множественного числа.

⁴⁶ СМОМПК, вып. 17, 1893, раздел III, стр. 1—95.

⁴⁷ «Этнографическое обозрение», 1905, № 2—3.

⁴⁸ Там же, 1910, № 1—2.

офицеров, в большинстве своем стоявшие на позициях официального кавказоведения и восхваления колониальной политики царизма, не могли правильно подойти к изучению культуры и быта народов Дагестана. Их этнографические работы страдали серьезными методологическими недостатками. Изучение шло неравномерно, преобладал интерес к вопросам общественного строя кумыков, в то время как материальная и духовная культура мало привлекали внимание исследователей.

Следует учесть также, что ряд дореволюционных работ написан с позиций архаизации общественно-экономического строя народов Дагестана, с явным стремлением подчеркнуть архаические и экзотические элементы их быта.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи в изучении истории и этнографии народов Дагестана. В советский период, особенно за последние годы, историки-дагестановеды на основе богатого фактического материала создали ряд ценных исследований.

В числе этих работ следует прежде всего назвать коллективный труд научных сотрудников Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР «Очерки истории Дагестана» (т. I—II, Махачкала, 1957).

Большой вклад в изучение истории Дагестана внесли С. В. Юшков — автор работы «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане» («Ученые записки Свердловского педагогического института», т. I, 1938), Р. М. Магомедов — «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX в.» (Махачкала, 1957) и Х.-М. О. Хашаев — «Общественный строй Дагестана в XIX в.» (М., 1961). Эти работы посвящены изучению социально-экономического развития Дагестана в целом. Но в них имеются специальные разделы о земельно-правовых отношениях, классовой структуре и системе административно-политического управления в феодальных владениях плоскостного Дагестана — Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и др.

Русско-кумыкские отношения рассматриваются в содержательных работах С. Н. Кушевой «Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв.»⁴⁹ и «Политика русского государства на Северном Кавказе, 1552—1572 гг.»⁵⁰. Эти же вопросы освещаются в исследованиях Н. А. Смирнова⁵¹, А. В. Фадеева⁵² и в работе В. Г. Гаджиева «Присоединение Дагестана к России»⁵³.

Ряд ценных наблюдений, касающихся экономического развития Дагестана, в том числе и его плоскостной части, в конце XIX и начале XX в. сделан в работах И. Р. Нахшунова⁵⁴, Г. Г. Османова⁵⁵, Х. Х. Рамазанова⁵⁶ и др.

В советский период также проводилась большая работа по сбору и систематизации произведений устного творчества народов Дагестана. Она особенно усилилась после первого съезда советских писателей, с прибуны которого А. М. Горький призывал собирать и изучать фольклор. «Под-

⁴⁹ «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 121—141; «Материалы научной сессии по истории народов Дагестана». М., 1954.

⁵⁰ «Исторические записки», вып. 34. М., 1950.

⁵¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; его же. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II. М., 1946.

⁵² А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957.

⁵³ «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. I. Махачкала, 1956.

⁵⁴ И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

⁵⁵ Г. Г. Османов. Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Труды Ин-та истории партии при Дагестанском обком КПСС», т. I. Махачкала, 1957.

⁵⁶ Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане. «Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. II. Махачкала, 1957.

линную историю народа, — говорит М. Горький, — нельзя знать, не зная устного народного творчества»⁵⁷. В работе по фольклору Дагестана большую инициативу проявили Научно-исследовательский институт национальных культур при ЦИК ДАССР, писательская организация Дагестана, учительские коллективы и ряд других организаций. Активными собирателями кумыкского фольклора были, в частности, известный драматург Алим-Папа Салаватов, поэты А. Аджаматов, А.-В. Сулейманов, поэт и сказитель Аяв Акавов и др. В результате в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР сосредоточился обширный материал, представляющий все жанры устного творчества кумыков. Часть этого материала вошла в изданную в 1939 г. популярную книгу «Чечеклер» (Альманах кумыкской литературы), другая — в изданную в 1959 г. «Сокровищницу песен кумыков», составленную А. Аджаматовым и Ш. Альбириевым. Одновременно проводилась работа по изучению и систематизации собранных материалов. А. Салаватов написал несколько статей под названием «Анализ частушек и песен», «Объяснительная записка к сказкам» и др.⁵⁸, где дается научный анализ фольклора.

Кумыкские сказки были изданы отдельными книжками известным народным сказителем, кумыком из сел. Эндирей (Андрей-аул) Хасавюртовского района Аявом Акавовым⁵⁹. В альманахе «Дослукъ» (Дружба) также были помещены отдельные разделы из фольклора кумыков (сказки, рассказы, пословицы, песни), собранные и составленные А. Аткаем⁶⁰, З. И. Даибовым⁶¹ и М. Хангишиевым⁶². В 1958 г. вышел сборник «Кумыкские народные сказки», составленный С. Ш. Гаджиевой и Г. Б. Мусахановой (Махачкала, 1959).

Отдельные образцы произведений устного творчества кумыков были изданы в художественном переводе на русский язык. Фольклорные материалы самых различных жанров печатались в сборниках «Дагестанская антология» (М., 1934), «От всего сердца» (Махачкала, 1940), «Песни страны гор» (Махачкала, 1947), «Поэзия народов Дагестана» (Махачкала, 1954), «Дагестанские народные сказки» (сост. Н. Каплева, Махачкала, 1954), «Дагестанские народные сказки» (сост. Н. Каплева, М., 1958), «Из дагестанской народной лирики» (перев. Н. Гребнева, Махачкала, 1956) и др.

Однако работа по изданию фольклорных произведений, тем более по их изучению и анализу еще не стоит на уровне научных возможностей и запросов нашего времени. При всем богатстве собранного материала мы не имеем ни одной сколько-нибудь значительной научно-исследовательской работы в данной области.

Коренные изменения произошли в этнографическом изучении народов Дагестана, в том числе кумыков. Большая роль в деле этнографического изучения Дагестана принадлежит Институту этнографии АН СССР, который начиная с 1950 г. проводит этнографические экспедиции в Дагестан и за это время подготовил из представителей местных народностей ряд специалистов-этнографов.

В этнографическое изучение народов Дагестана большой вклад внесли профессор М. О. Косвен, руководивший все эти годы работой дагестанской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР и подготов-

⁵⁷ А. М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 703.

⁵⁸ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 232, 416.

⁵⁹ Аяв Акавов. Сказки и рассказы. Махачкала, 1958; его же. Три друга. Махачкала, 1951; его же. Черепаха и голубь. Махачкала, 1954; его же. Нарг. Махачкала, 1956.

⁶⁰ Аткай. Из кумыкского фольклора. «Дослукъ», 1954, № 3, стр. 109—126; его же. Из сокровища устного творчества кумыков. «Дослукъ», 1957, № 1, стр. 63—70.

⁶¹ З. Н. Даибов. Пословицы и поговорки кумыков. «Дослукъ», 1957, № 2, стр. 63—70.

⁶² М. Хангишиев. Несколько слов об устном творчестве кумыков. «Дослукъ», 1958, № 3.

кой из числа дагестанцев специалистов-этнографов в качестве заведующего сектором Кавказа и давший ряд ценных теоретических работ, освещающих проблемы этнографии⁶³, Г. Ф. Дебеч, Е. М. Шиллинг, Л. И. Лавров, З. А. Никольская, Б. А. Гарданов, Б. А. Калоев, Л. Б. Панек, Г. Н. Сергеева и др. Однако литература по этнографии Дагестана пока все еще невелика. Кроме названных выше работ — М. О. Косвена, Е. М. Шиллинга о кубачинцах и сборника статей «Народы Дагестана»⁶⁴, авторами которых являются А. И. Алиев, С. Ш. Гаджиева, М. М. Ихиллов, Б. А. Калоев, Л. И. Лавров и З. А. Никольская, а также нескольких небольших этнографических очерков, опубликованных обобщающих монографических работ по народностям Дагестана нет.

Мы пользовались в настоящей нашей работе также архивными материалами. Большое значение для изучения нашей темы имеют: труд С. А. Белокурова «Сношения России с Кавказом» (М., 1889); «Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией» (тт. I—XII); «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (т. II, СПб., 1852); труд И. Веселовского «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» (т. I, СПб. 1890); сборники архивных документов «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.» (Махачкала, 1958, сост. Р. Г. Маршаев); «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» (т. I, М., 1957, сост. Е. Н. Кушева, Н. Ф. Демидова и А. М. Персов); «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» (М., 1958, под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева). Нами использованы материалы центральных и местных архивов: ЦГВИА СССР, ЦГИАЛ, ЦГИА Грузинской ССР, ЦГА Северо-Осетинской АССР, ЦГА Дагестанской АССР и некоторые материалы, хранящиеся в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, а также коллекции Дагестанского краеведческого музея и Государственного этнографического музея в Ленинграде.

Использованы, кроме того, данные официальных отчетов, в частности «Обзоров Дагестанской области», которые издавались ежегодно с 1892 по 1915 г., «Всеподданнейших отчетов начальника Терской области», материалы «Сборников сведений о Кавказских горцах», «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказского календаря», выходившего ежегодно с 1846 по 1917 г., «Терского календаря», газет «Кавказ», «Терские ведомости», «Красный Дагестан», «Елдаш», «Дагестанская правда», «Ленин Елу» и других периодических изданий.

Наконец, обширный этнографический материал по всем разделам темы мы собирали во всех кумыкских районах, а сравнительный материал — в соседних районах Дагестана.

При сборе этнографического материала мы постоянно пользовались помощью знатоков быта кумыков — С. Даибовой, З. Н. Даибова, А. Аджаматова, А. К. Селимханова, которых мы искренне благодарим. Мы считаем также своим долгом с глубокой благодарностью отметить помощь, оказанную нам многочисленным отрядом наших информаторов, которые предоставили в наше распоряжение чрезвычайно интересные этнографические данные⁶⁵.

⁶³ См. М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961; его же. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», вып. 1—2. М., 1955, 1958.

⁶⁴ Статьи, содержащиеся в этом сборнике, перепечатаны в пересмотренном виде в книге: «Народы мира, этнографические очерки» под общей редакцией члена-корр. АН СССР С. П. Толстова, «Народы Кавказа», 1. М., 1960.

⁶⁵ Иллюстрации выполнены по рисункам П. М. Дебировой, В. А. Крючкова, В. Н. Лазаревской, С. Салаватова, М. Хязроева и Л. С. Чахирьян.

**КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ КУМЫКОВ**

**1. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД
(ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)**

Человек обитал на территории Дагестана еще в глубочайшей древности. Здесь выявлены многочисленные памятники материальной культуры, отражающие различные историко-культурные эпохи, начиная с древнекаменного века.

Наиболее ранние следы древнейших обитателей равнинного и предгорного Дагестана обнаружены в северной части Дербентского района и в Кайтагском районе. Там найдены каменные орудия труда, относящиеся к средней эпохе древнекаменного века (Мустье), а также комплекс орудий более раннего, ашельского времени¹. Стоянки эпохи неолита обнаружены в местности Тарнаир, в 7 км к северо-западу от Махачкалы², и в окрестностях Буйнакса³.

Неолитическим племенам равнинного Дагестана было уже известно примитивное земледелие. На это указывают найденные на Тарнаирской стоянке вкладыши от серпов, пест зернотерки и т. д.⁴

К памятникам эпохи энеолита на данной территории относятся поселения близ сел. Каякент⁵, Мамай-Кутан (Каякентский район), Великентское поселение (Дербентский район)⁶ и др.

Исследованное А. П. Кругловым в 1939 г. Каякентское поселение находится в 4 км к юго-востоку от одноименного современного кумыкского селения на правом берегу р. Газри-Озень. При сооружении жилища обитатели этого поселения применяли камень (для фундамента) и легкую плетенку, обмазанную глиной⁷. Интересно, что легкие хозяйственные

¹ В. Г. Котович. Отчет о работе южного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 г. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1960; его же. Палеолитические местонахождения Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2163.

² В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, вып. 67.

³ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан). Там же.

⁴ «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 8.

⁵ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. 5. М.—Л., 1940; его же. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958.

⁶ В. Г. Котович. Отчет о работе южного отряда...

⁷ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 20.

постройки или внутренние перегородки из плетня, обмазанного с двух сторон глиной, встречаются у кумыков и поныне, что, несомненно, свидетельствует о многовековой преемственности данного способа строительства жилищ и хозяйственных построек.

Большой интерес представляют сообщения А. П. Круглова о типе печи для хлеба. Рядом с остатками каменной кладки исследователем был обнаружен сильно разрушенный очаг. Зольное пятно окружала сохранившаяся дугообразная каменная стенка. Тут же были обнаружены куски глинобитного сооружения, которые А. П. Круглов считает обломками рухнувшей верхней части очага⁸. Сравнивая этот очаг с очагами такого же типа, обнаруженными на селище эпохи бронзы у т. Нальчика, в местности Долынок, А. П. Круглов утверждает, что «тондыр Каякентского поселения отличается значительно более сложным устройством и скорее приближается к современным кавказским тондырам...»⁹.

Находки кремневых вкладышей от серпов, зернотерок, пестов, отпечатки зерен хлебных злаков, мякины, обнаруженные при лабораторном анализе на глиняных сосудах и в фрагментах описанного тондыра, свидетельствуют о сельскохозяйственном характере хозяйственной деятельности древних обитателей приморской равнины, указывают на сравнительно раннее освоение ими культуры пшеницы (её твердой формы)¹⁰.

Наряду с земледелием большое значение имело и скотоводство. Основываясь на остеологических материалах, А. П. Круглов отмечает, что обитатели Каякентского поселения занимались разведением крупного и мелкого рогатого скота, причем значительную роль играло овцеводство¹¹.

Большим разнообразием отличались керамические изделия этого поселения. Несмотря на низкую технику изготовления (сосуды лепили вручную, без применения гончарного круга), гончарные изделия обрабатывались тщательно. Поверхность сосудов обыкновенно подвергалась основательному сглаживанию и лощению с наружной, а иногда и с внутренней стороны, покрывалась налепным орнаментом¹².

Все эти данные свидетельствуют об оседлом образе жизни населения прикаспийской равнины Дагестана в то время.

Это же подтверждается и материалами раскопок у сел. Великент и хутора Мамай-Кутан¹³. Найденный здесь инвентарь имеет близкие параллели в материалах Каякентского поселения. На поселениях у Великента и Мамай-Кутана обнаружены также следы весьма развитого для своего времени гончарного производства¹⁴.

Судя по уровню развития производительных сил, племена равнинного Дагестана в эту эпоху жили в условиях патриархально-родовой общины.

Сравнительный анализ материалов дагестанского и закавказского, так называемого куро-аракского энеолита позволяет говорить об их хронологическом, а также историко-культурном единстве, по всей вероятности обусловленном этническим родством населения¹⁵.

Начиная со II тысячелетия до н. э. в экономической жизни племен Дагестана, в частности Кумыкской равнины, происходят существенные

⁸ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. стр. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 22.

¹¹ Там же, стр. 25.

¹² Там же, стр. 25—27.

¹³ В. Г. Котович. Отчет о работе южного отряда...

¹⁴ В. Г. Котович. Там же; его же. Новые археологические памятники южного Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959.

¹⁵ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, 22, 1955, стр. 8, 13; его же. Энеолитическая культура северо-восточного Кавказа. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 10.

изменения, вызванные появлением бронзы. Эпоха бронзы характеризуется резким усилением роли металлических орудий и широким внедрением их в быт населения. Местными племенами была освоена техника изготовления бронзовых изделий — литье. К югу от сел. Чирюрт, на поселении бронзового века В. И. Канивец открыл следы бронзолитейной мастерской, найдены обломки бронзовых изделий и куски расплавленного металла¹⁶.

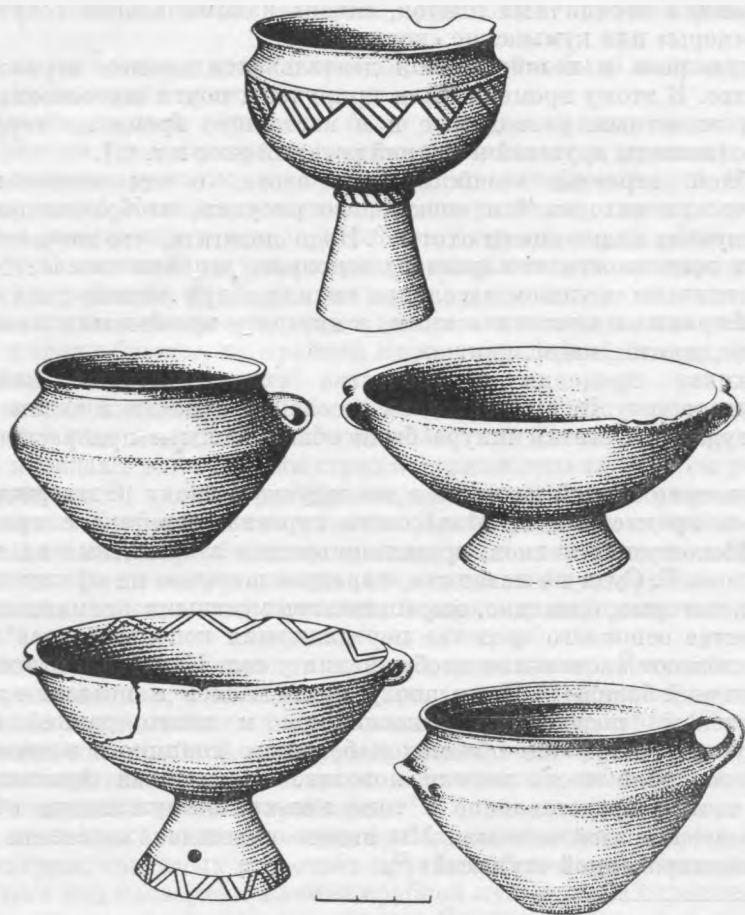

Рис. 1. Сосуды эпохи бронзы из могильника у сел. Каякент

Вместе с тем в эпоху бронзы роль кремневых и костяных орудий была еще велика, о чем свидетельствуют как разнообразие этих орудий, так и дальнейшее улучшение их выделки.

Развивалась и культура земледелия. Свидетельством этого могут служить хотя бы орудия производства из Джемикиентского поселения эпохи ранней бронзы. За единичными исключениями, все найденные здесь орудия были связаны с земледелием¹⁷. Основной зерновой культурой была твердая пшеница.

¹⁶ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. «Уч. зап. ИИЯЛ», вып. I, 1956, стр. 216.

¹⁷ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 43.

Орудием для уборки урожая служили составные серпы с острыми кремневыми вкладышами, вставлявшимися в деревянную или костяную основу. Размол зерна производился на больших плоских зернотерках. Запасы зерна хранились в глубоких грунтовых ямах или больших глиняных сосудах (кумес), широко применяемых для этой цели населением Кумыкской равнины и в настоящее время. Для выпечки хлеба внутри жилища сооружались сложные для своего времени сводчатые глиняные печи с использованием черепичных плиток, «очень напоминающие современные аварские «коры» или кумыкские «корюки»¹⁸.

Большую роль в хозяйственной деятельности племен играло также скотоводство. К этому времени были приручены почти все основные виды домашних животных, разводимые и в настоящее время на территории Дагестана (лошадь, крупный и мелкий рогатый скот и т. д.).

Подсобной отраслью хозяйства была охота, о чем свидетельствуют остеологические находки¹⁹ и наскальные рисунки, изображающие в отдельных случаях целые сцены охоты²⁰. Надо полагать, что значение охоты менялось в зависимости от характера основного занятия населения. Военным и охотничьим оружием населения являлись лук легкого типа со стрелами, снабженными металлическими, а иногда и кремневыми наконечниками, копьё, дротик, топор, кинжал.

О технике прядения и качества свидетельствуют найденные А. П. Кругловым у Джемикентского поселения отпечатки ткани на глиняных сосудах²¹. Остатки шнура были обнаружены и при раскопках на Сулаке²².

Изготовление тканей на месте в исследуемую эпоху подтверждается и некоторыми предметами из Манасского кургана: веретена с пряслицем, а также 36 костяных колков, применяемых для закрепления на ткацком станке основы²³. Судя по находкам, наряду с шерстью на пряжу шли лен и конопля, которые, очевидно, выращивались местными племенами.

В качестве основного средства передвижения использовалась лошадь, на что указывают наскальные изображения у сел. Капчугай, относящиеся к эпохе поздней бронзы²⁴. В эту эпоху применялись и повозки-арбы. На Джемикентском поселении, относящемся к эпохе ранней бронзы, А. П. Круглов обнаружил обломок небольшого глиняного колеса, представляющего собой часть модели повозки. «Найденный фрагмент дает довольно точное представление о типе колеса, послужившего образцом при изготовлении этой поделки. Мы видим сплошное массивное колесо с четко моделированной ступицей»²⁵.

¹⁸ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Уч. зап. ИИЯЛ», вып. III, стр. 158; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 32; А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880 г.) в южном Дагестане. V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, М., 1882, стр. 601.

¹⁹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 38, 39; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 159.

²⁰ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе с. Капчугай ДАССР. СА, 20, 1954, стр. 340—342; М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, вып. 36, 1951, стр. 183; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 159—160.

²¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 43.

²² В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г., стр. 213.

²³ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 13.

²⁴ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай ДАССР, стр. 326—332.

²⁵ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 37.

Последующими находками установлена и форма повозки-арбы в целом. В погребении 2 могильника у сел. Берикей (поздняя бронза) на внутренней поверхности плиты, образующей одну из стен каменного ящика, было вырезано изображение двухколесной арбы²⁶. Использование в исследуемое время двухколесных арб подтверждается и находками в районе г. Буйнакса. Здесь на древних изображениях, обнаруженных В. И. Марковым на скалах²⁷, четко выделяется рисунок двухколесной арбы. В качестве тягловой силы, очевидно, применялся крупный рогатый скот (быки).

Поселения носили укрепленный характер, что было вызвано, по-видимому, межплеменной враждой.

Население данной местности было знакомо с высокоразвитыми для своего времени техническими приемами строительства каменных сооружений. Жилища сооружались на прочном каменном фундаменте, имели глинобитные стены. Комнаты имели форму неправильного четырехугольника. Строились помещения и в виде землянок, стены которых облицовывались камнем²⁸. О высокой технике строительства свидетельствуют и приемы возведения гробниц.

Археологический материал дает основания полагать, что равнина Дагестана в эпоху бронзы, по крайней мере ее последней стадии, была заселена сравнительно густо.

Оживленный культурный обмен наблюдался в это время как внутри Дагестана, так и между отдельными областями Кавказа. В Дагестан, например, попадают наконечники стрел закавказского типа, бусы урартского происхождения²⁹, изделия из сурьмы, имевшие широкое применение на всем Кавказе. Особенно тесно племена Дагестана были связаны с Восточным Закавказьем. Это объясняется единством их культурно-исторического развития. Тогда же устанавливаются и тесные культурные связи племен Кавказа со странами древнего Востока и народами юго-восточной Европы³⁰.

В близком соприкосновении племена равнинного Дагестана были со степным населением, в частности с народами Волго-Донского междуречья, известными под названием племен катакомбной культуры. Установлено, что племена катакомбной культуры, расцвет которой относится к середине II тысячелетия до н. э., широко пользовались кавказским металлом, а также изделиями из металла и камня³¹.

Как показали археологические исследования, часть племен катакомбной культуры, теснимых с востока другими, более сильными племенами, известными под названием племен срубной культуры, в середине II тысячелетия до н. э. начинает проникать на Северный Кавказ, в том числе и в равнинный Дагестан³². Этот степной этнический элемент в Дагестане быстро растворился в новой среде, о чем свидетельствует непрерывность развития культуры местных племен прикаспийской равнины. Однако следы пребывания здесь степного населения, следы катакомбной культуры

²⁶ Там же, стр. 43.

²⁷ В. И. Марков и н. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. «Материалы по археологии Дагестана», т. II (рукопись). Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилла АН СССР, д. 2620.

²⁸ А. А. Русов. Указ. соч., стр. 559—601; В. И. Кан и в е ц. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 159; А. П. К р у г л о в. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 32.

²⁹ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 18.

³⁰ Е. И. К р у п н о в. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 47.

³¹ А. И. И е с с е н. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 22—24.

³² Р. М. М у н ч а е в и К. Ф. С м и р н о в. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, СА, 26, 1956; «Очерки истории СССР». Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 144.

обнаруживаются в материалах ряда памятников этого периода. Особенно наглядно они прослеживаются на погребальных сооружениях, исследованных в равнинном Дагестане до революции³³ и в советское время³⁴.

Развитие производительных сил, рост скотоводства и земледелия, широкое освоение бронзы привели в дальнейшем к крупным изменениям в общественной жизни. Эти изменения наглядно иллюстрируют памятники эпохи поздней бронзы, или так называемой каякентско-хорочоевской культуры (конец II тысячелетия до н. э.)³⁵.

Социальный строй этой эпохи характеризуется расцветом патриархальных отношений.

В частности, существование больших патриархально-семейных общин и выделение отдельных семей прослеживается по характеру жилища. В этом отношении наглядный материал дает второе Сигитминское поселение на Сулаке. Здесь прослеживается, как по мере роста семьи и увеличения числа брачных пар к первоначальному основному сооружению пристраивались новые помещения³⁶.

Одновременно с этим намечается процесс обособления отдельных семей и образования семейной собственности, т. е. процесс имущественной дифференциации внутри рода.

Наметившееся уже в эту эпоху имущественное неравенство хорошо отражают погребальные памятники у сел. Миатли Казбековского района.

Некоторые миатлинские могилы представляют собой больше сооружения из каменной насыпи с проемом из массивных плит, внутри которого помещаются каменные пробилицы³⁷. Другие же захоронения того же Миатлинского погребального поля представлены обычными грунтовыми могилами, скромно прикрытыми каменной насыпью. В то время как в одних могилах покойники лежат без всякого инвентаря или с самым необходимым количеством вещей, в других они снабжены сравнительно богатым инвентарем, пищей в нескольких сосудах, украшениями и т. д. (Тарки)³⁸.

В более поздних могильниках каякентско-хорочоевской культуры погребения расположены отдельными семейными группами. Встречаются парные погребения мужчины и женщины, иногда с детьми. В мужских могилах обнаруживаются женские нагосные украшения³⁹, указывающие на обычай класть косу женщины в могилу мужа — обычай, сменяющий более ранний — убийство жены в случае смерти мужа.

Таким образом, уже в эпоху бронзы с ростом производительных сил устанавливаются развитые патриархальные отношения, намечается процесс обособления в составе рода отдельных семей и накопления семейной собственности.

Следующий этап разложения первобытно-общинного строя в Дагестане, развития имущественного неравенства и создания предпосылок для образования классов (I тысячелетие до н. э.) связан с появлением железа. «Железо, — указывает Ф. Энгельс, — сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств;

³³ А. А. Русов. Указ. соч.

³⁴ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

³⁵ Культура получила это название по названию с. Каякент (равнинный Дагестан) и с. Хорочой (Чечено-Ингушская АССР), где памятники этой культуры были обнаружены впервые. См. Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI, 1940.

³⁶ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 159.

³⁷ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г., стр. 213; его же. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 160.

³⁸ «Очерки истории Дагестана» т. I, стр. 19.

³⁹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 86.

оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостать ни один камень, ни один из известных тогда металлов»⁴⁰.

По археологическим данным железо в Дагестане появляется в начале I тысячелетия до н. э. Эпоха же широкого применения железных орудий в обиходе населения равнинного Дагестана относится к середине и последним столетиям I тысячелетия до н. э.⁴¹

Освоение железа и широкое применение железных орудий способствовали дальнейшему росту производительных сил, усилению хозяйственной дифференциации племен и развитию обмена внутри Дагестана и в пределах всего Закавказья и Северного Кавказа.

Через Закавказье племена Дагестана общались со странами древней цивилизации Передней Азии, а через Северный Кавказ — со скифо-сарматскими племенами, а также с населением Южного Приуралья, Сибири, Средней Азии и даже Китая⁴². В расширении торгового обмена с отдельными странами важную роль продолжал играть знаменитый Дербентский проход, известный многим народам еще в глубокой древности.

На рубеже нашей эры из Поволжья и Предкавказья в равнинный Дагестан проникают сарматские племена, которые оказывают значительное влияние на культуру и быт местных племен.

Как показали археологические исследования Е. И. Крупнова и К. Ф. Смирнова⁴³, типичные сарматские элементы появились в погребальном обряде местных племен и в некоторых других элементах их материальной культуры. Здесь так же, как у сарматских племен Нижнего Поволжья, в I в. до н. э. — II в. н. э. грунтовые могилы были узкими с расширением в головах. Умерший лежал на спине, кисть правой или левой руки покоилась на тазовых костях или на бедрах. Могила засыпалась углем или золой, толченым мелом. В целом ряде погребений были обнаружены предметы вооружения (длинный меч и черешковые наконечники стрел), украшения, керамика (миски с загнутым внутрь венчиком, кувшины, сосуды с зооморфными ручками) сарматского типа.

По мнению Е. И. Крупнова и Ф. К. Смирнова, наличие четких признаков сарматской культуры является не только результатом связей, существовавших между этими племенами. Они также допускают возможность проникновения отдельных сарматских этнических элементов в местную среду⁴⁴. К. Ф. Смирнов, например, склонен видеть в населении, оставившем Таркинский могильник, утидорсов (Плиний), в названии которых, очевидно, отразилось слияние названий живших в непосредственном соседстве местных племен: удино-витиев, упоминаемых Плинием⁴⁵ и Страбоном⁴⁶, и аорсов из сарматской конфедерации племен Северного Прикаспия⁴⁷.

⁴⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 168.

⁴¹ В. Р. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959, стр. 139—145; М. И. Пиккуль. Результаты арх. исследований 2-го горного отряда Даг. арх. экспедиции в 1956 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2312, т. II; е е же. Отчет о результатах археологических исследований в Дагестане в 1957 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2474; е е же. Памятники эпохи раннего железа близ Аркаса Буйнакского района, 1958. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2511.

⁴² Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению степного Дагестана. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 16.

⁴³ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр. 222—225; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки. Там же, стр. 257—272.

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Там же, стр. 224; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 271.

⁴⁵ Плиний. Естественная история, VI, 38, ВДИ, 1949, № 2, стр. 302.

⁴⁶ Страбон. География, XI, 7, 1. ВДИ, 1947, № 4, стр. 226.

⁴⁷ Плиний. Указ. соч., стр. 302; К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

Судя по археологическим данным, степень влияния сарматской культуры на культуру местных племен равнинного Дагестана была неодинаковой. Больше всего это влияние сказывалось на культуре той части племен равнинного Дагестана, которая расселилась с севера до Тарки.

Однако культура племен равнинного Дагестана в целом развивалась на местной основе, сохраняя определенную преемственность и приобретая в то же время некоторые новые формы, являющиеся результатом как культурно-исторического развития местных племен, так и оживленных связей с сопредельными областями Кавказа и юго-восточной Европы.

С развитием производительных сил и обмена идет процесс дальнейшего распада первобытно-общинных отношений, выделения богатых и бедных общинников, развития имущественного неравенства в роде, а следовательно, и начала образования классов и создания предпосылок для возникновения раннефеодальных отношений.

Этот процесс особенно наглядно прослеживается по археологическим памятникам эпохи раннего средневековья.

2. V—XV вв.

Период средневековья на Кумыкской равнине и во всем Дагестане характеризуется интенсивным процессом возникновения раннефеодальных отношений.

Кумыкская равнина в течение всего средневековья была сравнительно густо населена. Так, например, только в районе Чирюрта на протяжении 15 км по течению р. Сулак обнаружено 15 средневековых поселений⁴⁸.

Военно-политическая обстановка эпохи, связанная с постоянной опасностью нападения извне, обусловила характер большинства поселений; вокруг них возводились различные укрепления, мощные оборонительные стены с башнями, земляные валы и т. д.

Основными занятиями населения по-прежнему являлись земледелие и скотоводство. Складывается и постепенно отделяется от сельского хозяйства ремесленное производство. Вместе с этим укрепляются и расширяются торговые связи с соседними областями Кавказа, юго-восточной Европы, Передней Азии.

Ведущая роль земледелия в хозяйстве документируется многочисленными археологическими материалами и свидетельствами письменных источников. При раскопках раннесредневековых поселений обычными являются находки жерновов ручных мельниц, железных серпов, остатков злаковых культур (пшеницы, ячменя, проса), специальных ям и крупных сосудов-хумов для хранения зерна и т. д.⁴⁹ В те времена уже применялся плуг с использованием тягловой силы, что, по-видимому, и обусловило возделывание земли в больших масштабах, о чем сообщают арабские источники⁵⁰.

Большую роль продолжает играть скотоводство. Как и прежде, разводили крупный и мелкий рогатый скот, причем основное внимание уделя-

⁴⁸ В. И. Канывец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г., стр. 216.

⁴⁹ Н. Д. Путинцева. Поселения раннего средневековья на Сулаке. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2591, стр. 59—62; М. И. Пиккуль. Отчет о работе III Бабтугайского отряда Даг. археологической экспедиции за 1958 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2550, стр. 89—94; К. Ф. Смирнов. Отчет об археологических исследованиях в Дагестане в 1950 г. Фонды Дагмузея, стр. 38—39; его же. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г. Фонды Дагмузея, стр. 69—91.

⁵⁰ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Ал-Истахрий. СМОМПК, вып. 29, 1901, стр. 47; его же. Сведения арабских географов IX и X вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Ал-Мукаддасий. СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 5.

лось разведению крупного рогатого скота, среди которого появляется и буйвол⁵¹.

Серьезные сдвиги происходят и в области ремесленного производства. Как показывают археологические данные и письменные источники, на территории Кумыкской равнины высокого уровня достигли в ту эпоху металлообрабатывающее и ювелирное производство, ткачество, гончарное производство.

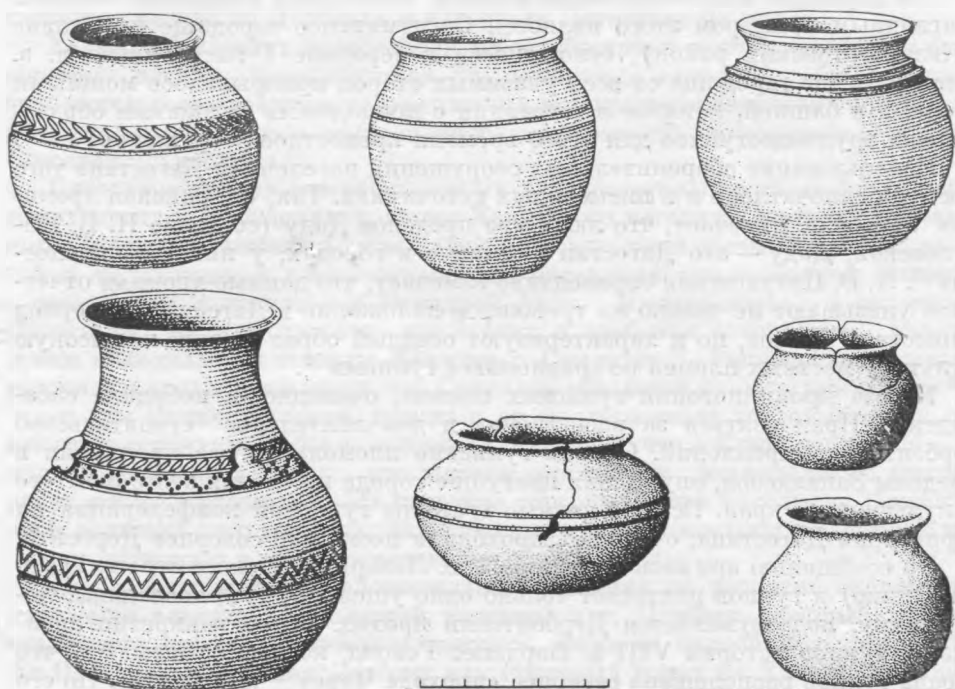

Рис. 2. Сосуды из раннесредневекового Верхнечирюртовского могильника

Прикаспийская полоса Дагестана была важнейшим торговым трактом, связывавшим страны Восточной Европы с Закавказьем и Передней Азией, и население Кумыкской равнины было очень рано втянуто в международный обмен.

Население Дагестана, особенно его равнинной части, на всем протяжении эпохи средневековья жило в обстановке постоянных вторжений кочевых племен и иноземных полчищ.

Одним из восточных племен, вторгшихся в 80-ых годах IV в. на территорию равнинного Дагестана, были гунны, двитавшиеся от северокитайских границ в Восточную Европу после поражения, нанесенного им китайцами⁵². Сравнительно быстро оправившись, гунны уже в конце IV — начале V в. создают большую конфедерацию племен на территории Восточной Европы. В эту конфедерацию, возглавляемую гуннами, входили разные в этническом отношении племена Восточной Европы, в том числе и племена приморского Дагестана, где пребывание гуннов прослеживается по письменным и археологическим источникам. С гуннами, в частности,

⁵¹ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 56.

⁵² Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен. «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1896, стр. 290; «Очерки истории СССР», III—IX вв. М., 1958, стр. 152.

связываются некоторые катакомбные погребения близ сел. Манас⁵³ и на Джемикентском поселении⁵⁴.

Проникновение, вернее нашествие, гуннских племен на территорию Дагестана, как и повсюду, сопровождалось борьбой местных племен против кочевых орд, нарушавших равновесное развитие местных производительных сил и тормозивших становление раннефеодальных производственных отношений.

Не случайно поселения этого периода обносились мощными стенами. Наглядным примером этого является Сигитминское городище на Сулаке (Кизыльюртовский район), относящееся к середине I тысячелетия н. э. Сигитминское городище со всех уязвимых сторон прикрывалось мощными стенами и башней, которые в сочетании с природными условиями образовывали труднодоступное для этого времени крепостное сооружение⁵⁵.

Использование оборонительных сооружений населением Дагестана того времени запечатлено и в письменных источниках. Так, «Сирийская хроника» VI в. н. э. отмечает, что люди «из пределов Даду (согласно Н. В. Пигулевской, Даду — это Дагестан⁵⁶) живут в городах, у них есть крепости»⁵⁷. Н. В. Пигулевская справедливо замечает, что данные хроники отчетливо указывают не только на тревожное положение в Дагестане в период нашествия гуннов, но и характеризуют оседлый образ жизни и высокую культуру местных племен по сравнению с гуннами⁵⁸.

Угроза проникновения гуннских племен, очевидно, и побудила сасанидский Иран взяться за расширение и дополнительное строительство дербентских укреплений. Однако гуннские племена не раз проникали в пределы Закавказья, опустошая цветущие города и селения этого богатого и культурного края. Все же южные границы гуннской конфедерации на территории Дагестана, очевидно, проходили несколько севернее Дербента.

По сообщению армянского автора V в. Лазаря Фарбского страну агван (Албанию) и гуннов разделяет только одно ущелье⁵⁹. Под последним, по-видимому, подразумевается Дербентский проход. Более конкретно локализует гуннов историк VIII в. Вардапет Гевонд, который указывает, что страна гуннов расположена севернее «прохода Чора»⁶⁰ (Дербента). По его же сообщению, путь хазарского войска в Армению проходил «через землю гуннов и через проход Джарский (Чора, Чога.—С. Г.) по земле маскутов»⁶¹, расположенной южнее Дербента.

Таким образом, под страной гуннов, как правильно отмечает М. И. Артамонов⁶², письменные источники подразумевали северный Дагестан, который вплоть до Прикаспийского прохода, т. е. Дербента, находился в сфере политического влияния гуннского союза племен.

Вхождение населения северокавказских степей в гуннскую конфедерацию не прошло бесследно в истории народов этого края. Тюркоязычные племена этой конфедерации, и в первую очередь болгарские племена, на наш взгляд, сыграли определенную роль в этногенезе современных

⁵³ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г., стр. 15—16.

⁵⁴ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. V, стр. 67.

⁵⁵ К. А. Бредя. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагфилтала АН СССР, посвященной археологии Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 23.

⁵⁶ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 82.

⁵⁷ Там же, стр. 82—83.

⁵⁸ Там же, стр. 83.

⁵⁹ Там же, стр. 46.

⁶⁰ «История халифов Вардапета Гевонда» (перевод с арм.). СПб., 1862, стр. 28.

⁶¹ Там же, стр. 72.

⁶² М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937, стр. 90.

тюркоязычных народов Северного Кавказа: кумыков, балкарцев, карачаевцев. Вполне возможно, что с этого момента и началась тюркизация местных племен равнинного Дагестана.

Значительно полнее наши сведения о последующем периоде (VII—X вв.) истории Кумыкской равнины, когда она входила в состав другого раннефеодального политического объединения — Хазарского каганата.

Достигнув в VIII в. значительного могущества, Хазарское государство распространяет свое влияние на огромную территорию от нижневолжских степей на севере до Дербента и нагорного Дагестана на юге⁶³.

Хазарский каганат представлял собой обширный конгломерат, или федерацию племен, находившихся на различных ступенях общественно-экономического развития, «сохранивших в неприкосновенности свою внутреннюю организацию и даже значительную степень внешнеполитической самостоятельности...»⁶⁴.

Благодаря своему географическому расположению на важнейших торговых путях и вхождению в состав Хазарского каганата, племена равнинного Дагестана оказались втянутыми в орбиту оживленных торговых связей и политических взаимоотношений населения юго-восточной Европы с населением Закавказья и Передней Азии. Именно здесь, в северном Дагестане, по свидетельству армянских и арабских источников, долгое время находилась и столица Хазарии г. Семендер⁶⁵. Раннесредневековые источники прямо указывают, что Семендер «большой приморский город»⁶⁶, что в нем имеются рынки, купцы и он поддерживает торговые связи со многими странами. Табари, например, отмечает, что в Семендере производились шерстяные ткани, что жители его «имели значительные суммы денег, рабов и рабынь»⁶⁷. На широкие торговые связи населения Приморской равнины того периода, на роль ширвозных и местных изделий в их жизни указывает и археологический материал⁶⁸.

Не мог не оказать положительного влияния на развитие экономики населения соседней Кумыкской равнины и г. Дербент, который в X в. становится крупным торговым центром. Историк первой половины X в. Ал-Истахрий, описывая Дербент как портовый город на Хазарском море, отмечал, что «к нему стекаются хазары, сериры, пензаны, хайзаны (очевидно, кайтаки.— С. Г.), курджи (грузины.— С. Г.), рукланы, зерикераны (кубачинцы.— С. Г.) и гумик с севера, а также появляются туда люди из Джурджана, Табаристана, Дейлема и Джиля»⁶⁹. В течение примерно 150 лет, до перенесения столицы Хазарского каганата из Семендера в Итиль в VIII в., территория северо-восточного Дагестана представляла собой центральный район каганата, с которым были связаны как внутренние, так и важнейшие внешнеполитические мероприятия хазар.

В эпоху Хазарского каганата наличие крупных торгово-ремесленных центров и постоянные связи с населением юго-восточной Европы, Закавказья и Передней Азии обусловили сравнительно быстрое развитие материальной культуры и более интенсивный процесс установления классовых отношений у местных племен северного Дагестана.

⁶³ «Очерки истории СССР», III—IX вв. М., 1958, стр. 701.

⁶⁴ Там же, стр. 699.

⁶⁵ Д о р н. Известия о хазарах восточного историка Табари. «Журн. Министерства народного просвещения», 1844, 43, отд. II, стр. 87; Н. А. К а р а у л о в. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане, Масуди, стр. 55; е г о ж е. Сведения арабских географов IX и X вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербейджане, ял. 43, 118.

⁶⁶ Н. А. К а р а у л о в. Сведения арабских географов..., стр. 5.

⁶⁷ П. С. С а в е л ь е в. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. IX.

⁶⁸ К. Ф. С м и р н о в. Агачкалийский могильник-памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. 38, 1951, стр. 113—119.

⁶⁹ Н. А. К а р а у л о в. Сведения арабских писателей..., стр. 15.

Так, археологические исследования Агачкалинского могильника и поселения (VIII—X вв.), расположенных в предгорном Дагестане (близ г. Буйнакса), свидетельствуют о социальном расслоении общества, о довольно развитом ремесленном производстве и оживленных торговых связях как с югом, так и с севером⁷⁰.

Большое количество предметов вооружения в погребениях Агачкалинского могильника⁷¹ свидетельствует о постоянной опасности нападения извне. Об этом же свидетельствует и целый ряд поселений этого времени к северу от Дербента, обнесенных мощными укреплениями⁷².

Мы уже отметили выше, что в период раннего средневековья в Дагестане складывались феодальные отношения. Одним из раннесредневековых политических образований было царство Джидан, расположенное севернее Дербента и подвластное хазарскому кагану. Известно, что земля в Хазарии была закреплена за аристократией. Народ отправлял определенные подати и повинности в пользу привилегированной верхушки. Власть этой аристократии над зависимым трудовым населением еще была завуалирована патриархально-родовыми отношениями. Тарханы не облагались оброком и владели землями и людьми как наследственные родовые вожди или лица, пожалованные более крупным феодальным владельцем. Существовала обычная система вассалитета⁷³. По выражению Ибн-Русте, царь возлагал «на зажиточных и богатых обязанность поставлять всадников, сколько могут, сообразно их имущественному положению и состоянию источников их доходов»⁷⁴.

Как сообщают восточные авторы, в Хазарии, в частности и в Семендере, имело место и рабство, но оно не получило большого развития.

Восточные историки X—XI вв. называют и такие политические образования в пределах Дагестана, как Серир, Гумик, Филан, Ихран, Зерихгерап, Табасаран. Автор «Дербент-наме» считает, что владение Ихрав (оно же Гюльбаг) объединяло территорию от Сулака до Дербента⁷⁵, куда входила и основная часть Кумыкской равнины.

О жизни населения Кумыкской равнины после распада царства Джидан, о раннефеодальных образованиях на данной территории в XI—начале XIII в. мы располагаем очень скудными материалами. Это, очевидно, объясняется тем, что эта территория постоянно подвергалась нашествию кочевых племен и находилась то в сфере политического влияния Дешт-и-кыпчака, то в составе Золотой Орды.

В XIII—XV вв. в Дагестане возникают сравнительно крупные государственные образования, о границах и этническом составе которых можно говорить уже более или менее определенно. Такими образованиями были, в частности, Аварское ханство (центр Танус), Казикумухское шамхальство (центр Кумух), Кайтагское удийство (центр Кала-Корейш), Табасаранское майсумство (центр Зиль) и др.

Что касается кумыков, то имеются основания утверждать, что они в этот период вместе с лакцами входили в Казикумухское шамхальство, являвшееся в тот период наиболее крупным феодальным политическим образованием на территории Дагестана.

Возвращаясь к характеристике общей политической обстановки, отметим, что угроза нашествия арабов с юга и стремление их укрепиться в

⁷⁰ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник-памятник хазарской культуры Дагестана.

⁷¹ Там же, стр. 113—115; Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд раннесредневекового Дагестана как исторический источник. КСИИМК, вып. 46.

⁷² «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 699—700.

⁷³ «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 720.

⁷⁴ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. У Ибн-Русте. СМОПЖ, вып. 32, 1903, л. 45.

⁷⁵ «Тарихи Дербен-наме», Тифлис, 1898, стр. 47.

районе важной торговой магистрали сделали необходимым перенесение столицы хазар с территории равнинного Дагестана в Итиль. Однако и в последующий период, т. е. до середины X в., северный Дагестан продолжает играть видную роль в системе Хазарского каганата. После перенесения столицы каганата Семендер становится столицей царства Джидан, называемого иногда «царством гуннов», подвластного хазарскому кагану.

«Жители Баб-валь-Абваба,— пишет арабский историк первой половины X в. Масуди,— терпят неприятности от соседства царства, называемого Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер»⁷⁶. Джидан, по мнению Масуди, «самое могущественное царство из всех царств, находящихся в этих странах»⁷⁷.

Через царство Джидан и Хазарский каганат племена северного Дагестана оказались втянутыми в сферу значительных военно-политических столкновений с сасанидской Персией, Византией и арабами, которые происходили почти на всем протяжении I тысячелетия н. э.

Появление на Северном Кавказе таких крупных военно-политических объединений, как гуннская конфедерация племен, а затем Хазарский каганат, не могло не тревожить Персию и Византию, имевших территориальную и политическую заинтересованность в Закавказье и в Причерноморье. Неоднократные вторжения гуннских племен в Закавказье и налицо постоянные угрозы с их стороны вынуждают Персию принять ряд мер, направленных на укрепление северокавказских границ.

Византийские императоры также стремились держать хазар в орбите своей политики, использовать их против Ирана в Закавказье. В 625 г., например, между хазарами и византийским императором было заключено военное соглашение⁷⁸.

Еще больше усилий прилагали византийские императоры, стараясь натравить хазар на арабов. Они стремились одновременно оградить Византию от нападения арабов и обрести в лице хазар мощного союзника.

От длительных арабо-хазарских войн и последующих нашествий арабов больше всего страдали местные племена и народы Закавказья и Дагестана.

Арабы, завоевав Срию, Месопотамию и окончательно разбив армию сасанидской Персии, в 40-х годах VII в. устремились в пределы Закавказья. С середины VII в. арабы предпринимали походы и на Дагестан через Дербентский проход. Однако крупные действия арабов, направленные на захват Дагестана, в частности приморской его части, начинаются лишь в начале VIII в.⁷⁹ В 722 г. арабские войска, разгромив хазар, вступивших в Ширван, ворвались в Дагестан. К 30-м годам VIII в. относятся опустошительные походы арабов. Разбив хазар в приморском Дагестане, сея по пути смерть, сжигая села и города, арабы продвигались в глубь страны — в Кайтаг, Гумик, Табасаран и т. д. Все население, по территории которого проходили завоеватели, было обложено непосильными налогами⁸⁰. Известно, например, что один из арабских полководцев обязал владетеля Серира «поставлять наместнику халифа ежегодно 1500 юношей и 500 девиц... и привозить в зернохранилище Баба сто тысяч мер зерна». Население Тумана обязано было «доставлять ежегодно 150 девиц и 50 юношей... и двадцать тысяч мер в зернохранилище»⁸¹ и т. д.

Арабы превратили равнинный Дагестан в арену военных столкновений с хазарами. Описывая один из походов арабов в районы севернее Дербен-

⁷⁶ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов..., стр. 43.

⁷⁷ Там же, стр. 51.

⁷⁸ Мойсей Каганкатвацци. История агван (перевод с арм.), СПб., 1861, стр. 111; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 54—55.

⁷⁹ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 51.

⁸⁰ Там же, стр. 54.

⁸¹ Б е л а д з о р и. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 18.

та, Табари указывает, что Джеррах отправил сюда войско из 20 тыс. человек с заданием вести войну и опустошать территорию. На следующий день войско это возвратилось «с десятью тысячами баранов и овец и с тремя тысячами невольников»⁸².

Однако арабским завоевателям не удалось укрепиться в Дагестане. Народы Дагестана оказывали завоевателям упорное сопротивление, всячески отстаивая свою независимость.

Академик В. В. Бартольд справедливо отмечал, что даже в X в., спустя два с половиной столетия, Дагестан не стал в результате походов арабов мусульманской областью и граница мусульманского мира проходила в трех арабских милях, т. е. в шести верстах от Дербента⁸³.

Вполне обосновано и указание В. В. Бартольда об относительно медленном распространении ислама среди народов Дагестана⁸⁴. В. В. Бартольд отмечал, что не все народности, в том числе и жившие поблизости от Дербента, были мусульманами даже в конце XIV в., в период похода Тимура⁸⁵.

Арабам не удалось установить своего политического господства в Дагестане. Пограничным их пунктом на севере был Дербент.

И в послехазарский период территория Северного Кавказа и равнинного Дагестана еще долгое время являлась ареной нашествий восточных племен, сыгравших определенную роль в завершении процесса тюркизации некоторых местных народов.

Во второй половине X в. на северокавказские и южнорусские степи вновь нахлынули тюркские племена — печенеги, торки, берендеи, а вслед за ними в XI в. — половецко-кыпчакские племена (куманы, кимаки и др.), оставившие большой след в языке кумыков, карачаев и балкарцев. И наконец, в XIII в. на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, появляются татаро-монгольские орды.

Мы располагаем лишь отрывочными сведениями по истории северокавказских кыпчаков-половцев, особенно об их пребывании в равнинном Дагестане. Некоторые весьма ценные материалы о кыпчаках на Северном Кавказе содержатся в русских⁸⁶ и особенно грузинских летописях XI—XIII вв.⁸⁷ Появление кыпчаков на Северном Кавказе грузинские источники относят к началу XII в., к тому периоду, когда Дешт-и-кыпчак⁸⁸ начинает играть важную роль в Восточной Европе.

Народы Северного Кавказа, на территорию которых нахлынули кыпчакские орды, несомненно оказывали им сопротивление. Имеются сведения о враждебных отношениях между аланами-осетинами и кыпчаками. Известен, например, факт вмешательства грузинского царя Давида Строителя (1089—1125)⁸⁹ в установление мира между аланами и кыпчаками.

⁸² Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари, стр. 21—22.

⁸³ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 28—29.

⁸⁴ По этому вопросу см. А. Р. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама. «Уч. зап. ИИЯЛ», вып. 3, 1957, стр. 54—76.

⁸⁵ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 25—29.

⁸⁶ «Полное собрание русских летописей», т. I—II.

⁸⁷ Б. А. Алборов. Осетинские сказания о Созрыко и Гумском человеке. «Уч. зап. Северо-Осетинского пед. института», т. XXIII, вып. III, серия филологич. наук, Орджоникидзе, 1958, стр. 108—122; З. В. Анчабадзе. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июля 1959 г.). Нальчик, 1960, стр. 113—126.

⁸⁸ «Дешт-и-кыпчак» назывались южнорусские степи, занятые кыпчаками в XI—XIII вв. Н. Аристов. О земле половецкой. Киев, 1847; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

⁸⁹ «Очерки истории СССР», IX—XIII вв. М., 1953, стр. 565; З. В. Анчабадзе. Указ. соч.; Б. А. Алборов. Указ. соч.

Аланы, кыпчаки и другие племена, жившие к юго-западу от устья Волги, т. е. севернее Дагестана, совершали набеги и завоевательные походы на мусульманские области. Как отмечает В. В. Бартольд, «в XII в. мусульмане на некоторое время лишились Дербента и даже некоторых областей к югу от него»⁹⁰.

Хотя источники прямо не указывают на проникновение кыпчаков в равнинный Дагестан, все же их пребывание здесь не подлежит сомнению. Материальными памятниками кыпчаков в плоскостном Дагестане являются каменные изваяния (бабы), типичные для кыпчаков, обнаруженные в разное время около г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) и в Каякентском районе⁹¹. Известно, например, что в начале XIII в. монголы, пройдя Дагестанские ворота со стороны Азербайджана, встретили в районе равнинного Дагестана кыпчаков. Этот факт, очевидно, и имеет в виду арабский историк XIII в. Ибн-эль-Асир, который пишет: «Прошедши Дербент Ширванский, они (монголы.—С. Г.) шли этими областями (т. е. через равнинный и предгорный Дагестан.—С. Г.), а в них были многочисленные племена, в том числе аланы, лезгины и несколько *тюркских племен*»⁹² (подчеркнуто нами.—С. Г.).

Вполне возможно, что проникновение кыпчаков в равнинный Дагестан усилилось после поражения, нанесенного монголами русским и половцам на р. Калке в 1223 г. Академик В. В. Бартольд, например, отмечает, что отряд кыпчаков, «разбитый монголами, подошел к Дербенту и вступил в сношения с владельцем Дербента, прося помощи, а когда тот отказал, кыпчаки захватили Дербент силой»⁹³.

О длительном пребывании кыпчаков в районе северного Дагестана свидетельствует и язык кумыков, который относится именно к кыпчакской группе тюркских языков.

Говоря о прошлых кочевых племенах (гунагах, хазарах, кыпчаках и др.), следует отметить, что ко времени их появления здесь аборигены равнинного Дагестана уже имели многовековую самобытную культуру. Несмотря на тяжелые разрушения, производимые кочевыми ордами, хозяйственная жизнь населения края продолжала развиваться. Феодализирующиеся кочевые племена со своей примитивной культурой, сталкиваясь с аборигенами, многое заимствовали у них, включались в их хозяйственную жизнь, постепенно переходили на оседлость, начинали заниматься земледелием.

Вслед за кыпчаками в начале XIII в. в Дагестан вторгаются татаро-монгольские полчища; это вторжение явилось одним из самых тяжелых событий в истории народов Дагестана. Татаро-монгольские полчища шли на Дагестан с юга через Азербайджан и Дербентский проход. От нашествия монголов более всего страдало население плохо защищенной равнинной части. Как об этом свидетельствуют многочисленные предания и легенды, сохранившиеся в народной памяти, жители равнинного Дагестана, чтобы спастись от врага, переселялись в горные, труднодоступные места.

Судя по письменным источникам, равнинный Дагестан до самого Дербента на юге входил в состав Золотой Орды⁹⁴.

⁹⁰ В. В. Бартольд. Кавказ, Туркестан, Волга. «Изв. Кавказского историко-археол. ин-та в Тифлисе», т. IV, 1926, стр. 7.

⁹¹ «Кавказ», № 56, 1859; Д. Атаев. Каменная баба. «Дагестанская правда», 9 октября, 1960 г.

⁹² «Выписки из Ибн-эль-Асира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220 по 1224 гг.» — «Уч. зап. Императорской Академии наук по I и III отделениям», т. 2, СПб., 1854, стр. 659.

⁹³ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 60.

⁹⁴ Б. Д. Греков, А. П. Якубовский. Указ. соч., стр. 58—60; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 121, 151—153, 277, 307.

Плано Карпини, проезжавший через Дешт-и-кыпчак в Монголию в 1240 г., перечисляя земли и народы, подчиненные монголам, называет среди них комуков⁹⁵, под которыми, очевидно, подразумевались племена равнинного Дагестана (кумыки), входившие в Дешт-и-кыпчак. Что же касается горного Дагестана, то он, очевидно, не был полностью покорен монголами. Французский посол в Золотую Орду (1250 г.) Вильгельм Рубрук, в частности, отмечал, что «лезги не подчинены татарам»⁹⁶.

Отсутствие сведений о равнинном северном Дагестане в период владычества монголов мы также склонны объяснить тем, что равнинный Дагестан в этот период был уже известен как часть Кыпчаккии, потерял свое собственное название или название местных племен и вместе с Кыпчакией был включен сравнительно рано в состав Монгольской империи. Недаром и Дербент некоторые персидские источники называют «Дербент кыпчакский»⁹⁷, безусловно имея в виду и территорию Северного Дербента.

Не менее опустошительными для Дагестана были и походы Тимура, начавшиеся в конце XIV в. (1395 г.). Кровавопролитные бои происходили у селений Башли⁹⁸, Тарки, Доргели, Капчугай, Кадар, на Тереке⁹⁹.

Описывая поход Тимура на Дешт-и-кыпчак и военные действия, происходившие между ним и Тохтамышем в равнинном Дагестане, в частности у кумыкского сел. Тарки, персидский историк XIV в. Хамдаллах Казвини отмечает: «Тимур омочил степь и равнину кровью»¹⁰⁰. «Тимур направил силу и могущество на истребление их (жителей непокорных аулов Дагестана.— С. Г.) и отдал приказание уничтожить их... Одолели всех неверных.. и ограбили все их добро и имущество, малое и большое, простое и драгоценное... Укрепления Мика, Балу и Деркалу¹⁰¹ они также взяли силой, сравняли с землей и предали грабежу все, что там было»,— сообщает в своей «Книге побед» персидский историк первой половины XV в. Шереф-ад-дин Али Йезди¹⁰², описывая опустошительные походы завоевателей в разные части Дагестана. Походы монголов и Тимура сопровождалась насильственным насаждением ислама среди народов Дагестана, которые, как сообщают источники, были «отчасти и мусульмане, отчасти неверные»¹⁰³. Память об этих походах Тимура сохранилась на Кумыкской равнине и до наших дней. Об этом свидетельствуют устные народные предания¹⁰⁴ и многие данные топонимики. Таковы, например, Темир-хан-гёбе (холм Тимура) на территории современного Каякентского района, Темир-Кюю (колодец Тимура) на территории Кизылютовского района, Темир-олтургъан (стоянка Тимура) у сел. Эндирей-аул Хасавюртовского района, Темир-Хая-Шура (озеро Тимура).

Какова же была политика золотоордынских ханов и Тимура по отношению к дагестанским феодальным владетелям, оказавшимся под их властью? Об этом, к сожалению, мы имеем лишь очень отрывочные сведения. Несомненно, однако, что Дагестан не составлял исключения. Местные

⁹⁵ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 57.

⁹⁶ Там же, стр. 111; название «лезги» (лезгины) означало, очевидно, разноплеменное население Дагестана.

⁹⁷ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 31.

⁹⁸ Это место до сих пор называется Темир-хан-гёбе (холм хана Тимура).

⁹⁹ См. «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 70—71; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 119, 124, 175; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 64—65.

¹⁰⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 119.

¹⁰¹ Кумыкский аул Доргели (Ленинский район).

¹⁰² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 186—187.

¹⁰³ Там же, т. I, стр. 3, 25.

¹⁰⁴ Например, легенда о «каменном мальчике». См. «Внеклассное чтение для русских школ», ч. 1. М., 1950, стр. 17—18.

феодалыне владетели здесь, так же как и в других покоренных татарами областях, оставались на своих местах, попадая в вассальную зависимость от золотоордынских ханов. Хотя господство татаро-монгольских завоевателей весьма тяжело отразилось на общественно-экономическом и культурном развитии населения Кумыкской равнины, все же здесь продолжали развиваться феодальные отношения. Закрепив за собой верховную власть в Дагестане, в частности в Кумыкии, монгольские ханы и Тимур распоряжались землей, награждали ею покорных себе местных владетелей, утверждали за ними области и выдавали соответствующие ярлыки. Так, например, Тимур после покорения жителей гор утвердил за отдельными представителями феодальной Аварии и Лаикии «область, дав им ярлыки»¹⁰⁵. Сохранилось предание и о том, что тот же Тимур наградил землей в районе современного Карабудахкента и Губдена одного из кумыкских эмиров (беков) по имени Губден, который пришел к нему с выражением покорности¹⁰⁶.

За все это феодалы Дагестана должны были служить завоевателям и собирать их в пользу дань с подвластного населения¹⁰⁷.

3. ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА КУМЫКОВ

Проблема происхождения кумыков, как и проблема этногенеза других народов Дагестана, относится к числу наименее освещенных и исключительно трудных. До сего времени мы не имеем ни одного научного труда, который мог бы претендовать на всестороннюю разработку данного вопроса.

Происхождением народов Дагестана, в том числе и кумыков, интересовались, однако, многие дореволюционные и советские исследователи. Ряд авторов XIX в. (И. Клапрот, С. М. Броневский, М. Б. Лобанов-Ростовский, А.-К. Бакиханов, Д.-М. Шихалиев, Н. Ф. Дубрович, А. Вамбери, А. В. Комаров, Н. С. Семенов) наряду с другими этнографическими вопросами изучали и этногенез кумыков. По этому же вопросу высказывались в своих работах и некоторые советские ученые, в частности Б. Чобан-заде, Э. Ш. Навширванов, С. А. Токарев, Р. М. Магомедов, А. И. Тамай и др.¹⁰⁸ В последнее время появилась статья Я. А. Федорова «К вопросу об этногенезе кумыков» — еще один шаг в разработке проблемы происхождения кумыков¹⁰⁹.

По характеру выдвигаемых гипотез можно разделить исследователей на две группы. Одни из них (И. Клапрот¹¹⁰, С. М. Броневский¹¹¹, А. В. Комаров¹¹², А. Вамбери¹¹³ и некоторые другие) придерживаются миграционной теории. Однако они расходятся в вопросе о времени заселения кумыками занимаемой ими ныне территории. И. Клапрот, например, считает кумыков остатками хазар¹¹⁴. А. Вамбери, как и И. Клапрот, считает кумыков

¹⁰⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 186.

¹⁰⁶ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, стр. 65

¹⁰⁷ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII — начале XIX в. Махачкала, 1959, стр. 260.

¹⁰⁸ Об антропологическом изучении кумыков см. ниже.

¹⁰⁹ Я. А. Федоров. К вопросу об этногенезе кумыков. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, вып. 1, 1959, стр. 104—116.

¹¹⁰ I. Klaproth. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814, S. 24—25.

¹¹¹ С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 190—191.

¹¹² А. Комаров. Население Дагестанской области. «Зап. русского географ. об-ва по Кавказскому отделению», 1873, кн. VIII, стр. 22.

¹¹³ H. Vambergy. Das Türkenvolk. Leipzig, 1885, S. 146. 557—560.

¹¹⁴ I. Klaproth. Указ. соч.

мыков потомками хазар или народом, проникшим сюда в период расцвета Хазарского государства — в VIII в.; но вместе с тем А. Вамбери полагает, что эти пришлые племена, в частности хазары, при проликовении в Дагестан слились с более древним населением приморского Дагестана, т. е. допускает наличие в кумыках дохазарского ядра¹¹⁵. Что касается С. М. Броневского, А. В. Комарова, Б. Чобан-заде и некоторых других авторов, то они связывают происхождение кумыков с Дешт-и-кыпчаком, приурочивая их приход на нынешнюю территорию к XII—XIII вв.¹¹⁶ «Основываясь на языке кумыков, — утверждает Б. Чобан-заде, — никак нельзя согласиться с предположением, что эти тюрки занимают Дагестанское плоскогорье и побережье Каспийского моря со времен хазар (т. е. приблизительно с VIII в. хр. эры). Наоборот, на основании тех же данных (речь идет о лексике. — С. Г.) можно утверждать, что кумыки не что иное, как оторвавшаяся часть балкаро-карачаевских и северокрымских тюрков»¹¹⁷. Этой же миграционной теории придерживались и антропологи И. И. Пантюхов¹¹⁸, П. Ф. Сви́дерский¹¹⁹ и Р. Эркерт¹²⁰, отмечавшие у кумыков значительную монголоидную примесь.

Большинство же авторов, писавших о кумыках, в частности М. Б. Лобанов-Ростовский¹²¹, Д.-М. Шихалиев¹²², П. Ф. Дубровин¹²³, Н. С. Семенов¹²⁴, С. А. Токарев¹²⁵, Р. Магомедов¹²⁶, А. И. Тамай¹²⁷, Я. А. Федоров¹²⁸, Г. Ф. Дебед¹²⁹, Н. Н. Миклашевская¹³⁰ и другие рассматривают кумыков как автохтонное население Дагестана.

В результате анализа данных истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики мы также пришли к выводу, что кумыки в своей основе являются аборигенами Дагестана¹³¹. При этом мы не отрицаем и значительной роли пришлых тюркоязычных племен в их формировании и тюркизации.

Известно, что равнинный Дагестан, где происходил процесс формирования кумыкской народности, был заселен с древнейших времен. Многочисленные памятники материальной культуры, относящиеся к самым различным историко-культурным эпохам, начиная с палеолита и до средневековья, неоспоримо доказывают непрерывность исторического развития общества на этой территории. Данные археологии убедительно показывают, что культура племен равнинного Дагестана развивалась на местной основе, сохраняя определенную преемственность. При проникновении извне ираноязычных (сарматы) или особенно тюркоязычных племенных

¹¹⁵ Н. Вамбери. Указ. соч., стр. 558—560.

¹¹⁶ С. М. Броневский. Указ. соч., стр. 191; А. Комаров. Указ. соч., стр. 22.

¹¹⁷ Б. Чобан-заде. Предварительное сообщение о кумыкском наречии. «Изв. об-ва обследоваша Азербайджана», № 1. Баку, 1925, стр. 39.

¹¹⁸ И. И. Пантюхов. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895.

¹¹⁹ П. Ф. Сви́дерский. Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки. СПб., 1898, № 8.

¹²⁰ R. Erckert. Der Kaukasus und seine Völker. Kумыken, 1888.

¹²¹ См. «Кумыки, их нравы, обычаи и законы». — «Кавказ», 1846. № 37—38.

¹²² Д. М. Шихалиев. Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ», 1848. № 39—44.

¹²³ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб., 1871, стр. 621.

¹²⁴ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 236—241.

¹²⁵ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 228—229.

¹²⁶ Р. М. Магомедов. О происхождении кумыков. Газ. «Ленин-бду», № 43 от 7 апреля 1959 г.

¹²⁷ А. И. Тамай. Кумык-туз. Рук. фонд НИЯЛ, д. 2331, стр. 51—59.

¹²⁸ Я. А. Федоров. Указ. соч., стр. 104, 116.

¹²⁹ Г. Ф. Дебед. Антропологические исследования в Дагестане. «Антропологический сборник» вып. 1. М., 1956, стр. 204—2037.

¹³⁰ Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. КСИЭ, вып. XIX, 1953, стр. 68—73.

¹³¹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 126.

групп и их скрещивании с местным населением, как это видно из материалов раскопок, почти всегда местные признаки одерживали победу над привнесенными.

Рассматривая материальную культуру кумыков, нетрудно убедиться, что многие ее современные формы генетически восходят к древним образцам (типы хозяйства, жилищ и т. д.). Это свидетельствует о том, что многовековая культура кумыков является результатом непрерывного развития местной оседлой культуры. Однако мы располагаем очень скудными сведениями письменных источников о племенах — носителях древних культур равнинного Дагестана. Это, очевидно, объясняется тем, что данная территория, начиная с рубежа нашей эры, становится ареной нашествия различных кочевых племенных объединений, которые, установив свое господство, навязывали абorigенам и свое имя.

Самые ранние упоминания о племенах, населявших Дагестан, встречаются у Страбона — историка I в. н. э.¹³² В его «Географии» севернее албанов, вернее между албанами и амазонками, указаны гелы и леги. Исследователи полагают, что под этнонимом «леги» подразумеваются горные племена Дагестана (леки, лезги)¹³³. Относительно же «гелов» (гелы, hali) никаких суждений нет. Из сообщений древних авторов ясно только, что эти племена жили рядом с лезгами, по всей вероятности севернее их, занимая значительную территорию, вплоть до чечено-ингушских гор¹³⁴, т. е. заселяли равнинный и предгорный Дагестан, где в настоящее время в основном проживают даргинцы и кумыки.

На данной территории пока что не выявлено следов пребывания гелов. Однако обращает на себя внимание внешнее сходство между древним племенным названием «гелы» и наименованиями современных кумыкских селений Гели и Доргели (Ленинский район). Предполагая наличие между ними определенной связи, мы ставим вопрос: не оставили ли гелы — большое древнее племя Дагестана — след в топонимике и названиях, этимологическое значение которых можно объяснить с помощью даргинского языка.

В равнинном Дагестане на побережье Каспийского моря, по-видимому, жили и удины¹³⁵ — племена, известные еще Страбону под именем «вити-ев»¹³⁶, Плинию — удинов¹³⁷ и Птолемею — удов¹³⁸. Плиний локализует древних удинов севернее албанов. По его сообщению, «выше приморских... владений «албанов» и племени удинов простираются земли сарматов, утидорсов»¹³⁹, основной территорией которых на рубеже нашей эры были северокавказские и задонские степи.

Изучение памятников этой эпохи (Карабудахкентский, Таркинский могильник и др.) показывает, что материальная культура здесь сложилась в результате симбиоза местной албанской, по-видимому, связанной с удины, с привнесенной сарматской культурой. По мнению Е. И. Крупнова¹⁴⁰

¹³² В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Страбон. ВДИ, 1947, № 4, стр. 222, 226.

¹³³ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 23.

¹³⁴ Говоря «до чечено-ингушских гор», мы имеем в виду указания древних авторов относительно соседства легендарных амазонок с гаргариями, или гаргарами, оставившими след в названии ингушского племени гагаевцев. См. В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 222 и 6-е примеч.

¹³⁵ В настоящее время их потомки, сохранившие свой этноним, проживают в селениях Нидж и Варгашен северо-восточного Азербайджана, а также в сел. Октембер Грузинской ССР.

¹³⁶ Страбон. География, XI, 7, 1. ВДИ, 1947, № 4, стр. 226.

¹³⁷ Плиний. Естественная история ВДИ, 1949, № 2, стр. 302.

¹³⁸ Птоломей. Географическое руководство. ВДИ, 1948, № 2, стр. 249.

¹³⁹ Плиний. Указ. соч., стр. 302.

¹⁴⁰ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр. 224.

и К. Ф. Смирнова¹⁴¹, изменение культуры равнинного Дагестана в первых веках нашей эры было вызвано проникновением отдельных групп сарматских племен, в частности аорсов, и их смешением с местным удинским населением. Нам кажется, что пришлые сарматские группы, составляя, несомненно, меньшинство, были ассимилированы аборигенами Кумыкской равнины, на что указывает местная в своей основе культура этого времени.

По данным античных авторов, на значительной части прибрежной полосы Дагестана, до самой Албании на юге, жили каспии (каспианы) и севернее их гуины (унны, хунны)¹⁴². Начиная описание народов Кавказа с северо-западных берегов Каспийского моря, Дионисий первыми упоминает скифов, имея в виду северокавказские кочевые племена (сарматов), потом называя уины и каспийцы, а за ними — воинственные албаны и кадуссии, живущие в гористой стране¹⁴³.

Наличие прямой связи каспиев с населением равнинного Дагестана видит и С. А. Токарев. Он пишет: «Население Дагестана, по-видимому, следует рассматривать как потомков древних племен Восточного Кавказа: каспиев и более поздних — албанов»¹⁴⁴.

Несколько позже появляются сведения и о некоторых других племенах на территории равнинного Дагестана. Так, древние армянские историки, в частности Моисей Хоренский в «Истории Армении»¹⁴⁵ и Моисей Каганкатвацци в «Истории агван»¹⁴⁶, отмечают расселение в равнинном Дагестане племени базилов.

Армянские источники помещают базилов в числе других племен (савиров, булгар и др.) севернее Дербента. По сведениям Моисея Хоренского, базилы — «сильное племя». Совместно с хазарами они совершали походы на Армению еще во II в.¹⁴⁷ В другом месте той же «Истории Армении» говорится, что агванский царь Трдат (конец III в. н. э.) «встречает северян войною», что он вступает с царем базилов в единоборство, одерживает победу над ним и преследует базилов до земли гуинов¹⁴⁸, как именовалась в армянских источниках того периода Кумыкская равнина.

Ведя войну с хазарами в VIII в., арабы вторгались главным образом в земли барсиллов (базилов) и савиров, доходили «до страны барсиллов, подчиняя по пути различные области, опустошая города и селения»¹⁴⁹.

Судя по описаниям древних авторов, барсиллы и савиры жили по соседству. Их земля несомненно составляла южную часть Хазарии в пределах равнинного Дагестана.

Имела ли древняя Барсилия, лежавшая, по сведениям византийского историка Феофана, в первой Сарматии¹⁵⁰, или Ал-Баршалия, находившаяся, по данным арабских авторов, в пределах Хазарии, какое-нибудь отношение к барсилам? Наверное, да, что имела.

¹⁴¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки. МИА, 23, стр. 271.

¹⁴² Дионисий. Описание населенной земли. ВДИ, № 1, 1948, стр. 240—241. Первое упоминание о «хуиных» на Северном Кавказе у Птолемея. Указ. соч., стр. 238.

¹⁴³ Там же, стр. 240—241.

¹⁴⁴ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 228.

¹⁴⁵ «История Армении Моисея Хоренского». М., 1893, стр. 113, 131.

¹⁴⁶ Моисей Каганкатвацци. История агван (перевод с арм.). СПб., 1861, стр. 21.

¹⁴⁷ «История Армении», стр. 113.

¹⁴⁸ Там же, стр. 131.

¹⁴⁹ «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 703.

¹⁵⁰ Феофан. Летопись византийцев Феофана от Диоклетиана до царей Михайла и сына его Феофилакта. Перевод с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», кн. 1, 1884, стр. 263.

На тесную связь Барсилити, или Ал-Баршалии, с племенным названием барсилов убедительно указал М. И. Артамонов¹⁵¹ и ряд других исследователей. Так, еще Маркварт обратил внимание на связь Барсилити, или Берсилити, с названием племени барсилов, или базилов, помещая последних севернее Дербента до района Сулака или Терека¹⁵², где, по сообщениям арабских писателей Беладзори и Кудамы, сасанидский шах Хосрой Ануширван встретился с хазарским хаканом¹⁵³. Доссон же высказывает предположение относительно связи Барсилити с названием современного кумыкского сел. Башли (Каякентский район)¹⁵⁴.

Нам кажется, прав Доссон. Имеются все основания видеть наличие связи этнонима «барсилы» и названия царства Барсилити, или Ал-Баршалия, с наименованием южного кумыкского сел. Башли, которое соседние даргинцы до сих пор называют Баршли, или точнее, Варшли. В памяти башлинцев сохранились глухие сведения относительно переселения их предков в одно большое селение (названное потом Башли) из трех других селений, расположенных несколько выше. Это еще более усиливает наше предположение относительно того, что термин «Варшли» происходит от названия страны «Барсилити» и народа «барсилы». И наконец, нам думается, что объяснение терминов «Барсилити», «Башли» правильное будет искать в даргинском языке, а именно в слове «Варшли»¹⁵⁵.

Однако наряду с древнейшими аборигенами дагестанской равнины, сыгравшими первостепенную роль в образовании кумыкской народности, в этом процессе принимали участие и пришлые тюркоязычные этнические группы.

С первых веков нашей эры на Кумыкскую равнину начинают проникать, главным образом с севера, различные кочевые тюркские племена.

Самым мощным тюркским племенем, из хлынувших в приморский Дагестан в IV в., были гуны. Однако, судя по некоторым письменным источникам, гуны начали проникать в прикаспийские степи Северного Кавказа значительно раньше. По сведениям Дионисия, например, гуны во II в. обитали между скифами и каспиями¹⁵⁶.

Очевидно, с этого времени население северного Дагестана начинает испытывать влияние тюркского языка, носителями которого были многие племена гуннского объединения. Вплоть до VIII в., т. е. и после распада гуннской державы, северный Дагестан в армянских и сирийских источниках продолжает называться «гуннскими пределами», а его население — «гунами». Термин «гуны» в этот период еще сохранял свое собирательное политическое значение. Под именем гуннов здесь были известны не только собственно гунны, составлявшие основу гуннского союза племен, и не только родственные гуннам другие тюркские группы племен, проникшие сюда вместе с ними или под их мощным натиском, но и аборигены северо-восточного Дагестана, а также базилы, савиры и болгары, населявшие северокавказские степи.

Савиры кочевали по соседству с болгарскими племенами, занимая восточную часть территории между Азовским и Каспийским морями¹⁵⁷.

¹⁵¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 88—89.

¹⁵² I. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 489.

¹⁵³ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. 32, 1903, стр. 31.

¹⁵⁴ D'Osson. Les peuples du Caucase..., Paris, 1828, p. 10, примеч. 3.

¹⁵⁵ «Варш» по-даргински означает пах животного (коровий), низовье. Старый Башли по отношению ко многим даргинским селениям занимал нижнюю часть большого плоскогорья.

¹⁵⁶ Дионисий. Указ. соч., стр. 241.

¹⁵⁷ «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 564.

В степях западного Прикаспия они были известны еще в догуннскую эпоху.

Первые упоминания о савирах мы находим у Птолема. Он помещает савиров (Птолемей называет их саварами) ниже аорсов по соседству с борусками, до Рипейских гор¹⁵⁸. Аорсы же, как это видно из «Описания Кавказских земель от реки Танаиса» Страбона, занимали территорию по побережью Азовского и Каспийского морей, опускаясь к «югу до Кавказских гор»¹⁵⁹.

Исходя из указаний древних авторов, М. И. Артамонов локализует савиров в районе р. Кумы¹⁶⁰. Известно, однако, что савиры, постепенно продвигаясь на юг, в середине VI в. овладели Прикаспийским проходом¹⁶¹, известным у армянских историков под названием Чора, а у местного населения Дагестана (даргинцев, лакцев) — Чулли, Чурул.

Подобно гуннам и другим племенам из Азии, савиры привлекались в качестве вспомогательной военной силы то Персией, то Византией. Однако савирский племенной союз не был прочным и быстро потерял свою самостоятельность. С усилением болгарского союза племен значительная часть савиров оказалась под его властью¹⁶² и стала известна под собирательным названием «болгары».

В хазарский период, как об этом будет сказано ниже, остатки савиров жили к северу от Дербентских ворот, т. е. в равнинном или северном Дагестане, составляя наряду с местными племенами и болгарам часть населения подвластного хазарам царства Джидан¹⁶³. В армянских источниках это политическое образование называлось царством или княжеством гуннов¹⁶⁴. Отсюда возникает вопрос: не связано ли возникновение названия «джандар», которое в прошлом было распространено среди части даргинцев как этнический синоним кумыков, с наименованием страны «Джидан»?

Другой племенной союз, входивший в свое время в гуннскую конфедерацию, а затем существовавший самостоятельно, составляли болгары. Болгарский союз племен был значительнее, чем объединение савиров, и оставил более заметные следы своего существования.

Болгары, очевидно, проникли в Европу, в частности в северо-кавказские степи (в область западного Прикаспия), еще в догуннский период. Судя по произведению сирийского историка III в. Мар-Абас-Котины, сохранившемуся в фрагментах в трудах известного армянского историка VII в. Моисея Хоренского, болгары еще во II в. до н. э. проникают отдельными группами в Закавказье и поселяются на «юге от Коха в плодородных и хлебородных местах»¹⁶⁵.

В греческом хронографе 354 г., в котором дается список народов, населявших район севернее Кавказа, наряду с другими племенами названы и болгары¹⁶⁶. Сирийские источники VI в. болгар, во всяком случае какую-то их часть, локализируют в северном Дагестане. В частности, хро-

¹⁵⁸ Птолемей. См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 2, 1948, стр. 237.

¹⁵⁹ Страбон. См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 4, 1947, стр. 209.

¹⁶⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 27.

¹⁶¹ «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 566.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов..., стр. 43; «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 566.

¹⁶⁴ Моисей Каганкатваци. История агван, стр. 153; «История халифов Варданета Гевонда», СПб., 1862, стр. 27—28.

¹⁶⁵ «История Армении Моисея Хоренского», стр. 62; «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 587.

¹⁶⁶ См. Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957 стр. 7.

ника Захария Митиленского, перечисляя после земель Закавказья народы, живущие к северу «за воротами» (Каспийский проход), первыми называет «булгаров со своим языком». Ближайшими соседями болгар «Сирийская хроника» называет алан¹⁶⁷. Хроника далее отмечает, что болгары, так же как и аланы, «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»¹⁶⁸. Хотя хроника часто называет землю за Каспийскими воротами «гуннскими пределами»¹⁶⁹, все же она выделяет племена болгаров и отличает их от гуннов.

Нередко термин «болгары», так же как и термин «гунны», в исторических источниках этого периода употребляется в собирательном смысле, поскольку под властью болгар объединяется и ряд родственных племен. В конце V в. болгары уже кочуют на значительной территории Восточной Европы, составляя большой племенной союз. В 70-х годах того же века они появляются и на Дунае, принимают активное участие в событиях на Балканах, в войне Византийской империи с остготами и т. д.

Все же основная масса болгар была сосредоточена в приазовских областях, между Доном и Кубанью; М. И. Артамонов полагает, что в территорию их расселения включалась и Ставропольская возвышенность¹⁷⁰. Мы считаем, что в сфере болгарского племенного объединения в то время находилось и население северного Дагестана, куда, как об этом говорилось выше, еще задолго до этого времени проникли болгары и другие родственные им этнические группы.

Вторжение в VI в. в степи Предкавказья — основной район расселения болгар — новых орд Западнотюркского каганата привело к распаду болгарского объединения. В VII в. (примерно в 670 г.) хазары, которые шли в авангарде каганата, окончательно раздели болгар, чем и было вызвано переселение последних на Дунай и Волгу.

Однако не все болгары покинули в этот период северокавказские степи. В источниках отмечено пребывание части болгар (черные болгары) в VIII—IX вв. в районе Приазовья и Дона¹⁷¹. Возможно, что какая-то часть болгар, покорившись хазарам, выступала в дальнейшем под их именем. Все это позволяет предполагать, что распространение тюркского языка в равнинном Дагестане началось со времени появления в северокавказских степях, в частности и в равнинном Дагестане, савиров, болгар и других племен, входивших в гуннское объединение.

Проникновение тюркских племен, а следовательно, и распространение тюркского языка в северной части Дагестана продолжалось и после распада гуннского и связанного с ним болгарского объединений. Этот процесс значительно усилился со времени образования Западнотюркского, а затем и Хазарского каганатов. Длительное пребывание хазар в Дагестане, существования здесь их политического и торгового центра — Семендера бесспорно. Однако, говоря о хазарах в Дагестане, нельзя забывать, что этническим «хазар» имел в то время собирательное значение, что Хазарский каганат представлял собой конгломерат племен, говорящих на разных языках, в том числе и на тюркских.

И в послехазарский период территория Северного Кавказа и равнинного Дагестана еще долгое время является ареной нашествий восточных племен. Как известно, во второй половине X в. на северокавказские и южнорусские земли нахлынули тюрки-печенег, тюрки-берендеи, а вслед за ними, в XI в. — половецко-кыпчакские племена (куманы,

¹⁶⁷ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же, стр. 166.

¹⁷⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 42, 47.

¹⁷¹ «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 608.

климаки). В XII в. Кыпчакию, с центром в Сунже, источники называют одной из важнейших территориальных единиц.

Как нам представляется, начавшийся еще во времена болгар, савиров, западных тюрков процесс тюркизации аборигенов Кумыкской равнины полностью завершается в период господства кыпчаков. Наше мнение по данному вопросу в принципе совпадает с точкой зрения Я. А. Федорова, который пишет: «Хотя проникновение тюркских элементов в северо-восточный Дагестан, возможно, имело место уже в хазарское время, однако процесс отюречивания этого района вступил в решающую фазу лишь в половецкую эпоху»¹⁷². К сожалению, в своей работе Я. А. Федоров не уделяет внимания роли в этом процессе дохазарских тюркских элементов, связанных с гуьнским объединением.

Относя кумыкский язык к кыпчакской группе тюркских языков, точнее, к кыпчакско-огузской ее подгруппе, известный советский тюрколог Н. А. Баскаков полагает, что кумыкский язык имеет «в своей основе общие исторически отложившиеся болгарские, хазарские, а главным образом позднейшие узо-половецкие черты»¹⁷³. Вполне могло быть, что кыпчакский язык как язык господствующего племени сравнительно легко одержал победу над другим (к тому же родственным) только что сложившимся тюркским языком побежденных племен. Такие явления в истории, как известно, не единичны. Они встречались и на других территориях, где один из родственных языков побеждал другие и выступал в качестве главного языка.

Нельзя забывать, что влияние кыпчакского языка на местный продолжалось и в период владычества монголов. Сами монголы сравнительно быстро перешли на тюркский язык. Как отмечает А. Якубовский, даже официальные грамоты ханов, известные золотоордынские ханские ярлыки, писались «или на среднеазиатско-тюркском литературном языке XIV века, или на местном кыпчакском языке»¹⁷⁴.

Кумыкский язык, как это доказывает его словарный фонд, в процессе формирования впитал в себя и элементы огузских языков. Возможно, что узы-торки и другие родственные им племена, господствовавшие в X в. на всем пространстве от Дона до Днепра¹⁷⁵, а позже под мощным напором половцев расселившиеся по соседним областям, просачивались и в северный Дагестан.

Огузское влияние отчетливо прослеживается в диалекте южных кумыков. Последние, по нашему мнению, испытывали это влияние не только с севера, но и с юга, со стороны Азербайджана, который в XI в. подвергся вторжению огузских племен во главе с султанами из сельджукской династии. Наиболее же ярко кыпчакские признаки выражены в диалекте кумыков Терско-Сулакской низменности — хасавюртовском диалекте, который лег в основу кумыкского литературного языка.

Таким образом, кумыкский язык, как нам представляется, сложился под влиянием многовековых привнесений различных родственных между собой языков тюркской группы. В результате взаимодействия этих языков (булгаро-хазарского, огузского, кыпчакского) победу одержал кыпчакский язык.

Возникает вопрос, является ли победа тюркского языка в северо-восточном Дагестане результатом одного лишь политического и культурно-экономического влияния тюркских племенных объединений на местное

¹⁷² Я. А. Федоров. Указ. соч., стр. 109.

¹⁷³ Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков. «Труды Ин-та языкознания», вып. 1, 1952, стр. 41.

¹⁷⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 66.

¹⁷⁵ Д. А. Росовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. *Seminarium Kondokovianum*. Praha, 1933.

население, или имело место и этническое влияние этих племен, слияние и смешение пришлых тюрков с коренным населением?

Бряд ли смеются основания думать, что одновременно с распространением тюркского языка в этническом составе населения равнинного Дагестана не происходило никаких изменений, что все проникшие сюда этнические группы целиком покинули плодородную равнину Дагестана, оставив здесь только язык.

Мы полагаем, что отдельные этнические группы постепенно смешивались с древним населением равнины, переходили на оседлость и в известной мере участвовали в образовании кумыкской народности.

Правда, трудно проследить былую племенную принадлежность населения данной территории, так как кумыки пережили длительный период феодализации. Имеющиеся данные позволяют говорить только о территориальном делении кумыков — ариякълар (потусторонние, дальние), бериякълар (близкие, живущие по левой стороне р. Сулак), хайдакъ къумукълар (кумыки, живущие в пределах Кайтага), ташгечив къумукълар (кумыки, живущие по Сулаку и Ак-Таш), башлилар (жители сел. Башли) и т. д.

Таким образом, не отрицая значительной роли пришлых тюркоязычных племен в этногенезе кумыков, мы тем не менее полагаем, что основная, определяющая роль в этом процессе принадлежала местным племенам, аборигенам северо-восточного Дагестана. На это указывают все данные материальной и духовной культуры и антропологии¹⁷⁶.

Антропологические исследования кумыков проводились и до революции¹⁷⁷, и особенно в советское время. Укажем на некоторые, наиболее значительные результаты исследований советских антропологов. В 1932 г. антропологическое изучение кумыков было произведено профессором Г. Ф. Дебецем и Т. А. Трофимовой. Некоторые итоги этого исследования вошли в сводную работу А. И. Ярхо «Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934)»¹⁷⁸. В приложенных к этой статье таблицах кумыки вместе с карачаевцами и балкарцами отнесены к «яфетическому» типу кавказского варианта европеоидной расы.

Из числа народностей, не относящихся к тюркской языковой группе, к этому же «яфетическому» типу отнесены аварцы, чеченцы, ингуши, осетины и кабардинцы¹⁷⁹. Монголоидные типы, характерные для сибирских народностей тюркской группы ногайцев, не отмечены у кумыков даже в виде примеси.

В 1951 г. антропологическое исследование кумыков было проведено и Н. Н. Миклашевской¹⁸⁰. Очень ценной стороной этого исследования является то, что одновременно и по той же программе были исследованы даргинцы и ногайцы. Оказалось, что кумыки в антропологическом отношении ближе к даргинцам, чем к ногайцам, и не занимают промежуточного положения между ними. Основываясь на всесторонних антропологических данных, Миклашевская делает вывод: «Таким образом, несомненно, что если процесс перехода предков кумыкского народа на тюркскую речь и был следствием переселения в Дагестан тюркских народов, то количество этих переселенцев, судя по антропологическим

¹⁷⁶ По вопросу антропологических исследований кумыков мы пользовались обстоятельной консультацией проф. Г. Ф. Дебеца, которому приносим искреннюю благодарность.

¹⁷⁷ И. И. Пантюхов. Указ. соч.; П. Ф. Свидерский. Указ. соч.

¹⁷⁸ «Антропологический журнал», № 1, 1936.

¹⁷⁹ Там же, стр. 62—63.

¹⁸⁰ Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. КСИЭ, вып. XIX, 1953, стр. 68—73.

данным, было совершенно ничтожно по сравнению с местным населением. Последнее и определило антропологический состав кумыков»¹⁸¹.

Наконец, антропологические исследования кумыков, произведенные Г. Ф. Дебецом в 1953 г.¹⁸² с целью получения сравнительного материала, полностью подтвердили вывод, сделанный А. И. Ярхо. Г. Ф. Дебец не употребляет термина «яфетический тип». Используя терминологию грузинских антропологов, он называет этот тип «кавказионским»¹⁸³. Возможно, что у кумыков этот тип выражен не так явно, как у народов западного Дагестана и центральной части Кавказа.

В составе кумыкской народности, по-видимому, имеется примесь каспийского типа, особенно характерного для народов восточного Закавказья. Но важно, что и на этот раз в составе кумыкской народности не удалось найти никаких следов монголоидной примеси.

Кумыки не отличаются от соседних народов восточной части Дагестана: аварцев, даргинцев, лакцев и др. У этих народов, так же как и у кумыков, наблюдается примесь каспийского типа¹⁸⁴. Примесь эта выражается в том, что у всех перечисленных народов карие глаза встречаются несколько чаще, чем в западном Дагестане, а ширина лица несколько меньше.

По наблюдениям Миклашевской, несколько отличаются от основной массы кумыкского народа только кумыки самых северных районов — Хасавюртовского и Бабаюртовского, на население которых кочевники (кыпчаки, ногайцы и др.) несомненно оказали большое влияние. Эти кумыки, отмечает Миклашевская, «имеют более слабый рост бороды, более низкое переносье, более темную пигментацию глаз, менее уплощенное и более низкое лицо». Вместе с тем автор подчеркивает, что и у них «различия по этим признакам незначительны»¹⁸⁵.

В целом материалы антропологических исследований дают полное основание прийти к выводу, что кумыки в своем антропогенезе теснейшим образом связаны с даргинцами, лезгинами, лакцами, аварцами и другими народами Дагестана, кроме ногайцев, у которых преобладают монголоидные типы, и азербайджанцев — сравнительно чистых представителей каспийского типа.

На интересующий нас вопрос могли бы пролить свет и данные языка. К сожалению, соответствующие лингвистические исследования пока отсутствуют. Тем не менее нельзя не обратить внимания на тот общезвестный факт, что в словарном составе кумыкского языка местные дагестанские языки оставили значительный след. В этом отношении, на наш взгляд, особенно отличается диалект южных кумыков, известный под названием «кайтагского диалекта».

Для наглядности приведем некоторые южнокумыкские и даргинские лексические сопоставления:

Южнокумыкский	Даргинский
кът1а (куст)	кьада
кьяли (ветка)	кьяли
к1ерк (балка)	к1арк1 (кайт. диалект дарг. языка)
к1ана (жен. головной-платок)	к1ан1а

¹⁸¹ Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана, стр. 72.

¹⁸² Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане. «Антропологический сборник», т. 1. М., 1956.

¹⁸³ Там же, стр. 212.

¹⁸⁴ Там же, стр. 213.

¹⁸⁵ Н. Н. Миклашевская. Указ. соч., стр. 73.

ч1анк1а (палас)	ч1анк1а
ч1ик1а (цыпленок)	ч1ик1а
ц1имиргъа (черевички)	ц1имиргъа (санчинский говор)
ц1ерц (кузнечик)	ц1ерц1
лякъякъи (сорока)	вякъякъи, лакъякъи (один)
ч1ят1а (ласточка)	чат1а
къяц1а (козел)	къяца, авар. гъваца (безрогая коза)
п1яц1яри (плоский пресный хлеб)	бехц1ари
ц1апп1яц1яри (хлеб из вязкого теста)	бех1ц1ари ц1ап (вязкий, тянучий)
хинк1е (хинкал)	хинк1и
чадур (ежевика)	чадур
ламкъа (грязь на улице)	ламкъа
ц1илц1има	ц1илц1ими (мн. ч. от «искры» — мелкие
ц1илц1има (искра)	вещества)
ц1елде (намогильный памятник)	ц1елди
никъа (овес)	нихъа (во всех языках)
инц1а (теневая сторона)	гъенц1а
къянц1а (рыжий)	къянц1а
ч1яп1а (плоский)	ч1яп1а, авар. ч1еп1аро
ц1ивликъ (место, где разводится огонь для варки пицци в поле)	ц1абилкъ

Заслуживают внимания и данные топонимики. На территории тех же южных кумыков ряд мест до сих пор носит даргинские названия.

Холач1анк1а — земля, расположенная между тремя аулами — Янгикентом Кайтагского района, Капкайкентом и Башликентом Каякентского района; холоч1яп1иn по-даргински — «большой палас», «ровный участок» (поле); «хола» — большой, «ч1анк1а» — палас.

Гъяпкъай — отсюда и Гъашкбайгент — территория Капкайкентского сельсовета, граничащая с землями даргинских аулов. Х1ябкъай в переводе с даргинского — «перекресток» (дороги), «три разветвления» (х1яб — от х1ябал — три, къай — от къяли — ветки).

Мурак1ав — большая возвышенность севернее Башликента. Мурав1ав — по-даргински Мурала хъяб (мура — сено, хъяб — перевал), т. е. «сенокосный перевал».

Вац1агъяри — один из лесоучастков на башликентской территории, граничащей с землями даргинского сел. Гули Кайтагского района. Вац1ах1яри в переводе с даргинского (вац1а — лес, х1яри — межа, заросшая кустарником, деревьями) — «лес с межами или лес с полянами».

Чирми — также один из лесных участков между Башликентом и Каякентом. Слово «чир» (забор) в единственном числе существует и у кумыков и у даргинцев. Но форма множественного числа этого существительного «чирми» связана с даргинским языком. Чирми в переводе с даргинского — «межи на земельных участках».

К1уц1е — большой густой лес у ст. Каякент. В даргинском фольклоре встречается это название в сочетании «к1уц1и вац1а», что означает «большой, сказочно густой лес».

Гъяша — название кумыкского селения. Оно могло образоваться от даргинского Х1яш1иша (Х1яшли — собственное имя, окончание «ша» от слова «ши» — село; «ша» показывает направление — в село). Так образовались Акъуша (Акъу — верхнее, «ша» — направляющая форма от «ши»), «Лаваша, Усиша, Дигваша и другие даргинские селения.

Башли — название старинного селения, самого крупного на данной территории. На первый взгляд, Башли этимологизируется при помощи

слова «баш» — «голова» и словообразовательного аффикса «ли». Но на самом деле это не так. Как мы говорили выше, это слово имеет даргинское происхождение: баршли — варшли.

Имеются и другие лексические примеры, но достаточно и приведенных, чтобы убедиться, что связи кумыкского и даргинского языков восходят к очень раннему периоду их развития. Одни из приведенных примеров восходят к языку-основе дагестанских горских языков, изоглоссы других ограничиваются даргино-кумыкской территорией. Нам кажется, что кумыкские соответствия обеих групп носят реликтовый характер (об этом свидетельствуют звуковой облик слов и их значения) и отражают остаток докумыкского языка современных кумыков.

Конечно, не исключена возможность, что в числе этих кумыкских слов есть и даргинские заимствования. Однако этого нельзя сказать про топонимы, ибо в них, как в наиболее древнем пласте словарного состава любого языка, кроются самые ранние языковые элементы; иначе говоря, приведенные выше топонимы свидетельствуют, что аборигены говорили на языке, близком к современному даргинскому языку, т. е. нет сомнения, что под кумыкским языком населения этой полосы территории лежит даргинский субстрат.

Аналогичные явления наблюдаются и у кумыков, граничащих с аварцами.

Таким образом, мы приходим к заключению, что кумыки оформились как народность на местной основе, что в создании кумыкской народности главная роль принадлежит местным племенам, которые до проникновения тюркского языка говорили на языке, близком к современным горским языкам. Нам думается, что прав был академик В. В. Бартольд, называя кумыков «отуреченными лезгинами»¹⁸⁶, подразумевая под этнонимом «лезгины» горцев Дагестана.

Несомненно, что в процессе дальнейшего развития производительных сил, национальной консолидации на базе единого тюркского языка, а также под влиянием пришлых этнических групп кумыки постепенно выделились из общей массы окружающего населения, приобрели специфические особенности в материальной и духовной культуре. Однако этническое влияние горцев (даргинцев, аварцев, чеченцев и др.) на кумыкский народ и наоборот продолжается и в последующие периоды. Во многих кумыкских селениях имеются родственные группы, которые сохраняют предания о своем горском происхождении.

Возникает вопрос, к какому же периоду относится образование кумыкской народности и возникновение этнонима «кумык»?

Процесс складывания кумыкской народности, очевидно, наметился еще в период существования на данной территории раннесредневекового политического образования — царства Джидан, объединявшего значительную часть населения северо-восточного Дагестана. Возможно, что собирательное имя «джандар», под которым наряду с другими наименованиями кумыки до недавнего времени были известны своим соседям даргинцам, возникло еще в период расцвета этого феодального образования и связано с его названием (Джидан — Джандар).

Нам представляется вполне правильной точка зрения С. А. Токарева, который полагает, что «образование основного ядра кумыкского народа» следует отнести ко времени распада Хазарского каганата и усиления проникновения кыпчаков, т. е. к X—XI вв.¹⁸⁷

¹⁸⁶ В. В. Бартольд. История тюркско-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 19.

¹⁸⁷ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 229.

Однако окончательное сложение кумыкской народности было тесно связано не только с тюркизацией местных племен, но и со всем ходом их социально-экономического развития, приведшего в послемонгольский период к объединению в рамках единого феодального образования — Тарковского шамхальства. Начиная с этого времени, т. е. с XIV—XV вв., устанавливается экономическая, политическая и языковая общность на территории Кумыкской равнины и можно, на наш взгляд, говорить о кумыках, как об этническом целом, как о народности.

Что же касается происхождения самого этнонима «кумыки», то по этому вопросу в литературе имеется несколько мнений. Большинство исследователей (А. Бакиханов, С. А. Токарев, А. И. Тамай и др.) считают, что название «кумыки» происходит от «кимаки» (кыпчаки). Другого мнения на этот счет придерживается Я. А. Федоров, который связывает его с наименованием высокогорного лакского селения Казикумух, являвшегося длительное время резиденцией лакских и кумыкских шамхалов¹⁸⁸. Существует и третье мнение (Б. А. Алборов и др.), связывающее термин «кумык» с тюркским словом «кум» (песок, песчаная пустыня).

Мы склонны считать более правильной гипотезу о кыпчакском происхождении этнонима «кумык», хотя окончательно решить этот вопрос пока не представляется возможным.

Большой интерес в связи с этим представляет сообщение итальянского путешественника середины XIII в. Плано Карпини о «комуках»¹⁸⁹.

Следует обратить внимание и на тот факт, что горские народы Дагестана до недавнего времени называли кумыков жителями равнины, жителями степи: даргинцы — «дирк'ъалантн», аварцы — «лъараг'ал» (тляргол), лакцы — «арнисса» и т. д.

Нет сомнения, что указанные наименования кумыков значительно древнее их теперешнего названия (кумыки). Это свидетельствует о глубокой древности заселения предками кумыков территории равнинного Дагестана.

Подводя итоги изложенному, мы можем утверждать, что есть все основания считать кумыков аборигенами Дагестана и относить их к числу его коренных народностей, не отрицая в то же время участия в процессе формирования кумыков и пришлых тюркоязычных племен.

Однако следует отметить, что ряд вопросов, связанных с этногенезом кумыкского народа, до сих пор остается не выясненным. Дальнейшие исследования в этой области, особенно лингвистические, помогут более четко показать процесс их этнического формирования.

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КУМЫКОВ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ДАГЕСТАНА К РОССИИ (XVI—XVIII ВВ.)

Падение Золотой Орды и державы Тимура (конец XV в.) избавило народы Дагестана от тяжелого татаро-монгольского ига. Послемонгольский период ознаменовался здесь новым подъемом производительных сил, укреплением феодальных отношений и усилением процесса присвоения феодалами общинных земель.

Рост феодального хозяйства на Кумыкской плоскости в XVI в. хорошо охарактеризован в грамоте русского царя Федора грузинскому царю (90-е годы XVI в.), где, между прочим, отмечается, что на р. Койсу (Сулак) русский город был построен на «шефкалове (шамхала. — С. Г.) земле», где прежде «были у шефкала лучшие уголья, пашни и сенокосы

¹⁸⁸ Я. А. Федоров. Указ. соч., стр. 112—115.

¹⁸⁹ «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 57.

и рыбные ловли»¹⁹⁰. Шамхалы, ханы, беки, баи составляли здесь господствующий феодальный класс. Развивалась система вассалитета — мелкопоместного узденства, или нукерства. Русские источники XVI—XVII вв. отмечают существование различных групп зависимого от феодалов населения Кумыкской равнины. В документах они известны под именем «черные люди», что вполне соответствует местным старинным терминам «къара халкъ» (черный народ), «сабанчи» (пашенные люди), «къуллар» (холопы или ясыри)¹⁹¹. По мнению Е. Н. Кушевой, «пашенных людей» следует отнести к категории крепостных крестьян — чагаров и райтов¹⁹².

Как об этом свидетельствует сообщение Мухаммед-Рафи¹⁹³, подати с трудового населения в данный период имели натуральный характер. О тяжести феодального гнета свидетельствуют отразившиеся в документах факты побегов рабов и других зависимых людей в русский город Терский. «Я, холоп твой, — писал московскому царю Михаилу Федоровичу эндириевский владетель Казаналип в 1643 г., — бью челом тебе, государю, на Терке и твоим государевым воеводам в листу писал, что тех моих беглых людишек, из-за мурз сыскав, мне, холопу твоему, отдавали. И твои государевы воеводы тех моих беглых людишек не сыскивают и мурзам про то не говорят и меж ними ссору чинят»¹⁹⁴. Письмо кумыкского владетеля не осталось без последствий. Царь Михаил Федорович «велел тех людей сыскав, ему отдать, и впредь будет по тому ж сыскивать и отдавать, чтобы Казаналипу-мурзе в том оскорбления не было»¹⁹⁵.

Сопоставляя эти документы с источниками последующего периода, мы можем полагать, что в общественной жизни кумыков XVI—XVII вв., когда господствовал феодальный строй, были еще устойчивы патриархально-родовые пережитки. Они выражались прежде всего в сохранении больших патриархальных семей и тухумов (родовых организаций) с институтом кровной мести, игравших, несмотря на прочно утвердившуюся сельскую общину и феодальные производственные отношения, немаловажную роль.

Каковы же были феодальные образования на территории кумыков в послемонгольский период?

Мы уже отметили, что сведения о феодальном обществе кумыков в период татаро-монгольского господства очень скудны и отрывочны. Монгольское нашествие осложнило и важные процессы, происходившие в истории кумыков в последующий период, и их понимание в наши дни.

С конца XV — начала XVI в. мы имеем уже более систематические и полные данные по истории политических образований на территории кумыков.

Самым крупным политическим образованием, объединявшим основное кумыкское население, было Тарковское шамхальство. Кумыки же, жившие южнее Буйяна, очевидно, входили в другое, даргинское по своему национальному составу, феодальное образование — Кайтагское уцмийство, или объединялись в Отемишском султанстве, известном по более поздним источникам.

В Тарковском шамхальстве с кумыками были объединены лакцы (до середины XVI в.), отдельные аварские общества, чеченцы, жившие в пограничных с Дагестаном районах, ногайцы, кочевавшие на Терско-Сулакской низменности, и др. В более ранний период, судя по некоторым

¹⁹⁰ С. А. Белокуров. Отношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, стр. 275.

¹⁹¹ Там же, стр. 404; «Очерки истории СССР», XV—XVII вв. М., 1955, стр. 824.

¹⁹² «Очерки истории СССР», XV—XVII вв., стр. 824.

¹⁹³ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи. «Дербентнаме», стр. 177.

¹⁹⁴ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой половины XVIII в. «Сборник документов», сост. Р. Маршаев. Махачкала, 1958, стр. 163.

¹⁹⁵ Там же, стр. 164.

Рис. 3. Политическая карта Дагестана (40-е годы XIX в.)
(Из «Карты политического состояния Кавказа»)

источникам, власть шамхалов простиралась на всю территорию Дагестана. Согласно хронике Мухаммеда-Рафи, шамхалы облагали податями почти все земли Дагестана¹⁹⁶.

Это, очевидно, был период, когда монголы, как отмечает Р. М. Магомедов¹⁹⁷, признали шамхала главным над всеми владетелями Дагестана и, присвоив ему титул «шамхала», а затем и «велия», назначили своим сборщиком дани на всей этой территории.

Кумыкские владетели в тревожную эпоху монгольского нашествия и в первое время после падения Золотой Орды имели свою резиденцию в нагорном Дагестане — в лакском ауле Казикумух, где по сравнению с плохо защищенной равниной было менее опасно. Только в XVI в. они снова переносят свою резиденцию на плоскость, в известный еще с гуинских времен торговый и политический центр в северном Дагестане — Тарки. Грузинские послы в Москве в 1589 г. называют Тарки главным городом, резиденцией шамхалов («...взять бы государевой рати город шевкальской начальной Тарки»¹⁹⁸).

После перенесения столицы на плоскость шамхалы постепенно теряют свою власть над горным населением и прежде всего над лаками. Однако и позднее Тарковское шамхальство было известно как одно из самых крупных политических образований на северо-восточном Кавказе, хотя в его территориальных границах происходили значительные изменения. А. Бакиханов, например, писал, что шамхал Чопан (умер в 1574 г.) владел «всем краем от границ Кайтага, Кюринского округа, Аварии, черкасов и реки Терек до самого моря Каспийского»¹⁹⁹.

Внутренний и международный авторитет тарковских шамхалов на протяжении длительного периода, вплоть до 30-х годов XVIII столетия, хорошо охарактеризовал участник петровского похода И. Г. Гербер. Он писал: «Шамхалы истари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды в Дагестане под их властью стояли, но оные еще некоторую часть из тавлинцов под свою власть брали и самовольно, яко поданными, владели, а другие около их живущие народы всегда их высоко почитали и их силы боялись. И дабы шамхал все здешние народы в подданстве и послушании страхом держать и к тому силы иметь мог, допущено ему не токмо все доходы и подати в Дагестане на себе брать, но и каждый год от шаха получал 4000 тумен, он повинен был на которые деньги несколько войска содержать. При дворе шаховом шамхалы была всегда в великом почитении, также получали из России часто немалых подарков для имения с ними доброго соседства»²⁰⁰.

В XVI в. грузинские цари и кабардинские князья неоднократно обращались в Москву с просьбами о защите от притязаний шамхалов на их владения²⁰¹.

Примерно со второй половины XVI в. начинается процесс дробления Тарковского шамхальства на отдельные самостоятельные владения (бийлики). Этот процесс, как и повсюду, отражал ошределенный этап развития феодальных отношений, был вызван ростом крупного землевладения и связанного с ним экономического и политического укрепления отдель-

¹⁹⁶ «Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи», стр. 176—177.

¹⁹⁷ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 146—147.

¹⁹⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 58.

¹⁹⁹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88.

²⁰⁰ И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.». М., 1958, стр. 71—72.

²⁰¹ См. С. А. Белокуров. Указ. соч.; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. 1. М., 1957.

ных феодалов, а также ростом феодальной эксплуатации и усилением классово-вой борьбы.

Первым выделяется Буйнакское владение, к которому относятся земли от Буйнака до границ Кайтагского улусства на юге. Правители Буйнака носили титул «крым-шамхалов»²⁰² или «ярим-шамхалов» (наполовину шамхалов). Имеются сведения о том, что еще в 1557 г. крым-шамхал Буйнака как самостоятельный владетель обратился через астраханских воевод к московскому царю с просьбой принять в свое подданство, защитить «от всех сторон», чтобы его «торговым бы людям дорогу пожаловал государь»²⁰³. Несколько позже отделяется от шамхальства и Султан-Магмут (Султан-Муг), по преданию младший сын шамхала Андия²⁰⁴ (он же Муртузали), получивший земли между Сулаком и Тереком. Вначале он обосновался в районе Чир-юрта, а через некоторое время перенес свою резиденцию в известный своей древностью Эндирей, по имени которого и владение (бийлик) это стало носить название Эндиреевского²⁰⁵.

Надо отметить, что примерно во второй половине XVII в. Эндиреевское владение в свою очередь распадается на три самостоятельных части: собственно Эндиреевское владение (главное), Акаевское и Костековское.

Почти одновременно с Эндиреевским владением выделяется на северо-западе шамхальства Эрпелинский бийлик, владетель которого, так же как и эндиреевский, с 1595 г. находится «под государевою рукою», т. е. вступает в дипломатические связи с русским царем. Эрпелинское владение состояло из селений Эрпели (резиденция бийлика), Ишкарты, Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахатлы²⁰⁶. Владетели его назывались кара-чибеками.

В начале XVII в. от Тарковского шамхальства отделяются Карабудахкентское, Кумторкалинское, Губденское и Бамматулинское владения, а несколько позднее и Мехтулинское ханство²⁰⁷. Князья Карабудахкентского (Сурхай), Кумторкалинского (Мамет-хан-мурза), Губденского (Султан-Магмут) владений вместе с Гирей-шамхалом Тарковским в 1613 г. в присутствии представителя царской власти приняли присягу новому царю Михаилу Романову.

Надо отметить, что из перечисленных пяти уделов более крупными являлись Бамматулинский и Мехтулинский. Бамматулинский бийлик объединял селения Большие Казанищи (Нижнее Казанище) — резиденция князей, Малые Казанищи (Верхнее Казанище), Муселим-аул,

²⁰² Появление этого титула по преданию, связано с бийским (феодальным) обычаем, согласно которому самый старший в роде после шамхала считается наследником престола и должен был до получения власти, т. е. до смерти правящего в Тарках владетеля, жить в Буйнаке на положении «ярим-шамхала» («половинного» или «неполного» шамхала). Что же касается слова «крым-шамхал», то оно, очевидно, вначале применялось как прозвище владетеля («ктырым» — унычтожающий, беспокойный и т. д.). Буйнакские владетели и в самом деле нередко занимали враждебную политику по отношению к правящим тарковским шамхалам, интриговали против них и т. д. См. «Шамхалы Тарковские». Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 56.

²⁰³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. 1, стр. 5.

²⁰⁴ Н. С. Менов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 243.

²⁰⁵ В русских дипломатических документах, относящихся к 1595 г., в списке земель, владетели которых уже «учинились под государевою рукою», т. е. приняли русское подданство, рядом с «Ерпели» (Эрпели) и «Шевкальским царством» упоминаются и «Кумыки». Нам представляется, что «Кумыки» в этом списке не что иное, как владение Султан-Мута, т. е. местность, известная позднее в литературе под именем Кумыкской плоскости. («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. II. СПб., 1852, стр. 63, 219—220).

²⁰⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 155.

²⁰⁷ С. А. Белокуров. Указ. соч., т. 1, стр. 538—539.

Бутлен, Халимбек-аул, Кафыр-Кумух и Темир-Хан-Шуру²⁰⁸, являвшуюся в то время деревней, а Мехтулинское ханство — Большой Дженгутай (резиденция ханов), Малый Дженгутай, Дуранги, Аппи, Ахкент, Оглы, Кулецама, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-Шура, Параул, Урума²⁰⁹. Что же касается остальных уделов, то они состояли главным образом из одного селения.

Источники конца XVII и начала XVIII в. сообщают о наличии на территории южных кумыков, между Кайтагским удмийством и Буйнакским бийликом, еще одного владения — Отемышского султанства. По сведениям Лопухина, участвовавшего в посольстве 1715—1718 гг. в Персию и проезжавшего через Дагестан в 1718 г., граница владений удмий кайтагского и султана отемышского Султан-Махмуда проходила по р. Куце²¹⁰. В документах начала XVIII в. сведения об этом владении встречаются чаще в связи с персидским походом Петра I. Как известно, отемышский Султан-Махмуд при продвижении войск Петра на Дербент оказал ему сильное сопротивление, но потерпел поражение. Откололся ли этот удел от шамхальских владений или выделился из Кайтагского удмийства, источники не дают определенных указаний. Часто он называется союзником кайтагского удмийства.

И. Г. Гербер, который до 1729 г. оставался в Дагестане, пишет, что отемышский «владелец султан Мамут временем от шамхала, временем от усмея зависит и послушен был, смотря на случай, а больше чтился с обими и в приятстве быть. После взятия шамхала и разорения его владения боялся он, чтоб российские войска его уезду не то же учинили, и того ради пристал он к усмею в 1725 году, Российской империи поддался и присягу учинил, а для лудчаго уверения он принужден был сына своего во аманаты отдать...»²¹¹.

В период существования на территории южных кумыков самостоятельного феодального владения — Отемышского султанства — отдельные кумыкские селения: Башли, Янгикент, Туменлер, Маджалис остаются под властью удмиев. Самое крупное на территории южных кумыков сел. Башли в начале XVIII в. известно как резиденция удмиев. «Сам усми живет в Баршлу»²¹², — пишет Лопухин.

Такова была далеко неполная картина дробления крупного в прошлом феодального политического образования — шамхальства Тарковского на отдельные уделы, во главе которых стояли члены того же шамхальского дома.

Процесс образования отдельных феодальных княжеств был очень длительным. Изменение границ Тарковского шамхальства и отдельных уделов не прекращалось еще и в XVIII в. Несомненно, это дробление проходило далеко не мирно. Тарковские шамхалы упорно боролись за сохранение своей власти на всей территории кумыков.

Среди образовавшихся удельных княжеств особенно велика была роль Эндиреевского владения. Основатель его и родоначальник засулакских кумыкских князей Султан-Мут вел войну с Тарковским шамхальством, притеснял других дагестанских владетелей.

Предание об образовании удела Султан-Мута Эндиреевского хорошо отражает борьбу членов шамхальского дома за обособление²¹³.

²⁰⁸ «Шамхалы Тарковские...», стр. 60 (примеч.).

²⁰⁹ «Мехтулинские ханы», ССРГ, вып. II, 1869, стр. 3.

²¹⁰ А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан, 1718, «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 33.

²¹¹ И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, стр. 74—75.

²¹² А. И. Лопухин. Указ. соч., стр. 31.

²¹³ См. «Шамхалы Тарковские...», стр. 58 (примеч. 8); Н. Семенов. Указ. соч., стр. 242—243.

В одной из кумыкских народных песен Султан-Мут так характеризует себя:

Тот, кому оседлали лошадь в Тарках;
Тот, кто привел из Кабарды несметное войско;
Тот, кто по договору с шахом окружил Тифлис;
Тот, кто от самого Шаухала силою отобрал свою часть,
Этот младший сын Шаухала — я; я тот муж,
Которого именуют Султан-Мутом²¹⁴.

Однако феодальные владетели играли неодинаковую роль в политической жизни Кумыкии и Дагестана в целом.

Самым значительным феодальным образованием во всем Дагестане продолжало оставаться Тарковское шамхальство. Тарковский шамхал считался по-прежнему старшим среди кумыкских князей, «общим правителем» их. Он избирался на собрании «лучших людей» из числа членов шамхальского дома. Описывая церемонию избрания нового владетеля из дома шамхалов в XVII в., Олеарий отмечал: «...Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник (мулла) бросает в них позолоченное яблоко; в кого оно попадает, тот становится шамхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросить»²¹⁵. По сообщению Д. И. Тихонова, участвовавшего в Персидском походе 1796 г. и побывавшего в Дагестане, коронация нового правителя происходила на четырехугольном камне. «По окончании сей церемонии, — писал Тихонов, — шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом»²¹⁶. Интересно, что о сером камне, лежащем между главными и вторыми воротами, у четырехугольного бассейна, служившем тронном шамхала, пишет в середине XIX в. и И. Н. Березин²¹⁷.

Удельные князья, хотя и не вносили в общую казну шамхала никаких податей и решали все внутренние вопросы самостоятельно, тем не менее обязаны были по требованию шамхала, как главного правителя, выставлять необходимые вооруженные силы. «Ежели же надобность возьмет шамхал в войске, — писал Тихонов в 1795 г., — то в это время посылает к ним своего чиновника с требованием ему от них помощи вооруженного войска, в чем ему они в это время послушны бывают»²¹⁸.

Доходы шамхала в этот период состояли из податей с непосредственно подвластного ему населения. Так же как и раньше, первое место занимала натуральная рента с посевов и пастбищ. Характеризуя повинности у кумыков в XVIII в., Д. И. Тихонов пишет, что своим владельцам «должны жители один день в лето работать, хлеб пахать и прочее», что владельцы берут «в зиму за один кутан по 200 баранов»²¹⁹ и т. д. Обращает на себя внимание и характер воинской повинности. «Ежели случится надобность ему в войске, то они (его подданные. — С. Г.) должны идти без всякого отлагательства; кто же ослушается, того разоряют весь дом и грабят имение»²²⁰.

Значительное место в доходах феодальных владетелей занимали пошлины (гюмрюк) с провозимых через их территорию товаров. Так, при провозе товара с Кумыкской плоскости в Дербент или нагорную часть

²¹⁴ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 243 (примеч. 1).

²¹⁵ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 494—495.

²¹⁶ Д. И. Тихонов. Описание северного Дагестана. 1796 г. «История, география и этнография Дагестана...», стр. 131.

²¹⁷ И. Н. Березин. Путешествия по Востоку. Казань, 1850, стр. 75.

²¹⁸ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 130.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

Дагестана его трижды или четырежды облагали пошлиной²²¹. Следует обратить внимание на тот факт, что в XVIII в. дагестанские правители, в том числе и кумыкские владельцы, берут пошлины с проезжающих восточных и русских кущов уже не натурой, как прежде («со выюка по киндяку»²²² да по бязи лощеной) или «со выюка по 3 киндяка»), а деньгами.

По сведениям Д. И. Тихонова, ежегодные доходы тарковского шамхала, кроме жалованья от царского правительства, в конце XVIII в. составляли до 80 000 рублей²²³.

В XVII—XVIII вв. продолжалась междоусобная борьба феодальных владетелей. Феодальные междоусобицы тяжело сказывались на трудовом населении, на состоянии экономики и культуры страны.

Ожесточенная борьба между более влиятельными членами шамхальского рода шла и за верховную власть, за шамхальский престол в Тарках. Источники конца XVI в. сообщают, что «шевкальское дело плохо стало», что шамхал и крым-шамхал «промеж собою бранятца; да у них же междоусобная рать», что с крым-шамхалом «половина» Кумыкской земли²²⁴. Была постоянная вражда шамхалов и с эндиреевскими владетелями.

Феодальные распри еще более усиливаются в XVIII в. и продолжают до начала XIX в. Характеризуя междоусобицу дагестанских владетелей конца XVIII и начала XIX в., С. М. Броневский писал: «Соперничество, до ненависти и непримиримой злобы, допускаемое между владельцами единокровными так, что вооружение брата на брата, сына против отца не почитаемо у них за диковину»²²⁵.

Состояние феодальной раздробленности и междоусобицы в Дагестане, в том числе и в Кумыкии, в этот период как нельзя лучше показано в «Журнале путешествия через Дагестан» А. И. Лопухина²²⁶; это также отразилось в событиях, связанных с пленением известного русского академика С.-Г. Гмелина²²⁷, и в документах, посвященных дипломатическим отношениям Дагестана с Россией и др.²²⁸

Лопухин, как видно из его рассказа, затратил около месяца, чтобы добиться разрешения кайтагского уцмий проехать через его владения. Большие трудности он испытал и по пути от Отемышского султанства до Тарков, был ограблен и т. д. Буйнакский владетель Муртазали говорил Лопухину: «...а провожу вас в Казаныш к Омудат шевкалу для того, что он со мной в дружбе, а к Адлигирею в Тарки провожать вас не стану для того, что он мой неприятель»²²⁹.

Время от времени владетели собирались на съезд, где говорили о необходимости прекращения междоусобицы. Так было и в 1617 г., когда в Тарках собрался съезд, в котором участвовали тарковский Гирей, казикумухский хан Алибек, имевший большое влияние на феодальных владетелей Дагестана, кайтагский уцмий, эндиреевский Султан-Магмут и другие кумыкские князья. Участники собрания решили прекратить междоусобную

²²¹ П. А. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфиллала АН СССР, д. 1193, стр. 72.

²²² Киндяк — ткань, кумач; в данном случае, вероятно, кусок какой-нибудь дорожной материи.

²²³ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 135.

²²⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., т. 1, стр. 255—256.

²²⁵ С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 450—451.

²²⁶ А. И. Лопухин. Указ. соч., стр. 6—58.

²²⁷ М. А. Полиевктов. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила Георга-Готлиба Гмелина (младшего). «Изв. Кавказского историко-археол. ин-та в Тифлисе», т. III, 1925, стр. 144—153.

²²⁸ «Русско-дагестанские отношения», стр. 49—56, 67—70.

²²⁹ А. И. Лопухин. Указ. соч., стр. 37.

борьбу²³⁰. Иногда враждующие феодалы в знак прекращения междоусобных распри обменивались аманатами из близких людей. В 1618 г., например, тарковский шамхал Ильдар и эндиреевский владетель Султан-Магмут,

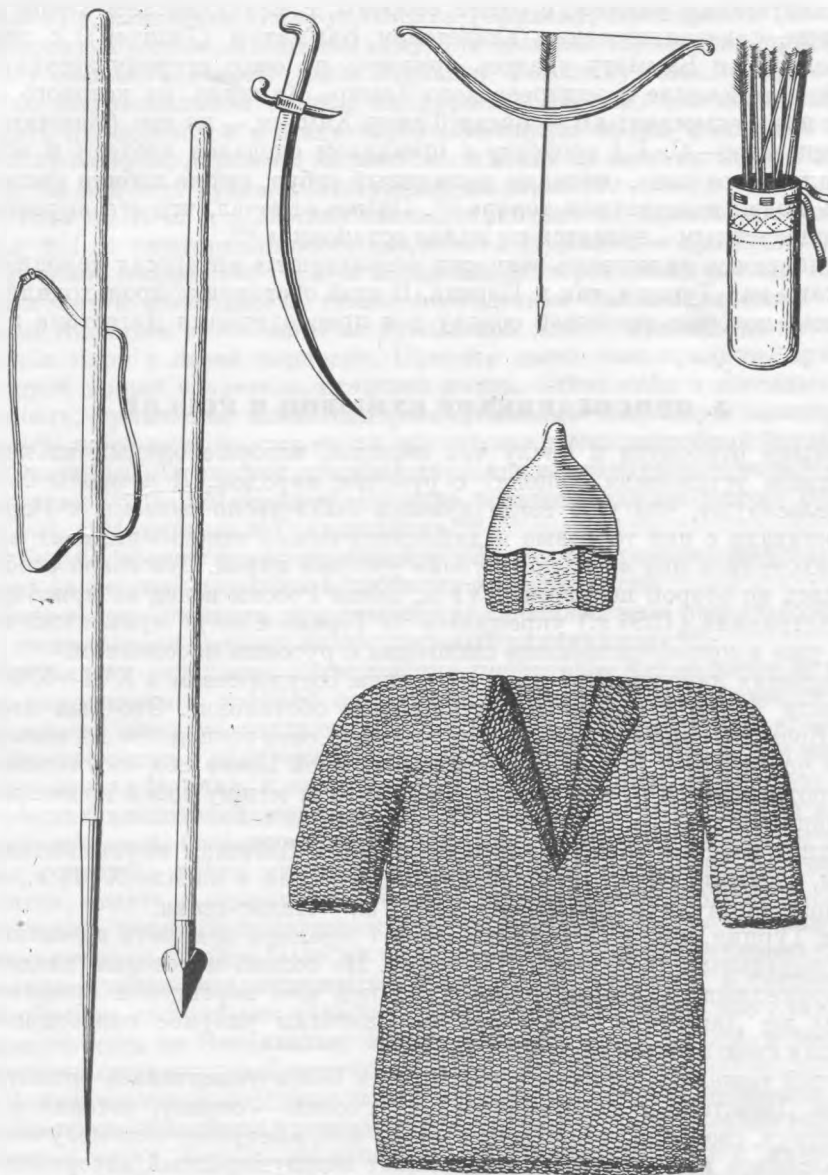

Рис. 4. Предметы прошлого вооружения кумыков

чтобы жить в «мире и одиначестве», обменивались аманатами²³¹ при посредничестве казикумукского хана Алибека.

Однако подобные съезды и обмен аманатами не способствовали установлению прочного мира и дружбы между владельцами раздробленной феодальной Кумыкии. При случае каждый из князей готов был нарушить

²³⁰ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 95.

²³¹ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 67.

условия договора о прекращении междоусобицы и воспользоваться правом сильного. Таким образом, борьба снова разгоралась.

Во второй половине XVIII в., например, тарковский шамхал враждовал с кайтагским уцмием, с одной стороны, с мехтулинским ханом Али-Солтаном, с казанищенским владельцем Бамматом (Тишнек), с другой. Али-Солтану и Баммату удалось привлечь на свою сторону засулакских князей, в том числе и эндиреевского Темира Хамзина, на которого обрушился потом шамхал: «Я,— писал Темир Хамзин,— по его (Баммата Казанищенского.— С. Г.) сродству с шамхалом сделался злодеем и воевал, где убили моего сына, отогнали лошадиный табун, также побили несколько наших людей и захватили товар»²³². Он же отмечал, что его «проезжающим подвластным ...делается не малая остановка»²³³.

Создавшееся положение всячески используют в интересах колонизации Дагестана как Турция, так и Персия. В этой обстановке происходили и те процессы, которые заложили основу для присоединения Дагестана к России.

3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КУМЫКОВ К РОССИИ

Кумыки относятся к числу тех народов, которые одними из первых на Кавказе установили общение с русским народом. Документы XVI в. свидетельствуют, что уже тогда кумыки были тесно связаны с Россией, поддерживали с ней торговые и дипломатические отношения, а их владельцы находились под «высокой рукой» русских царей. Эти связи особенно усилились во второй половине XVI в., когда Россия вслед за присоединением Астрахани (1556 г.) укрепилась на Тереке и когда кумыкский народ вошел уже в непосредственные сношения с русским населением.

Сношения народов Дагестана с русским государством в XVI—XVII вв. протекали в напряженной международной обстановке. Это был период, когда Иран и Турция стремились установить свое господство на всем Кавказе, в частности в Дагестане, и когда на этой почве оба государства на всем протяжении XVI и в начале XVII в. вели между собой кровопролитные войны.

Ирано-турецкие завоеватели совершали в Дагестан опустошительные походы. Особенно усилилась персидская агрессия в начале XVII в., в период правления шаха Аббаса, и в XVIII в.,—Надир-шаха.

Как Турция, так и Персия всячески старались привлечь на свою сторону феодальных правителей Дагестана. Но только некоторые владельцы, и то временами, придерживались турецкой или персидской ориентации. Народы же Дагестана оказывали завоевателям упорное сопротивление, отстаивая свою независимость.

В этой тяжелой обстановке все более и более усиливалась ориентация народов Дагестана и их правителей на Россию— страну, которая в данный период, свергнув татаро-монгольское иго, выступает как могучее централизованное государство и завоевывает международный авторитет.

Согласно письменным источникам, первое «посольство» кумыкского владельца было направлено в Россию в 1556 г.— послы тарковского шамхала обратились к русскому воеводе в Астрахани с предложением установить торговые связи²³⁴. В 1557 г. от «всей земли шевкальские», от крым-шамхала, от тюменского князя «пришли послы» в Астрахань и обратились к русским воеводам, чтоб этих владельцев «государь пожаловал... и велел быти в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы

²³² М. А. Полдеев. Указ. соч., стр. 153.

²³³ Там же.

²³⁴ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. М., 1954, стр. 8 (на правах рукописи).

астраханским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людям дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велит к себе прислати, ино все то к государю присылати станут ежегод»²³⁵.

В 1613 г. владетели Карабудахкента (Сурхай), Кумторкала (Магомед-хад-Мурза), Губдена (Салтан-Махмуд) и шамхал тарковский принимают присягу верности новому царю Михаилу Романову «по... бусурманской вере по шертвовальной записи на куране... на том, что им служить и прямыть царю, послов к шаху через Кумыцкую землю и обратно встречать и провожать, дурна им не делать... к шаху не отстать, быть в прямом холопстве под цар. рукою неотступным на веки»²³⁶.

С 1614 по 1642 г. в Москву было отправлено 13 посольств от тарковских и два от кумторкалинских владетелей Кумыки с просьбой принять их в русское подданство²³⁷. И в дальнейшем, через своих послов, направляемых почти ежегодно, а также посредством дипломатических писем, которые писались в основном на кумыкском языке, кумыкские правители заверяли царя в своей верности. Присягу царю, как правило, принимал и каждый новый владетель, старший князь. Ставя себя в вассальную зависимость, кумыкские владетели рассчитывали на военную помощь царского правительства против своих «недругов» в междоусобной борьбе. Так было, например, в период вражды тарковского шамхала с эндиреевским владетелем Султан-Махмудом. Русские ратные люди не раз на Эндирей, «на Султан-Магмутова кабаки ходили»²³⁸.

В борьбе против ирано-турецкой агрессии дагестанские феодалы обращались за военной помощью к русскому правительству.

Надо также отметить, что кумыкские феодалы, неся вассальную службу, в свою очередь «ходили на государевых изменников»²³⁹.

Временами отдельные дагестанские правители, в том числе и кумыкские, находились в двойной вассальной зависимости — от русского царя и иранского шаха, но подданство шаху носило временный характер.

Одновременно с политическими отношениями расширялись и экономические связи. Наряду с переговорами о подданстве (холопство) послы кумыкских владетелей, как правило, вели переговоры с Россией и о свободной торговле. Они просили, чтобы «торговым бы людям дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить», или чтобы товары, которые им «годятся, велеть поволить... купити» торговым людям (купчинам), а равно и товар, который привезен кумыкскими «купчинами» в Россию, «повольно продати и везде было им повольно торговати без зацепок»²⁴⁰. Как известно, кумыкские «купчины» первое время торговали в России, главным образом восточными товарами. Это объяснялось тем, что сухопутный торговый путь из Закавказья, Ирана, Средней Азии и т. д. в восточную Европу проходил через Дагестан.

Политические и торговые связи кумыков с Россией особенно усиливаются после основания русскими Терского города (1588—1589 гг.). Город возник в устье Терека, на его протоке Тюменке, рядом с кумыкскими владениями. Терский город рос очень быстро и скоро приобрел большое торговое значение. Сюда приезжали со своими товарами кучицы из центральных областей России и Ирана, Закавказья, Дагестана, Кабарды, Осетии и т. д. Кумыкские кучицы здесь торговали хлебом, мясом, лошадьми и

²³⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. 1, стр. 5.

²³⁶ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 538—539.

²³⁷ «Очерк истории Дагестана», т. 1, стр. 135.

²³⁸ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 49—51, 119—120.

²³⁹ «Акты исторические, собранные и изданные археогр. комиссией», т. IV. СПб., 1842, стр. 162.

²⁴⁰ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 73.

разными ремесленными изделиями. Как в самом городе, так и в слободах, возникших вокруг Терского города, наряду с русским населением проживало большое число кабардинцев, черкесов, кумыков и др. Многолюдные Новокрещенская и Татарская слободы были заселены главным образом выходцами из окружающих районов, в том числе и кумыками²⁴¹. В Терском городе укрывалось много рабов и крепостных крестьян, которые бежали от произвола кумыкских феодалов.

Кумыкские владетели, особенно засулакские, неоднократно обращались к русскому царю с просьбой помочь им вернуть их «беглых холопей и рабов» из Терского города, чтобы царь «указ учинил терским воеводам, чтобы те беглых холопей и рабов... назад отдавали»²⁴².

Как было указано, пользуясь географическим положением Дагестана, феодальные правители взимали с проезжающих купцов высокие пошлины, до XVIII в. обычно натурой. При этом большую часть редких восточных товаров они отправляли через своих «купчин» в Россию для реализации. Так, например, в 1623 г. у кумыкского «купчины» Фаргата, приехавшего в Россию вместе с послом шамхала Эльдаром, было переписано товаров на 2893 рублей²⁴³. В 1642 г. посол шамхала Сурхая привез в Москву товаров на 8110 рублей²⁴⁴.

Наряду с восточными товарами, шедшими через Дагестан транзитом, кумыкские «купчины» возили в Россию и продукты местного сельского хозяйства, а также изделия кустарной промышленности.

Русское правительство, заинтересованное в усилении экономических и политических связей с народами Кавказа, всячески поддерживало дагестанских владетелей и старалось привлечь их на свою сторону.

Укрепление русских позиций в Дагестане входило в стратегические планы царского правительства. Дагестан играл важную роль в сношениях России с Закавказьем, с Ближним и Средним Востоком через Кумыкскую равнину. Как правило, послы кумыкских владетелей отпускались с большими подарками для правителей, за верность и службу им устанавливались денежные и хлебные оклады²⁴⁵ и предоставлялись таможенные льготы на отправляемые в Россию товары²⁴⁶.

Вместе с тем русские цари широко пользовались системой заложенчества. Это было наиболее надежное средство для того, чтобы добиться соблюдения верноподданнической присяги царю со стороны кумыкских владетелей.

С другой стороны, Иран и Турция всячески старались осуществить свою военно-политическую экспансию на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. С этой целью оба государства систематически совершали опустошительные походы.

Население Дагестана оказывало завоевателям упорное сопротивление. ожесточенная борьба против агрессии Турции и Персии, как правило, сочеталась с борьбой против феодальной эксплуатации.

Политически раздробленный, раздираемый феодальной междоусобицей, разоренный бесконечными захватническими нашествиями Персии и Турции, Дагестан все больше и больше ориентировался на Россию.

Важным этапом в развитии русско-дагестанских отношений является начало XVIII в. — период правления Петра I. Развитие русско-дагестан-

²⁴¹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 10.

²⁴² «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 101—103, 161—164.

²⁴³ Там же, стр. 77.

²⁴⁴ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 9.

²⁴⁵ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 82, 84, 85.

²⁴⁶ Там же, стр. 81—82, 92—93.

ских отношений и в это время шло в направлении укрепления экономических и политических позиций России на всем Кавказе. Для России это был период быстрого роста производительных сил, всех отраслей экономики. Развивающаяся промышленность нуждалась в рынках сбыта и в сырье. В этом отношении огромный интерес представлял Кавказ, богатый сырьем, рынками сбыта товаров и к тому же соединяющий Россию со странами Ближнего и Среднего Востока, особенно с Персией, чья «торговля давно уже привлекала на себя внимание российских монархов»²⁴⁷.

Большое внимание Петра к Кавказу объяснялось еще тем, что с начала XVIII в. Турция, пользуясь критическим положением в Иране, усилила свою агрессию на Кавказе. Царское правительство стремилось укрепить юго-восточные границы России, овладеть важными в стратегическом и экономическом отношении прикаспийскими областями Кавказа, в том числе и Дагестаном. Несомненно, все это входило в план Персидского похода Петра (1722—1723 гг.).

Характеризуя обстановку в Кабарде, в Дагестане и в первую очередь в кумыкских феодальных владениях во втором десятилетии XVIII в., князь А. Бекович-Черкасский, направленный на Кавказ Петром для выяснения положения, сообщал царю, что для России настало самое удобное время безотлагательно утвердить здесь свою власть, присоединить к себе кумыкский и весь «пригодный народ»²⁴⁸. Бекович-Черкасский, кроме того, обращал внимание царя на наличие ориентации на Россию среди местного населения, которое и ранее принимало русское подданство и давало аманатов. Он указывал также, что народы Дагестана наводят «немалый страх на персиян, которые для опасения своего кумыцким князьям и шевкалом жалованье дают»²⁴⁹, и ежели рассудить их дела, то подано дани и расход великий от шаха персидского владельцам кумыцким повсягодно бывает»²⁵⁰. Петровский посланник не забыл отметить в своем донесении богатство края, отчего мог бы «прибыток не малый быть государству российскому».

Ориентация на Россию усиливалась. В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей обратился к Петру с заявлением, что он подлинно и верно поддался под его сильную руку²⁵¹. В следующем году Адиль-Гирей была направлена ответная грамота о принятии его в «российскую высокую оборону и подданство»²⁵². В 1719 г. Адиль-Гирей снова подтвердил свое подданство и предложил в аманаты сына Хасбулата. Начиная с этого года, он и владетели Буйнака стали получать от русского двора хлебное и денежное жалованье²⁵³. В 1720 г. с письмом о подданстве и готовности быть на русской службе обратился эндиреевский владетель Чабан-шамхал, которому персидский шах платил ежегодно 2000 рублей жалованья²⁵⁴. О своем желании «быть на русской службе» писали в 1720—1721 гг. кумыкский владетель Муртузали-Будай, кайтагский уцмий Ахмед-хан и др.

Весной 1722 г. Петр I начал свой Персидский поход. 15 июня он прибыл в Астрахань и обратился к жителям Кавказа с манифестом, в котором призывал их не покидать свое местожительство при приближении

²⁴⁷ Н. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 1. СПб., 1869, стр. 4.

²⁴⁸ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 224.

²⁴⁹ Некоторые кумыкские владетели получали от персидского шаха жалованье по 20 000 руб. в год (см. «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 236).

²⁵⁰ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 224.

²⁵¹ Там же, стр. 225—226.

²⁵² Там же, стр. 226—227.

²⁵³ П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 15—16.

²⁵⁴ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 235—

русского войска, встретить его спокойно и убеждал, что никто никакой обиды не получил²⁵⁵.

Войска Петра, добравшись морским путем до берегов Кумыкии, в ожидании кавалерии, шедшей по суше, расположились лагерем на Аграханском полуострове. Когда войска переходили Сулак, Петра посетили ахсановский владетель Султан-Махмуд, представители тарковского шамхала Адиль-Гирея, владетеля Буйнака Магомета и др. Все они выразили верноподданнические чувства, предложили царю свои услуги и преподнесли подарки, в числе которых были лучшие аргмаки, много крупного рогатого скота для снабжения войска и т. д. Тарковский шамхал, помимо всего прочего, преподнес богатый персидский шатер.

В пределах шамхальства Петр остановился лагерем «на широкой долине, лежащей прямо против Тарку»²⁵⁶, в пяти верстах от него. Здесь его встретил тарковский шамхал. Петр был торжественно принят Адиль-Гиреем в Тарках, причем царю были предложены военные силы. Дружелюбно встречали Петра и в других владениях. Правитель Дербента Имам-Кули-бек «с великою свитою знатнейших жителей» встретил царя «за версту от города» и преподнес ему «лежащие на дороге персидской материи ключи от города и крепости, которые были золотые»²⁵⁷.

Однако некоторые феодальные правители, в частности эндириевский и отемышский, встретили Петра враждебно. Вследствие этого по распоряжению Петра были разорены Отемыш и Эндирей. Отемышское «государство» было вообще упразднено. Грамотой царя от 30 августа 1722 г. управление этим «государством» было передано шамхалу тарковскому²⁵⁸. Враждебное отношение эндириевских владетелей продолжалось недолго. В 1723 г. князь Айдемир Хамзин обратился к царю с просьбой помиловать его, обещая «со всем своим владением верно служить по смерть свою... управляться без измены»²⁵⁹.

Как известно, Петр I не выполнил плана Персидского похода. Прервав продвижение на юг, он из Дербента направился в обратный путь через те же владения. На территории засулакских кумыков была по указанию Петра заложена крепость Святой Крест (в 20 верстах от устья Сулака, примерно у современного сел. Казийурт Бабаюртовского района), куда был переведен гарнизон и переселены жители Терского города. Вокруг этой крепости возникли русские поселения, в которых жили донские и терские казаки со своими семьями. По указу Сената от 20 мая 1723 г. по берегу Сулака было поселено 1000 семейств донских казаков²⁶⁰.

За время пребывания Петра I в Дагестане все кумыкские владетели признали себя подвластными России. В 1723 г. между Россией и Персией был заключен договор, согласно которому России передавались «в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами также и провинции Гилян, Мазандрань и Астрабат и имеют оные от сего времени вечно в стороне его императорского величества всероссийского остаться и в его подданстве быть»²⁶¹.

²⁵⁵ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 244—246.

²⁵⁶ «Белены путешествия через Россию и разные азиатские земли, а именно: в Исфаган, в Пекин, Дербент и Константинополь», ч. III. СПб., 1776, стр. 169—170.

²⁵⁷ Там же, стр. 174.

²⁵⁸ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 251—252.

²⁵⁹ Там же, стр. 280—281.

²⁶⁰ Там же, стр. 280.

²⁶¹ «Договор между Россией и Персией об уступке в пользу России Прикаспийских земель». — «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 284—287.

Таким образом, равнинный Дагестан в результате петровского похода был присоединен к России. С этого времени русское правительство считало себя вправе контролировать все действия кумыкских феодальных правителей, смещать и утверждать их по своему усмотрению, оказывать военную и иную помощь в нужных случаях и т. д. Правда, подстрекаемые Турцией и Персией, отдельные дагестанские феодальные владетели иногда не повиновались царскому правительству. Но подобные случаи носили характер кратковременных эпизодов. Такие владетели обычно лишались управления, вместо них утверждались новые, служившие «верой и правдой» царскому правительству.

В 1725 г. Адиль-Гирей Тарковский, подстрекаемый Турцией, осадил с 30-тысячным войском крепость Святой Крест. За измену шамхал был строго наказан Петром. Он был сослан в Сибирь, где и умер, а достоинство шамхала было временно ликвидировано. В 1734 г., во время походов Надир-шаха в Дагестан, достоинство шамхала и все его титулы были восстановлены²⁶².

Говоря о крепости Святой Крест, нельзя не упомянуть, что в XVIII и начале XIX в. на Северном Кавказе царское правительство создает целую систему оборонительных сооружений и опорных пунктов. Одни из них существовали недолго, другие — постепенно росли и превратились в крупные экономические и культурные центры. В системе Кавказской укрепленной линии большое значение имел, например, Кизляр. Он возник на реке Терек, на северной границе кумыкских владений, очевидно, в конце XVI или в самом начале XVII в. После ликвидации крепости Святой Крест в 1736 г. Кизляр был укреплен и стал пограничным городом-крепостью. Он быстро рос и приобрел важное значение, превратившись в торговый центр и центр русских сношений с народами Кавказа, прежде всего с кумыками, проживающими рядом с этим городом.

С возникновением русских крепостей и опорных пунктов, начиная с XVI в. (впервые в 1582 г.), с Дона в урочище Гребни на берегу р. Акташ переселяются донские казаки и идет приток русского населения. На берегах Сулака и Терека возникают русские станицы и слободы, жители которых вступают в тесное общение с местным населением.

Со времени правления Петра I наблюдается новое возвышение тарковских шамхалов. Еще Петр в «жалованной грамоте» тарковскому шамхалу от 1722 г. по существу признает его шамхалом дагестанским. «Известно и ведомо да будет всем, — говорится в «грамоте», — что понеже как пред сим, так и при настоящем времени благородный шамхал Адиль-Гирей к нашему императорскому величеству показывал верные свои услуги... Того ради за оные обнадеживаем мы ево, Адиль-Гирея-шамхала, в нашей императорского величества неперменной высокой милости и зашщипений, и в знак оной нашей... милости повелели ему дать сию нашу милостивую жалованную грамоту и через оную определяем ему быть по-прежнему над дагестанцы шамхалом. Також даем ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами и жилищами владения Салтан-Магмута Утемышского»²⁶³.

Систематически проводя политику укрепления своих политических позиций в Дагестане, царское правительство в первую очередь опиралось на тарковских шамхалов, многие мероприятия осуществляло с их активным участием. За верноподданническую службу шамхалы получали от русского двора большое жалованье, чины и т. д. Так, Баммат-шамхал, именуемый в русских документах Магомед-шамхалом Тарковским,

²⁶² «Шамхалы Тарковские», ССКГ, вып. 1, стр. 59.

²⁶³ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», стр. 267—

владельцем Буйнакским и Дагестанским, грамотой императрицы Екатерины II был утвержден с потомством в шамхальском достоинстве. Он же был пожалован бриллиантовым пером для ношения на шапке в знак шамхальского достоинства и чином тайного советника. То и другое переходило к его преемникам. Кроме того, Магомет-шамхалу отпускалось ежегодно 2000 рублей, на что он должен был содержать войска «во всегдашней готовности на службу России и оборону шамхальства»²⁶⁴.

Сын Магомет-шамхала, Мехти-шамхал, грамотой Павла I в 1797 г. был утвержден в шамхальском достоинстве в чине тайного советника, с правом ношения бриллиантового пера на шапке, и с отпуском ему из казны 6000 рублей жалованья ежегодно²⁶⁵. За особые заслуги перед русским командованием грамотой Александра I от 1806 г. тому же Мехти-шамхалу, произведенному уже в чин генерал-лейтенанта, было пожаловано и достоинство изменившего России дербентского хана с правом пользования всеми доходами, идущими из Улусского магала²⁶⁶.

Как мы уже отмечали выше, в XVIII в. тарковские шамхалы возвышаются среди других феодальных правителей; идет процесс территориального укрупнения шамхальства и восстанавливается титул «валия», или «дагестанского шамхала».

Однако и в течение всего XVIII в. Кумыкия остается раздробленной на части феодальной страной. Каждая из этих частей по-прежнему управляется совершенно самостоятельно.

Царское правительство оставляет за князьями все права по отношению к подвластному населению. Растет феодальный гнет, к которому прибавляется колониальный, укрепляется феодальная собственность на землю, юридически оформляемая выдаваемыми царским правительством грамотами, охранными листами и т. д. В то же время продолжается междоусобная борьба дагестанских владельцев.

В XVIII в. еще не было завершено присоединение Дагестана к России, что осложняло его внешнеполитическое положение. Турция и Персия продолжали свою агрессию против Кавказа, в частности Дагестана. В первой половине XVIII в. особенно усиливается агрессия со стороны Ирана. Надир-шах организует опустошительные походы в Дагестан, в результате которых отдельные районы, в том числе и некоторые кумыкские, временно попадают под власть Персии. Народы Дагестана оказывали Надир-шаху упорное сопротивление. Шли ожесточенные бои как на плоскости, так и в горах. В результате завоеватель потерпел тяжелое поражение и вынужден был отступить²⁶⁷.

В начале XIX в. в политической жизни народов Дагестана происходит событие огромного значения. В октябре 1813 г. между Россией и Персией был заключен Гюлистанский трактат, по которому вся территория Дагестана закреплялась за Россией.

Присоединение Дагестана к России имело для его народов, в том числе и кумыков, огромное прогрессивное значение²⁶⁸. Россия была сильным централизованным государством, стоявшим по уровню своего социально-экономического, политического и культурного развития значительно выше многих других стран, в том числе султанской Турции и шахского Ирана, не прекращавших своего посягательства на самостоятельность народов Кавказа. Ф. Энгельс писал: «...Россия действительно играет прогрессив-

²⁶⁴ «Шамхалы Тарковские», стр. 62.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 163—170.

²⁶⁸ В. Г. Гаджиев. Присоединение Дагестана к России. «Уч. зап. ИИЯЛ», вып. 1, 1956, стр. 1—41; И. Р. Нахичунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

ную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей...»²⁶⁹.

Включение Дагестана, а в его составе и территории кумыков, в сферу политической и экономической системы России повлекло за собой, вопреки царской реакционной политике национально-колониального угнетения, более быстрое развитие производительных сил, общественно-политической и культурной жизни. В результате присоединения к России в Дагестане были ликвидированы феодальная раздробленность и политическая разобщенность отдельных его частей, прекращены разорительные для народа феодальные междоусобицы. С этим знаменательным событием были связаны образование единого для всего Дагестана органа управления в составе Российского государства и распространение на всей территории края единых законов. Все это положительно сказалось на хозяйственной и культурной жизни народов Дагестана и прежде всего кумыков.

Присоединение Дагестана к России навсегда избавило кумыков, как и все другие дагестанские народы, от угрозы порабощения со стороны Турции и Ирана. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России заключалось и в том, что народы Дагестана, как и другие братские народы Кавказа, навеки связали свою судьбу с судьбой великого русского народа и обрели в его лице верного соратника в борьбе против социального и национального угнетения. Дружба и боевой союз, помощь русского пролетариата помогли народам Дагестана, как и другим угнетенным народам царской России, получить полную свободу, установить Советскую власть.

²⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI. М.—Л., 1929, стр. 211.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. ХОЗЯЙСТВО

В исследуемый период Кумыкская равнина считалась наряду с некоторыми другими районами житницей Дагестана. Благоприятные климатические условия, большие массивы плодородных земель, близость к морю, выгодное географическое положение Кумыкской плоскости, находившейся на очень важной торговой и стратегической магистрали, связывавшей народы Европы и Северного Кавказа с Закавказьем и странами Востока, и многие другие факторы определили направление экономики кумыков. Хозяйство кумыкского народа носило многоотраслевой характер.

Земледелие

Ведущей отраслью хозяйства кумыков, как и прежде, являлось земледелие. За свою многовековую историю они накопили большой хозяйственный опыт. Кумыки знали трехпольную систему земледелия, им были хорошо известны приемы искусственного орошения полей. Широко практиковалось поднятие пара — «ургъа». Под яровые культуры поднимали зябь, под озимые — черный шар. Однако сохранились и примитивные формы земледелия, в частности переложная система. В отдельных местах земли обрабатывались подряд 10—12 лет, а потом они пустовали три-четыре года. Неполивные земли обычно обрабатывались в течение трех-четырех лет, а затем несколько лет пустовали.

Все земельные угодья, которыми пользовались сельские общества, делились на четыре вида: пашни — «ашлыкъ чачылагъан ерлер», «сабанлыкълар», сенокосы — «бичеиликлер», леса — «агъачлыкълар», «армаплар» и пастбища — «отлавлар».

Пахотная земля в большинстве случаев делилась на три части. В то время как две части подвергались обработке, третья пустовала (барлакъ). Через год участки, использованные, например, под яровые культуры и оставленные под шаром, засеивались осенью озимой пшеницей и ячменем. Считалось, что подобное чередование культур восстанавливает плодородие почвы.

Основными орудиями труда в сельском хозяйстве кумыков были тяжелый деревянный плуг с железным лемехом, деревянная борона, молотильная доска, серп, коса. Железные плуги, некоторые сельскохозяйствен-

ные машины (молотилки с конным приводом, жатки-самосброски), которые стали появляться здесь с середины XIX в. как результат экономиче-ских и культурных связей с Россией, были достоянием только верхушки общества. Тяжелый деревянный плуг требовал четыре-шесть пар волов. Но наряду с четырех-шестипарными плугами были и трехпарные, двух-парные и даже однопарные плуги (в предгорной части). Четырех-шести-парные плуги применялись преимущественно для поднятия целины или в засушливые годы. Отсталая сельскохозяйственная техника была одной из причин низких урожаев. Средний урожай на поливных полях во мно-гих районах часто не превышал сам-четыре-пять а на неполивных — сам-три¹.

Пахотные земли и сенокосы, находившиеся в общественном пользова-нии, подвергались переделам в одних местах ежегодно (в большинстве районов), в других — через каждые несколько лет. Поливные участки обычно переделались ежегодно, а богарные земли — «сувсуз ерлер» — че-рез пять-девять лет.

Земли делили между членами общества по жребью — «чѣпсала»². Для проведения этой работы сход выбирал из опытных людей делильщиков, которые назывались «кѣзурух-башлар» (кѣзурух — шест длиной 2 сажени, линейная мера, баш — голова, т. е. землемер), и их помощников. Подле-жащие переделу участки земли были неодинаковы по своему качеству, условиям орошения, расстоянию от населенного пункта и т. д., и поэтому делильщики разбивали их обычно на две категории: лучшие и худшие земли.

Весь пахотный земельный фонд, находившийся в общественном поль-зовании, сперва делили на несколько больших равных частей — «паев», обычно на четыре-восемь частей. В каждом из этих паев были лучшие и худшие участки. Затем эти большие части после жеребьевки поступали в распоряжение оговоренного числа дворов (население предварительно раз-бивалось на несколько больших групп).

В отдельных местах при первоначальном разделе земли исходили из количества плугов, точнее, выделяли по одному участку на каждые четы-ре или восемь плугов. Один плуг составлял обычно четыре хозяйства, каждое с парюю волов³. Плуг означал также поле, засеваемое 12 мешка-ми⁴ зерна, т. е. от 12 до 15 десятин земли. Следующий раздел земли, тоже по жребью, происходил уже внутри каждой группы из четырех-восьми плугов по числу дворов. Общество старалось, чтобы по мере возможности жители одного квартала — «авула» — были обеспечены землей в одном месте. Малоимущие крестьяне, получив вместе участок на один плуг, не-редко вели полевые работы сообща, сложив весь свой инвентарь, тягло и т. д., т. е. объединялись в «ортакъ» (супряга). Пахота, сев, боронование, поливка производились совместно, уборку же на своем участке каждый производил отдельно.

Земля делилась поровну между дымами, или хозяйствами. Число чле-нов семьи и их возраст в расчет не принимались. Вдова не имела права на надел, если у нее не было детей мужского пола. Наделы не получали и те, кто не числился членом джамаата (общества) данного селения, т. е. не имел оседлости.

Размер надела зависел от величины земельного фонда, находившего-ся в общественном пользовании. В отдельных селениях (Маджалис,

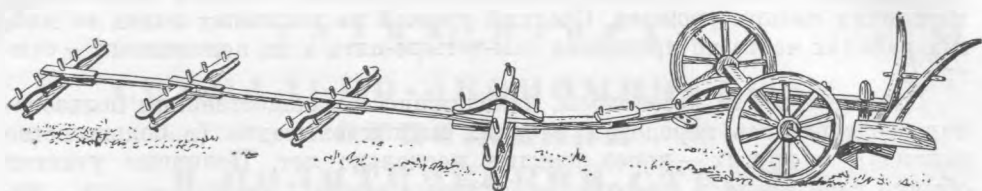
¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 18; ЦГИА, ф. 1268, оп. 8, д. 209, л. 52.

² Чѣп — соломинка, которую тянули в качестве жребия.

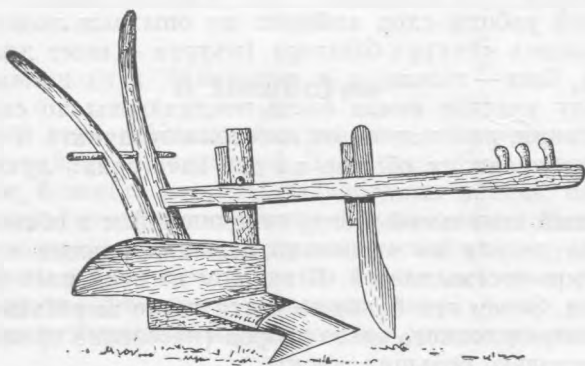
³ Вейсенгоф. Очерк состояния орошения в Терской области. ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 8256, лл. 16, 20.

⁴ Мешок — 3 сабу, сабу — 3 пуда и 3 фунта; таким образом, мешок вмещал 9 пудов и 9 фунтов зерна.

Туменлер, Янгикент и др.) на двор приходилось в среднем не больше полутора десятины пахотной земли и сенокоса. Общество сел. Нижнее Казанище Темир-Хан-Шурина округа имело на каждую душу мужского пола примерно до двух десятин всех угодий вместе взятых⁵. На Кумыкской плоскости (Хасавюртовский округ и Присулакское наибство), несомненно, наделы были больше, чем на остальной территории, особенно в предгорной полосе (Темир-Хан-Шурина, Кайтаго-Табасаранский окру-

а

б

Рис. 5. Кумыкский плуг «сабан» для четырех пар волов:
а — общий вид; б — рабочая часть

га). Зато здесь ввиду засушливого климата первостепенное значение имело орошение.

Уравнительный принцип совершенно не соблюдался по отношению к верхушке общества. Землевладельцы или управлявшие селением беки имели адатное право на совместное с крестьянами землепользование. Они получали без жребия лучшие участки в размере семи-восьми наделов рядовых общинников⁶, а чанки⁷ — наполовину меньше. Так, например, кумторкалинские беки Мирзоевы согласно адатному праву получали из фонда общественных угодий: для весенней запашки по 8 кап⁸, для осенней по 6 и для покосов по 6 кап⁹ участка, в то время как рядовые общинники имели право на 1 кап участка для каждого из вышеуказанных видов угодий. Число бекских паев постепенно увеличивалось, и во второй половине XIX в. в отдельных случаях оно доходило до 15 капов осенью и 5—10 капов весной. Больше других получал и главный делильщик — «кьюрух-баш». У засулакских кумыков он имел право на четыре-восемь паев.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142-к. л. 33.

⁶ Там же, оп. 5, д. 28, лл. 33—34.

⁷ О чанках см. в разделе «Сословные отношения».

⁸ Кап земли — участок свыше десятины, где высевают 9—10 пудов зерна. Считалось, что кап можно вспахать одним плугом за рабочий день.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 28, лл. 33—34.

Старшины, кадии и прочие представители местной власти также получали наделы без жребия. Зажиточная верхушка общества всячески старалась захватить при переделах лучшие участки. При этом переделу по жребию не подлежали многие хорошие участки земли. Несмотря на протесты трудового населения, их присваивали феодалы и узденская верхушка. Земельные переделы, таким образом, происходили в обстановке напряженной классовой борьбы и иногда сопровождались вооруженными столкновениями между основной крестьянской массой и зажиточной верхушкой.

Точно так же делились и сенокосы и вода для орошения. Приусадебная земля не подлежала переделам, пастбищные и лесные угодья находились в общем пользовании.

Весною все жители селения в установленный для этого сельским сходом день выходили в поле. В отдельных обществах день первой борозды отмечался с особой торжественностью. Проведение первой борозды плугом поручалось тому крестьянину, который считался наиболее опытным или «удачливым» (берекетли), имеющим самые дружные всходы и получающим хороший урожай.

Низкая техника земледелия не позволяла кумыкам выполнять сельскохозяйственные работы в короткие сроки. Особенно долго шла пахота. Многие крестьяне до самой зимы оставались в поле, чтобы завершить осенний сев.

В полеводческом хозяйстве кумыков первое место занимало возделывание зерновых культур (пшеница, ячмень, просо, кукуруза, рис). «Они все занимаются хлебопашеством...», — писал И. А. Гильденштедт о кумыках, — хлебные растения у них суть пшеница, ячмень, просо, овес, а особенно сарачинское пшено, в нарочитом множестве разводят и хлопчатую бумагу...»¹⁰.

Авторы начала XIX в. указывают и на наличие посевов кукурузы. «Они сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, сарачинское пшено, нарочито разводят хлопчатую бумагу...», — писал в 1823 г. С. М. Броневский¹¹. «Кумыки занимаются посевами проса, ячменя, кукурузы, сарачинского пшена и пшеницы; разводят виноград, хлопчатую бумагу и отчасти занимаются пчеловодством», — отмечал П. Зубов¹².

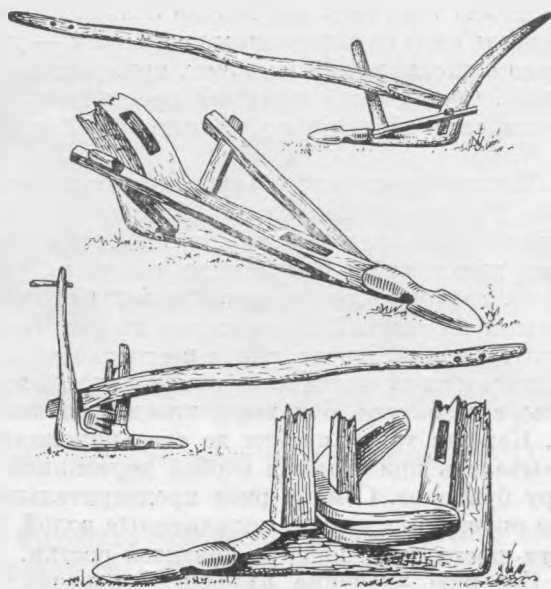

Рис. 6. Типы легкого пахотного орудия «пурус»

¹⁰ «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг». СПб., 1809, стр. 105.

¹¹ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 200.

¹² П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношении, ч. II. СПб., 1835, стр. 183.

Больше всего сеяли кумыки озимую пшеницу и ячмень. В весеннем посеве большое место занимали яровой ячмень, кукуруза, а также рис (у засушливых кумыков). Кроме того, кумыки весной сеяли огородно-бахчевые культуры, в основном тыкву, арбузы, дыни, фасоль, огурцы, что составляло специфическую особенность хозяйства всего населения равнинного и предгорного Дагестана. Умелое сочетание осеннего и весеннего сева давало кумыкам возможность компенсировать неурожаем озимых урожаем яровых культур и наоборот.

Чтобы получить как можно больший урожай, каждая семья старалась засеять свой надел лучшими семенами — урлукъ. Сеяли вручную, набрав зерно в специальный мешочек, прикрепляемый к поясу, или в переметные сумки. Сеял самый опытный крестьянин, как правило, глава хозяйства. После сева обязательно проводилось боронование деревянными бородами¹³.

Несколько сложнее была подготовка земли под рис и процесс его сева¹⁴. Рис сеяли только на обильно орошаемых землях. Поле для риса вспахивалось, как правило, в мае, но до наступления лета рис должен быть уже посеян. Вспаханное обычным способом поле делилось на ряд ячеек, которые для задержания воды огораживались со всех сторон земляными бортами. Каждая такая ячейка (хыр) имела примерно до шести десятин земли. Число хыров в отдельных поселениях доходило до 25—30 в зависимости от количества земли и хозяйств. Обычно один хыр получали четыре хозяйства. Эти хыры иногда разбивались и на более мелкие ячейки. Каждая такая ячейка до сева наполнялась водой, после чего утрамбовывалась при помощи особой деревянной бороны, в которую впрягали пару буйволов. Семена риса предварительно помещались в мешки, которые осушались в ямы, наполненные водой, где они находились в течение пяти-шести дней, пока не появлялись ростки.

Большое значение кумыки придавали охране посевов. Ежегодно, обычно после завершения осеннего сева, каждое общество для этой цели выделяло большую группу людей (иногда несколько десятков человек) — «тургъакълар». В их обязанность входило охранять общественные посевы.

На Кумыкской плоскости все посевы должны были поливаться, иначе они не могли дать урожай; неполивные поля оставались здесь в виде сенокосов, ластбищ и т. д.

Первый полив производили сразу же после сева — «буртук артдан сув» (за семенами — вода). Народ полагал, что если сразу не полить, семена могут быть уничтожены грызунами. Самым ценным считался осенний полив. Кумыки недаром сложили пословицу: «Гюз сув — юз сув» (осенний полив — стократный полив).

Один, а иногда и два раза (весной для озимых и летом для яровых) производилась прополка полей особым орудием — «къьыргъыч». При этом, как правило, крестьяне работали коллективно, устраивая «чоп булкъа»¹⁵ (чоп — сорняк, булкъа — коллективная работа). На «булкъа» приглашались в основном девушки и юноши. В этот день родственники, соседи, близкие знакомые должны были по обычаю доставлять транспорт для переброски людей в поле. В день «булкъа» никто не отказывал в помощи, ибо рассчитывал на такую же помощь со стороны других.

Примерно в последних числах мая проводился сенокос. Косили только мужчины. Сушили сено тут же в поле. Затем отвозили его домой и укладывали в стога — «гебен» — на сваях.

¹³ О боронах и другом сельхозинвентаре см. в разделе домашних промыслов.

¹⁴ Разведением риса занимались не все кумыки, а лишь отдельные селения Кумыкской плоскости.

¹⁵ Булкъа — коллективная работа, применялась кумыками в разных случаях.

Рис. 7. Старый способ боронования (фото Гос. музея этнографии народов СССР)

На уборку урожая обычно выходило одновременно все взрослое население. Это обеспечивало сохранность посевов от поотравы и хищения. Жали повсюду серпами, а редкие хлеба убирали косой.

Многие кумыки и на уборке хлеба устраивали «булкъя», чтобы успеть вовремя и без потерь убрать хлеб. После окончания жатвы хлеб возили на гумно — «харман». Чтобы предохранить хлеб от дождя и поотравы скотом, снопы складывали в скирды — «гебен», причем наружные снопы складывались колосом внутрь. Одновременно готовили ток — «индир» — для молотбы.

Молотба у кумыков производилась очень тщательно. В устройстве тока использовался опыт, накопленный веками. Чтобы сделать индир, предварительно взрыхляли лопатой площадку примерно в 12 квадратных саженой, бороновали ее, затем уравнивали и утрамбовывали. Молотба производилась при помощи усаженных камнями молотильных досок (балбулар), на которые для тяжести сажали детвору. Быки или буйволы целый день ходили с молотильными досками по снопам, разостланным по всему току, чтобы зерно отделилось от соломы. Солома легко отделялась от зерна ручными деревянными граблями. Затем, определив направление ветра, зерно провеивали. Последний этап веяния зерна назывался «къзыл атмакъ» (бросать красным или золотым, т. е. чистым зерном). На этот раз оно ложилось по сортам: самое крупное, полновесное зерно падало поближе, среднее — подалше и самое мелкое, т. е. отходы, еще дальше.

Лучшее зерно кумыки сохраняли как семенной фонд, остальное же шло на питание.

Тут же на току по шариату нужно было выделить десятую часть урожая — «закат» — в пользу духовенства.

При уборке урожая и молотбе, как и при выполнении других работ, соблюдались определенные, очень давние обычаи. Одним из них было, например, «пленение». Если на чужой ток случайно заходил подросток, то он считался «пленным». Его заставляли выполнять различные поруче-

ния и не выпускали до тех пор, пока родители не дадут «выкуш»: не зарежут для работающих барашка, не приготовят хороший обед, не принесут фрукты и т. д. Если у кого-либо устраивалась булкья, то по окончании жатвы на шею хозяина надевали сери. Хозяин, прося «прощения», должен был поставить участникам булкья хорошее угощение.

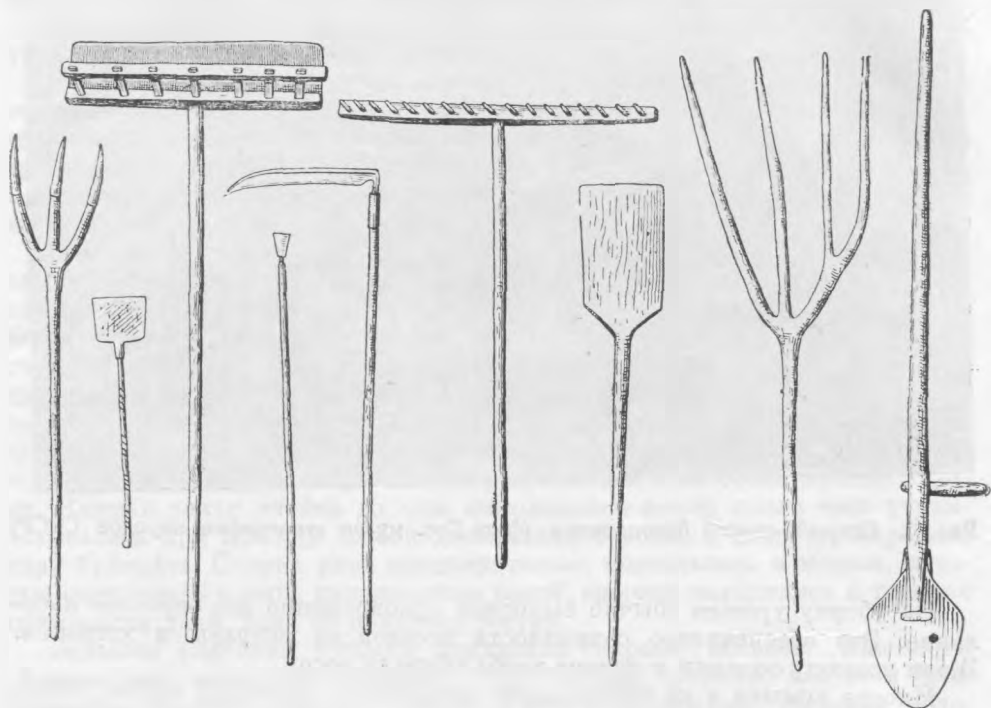

Рис. 8. Сельскохозяйственные орудия

Первый хлеб из муки нового урожая обычно давали пробовать самому младшему ребенку в семье, считая, что раз он ест хлеб без горя и забот, то и семья без горя и забот будет питаться этим хлебом в течение всего года.

После уборки пшеницы и ячменя поспевала кукуруза — «гьябжей». Початки кукурузы привозились в селение в «гьябжейчали» — корзинах для кукурузы. Дома ее очищали от листьев и сушили на солнце. После очистки устраивали «гьябжей-булкья» (булкья для молотбы кукурузы). Обмолот кукурузы производился так: девушки и юноши становились в ряд перед горой початков и ударили по ним длинными палками.

Наряду с возделыванием зерновых культур кумыки с давних пор развивали садоводство и виноградарство. Многие арабские авторы еще в IX—X вв. отмечали, что на территории приморского Дагестана, от Семендера до Дербента, расположены большие виноградники¹⁶.

«Почва земли, — писал П. Зубов об этой части Дагестана, — причитается к числу плодоснейших, что доказывается множеством винограда и плодовых деревьев в садах и лесах, равно удачными посевами сарачинского пшена»¹⁷. Из фруктовых деревьев наибольшее распространение

¹⁶ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Истахрий. СМОМПК, вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 47; его же. Сведения арабских географов IX и XX вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Мукаддасий. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1903, стр. 5.

¹⁷ П. Зубов. Указ. соч., ч. III, стр. 186.

имели здесь те же, что и в других районах Дагестана: яблоны, груши, айва, слива разных сортов и видов, алыча, тутовник, вишня, черешня, кизил, абрикосы, персики, орехи грецкие и др. Садовые деревья выращивались главным образом на поливных участках.

Кумыки употребляли фрукты не только в свежем виде, но и консервировали, сушили и мочили на зиму. Часть фруктов поступала на рынок.

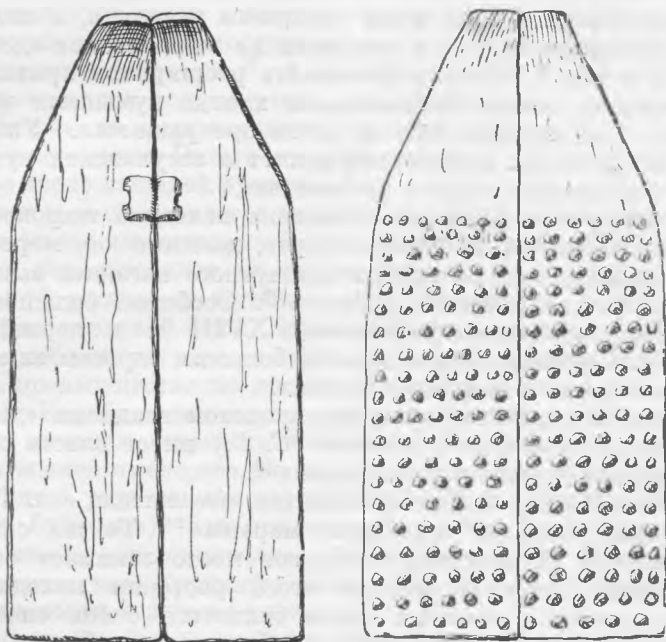

Рис. 9. Молотильная доска

Однако садоводство и виноградарство находились на сравнительно низком уровне. Улучшением сортов фруктов и винограда кумыки занимались крайне мало. Многие из местных сортов, особенно яблоки и груши, имели низкие вкусовые качества. Большого развития не получило и виноделие. Исключение составляло сел. Кумторкала Тарковского шамхальства, жители которого славились как лучшие виноградари и виноделы.

Немалую роль в экономике кумыков играли и некоторые виды огородно-бахчевых культур (фасоль, лук, чеснок, арбузы, дыни, тыква, перец и т. д.). После присоединения Дагестана к России под влиянием русских переселенцев здесь постепенно стали возделывать и такие культуры, как картофель, помидоры, капусту, морковь и др.

Наряду с зерновыми, огородно-бахчевыми культурами и садоводством кумыки издавна занимались также разведением технических культур, в частности хлопководством и мареноводством, что неоднократно отмечалось авторами XVIII и начала XIX в. И. Г. Гербер, например, писал о жителях главного селения Тарковского шамхальства, что они «собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»¹⁸.

¹⁸ И. Г. Гербер. Известия о находящихся западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб, 1760, стр. 35.

То же самое отмечал и Д. Белль, характеризуя экономическое состояние Аксаевского и Тарковского владений¹⁹.

Дагестанский хлопок весьма заинтересовал Петра I, который, осмотрев хлопковые поля у кумыкского селения Буйнак во время Персидского похода, отметил в «Походном журнале»: «Пришли почевать в урочище Старого Буйнака (тут же дорогою видели бумагу хлопчатую, как растет)»²⁰.

Хлопок, видимо, не имел здесь товарного значения, а шел главным образом на домашние нужды, в частности на изготовление одежды, палаток и т. д. К концу XVIII в. в результате расширения притока русских хлопчатобумажных тканей возделывание хлопка кумыками значительно сокращается, а к середине XIX в. почти прекращается. Уже в начале XIX в. (1812 г.) А. М. Будковский пишет о засулакских кумыках, что здесь «бумага хлопчатая в малом количестве»²¹.

Марена как красящее вещество издавна находила широкое применение. Судя по описаниям арабских авторов, дагестанская марена, так же как и закавказская, еще во времена Хазарского каганата вывозилась на восточные рынки, в частности в Индию²². Особенно большое значение приобретает мареноводство у кумыков в XVIII и в первой половине XIX в., что было вызвано, прежде всего, большим спросом на кавказскую марену на российских и восточных рынках.

Д. И. Тихонов отмечает, что в шамхальском владении «довольно родится марены, которую он (шамхал.—С. Г.) имеет власть отдавать на откуп армянам или другим каким кушцам»²³.

Автор начала XIX в. И. Клапрот считал, что жители сел. Тарки занимались «главным образом культурой марены»²⁴. То же самое пишет об этом селении И. Н. Березин: «...Первое место занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены. На эти работы собираются в Тарху толпы горцев...»²⁵.

Одним из древних занятий кумыков было выращивание шелкопряда и пчеловодство. «Пчеловодство составляет довольно важный промысел. Кумыки сбывают на меновых дворах и в других местах меду и воску до 500 пудов»²⁶, — читаем мы о Кумыкской плоскости в «Военно-статистическом обозрении Российской империи». Развитие шелководства способствовало наличию тутовых садов и рощ, распространенных во всех районах, населенных кумыками. Шелк-сырец шел как на изготовление предметов одежды, так и реализовался в виде коконов или готового волокна на рынке.

¹⁹ «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли...», ч. III. СПб., 1776, стр. 60.

²⁰ Цитируем по книге: В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. 1722—1723. 1951, стр. 32.

²¹ А. М. Будковский. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.». М., 1958, стр. 244.

²² Н. А. Караулов. Сведения арабских географов..., стр. 98.

²³ Д. И. Тихонов. Описание северного Дагестана. 1796. «История, география и этнография Дагестана...», стр. 130.

²⁴ И. Клапрот. Историческая, географическая, этнографическая и политическая картина. Париж—Лейпциг, 1827. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфильмала АН СССР, л. 2088 стр. 34.

²⁵ И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, ч. 1. Казань, 1849 стр. 65.

²⁶ «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (Ставропольская губерния), т. XVI, ч. 1. СПб., 1851, стр. 150.

Важное место в хозяйстве кумыков занимало скотоводство, составлявшее вторую по значению отрасль народного хозяйства. Развитию скотоводства у кумыков, особенно северных, способствовало наличие хорошей кормовой базы. Недаром А. А. Неверовский указывал, что «богатые пастбищные места, особенно около берегов Каспийского моря, где бывает круглый год подножный корм, дозволяют содержать значительные стада. По сей причине скотоводство составляет на плоскости один из главнейших предметов промышленности»²⁷. А. М. Буцковский писал о кумыках, что они богаты «всякого рода скотом», что феодальные владельцы «имеют конские табуны», из коих «лучшие Чепалава, отличной на Кавказе породы, аксаевскому князю Гаспулату принадлежат... Прежде сего продавали они немалое число лошадей русским»²⁸.

Первое место в скотоводстве занимал крупный рогатый мясо-молочный скот. Но не менее значительна была в степных районах и роль овцеводства²⁹. Скот использовался не только для получения мяса и молочных продуктов, но и в качестве тягловой силы. Лошадь использовалась преимущественно для верховой езды. Характерно было разведение буйволов, хорошо приспособленных к условиям степного Дагестана. Буйволоводством занимались преимущественно жители Кумыкской плоскости, а также Каякентского и Карабудахкентского районов. Молоко буйволиц особенно ценилось за высокую жирность и большую питательность. Однако скотоводство у кумыков имело все же отсталый характер. Кумыки в это время мало занимались улучшением породности скота, в результате чего рогатый скот (кроме буйволов) был почти такой же малорослый, как и в горах. Корма для скота заготавливались только на зимний период и то в небольших количествах. Круглый год скот содержался на подножном корму, зимой на плоскости, а летом в горах.

Животноводство было отгонным. Перегон скота в известной мере влиял на общность экономических интересов дагестанцев, их культурно-исторические связи. Жители нагорной части Дагестана: аварцы, даргинцы, лакцы и др., арендовали у кумыков зимние пастбища на равнине.

Кумыки же пользовались богатейшими летними пастбищами в горах на тех же арендных условиях. В отличие от своих соседей кумыки в основном перегоняли в горы мелкий рогатый скот и лошадей, а крупный оставляли на равнине. На летние пастбища в горы скот перегонялся в конце мая, а на зимние — в сентябре. К перегону скота кумыки готовились очень тщательно. На весь период перегона заготавливалась мука и другие продукты питания, приводились в порядок утварь и одежда для чабанов, транспортные средства и т. д. Начало перегона торжественно отмечалось богатым угощением.

Два раза в году — весной перед перегоном в горы и осенью по возвращении на плоскость — производилась стрижка овец. Стрижку производили ножницами.

По установившемуся у кумыков разделению труда уходом за мелким рогатым и рабочим скотом занимались только мужчины. За молочным скотом ухаживали главным образом женщины. Пастбища же скот в поле (и крупный и мелкий) должны были только мужчины, как правило — наемные люди. Отдельные отары, стада или табуны организовывались для каждого вида скота: для коров, буйволов и быков (вместе), для телят.

²⁷ А. А. Неверовский. Указ. соч., стр. 42—43.

²⁸ А. М. Буцковский. Указ. соч., стр. 244.

²⁹ «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XVI, ч. 1, стр. 150.

Рис. 10. Глиняная маслoбoйкa

плоскости. Так, по данным «Тарихи-Дербент-наме» сел. Костек платило «ясак» (подать шамхалам) толькой рыбой³¹. Основным рыболовным районом, как это отмечали в свое время А. И. Ахвердов, С. М. Броневская и др., была р. Сулак, изобильная рыбой³², особенно ее низовья, начиная от Султан-Янги-юрта до самого моря³³. Что же касается рыболовства на Каспийском море, то оно в условиях отсталой техники было сопряжено со значительными трудностями. Кумыки не знали сложных судов для рыбной ловли. По описанию И. С. Костемеровского, в 1858 г. при ловле рыбы здесь пользовались примитивными каюками (къайыкъ), похожими на «корыта, выдолбленные каждое из одного бревна»³⁴. По его сведениям, рыбаки-кумыки на этих же каюках выходили в море. С начала XIX в. рыбные богатства стали шире эксплуатироваться, появились более совершенные рыболовные суда. Владельцы рыбных промыслов (тарковский шамхал, князя Кумыкской плоскости) стали отдавать рыболовные участки на откуп русским промышленникам. Один только тарковский шамхал, которому принадлежало устье р. Сулак (Сулакская ватага), получал от рыбопромышленников до 10 000 рублей серебром³⁵. Этот же шамхал получал большой доход от рыбной ловли на Каспийском море, в частности у острова Чечень. Так, с 1838 по 1850 г. рыболовные районы, принадлежавшие тарковскому шамхалу (Кут, Лопатин, Сулак, Турали, Бурун, Буйнак), находились на откупе у коллежского ассесора Давыдова. До 1846 г. последний платил владельцу ежегодно по 3000 рублей серебром, а с 1846 г. — по 4000 в год³⁶. Как видно

для лошадей и для овец. Ежегодно, как это отмечает Х.-М. Хашаев³⁰, общества нанимали пастухов для крупного рогатого скота. Оплата их труда производилась продуктами — зерном, частично готовым хлебом, выделяемыми каждым хозяйством в зависимости от количества скота. Чабанов нанимали в индивидуальном порядке, исходя из поголовья скота. Труд чабанов оплачивали главным образом овцами и частично продуктами питания.

Кумыки занимались и птицеводством, которое считалось чисто женской отраслью труда.

Рыболовство

Благоприятные природные условия, близость к морю, наличие рек способствовали возникновению у кумыков рыболовства. Больше всего оно развивалось у жителей Кумыкской

³⁰ Х.-М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959, стр. 50.

³¹ «Тарихи-Дербент-наме», Тифлис, 1898, стр. 177.

³² А. И. Ахвердов. Указ. соч., стр. 214.

³³ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 201—202; А. А. Неверовский. Указ. соч., стр. 44.

³⁴ «Записки об исследовании р. Сулака». — «Акты, собранные Кавказской археологической комиссией» (в дальнейших ссылках — АКАК), т. XII, стр. 1114—1115.

³⁵ А. А. Неверовский. Указ. соч., стр. 63—64.

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 14, л. 5.

из приведенных данных, доход шамхала от рыбных промыслов значительно возрос, что было связано с ростом спроса на дагестанскую рыбу. Такие же доходы получали и владельцы на Кумыкской плоскости, имевшие здесь рыболовные участки.

Соль и нефть

Некоторое значение в экономике кумыков имели соль и нефть. Самыми крупными соляными озерами, как отмечал И. Г. Гильденштедт³⁷, были Туралинские, близ сел. Тарки. Кумыкская соль шла не только на удовлетворение нужд местного населения — ею снабжалась также большая часть нагорного Дагестана и некоторые соседние районы. Указывая на большое значение Туралинских соляных промыслов в экономике Дагестана, А. И. Ахвердов писал, что шамхал имеет «достойные замечания соляные озера от Тарков в 15 верстах, которыми пользуются все подвластные ему, шамхалу, народы как для домашних надобностей, так и продажею оной дагестанцам, кумыкам, чеченцам, ингушевцам и карабулахцам. Которую ежели б шамхал запретил подвластным продавать вышеописанным народам, тогда бы большая была удобность России приводить их к повиновению, поелику, кроме сей соли, сказанные народы получать неоткуда не могут»³⁸. Значение соли еще более возросло с развитием рыбной промышленности.

Нефть кумыки добывали из колодцев. Основным районом ее добычи была территория южных кумыков. Кумыкской нефтью снабжались районы Дагестана. Транспортировали ее в больших глиняных кувшинах или деревянных бочках. Нефть применялась в неочищенном виде, без всякой переработки. Она шла на освещение, отопление, на смазку сельхозинвентаря, деревянных деталей жилища, конской упряжи и других бытовых нужд.

Использование керосина кумыками, очевидно, началось во второй четверти XIX в., когда в соседнем Моздоке русскими, в частности торговцем нефти Дубининым, в 1833 г. был изобретен аппарат для перегонки нефти³⁹.

Сельскохозяйственный календарь

Кумыки к исследуемому периоду уже имели многовековой опыт полеводческого хозяйства.

Для земледельческого народа, каким являлись кумыки, необходимо было умение производить наблюдения над явлениями природы. Требовалось примерно знать, когда наступает зима, весна и другие времена года, так как в зависимости от этого определялись сроки начала и конца того или иного вида сельскохозяйственных работ. В результате большого опыта кумыки выработали довольно точный сельскохозяйственный календарь. В нем отмечались не только четыре времени года, но и их части. Так, например, зима в целом называлась «кыш». Часть зимы от начала зимнего солнцестояния (22—23 декабря) и примерно до первого февраля называлась «чилле». Этот самый суровый период года хорошо отражен в устно-поэтическом творчестве кумыков:

Я — чилле, я — чилле,

Я — один из дней чилле,

Я открою закрытую дверь

И унесу детей (т. е. дети заболеют, умрут)⁴⁰.

³⁷ «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта...», стр. 107.

³⁸ А. И. Ахвердов. Указ. соч., стр. 215.

³⁹ А. Ф. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, стр. 90—91.

⁴⁰ Здесь и далее дается подстрочный перевод песен, пословиц, стихов.

В пределах чилле кумыки различали два периода: «уллу чилле» (большая чилле), который длился 30 дней, и «чиччи чилле» (малая чилле), длившийся 10 дней. Самые сильные морозы на Кумыкской равнине наблюдаются в период малой чилле (примерно 1—10-е января). По этому поводу в народе существует сказание: малая чилле якобы сказала большой чилле: «Если бы я была такая большая, как ты, от моей силы (мороза) треснул бы рог трехлетнего быка». После чилле зима длится еще 25 дней (т. е. до 25 февраля), но уже не так сурова.

Период от 25 февраля и примерно до 25 марта назывался «къара-язбаш» (черная весна, т. е. время, когда снег растаял, но земля еще не покрылась зеленью). Считалось, что если «къара-язбаш» рассердится, то может продолжаться не 30 дней, как это обычно бывает, а 40. Недаром кумыки в старину говорили:

Если черная весна рассердится,
Понадобится сорок дней и сорок корзин мякны⁴¹.

Далее наступала весна, которая длилась, по представлениям народа, два месяца. В отдельные годы весной, во время цветения плодовых растений, наступали кратковременные холода и выпадал снег. Эту временную непогоду в народе называют «къазав чилле» (вредоносная чилле) и объясняют как войну зимы и лета.

Народным календарем определялись сроки начала и конца пахоты, сева, орошения полей, а также других работ. Например, был период (примерно с 23-го марта по 24-е апреля), когда кумыки обычно не поливали поля, считая, что «почва не принимает воду». В конце марта и в начале апреля заготавливали строевой лес, ибо считалось, что дерево в это время не впитывает в себя воды.

Накопленный практический опыт и астрономические наблюдения позволяли кумыкам проводить те или иные сельскохозяйственные работы в лучшие сроки. О наличии у народа навыков регулярного наблюдения за небесными светилами свидетельствует существование большого числа местных названий звезд. Таковы, например, «Танг Чолпан», она же «Ярык юлдус» (Утренняя звезда), «Етти юлдус» (Большая медведица), «Уъркерлер» (Плеяды), «Боюнсалар» (то же созвездие), «Тамыр къазыкъ» (Полярная звезда), «Кариван къыргъан» (какая-то звезда, которую кумыки путают с Полярной звездой) и др. Кумыки замечали, как в различные времена года изменяется картина звездного неба, как одни созвездия, которые видны летом, исчезают осенью, а другие занимают их места и т. д.

Все это, по мере возможностей, народ использовал в практической деятельности. Так, например, не рекомендовалось продолжать на полях сев после того, как исчезнет созвездие «Уъркерлер». «Исчез Уъркер и земля затвердилась (т. е. замерзла)», — говорили кумыки, считая бесполезным поздний сев.

Ночью в полевых условиях крестьяне во времени, а в отдельных случаях и в местности ориентировались по направлению звезд, особенно Большой медведицы, которую народ называл своими «часами». Появление «Танг Чолпана» указывало, что наступает утро, что можно начать полевые работы, либо отправиться в путь. По расположению созвездия «Боюнсалар» (южные кумыки еще называют его «Гъавдаргъылар») крестьяне определяли время наступления самого жаркого периода лета (примерно с 10 по 15 июля).

Наступление осени, прохладного периода кумыки связывали с появлением звезды «Туршу». «Туршу» кумыки наделяли особыми чертами.

⁴¹ Здесь подразумеваются топливо и корм для скота.

Они считали, что эта звезда рождается примерно в 20—25-х числах августа, что она выходит из моря в виде горящего полена и с каким-то звуком проходит на север. Кроме того, существовало поверье, что тот, кто увидит «рождение» (восход) этой звезды, вскоре умрет. Некоторые кумыки в такие ночи избегали почевать вне помещения. Это поверье, очевидно, связано с появлением различных болезней простудного характера, вызванных переменой погоды с наступлением осени.

Большой опыт накопил народ и в наблюдении за погодой, за атмосферными явлениями. Состояние погоды во многом предопределяло успех или неудачу сельскохозяйственных работ. Поэтому народ тщательно следил за атмосферными явлениями, стараясь приспособиться к ним как можно лучше. По направлению облаков, ветров, например, люди часто определяли, какая будет погода. В этом отношении очень характерны следующие строки:

Когда вечером облака краснеют,
Для меня подобно тому, как
Своха родит сына (т. е. большая радость);
Когда же утром краснеют облака,
Это подобно тому, если бы разгромил враг мой дом.

Или же:

Если облака идут на юг, к Азербайджану,
Корми скот дома мякиной.
Если же облака идут на Крым,
Отправляй скот пастись в поле.

Здесь мы имеем дело с предсказанием погоды на один день. В первом случае речь идет о летнем периоде. Вечерние багровые облака, по народным наблюдениям, предвещают хорошую погоду на утро, а такие же облака утром — изменение погоды. То же самое и во втором случае, но только в зимний период. Если облака идут к югу, считалось, что погода испортится, пойдет снег и скоту в поле нечего будет есть. Если же облака направляются на запад, изменения погоды не будет и можно выпустить скот на подножный корм. Для предсказания погоды на более продолжительное время использовались наблюдения за величиной и формой молодой луны. Наблюдения за солнцем давали возможность примерно устанавливать время дня, что имело большое значение, особенно в полевых условиях.

В этих наблюдениях и основанных на них выводах и советах встречались и ошибочные толкования, в частности религиозно-магического характера. Ограничены были и возможности правильного подхода кумыка-крестьянина к объяснению явлений природы, что было связано с общей культурно-экономической отсталостью дореволюционного Дагестана и социальной придавленностью трудящихся масс. В значительной мере этому способствовало и мусульманское духовенство, объяснявшее все явления природы «божьей волей».

Все же в общей системе взглядов на явления природы преобладали реалистические элементы.

* * *

Подводя итоги обзора основных отраслей сельского хозяйства кумыков, следует отметить, что их экономика в первой половине XIX в. переживала определенный подъем. Постепенно увеличивалась посевная площадь зерновых и огородно-бахчевых культур; большое развитие получило

мареноводство. Сельское хозяйство кумыков переставало носить только потребительный характер и приобретало товарное значение.

В экономическом развитии кумыков огромную роль сыграло присоединение Дагестана к России. Близкое соседство с русскими, издавна поселившимися в предкавказских степях и продолжавшими селиться здесь в первой половине XIX в., тесные экономические связи с ними в значительной мере способствовали развитию хозяйства кумыков. Кумыки заимствовали у русских соседей более передовые способы обработки земли, более совершенные сельскохозяйственные орудия, разведение отдельных сельскохозяйственных культур. Улучшению подверглась оросительная система. Заметны были и сдвиги в области рыболовства, которое, перейдя в руки русских рыбопромышленников, приобрело большое значение. В 1859 г. был исследован фарватер р. Терек с целью установления на ней судоходства⁴². В 1858 г. с этой же целью были проведены соответствующие исследования на р. Сулак штаб-лекарем Дагестанского конно-иррегулярного полка И. С. Костемеревским⁴³.

Живя бок о бок с кумыками, русские поселенцы в свою очередь много заимствовали у кумыков в пище, одежде, переняли их положительный производственный опыт, не известные им методы ведения хозяйства в условиях юга, особенно в области виноградарства и виноделия. Много кумыкских слов вошло и в словарный фонд терских казаков. «Гребенцы,— писал М. Я. Ольшевский,— многое приняли от своих соседей не только в одежде, образе жизни и обычаях, но и в поступке, походе, посадке на коней. До сих пор между гребенцами сравнительно более говорящих по-кумыки, нежели в других казачьих поселках»⁴⁴. Справедливо отмечает А. В. Фадеев, что «взаимное общение трудовых масс коренного и пришлого населения способствовало успешному хозяйственному освоению предкавказских степей»⁴⁵.

Домашняя промышленность и ремесло

Наличие широкой сырьевой базы способствовало развитию у кумыков наряду с земледелием и животноводством разнообразных кустарных промыслов. Сельскохозяйственное сырье (шерсть, хлопок, шелк, овчина и др.) перерабатывалось тут же в домашнем хозяйстве. Шерсть использовалась для изготовления сукна, узорчатых войлочных паласов, в ковроткачестве; хлопок шел на изготовление тканей для одежды; шелк — на платки, пояса, нитки; овчина — на одежду, обувь, головные уборы; железо — на орудия труда, оружие; дерево — на сельскохозяйственный инвентарь, утварь, предметы домашней обстановки; глина — на изготовление разнообразных гончарных изделий и т. д.

В XIX в. у кумыков насчитывалось свыше 10 различных видов домашней промышленности.

Основная часть изделий домашних промыслов шла на удовлетворение нужд крестьянской семьи — хозяйство кумыков носило полунатуральный характер. «Домашние промыслы,— указывал В. И. Ленин,— составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»⁴⁶. Отдельные от-

⁴² АКАК, т. XII, стр. 1361.

⁴³ Там же, стр. 1114—1115.

⁴⁴ М. Я. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 г. «Русская старина», № 6, 1893, стр. 592.

⁴⁵ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 104.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285.

расли, однако, имели уже товарное значение, выделяясь из домашних промыслов в ремесло.

В домашних промыслах были заняты как женщины (обработка шерсти, шелка, ткачество, обработка овчин и др.), так и мужчины (обработка металлов, дерева, камня, кожи, гончарное дело и др.).

Изготовление сукна и хлопчатобумажных тканей, обработка кожи

Большое место в домашних промыслах занимало изготовление материалов, которые шли на одежду. Вплоть до XIX в. в изготовлении одежды первостепенное значение имели у кумыков ткани домашнего производства из шерсти, хлопка и частично из шелка.

Шерсть дагестанских овец считалась одной из лучших. Еще Д. Белль писал о дагестанской шерсти: «Шерсть их овец столь хороша, что я так-кия нигде инде не видывал»⁴⁷.

В разделе, посвященном земледелию, мы отметили, что кумыки издавна возделывали хлопок, который шел на изготовление одежды. В своем «Описании северного Дагестана» автор конца XVIII в. Д. И. Тихонов писал, что шамхальцы наряду с сукном, коврами и т. д. «делают хлопчатую бумагу»⁴⁸. То же самое говорил и А. М. Будковский (1812 г.), который писал, что кумыкские женщины наряду с ковроделием занимаются выделкой «одноцветных грубых бумажных материй»⁴⁹.

Из хлопка кумыки изготавливали ткань, известную под названием «пача», из шерсти — сукна, именуемые «чепкенлик»⁵⁰.

Техника изготовления шерстяных и хлопчатобумажных тканей была в основном одинакова. Однако процесс обработки шерстяных тканей был более трудоемким. После стрижки овец хозяйка сортировала шерсть в зависимости от ее назначения. Лучшая, самая длинная и мягкая шерсть шла на изготовление сукна, похуже — на изготовление войлочных ковров. Самая плохая шерсть и отходы после ее расчесывания для пряжи шли на набивку тюфяков.

Чтобы изготовить кусок сукна, предварительно вымытую, чистую шерсть, примерно 10—11 рун, перебирали и расчесывали. Для расчесывания существовал специальный железный гребень на деревянной стойке. Прядение нитей проводилось руками с помощью веретена — «урчукъ», а в некоторых селениях и на специальной прялке — «чыгыр», «жегьре». Мастерница выбирала для пряжи, идущей на основу — «боюн», более длинные волокна, чем для пряжи, идущей на уток — «аркъав». Почти таким же образом, только без мытья, изготавливали пряжу и из хлопка — «малукъ».

Многие хозяйки для ускорения работы устанавливали по 9—10 веретен, на которых изготавливали пряжу, необходимую для выработки одного

⁴⁷ Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли..., стр. 180.

⁴⁸ См. «История, география, и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», стр. 135.

⁴⁹ А. М. Будковский. Указ. соч., стр. 244.

⁵⁰ Как свидетельствуют археологические данные, ткачество является весьма древним занятием племен Кумыкской равнины. На современной территории южных кумыков были найдены отпечатки грубой ткани из растительного волокна, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э.; ко второй половине II тысячелетия до н. э. относится найденное близ ст. Манас деревянное веретено с пряслицем, а также колки от примитивного ткацкого станка, посредством которых закрепляли основы. См. А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, вып. 13, 1946, стр. 132; В. А. Петров. Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок, КСИИМК, вып. 7, 1940, стр. 43; «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957, стр. 13.

куска сукна или хлопчатобумажной ткани (одного отреза), почему они часто оставляли эту пряжу на всех веретенах до начала тканья. Для разматывания пряжи, предназначенной для основы, в землю

вбивали два небольших шеста на расстоянии примерно 10—12 м друг от друга. Это расстояние должно было соответствовать длине куска сукна. Обходя оба эти шеста, хозяйка аккуратно разматывала пряжу. Нередко случалось, что хозяйка, оставив пряжу на 9—10 веретенах, собирала соседок по числу веретен. Все женщины, одна за другой, с веретенами в руках, обходили оба шеста, разматывая нитки правильными рядами. Закончив разматывание пряжи, хозяйка снимала ее с одного шеста и собирала в особые петли, которые легко распускались при тканье.

Ткацкий станок кумыков⁵¹ — «чепкен агъачлар» (для сукна) или «пача агъачлар» (для хлоп-

чатобумажной ткани) — не отличался особой сложностью. Он напоминал осетинский ткацкий станок⁵² или станок, известный в литературе под названием дагестанского ткацкого станка⁵³.

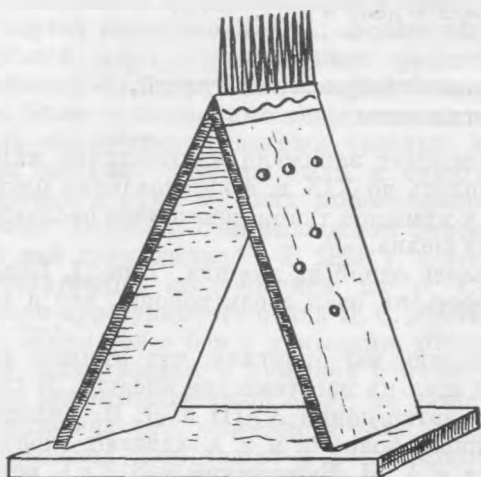

Рис. 11. Гребень для расчесывания шерсти

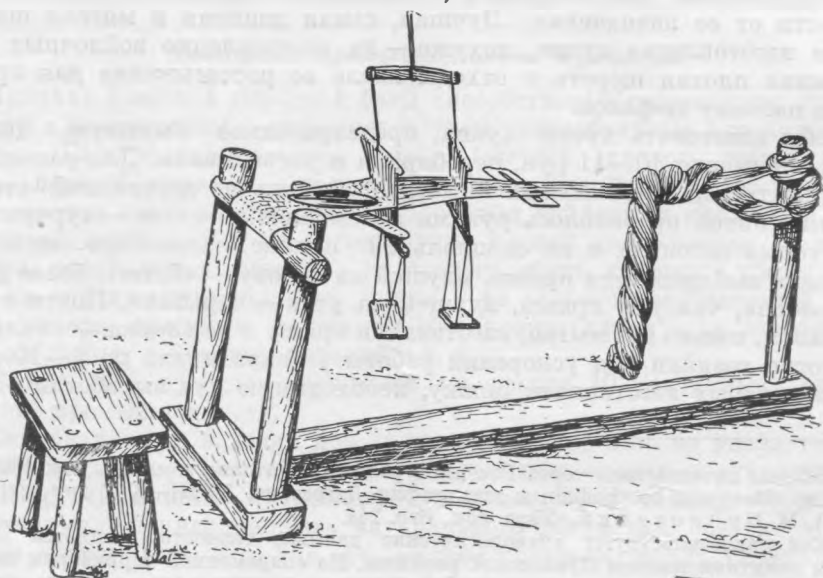

Рис. 12. Ткацкий станок

⁵¹ Описание ткацкого станка кумыков см.: С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 99—100.

⁵² О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 83.

⁵³ Там же, стр. 86.

Если хлопчатобумажную ткань — «шача» — после снятия со станка сразу можно было использовать для изготовления одежды, то сукно опускали на несколько минут в котел с кипящей водой, а потом приступали к уваливанию. Подливая время от времени теплую воду, ткачихи целый день топтали сукно ногами, мягче оно становилось мягче. Потом его мыли с мылом. После этого сукно в мокром виде наматывали на каталку и раскатывали на ровном месте, чтобы оно хорошо разгладилось. На той же каталке сукно должно было постепенно высыхать. До окончательного уваливания многие мастерицы красили сукно, чаще всего черной краской. Часто красили и хлопчатобумажную ткань. Для этого широко пользовались естественными красителями. На черески для кумыкской знати сукно изготовлялось из белой выщипанной у барана шерсти.

Засулакские кумыки изготовляли сукно и из верблюжьей шерсти. «Кумыки,— отмечалось в «Военно-статистическом обозрении Российской империи»,— большие мастера приготавливать хорошее сукно из овечьей и верблюжьей шерсти»⁵⁴.

Изготовление шерстяных тканей продолжало существовать у кумыков, особенно северных, значительно дольше, чем изготовление хлопчатобумажных, раньше вытесненных привозными изделиями русских фабрик.

Сукно — «чепкенлик» — шло на изготовление главным образом верхней одежды мужчин, в то время как из хлопчатобумажной ткани — «шача» — шили рубашки и штаны для мужчин и женщин. Сукно частично шло и на мужские штаны.

У кумыков были развиты также тканье и плетение всевозможных поясов, тесьмы, шнуров, галунов. Источники отмечают, что кумычки ткали «прекрасные галуны, тесьму и шнурки, известные на всем Кавказе»⁵⁵. Шитье золотом было больше развито у засулакских кумыков.

Немалое значение в изготовлении одежды имело шелководство. Из шелка кумычки ткали платки, пояса и пр. Шелковые нитки широко применялись для шитья одежды. У кумыков занятие шелководством отмечали многие авторы XIX в. «Некоторые жители,— писал в середине XIX в. И. Н. Березин, посетивший сел. Тарки,— занимаются дома выделкою шелка и содержат для этого шелковичных червей»⁵⁶. «В Чечне и Кумыкской плоскости,— писал О. В. Маргграф,— шелководством занимается до половины населения, получая 3—5 фунтов коконов на семью. В плоской Чечне ежегодно производят шелку около 830 пудов, а в Кумыкской плоскости — до 875 пудов»⁵⁷. Главный сбыт здесь — на местных рынках Хасавюрта и Грозного»⁵⁸.

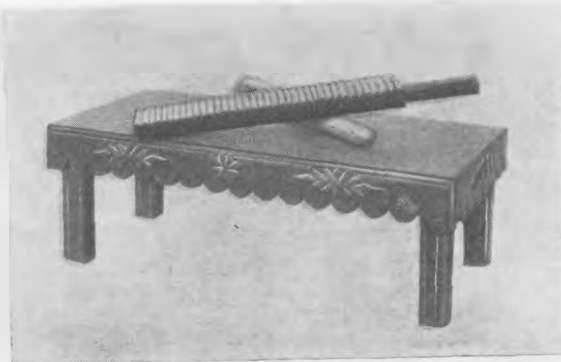

Рис. 13. Приспособление для выкатывания ткани «пелек такъта»

⁵⁴ «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XVI, ч. I, стр. 150.

⁵⁵ Там же, стр. 151.

⁵⁶ И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 69—70.

⁵⁷ Речь идет только о кумыках Хасавюртовского округа.

⁵⁸ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 201—202.

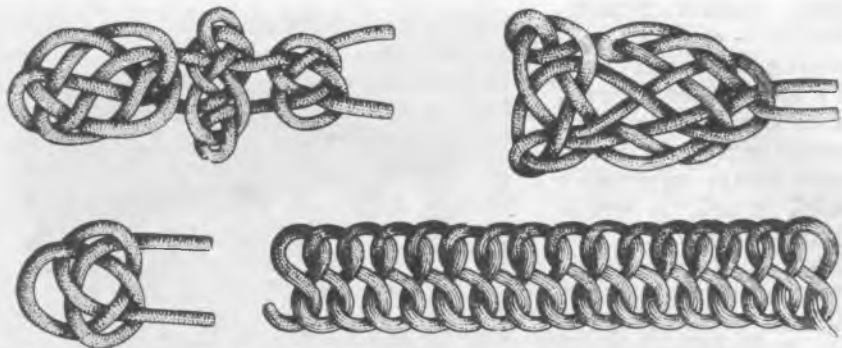

Рис. 14. Образцы плетения из золотых нитей

Коконы делились на два сорта: «чилле» — чистый шелк и «кежи» — шелк худшего качества. Высушив на солнце коконы первого сорта, кумычки опускали их в котел с кипящей водой, а затем, размешивая палочкой, находили начало волокна, которое аккуратно наматывали на мотовило (гелеп такъта). После этого шелк промывали с мылом в теплой воде, а если нитки шли на ткань платка, то после окончания работы мыли в теплой воде платок. Нитки для шитья, шнурков, петель, поясов и т. д. изготовляли из шелковых волокон путем прядения. Техника прядения шелковых ниток была та же, что и техника прядения шерстяных ниток. Их красили в красный, синий, зеленый цвета. Непрозрачная шелковая тесьма часто переплеталась прозрачной серебряной или золотой канителью и шла для оторочки одежды, башлыков и т. д.

Для тканья такой тесьмы или шнурков кумычки пользовались легкими, очень простого устройства инструментами — «чалыв такъта» и «шираз». «Чалыв такъта» состояла из нескольких (4—8, в зависимости от ширины тесьмы) квадратных дощечек с 6—8 параллельно расположенными с двух сторон дырочками, через которые проходила основа плетения или тканья. Уток мог состоять из серебряной или золотой канители. Лучшим сочетанием признавалась основа из черных шелковых ниток и серебряной или золотого утка. Из канители делали и основания и уток. Порой делали и то и другое из шелковых ниток. Для прибивания «чалыв такъта» имела специальный нож с кривым концом. Рукоятка ножа была из оленьей кости, а у знатных женщин — из слоновой кости.

Таким же образом кумычки изготовляли и более дорогие широкие галуны, которые нашивали как на мужскую, так и на женскую одежду. Тесьма и галуны нередко покрывались вышивкой из золотой, серебряной канители или разноцветных ниток. При этом кумычка придерживалась традиционного национального орнамента. Наиболее распространенным орнаментом был растительный. Широко применялся орнамент в виде спирали. Самым сложным считался орнамент «гюлевете», который складывался из отдельных различных рисунков. Он применялся при вышивании башмаков, манжет платьев, башлыков и т. д.

Для вышивания таких сложных вещей кумычки пользовались квадратными пальцами.

Практиковалось тканье и на руках. Надев один конец пряжи на палец ноги, кумычка искусно плела на 5—6—7 пальцах рук как шелковые, так и шерстяные и хлопчатобумажные шнурки — «шайтан чалыв» (хитрое плетение). Для прибивания плетения женщина пользовалась пальцем другой ноги. Благодаря умению и большому опыту разноцветные нитки при плетении ложились аккуратно, ровно.

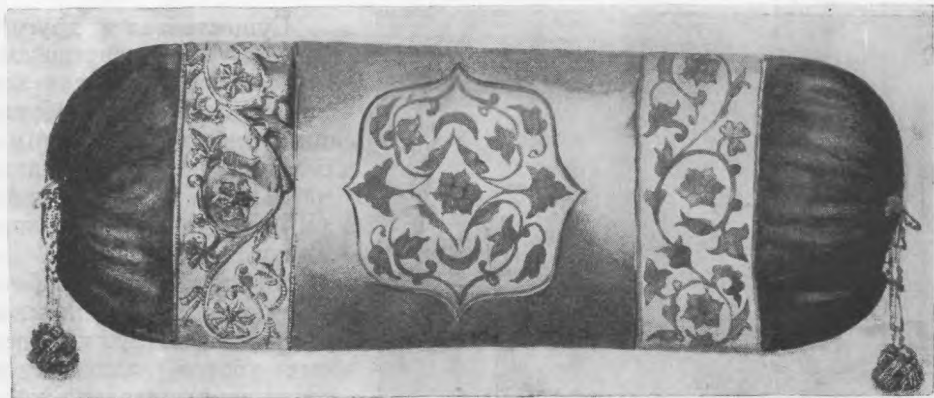

Рис. 15. Шитая золотом подушка

Большое значение для изготовления одежды имели шкуры животных. Из овчин кумыки изготавливали шапки, шубы. Из кожи крупного рогатого скота и коз шилась обувь.

Чтобы изготовить одежду из овчины, ее предварительно подвергали тщательной обработке. 7—10 дней овчину держали в закваске (эрик), приготовленной особым образом из просяной или ячменной муки или отрубей, соли, уксуса, сыворотки в большом глиняном сосуде. Затем овчину промывали и сушили на солнце, после чего она снова подвергалась квашению. Гладкую сторону мазали жидкой кашцей из муки и уксуса и оставляли на 2—3 дня, аккуратно звернув. После вторичного квашения овчину промывали окончательно и, пока она была еще несколько влажной, приступали к ее мягчению.

Мягчение (ийлев) производилось либо руками, либо при помощи специального инструмента — «талкьын»⁵⁹.

Другим способом мягчения овчины была обработка только вручную, без инструмента. Для этого овчина особым образом закручивалась двумя сидящими друг против друга людьми и сильно натягивалась. Для мягчения овчины таким способом кумыки усраивали «булкъа», собрав для этого девушек и юношей. Сидя на полу друг против друга (обычно пару составляли девушка и юноша), молодые люди весь вечер закручивали и натягивали овчины, пока они не становились мягкими.

После мягчения производилось белеие — «акъ этмек». Для этого пользовались либо деревянным гребнем, либо железной косой. Уложив мягкую, готовую для выделки одежды овчину на удобное возвышенное место и время от времени обсыпая ее ячменной мукой, кумычка очищала овчину этим орудием. Чем белее и мягче становилась овчина, тем она ценилась дороже.

Несколько сложнее был процесс обработки кож для изготовления обуви. Начальной стадией считалось квашение кожи таким же составом, что и при квашении овчины. После этого с кожи снимали шерсть при помощи железной косы или ножа. Мягчили кожу в полувлажном виде при помощи особой деревянной колотушки — киялки (токъмакъ) или при помощи упомянутого выше талкьын. Такая кожа⁶⁰ шла на обувь, называемую «гончарыкъ» (обувь из сыромятной кожи).

⁵⁹ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 101

⁶⁰ Имеется в виду кожа крупного рогатого скота.

Рис. 16. Обработка овчины

(шерсти, кожи, шелка, хлопка и пр.). Обработкой сырья, за исключением кожи занимались преимущественно женщины.

Каждая женщина должна была уметь вязать, ткать, вышивать⁶³ и шить предметы мужского и женского костюма. Она должна была изготовлять и нитки: шерстяные, шелковые, конопляные, хлопчатобумажные. В каждом селении были женщины, отличавшиеся своим мастерством. К ним приходили советоваться, а иногда даже отдавали шить некоторые наиболее сложные части костюма (какими считались мужские шубы, кафтаны и черкески). Однако выделившегося портняжного ремесла в прошлом у кумыков не существовало.

Кумыки в значительной мере пользовались и неместными материалами. Привозные ткани появились у кумыков очень давно. Населяя территорию, через которую проходили торговые пути из Европы в страны Востока, кумыки были очень рано втянуты в торговые отношения с другими народами. Как известно из русских документов XVI—XVII вв., кумыкская знать одевалась в дорогие меха и редкие ткани, которые она получала от русских государей в качестве подарков. Кроме того, еще в XV в. русские купцы торговали здесь дорогими тканями и мехами, а также предметами украшения одежды (тесма, бахрама, позумент и т. д.). В Дагестане находили сбыт шелка, золотые и серебряные нитки, поставляемые из Ирана, Средней Азии, Индии.

Но дорогие ткани и меха были доступны только богатым кумыкам. В крестьянской же среде долго еще преобладали местное сукно и ткани из хлопка, изготовленные в домашнем хозяйстве.

Отмечая, что жители шамхальского владения «из шерсти овечьей делают на продажу и на домашнее употребление простые сукна: синие, черные

⁶¹ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 102—103.

⁶² Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I СПб., 1871, стр. 620.

⁶³ Это занятие было развито у северных кумыков.

и белые», Д. И. Тихонов вместе с тем писал, что они же «покупают привозимые из России и Персии парчи и сукна»⁶⁴.

Проникновение к кумыкам привозных тканей значительно расширяется с XVI в. С присоединением Казани и Астрахани Россия получила выход к Каспийскому морю, в результате чего торговые связи России с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и другими восточными странами приобрели постоянный характер⁶⁵. Поскольку главные торговые пути шли непосредственно через Кумыкскую равнину, кумыкские феодальные владельцы извлекали из этого немалую пользу. Провозя товары, русские и восточные купцы должны были платить местным владельцам пошлину, главным образом натурой⁶⁶.

В торговлю с Россией и восточными странами были вовлечены и «кушчины» из кумыкских владений. Возникновение в конце XVI в. у самой границы Кумыкской плоскости, в устье р. Терек, города Терки еще более расширило торговые связи кумыков с Россией.

Приток русских товаров, равно и ассортимент тканей, значительно расширился во второй четверти XIX в. Помимо бархата, атласа, тяжелых цветных шелков появились и дешевые бумажные ткани — ситец, бязь и т. д.⁶⁷, которые в какой-то степени были доступны и средним слоям кумыкского общества.

Полевой материал дает основание полагать, что роль привозных тканей в XVII—XIX вв. не везде была одинаковой. Натуральный характер хозяйства раньше всего был нарушен у засушливых кумыков и кумыков приморской полосы, живших ближе к торговым центрам и раньше втянувшихся в товарообмен. Процесс вытеснения тканей местного кустарного производства завершился здесь прежде, чем на остальной территории кумыков. Что же касается предгорной полосы Кумыкии, то здесь вплоть до середины XIX в. роль самодельных тканей оставалась значительной.

Рис. 17. Инструмент для обработки кожи

Ковровое производство

Среди домашних промыслов большое место занимало ковроделие. Кумычки ткали как ворсовые ковры, так и безворсовые (гладкие двусторонние ковры, известны под названием «дум») и узорные войлочные ковры — «арбабаш». Кроме ковров, они изготовляли шерстяные мешки — «дорба», «кэап», переметные сумки — «хуржуп», попоны — «чул», коврики для седла, а также валяные войлоки — «кийиз», потники — «терлик», молитвенные коврики — «намазлык», простые бурки, а также цыновки — «чипта». Центрами коврового производства были Кумторкала, Эндирей,

⁶⁴ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 135.

⁶⁵ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. М., 1954, стр. 8—9 (на правах рукописи).

⁶⁶ М. П. и й (М. П. Петровский). Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века. «Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XII, кн. 1, 1907; О М. П. Петровском см. М. О. Косвен. Материалы истории этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», вып. 1, М., 1955.

⁶⁷ «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. IV, СПб., 1936, стр. 184—185.

Рис. 19. Женщина за прялкой

Нижнее Казанище, Верхнее Казанище и др. Войлочное производство особенно большое развитие получило у засулакских кумыков.

Процесс обработки шерсти для производства ковров был одинаковым во всем Дагестане⁶⁸. Обычно выбирали высококачественную, длинную шерсть весенней или осенней стрижки, хорошо промывали ее и изготовляли из нее пряжу, но толще, чем для сукна. Особенно тщательно подготавливалась для прядения белая шерсть, предназначенная для использования в натуральном виде. Ее промывали три-четыре раза в щелочной воде, затем хорошо прополаскивали в чистой проточной, чаще всего — в родниковой воде. Для большого, хорошего «дума» требовалось примерно 9—10 кг чистой пряжи, или 22 кг хорошей шерсти (основа — 2,5—3 кг и уток 5—7 кг).

Вплоть до XX в. для окраски ковровой пряжи использовались натуральные красители (корень марены, кожура лука, скорлупа ореха, кора барбариса, дуб, а также различные травы). С конца XIX в. постепенно начинают применяться для окраски шерстяной, хлопчатобумажной и шелковой пряжи анилиновые красители. Изготавливали пряжу для утка и ворса из белой и серой шерсти, которую затем окрашивали в нужные цвета: бордо, синий, желтый, голубой, коричневый, терракота и т. д., а также черный.

Краски красную и бордо получали из марены в сочетании с некоторыми другими растениями; коричневую — из коры алычи, ореха, дуба и некоторых листьев; для получения желтой краски использовались кожура репчатого лука и растения «сютеген», «наз», ромашка и др.; черную краску давали листья кустарника «сакътиян япракъ», а также ореховая и дубовая кора с применением железного купороса и т. д. Только белая и серая шерсть, тщательно промытые, сохраняли свои натуральные цвета.

Окраска пряжи почти всегда производилась после ее предварительной протравы квасцами. Для закрепления краски на шерсти пряжу опускали в отстоявшуюся мочу и держали в ней несколько дней (5—7 дней, а в от-

⁶⁸ Е. М. Шиллинг. Ковроткачество Дагестана. СЭ, № 4—5, 1936.

дельных случаях, например при получении синего тона, повторяли эту процедуру дважды). После этого пряжу тщательно промывали в проточной воде и сушили в тени.

Изготовление ворсовых и гладких ковров у кумыков производилось на обычном для всего Дагестана вертикальном станке — «кьюрув», «дум агъачлар», подробное описание которого впервые дал известный кавказовед Е. М. Шиллинг⁶⁹.

Станок этот представлял собой широкую массивную прямоугольную деревянную раму (длинной 2—4 м, шириной 1,5—2 м). Он состоял из двух боковых деревянных столбов — «бутлар», соединенных двумя валами вверху — «баш агъач» — и внизу — «тюп агъач», вставленными в пазы столбов и закрепленными снаружи деревянными клиньями. Станок имел еще две подсобные поперечные круглые палки: «ара таякъ», которая ставилась между верхними и нижними (первой и второй) нитками основы для образования ремизы, и «кесу таякъ» — ремизную палку, служившую для удваивания нити основы, т. е. палку, через которую продегы первая и вторая (четная и нечетная) нитки основы. Кроме того, боковые брусья станка были снабжены 6—7 отверстиями, в которые вставлялись небольшие колышки — «чуй» — для опоры ремизной палки. По мере увеличения ковровой ткани палка эта поднималась вверх и ставилась в следующий колышек. Под концы ремизной палки справа и слева часто подкладывали камешки, приподымавшие верхнюю часть основы. Несколько выше ремизной палки располагалась еще одна поперечная перекладина для подвешивания разноцветной пряжи утка.

Другими вспомогательными орудиями труда мастерицы были маленький дугообразный, двузубый гребень из рога, кости — «чишь», необходимый для выправления нити основы и посадки нитей утка, гребенчатая колотушка — «таракъ» — для плотного прибивания уточной нити к основе, нож — «бичакъ» — и ножницы — «къайчы» — для подрезания и подравнивания ворса.

Мы не будем останавливаться на процессе ковроткачества, ибо он очень подробно описан в работах Е. М. Шиллинга⁷⁰ и А. С. Иванова⁷¹. Отметим только, что самой ответственной частью работы мастерицы было натягивание на станок основы, точный учет количества узлов при тканье, обеспечивающий равномерную плотность ковра, подбор тонов рисунка и т. д. Отклонение от нормы могло дать ковр у кривизну, искажение рисунка, ухудшало художественные качества.

Среди различных видов кумыкских ковров своей оригинальностью и высокими художественными качествами отличались и отличаются «думы». В кумыкских думах, как это отмечают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов,

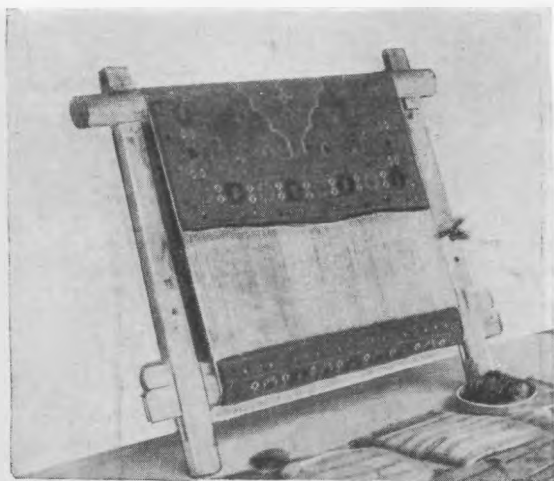

Рис. 20. Ковровый станок

⁶⁹ Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 168.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ А. С. Иванов. Ковроделие Дагестана. 1955. Рук. фонд НИИХП Роспромсовета (рукопись).

Рис. 21. Кумыкский ворсовый ковер

наиболее распространены два узора: один с крупным ромбообразным медальоном центрального поля — «сюмахкю» и другой с более мелкими, тоже ромбовидными геометрическими фигурами, расположенными вертикально в два ряда (две-три фигуры в каждом ряду)⁷². Основной фон думов был черного или светло-синего цвета. Дум окаймлялся широкой каймой, заполняемой в свою очередь мелким геометрическим или геометризированным растительным орнаментом. Старые думы отличались строгостью тонов, что придавало им спокойный, сдержанный колорит.

Наряду с гладкими коврами кумыки изготовляли полосатые, так называемые «каякентские паласы». Их вырабатывали и продолжают вырабатывать главным образом в сел. Каякент Каякентского района. Так же как думы, они двусторонние, плотные и покрыты орнаментом. В отличие от думов «каякентским паласам» присущи рисунки в виде поперечно расположенных полос, внутри которых размещены мелкие разноцветные геометрические узоры — ромбовидные фигуры или треугольнички. «Каякентские паласы» по технике изготовления, цветовому решению и рисунку очень близки к другим дагестанским и азербайджанским паласам.

Что же касается кумыкских ворсовых ковров — «хали», «халча», то они имеют много общего с лезгинскими и табасаранскими коврами⁷³. Часто встречаются характерные для табасаранских ковров узоры, как, например, рисунки «тапанча» и «чаргюль». Вместе с тем многие ковры отличаются оригинальным рисунком.

Ворсовые ковры очень близки описанным выше думам. Так же как в думах, в ворсовых коврах кумыков значительное место занимает гладкий не заполненный узором фон центрального поля.

Характеризуя ворсовые ковры кумыков, Э. В. Кильчевская пишет, что «они не отличаются большой оригинальностью рисунка и основное их

⁷² Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. *Художественные промыслы Дагестана*. М., 1959, стр. 82.

⁷³ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. *Указ. соч.*, стр. 83—84.

Рис. 22. Кумыкский войлочный ковер

своеобразие составляет свой местный колорит, традиционный для ковров данного района»⁷⁴.

Наиболее типичным для кумыкского ковроделия следует считать своеобразный войлочный ковер — «арбабаш» с врезным узором.

Вообще войлочное производство в домашних промыслах кумыков играло большую роль. О. В. Маргграф справедливо отмечал, что ковры из войлока составляли неизбежную принадлежность почти каждого дома, что ими устилали пол, стелили на сиденье, под ноги при молитве, вешали на стены саки и т. д.⁷⁵ Самые простые войлоки у северных кумыков использовались иногда в качестве подстилки под богатым ковром, для предохранения его от порчи.

Для производства войлоков использовалась обычная шерсть, часто даже худшего качества (для простых войлоков, потников и т. д.); как правило, она не расчесывалась на гребне, а использовалась сразу же после промывки и перебирания руками или палкой. Подготовленную таким образом шерсть ровными слоями настилали в форме четырехугольника на палас или цыновку и тщательно подравнивали края. После этого шерсть обильно обрызгивали кипящей водой, чтобы слепились волокна шерсти, а затем две-три, иногда и четыре женщины (в зависимости от величины войлока) вместе с паласом свертывали шерсть в трубку и основательно раскатывали. Через некоторое время шерсть разворачивали, снова обрызгивали горячей водой и снова катали.

В свернутом виде войлок завязывали веревкой и на два-три часа оставляли на солнце. После этого снимали палас и еще раз катали, но уже без смачивания, до тех пор, пока войлок не становился окончательно уваленным и утрамбованным. Затем войлок красили в нужный цвет (синий, коричневым, зеленый и т. д.). Часто же войлок (особенно из чистой белой шерсти) вообще не красился. Если войлок собирались использовать как молитвенный ковер, к нему пришивали бахрому другого цвета.

Таким же способом кумыки изготовляли простые бурки для пешехода. Но шерсть для них раскладывали не в форме четырехугольника, а в виде неправильного треугольника.

Арбабаша — войлочные ковры — имели 1,5—2 м ширины и от 2 до 5 м длины. Арбабаша делались обычно из двух войлоков одинаковой величины, предварительно окрашенных в разные цвета. Потом на оба войлока переводили один заранее приготовленный рисунок из бумаги — «оюв» — и по его очертаниям разрезали ножом или ножницами, чтобы затем поменять войлоки местами. Вырезанный из одного войлока кусок аккуратно вставлялся в прорез другого и прикреплялся плотным швом из крепких ниток. После этого по всему шву вставки нашивалась с двух сторон специально изготовленная тонкая белая тесемка, которая не только закрывала швы рисунка, но и придавала декоративному оформлению арбабаша, его узору более совершенный вид. Узор арбабашей представлял собой крупную симметричную композицию из элементов, имеющих обычно изогнутый криволинейный контур. Многим орнаментальным мотивам присущи изображения растений и животных. Часто изображаются, например, бараньи рога, птицы и т. д. Кумыкские арбабаша по своему художественному оформлению имели сходство с войлочными коврами ногайцев и народов Средней Азии.

В некоторых кумыкских районах (Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский округ) изготовлялись и цыновки — «чипта», которые также исполь-

⁷⁴ Э. В. Кильчевская. Искусство народов Дагестана. «Народное декоративное искусство РСФСР», М., 1957, стр. 192.

⁷⁵ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 40.

зовались в качестве подстилки под ковер или под войлок. Для изготовления цыновок использовали болотную осоку — «екеи». Ткали чисту на ткацком станке самого простого устройства.

Из шерсти и хлопка кумычки ткали переметные сумки — «хуржун», большие и маленькие мешки — «кѣап», «дорба», обмотки — «долагъ» и т. д. Самые богатые по убранству узорчатые изделия изготавливали мастерицы из сел. Каякент. Для хуржуна, кѣана и дорба использовалась такая же шерстяная пряжа, что и на ковры. Техника изготовления, расцветка пряжи, узоры рисунка этих изделий были почти такими же, как в ковроделии.

Станок, на котором ткались эти изделия, мало чем отличался от обычного коврового станка, но только был примерно в два раза меньше и менее массивным. Такой станок имел посредине горизонтально расположенную перекладину, как бы делившую станок на две части. Мелкие предметы можно было ткать, натянув основу в нижней части, а при работе над более значительными по размерам изделиями, например переметными сумками или большими мешками «кѣап», перекладина не только не мешала мастерице, но и создавала некоторые удобства.

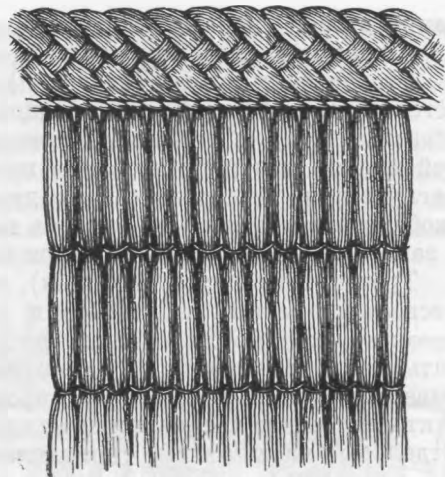

Рис. 23. Образец плетеного ковра из тростника

Обработка дерева

Наличие лесных массивов и общее направление хозяйства (земледелие) способствовали развитию у кумыков производства отдельных видов деревянных изделий.

В обработке дерева главное место занимало изготовление сельскохозяйственных орудий — плугов, молотильных досок, вил, лопат, арб, саней, каюков для рыбной ловли, ободьев и спиц для колес. Большую роль играло и изготовление домашней утвари и предметов обстановки: корыт, подносов, досок для раскатывания теста, стульев и т. д.

Необходимые для сельского хозяйства орудия, транспортные средства и частично утварь из дерева изготавливались в каждом крестьянском хозяйстве. Однако во всех селениях имелись и прославленные мастера — «уста», которые занимались производством деревянных изделий исключительно для продажи.

Наиболее распространенным типом пахотного орудия кумыков в XIX в. был передковый плуг — «сабан» (см. рис. 5 на стр. 64), в который впрягали от двух до четырех пар волов. Сабан состоял из трех основных частей: рабочей, колесной и яремной.

Рабочая часть, в свою очередь, состояла из: 1) пяты, или полоза — «табан»; 2) железного лемеха — «сабан темир»; 3) особой деревянной отвальной доски — «сабан такъта»; 4) двух ручек-стоек — «балчан», вставляемых в пяту и скрепляемых деревянной планкой; 5) деревянной планки, вставляемой в дышло и служащей для регулирования вспашки, — «чуй»; 6) дышла — «сазагъан»; 7) резака — «чыргъа» — для проведения борозды, которая затем расширяется и углубляется лемехом; 8) деревянных крючков — «кѣармакълар», вставляемых в дышло и служащих для привязывания

вания второй (колесной) части орудия (в зависимости от конфигурации поля колесную часть привязывали к тому или другому крючку).

Вторая часть плуга (колесная) состояла из: 1) двух колес — «сабан дегерчиклер»; 2) оси, соединяющей колеса, — «гёчер агъач»; 3) дышла — «сазагъан»; 4) специального приспособления в форме полукруглой плоской планки для регулирования ширины борозды; планки одним концом наглухо прикреплялись к оси, а другим свободно вставлялись в дышло; на свободном конце планки имелось несколько отверстий, в одно из которых в зависимости от расчетов пахаря вставлялся колышек.

Третья часть плуга (ярменная), называвшаяся «чатакълар», состояла из нескольких разных по размеру и форме дышел и прикрепляемых к ним ярем: необходимость большого числа дышел вызывалась стремлением сделать орудие максимально подвижным. Длинные прямые части дышла назывались «узул чатакълар», короткие изогнутые части — «къыстыа чатакълар»; число чатакълар зависело от количества впрягаемых пар быков. Отдельные части дышла скреплялись между собой посредством специальных деревянных дощечек с колышками. Ярмо каждой пары волов вставлялось в изогнутую часть дышла; исключение составляло всегда прямое дышло первой ведущей пары волов. На переднюю «къыстыа чатакъ» надевался деревянный брусок — «сабан тёнгек» во избежание поднятия ярма.

В предгорной зоне, кроме описанного выше плуга, употреблялось более легкое пахотное орудие — «пурус» (см. рис. 6 на стр. 65). Существовало несколько типов пурусов. Пурус наиболее распространенного типа имел четырехугольную конструкцию и состоял из пяты, железного лемеха, ручки-стойки, вставляемой в пяту, дышла, специальной планки, проходящей через дышло и пяту и служащей для регулирования глубины вспашки, и приспособления полукруглой формы для отвала земли. В отдельных районах встречался еще более архаический тип пуруса, характерной чертой которого являлось то, что в нем пята и ручка были сделаны из одного куска дерева. Отвалом для этого типа орудия служили деревянные планки, прикрепленные одним концом к ручке-стойке, а другим к пяте. Дышло вставлялось в ручку-стойку. Через дышло в пяту проходила планка, регулирующая глубину вспашки.

Молотильные доски — «балбулар» — изготовлялись из цельных широких дубовых досок. Для удобства работы и подвижности передние части досок делались изогнутыми. С краю на каждой «балбу» оставлялся небольшой выступ с отверстием для соединения обеих досок с помощью веревки. Балбулар веревкой же прикреплялись к дышлу. В конце дышла имелось отверстие для соединения с ярмом. Кумыкские молотильные доски были схожи с молотильными досками других народов Дагестана.

Борона — «сибиртки» — состояла из двух частей: деревянной рамы — «таракъ» и метелки — «сибиртки». Рама имела форму треугольника, к острому углу которого присоединялась упряжь. Основание рамы, которая изготовлялась из прочного дерева, имело 14—17 подрезов (зубьев) — «таракъ», служивших для рыхления, выравнивания и заделки семян в почву. В двух-трех местах брус имел отверстия, куда вбивались колышки для надевания второй части бороны — метелки. Метелка изготовлялась из колючих веток. Передняя часть сибиртки была плетеной и аккуратно надевалась на зубчатый брус рамы. Метелка засыпала землей засеянные семена. Для большей тяжести на борону, вернее, на метелку, клали камни, сажали детей и т. д. Сельскохозяйственный инвентарь включал также телегу — «орбу», сани — «чана», лодку — «къайыкъ»; они же являлись и средствами передвижения наряду с верховой лошадей и фургонами, появившимися у кумыков во второй половине XIX в.

Кумыкская арба была и есть двухколесная. Она отличается от арбы, применяемой в горах, в основном своим размером (она значительно боль-

ше) и некоторыми деталями. У засулакских кумыков под влиянием русских соседей имели некоторое распространение и четырехколесные арбы.

Кумыкская арба состоит из трех основных частей: 1) кузовной — «кёкюрёк», 2) колесной — «дёгерчиклер» и 3) яремной — «боюнсалар».

Кузовная часть в свою очередь делится на остов и борта. Остов арбы составляют три продольных шеста — «арышлар»: два длинных (крайних) и один покороче (серединный). Оба крайних шеста сходятся в яремной части. Все три продольных шеста скрепляются короткими поперечными планками, которые вместе с арышлар образуют дно кузова.

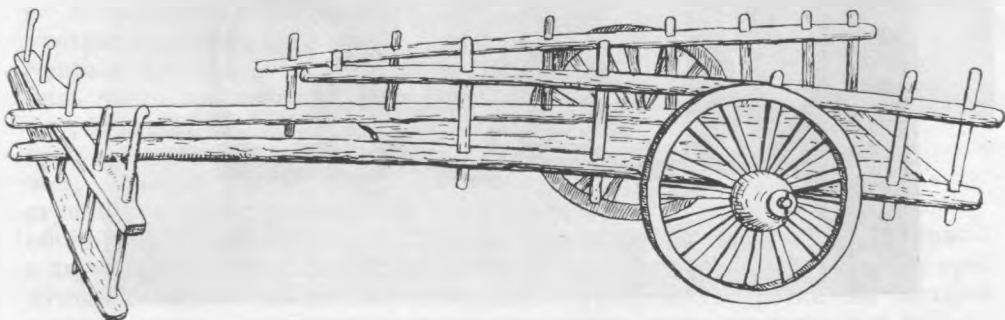

Рис. 24. Кумыкская арба

Борта арбы напоминают лестницу, лежащую боком вдоль «арыша». Чтобы образовать борта, в крайних шестах делаются специальные отверстия, в которые с каждой стороны вставляются 6—7 планок; сверху эти планки закрепляются сплошной перекладной, идущей параллельно каждому крайнему шесту. Эти боковые стенки в виде лестницы или оконных рам в отдельных случаях делались плетеными или плотно перекрывались досками. Для увеличения вместимости арбы в передней части всегда можно было сделать дополнительный кузов. Для этого крайние шесты имели дополнительные отверстия, в которые вставлялось несколько планок, также прикрепляемых сверху перекладной. Отверстия для этой цели оставались на крайних шестах сзади арбы. Когда на арбу ставилась большая, во всю длину арбы, широкая плетеная корзина — «къувукъ чалы» для перевозки мякины, с арбы убирали все лишние приспособления.

Колесная часть состояла из оси — «гёчерагъач» и двух колес — «дёгерчиклер». Закреплялась ось в специальных деревянных выступях.

Яремную часть арбы составляли две поперечно идущие, тщательно обработанные планки и четыре деревянных вертикальных штока, образующих две небольшие ячейки ярма — «боюенса» — для запряжки волов. Требовалось, чтобы арба изготовлялась из крепких пород дерева, была легкой, подвижной.

Со второй половины XIX в. у кумыков появляются арбы с железными обручами на шинах. Однако это было доступно только богатой прослойке общества, а основная часть крестьянских хозяйств вплоть до Октябрьской революции и победы колхозного строя имела арбы на деревянном ходу.

С конца XIX и начала XX в. в результате тесного общения с русским населением у кумыков появляются русские фургоны.

Другим местным транспортным средством были сани — «чана». По сравнению с арбой сани играли второстепенную роль, так как применялись только в течение короткой зимы. Сани представляли собой два гладких бруса, загнутых спереди, на которые ставились доски, плотно пригнанные друг к другу. Эти доски составляли верхнюю площадку для размещения груза или сидения.

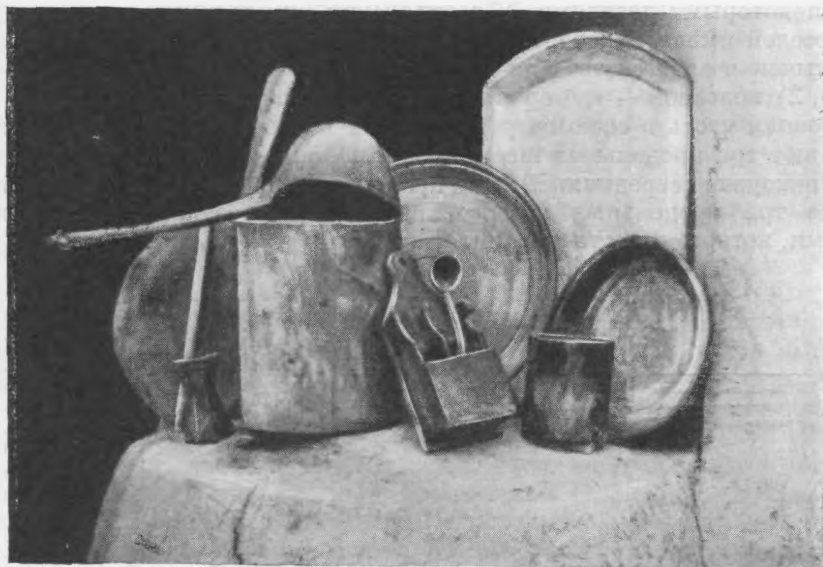

Рис. 25. Деревянная утварь

Кумыки, проживающие по берегам Сулака, Терека и Каспийского моря, изготовляли для нужд рыболовства лодки — «къайыкъ». Кумыкские лодки изготовлялись большей частью из цельного ствола дерева, главным

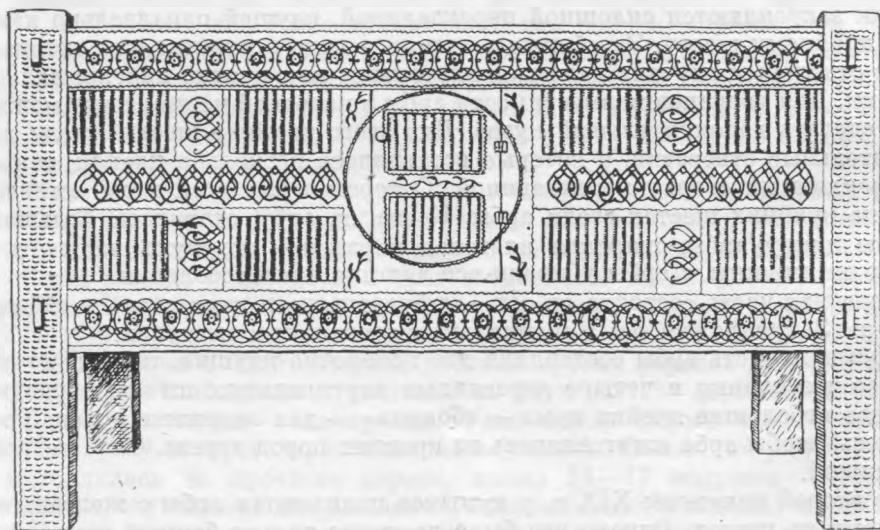

Рис. 26. Резьба по дереву. Ларь для хранения продуктов

образом из липы. Они имели «вид глубокого длинного корыта»⁷⁶. И. С. Костемеровский в 1858 г. писал, что кумыкские лодки похожи «на корыта, выдолбленные каждое из одного бревна»⁷⁷.

⁷⁶ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 239.

⁷⁷ И. С. Костемеровский. Записка об исследовании р. Сулака. АКАК, т. XII, стр. 1114—1115.

Надо отметить, что кумыки покупали также лодки и у своих близких соседей — терских казаков, считавшихся искусными мастерами этого дела. По данным Маргграфа, цена такой лодки равнялась 18—25 рублям⁷⁸.

Из дерева изготовлялась и всевозможная домашняя утварь: корыта, предназначенные для того, чтобы месить тесто — «кершен», «чара», подносы — «тенси», ведра — «челек», бочки — «черме», ложки — «къаныкъ», ступки — «аякъ»; предметы

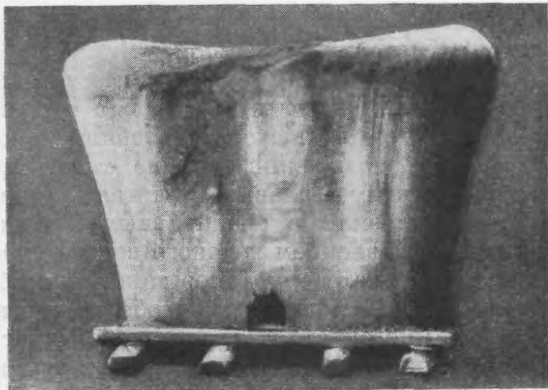

Рис. 27. Плетеное зернохранилище

обстановки: высокие резные лари во всю стену на ножках — «загъур» — с двумя-тремя отделениями для хранения зерна, муки, мяса и других продуктов сельского хозяйства, небольшие стулья и табуретки на четырех ножках, нары — «тахтемак», занимавшие одну треть комнаты, и т. д.

Для изготовления многих предметов домашней утвари (подносов, каталок, ложек и т. д.) лучшими признавались ореховое и абрикосовое дерево.

Большое применение в хозяйстве кумыков имели плетеные амбары для хранения зерна и муки — «бежен», большие корзины без дна, которые ставились на арбу для перевозки початков кукурузы и мякины — «чалы», корзины небольшого размера с плетеным дном — «четен», используемые для различных надобностей.

Кумыкские бежены напоминали опрокинутый усеченный конус. Они были широкие сверху и узкие снизу. Если они предназначались для хранения пшеницы или ячменя, их смазывали снаружи особым образом приготовленной глиной, а если они предназначались для хранения муки, то их смазывали глиной и изнутри, а также белили. Сверху и снизу оставались отверстия — первое для засыпки зерна или муки, второе — для высыпки.

Бежены, предназначенные для хранения початков кукурузы, вообще не смазывались, и зерно в них не портилось благодаря нормальному циркулированию воздуха. Плотно закрывались они только сверху, чтобы не проник дождь или не пекло солнце. Низ бежена обычно делался из сплошного дерева или плотно подогнанных друг к другу досок. Такой «амбар» легко можно было переносить с места на место и устанавливать на подставки.

Обработка металла

В металлообрабатывающем производстве основное место занимало изготовление сельскохозяйственных орудий и оружейное дело.

Н. Ф. Дубровин писал, что среди кумыков есть «оружейники, слесаря, серебряники»⁷⁹. Для изготовления предметов сельскохозяйственного инвентаря, а также оружия кумыки издавна пользовались местной железной рудой. Д. И. Тихонов, в частности, отмечал, что жители шамхальства Тарковского добывали железо близ сел. Карабудахкент и пастбищного поля (кутана) Гийик Саяган (район источников Талги)⁸⁰. Железо добывалось и близ сел. Верхнее Казанще (в местностях Ачилибет, Борагъан-озень),

⁷⁸ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 240.

⁷⁹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 620.

⁸⁰ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 135.

Атлы-боюн, Капчугай, Башлы и т. д. В отдельных местах руда встречалась даже на поверхности земли.

Способ получения железа из местной руды, разумеется, был примитивным и очень трудоемким. Сначала руду промывали в воде и сушили на солнце. Затем ее тщательно дробили молотком или топором и пропускали через ручную мельницу. После такой предварительной процедуры шел процесс обжига и плавки. Обжигали сперва на открытом огне — на костре, а потом плавили в специальных котлах — «къазан», изготовленных из глины с добавлением конского волоса (против растрескивания), высушенных на солнце. Получаемое таким способом железо не доводилось, однако, до жидкого состояния. Чтобы получить полноценный металл, его подвергали многократной проковке. Следует отметить, что в хозяйственной жизни кумыков в исследуемое нами время основную роль уже играло железо, привозимое из центральной России, из которого местные кузнецы и оружейники изготавливали различные изделия. Оно обходилось гораздо дешевле, чем железо, получаемое из местной руды.

Как видно из официального документа «О торговле железом в укреплении Темир-Хан-Шура», относящегося к 1852 г., только купцы Темир-Хан-Шуры ежегодно закупали в Астрахани до 1000 пудов железа и до 200 пудов чугуна и в Кизляре до 200 пудов железа и до 100 пудов чугуна⁸¹.

Для нужд сельского хозяйства кузнецы изготавливали серпы — «оракъ», косы — «чалгъы», топоры — «балта», лемехи — «сабантемир», подковы — «нал», ножи — «бичакъ», лопаты с узким концом — «бел», позднее — обручи на колеса арб и т. д. Оружейники (иногда тем и другим занимались одни и те же мастера) делали холодное оружие: кинжалы, пашки, а также огнестрельное оружие: кремневые ружья, пистолеты. Значительное распространение имело и златокузнечество: украшение ножен и рукояток холодного оружия, а также изготовление женских украшений.

Способ обработки железа был таким же, как и во всем Дагестане⁸². Сталекузнечная мастерская кумыка была оборудована почти так же, как аналогичная мастерская кубачинца или амугинца. Здесь были тот же горн с мехами, та же наковальня, закрепленная на деревянном обручке, крепко вделанном в пол помещения, набор несложных инструментов (молотки разной формы и величины, щипцы, скребки для желобка кинжала, тиски и т. д.), небольшое каменное корыто с водой, точильное колесо и пр.

Характерно, что оружейное производство у кумыков имело свои центры, в то время как сталекузнечные мастерские были в каждом селении. Центрами оружейного дела в пределах Кумыкии были Верхнее Казанище, Тарки, Эндирей и др. М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг в «Описании Дагестана» в 1831 г., например, отмечали, что в сел. Тарки «многие занимаются оружейными изделиями»⁸³.

Главным центром оружейного производства в исследуемое время было сел. Верхнее Казанище. В этом селении в конце XIX в., по сообщению представителей старшего поколения, было около 100 наковален. Часть мастеров здесь, несомненно, не была оторвана от земледелия, занимаясь летом сельскохозяйственными работами, а зимой производством оружия.

Однако многие мастера занимались только своим основным делом — сталекузнечеством и, прославившись своими замечательными изделиями, едва успевали выполнять многочисленные заказы, поступавшие отовсюду. Еще в первой половине XIX в. большой славой пользовались оружейники Базалаевы и Иражабовы, жившие в Верхнем Казанище. Их именами

⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 14.

⁸² Н. Б. Бакланов. Златокузнецы Дагестана. М., 1926; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949.

⁸³ М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана (1831 г.). «История, география и этнография Дагестана...», стр. 307.

Рис. 28. Оружие

Рис. 29. Медная утварь (фото Э. Кильчевской)

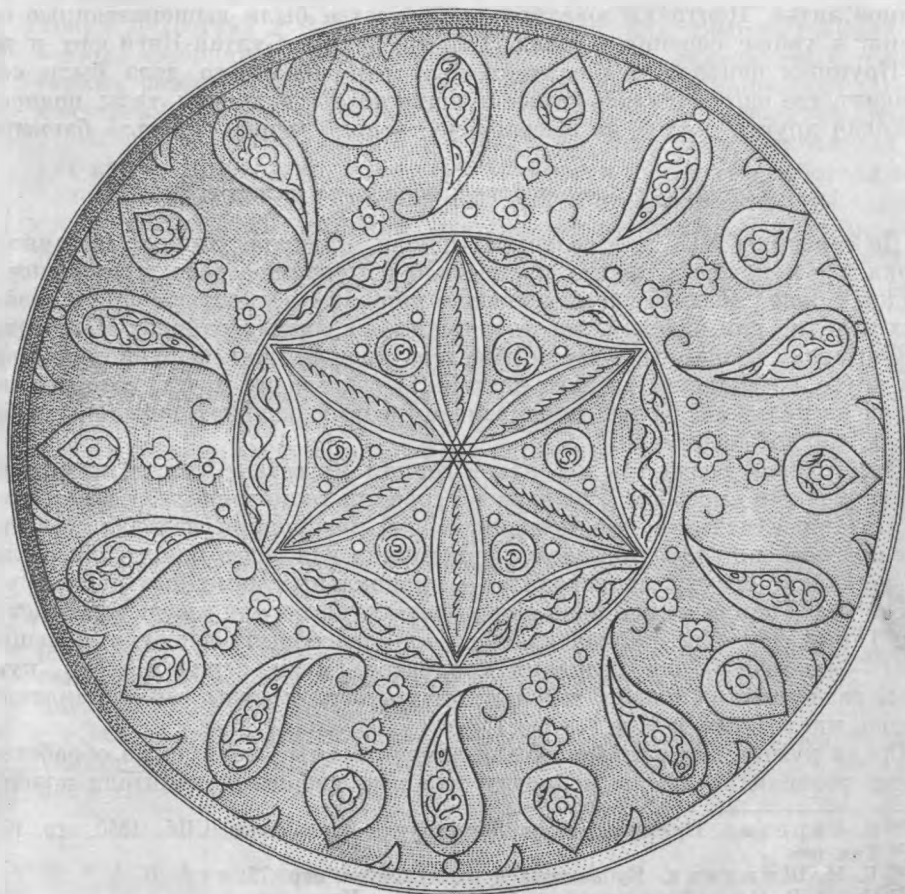

Рис. 30. Образец подноса медной чеканки

называли изготовленные ими клинки, которые отличались прочностью, чистой отделкой и изяществом.

Характеризуя оружейное производство в плоскостном Дагестане и давая ему высокую оценку, автор первой половины XIX в. И. Н. Березин писал, что «лучшим мастером кинжальных клинков считается покойный Базалай-отец»⁸⁴, что значительная часть «базалаевских клинков вывозится в Россию», что хороший кинжал стоит свыше десяти рублей серебром (клинок 4—5 руб., ножны — 6 руб. и рукоятка — 1 руб.)⁸⁵.

Для монтажа и художественной обработки кинжалов и шашек кумыкские мастера иногда отправляли свои клинки в известные золотокузнечные центры Дагестана — Кубачи и Амузги⁸⁶. Оттуда они получали богато украшенные металлические серебряные части для оформления ножен, готовые рукоятки из слоновой или моржовой кости.

Однако в основном вся эта работа производилась на месте. Рукоятки обычных кинжалов кумыкские мастера делали из рога буйвола или быка, обтяжку ножен — из ослиной кожи или из сафьяна, изготовляемого торскими евреями в селениях Маджалис, Янгикент, Яксай, Тарки и т. д. Изделия мастеров поступали на рынок частью через перекупщиков, ездивших за товаром в места их изготовления, а частью их вывозили сами мастера. Многие заказчики сами приезжали к мастерам за товаром.

В кумыкских районах были распространены и другие виды ремесла, в частности изготовление различного рода украшений из серебра и золота, меднолитейное и медночеканное производство и т. д.

В золотокузнечестве применялись гравировка, чернь, филигрань и серебряное литье. Центрами ювелирного искусства были вышеназванные селения, а также селения Эрпели, Кафыр-Кумух, Султан-Янги-юрт и др.

Крупным центром меднолитейного и медночеканного дела было село Каякент, где изготовлялись самые лучшие котлы, кувшины, тазы, подносы и всякая другая посуда из высококачественной меди — «такъта багъыр».

Гончарное производство, обработка камня и др.

До середины XIX в. в селениях Эрпели, Эндирей, Нижнее Казанище, Тарки и в некоторых других процветало и гончарное дело, пришедшее в упадок в более позднее время в связи с широким распространением заводских изделий или изделий, изготовлявшихся в горных районах Дагестана.

Формовку гончарных изделий мастера производили на ручном гончарном круге, состоявшем из двух частей: 1) собственно круга, который вырезали из цельного дерева, придавая ему форму плоского круглого хлеба, и 2) массивной подставки.

Изготавливали сосуд так же, как в горном Дагестане⁸⁷, т. е. жгутовым или ленточным способом. Рисунок, в основном геометрический, наносился на гончарные изделия при помощи особой деревянной палочки. Многие изделия, особенно тарелки, вазы, кувшинчики для воды, покрывались глазурью. Обжиг посуды производился в специальных каменных двухъярусных печах. Топили такую печь снизу, разместив посуду в верхнем отделении. Таким способом изготавливалась самая разнообразная посуда: большие хумы — «кюмес» — для хранения продуктов (муки, зерна и т. д.), кувшины различных размеров, тарелки, миски, вазы, сосуды для отстаивания молока, маслобойки и т. д.

Среди кумыкских кустарей были замечательные мастера по обработке камня, резчики по камню и дереву, которые украшали капители колонн

⁸⁴ И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. СПб., 1850, стр. 102.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, стр. 77.

⁸⁷ См. Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Указ. соч.

Рис. 31. Глиняная посуда

в комнатах, на веранде, балконе, наличники окон, дверей, ворота, намогильные памятники и т. д.

Мы вкратце охарактеризовали здесь различные отрасли ремесленного и домашнего производства у кумыков. Надо отметить, что ремесло на Кумыкской равнине не имело такого развития, как, например, в нагорном Дагестане и в экономике народа играло подсобную роль. После присоединения Дагестана к России, в связи с широким распространением привозных фабрично-заводских изделий, а также ремесленных изделий из горных районов отдельные отрасли кустарной промышленности, например гончарная, золотокузнечество и др., у кумыков постепенно свертываются.

Заслуживает внимания и тот факт, что в исследуемый период во многих кумыкских селениях наряду с местными кустарями работали гончары, сапожники, сталекузнецы, золотых дел и другие мастера из даргинских, лакских и аварских районов, которые, переселившись со своими семьями, нередко становились постоянными жителями этих селений. Почти все лудильщики, работавшие в тот период, были лакцы. Этим ремеслом кумыки уже не занимались.

Можно с уверенностью сказать, что распространенная в этот период среди кумыков гончарная, деревянная и медная посуда была на 80—90% горского происхождения. Часть этих изделий изготовлялась горцами-отходниками здесь же на месте, другая, более значительная часть поступала в готовом виде из различных районов нагорного Дагестана и из Чечни. Ежегодно большими партиями поступала на плоскость готовая гончарная посуда из селений Балхар, Сулебекент, деревянная утварь из Катдагана, Сирха, Мирсеги, Ауха (Чечни) и т. д.

Все это свидетельствует о существовании в XIX в. четкого разделения труда по отдельным отраслям народного хозяйства между отдельными частями Дагестана (а в горах — даже по отдельным отраслям кустарно-ремесленного производства). Кумыкским крестьянам, занимавшимся в основном земледелием, было выгоднее приобретать готовые изделия у горцев, чем их производить самим.

Занимались кумыки также лесным промыслом. Они возили в города (например, в Кизляр) на продажу кольца для виноградных лоз, строевой лес и т. д.⁸⁸

⁸⁸ А. И. А х в е р д о в. Указ. соч., стр. 214.

Рис. 32. Гончарная печь (фото Гос. музея этнографии народов СССР)

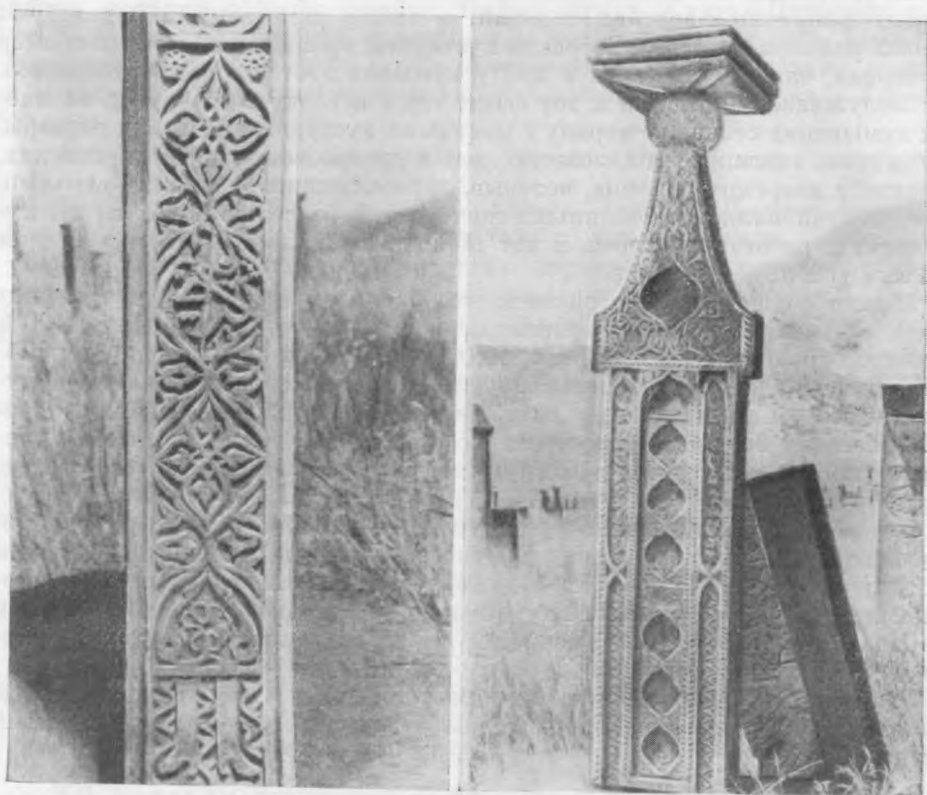

Рис. 33. Образцы художественной резьбы по камню

Одним из наиболее распространенных промыслов у кумыков был извоз. Занимая весьма выгодное географическое положение, кумыки на своих арбах перевозили в нагорный Дагестан, а также на плоскость, на рынки Дербента, Кизляра и других центров людей, продукты питания, всевозможные товары. При отсутствии железнодорожного транспорта этот промысел имел исключительно большое значение.

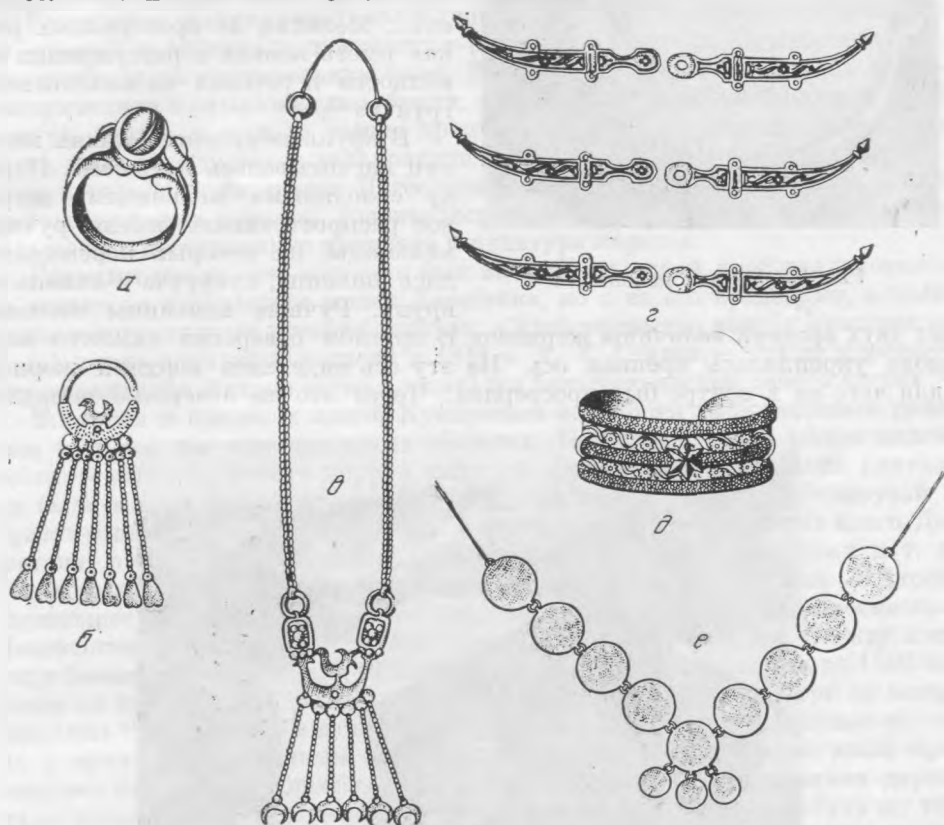

Рис. 34. Женские золотые и серебряные украшения:

а — кольцо, б — серьга, в, е — нагрудные украшения; з — застежки, д — браслет

Кроме кузнецов и мастеров по изготовлению арб, колес, дуг, в каждом селении были, как отмечал Н. Ф. Дубровин, и шорники, изготовлявшие сбрую, хомуты и т. д.

Мельницы

Большое хозяйственное значение имели водяные мельницы — «тирмен». Кумыкские мельницы были такого же типа, что и горские, или, точнее, общекавказские мельницы. Строились они у водопадов, где устанавливался длинный деревянный желоб, ведущий воду прямо вниз. Сила падения воды приводила в движение горизонтально лежащее в воде колесо, от которого шла вверх ось, вращающая жернов. Позднее появился усовершенствованный тип мельницы — «орус тирмен» (русская мельница) с большим вертикальным колесом.

Характеризуя местный, наиболее распространенный тип мельниц в Дагестане, Д. И. Тихонов писал: «Мельниц мучных тамошними жителями сделано в довольном количестве. Стоят на каналах, проведенных из текущих речек близ самих гор. Расположены одна от другой в близком рас-

Рис. 35. Ручная мельница

из двух средней величины жерновов. В круглом отверстии нижнего жернова укреплялась крепкая ось. На эту ось надевался верхний жернов, для чего он в центре был просверлен. Через это же отверстие попадало

стоянии. Сделаны ж об одном коле. Желобы деревянные, по каскату вода сильное течение имеет. В сутки муки получают 2 четверти с небольшим; молоть же более не в состоянии по причине малости на сих камней... Мельниц на пространных речках иметь нельзя в рассуждении их мелкости и течения по каменистому грунту»⁸⁹.

В крупных селениях таких мельниц насчитывалось пять-семь. Наряду с водяными мельницами широкое распространение имели ручные мельницы, на которых перемалывались пшеница, кукуруза и ячмень на крупу. Ручные мельницы состояли

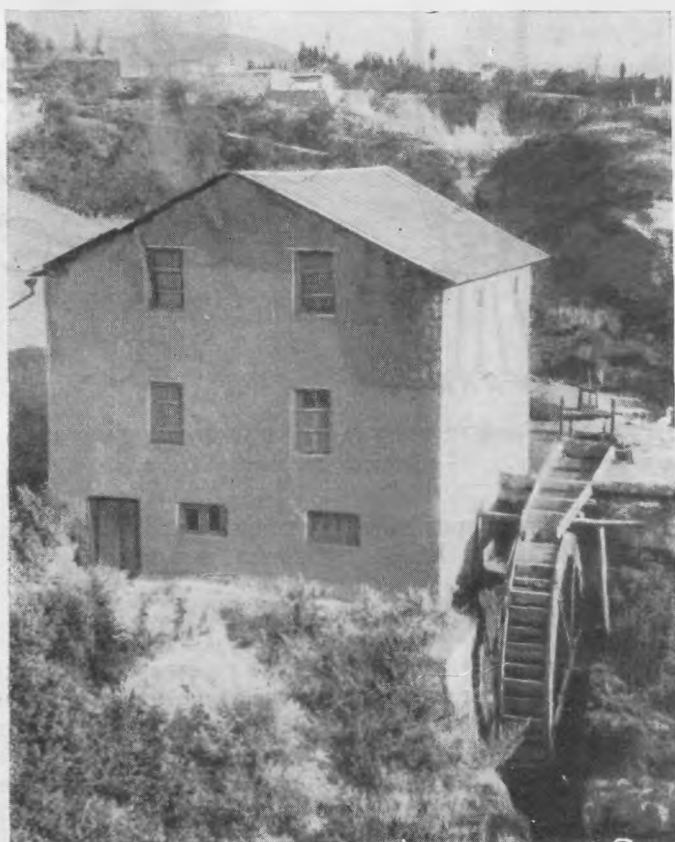

Рис. 35,а. Современная мельница — «корус-тирмен»

⁸⁹ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 134.

зерно. С края делалось еще одно отверстие, в которое вставлялась деревянная ручка. Этой ручкой приводили в движение верхний жернов, и зерно перемалывалось.

Торговля

В экономике кумыков немалую роль играла торговля.

Кумыкская равнина издавна служила житницей — поставщиком зерна, овощей и винограда для многих районов Дагестана. Кумыкским хлебом снабжалась значительная часть Дагестана. Даргинцы, аварцы и лакцы привозили кумыкам сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т. д., а также продукты животноводства и обменивали их на хлеб. В результате установившегося разделения труда между кумыками и народами нагорного Дагестана у первых постепенно расширились посевы зерновых культур, развивалось садоводство и виноградарство. Все большее распространение получала и культура марены.

Главным предметом торговли был хлеб. Кумыкский хлеб реализовался не только на внутреннем рынке Дагестана, но и за его пределами, в частности в пограничных русских городах. «Хлебопашество там (у кумыков. — С. Г.) столь значущее, — писал в 1811 г. Х. Х. Стевен, — что до учреждения карантинных Кизляр отсюда запасался большею частью своего хлеба»⁹⁰.

Торговля в пределах самой Кумыкской плоскости производилась главным образом на еженедельных базарах. Базарным днем почти повсеместно считалась в этот период пятница. Основными торговыми центрами были в начале XIX в. селения Эндирей, Тарки, Нижний Джентугай и Султан-Янги-юрт, куда собирались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т. д. Самое выгодное положение в торговом отношении занимало сел. Эндирей, служившее «всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость». Неизвестный автор начала XIX в. писал, что в сел. Эндирей «каждо пятницу бывает базар, и на самом малочисленном находится всегда до 1500 человек из других мест... Там живут армяне, жида и имеют торг со всеми горцами»⁹¹. В Эндирее в то время были целые кварталы, населенные евреями и армянами, имевшими свои синагоги и церкви⁹². Помимо всего прочего это был центр торговли рабами и пленными. «Эндиреевская деревня, — писал С. М. Броневский, — по местоположению своему будучи, так сказать, воротами между горами и долинами, сделалась сборным местом и главной в сей стране ярмаркой для торга пленниками, высылаемыми из Дагестана и Лезгистана»⁹³. Как отмечает Броневский, проданные на эндиреевском рынке дагестанские, чеченские и другие рабы и пленники затем попадали в Анапу, в Сухум-Кале, Поти, Батум, а оттуда через турецких купцов — в Константинополь, Египет и левантские порты. В Египте самых лучших молодых кавказских пленников, проданных в рабство, зачисляли в ряды войска «деев», или мамлюков, а в Константинополе и в левантских городах красивых пленниц продавали «для сералей знатных людей за дорогую цену»⁹⁴. После присоединения Дагестана к России работорговля была строго запрещена. При Ермолове работорговля в Эндирее прекратилась.

Строительство Сунженской линии (1817—1821 гг.), которая проходила через Кумыкскую плоскость до Каспийского моря и Тарковского шамхаль-

⁹⁰ АКАК, т. V, стр. 37.

⁹¹ «Краткая записка о горских народах». — «Северный архив», т. XXII, № 13, 1826, стр. 29.

⁹² Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 244.

⁹³ С. Броневский. Указ. соч., т. II, стр. 197.

⁹⁴ Там же, т. I, стр. 310—311.

ства, а также строительство крепостей: Внезапная⁹⁵, Бурная⁹⁶ и других сыграло большую роль в борьбе с работорговлей и вывозом рабов турецкими работорговцами.

Торговля кумыков вне Дагестана ориентировалась преимущественно на внутренние районы России, а также на Кабарду, Осетию, Закавказье и Персию. В этой торговле первое место, как уже отмечалось, занимали продукты земледелия: зерно, скот, фрукты, виноград, рыба, ремесленные изделия. Кумыки продавали также воск, мед, шелк-сырец, строевой лес и пр.⁹⁷ Весьма важным предметом вывоза являлась марена, производившаяся здесь в большом количестве и отличавшаяся высоким качеством. По данным 1850 г. цена на марену на месте была примерно от 5 руб. 25 коп. до 6 руб. серебром за пуд⁹⁸. В 1861 г. только через Шандраковскую пристань близ г. Кизляра было «завезено в Астрахань красильного корня марены... тридцать тысяч семьдесят два пуда»⁹⁹. Марена шла через Кизляр и Ставрополь в Астрахань, Нижний Новгород, Москву и т. д.

Предметами ввоза служили железо, медь, различные металлические изделия, хлопчатобумажные и шелковые ткани, посуда (фарфоровая и фаянсовая), писчая бумага, сахар и другие бакалейные товары, большие зеркала, сундуки, нитки простые и для золотого шитья, позумент и т. д.

Внутренняя торговля кумыков в значительной степени носила характер товарообмена, в то время как в торговле с различными областями России, а также с Персией и другими странами Востока первостепенную роль играли деньги.

Главными пунктами, через которые велась торговля с внутренними областями России, в этот период были Кизляр, Астрахань, Дербент, позднее также Ставрополь, а с Персией — Дербент и Баку. В торговле с Центральной Россией особенно важное значение в это время приобрел для кумыков Кизляр. Это был наиболее близко расположенный русский торговый город, жители которого могли «производить выгодный торг с кумыками и лотайцами». «Кизляр,— писал в 1838 г. в своих «Путевых записках» П. П. Заблоцкий,— превосходит прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринодарской, Харьковской, Курской, с обеими столицами, с горскими и закавказскими народами»¹⁰⁰. Близость такого города, имевшего обширную торговлю, была для кумыков, особенно северных, очень выгодна. Что касается роли Астрахани в торговле с Дагестаном, то она возросла лишь после установления регулярного пароходного сообщения между Астраханью, Петровском и Дербентом, поскольку вывоз товаров этим путем обходился значительно дешевле, чем сухопутным.

Русская администрация на Кавказе, правда, в колонизаторских целях, всячески поощряла торговлю Северного Кавказа и Закавказья с Россией, организовывала специальные меновые дворы, разрешала беспрепятственный проезд местных купцов в торговые центры России, принимала меры к тому, чтобы не перекушники вывозили дагестанские изделия, а сами дагестанцы, ибо это было выгодно как им, так и русским¹⁰¹, способствовало

⁹⁵ Крепость Внезапная была построена в 1819 г.

⁹⁶ Крепость Бурная была основана в 1818—1821 гг. на горе Тарки-Тау, выше сед. Тарки. Позже она была оставлена из-за ряда неудобств, и внизу на берегу Каспийского моря в 1839 г. возникло Низовое укрепление.

⁹⁷ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 134; С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 200; «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XVI, ч. 1, стр. 151.

⁹⁸ Отчет губернатора города Дербента, управляющего Дербентской губернией, за 1850 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 372, л. 17.

⁹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 24, стр. 25.

¹⁰⁰ П. Заблоцкий и др. Путевые записки... «Журн. Министерства внутренних дел», СПб., 1838, № 7, стр. 12.

¹⁰¹ АКАК, т. IV, стр. 834—835.

развитию дружественных отношений. «Цель учреждения на Кавказской линии меновых дворов, — читаем в «Записке о меновых дворах на Кавказской линии», — заключалась, как известно, в желании привязать горцев к сношению с русскими»¹⁰².

Главнокормандующий на Кавказе Торماسов в своей прокламации к дагестанским народам указывал, что им позволено правительством «по торговле пользоваться всеми правами, какими пользуются природные подданные России», что они имеют право на «выезд во все земли, принадлежащие к России», продавать «все... избытки в произведениях и рукоделии» и покупать все необходимое¹⁰³.

Торговля с промышленными центрами России была значительно выгоднее, чем с Персией, поэтому она быстро вытеснила персидскую торговлю на рынках Дагестана. «Русские ситцы, нанки и другие бумажные товары, — указывалось в «Обозрении Российских владений за Кавказом», — сбываются в Дагестане в большом количестве и по выгодным ценам; они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что купцы находят мало пользы в торговле с последними... Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются немногими из бакинских и шемахинских купцов»¹⁰⁴. Русские товары находили в Дагестане наибольший спрос. В связи с этим постепенно ликвидировался разнороб в денежной системе, падал курс персидского тумана и поднимался курс русского рубля.

В начале XIX в. во внутренней торговле Дагестана главную роль играла местная система мер и весов, различавшихся в разных местах своим объемом или весом. Для измерения емкости сыпучих тел у кумыков, как и во всем Дагестане, применялось прежде всего, «сабу», которое, впрочем, далеко не везде было одинаковой величины. Так, например, сабу сел. Буйнак вмещало 27 кг, Башлы — 21—23 кг, Казияурга, Эндирея и других селений засулакских кумыков — 64 кг, Нижнего Казанища — 32 кг и т. д. Самым крупным считалось сабу засулакских кумыков. В ряде мест (у южных кумыков) применялось сабу двух размеров: «харман сабу» для определения количества урожая зерна, равнявшееся 30 кг, и несколько меньшее сабу — «сатув сабу», применявшееся (как показывает само название «сатув сабу» — сабу для продажи) при продаже зерна.

Более мелкой единицей сыпучих тел служил «сагъ». В одних местах сагъ равнялся 2,5 кг, в других — 3,5—5 кг и т. д. Сабу засулакских кумыков составляло 10 сагъ зерна. В некоторых местах была еще меньшая мера для сыпучих тел — «ярым аякъ», которая равнялась 0,5 сагъа.

Количество или вес зерна определяли также мешками — «дорба» (вмещал от одного до двух пудов), «къап» (от двух до 12 пудов), «чувал» у кумыкских теркемейцев (12 пудов), «харал» (15—25 пудов), «къанал» у южных кумыков (4,4 пуда) и т. д.

Количеством засеваемых семян определяли и размеры земельного участка: «1 сабуну ери» — земля, на которую расходуется 1 сабу семян, «5 сабуну ери» и т. д. У южных кумыков, например, 1 сабу земли равнялось примерно $\frac{1}{12}$ десятины, 1 десятина равнялась 4 капанам земли, на 1 капан земли расходовалось 70 кг зерна, или 3 сабу.

Для таких продуктов, как мясо, сыр, мед, масло, а также для шерсти, шелка и т. д. самой распространенной мерой веса был «батман». Как отмечал А. В. Комаров, батман также имел в Дагестане различную величину. Величина батмана была разнообразна и внутри Кумыкии. В некоторых селениях, в основном южнокумыкских (Башлы, Янгикент, Туменлер

¹⁰² АКАК, т. X, стр. 571—572.

¹⁰³ АКАК, т. IV, стр. 604.

¹⁰⁴ «Обозрение Российских владений за Кавказом...», ч. IV, стр. 184—185.

и др.), батман равнялся 10 фунтам, в Тарковском шамхальстве — 3—5 фунтам¹⁰⁵, в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском владениях и в Нижнем Казанище — 6 фунтам и т. д. Более мелкой мерой для жидких тел (масло, мед, сметана и т. д.) служил «тенгелек», который равнялся двум фунтам.

Мерой длины повсеместно служили ханский аршин, который равнялся примерно 20—22 вершкам, и «кари», равнявшийся 10—11 вершкам, т. е. $\frac{1}{2}$ ханского аршина¹⁰⁶. Более мелкими мерами длины являлись также «съем» (пядь), равный расстоянию между растянутыми большим и указательными пальцами, «къарыш» — равный расстоянию между растянутым большим пальцем и мизинцем.

Наличие такого большого числа различных единиц измерения являлось значительным препятствием на пути развития торговли в Дагестане, в частности в Кумыкии. После присоединения Дагестана к России широкое распространение получила система русских мер и весов, что имело прогрессивное значение для развития торговли кумыков. Существовавший ранее разнорядный был постепенно ликвидирован. Ермолов в 1824 г. даже дал специальное указание военной администрации в Дагестане о необходимости «жителей приучать к весу российскому и иметь верные весы»¹⁰⁷.

В первой половине XIX в. развитию торговли препятствовали и другие важные обстоятельства. Главное из них заключалось в феодальной раздробленности Дагестана вообще и Кумыкской равнины, в частности. Каждый феодальный владелец требовал разного рода пошлины за провоз товаров через его владения. Тарковский шамхал, князя Кумыкской плоскости, владения которых лежали на большой дороге из Астрахани и Кизляра в Дербент, Баку и дальше, собирали значительную дань с купцов¹⁰⁸.

Данные о пошлинах, приводимые в 1796 г. Д. И. Тихоновым в «Описании Северного Дагестана», вполне применимы для характеристики этого сбора и в начале XIX в.

По сведениям Тихонова, шамхал и уцмий получали «с провозимых сторонними купцами через их владения товаров серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы она нагружена ни была товарами, по 2 руб. 50 коп., с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда по 2 р. 50 коп., с канцелярского семя 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20-ти голов — по одной овце и скоту, с рыбы с 10-ти по одной же. С людей: на лошади верхом едущего и пеших с россиян, армян и жидов с каждого по 1 рублю»¹⁰⁹.

Все это сильно тормозило развитие торговли.

После присоединения Дагестана к России русское правительство отменило право местных владельцев (тарковского шамхала, мехтулинского хана и др.) на взимание пошлин, заменив их ежегодным денежным вознаграждением¹¹⁰. Это мероприятие так же, как и вся торговая политика России на Кавказе в этот период, имело большое значение для экономического развития кумыков, способствовало росту товарно-денежных отношений и усилению торговых связей кумыков и всего Дагестана с внутренними районами России и с соседними народами.

Крупным тормозом развития торговли, да и вообще экономики Дагестана была Кавказская война. Только прекращение военных действий создало условия для нормальной торговли.

¹⁰⁵ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 73.

¹⁰⁶ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним, стр. 75.

¹⁰⁷ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 68.

¹⁰⁸ А. А. Неверовский. Указ. соч., стр. 64.

¹⁰⁹ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 135.

¹¹⁰ А. А. Неверовский. Указ. соч., стр. 63—64.

В дореформенный период русской администрацией на территории Кумыкской плоскости было основано три города.

В 1824 г. у сел. Темир-Хан-Шуры был построен г. Темир-Хан-Шура. Он возник как укрепление с форштадтом. В 1834 г. Темир-Хан-Шуринское укрепление было значительно расширено, в связи с чем жители вышеупомянутого селения были переселены в соседнее селение — Халимбек-аул. Основание Темир-Хан-Шуры имело важное экономическое и стратегическое значение. Укрепление было создано почти в центре Дагестана и связывало между собой северные и южные кумыкские владения. Оно находилось в «узле дорог через Казыюрт — в Кизляр, чрез Чиркей — в Салатавию, чрез Казаници — в Аварию, чрез Дженгутай и Оглы — в Акушу, чрез Буйнаки — в Дербент, чрез Тарки — к морю и т. д.»¹¹¹ С его развитием начался приток сюда торговых людей из Астрахани, Кизляра, Тифлиса. Купцы Голиков, Азаров, Долгополов, братья Юдины, были здесь одними из основателей торговли¹¹². В апреле 1851 г. был открыт почтовый тракт между Дербентом и Темир-Хан-Шурой¹¹³. В 1855—1857 гг. в укреплении насчитывалось примерно 686 строений, из них казенных — 152, домов офицерских — 72, солдатских — 345, торгового сословия — 117 и т. д.¹¹⁴ Всего здесь проживало около 7000 человек¹¹⁵. С образованием Дагестанской области (1860 г.) Темир-Хан-Шура становится центром области¹¹⁶.

В 1846 г., в период военных действий в Дагестане, возникает укрепление Хасавюрт. Имеются сведения, что еще до образования укрепления это место являлось у кумыков одним из сторожевых пунктов и называлось Сувук-Пуршумук (холодная стоянка). Открытое со всех сторон, это место — действительно холодное и ветренное. По рассказам стариков, чабаны, перегонявшие скот на летние пастбища, делали здесь остановку на несколько дней: здесь не было комаров.

С началом военных действий в Дагестане это место приобрело большое военно-стратегическое значение, что вызвало необходимость в его укреплении. По приказу военной администрации из Эндирея и Костека было переселено по 100 семейств для основания на этом месте населенного пункта. По окончании строительства аула сюда переселился на постоянное жительство местный князь Хасав Хамзаев, почему и селение стало называться Хасавюрт. Однако через пять лет после основания это селение было разорено Кази-муллою, продвигавшимся к Кизляру. В 1845 г. генерал Козловский распорядился вырубить лес на большом участке возле этого селения с целью создания укрепления. Эта работа была выполнена при князе Барятинском, который и перенес сюда штаб-квартиру Кабардинского полка из бывшей крепости Внезапной, построенной при Ермолове. Для слобожан был построен форштадт. В 1867 г. укрепление было упразднено, а из форштадта была образована слобода «Хасавюрт» с гражданским управлением. Таким образом, основоположниками Хасавюрта были русские из крепости Внезапная, слобожане и кумыки из селений Костек и Эндирей¹¹⁷.

Постепенно росло и возникшее в 1845 г. Петровское укрепление, где с 12 по 16 августа 1722 г. находился лагерь Петра I¹¹⁸. Петровская крепость была создана в 4—5 верстах на север от Низового укрепле-

¹¹¹ Е. Козубский. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры. СМОМПК, вып. 19, Тифлис, 1894, стр. 8.

¹¹² Там же, стр. 11.

¹¹³ Там же, стр. 31.

¹¹⁴ Там же, стр. 41.

¹¹⁵ Там же, стр. 42.

¹¹⁶ Там же, стр. 44.

¹¹⁷ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 5, д. 4249, л. 2.

¹¹⁸ «Исторический очерк распространения русского владычества над Кавказом». Кавказский календарь на 1851 г., Тифлис, 1850, стр. 50—51.

ния¹¹⁹, основанного в 1839 г. после снесения крепости Бурной. В 1857 г. специальным указом Сената Петровская крепость была переименована в портовый город Петровск¹²⁰. Согласно положению о г. Петровске, здесь могли селиться прежде всего люди из «торгового и промышленного класса». Лицам, поселенным в этом городе, отводилась земля для строительства домов и торгово-промышленных заведений. Купцам, мещанам и цеховым, желавшим переселиться сюда из внутренних губерний Российской империи и Закавказского края, давались определенные льготы. В частности, они освобождались на 10 лет от платежа гильдейских пошлин и государственных повинностей, от поставки рекрутов и т. д.

В удобный для судоходства на Каспии период (с апреля по ноябрь) многие товары из Астрахани шривозили морем до Порт-Петровска, а оттуда доставляли сухим путем в Темир-Хан-Шуру и дальше.

Росло экономическое и культурное значение города, постепенно увеличивалась численность его населения.

Однако хозяйственное развитие Кумыкии в целом шло в этот период медленно. Роль городов как экономических и культурных центров была незначительной. Здесь не было ни одной фабрики, ни одного завода или другого сколько-нибудь значительного промышленного предприятия.

Развитию товарообмена между плоскостью и нагорным Дагестаном, а также соседними областями сильно мешало отсутствие благоустроенных дорог, мостов и т. д. Однако основным тормозом на пути развития капиталистических отношений были господствовавшие здесь феодально-крепостнические отношения.

Вместе с тем втягивание Кумыкской равнины, как и всего Дагестана, в сферу народного хозяйства России способствовало ускорению экономического развития Кумыкии в пореформенный период.

2. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА

Кумыкское общество делилось на два резко антагонистических класса. Шамхал, ханы, беки (в Тарковском и Мехтулинском владениях), князь (на территории Кумыкской плоскости за Сулаком), чанки, т. е. дети от неравных браков феодалов, составляли господствующий класс, известный у кумыков под общим именем «бийлер»¹²¹. К этому классу принадлежали также сала-уздени (средний слой дворянства) и представители духовенства, хотя ни те, ни другие не имели бийского происхождения.

Эксплуатируемый класс также распадался на несколько социальных групп: уздени, чагары, теркеме, кулы и др.

«Кумыки,— писал в 1865 г. князь Х-ъ (Хамзаев),— разделяются на семь классов, или сословий, а именно: князья, чанки, первостепенные уздени, простые уздени, чагары, теркемейцы и холопы»¹²². Н. Ф. Дубровин делил кумыков на «восемь главных сословий»: 1) князей, 2) чанков, 3) сала-узденей, 4) просто узденей, 5) догеред-узденей, 6) азотов, или вольноотпущенных, 7) чагаров, 8) кулов. В отдельные сословия он выделял также «теркеме» и «казаков». Всего, таким образом, он насчитывал у кумыков десять социальных групп¹²³.

Среди феодальных владетелей особое место занимал тарковский шамхал. В первой половине XIX в. он еще продолжал называться валием дагестанским и владетелем буйнакским, хотя за пределами шамхальства уже

¹¹⁹ «Исторический очерк распространения русского владычества над Кавказом». Кавказский календарь на 1851 г., Тифлис, 1850, стр. 51 (примеч.)

¹²⁰ ЦГАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 84, лл. 51—53.

¹²¹ В единственном числе «бий».

¹²² Князь Х-ъ. (Хамзаев). Кое-что о кумыках. «Кавказ», 1865, № 68.

¹²³ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 630.

не имел реальной власти. В своем владении шамхал пользовался неограниченными правами. На звание шамхала мог претендовать только самый старший представитель шамхальского дома по прямой линии. Неограниченную власть имели также старшие князья на Кумыкской плоскости и мехтулинский хан.

Потомки шамхальского рода, т. е. младшая линия тарковских шамхалов и мехтулинских ханов, назывались беками. Они несли вассальную службу, собирали по требованию вышестоящих владетелей ополчение¹²⁴, командовали им, во время похода состояли в свите своего сеньора и т. д. Вопросы же внутреннего управления своими уделами они решали как полновластные хозяева.

Члены бийского сословия не судились ни с узденями, ни с чагарами, они имели свой суд, свои адаты. Так, по бийскому адату кровная месть могла совершаться только внутри сословия¹²⁵; зависимые сословия и даже сала-уздени по отношению к биям права кровной мести не имели.

В документах этого периода беки подразделяются на две категории: «коренных» и «пожалованных». В отличие от коренных пожалованные беки получали от местных владельцев и от царского правительства титулы и звания в награду за военные и другие заслуги и назначались правителями отдельных частей владений¹²⁶. Но по своему происхождению они, как и коренные беки, принадлежали к бийским родам.

Следует отметить, что засулакским кумыкам термины «хан» и «бек» неизвестны. Здесь все потомки Султан-Мута¹²⁷, независимо от того, управляли они владениями или нет, назывались «биями» или «князьями».

Титул бека был вторым после шамхальского и ханского. Кроме беков из шамхальской фамилии и из рода Султан-Мута, в некоторых селениях Тарковского владения были также беки, известные под общим именем «карачи-беков», или «карачи-биев». Не будучи в состоянии состязаться в экономическом и политическом отношениях с представителями шамхальского рода, они считали, однако, что род их древнее шамхальского, что именно они — «древние хозяева» кумыкской территории. Автор «Рассказа кумыка о кумыках» Д. М. Шихалиев так характеризует беков этой категории: «Сословие „карачи“ находится в деревнях Северного Дагестана: Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты. Они суть потомки туземных князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных»¹²⁸. Слово «карачи» Шихалиев переводит как «смотритель», «разбиратель» и говорит, что засулакские кумыки приходили к «карачи», главным образом в Эрпели, для разбирательства спорных вопросов в присутствии «блюстителей всех кумыкских старинных обычаев» (т. е. в при-

¹²⁴ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. «Уч. зап. Свердловского пед. ин-та». вып. 1, 1938, стр. 79.

¹²⁵ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, ч. II. Одесса, 1882, стр. 196; Н. Семенов. Указ. соч., стр. 272.

¹²⁶ ЦГА Груз.ССР, ф. 2, оп. 1, д. 7767, лл. 19—22.

¹²⁷ Хотя все кумыкские владетели считались представителями шамхальского дома, засулакские князья держались несколько обособленно. Они вели свою родословную от Султан-Мута, который правил примерно с 1574 по 1635 г. О Султан-Муте и происхождении князей Кумыкской плоскости существует несколько преданий. По одному преданию, Султан-Мут являлся сыном шамхала Анди (правившего в XVI в.) от брака с кабардинской княжной (см. «Шамхалы Тарковские», ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 58). По другой версии, подтвержденной письменными источниками, он был сыном шамхала Чопана и кабардинки из семьи узденей Анзоровых. Братья Султан-Мута, рожденные от княгини, не признавали его равным себе. Тогда Султан-Мут собрал вооруженные силы в Салатавии и в Кабарде и заставил выделить удел, следуемый ему по праву наследования [см. М. Б. Лобанов-Ростовский. Кумыки, их нравы, обычаи и законы «Кавказа», 1846, № 37; Кумык, (Д. М. Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ», 1848, № 39—44].

¹²⁸ «Кавказ», 1848, № 40.

существовании карачи-беков), где эти вопросы получали окончательное разрешение. Шихалиев сообщает также, что в Эрпели «хранилась книга Исмаил куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»¹²⁹. Вероятно, это был сборник адатов «карачи-беков». Нам думается, что сведения, которые сообщает Шихалиев о «карачи-беках», заслуживают внимания. Вполне возможно, что «карачи-беки» составляли более древнюю прослойку феодальной знати на кумыкской территории, а позже попали в зависимость от шамхалов, оказавшихся сильнее в экономическом и политическом отношениях.

Такое же положение, как карачи-беки в Тарковском шамхальстве, занимали в Кайтагском уцмийстве, в частности у южных кумыков, гамринские беки. Их резиденцией считалось сел. Утамыш. Вероятно, гамринские беки как более древняя феодальная прослойка управляли здесь самостоятельно до тех пор, пока на эту группу кумыков не распространилась власть более сильного феодала, кайтагского уцмья, перенесшего свою резиденцию из высокогорного Кайтага (сел. Кара-Курейш) на плоскость (сел. Башли). В самом деле, Утамыш и другие сопредельные с ним селения в период Восточного похода Петра I имели своего владетеля, называемого в источниках отемишским султаном. Отемишский султан Махмуд формально считался самостоятельным владетелем, но из-за незначительности своего владения не имел большого экономического и политического веса и, очевидно, находился первое время в вынужденном союзе с уцмием, а потом в вассальной зависимости от него.

Все бии делились на два разряда. 1. Рожденные от равного брака, т. е. от матерей из шамхальского рода, рода Султан-Мута, других дагестанских владетелей (аварских, казикумухских ханов, кайтагских уцмиев), или из кабардинских, черкесских, грузинских и других княжеских фамилий. Они считались полноправными биями, беками, князьями. 2. Рожденные от неравного брака, например бека с узденкой. Такие потомки владетельных фамилий назывались «чанка» (джанка) или «чанка-биями». Считается, что кайтагским уцмием Султан-Ахмедом в 1583 г. личные и имущественные права членов уцмиевского рода были определены в зависимости от их происхождения, что потом было принято всеми феодальными владетелями Дагестана¹³⁰. Согласно постановлению уцмья сыновья от матерей «бийке», т. е. от женщины «чистой княжеской крови», признавались чистокровными беками и пользовались всеми правами этого сословия (правом управления, правом наследования и т. д.); сыновья же, рожденные от женщин небийского происхождения (от узденки и т. д.), не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы. По бийским адатам чанка занимал по отношению к бию подчиненное положение. Он большей частью находился в «роли почетного слуги (нукера)»¹³¹ у полноправного бия, даже в случае их кровного родства. «Если князь берет узденку или холодку... — писал Хамзаев, — то дети, происходящие от такого брака, не пользуются титулом князя... и не могут владеть землями по смерти отца»¹³². Чанки владели лишь землей, переданной отцами по «назру» (дарственному акту).

Однако в отдельных владениях, например в Тарковском шамхальстве, существовали различия и среди самих чанков. «Джанки, — читаем в «Кратких сведениях о привилегированных и прочих сословиях... Северного Дагестана», — имеют также разряды: те из них, которые происходят прямо от владетельных особ и от биев или беков, а равно и потомки таких джан-

¹²⁹ «Кавказ», 1848, № 40.

¹³⁰ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 88—89.

¹³¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 2.

¹³² Князь Х-ъ. Указ. соч., «Кавказ», 1865, № 70.

ков, рожденные от матерей-непростолюдинок, а джанков же, именуются также беками и пользуются особыми правами и преимуществами, ставящими в разряд туземного высшего сословия. Прочие же потомки джанков, рожденные от браков с простолюдниками, хотя и сохраняют за собой звание джанков, но им не присваивается титула бека и прав высшего сословия»¹³³.

Отдельную группу сословия феодалов, среднюю прослойку его, составляли так называемые сала-уздени (у засулакских кумыков) или уллу-уздени (у всех остальных кумыков). В русских источниках они именуются первостепенными узденями. Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычай и законы» М. Б. Лобанов-Ростовский, написавший первую специальную работу о кумыках, отмечает, что сала-уздени Кумыкской плоскости составляли «особый класс, первый в народе после князей, вероятно, по месту их первоначального поселения на речке Сала-су, ставший известным под именем сала-узденей». Считая себя древними хозяевами земли, «они гордились своим известным происхождением, богатством, удалью, уступая первенство одним лишь князьям»¹³⁴. Д. М. Шихалиев отмечает также, что сала-уздени — «древнейшие обитатели края». Он считает их союзниками Султан-Мута. По словам Шихалиева, сала-уздени жили в сел. Эндирей, занимали здесь несколько кварталов, были наделены землей, имели невольников и оружие и за это «обязаны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей»¹³⁵. «Сала-уздени обязаны были князьям не только личной, но и потомственной службою»¹³⁶. По определению Хамзаева, сала-уздени были дворянами, близко стоявшими к князьям, от которых многие из них получили земли¹³⁷.

О былом высоком положении сала-узденей свидетельствует прошение представителя этого сословия Хаджи-Муратова, поданное в сословно-поземельную комиссию. «Предки мои, жившие первоначально в селении Гельбах Хасавюртовского округа, происходящие из почетных узденей, так называемых „сала-узденей“, пользовались, и ныне фамилия наша пользуется правами и преимуществами наравне с беками и независимо от последних; не платили ни бекские повинности, ни государственную подать»¹³⁸.

Все это дает основание полагать, что на земле засулакских кумыков сала-уздени представляли собой более древнюю ветвь феодальной знати, чем князья (бии) из шамхальского дома. С установлением власти князей они оказывались в вассальных отношениях к ним, сохраняя, однако, свои экономические и общественные права. Сала-уздени владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, рабами и т. д.

Ряды этого узденства пополнялись пожалованными дружинниками из числа простых узденей. Дружинники назывались нукерами, а у засулакских кумыков — узденями, хотя так же именовалась по всей Кумыкии и основная часть феодально-зависимого крестьянства.

В чем заключалась разница в общественно-правовом отношении между сала-узденями и узденями-дружинниками, т. е. рядовыми узденями, несшими военную службу князю, точно сказать трудно. М. Б. Лобанов-Ростовский, а затем и Д. М. Шихалиев, анализируя их общественное и экономическое положение, ставят сала-узденей намного выше других сословий. Лобанов-Ростовский, например, писал, что сала-уздени — «древние хозяева земли», что они «до утверждения русского владычества» резко от-

¹³³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, лл. 2—3.

¹³⁴ «Кавказ», 1846, № 37, 38.

¹³⁵ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

¹³⁶ Там же, № 42.

¹³⁷ Князь Х-ъ. Указ. соч. «Кавказ», 1865, № 68.

¹³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 40.

личались «от княжеских узденей, были богаче их»¹³⁹, что это «класс буйный, всегда готовый воспользоваться смутами, чтобы ослабить власть князей»¹⁴⁰ и т. д. То же самое подчеркивает и Шихалиев, когда пишет, что «подобно сала-узденям, князья отличали пожалованием земель и многих других узденей с тем, чтобы они или служили им по примеру сала»¹⁴¹. Дружинники из простых узденей не могли иметь звания сала, так как оно было наследственным, а не пожалованным. Все это дает основание полагать, что сала-уздени, или уллу-уздени, по сравнению с узденями-дружинниками занимали на феодальной лестнице более высокое положение и представляли собой значительную силу, с которой феодальная знать Кумыки не могла не считаться.

В первой половине XIX в. обязанности нукеров-дружинников (не считая боевой службы, которая и в этот период имела определенное значение) состояли в основном в том, что они помогали феодалам осуществлять власть над зависимым населением, иными словами, нукеры составляли аппарат, принуждающий трудящихся выполнять волю феодальной верхушки.

Кумыкский нукер, или уздень, не был простым наемником. Он считался свободным воином, который по своему желанию служил тому или иному господину. Однако, награждая узденя-нукера землей, владетель фактически ставил его в лично зависимые отношения. Данные устного творчества также дают право предполагать, что в нукеры люди попадали не только добровольно, но и по принуждению сильных владетелей. Нукеры охраняли своего сеньора во всех его поездках. Уздень-нукер должен был мстить семье убийцы за смерть своего владетеля, а если убийцей был князь, то мстил его узденям. Кроме того, нукер-уздень должен был помогать князю в его домашних работах, присутствовать при приеме гостей, ездить с ним на охоту и т. д. «Собаки, соколы и лихой конь были товарищи, наиболее для него привычные», — пишет Шихалиев о таком уздене¹⁴².

В более ранний период истории вассалитета обязанности нукеров-узденей, по-видимому, были еще сложнее. Они должны были не только проводить большую часть времени на коне, исполняя поручения своего владетеля, но и проливать кровь в междоусобной борьбе, защищая интересы сеньора. Кроме того, они должны были прислуживать князю дома, присматривать за его лошадьми, чистить оружие, выходить раз в неделю на княжеский сенокос¹⁴³ и т. д. С течением времени обязанности узденей-нукеров значительно изменились. «Черную» работу — уход за лошадьми, сенокосение и т. п. — стали выполнять не нукеры, а крепостные и другие зависимые крестьяне.

Самые влиятельные из княжеских узденей, или сала-узденей, являлись аталыками (воспитателями) детей князя. Они были обязаны брать на себя расходы, связанные с выдачей замуж дочерей своих владетелей, подготавливали им приданое и т. д.

Владетели не имели права наказывать своих узденей, но могли удалить их от себя, отобрав подаренное им имущество. Правовое и имущественное положение княжеских узденей в значительной степени зависело от того владетеля, вассалами которого они были. В более привилегированном положении были нукеры тарковского шамхала и старших засулакских князей.

Сала-уздени, уздени-нукеры так же, как и бии, отдавали своих детей в аталыки (на воспитание). В отличие от биев, принимавших в качестве

¹³⁹ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

аталыков только тех из своих узденей-нукеров, на которых они более полагались, сала-уздени и другие уздени-нукеры отправляли своих детей главным образом в горы, в семьи влиятельных горских узденей, устанавливая с ними прочные взаимовыгодные экономические связи.

Адаты биев не разрешали неравных браков. Поэтому бии не вступали в родственные связи с сала-узденями или узденями-нукерами. Однако через аталычество они могли быть связаны с ними неразрывными узами. Воспитанный в семье своего аталыка, «окруженный неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя». Часто эмчеки (родные дети воспитателя), вместе с которыми рос княжеский сын, почитались им наравне с родными братьями.

Сала-уздени, хотя нередко и занимали высокое имущественное положение, все же не могли переходить и не переходили в сословие биев. Сала-уздени составляли среднюю феодальную прослойку кумыкского общества.

К господствующему классу относилось и духовенство, которое, кроме своих мюльков, пользовалось вакуфными, или примечетскими землями. Но эти вакуфы, как справедливо отмечал С. В. Юшков, в Дагестане не составляли больших владений, как это было, например, в Средней Азии. Духовенство распоряжалось значительной частью «заката», получаемого от крестьян в размере десятой части их урожая, а также от других доходов крестьян.

Кумыкское трудовое крестьянство также не являлось однородной массой. По своему социально-экономическому и правовому положению оно делилось на несколько групп. Различные группы крестьян, однако, не представляли собой нечто неизменное, возможно были переходы из одной группы в другую.

Основной производящей массой зависимых крестьян являлись уздени, которые делились на следующие категории: просто уздени (второстепенные уздени), или догерек-уздени (круглые уздени), и азат-уздени (вольнотпущенники). Д. М. Шихалиев и Н. Ф. Дубровин считают, что прослойка догерек-узденей у засулакских кумыков образовалась как из местного, так и из пришлого с гор населения¹⁴⁴.

Согласно письменным источникам, «просто уздени» и «догерек-уздени», не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, платить им подати и нести в их пользу повинности, а следовательно, вступать в ряды феодально-зависимых крестьян, хотя на первый взгляд они казались лично свободными, так как могли распоряжаться собою по своему усмотрению и юридически сохраняли за собой право свободного перехода с места на место. «Средний класс (догерек-узденей), описанный в третьем разряде,— пишет Шихалиев,— как безземельный, но свободный, может переходить из одного квартала в другой или от одного рода к другому, лишь бы подчинялся обычаям того квартала, куда переходит»¹⁴⁵. Под «обычаями квартала», конечно, нужно понимать условия, которые новый феодал мог продиктовать узденю. Переход к новому владельцу был связан с лишением узденя части имущества и рядом других препятствий. Если кто-либо из узденей добровольно и уходил к другому князю, то он должен был оставить своему прежнему владельцу в неприкосновенном виде все свое недвижимое имущество — дом, хозяйственные постройки и т. д.; если же «он изгонялся самим князем, то мог взять с собой двери и оконные рамы»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848; № 42; Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 628.

¹⁴⁵ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 42.

¹⁴⁶ Н. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. «Терский сборник», вып. 6, 1903, стр. 61.

Относительная личная свобода узденей при почти полном отсутствии у них земли на правах владения (если не считать отдельные мюльки), возможность, хотя и с ограничениями, перехода от одного помещика к другому составляют специфические особенности феодальных отношений у засулакских кумыков. Эта специфика, хотя и в меньшей степени, была присутствующая также кумыкам Тарковского и Мехтулинского владений.

В укреплении экономической власти помещиков-крепостников большое значение имело внеэкономическое принуждение, однако основой феодализма являлось не оно, а феодальная собственность на землю. Внеэкономическое принуждение для этой наиболее многочисленной группы крестьянства, как это показывает фактический материал, не применялось в той степени, как, например, в дореформенной России, зато феодальная собственность на землю, отсутствие основного средства производства (земли) у самих производителей ставили многочисленную массу крестьян в феодально-зависимое положение. Из этого не следует, однако, что для этой группы населения вообще отсутствовала личная зависимость. При полной личной независимости крестьянин, уже наделенный землей, не стал бы работать на феодала.

Переход крестьян из низшей категории в более высокую совершался нелегко. Шихалиев, например, отмечает, что если когда-либо князья наделили отдельных догerek-узденей пахотной землей, кутаном или, делая их аталками своих детей, отличали особым почетом, то такие догerek-уздени становились узденями второго разряда или даже сала-узденями. Автор, однако, подчеркивает, что такое повышение «в классах приобретением имени... происходит исподволь, а не официальным пожалованием. Требуется много времени, чтобы перешедшего из третьего во второй класс отвыкли называть догerek-узденем.»¹⁴⁷

Следующую категорию узденей составляли азаты (азат-уздени), или вольноотпущенники («азат» в переводе означает «освободившийся», «свободный»). Феодал мог отпустить своих рабов или чагаров на свободу за деньги или при каком-нибудь другом условии. Порою отпускались на волю и торговые люди. Таким образом, основными источниками пополнения числа азатов были освобожденные крепостные и рабы. Однако освобожденная семья еще надолго сохраняла «отношения подчиненности к семье бывших господ»¹⁴⁸.

М. Б. Лобанов-Ростовский считает, что «отпущенники большей частью люди торговые, богатые и потому часто бывает, что уже дети их вступают в брак с дочерьми узденей; через несколько поколений происхождение их сглажено, если не забыто, и они почитаются узденями наравне с прочими»¹⁴⁹. Н. Ф. Дубровин также отмечает, что освобожденный азат сам «никогда не мог вступить в разряд второстепенных узденей, хотя бы приобрел поземельную собственность», но его потомки «в четвертом поколении переходят в сословие простых узденей, или людей свободных»¹⁵⁰. Подобно второстепенным узденям, азаты в своей основной массе были безземельными, жили «на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям, на известных условиях»¹⁵¹.

Следующую категорию зависимого населения составляли чагары. Этимология этого слова не совсем ясна. Одни из авторов выводят это слово от кумыкского глагола «чыкъмакъ» (выходить), другие считают этническим термином¹⁵².

¹⁴⁷ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 41, 42.

¹⁴⁸ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 37.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 629—630.

¹⁵¹ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 192.

¹⁵² Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 179; Б. В. Скитский. К вопросу о кре-

Чагары составляли категорию крестьян, находившуюся в полной личной и земельной зависимости от владельцев. Они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично.

Одним из источников образования категории чагаров были «семейства холопов, выселяемых князьями из дворовой прислуги»¹⁵³, т. е. рабы. «Чагары, — пишет М. Б. Лобанов-Ростовский, — те же холопы, избавленные от домашней службы и которым предоставлено, на известных условиях, право пользоваться некоторыми участками господской земли»¹⁵⁴. Эта категория зависимых крестьян постепенно увеличивалась за счет безземельных горцев, которые, спускаясь на плоскость в поисках средств к существованию, поселялись на кабальных условиях на землях кумыкских феодалов.

Такие горцы еще назывались «гельгенчилер» (пришельцы). Как свидетельствуют архивные документы, рента, получаемая с чагаров — бывших рабов, была более высокой, нежели с чагаров — «пришельцев»¹⁵⁵. Первые, как бывшие дворовые люди, обязаны были выходить на работу «по востребованию»¹⁵⁶ владельца, а требовать он мог их «во всякое время и на неопределенное число дней»¹⁵⁷.

Для выяснения вопроса о том, как в чагары попадали не только бывшие дворовые люди, но и горская безземельная беднота, большой интерес представляет приводимый ниже документ, составленный на основании показаний землевладельцев, а также существовавших в 30—40-х годах XIX в. письменных отчетов Кумыкского отдела сословно-поземельной комиссии. «Аксаевские жители, называемые чагарами, — говорится в этом документе, — неоднократно жаловались, что общество их состоит под властью князей, не имеющих на то никакого права потому, что предки просителей в давнее время переселились в деревню Аксай с разных мест по своей вине, а не силою князей и не приобретены ими покупкою, почему и получили название чагар, означающее на кумыкском языке вольные. В то время князья не имели никакого права насильного с ними управления... После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки как крестьян»¹⁵⁸.

В приведенном документе большой интерес представляет также объяснение значения термина «чагар». В отличие от существующего толкования этого слова (вывод рабов со двора владельца на землю или как социальный термин, занесенный извне) сами чагары трактуют его как «вольный», «свободный».

.....

ствянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. «Иzv. Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», т. XVII, Орджоникидзе, 1956, стр. 163. Мы же полагаем, что слово «чагар» не местного происхождения, а монгольского; занесено сюда в качестве социального термина в период завоевательных походов монголов. Известно, что в эпоху Чингис-хана «чахарами» называлась челядь, находящаяся при дворах (ставках) монгольских вельмож и князей. Термин «чагар» в том же значении встречается у кумыков и у некоторых других тюркоязычных народов, в частности у якутов (см. С. А. Козин. Сокровенное сказание. Л., 1940, стр. 57; А. П. Окладников. Социальный строй предков якутов. СЭ, 1947, № 2, стр. 101—102). Попытка некоторых исследователей установить генетическую связь термина «чагар» с кумыкским глаголом «чыкъмакъ» неоправдана. Если бы термин «чагар» был связан с глаголом «чыкъмакъ», то первый гласный в слове «чагар» (чагъар) был бы не «а», а «ы» (чыгъар), ибо в кумыкском языке нет закона регрессивной ассимиляции гласных.

¹⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 3.

¹⁵⁴ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 37.

¹⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 3.

¹⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, лл. 4—5; оп. 1, д. 11-б, л. 2.

¹⁵⁷ Там же, оп. 2, д. 72, л. 2.

¹⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 17.

В категорию чагаров попадали и те холопы, которых привозили в качестве приданого кабардинские княжны при выходе замуж за кумыкских князей.

Чагары, как правило, поселялись отдельными кварталами — «авулами», недалеко от своих владельцев. В сел. Эндирей, например, эти кварталы назывались «Тюмень-чагар», «Адиль-Гирей-чагар», «Айдемир-чагар», «Темир-чагар»; в сел. Аксай — «Адиль-чагар», Каплан-чагар¹⁵⁹ и в сел. Тарки, Башли и др. — просто «чагар-авул».

Чагар как человек крепостной мог быть продан своим владельцем в другие руки. «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского», собранных и систематизированных известным исследователем обычного права горцев А. В. Комаровым, содержит целый раздел об условиях купли и продажи чагаров, известный под названием «чагар-сату» (торговля чагарами)¹⁶⁰. Из этого сборника адатов видно, что владелец не мог продавать своего чагара за пределы данной местности. «Недозволяется... продавать крестьян (имеются ввиду чагары. — С. Г.) лицам, принадлежащим к другому обществу. Если же вопреки этого установления случится продажа, то проданные крестьяне или крестьянки возвращаются продавцу», — гласит одно из положений раздела, посвященного купле и продаже чагаров¹⁶¹. Почти то же самое сообщает о Кумыкской плоскости Б. М. Лобанов-Ростовский. Он пишет, что чагара могли продавать только «в тот самый округ, где он поселен»¹⁶².

Следует обратить внимание и на другие нормы обычного права, касающиеся чагаров. По адату хозяин приобретенного куплей чагара не имел права продавать его кому угодно. В первую очередь он должен был предложить этого чагара прежнему владельцу, а если у чагара несколько раз менялись владельцы, то — всем этим людям в обратном порядке. При этом он должен был продать его по той же цене, за которую купил сам. Только в случае отказа бывших владельцев приобрести этого чагара, новый владелец мог продать его посторонним, но без разрешения предыдущего владельца все же не мог получить более высокую цену. «В противном же случае, — гласит положение указанного выше «сборника адатов, — излишек против покупной цены возвращается прежнему владельцу»¹⁶³.

Все эти установления говорят о том, что в исследуемое время в Кумыкии наметилось ограничение торговли чагарами, стремление определить их на постоянное жительство в одном и том же месте, у одних и тех же владельцев.

Чагары могли выкупаться на волю, заплатив своему хозяину от 50 до 200 рублей серебром¹⁶⁴, смотря по состоянию. Этот акт, как свидетельствуют литературные и архивные источники, мог совершаться только с согласия владельца. При этом владелец мог отпускать своих чагаров не только за деньги, но и за разного рода службу.

Чагары принадлежали главным образом биям и разделялись на несколько обществ по бийским домам. Название «чагар» употреблялось и сохранялось в уничижительном смысле и переходило из поколения в поколение. «Никакая давность, — пишет Хамзаев, — не уничтожала название чагара. Оно остается в роду навсегда неизгладимым пятном. Есть между

¹⁵⁹ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 41.

¹⁶⁰ ЦГА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 272, лл. 1—18. Цитируем по копии, выявленной ст. научным сотрудником НИЯЛ Дагфилиала АН СССР А. С. Омаровым.

¹⁶¹ Там же, л. 17.

¹⁶² М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

¹⁶³ «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского». ЦГА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 272, л. 17.

¹⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 27; М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

ними и такие, которые сами не знают даже, когда и почему они сделались чагарами»¹⁶⁵.

Все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя и наделял своего чагара землей, все же сохранял за собой право в любое время заставить его работать на себя. Очевидно, присвоение землевладельцем прибавочного труда чагаров последовало в силу того, что землевладелец являлся одновременно и господином непосредственного производителя. Таким образом, личная и поземельная зависимость в данном случае целиком совпадали.

Условия, заключаемые с чагарами, были различны и находились в прямой зависимости от предоставленной чагарам земли и положения каждого владельца. Не случайно многие авторы, писавшие о сословном строе кумыков (Н. Ф. Дубровин, Ф. И. Леонтович, Р. М. Магомедов, Б. В. Скитский и др.) делят чагаров на две категории: первостепенных и второстепенных. Чагаров имели не только бии, но и отдельные уздени. Узденские чагары находились в более тяжелых условиях¹⁶⁶.

К этой же категории крестьян обычно относят и небольшую группу населения Кумыкской плоскости, известную под названием «теркеме». Хамзаев писал: «Теркеменцы в таких же почти отношениях к князьям, как и чагары — одни свободны, другие — нет, но разнятся от чагаров своим происхождением»¹⁶⁷. «Теркеме, — писал Шихалиев, — многочисленное и рабское племя, по правам почти то же, что и чагары, если не ниже... Князья могут дарить их узденям, но с тем, чтобы не переселять их на другое место, а только пользоваться оброком, следовавшим с них князю»¹⁶⁸. Теркеменцы не были аборигенами. Они являлись пришлым населением, поселенным на данной территории в XVIII в.¹⁶⁹ Теркеме принадлежали только четырем княжеским фамилиям и жили в сел. Чонт-аул, Темир-аул и в одном из кварталов Костека.

По данным 1866 г. на Кумыкской плоскости (без Присулакского наибства) чагаров и теркеменцев насчитывалось 2313 душ, из них 1257 душ составляли теркеменцы и 1056 душ — чагары¹⁷⁰. Точных данных о числе чагаров в Тарковском шамхальстве и ханстве Мехтулинском мы не имеем. По некоторым сведениям чагаров в Тарковском шамхальстве насчитывалось 90 дворов¹⁷¹.

Итак, теркеменцы, так же как и чагары, составляли категорию крепостных крестьян. Разница в их положении заключается в том, что чагары в значительной своей части являлись бывшими рабами, посаженными на землю, в то время как теркеменцы в рабской зависимости раньше не находились. Бывшие свободные крестьяне, теркеменцы в силу ряда обстоятельств оказались на Кумыкской плоскости и стали пользоваться землей феодалов на правах крепостных крестьян.

Последнюю категорию зависимого населения составляли рабы (по-кумыкски раб — «кьул», а рабыня — «кьарабаш»). На официальном языке они назывались безобрядными безадатными холопами¹⁷². Точных сведений о числе рабов в кумыкских владениях в исследуемый период мы

¹⁶⁵ Князь Х-ъ. Указ. соч., «Кавказ», 1865, № 68.

¹⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 35.

¹⁶⁷ Князь Х-ъ. Указ. соч., «Кавказ», 1865, № 68.

¹⁶⁸ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 43.

¹⁶⁹ С. Ш. Гаджиева. Очерки истории и этнографии дагестанских теркеменцев в XIX веке. «Уч. зап. Дагестанского пед. ин-та», вып. II, Махачкала, 1958.

¹⁷⁰ «Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области», ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 39—40. Сюда не вошли данные о численности теркеменцев в сел. Чонт-аул Присулакского наибства.

¹⁷¹ «Шамхалы Тарковские». ССКГ, вып. 1, 1868, примеч. к стр. 78.

¹⁷² «Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области», стр. 38.

также не имеем. Известно, однако, что в одном только Кумыкском округе к моменту отмены рабства их было 276 семейств, или 944 души обоего пола¹⁷³, а всего в Дагестане вместе с Тарковским шамхальством, ханством Мехтулинским и Присулакским наибством (без Кумыкского округа — 3987¹⁷⁴, в том числе в Северном Дагестане — 460 душ¹⁷⁵.

Каково было место рабовладельческого уклада в хозяйственной жизни народа, определить трудно. Ясно, однако, что в системе производительных сил исследуемого периода рабовладельческий уклад не играл большой роли. В это время рабство уже было пережиточным явлением.

Число рабов было сравнительно невелико; в основном они представляли собой дворовую прислугу (патриархальное рабство), частично были заняты в сельском хозяйстве. В селении рабы в отличие от чагаров не составляли отдельных кварталов, а жили при доме своих хозяев. По закону «кбул» и «къарабаш» были полностью во власти своего господина. Он мог не только продать раба вместе с семьей или отдельно, но даже казнить. «Рабы и рабыни.— читаем в докладной записке начальника Дагестанской области от 30 марта 1861 г. главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому,— считаются принадлежностью владельцев своих, как всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступать, как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев, и они берегут невольников своих не потому, чтобы ответить за их обиды, увечья или даже смерть, а потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб»¹⁷⁶. «Рабское происхождение,— пишет М. Б. Лобанов-Ростовский,— пятно, не вдруг изглаживающееся в кумыкском обществе»¹⁷⁷.

Главным источником пополнения контингента рабов были войны и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных, обращаемых в первую очередь в домашнюю прислугу. Их число пополнялось и за счет людей, «обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом... кумыкским князьям или узденям»¹⁷⁸.

Еще в начале XIX в. в Дагестане сохранялась работорговля. Кумыкское сел. Эндери (Эндирей) считалось одним из центров торговли рабами и пленными. «Из Эндери скованных пленников по два вместе за одну руку приводят большими конвоями через земли чеченские, ингушские и черкесские скрытными дорогами мимо Российских караулов до Анапы. Прежде таковые караваны отправлялись также через Куманскую и Кубанскую степь в Крым и оттуда в Константинополь»,— писал в начале XIX в. С. М. Броневский¹⁷⁹. Тот же автор указывает, что турецкие купцы, нагружив корабли пленными, отправляли их из Константинополя в Египет, в левантские порты и т. д.¹⁸⁰ При покупке раба учитывались возраст, телосложение, физическое здоровье, порою и красота (особенно для рабынь). Цена их доходила до 200 рублей и более.

Как прогрессивный факт следует отметить, что с присоединением Дагестана к России работорговля в крае совершенно прекратилась. Сильно сократилось и рабство. «С водворением русского владычества на Кавказе,— писал Д. М. Шихалиев, отмечая этот факт,— с постройением в Кумыкском владении в 1818 году крепостей и занятием впоследствии времени нашими войсками Джаро-Белоканской области промысел этот (рабо-

¹⁷³ П. А. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, вып. II, 1869, стр. 48.

¹⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

¹⁷⁵ «Освобождение бесправных рабов в Дагестане», ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 49.

¹⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71-а, л. 1.

¹⁷⁷ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ». 1846, № 37.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ С. Броневский. Указ. соч., ч. 1, стр. 313—314.

¹⁸⁰ Там же, стр. 311.

торговля.— С. Г.) совершенно упал»¹⁸¹. Ермолов, в частности, закрыл рынок рабов в сел. Эндирей, близ которого была построена крепость Внезапная. Более того, он запретил вывоз рабов для продажи туркам. «...Недавно еще строгим настоянием моим и усердием определенного вновь старшего владельца (Шефи Темирава.— С. Г.),— писал Ермолов из сел. Эндирей 7 июля 1819 г.,— прекращен торг невольниками, которые свозились из гор и дорогой весьма ценной продавались в Константинополь»¹⁸².

Как уже отмечалось, Н. Ф. Дубровин указывал на существование еще одной социальной категории в кумыкском обществе — казаков. Казаки (къзаакълар), по определению Дубровина, это свободные люди, служившие за плату князю или узденю. «Слово это,— писал он,— выражает понятие о человеке, хотя и живущем в своем доме, но одиоком, свободном, безземельном»¹⁸³. История образования этой категории очень сложна и пока еще не изучена. Однако анализ письменных источников, фольклора и особенно так называемых «къзаакъ йырлар» (песен о казаках)¹⁸⁴ дает основание полагать, что образование этой социальной прослойки неразрывно связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества.

Казаками назывались прежде всего лица, не имевшие никакого имущества. Люди, совершившие какой-нибудь акт, направленный против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодала или членов его семьи), вынуждены были покидать землю своего владельца и скрываться от преследования. Некоторые переходили к другому владельцу, прося у него покровительства. Феодалная междоусобица способствовала тому, что владельцы принимали на службу беглых крестьян, особенно известных своей храбростью, надеясь использовать их в своих интересах.

Как видно из фольклора, эти люди попадали в самые тяжелые условия и безотказно выполняли любую работу. Новый владелец должен был охранять их от преследования со стороны старого владельца. Недаром у кумыков существовали пословицы «къзаакъ ятыв къанлы оьлюм» (жизнь казака подобна смерти в изгнании) или «къзаакъ ятыв къавургъамны къатдыргъан» (от казацкой постели отлежали бока). «Къзаакъ» вынужден был жить один, не имея ни семьи, ни детей. Феодал мог брать казаков с собой в поход, посылать с разными поручениями и т. д.

Однако и казаки находились в неодинаковых условиях. По своему экономическому и юридическому положению они делились на две группы: къаанлы къзаакъ и тургъан къзаакъ. В то время как первые находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли (хотя это случалось редко) выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т. д. Иногда в казаки попадали и потомки разорившихся салаузденей.

С начала XIX в., когда постепенно с развитием капиталистических отношений ликвидируется феодалная междоусобица, усиливается процесс классового расслоения в кумыкской деревне, термин «къзаакъ» получает новое содержание. Казаки становятся теперь батраками, которые, не имея своей земли, своего хозяйства, работали на богатых, на сельскую буржуазию, ведя нищенский образ жизни. Итак, социальная структура кумыкского феодалного общества представляла собой весьма пеструю картину.

Приведенные выше данные неоспоримо свидетельствуют о том, что у кумыков издавна существовала и развивалась сложная социальная термини-

¹⁸¹ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 43.

¹⁸² Рапорт Ермолова князю Волконскому. АКАК, т. VI, ч. II, стр. 9.

¹⁸³ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 630.

¹⁸⁴ Кумыкский литературный альманах «Чечеклер», Махачкала, 1939, стр. 284 «Сокровищница песен кумыков». Махачкала, 1959, стр. 69—98.

иология, отразившая имущественное и правовое положение различных слоев населения кумыкского общества конца XVIII и первой половины XIX в.

Одной из специфических особенностей феодализма у кумыков, как нам представляется, является то, что наиболее значительной группой зависимых крестьян были не чагары и теркеменцы, т. е. крепостные в полном смысле слова, как это было в дореформенной России, а уздени. Отсутствие всего объема основных признаков крепостного права в отношении подавляющего большинства зависимых крестьян и является своеобразной чертой феодализма у кумыков.

3. ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В рассматриваемое время в Кумыкии господствовали уже сравнительно развитые феодальные отношения. Еще задолго до XIX в. здесь распались родовые организации и общественная собственность на землю, уступив место феодальным отношениям. Здесь, как и везде, владение землей определяло власть феодалов над зависимым сословием. Если в ранний период становления и развития феодальных отношений кумыкские владельцы ограничивались разновременными сборами в виде дани (ясак), а также присвоением некоторых участков общественных пахотных земель и пастбищ, то позже, по мере усиления своей экономической и политической власти, они предъявляли права на все виды земель, требовали в разных видах земельную ренту.

В это время на территории Дагестана существовал ряд политических образований, которые не только были различны по своему этническому составу, но и отличались одно от другого уровнем развития социально-экономических отношений. Не была в этом отношении совершенно однородна и Кумыкская плоскость.

Развитие феодальных отношений шло значительно быстрее у северных кумыков, особенно в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском владениях, где для этого складывались наиболее благоприятные условия. Здесь была более высокая культура земледельческого хозяйства; северные кумыки имели и более ранние и тесные связи с Россией, развитые феодальные отношения которой оказали на них большое влияние и способствовали ускорению процесса феодального развития.

Южные кумыки занимали менее удобную территорию в предгорной полосе Дагестана. Здесь не было таких обширных земельных массивов, как на севере, и каждый шаг феодальной верхушки, направленный на захват общественных земель, встречал упорное сопротивление со стороны крестьян. Захват общественных земель феодалами вызывал здесь сопротивление еще и вследствие живучести пережитков первобытно-общинного строя. Кроме того, земельные отношения у южных кумыков развивались в тесной связи и под воздействием феодальных отношений всего Кайтагского удмийства¹⁸⁵, в составе которого они находились и где, если не считать Нижний Кайтаг (главным образом участок Теркеме), уровень социально-экономического развития был несколько ниже, чем в Тарковском шамхальстве или в феодальных владениях на Кумыкской плоскости.

Весьма характерно, что по мере приближения к горной зоне права кайтагских удмиев как на земли сельских обществ, так и на подати и повинности постепенно уменьшаются. В силу этих причин наряду с господствующей у южных кумыков формой феодальной собственности на землю сохраняются и весьма стойкие остатки общинного землевладения.

Анализ источников позволяет утверждать, что в феодальных владениях засулакских кумыков (Кумыкская плоскость) к этому времени

¹⁸⁵ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 207, 210.

уже не было общинного землевладения. Исследователь начала XIX в. А. М. Будковский прямо отмечает, что здесь «все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов»¹⁸⁶. Д. М. Шихалиев также сообщает, что земля принадлежала князьям и сала-узденям, что деревни, как правило, строились на частных землях, что наиболее плодородная полоса земли была разделена на участки по числу княжеских родов и что согласно этому разделению все жители Кумыкского владения занимались «полевыми работами или на землях княжеских, или на узденских, или на собственных»¹⁸⁷. Он также указывает на наличие здесь казенных земель, о чем будет идти речь несколько ниже. Аналогичные сведения сообщают и другие авторы, в частности М. Б. Лобанов-Ростовский и Н. Ф. Дубровин. «Потомки Султан-Мута, разделив между собой земли, оставили неприкосновенными владения только некоторых узденей», — пишет Дубровин¹⁸⁸.

Анализируя имеющиеся данные о формах земельной собственности у кумыков в указанное время и понимая под владением право полного распоряжения, отчуждения, передачи земель в другие руки и т. д., мы полагаем, что на Кумыкской плоскости, т. е. в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском владениях, существовало три вида землевладения: 1) частное; 2) государственное — земли, принадлежащие казне (паччалыкъ топракъ); 3) вакуфное — земли, принадлежащие мечети. Частное землевладение в свою очередь делилось на две категории: а) крупное феодальное землевладение — собственные земельные владения князей и других владельцев; б) мелкие частновладельческие земли — «мюльки». Почти то же самое мы видим в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве. Исключением здесь являются земли, составляющие собственность сельских обществ (джамаатов), т. е. остатки общинного землевладения.

Имена первой категории частного землевладения составляли у кумыков огромный фонд земель, которыми полностью распоряжалась феодальная знать. Мелкая же частная собственность крестьян на землю, а также государственное землевладение играли по сравнению с феодальным землевладением незначительную роль. В Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве сравнительно с Кумыкской плоскостью площадь земель, принадлежавших царской казне, была еще меньше. Крестьянские же мюльки здесь играли сравнительно большую роль, чем на Кумыкской плоскости. Отличительной особенностью земельных отношений тарковских и мехтулинских кумыков является то, что здесь феодальная собственность на землю была несколько завуалирована общинными порядками, в то время как на Кумыкской плоскости князья открыто настаивали на полном и безусловном признании за ними собственности на всю земельную площадь.

Земли, явившиеся собственностью феодалов, делились в свою очередь на две категории: потомственные постоянные владения и временные владения. К первой категории относились прежде всего земли, находившиеся в общем владении каждой княжеской фамилии. По данным Шихалиева, например, на Кумыкской плоскости насчитывалось десять «княжеских родов», которые совместно владели своими потомственными имениями. «Каждый род князей, — писал он, — на собственной земле своей, в удел по дележу доставшийся, ... поселял из вольных выходцев мелкие деревни...»¹⁸⁹ Н. Ф. Дубровин отмечал, что почти все поделенные между

¹⁸⁶ А. М. Будковский. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. «История, география и этнография Дагестана», стр. 239.

¹⁸⁷ «Кавказ», 1848, № 40.

¹⁸⁸ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 632.

¹⁸⁹ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 41. Нам думается, что Шихалиев под родом понимал не тузем в полном смысле слова, а небольшую группу, объединяющую несколько близкородственных семей; такую группу еще называют фамилией.

потомками Султан-Мута земли этих кумыков (за исключением некоторых узденей) «находились в общем владении целой княжеской фамилии, и дети их, не деля между собой земель, владели ими вместе»¹⁹⁰. Совместное владение землей княжескими фамилиями подтверждается и архивными документами. Как видно из материалов Сословно-поземельной комиссии, Селимхан и племянник его Али-Султан Казаналиповы в 1840—50-х годах владели землями нераздельно¹⁹¹, хотя и считалось, что Али-Султану принадлежала только треть общего владения.

Однако постепенно образовались и единоличные владения. Князь или уздень покупал землю, которая становилась его частной собственностью¹⁹². Больше того, отдельные члены владетельного дома имели в своем распоряжении уделы, т. е. части общего состояния. Неотъемлемой собственностью отдельных кумыкских феодалов являлись нередко и такие земли, которые они получали с правом потомственного владения, без всяких условий от русского правительства и крупных местных владетелей за оказанные им услуги. «Пользуясь благосклонностью главнокомандующих в крае, — писал Н. П. Тульчинский, работавший топографом в Кумыкском округе (б. Эндиреевское, Аксаевское и Костековское владения) в 70-х годах, — князья, а за ними уздени, служа в русской армии в чинах штаб-офицеров и генералов и справа народом сначала в качестве старших князей, а потом, начиная с 20-х до конца 50-х годов прошлого века (XVIII.—С. Г.), — в качестве главных и второстепенных русских чиновников, держали в своих руках все нити для превращения общественных земель в свои собственные»¹⁹³.

До присоединения Дагестана к России дагестанские владетели, в том числе и тарковский шамхал, считали себя верховными распорядителями и собственниками подвластной им территории. Впоследствии царское правительство сочло себя в праве распоряжаться как землей, принадлежащей дагестанским феодальным владетелям, так и землей, принадлежащей сельским обществам, признавая себя верховной властью в государстве, а следовательно, и верховным собственником земли. Конфискация земли у дагестанских владетелей царским правительством осуществлялась, однако, только как наказание за измену государству.

Раздельное владение особенно часто отмечается в материалах, относящихся к 60-м годам. Так, например, на Кумыкской плоскости перед земельной реформой, т. е. к началу 60-х годов, костековские князья Хамзаевы владели землей уже раздельно: вся их земля была разделена между семью братьями на семь частей.

Второй вид феодального землевладения — временное или условное владение землей. Оно было вначале связано с несением военной или придворной службы и имеет многовековую историю. Кумыкские владетели издавна награждали землей своих вассалов — нукеров. Сала-уздени, из которых главным образом состояли нукеры, получали от кумыкских владетелей земли, рабов, оружие и пр. Им давались населенные земли, оросительные каналы и т. д. Такого рода землевладение возникало и за счет земель, дарованных местной феодальной и узденской верхушке царским правительством на определенных условиях.

В отличие от потомственных владетелей сала-уздени, нукеры, эмчеки¹⁹⁴, аталыки¹⁹⁵, получившие земли на правах условного владения, не

¹⁹⁰ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 632. Мы полагаем, что Н. Дубровин термин «фамилия» употребляет в том же значении, что и Шихалиев.

¹⁹¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 140-в, л. 460.

¹⁹² ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 3, д. 49, л. 50.

¹⁹³ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 62.

¹⁹⁴ Молочные братья.

¹⁹⁵ Воспитатели княжеских детей.

имели права переселять с места на место поселян (чагаров, теркеменцев и т. д.). Им представлялось право пользоваться податями и повинностями, получаемыми ранее владельцем. Сроки условного владения были различны. Земли с жившим на них населением давались как на несколько лет, так и пожизненно. Однако за нарушение условий службы сала-узденем или нукером владелец мог в любое время лишить его всех привилегий и отобрать землю¹⁹⁶.

Наряду с условным владением землей пожизненно или на определенный срок в исследуемый период практиковалось награждение землей с правом передачи ее по наследству.

Материалы Сословной комиссии сообщают, что кумыкские князья давали своим узденям земли в потомственное и временное владение или давали право пользоваться доходами с известного участка земли. В первом случае земли переходили в наследство нисходящим потомкам узденя, получившего дар; во втором случае право пользования прекращалось по произволу дарителя или при отсутствии наследников мужского пола в роде узденя, получившего дар¹⁹⁷. Однако, как свидетельствуют многие архивные документы, при нарушении условий службы, даже спустя десятки лет, сала-уздени или их наследники теряли право на владение этой землей¹⁹⁸.

К этому виду землевладения, пожалуй, можно отнести и владение на правах управления. Получив для управления земли пожизненно или на срок, бек взимал с подвластного ему населения определенные подати и повинности и, кроме того, владел отдельными кутанами и нахотными землями. Такой формой передачи бекам отдельных селений для временного управления широко пользовались как тарковские шамхалы, мехтулинские ханы, так и царская администрация в Дагестане, в особенности Ермолов.

Развитие феодальных отношений в первой половине XIX в., дальнейшее упрочение феодальной собственности, а также влияние общероссийских законов привело к тому, что временное землевладение приняло характер постоянного. Постепенное вытеснение временного землевладения постоянным имело прогрессивное значение, так как способствовало развитию производительных сил (совершенствованию орудий, улучшению земли и т. д.), основанному на экономической заинтересованности владельца.

Феодальная знать, как уже отмечалось, твердо опиралась на царское правительство. В одном из своих прошений князья Кумыкской плоскости прямо пишут, что вся земля, занимаемая ими, есть личная их собственность, что приказом главнокомандующего Ермолова «узаконено, чтобы каждый владелец земли своей пользовался оной без всякого разбирательства»¹⁹⁹.

Как известно, нормы крепостного права у кумыков, так же как у многих других народов Кавказа, устанавливались обычаем, а не писаным законом. Царское правительство путем выдачи жалованных грамот и охраняемых листов узаконивало предьявляемые кумыкскими феодалами права на землю. Применительно к XVIII в. Н. П. Тульчинский писал, что царские чиновники на Кавказе, «воспитанные на праве крепостничества... возможно энергично содействовали своим авторитетом к созданию крупных земельных собственников на Кумыкской плоскости»²⁰⁰.

Бесконечные притязания землевладельцев вызывали законный протест со стороны трудового крестьянства, которое всеми средствами доказывало

¹⁹⁶ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38; ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, лл. 1—3.

¹⁹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 14, л. 18.

¹⁹⁸ Там же, оп. 2, д. 2, лл. 1—3.

¹⁹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 237, оп. 2, д. 23, лл. 4—5.

²⁰⁰ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 62.

свои исконные права на занимаемые им земли. Споры эти не раз разбирались правительством и его администрацией на Кавказе. Но решались эти споры, разумеется, не в пользу крестьян, а в пользу феодальной верхушки.

К частному землевладению следует отнести и так называемые мюльки. Этот вид земельной собственности составляли мелкие крестьянские земельные участки, очищенные крестьянами от леса, кустарника, камня и находившиеся в наследственном владении. Они могли принадлежать как отдельным лицам, близкородственной группе, так и джамаату в целом. В обработку этих мелких участков земли крестьяне вкладывали огромный труд, и мюльки считались их полной собственностью. Наличие права купли-продажи как мелких земельных угодий, так и целых поместий являлось дополнительным источником образования мюльков. Более состоятельные крестьяне именно таким образом увеличивали размеры своих мюльков.

Следует, однако, отметить, что кумыкские владетели, считая себя верховными собственниками подвластной им территории, нередко предъявляли свои притязания и на мюльки²⁰¹. В своих прошениях на имя царской администрации они писали, что мюльки поселян принадлежат им и что за труд по расчистке и обработке участков под мюльки поселяне получили в виде поощрения более «широкие права» и на этом «основании» требовали от крестьян — владельцев мюльков определенную ренту. Отрицая какие бы то ни было права поселян на землю, князь Али-Султан Казанлипов в своем письме от 25 марта 1867 г. на имя начальника управления Северного Дагестана князя Джорджадзе писал: «Из дел прежнего времени и сведений, имеющихся во вверенном вам управлении, вам должно быть известно, что все земли, которыми пользуются жители селений Султан-Инги-юрт и Чонт-аул, принадлежат мне»²⁰².

Говоря о государственных или казенных землях, следует указать, что их образование теснейшим образом связано с колониальной политикой царизма на Кавказе. В 1864 г. на Кумыкской плоскости (без Присулакского наибства) из 400 378 десятин земли казенные земли, представленные восемью лучшими участками, составляли 17 411 десятин²⁰³. Однако есть основания полагать, что во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. казенной земли здесь было значительно больше. К этому времени усилилось стремление царизма приступить к колонизации степных районов Северного Кавказа и их экономическому освоению²⁰⁴. Основным источником образования фонда казенных или государственных земель были конфискованные имения отдельных владетелей, а также земли, принадлежавшие сельским обществам. Царское правительство, как уже отмечалось, щедро награждало казенными и общественными землями представителей местной феодальной знати и русских чиновников. Только незначительная часть этих земель находилась в распоряжении войсковых частей.

Жалованные грамоты, охранные листы, указы, объявления и т. д., которые давались представителям местной феодальной знати, восходят к началу XVIII в., т. е. к периоду правления Петра I. Но особенно участились выдачи таких документов в период правления Ермолова на Кавказе²⁰⁵. Из фонда казенных земель участки отводились узденям, служившим в воен-

²⁰¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 7, л. 9.

²⁰² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 140-в, лл. 445—446.

²⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 72, л. 59.

²⁰⁴ В. А. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, стр. 23—24.

²⁰⁵ См. П. В. Гидулянов. Словно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение», 1901, № 1—3.

по-административному управлению, в регулярной армии и пр., за выслугу лет и отличия.

Вакуфных земель, т. е. земель, принадлежавших мечетям, было сравнительно немного. Источником их образования были завещания, которые делала верующие, большие, совершавшие дальние путешествия и т. д. Вакуфные земли, селения обычно находились в ведении одного лица, занимавшего высокое общественное положение. Земли эти сдавались в аренду, и доход шел на содержание мечети и духовенства.

Нельзя не указать и на наличие остатков общинного землевладения в отдельных феодальных образованиях, а именно в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве. Остатки общинной собственности наблюдались здесь не только в отношении пастбищно-покосных земель, но и в отношении пахотных угодий. Однако роль общинного землевладения была весьма незначительна. Больше того, имевшая место общинная форма собственности порой представляла собой юридическую фикцию, скрывавшую фактически частную собственность на землю.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о земельной собственности в кумыкских феодальных образованиях в первой половине XIX в., следует отметить, что самая значительная часть земельного фонда принадлежала крупным феодалам в лице шамхала, ханов, беков, князей и т. д. На Кумыкской плоскости, например, земля в основном находилась в руках 10 княжеских фамилий — Айдемировых, Хамзаевых, Темировых, Муртазали-Аджиевых, Алибековых, Уцмиевых, Арсланбековых, Эльдаровых, Каплановых и Казаналиповых. Из 400 378 десятин всей земли «родовых» земель князей Темировых было около 70 тысяч десятин, князей Алибековых — около 23 тысяч десятин, Уцмиевых — 40 тысяч десятин. Князь Али-Султан Казаналипов владел более чем 70 тысячами десятин земли²⁰⁶.

Феодальная собственность на землю, ее развитие и укрепление неизбежно приводили к возникновению частной собственности и на оросительные сооружения, водоотводные каналы, колодцы и т. д.

Мы уже отмечали, что имевшиеся водные источники Кумыкской плоскости далеко не полностью удовлетворяли потребности кумыкского населения. Воды внутренних рек, какими являлись Яхсай-Су, Яман-Су, Ярык-Су и Акташ, разбирались по каналам полностью. Канавы эти принадлежали главным образом княжеским фамилиям и разбивались на разряды. Канавы первого разряда р. Акташ (канавы, выводимые из нее, делились всего на три разряда) принадлежали, например, четырем княжеским фамилиям и назывались: Казаналип-татавул (Казаналипова канава), Темир-татавул, Айдемир-татавул, Муртазали-аджи-татавул. Аналогичные названия имели и другие каналы. Д. М. Шихалиев сообщает, что соответственно делению всей княжеской земли на 10 частей (на 10 фамилий) были проведены и каналы на каждый участок²⁰⁷.

Частная собственность на землю вызывала ряд осложнений и в строительстве и в расширении сети канав-арыков (айрык, татавул). Чтобы провести новую канаву, поселяне должны были иметь специальное разрешение землевладельца, причем никто не имел права провести канаву через землю другого владельца без его согласия; старые же каналы, временно заброшенные, прежний владелец мог возобновить, не спрашивая на то согласия владельца земли, через территорию которого они проходили, а в случае продажи земли это право сохранялось за новым владельцем; проводящий канаву должен был вознаградить владельца земли, если канава затапливала или портила его земли; хозяин земли в свою очередь не имел права пользоваться водой из данной канавы без согласия ее владельца;

²⁰⁶ ЦГА ДАССР, ф. 105. оп. 1, д. 12, лл. 57—61.

²⁰⁷ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 41.

без согласия владельца канавы никто не имел права брать воду из ее рукавов²⁰⁸. Таким образом, оросительная система, так же как и земля, находилась у кумыков в руках феодалов, крупных собственников земли.

Землепользование, как и землевладение, имело несколько форм. Если не считать некоторых особенностей, характерных для отдельных феодальных владений, то земли по форме пользования ими в основном можно разбить на три вида: земли, которые находились в совместном пользовании феодала и сельских обществ; земли, которые были отведены сельским обществам и находились в отдельном их пользовании; земли, находившиеся в личном пользовании самого владельца²⁰⁹.

Мы уже отмечали, что земли, отведенные сельским обществам, находились или в общинном пользовании с периодическими переделами, или в подворном пользовании с правом передачи по наследству.

По издавна установившемуся порядку кутаны (зимние пастбища) и горные летние пастбища находились, за малым исключением, в пользовании только владельцев (шамхала, бека, князя и т. д.). Кутанами они пользовались в течение 9 месяцев — от начала осени до наступления лета, а горными пастбищами — в течение трех летних месяцев. Только по истечении этих сроков окрестные жители могли пасти здесь скот. Кутаны, а иногда и горные пастбища отдавались владельцами в аренду горцам-барановодам. Отдельные общества, у которых сохранились остатки общинного землевладения, также могли сдавать в аренду часть своих земельных угодий, хотя феодалы не признавали за ними этого права, ибо совершенно отрицали общинную собственность на землю.

Порядок землепользования еще больше осложнялся, когда владельцы отчуждали земли, фактически находившиеся в пользовании обществ, путем продажи, дарения и т. д. Новые владельцы зачастую не признавали адатных прав местных жителей на эти участки и распоряжались ими по своему усмотрению. Исключение в этом отношении, по-видимому, составляли феодальные владения на Кумыкской плоскости. Согласно архивным документам, при продаже или дарении земли владельцем жители, пользовавшиеся данной землей, должны были сохранять с новым владельцем те же отношения, что и с прежним²¹⁰.

Различное решение одного и того же вопроса в отдельных феодальных владениях, как нам представляется, объясняется отсутствием единых норм землепользования у кумыков. Под влиянием развитых феодальных отношений в России землепользование на Кумыкской плоскости к исследуемому периоду в какой-то мере успело войти в определенные нормы. Кроме того, согласно адатному праву все земельно-правовые вопросы здесь регулировались на совете князей, под руководством старшего из них. В то же время в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве, а равно и в бекских владениях в этом отношении продолжал существовать большой разбой.

Как уже отмечалось, особенностью феодальной земельной собственности у кумыков и главным образом в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве было то, что она нередко была замаскирована общинной формой землепользования.

4. ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

Все категории зависимых крестьян платили владельцам земли ренту. Наличие различных степеней поземельной и личной зависимости крестьян от землевладельцев обусловило и неравномерность распределения податей

²⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, лл. 52—53.

²⁰⁹ «Шамхалы Тарковские» ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 77.

²¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 21.

и повинностей. Из всех феодально-зависимых крестьян в наиболее тяжелых условиях находились чагары и теркемы.

В исследуемый период кумыкам известны были все три формы докантилистической земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная²¹¹. Денежная рента, однако, не имела большого распространения. Эту ренту землевладельцы получали главным образом с пастбищ и рыболовных мест, которые отдавались на откуп, а также с ремесленников и торговых людей.

Из первых двух форм ренты преобладала продуктовая рента. Однако анализ данных о феодальной ренте дает основания полагать, что на Кумыкской плоскости в системе феодальной эксплуатации играла значительную роль и барщина.

В Эндиреевском владении, например, чагары главным образом несли барщину. Каждый чагарский дым должен был по требованию владельца отвести один день на пахоту со своим плугом (бедные чагары в этом случае объединяли рабочий скот), один день — на покос, один день — на жатву хлеба. Кроме того, он был обязан на своих подводах возить с поля хлеб и сено, по очереди выставлять арбы для поездок женщин владельческого дома, доставлять по 12 арб²¹² дров на зиму, участвовать в строительстве конюшен, «казма»²¹³, кунацких комнат, заборов, а равно доставлять для этого материал на своих арбах; кроме того, по мере надобности возить камни для надгробных памятников²¹⁴. На обязанности чагарских женщин лежала обмозка и шпукатурка домов, приготовление зерна для помола (мытьё, просеивание, очистка, сушка), починка тары, а порою и помол зерна на мельнице. Мужчины-чагары вместе с другими зависимыми крестьянами должны были расчищать поляны, проводить каналы, вырубать кустарник, возить на мельницу хлеб и т. д. Знающие ремесло (женщины и мужчины) должны были, кроме того, приносить господину свои изделия.

Чагары Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства платили продуктовую ренту: по одному сабу²¹⁵ пшеницы, по арбе дров, а имеющие баранов — по барану в год²¹⁶. Отработочная рента здесь точно определена не была и зависела от воли владельца.

Теркеменцы, которые жили в Чонт-ауле, Темир-ауле и в ряде кварталов сел. Костек, исполняли приблизительно те же обязанности, что и чагары²¹⁷.

Ни для чагаров, ни для теркеменцев Кумыкской плоскости не указана рента скотом. Но думается, что эта рента в том виде, в каком она взималась с других категорий зависимого населения, распространялась и на чагаров и теркеменцев, ибо в документах указывается, что поселяне платят «от столько-то поголовья столько-то баранов»; при этом понятие «поселяне» не уточняется²¹⁸.

Подати и повинности, отправляемые узденями, обуславливались в одних селениях правом землевладельца, в других — правом правителя, в третьих — тем и другим правом²¹⁹.

²¹¹ С. В. Юшков. Указ, соч., стр. 73—74.

²¹² В арбе помещалось примерно два кубометра дров; узденские чагары обязаны были доставлять в год по 20 арб дров (ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 30).

²¹³ Постоянные помещения для скота на зимних пастбищах.

²¹⁴ Сведения о зависимых сословиях в Кумыкском округе (1866 г.). ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, стр. 5—6; там же, оп. 1, д. 6, стр. 33.

²¹⁵ В данном случае сабу — примерно 20 кг.

²¹⁶ «Шамхалы Тарковские», стр. 78.

²¹⁷ С. Ш. Гаджиева. Общественно-экономический строй у кумыков в первой половине XIX века. «Уч. зап. Дагестанского пед. ин-та», т. 1, Махачкала, 1957.

²¹⁸ «Освобождение бесправных рабов в Дагестане», ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 48.

²¹⁹ «Шамхалы Тарковские», стр. 78.

Подати и повинности по Мехтулинскому ханству, например, делились на три категории: 1) точно определенные; 2) выполняемые по мере надобности и востребованию; 3) случайные, т. е. обязательные при известных обстоятельствах.

Точно установленными податями и повинностями были следующие:

1. Кент ясак (сельский ясак) — каждый хозяин, имеющий не менее 30 овец, обязан был платить по одной овце.

2. По одному сабу зерна; взималось с каждого дыма в селениях Верхний и Нижний Дженгутай и Дургели пшеницей, а в других селениях — магаром²²⁰.

3. Арба-агач; каждый дым, имеющий рабочий скот, должен был доставлять владельцу две арбы дров в год.

4. Кувук (мякина); эта подать состояла в доставке тремя-четырьмя дымами вместе одной арбы мякины²²¹.

5. Булкъя (барщина); она имела несколько видов: а) сабан-булкъя — выставление плугов для распашки полей владельца; часть плугов выставлялась весной, часть — осенью, по усмотрению владельца; б) бичен-булкъя — выход на один день для кошения и уборки владельческого сена; в) орак-булкъя — выставление жнецов по одному человеку с дыма на один день для уборки посевов.

Повинности второй категории:

6. Выставление арб для разных надобностей хана.

7. Выставление рабочих для строительных работ в доме хана и для обработки его сада.

8. Выставление конных чапаров²²² для посылок по делам ханского дома.

Эти повинности исполнялись по мере требования и постепенно стали крайне обременительными.

К третьей категории относились следующие подати:

9. Жители селений Верхний и Нижний Джунгутай обязаны были при женитьбе членов ханского дома и в случае их смерти доставлять в дом хана по арбе дров и по сабу пшеницы с дыма, а жители селений Ашши, Дургели, Ахкент и Чоглы — по одному быку с каждого общества²²³.

10. Ясак с баранты на Аркаских горах.

Кроме указанных видов податей и повинностей, мехтулинские ханы распоряжались выморочным недвижимым имуществом жителей, у которых не оставалось детей мужского пола; сохраняли за собой право получения установленных обычаем штрафов за убийство, ранение, умыкание женщины и воровство. Владельцы могли удалять со своих земель жителей, оказавших им неповиновение или сопротивление. Землю феодала могли покидать и сами крестьяне. Во всех этих случаях их недвижимое имущество (дом, хозяйственные постройки и т. п.) поступали в полное распоряжение владельца.

Аналогичное положение существовало и в других владениях. Особенно обременительна была работа на господской земле (бийлик). Кумторкалинские беки обязывали поселян «один день пахать весной и один день осенью, один день жать и один день косить»²²⁴. Казацалиповы, равно как и ханы мехтулинские, заставляли жителей Султан-Янги-юрта отправлять булкъя в трех видах, и эту булкъя жители всюду выполняли в течение трех-четы-

²²⁰ Магар — голый ячмень.

²²¹ Для перевозки мякины на арбу ставилась большая высокая корзина из плетня — «чалы».

²²² Конных вестовых, дежурных.

²²³ «Мехтулинские ханы». ССКГ, вып. II, 1869, стр. 9—13.

²²⁴ Промение беков Термир-Хан-Шурицкого округа в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1325, лл. 14—15.

рех дней, а чагары, некоторые общества (Халимбек-аул), а также ногайцы отбывали еще «большее число дней»²²⁵.

Как известно, во владениях тарковского шамхала и кумыкских князей жили подвластные этим владетелям кочующие ногайцы. По данным 1839 г., их было, например, в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском владениях 850 кибиток²²⁶, занимавших земли князей Муртузали-Аджи-евых, Казаналиповых, Темировых, Айдемировых и др. Они платили владельцам с четырехпарного плуга²²⁷ по четыре сабу, за покос — по одной арбе или рубль серебром с каждой кибитки, за овец от 40 до 50 — одну, от 50 до 70 — одну овцу и ягненка, с 70 — двух, а со 100 и более — трех²²⁸, давали шерсть, молоко, сыр и т. д. Кроме того, те, кто сеяли марену, за каждую сабу засеянных семян платили по два рубля серебром. Эта рента была общей и для других зависимых крестьян. Ногайцы несли еще некоторые повинности, в частности выставляли арбы для разных нужд князей и царской администрации, выставляли конных чапаров²²⁹.

Натуральный характер ренты здесь, как нам представляется, был непосредственно связан с природой кочевого скотоводческого хозяйства, имеющего частично и земледельческое направление. Однако, судя по источникам, ногайцы в более ранний период несли главным образом барщину. «Запахоту, — читаем в одном из документов Сословно-поземельной комиссии, — в прежнее время ногайцы исполняли булкъя: один день запахоты под пшеницу, другой день под просо и потом выходили по одному дню на жнитво пшеницы и проса»²³⁰. В середине XIX в. отработочная рента у ногайцев почти исчезает.

В кумыкских владениях жили и еврейские поселенцы. Как было отмечено выше, еще в первой половине XVIII в. из Кайтага было переселено в сел. Эндирей 80 семейств евреев. В Тарковском шамхальстве их было 71 семейство. Евреи жили в одних случаях отдельными кварталами, в других — вместе с местными жителями. Как люди, занятые главным образом ремеслом и торговлей, они несли денежную ренту — платили владельцам от 3 до 5 рублей с дыма в год. Кроме того, они нередко платили еще изделиями своих ремесел.

Таким образом, кумыкские феодальные владетели получали с зависимого населения весьма значительных размеров натуральную, отработочную и частично денежную ренту. Как видно из многочисленных жалоб крестьян, указывавших на все усиливавшийся барщинный гнет, а также судя по официальной переписке, наряду с преобладавшей продуктовой рентой в рассматриваемый период значительно усиливается и барщина.

Особую роль в системе феодальной эксплуатации в Кумыкии играла пастбищная рента, которую ежегодно получали тарковский шамхал, мехтулинский хан и другие владетели, сдавая в пользование большой фонд пастбищных земель, главным образом горским владельцам скота. В начале XIX в., по сведениям С. М. Броневского, тарковский шамхал получал ежегодно от сдаваемых им на откуп пастбищ, рыбных промыслов, от пошлин за привозимые товары примерно 30 тысяч рублей серебром²³¹, а общий доход составлял примерно 80 тыс. рублей²³². В 60-х годах кумторкалинские

²²⁵ «Шамхалы Тарковские», стр. 78—79.

²²⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6379, ч. 1, л. 2.

²²⁷ Полный плуг в среднем составляли три кибитки.

²²⁸ Кумыкский отдел Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Кумыкского округа Терской области. ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 5, лл. 38—39, 56—61.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ С. Броневский. Указ. соч., т. II, стр. 305.

²³² И. Т. Дренякин. Описание Ширвана. «История, география и этнография Дагестана», стр. 170 (приложение).

беки сдавали на откуп пять кутанов и получали ежегодно по 2340 рублей²³³.

Следует отметить, что феодальные владельцы могли передать навсегда или временно другому лицу и получаемые ими с того или иного участка подати и повинности²³⁴.

Нередко крестьяне вместо трех-четырёх дней отбывали барщину по шесть-семь и более дней, причем в самый напряженный период полевых работ. Взимание ренты, кроме того, производилось не от полного числа дворов. В число плательщиков ренты, как правило, не входили должностные лица, нукеры, эмчеки, аталыки и т. д. В сел. Нижнее Казанище, например, было освобождено от платежей 49 семейств²³⁵. Внутри зависимого крестьянства феодальная рента также была распределена неравномерно. Чем состоятельнее были крестьяне, тем меньшую долю продукта их труда составляла рента, и наоборот. Тяжелая эксплуатация, которой подвергалось трудовое крестьянство со стороны владельцев земли, вызывала многочисленные жалобы, которые направлялись царской администрации в Дагестане и на Кавказе. Жалобы крестьян не приводили, однако, к какому-либо улучшению их положения. Царское правительство стояло на страже прав крупных землевладельцев, оправдывало их притязания и помогало им в ограблении трудового народа. Так, например, жалобы тюменцев на Сулаке (1846—1847 гг.) наместнику Кавказа на притеснения со стороны князей Казаналиповых не только не принесли никакого облегчения крестьянам, но привели к выселению их с занимаемых мест, что было санкционировано лично князем Воронцовым.

В 1850 г. царская администрация заставила жителей сел. Верхнее Казанище, выпешдпих из повиновения своему беку, снова нести все подати и повинности в прежнем размере²³⁶.

Тяжелое экономическое положение, постоянно увеличивающиеся подати и повинности вынуждали крестьян оставлять свои родные селения и переселяться на хутора, подальше от барских усадеб.

Кумыкские владельцы и царская администрация Дагестана, стремясь сохранить податное население на местах постоянного жительства, принимали меры против массового бегства крестьян. Так было, например, в сел. Эндирей. В 1849 г., несмотря на предписание командующего войсками в Кумыкском владении главному кумыкскому приставу «не позволять и удерживать жителей от переселения», отсюда переселилось, главным образом на хутора, до 300 семейств²³⁷.

Тяжелым бременем были для трудового народа и повинности, отправляемые по требованию царской администрации. Главное место среди них занимали аробная и конная повинности, известные под названием «бигер», отрывавшие крестьян от хозяйства на длительные сроки. Подводы брались как при передвижении войск, так и для крепостных, полковых и гарнизонных работ, а также для перевозки провианта. На жителях лежало и содержание в исправности дорог, а равно и конвоирование проезжающих и транспорта. По требованию военного начальства владельцы выставляли «милицию».

Особенно тяжелыми были для крестьян крепостные работы. «Тарковская крепость, названная Бурной,— писал Н. Н. Муравьев-Карский в 1822 г. в своих «Записках»,— строилась с весьма малыми средствами от

²³³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 28, л. 34.

²³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 9.

²³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 121, оп. 1, д. 1, л. 72.

²³⁶ Прошения беков Темир-Хан-Шуринского округа в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1325, л. 16.

²³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 237, оп. 1, д. 5, лл. 87, 97, 98, 127.

казны, почти на счет обывателей, которых все прошлое лето Вельяминов без пощады понуждал в носке материалов»²³⁸. Характеризуя тяжелые работы в зимних условиях на строительстве этой крепости, Муравьев отмечает, что «жители приходили в изнурение, лишаясь скота и не переставали из страха к наказаниям повиноваться»²³⁹.

Царская администрация требовала безотлагательного выполнения своих распоряжений, не считаясь ни с какими обстоятельствами: ни с горячей порой полевых работ, ни с возможностями аулов и отдельных жителей.

Кроме мобилизации людей и транспорта на строительные работы, переброски провианта, войсковых частей и т. д., население обязано было систематически обеспечивать сеном и дровами находившиеся здесь воинские части. В 1820 г., например, каждый дым Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, за исключением феодалов, должен был заготовить для войска по одной арбе сена и по две арбы дров. Население этих двух владений доставило дров 17 208 и сена 8604 арб²⁴⁰. Отбывание конной повинности было настолько тяжелым, что многие крестьяне для покупки лошадей продавали «последнюю пару быков»²⁴¹.

Тяжелое экономическое и правовое положение, обременительные, постоянно растущие подати и повинности неоднократно вызывали открытый протест, отказ от уплаты налогов целыми обществами и даже восстания.

В 1820 г. против непосильных строительных работ «сбунтовалось» население Тарковского шамхальства. Через год поднялись и жители Мехтулинского ханства, которые убили своего пристава, потребовавшего большое число людей и подвод для строительных работ²⁴² и угрожавшего населению тюрьмой и убийствами. «По временам,— писал М. Б. Лобанов-Ростовский,— притесняемые князьями чагары соединялись между собой присягою и успешно отстаивали свои права»²⁴³. В прошении кумыкского князя Шефи Темирова от 15-го апреля 1853 г. на имя главного кумыкского пристава Шереметьева говорится, что бурлу-аульские ногайцы «совершенно отказались от платежа ему ясака». Князь просил пристава заставить их заплатить ясак и за прошлое время или покинуть его земли²⁴⁴.

В Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве волнения крестьян временами принимали такой острый характер, что владельцы покидали свои резиденции и уходили под защиту царской администрации. В 1815 г., например, Мехти-шамхал писал командующему войсками на Кавказской линии, что народ «разорил» его и «ограбил все имущество», что он вынужден был оставить свою летнюю резиденцию и переселиться в Тарки. Указывая, что и в Тарках народ собирается лишить его власти и жизни, шамхал просил у военного начальства выделить в помощь ему войсковую часть²⁴⁵.

В 1843 г. крупные крестьянские волнения происходили в сел. Кака-Шура. Кака-Шуринский бек Али-Султан со своим семейством вынужден был покинуть селение и укрыться в Темир-Хан-Шуре. Из Темир-Хан-Шуры командующий войсками в Северном Дагестане Клюке-фон-Клюгенау немедленно отправил в Кака-Шуру батальон пехоты «как для наказания кака-шуринцев, так и для удержания примером строгости в повиновении законным владельцам других жителей»²⁴⁶. Прибывший для усмире-

²³⁸ «Записки Н. Н. Муравьева-Карского». — «Русский архив», 1888, № 7, стр. 314.

²³⁹ Там же, стр. 324.

²⁴⁰ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 94.

²⁴¹ Рапорт начальника Темир-Хан-Шурина округа военному губернатору Дагестанской области (1886). ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 40, л. 1.

²⁴² «Записки Н. Н. Муравьева-Карского», стр. 326.

²⁴³ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

²⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 237, оп. 2, д. 6, л. 20.

²⁴⁵ АКАК, т. V, стр. 646—647.

²⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6499, л. 1.

ния жителей батальон должен был расквартироваться и жить на «продовольствии жителей до тех пор, пока они не исполнят всех требований начальства и владельца, и арестовать главных зачинщиков беспорядков». В течение семи дней происходила в селении расправа над жителями. Военное начальство потребовало письменного обязательства, что они будут отбывать все повинности, которые отбывали раньше.

В 1850 г. вышли из повиновения своим бекам жители сел. Верхнее Казанище, которые, «отвергая всякие права сих беков над их селением, оставили свои дома и с семействами и имуществом переселились в сел. Большие Казанищи»²⁴⁷. Беки потребовали вмешательства военной администрации. Князь Аргушинский-Долгоруков, подтвердив права беков, объявил жителям сел. Верхнее Казанище, что они «обязаны повиноваться им, нести отбывающиеся до того повинности и возвратиться в свое селение». Однако общество продолжало отстаивать свои права и не возвращалось на прежнее место жительства. Царская администрация, озабоченная военными действиями в Дагестане, не могла вплотную заняться этим вопросом и поручила решить его шамхалу тарковскому, который, однако, не смог ничего сделать. В 1855 г. беки снова обратились к командующему войсками в Прикаспийском крае с просьбой помочь им восстановить свои права на общество сел. Верхнее Казанище. Командующий войсками князь Орбелиани в августе 1855 г. предписал шамхалу «вести означенных беков во владение сел. Верхние Казанищи». Вместе с тем Орбелиани предписал, чтобы беки отказались от своего права отбирать у крестьян участки наделенной земли для предоставления их другим лицам. Это была уступка в пользу общества, но она не привела жителей к лояльности. 5 ноября 1855 г. шамхал сообщил военному начальству, что «как он ни убеждал жителей сел. Казанищи, они решительно отказались, что готовы перенести все лишения и переселиться в другие места, лишь бы не оставаться под влиянием и управлением кумторкалинских беков». 10 декабря 1855 г. последовало новое распоряжение командующего войсками на имя шамхала. «Не убеждая казанищенцев, а по праву владельцев ввести названных беков во владение селением, приказав жителям, как они живут на принадлежащих бекам землях, признавать их своими владельцами и платить им повинность». В феврале 1856 г. насильно, под угрозой расправы, шамхалом было составлено «соглашение», в котором были указаны обязанности и права жителей и владельцев, ничем не отличавшиеся от существовавших ранее. И после этого продолжалась борьба общества сел. Верхнее Казанище с беками. Вопрос этот был предметом неоднократного разбирательства Сословно-поземельной комиссии, куда беспрерывно писали обе борющиеся стороны, причем все-таки в течение 20 лет, пока этот вопрос разбирался, общество не платило никаких повинностей бекам²⁴⁸.

Жители кумыкского сел. Каякент (Кайтагское уцмийство) в 1856 г. категорически отказались отпирать повинности в пользу своего владельца Джамав-бека Уцмиева. Джамав-бек вынужден был обратиться к военным властям за помощью. Для усмирения волнения военное начальство срочно выделило воинскую часть, которая должна была жить в Каякенте за счет населения «до тех пор, пока жители не станут исполнять все его (Джамав-бека.— С. Г.) требования»²⁴⁹.

В борьбе с крестьянскими выступлениями местные феодалы широко пользовались военной помощью царского правительства. Недаром некоторые авторы еще тогда отмечали, что постоянное своеволие местных феодалов «привело бы к тому, что народ поступил бы со своими владельцами

²⁴⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 48, лл. 2—3.

²⁴⁸ Там же, лл. 3—7.

²⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 1, л.

точно так же, как поступили несколько десятков лет тому назад за Кубанью тфекотли (свободные хлебопашцы), восстав открыто против князей и выгнав их из среды своей, если бы... Кумыкская плоскость не была занята... русскими войсками»²⁵⁰.

В устно-поэтическом творчестве народа сохранился богатейший материал, отображающий ожесточенную борьбу крестьян с феодальной знатью.

Из-за отсутствия письменности на родном языке источников, отражающих историю антифеодальной борьбы в кумыкской деревне, не сохранилось, а сообщения представителей военной администрации на Кавказе нередко скрывали действительное положение кумыкского крестьянства, сглаживая наличие и остроту противоречий между феодальной знатью и зависимым от нее крестьянством.

Тяжелое экономическое положение крестьян усугублялось их полным бесправием. Феодал пользовался правом суда над крестьянином и держал его в вечном страхе репрессий. Надо учесть и то, что вплоть до 1867 г. в Дагестане, в частности на Кумыкской равнине, сохранялось рабство. В антифеодальной борьбе активное участие принимали и рабы. Начальник Дагестанской области в докладной от 30 марта 1861 г. главнокомандующему кавказской армией писал: «В последнее время жалобы рабов и рабынь стали повторяться чаще, и некоторые из них бывают столь возмутительны, что местное начальство не может не вступить за обиженных, и как каждое подобное заступничество влечет за собой нарушение прав владельцев, установленных обычаями страны, то начальствующие лица поставлены бывают в крайние затруднения по неизданию до сих пор правил о том, в каких случаях и в какой степени могут ограждать рабов от произвола владельцев»²⁵¹.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о феодальных отношениях в Кумыкии в первой половине XIX в., следует отметить, что здесь были налицо все четыре основных признака феодального хозяйства, на которые указывает В. И. Ленин в своем произведении «Развитие капитализма в России», а именно: а) господство натурального хозяйства; б) наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землей в частности; в) личная зависимость крестьян от феодалов, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью; г) крайне низкая и рутинная техника, «ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»²⁵².

3. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Как уже было отмечено, в начале XIX в. на Кумыкской равнине не было централизованного государства. Продолжали существовать такие политические образования как Тарковское шамхальство, Мехтулинское ханство, Эндиреевское, Аксаевское и Костековское владения, находившиеся под властью России. Каждое из этих владений сохраняло самостоятельное внутреннее управление и в свою очередь делилось на мелкие уделы. Южные же кумыки продолжали оставаться в составе Кайтагского удмийства. Резиденция их владетелей в XVIII и начале XIX в. находилась в кумыкском сел. Башли — «главном в округе местечке»²⁵³.

Особое место среди дагестанских владетелей занимал тарковский шамхал, который в это время назывался еще «валием Дагестанским и владе-

²⁵⁰ П. А. Гаврилов. Указ. соч., стр. 40.

²⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71-а, лл. 1—2.

²⁵² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158—159.

²⁵³ Д. И. Тихонов. Описание северного Дагестана, 1796. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». М., 1958, стр. 132.

телем Буйнакским», что указывало на его привилегированное положение и старшинство среди феодальных владетелей всего Дагестана. С. М. Броневский писал: «Достоинство шамхальское есть важнейшее в Дагестане; а в областях, заключающихся между Терекон и Курой, почиталось вторым после царя грузинского»²⁵⁴.

Титул валия дагестанского, пожалуй, больше соответствовал более раннему периоду правления шамхалов, когда они действительно имели власть над основной частью Дагестана и принуждали многих его владетелей к вассальной зависимости. В начале же XIX в. шамхалы такого влияния уже не имели. Их власть в это время распространялась не только не на весь Дагестан, но и не на всю Кумыкию, которая переживала период феодальной раздробленности. Прав был П. П. Зубов, когда писал в 1835 г., что «прежде шамхалы были сильнейшими владельцами в Дагестане, но теперь власть их простирается только собственно на округ Тарковский»²⁵⁵. Шамхал тарковский, однако, продолжал носить титул валия Дагестанского, так как все еще оставался наиболее значительным среди местных владетелей. Кроме того, политическое значение шамхалов в исследуемый период усиливается еще и потому, что они играли главную роль в завершении присоединения Дагестана к России.

До этого и в первый период после присоединения Дагестана к России тарковский шамхал, так же как и мехтулинский хан и князь на Кумыкской плоскости, пользовался в своем владении неограниченной властью. В его руках сосредоточивалась вся светская, судебная (высший суд) и военная власть. Он управлял своими подданными деспотически, имел право на жизнь и смерть каждого подвластного. У главных ворот шамхальского дворца находилась тюрьма — глубокая яма, в которую на веревке спускали ослупников. Нередко применялись смертная казнь, ослепление²⁵⁶ и пр. Указывая на неограниченную власть тарковского шамхала, П. Г. Бутков в 1796 г. писал: «Шамхал Тарковский есть самовластный владелец, и тяжбы своих подданных сам решает деспотически»²⁵⁷. Полицейские дела в шамхальстве вершили беки и старшины, а дела «большой важности» решал сам шамхал²⁵⁸. Э. Эйхвальд писал, что шамхал применяет «наказание очень суровое. Преступникам выкалывают глаза, отсекают конечности, предводителей вешают», что «исполнителем наказания является палач, который живет в городе (Тарках.— С. Г.) и носит всегда с собой оружие казни»²⁵⁹. Н. Н. Муравьев отмечал, что палач «исполнял веления своего хозяина со зверским удовольствием»²⁶⁰.

На звание шамхала обычно мог претендовать самый старший по прямой линии шамхальского рода. Тем не менее бывали незаконные захваты шамхальского престола.

Тарковское шамхальство, как и другие феодальные владения Дагестана, не имело сложной системы административных учреждений²⁶¹. Здесь не было ни постоянного совета из влиятельных феодалов, ни другого совещательного органа. Но шамхал периодически собирал на маджлис (совет) своих советников, крупных и влиятельных вассалов и принимал решения с их участием. Это не мешало шамхалу делать все, что ему заблаго-

²⁵⁴ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 297—298.

²⁵⁵ П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. III, СПб., 1935, стр. 247.

²⁵⁶ И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 74.

²⁵⁷ П. Г. Бутков. Выдержки из проекта отчета Персидской экспедиции в виде писем «История, география и этнография Дагестана»..., стр. 200

²⁵⁸ Н. Околыничий. Перечень событий в Дагестане. «Военный сборник», вып. 1, 1859, стр. 149.

²⁵⁹ E. Eichwald. Reise auf dem Caspischen Meere und dem Caucasus. Stuttgart-Tübingen, 1834, S. 83.

²⁶⁰ «Записки Н. Н. Муравьева-Карского», стр. 332.

²⁶¹ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 83.

рассудится и осуществлять свою неограниченную власть. Во дворе «...подле бассейна лежит небольшой серый камень: это трон шамхала, на котором он судит и рядит своих подданных, на котором и коронуются новые владетели Тарху»²⁶², — писал И. Н. Березин.

Тарковский шамхал, так же как и другие дагестанские владетели, не имел постоянной армии²⁶³. Но у него было большое число нукеров-друзинников, которых русские называли шамхальской «милицией». Известный путешественник середины XVII в. Эвлия Челеби писал, что шамхал имел до 87 тысяч человек войска²⁶⁴. Автор, конечно, преувеличивает численность вооруженных сил шамхалов. Источники конца XVIII — начала XIX в. указывают, что шамхал мог выставить «поголовно с оружием войска» от 25 до 26 тысяч вооруженных людей²⁶⁵. Основная часть военной силы шамхалов, несомненно, состояла просто из ополчения, собираемого в помощь шамхальской дружине²⁶⁶. Дружина шамхала выполняла и полицейские обязанности. Она являлась силой, при помощи которой феодальная знать держала зависимое крестьянство в постоянном повиновении.

Вассальную службу более крупным феодальным владетелям, в первую очередь шамхалу, несли не только нукеры, но и бии, и беки, управлявшие своими уделами. В нужных случаях по требованию своего сеньора последние должны были явиться со своими военными отрядами, состоявшими из нукеров и ополченцев, и во время войны или похода непосредственно предводительствовать ими²⁶⁷. «Ежели же надобность возымет шамхал в войске, — писал Д. И. Тихонов об отношениях тарковского шамхала с подвластными беками, — то в то время посылает к ним своего чиновника с требованием ему от них помощи вооруженного войска, в чем они ему в это время послушны бывают»²⁶⁸. Однако отдельные беки, сильные в экономическом отношении, временами переставали подчиняться власти шамхалов и ханов и принуждали их к союзу с ними²⁶⁹.

Источники не указывают, каким управленческим аппаратом располагал шамхал в начале XIX в. Более ранние материалы свидетельствуют о наличии в Тарковском шамхальстве везиров, назира, главы военной силы — «черив башы», советников и т. д. Эвлия Челеби, посетивший дом шамхала, писал, что «глава армии сидит ниже падишаха (шамхала. — С. Г.). Советники и везири сидят напротив шамхала. Лишь один везир, стоя, обслуживает хана»²⁷⁰. Известно, также, что во время Петровского похода в Тарковском шамхальстве везиром был Мухаммет-Салих²⁷¹. Следовательно, шамхал располагал штатом придворных, среди которых главное место занимал везир — первый помощник владетеля. В источниках начала XIX в. нет упоминаний о главе вооруженных сил, о везире и т. д., зато встречаются «дворецкий», «сотник», «городовой» и т. д. И. Н. Березин, например, пишет, что «для наблюдения за общественным спокойствием в Тарху существует кала-бек (городничий) из татар, а при нем находятся юзбашы (сотники) и чауши (городовые)»²⁷². Функции конюшенных — «карас-

²⁶² И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 70.

²⁶³ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 84.

²⁶⁴ Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд. ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, д. 1157, лл. 89—90.

²⁶⁵ П. Г. Бутков. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. «История, география и этнография Дагестана», стр. 240; С. Броневский. Указ. соч., т. II, стр. 308.

²⁶⁶ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 84.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 130.

²⁶⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 7767, л. 23.

²⁷⁰ Эвлия Челеби. Указ. соч., л. 90.

²⁷¹ Письма шамхала Адиль-Гирея Тарковского Петру I. Рук. фонд. ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, д. 1189, стр. 19, 23.

²⁷² И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 67.

чы», стольников — «хунчачы», виночерпиев — «аяктычы» и т. д., как правило, выполняли пукеры, рабы и казаки. Во время совещаний во дворце шамхала строго соблюдалось местничество, все садилось согласно порядку, предписанному адатом.

Почти то же самое наблюдалось в управлении другими владениями Кумыки. Несколько отличаются лишь владения на Кумыкской плоскости: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское, которые С. М. Броневский относит к аристократическому типу правления²⁷³. Здесь власть также находилась в руках владельцев. Однако особенность этих владений состояла в том, что в их главных селениях, т. е. Эндирее, Аксае и Костеке, собирався особый совет, членами которого являлись князья, выделяемые по одному человеку из каждой княжеской фамилии по старшинству²⁷⁴. Во главе совета стоял один из наиболее влиятельных и старших летами его членов, который назывался старшим князем, остальные же князья назывались просто старшинами, иногда и «картами»²⁷⁵. Совет регулировал общественную жизнь, устанавливал земельно-правовые отношения сословий, назначал судей для разбора дел по адату и шариату и т. д. В непосредственном ведении совета находились «бегеулы», или «выборные десятичники от каждого квартала», исполнявшие распоряжения совета. Решению совета или воле главного князя должны были подчиняться все князья, управлявшие своими уделами. Эта внешняя коллегияльная форма правления не ограничивала, однако, власти феодалов; она только несколько упорядочивала земельно-правовые отношения во всех частях владения.

Мы не будем отдельно характеризовать ханство Мехтулинское, ибо оно по образу правления ничем почти не отличалось от Тарковского шамхальства, а скажем только об удельных владениях. Беки, удельные князья также имели в своих владениях неограниченные права, могли «определять казни преступникам»²⁷⁶. Удельные князья, подобно другим, более значительным владетелям, имели свои дружины, состоявшие из преданных им узденей или сала-узденей. Военные силы их в основном также состояли из ополчения, собираемого в помощь дружине-пукерам в случае необходимости.

Особа шамхала, бия, князя считалась неприкосновенной, а его собственность — священной. «Оскорбивший его (князя. — С. Г.) подвергался сильному гонению»²⁷⁷, — говорится в адатах кумыков. Члены бийского сословия не судились ни с узденями, ни с чагарами или с рабами, а имели свой суд, свои адаты. Так, например, по бийскому адату по делам кровной мести мщение могло совершаться только внутри сословия²⁷⁸. По отношению к биям не имели права мести не только зависимые сословия, но и сала-уздени. Потерпев обиду со стороны постороннего князя или бия, люди из зависимых сословий могли обращаться только к своему владельцу, а последний имел дело с обидчиком как равный с равным.

Таким образом, князья выступали в качестве ответчиков лишь в том случае, когда потерпевший являлся подвластным другого владельца, а в своих владениях «если кто князя оскорблял, князь сам его наказывал, не прибегая к суду».

В случае убийства бием кого-либо из других сословий вместо него (убийцы) в канлы (в изгнание) выходил его уздень. В большинстве же случаев бий ограничивался уплатой семье убитого определенного вознагра-

²⁷³ С. Броневский. Указ. соч., т. I, стр. 38—39.

²⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 5, лл. 61—62; Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, кн. I, стр. 633; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., ч. II, стр. 187.

²⁷⁵ Н. Дубровин. Там же.

²⁷⁶ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 130.

²⁷⁷ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., ч. II, стр. 190.

²⁷⁸ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 272.

граждения. Если же бия убивал узденя, чагар и т. д., то родственники убитого нападали на дом убийцы, уничтожали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дом. «Если князь,—говорилось в кумыкских ада-тах,—обвинен был в обидях, сделанных узденю, в особенности второстепенному или третьестепенному, то штраф, которому подвергался князь, был весьма мал, а в некоторых случаях опого даже и вовсе положено не было»²⁷⁹. За похищение имущества у поселян похититель-князь платил только стоимость похищенного предмета. Похищение же имущества у князя «влекло за собою уплату за похищенное в десять раз больше»²⁸⁰. Если виновный не был в состоянии внести эту сумму, то должен был поступить к князю в рабство. Таким образом, феодалы не несли ответственности за пролитую кровь чагара или раба. Князь нередко «умерщвлял второстепенных и третьестепенных узденей» и оставался совершенно безнаказанным²⁸¹.

После окончательного присоединения к России в административно-политическом устройстве феодальных владений Кумыкии, особенно засулакских, происходит существенные изменения. Высшая власть в Дагестане в начале XIX в. была сосредоточена в руках военного командования. Царское правительство и его администрация на Кавказе сохраняли за собой право лишать власти и титулов владельцев Дагестана, если они нарушали интересы царизма. В достоинстве своем владельцы могли быть утверждены царским правительством не иначе, «как отличною верностью, большими трудами и усердною службою»²⁸². Потеряв былую политическую независимость, кумыкские владельцы, как и другие дагестанские феодалы, совершенно лишаются права устанавливать политические связи с другими государствами, в том числе с Персией и Турцией.

Активно вмешиваясь в дела дагестанских владельцев, царское самодержавие не спрашивало их согласия на проведение тех или иных мероприятий. «В рассуждении матери Хасан-хана,—писал генерал Вельяминов Мехти-шамхалу в марте 1821 г.,—должен я чистосердечно сказать вашему высокостепенству, что вы ошибаетесь, если полагаете, что нужно было согласие ваше на удаление ее в Кизляр или другой какой-нибудь российский город. Главнокомандующий не спрашивает ни у кого согласия на то, что нужно для общей пользы и спокойствия»²⁸³. В 1828 г. письмо тарковского шамхала наследнику персидского престола Аббас-Мирзе было доставлено через военно-окружного начальника в Дагестане Граббе графу Паскевичу. «Сие сделано,—писал Паскевич шамхалу по этому случаю,—...дабы все местные начальники заботились о спокойствии и наблюдали, чтобы никто из подвластных великого государя моего не входил в переписку с иностранными державами без моего разрешения»²⁸⁴.

Дагестанские владельцы рассматривались как царские чиновники или своего рода наместники. Ермолов неоднократно называл Мехти-шамхала «знатнейшим российским чиновником»²⁸⁵, «генералом российским»²⁸⁶, старшего аксаевского князя Мусу Хасаева — «усерднейшим российским чиновником»²⁸⁷. Местные владельцы в случае измены царскому самодержавию немедленно отстранялись от управления. Так было с дербентским Ших-Али-Ханом в 1806 г., дженгутайским Хасан-ханом в 1818 г., кайтагским уцмием в 1820 г. и другими владельцами.

²⁷⁹ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 190, 196.

²⁸⁰ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 272.

²⁸¹ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 196.

²⁸² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 63.

²⁸³ Там же, стр. 96—97.

²⁸⁴ АКАК, т. VII, стр. 532—533.

²⁸⁵ Там же, т. VI, ч. II, стр. 49.

²⁸⁶ Там же, стр. 89.

²⁸⁷ Там же, стр. 563.

Русская администрация на Кавказе несколько раз поднимала вопрос о лишении тарковского шамхала права на звание «валия дагестанского» как не соответствовавшего его действительному политическому положению. Однако этот вопрос оставался нерешенным до самого упразднения ханской власти в Дагестане.

Мы выше отмечали, что после присоединения Дагестана к России роль вассалитета значительно суживается, хотя еще сохраняется «обычай, что уздени вступали на службу князю»²⁸⁸. Царское правительство и его военная администрация в Дагестане стояли на страже сословных прав местных владельцев. Недаром Ермолов на письмо Мехти-шамхала о военной помощи писал в 1818 г.: «По желанию вашему поставлю в Тарки войска»²⁸⁹ или обещал привести в повиновение жителей сел. Казанище, поднявшихся против шамхала²⁹⁰.

Назначив старшим князем Эндиреевского владения майора Шефи-бека Темирова, Ермолов в своем «Обращении к владельцам эндиреевским, духовным особам и народу» писал: «Предупреждаю вас, что я требую лучшего повиновения и порядка, нежели каковые доселе заметил я между вами. Бойтесь быть непокорным, ибо старший владелец будет исполнять собственные мои приказания. За каждым действием вашим буду я иметь наблюдения»²⁹¹.

С учреждением царской администрации на Кавказе и в Дагестане многие из представителей кумыкской феодальной знати и прежде всего засулакских князей поступили на службу в военное управление. Еще в 1828 г., например, главным кумыкским приставом был назначен старший аксаевский князь Муса Хасаев²⁹², который в 1820 г. по представлению Ермолова был утвержден Александром I «старшим владельцем Аксаевским» с присвоением ему чина капитана²⁹³. На службу вместе с князьями в первой половине XIX в. нередко поступали и их уздени-нукеры. «Если князь вступает в милицию,—говорилось в адатах кумыков,—то с ним зачисляется в оную и уздень, состоящий у него на службе»²⁹⁴. В случае надобности дагестанские владельцы обязаны были со своими отрядами нукеров, называвшимися в этот период милицией, выступать в составе царской армии. «Когда начальство собирает войско,—указывал Ермолов в своем «наставлении» обществу Башли при назначении Эмир-Гамза-бека наибом,—наиб является с оным на службу, и в таком случае никто от службы не увольняется»²⁹⁵. По требованию командования в 20—50-х годах «шамхальская милиция» и «милиция мехтулинского хана» участвовали в военных действиях в нагорном Дагестане.

В сфере внутреннего управления и сословно-правовых отношений местные владельцы за некоторыми ограничениями (отмена работорговли, приносившей большой доход дагестанским феодалам, ограничение права на смертную казнь и пр.) не только сохранили прежнюю власть, но и значительно укрепили ее при поддержке царизма и военной администрации на Кавказе. Местные владельцы обстановкой, созданной царизмом в Дагестане,—писал П. В. Гидулянов,—«воспользовались как нельзя лучше, и в короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной»²⁹⁶. Подтверждая сохранение прежнего внутреннего управле-

²⁸⁸ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 190—191.

²⁸⁹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 88.

²⁹⁰ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 89.

²⁹¹ Там же, стр. 560.

²⁹² ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 5, л. 122.

²⁹³ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 562.

²⁹⁴ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 191.

²⁹⁵ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 67.

²⁹⁶ «Этнографическое обозрение», 1901, № 2, стр. 54.

ния, генерал Ермолов отмечал, что «шамхал в земле своей имеет власть судить и наказывать» своих подвластных ²⁹⁷.

В своем предписании от 25-го августа 1836 г. военно-окружному начальнику в Дагестане главноначальствующий на Кавказе барон Розен указывал, что «шамхалу тарковскому предоставлена полная власть решать по законам и обычаям края, им управляемого, все дела, какого рода бы они ни были, между подвластными своими, почему в разбирательство оных входить не следует, ...исключая таких случаев, когда по делу прикосновенны воинские части или русские подданные других мест, но и тогда должны обращаться с требованиями к самому шамхалу, а не входить прямо в разбирательство с подвластными его» ²⁹⁸. То же самое утверждал и предшественник Розена граф Паскевич в своей «Прокламации к жителям Дагестана и Кавказских гор» в 1830 г., когда писал, что необходимо соблюдать в «целости все права, преимущества и собственность владетелей на вечные времена неприкосновенно», что «ханы, князья, уздени, султаны, муллы, старшины и прочие знатные степени останутся при достоинствах и уделах своих» ²⁹⁹.

Более того, осуществляя колониальную политику, царское правительство видело в лице местных феодалов свою социальную опору и всячески поддерживало эксплуататорские притязания владетелей. Как справедливо отмечает А. В. Фадеев, «утверждение владычества русского царизма на Кавказе сопровождалось усилением феодального угнетения трудящихся горцев» ³⁰⁰. Неся ревностную службу царю, кумыкские владетели получали военные и придворные чины, большое жалованье, щедро награждались орденами и медалями. Тот же Муса Хасаев, «отличаясь преданностью своею правительству в отправлении должности своей», был награжден украшенной бриллиантами золотой медалью с надписью «За усердие» ³⁰¹. За «усердие и верность» шамхал Абу-Муслим получил чин генерал-лейтенанта русской армии, а в 1849 г., в «награду особых заслуг и постоянной преданности... престолу» был возведен в княжеское достоинство и именовался «князем Тарковским» с правом передачи этого титула по наследству ³⁰². В 1856 г., находясь на коронации императора, он был назначен генерал-адъютантом ³⁰³.

Среди других владетелей Дагестана особое положение занимали тарковские шамхалы. В своем письме к шамхалу тарковскому от 30 января 1807 г. граф Гудович писал: «...Щедроты... нашего императора, обильно на вас излинные, столь велики, каковыми не удостоен ни один из ханов, имеющих счастье находиться во всероссийском подданстве... Сверх настоящего Тарковского владения, вам принадлежащего, е. и. в. ...благоугодно было, за исключением г. Дербента, пожаловать в непосредственное владение ваше со всеми доходами и Дербентское ханство... Столь знатное присоединение к вам селений дербентских умножило вместе с тем в большем количестве и доходы ваши. Во-вторых, наравне с прочими ханами вы имеете чин российского ген.-лейтенанта, но разнища в том, что они получают жалованье по чину их, а ваше превосходительство по милосердию е. и. в. получаете по 500 р. и почти вдвое против их; ...еще знатное имеете пред ними преимущество в том, что при таковых выгодах изъяты от дани, каковую все прочие ханы по 7 и 8000 червонцев вносят в казну е. и. в.

²⁹⁷ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 101.

²⁹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 4797, л. 4.

²⁹⁹ АКАК, т. VII, стр. 516.

³⁰⁰ А. В. Фадеев. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа. «Преподание истории в школе», № 6, 1957, стр. 37.

³⁰¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 563—564.

³⁰² АКАК, т. X, стр. 495.

³⁰³ «Шамхалы Тарковские», стр. 65.

в знак своей зависимости, тогда как вы, по особливим к вам высочайшим щедростям, вместо дани сами пользуетесь пенсионом от казны е. и. в. Наконец, должен к сему присовокупить, что по особенной к вам высококомандаршей щедроте вы удостоены также медалью, осыпанною бриллиантами, какового отличия ни один хан не имеет»³⁰⁴.

Ставя тарковского шамхала в особо привилегированное положение, царское правительство не желало, однако, его чрезмерного усиления. В своем предписании генерал-майору Сталю от 18-го апреля 1818 г. Ермолов писал, что передача кайтагским удмием Адил-ханом управления своему сыну Хан-Мамедбеку, женатому на дочери шамхала, нежелательно для царского правительства, что это в конечном счете «может произвести умножение силы шамхала, которого в прочем делать слишком могущественным не должно»³⁰⁵. Как известно, тарковский шамхал в 1830 г. представил царю просьбу о поручении ему управления над Дагестаном, но эта просьба шамхала была отклонена. Генерал Ермолов не раз давал «советы» при выборе невест для сыновей шамхала и имел при этом определенное влияние. «Я... советую вам, как другу, — писал он шамхалу, — женить старшего сына Сулейман-пашу на дочери старшего аксаевского князя майора Муса Хасаева, ибо наследнику вашему прилично быть в родстве и в связи с усердною и знатною фамилиею»³⁰⁶, а когда шамхал пожелал женить своих сыновей на дочерях удмий, Ермолов писал, что не имеет «причины... запрещать»³⁰⁷.

Начиная с 20—40-х годов при шамхале и мехтулинском хане состояли русские офицеры со званием помощников по управлению владением, имевшие большие полномочия и следившие за их внешнеполитической ориентацией. Штаб-офицер, назначенный в 1843 г. помощником к мехтулинскому ханше Нох-бике, «действуя во всем как бы с ее согласия, был на самом деле полным правителем ханства»³⁰⁸. Во владениях на Кумыкской плоскости, Эндиреевском, Аксаевском и Костиковском, в 1827 г. был утвержден «главный кумыкский пристав» в помощь командующему войсками в «Кумыкском владении» по административно-полицейскому управлению. Кроме главного пристава, в каждом из этих владений были и частные приставы. Приставы, особенно главный, осуществляли надзор за «общим порядком», за поведением князей и населения; следили за выполнением государственных повинностей и нередко производили суд и расправу. В связи с учреждением института приставов и назначением помощников по управлению права владельцев значительно ограничились. Это создало и само военное командование на Кавказе. В 1828 г. Паскевич в силу ряда обстоятельств был против назначения в шамхальство помощника или пристава. Указывая на подконтрольность шамхала начальнику, поставленному кавказским командованием, Паскевич писал Нессельроде: «Сколько бы ни были скрыты и прикрыты благовидною наружностью действия такого помощника или пристава, но народ дагестанский скоро достигнет его назначения, прикинет, сколько ослабляется власть над ними шамхала подобным надзором, и, наконец, откажется совершенно ему повиноваться»³⁰⁹.

Порядок назначения «помощников» продолжал существовать до 1876 г., до упразднения власти ханов и шамхалов. Постепенно владельцы лишаются права на смертную казнь, права передачи в собственность имений (населенных и ненаселенных), им лично не принадлежавших, права

³⁰⁴ АКАК, т. III, стр. 410.

³⁰⁵ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 49.

³⁰⁶ Там же, стр. 98—99.

³⁰⁷ Там же, стр. 103.

³⁰⁸ «Мехтулинские ханы». ССКГ, вып. II, 1869, стр. 8.

³⁰⁹ АКАК, т. VII, стр. 509—510.

назначать судей, хотя формально последнее право за ними сохраняется, и т. д.

На Кумыкской плоскости постепенно исчезает и совет князей, и каждое из трех владений, начиная с середины XIX в., управляется одним старшим князем, назначаемым правительством не по старшинству, а по заслугам перед царизмом. «Весь круг его (старшего князя.— С. Г.) действий,— писал в середине XIX в. Шихалиев,— состоит в понуждении посредством бегулов жителей к исполнению требуемых с них повинностей, объявляемых местным приставом; он разбирает мелочные тяжбы жителей...»³¹⁰. В случае недовольства действиями старшего князя, составлявшего «как бы первую ступень судебной и исполнительной власти», поселяне уже могли «жаловаться приставу и вышшему начальству»³¹¹. Вместо прежнего княжеского суда, решения которого в начале XIX в. никто не мог отменить, на Кумыкской плоскости главным судебным органом становится Эндиреевский городской суд. Только маловажные уголовные и гражданские дела рассматривались князьями и кадиями. В Эндиреевском суде председательствовал военный комендант крепости Внезапной³¹² и присутствовал главный пристав. Князья, кадии и уздени являлись членами суда. Суд руководствовался адатом и шариатом. Недовольные решением суда могли подать жалобу вышестоящему военному начальству. Такие уголовные преступления, как похищение казенного имущества, неповиновение поставленному военным командованием начальству и т. д., судились, кроме того, по военно-уголовным законам Российской империи.

Таким образом, тарковский шамхал, мехтулинский хан и кумыкские князья находились теперь под контролем кавказского командования. Права их, особенно засулакских князей, значительно ограничились. Зато царское правительство вознаграждало их признанием за ними огромных земельных фондов, изъятых у сельских обществ, что привело к усилению феодальной эксплуатации. Владетели, особенно тарковский шамхал и мехтулинский хан, продолжали управлять подвластным им населением по-прежнему, за исключением отдельных прав, о которых шла речь выше.

Мы уже отмечали, что селениями управляли беки, которые опирались на влиятельную верхушку общества. Большое место в управлении сельским обществом занимали старшины, кроме того, так называемые аскакалы, карты, кадии, бегулы или чауши (исполнители распоряжений сельского начальства), тургаки (сельская стража) и др. Некоторые из карт исполняли обязанности старшин, а большинство выступало в качестве судей.

Управление и суд были основаны на двух источниках права: на адатах (обычном праве) и шариате — системе мусульманского права, основанной на главнейших положениях ислама. Как свидетельствуют источники, главное место в судебной практике занимал адат. По шариату обычно разбирались дела о завещаниях, опеке, покупке и продаже рабов, о разделе имущества, брачные вопросы. Остальные дела, а именно об убийстве, ранении, избиении, воровстве, поджоге, прелюбодеянии, бесчестии, похищении женщины, ложной присяге, исковые дела, иногда раздел имущества, решались по адату. Князья и сала-уздени и по делам о разделе между ними имущества придерживались существовавшего обычая³¹³.

³¹⁰ «Кавказ», 1848, № 40.

³¹¹ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 189.

³¹² М. Б. Лобанов-Ростовский й. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38; Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 44.

³¹³ «Адаты жителей Кумыкской плоскости», ССКГ, вып. IV, 1871, стр. 4.

Адаты задолго до исследуемого периода потеряли свой демократический характер и служили господствующим классам.

Все же по сравнению с адатами постановления шариата были более строгими. По шариату за умышленное убийство убийца должен был быть наказан смертью, за первое воровство лишиться кисти правой руки, за повторное — и кисти левой руки³¹⁴.

По издавна сложившейся традиции кумыки в наиболее сложных случаях решения тяжб часто обращались к судьям сел. Эрпели, считавшимся лучшими толкователями адата, «блюстителями всех старинных кумыкских обычаев»³¹⁵.

Адаты сохранялись в памяти стариков (картов) и изустно передавались из рода в род, из поколения в поколение³¹⁶. С развитием общественно-экономической жизни эти адаты также изменялись, дополнялись, вводились новые правила, отбрасывались устаревшие. Ссылаясь на данные, собранные у стариков с большим жизненным опытом, кумыкский этнограф Манай Алибеков писал, что засулакские кумыки «для введения каждого нового адата... собирались на два кургана под названием «центральные курганы». Эти курганы находились между селениями Новый Аксай, Старый Аксай и Эндирей, на берегу реки Яман-Су»³¹⁷. Когда вводимый адат касался споров между обществами двух соседних селений, то к этим курганам выходили оба общества, возглавляемые своими князьями. Принятое решение становилось нормой обычного права и называлось «ульгу» (образец). «Этот адат,— указывал М. Алибеков,— скреплялся большинством голосов узденей и, наконец, князьями. Не подчинившихся адату заставляли подчиняться силой»³¹⁸.

Аналогичные сведения сообщает и полковник Н. Окольничий по Тарковскому шамхальству³¹⁹. Принятие или непринятие новых норм адата в конечном счете зависело от воли князя. Многие адаты, принимая новое содержание, продолжали сохранять свои старые формы. Например, древний обычай родовой, а затем и соседской взаимопомощи — «булкъа», приняв новое содержание, стал одной из форм эксплуатации со стороны феодальной верхушки.

В адатах рассматриваемого периода сохранялись и многие весьма тяжелые порядки родового общества, в числе которых первое место принадлежит институту кровной мести. Однако кровная месть постепенно начала заменяться материальным вознаграждением в пользу пострадавшей семьи.

Суд по адату производили опытные и влиятельные старики из князей и узденей, называвшиеся в разных местах по-разному: карты, аксакалы, төречи, диван-беги и в более ранний период — карачи. При решении дел по шариату в качестве судьи выступал кадий. Существовал и третейский суд (суд по маслаату), решение которого считалось окончательным. Число судей зависело от величины селения. В сел. Башли, например, общество «избирало» шесть картвов (в судьи и старшины вместе)³²⁰. Суд происходил или в специальных помещениях — «диван-хана» или просто у главной мечети, куда шли люди, имевшие судебное дело. Судьи выслушивали истца, ответчика, свидетелей, а затем большинством голосов выносили решение³²¹. Решение суда по адату, как правило, было словесное, а «по ша-

³¹⁴ Князь Х-ъ. Указ. соч., «Кавказ», 1865, № 68.

³¹⁵ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

³¹⁶ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1, стр. 9.

³¹⁷ М. Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 5.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Н. Окольничий. Указ. соч., стр. 149.

³²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 64.

³²¹ А. В. Комаров. Указ. соч., стр. 7—8.

риату иногда на бумаге, особенно, когда того требовал обвиняемый»³²². Кроме свидетелей, большую роль в судебном процессе играли «тусевы» (соприсяжники), и «айгаки» (доказчики) Тутевы выступали в роли заочных свидетелей, когда дела решались только на основании подозрения. Они назначались самим истцом из родственников обвиняемого, знающих обстоятельства дела и внушающих доверие³²³. Число тусевов зависело от важности разбираемого вопроса, и каждый из них должен был своей присягой оправдать или обвинить ответчика. В случае, когда совершивший преступление не был известен, истец использовал «доказчика» (айгак), который разыскивал виновного³²⁴. Айгак получал определенное вознаграждение. Нередко решения по тем или иным причинам отменялись феодальными властями, выносившими свой окончательный приговор, или царской администрацией по прошению жителей.

В важных случаях дела рассматривались под председательством бека или старшего князя с участием влиятельных картов и кадия на особом заседании суда, называемом «махкаме». А. М. Буцковский свидетельствует об аналогичном «судебном собрании», созываемом у кумыков «верховным духовенством», по особо важным делам, подлежащим решению по шариату³²⁵.

В системе наказаний большое место занимали штрафы, которые взимались как натурой, так и деньгами, причем с развитием товарно-денежных отношений роль денег во взимании штрафов все возрастала.

За свою службу судьи получали от общества известную часть от собираемых штрафных денег или хлеба, имели некоторые преимущества в землепользовании и водопользовании и т. д. В сел. Башли, например, каждый карт получал в год: от сбора дикой марены на общественной земле от 3 до 5 рублей, от нефтяного и соляного откупа по 6 рублей. Кроме того, с каждого кутана, отдаваемого на откуп, поступало в пользу всех картов по одному барану. При ежегодных переделах общественной земли каждый карт получал двойной участок. В том же селении кадий получал с каждого двора³²⁶ по 3 саг пшеницы. У северных кумыков кадий, по свидетельству А. М. Буцковского, получал с каждого двора по два четверика проса, пшеницы и баранами со ста одного³²⁷.

По важным делам князя, старшины или карты созывали общий сход. На нем присутствовало все взрослое население, кроме женщин и рабов. На сходе обсуждались вопросы о наложении штрафов, о землепользовании и водопользовании, вопросы отношений между обществами и т. д. Хотя на собрание созывался весь народ, однако дела решались по воле феодальной верхушки и влиятельных узденей. Не случайно, что за выполнением принятых решений «обязаны были наблюдать старшие князья»³²⁸. Народные собрания проводились нередко и не по воле князей, «когда народ собирался потолковать о своих нуждах, представить князю какую-нибудь просьбу или просто согласиться относительно сопротивления князьям, в случае их притеснений»³²⁹.

В сельском управлении, как мы уже отмечали, определенную роль играли «чауши» (бегевулы) и «тургаки». Чауши или бегевулы обычно назначались князем по одному на каждый квартал. Они должны были опо-

³²² Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 44.

³²³ «Адаты жителей Кумыкской плоскости», стр. 1—2.

³²⁴ Там же.

³²⁵ А. М. Буцковский. Указ. соч., стр. 240.

³²⁶ В старом Башли, по данным некоторых письменных источников, в начале XIX в. насчитывалось «до 2000 домов». АКАК, т. V, стр. 625.

³²⁷ А. М. Буцковский. Указ. соч., стр. 240.

³²⁸ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 633.

³²⁹ Там же, стр. 633—634.

вещать народ о предстоящем сходе, о проводимых силами общества мероприятиях, о коллективном выходе на работу по устройству дорог или очистке оросительных каналов, а также должны были выполнять всякие поручения судей-картов и кадия. За свою службу они получали вознаграждение из штрафных денег и пользовались некоторыми льготами в общественном землепользовании. Для исполнения полицейских обязанностей, для охраны посевов от потравы и т. д. каждое общество в зависимости от численности населения выделяло постоянно или на время определенное число милиционеров; они назывались «тургакълар»³³⁰. В сел. Башли, по архивным данным, к началу XIX в. числилось «60 постоянных наследственных тургаков, в помощь которым каждый магал³³¹ по очереди ежемесячно из среды своей выделял еще 30 тургаков»³³². Наследственные тургаки, кроме почета, другими преимуществами не пользовались, остальные тургаки получали вознаграждение из штрафных сумм. Чауш в этом селении также получал больше, чем каждый тургак, и, кроме того, «ежегодно по одной лошади»³³³.

Таким образом, в сельском управлении, кроме князя, определенную роль играли кадии, карты, чауши (бегевулы), тургаки и др., каждый из которых выполнял те или другие обязанности.

Важным изменением в области судопроизводства является ослабление влияния духовенства. Известно, что в 30-х годах XIX в. военное командование считало необходимым широкое привлечение местного духовенства к управлению, развертывание сети примечетских школ и т. д. В 1838 г. в рапорте военному министру Чернышеву командир Отдельного кавказского корпуса Головин писал, что необходимо «везде, где только возможно, устраивать школы мусульманские для воспитания духовенства, через которое можно действовать на умы народа»³³⁴. В 50-е же годы царская администрация на Кавказе, в частности наместник князь Барятинский, одной из основных задач ставил ослабление влияния мусульманского духовенства, ограничение «сферы шариатских судов вопросами исключительно духовными» и расширение деятельности словесного судопроизводства, основанного на адатах³³⁵. Но адаты, по мнению Барятинского, должны были изменяться и соответствовать образу управления местным населением, т. е. отвечать интересам колониальной политики царизма. Князь Барятинский также считал необходимым «поставить над горцами власт. твердую... и оставил управление в ведении военного начальства»³³⁶.

Таким образом, первая половина XIX в. характеризуется для Кумыкии, как и для всего Дагестана, сохранением политической власти феодальных владетелей. Тарковский шамхал, мехтулинский хан и князья на Кумыкской плоскости продолжали управлять своими владениями «на ханских правах». Вместе с тем, находясь под контролем царского военного командования, они были в значительной степени ограничены в своих правах по управлению владениями и в случае неповиновения царскому правительству и его администрации лишались своей власти.

Особенно большие изменения происходили во владениях засулакских князей. Ермолов так отзывался о власти старших князей: «Владения, коими они управляют, не могут быть сравниваемы с ханствами, а потому

³³⁰ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним (приложения к статье). ССКГ, вып. 1, стр. 78.

³³¹ В старом Башли было 6 магалов (аулов).

³³² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 9, д. 24, л. 64.

³³³ Там же, л. 65.

³³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6377, лл. 11—12.

³³⁵ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907, стр. 175.

³³⁶ Там же.

и в образе утверждения должны они различествовать с ханами, которым и власть доселе представлена была весьма большая»³³⁷. Правда, после Ермолова власть местных владетелей на некоторое время расширилась. Царская администрация действовала очень предусмотрительно. В период военных действий в Дагестане царскому правительству необходимо было сохранение, а в отдельных случаях повышение авторитета послушных ему дагестанских владетелей и в первую очередь тарковского шамхала. Царская военная администрация использовала ханскую власть в своих колониальных интересах, но и сама оказывала местной феодальной знати всестороннюю поддержку в эксплуатации трудового народа.

³³⁷ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 563.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

КУМЫКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX В.

instituteofhistory.ru

1. ЛИКВИДАЦИЯ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Мы отмечали выше, что в политике царского правительства с начала XIX в. наблюдалась тенденция к органичению политической власти феодальных владетелей Дагестана. Эта политика особенно ярко проявлялась в действиях генерала Ермолова и была временно ослаблена последующими главнокомандующими.

1 апреля 1858 г. было утверждено и вскоре издано «Положение об управлении Кавказской армией». В нем был особый раздел «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления»¹. Это был первый официальный документ о так называемом военно-народном управлении, составленный по предложению князя Барятинского и получивший, начиная со времени его правления на Кавказе, широкое применение.

19 июня 1860 г. при главном штабе Кавказской армии создается Канцелярия по управлению кавказскими горцами. В том же 1860 г. образуется Дагестанская область, в которой действует особое «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». В состав области входил созданный ранее Прикаспийский край, за исключением Кубинского уезда, присоединенного к Бакинской губернии, и весь нагорный Дагестан.

Дагестанская область была разделена на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Средний Дагестан, Верхний Дагестан и Южный Дагестан. Кроме этих военных отделов, в область включались два гражданских управления: Дербентское градоначальство (вместе с Улусским магалом) и управление портовым городом Петровском. Военные отделы объединяли шесть округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Гунибский, Самурский, Бежетинский, а также четыре ханства: Тарковское шамхальство, Мехтулинское, Кюринское, Аварское ханства и отдельное Присулакское наибство. Основная часть кумыкских феодальных образований — Тарковское шамхальство, ханство Мехтулинское, наибство Присулакское — вошли в отдел «Северный Дагестан». Кумыкская же плоскость (Эндиреевское, Аксаевское, Костековское владения), известная с 1827 г.

¹ Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края. Рук. фонд. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2508, стр. 4.

под названием «Кумыкского владения», а с 1858 г. — «Кумыкского округа», в 1860 г. вошла в состав организованной в том же году Терской области.

Начиная с 1860 г., фактически ликвидировалась ханская власть в Дагестане и образовались округа вместо прежних отдельных владений. В конце 1860 г. было создано окружное управление в Кайтаге. Из бывшего Кайтагского удмийства и обеих частей Табасарана (бывших владений майсума и кадия) был образован Кайтаго-Табасаранский округ. В 1862 г. прекратило свое существование ханство Кюринское. В 1863 г. был отстранен от власти аварский хан Ибрагим, и в 1864 г. образован Аварский округ². В 1867 г. были лишены политической власти мехтулинский хан Рашит-хан и тарковский шамхал Шамсудин. В том же году из Мехтулинского ханства, Тарковского шамхальства и Присулакского наместничества образуется Темир-Хан-Шуринский округ.

Так завершился процесс ликвидации политической самостоятельности феодальных владетелей в Дагестане и образования централизованной системы управления. Лишив политической власти местных владетелей, царское правительство не забыло, однако, проявить заботу о феодальной знати. В ней оно продолжало видеть твердую опору национально-колониального угнетения народов Дагестана. Потеря права на управление компенсировалась крупным единовременным денежным вознаграждением, увеличением пожизненных пенсий, признанием за феодалами права собственности на земли и другое недвижимое имущество, присвоением военных чинов и т. д. Так, например, князь Шамсудин Тарковский, кроме признания за ним всех имущественных прав, получил единовременное пособие в размере 7 тыс. руб. Помимо того за ним сохранилась потомственная пенсия в сумме 5 тыс. руб., установленная еще в 1838 г. шамхалу Абдул-Муслим-хану взамен рахтарного сбора³. В связи с прекращением зависимых отношений крестьян к владельцам эта пенсия была увеличена до 7 тыс. руб. Князь Шамсудин был произведен в генерал-майоры с зачислением в «свиту его императорского величества».

Так же был вознагражден и мехтулинский ханский дом. Сам Рашит-хан Мехтулинский получил 10 тыс. руб. единовременно, 400 руб. пенсии и жалованье по чину. Признав над собой власти царского правительства и частично потеряв бывшие политические права, кумыкские князья, ханы и шамхал укрепили свое экономическое положение и стали занимать разного рода должности по «военно-народному» управлению.

Проведенные царской властью административные преобразования на Кавказе, несмотря на колонизаторский характер нового управления, имели большое прогрессивное значение, так как завершали ликвидацию феодальной раздробленности отдельных этнических территорий Дагестана. Образование Дагестанской области объединило все ее части в одно целое, создало единый центр управления. Наличие единого органа управления диктовало распространение единых законов для всех частей Дагестана, ликвидировало разницу в управлении и в какой-то степени самоуправство местной феодальной знати.

Наряду с адатами, шариадом и военными законами, на которых основывалась вся общественная жизнь, в дагестанскую деревню стали постепенно проникать и русские законы. Однако проводя отдельные административные преобразования в Дагестане, царское правительство не думало о благе местного населения. Оно создавало здесь такой режим, который как можно полнее и лучше осуществлял бы на практике колониальную политику царизма.

² С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 242; Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 30—31.

³ С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 248.

С образованием Дагестанской области и упразднением ханской власти во всей Кумыкии, так же как и по всему Дагестану, вступает в полную силу система «военно-народного» управления, отвечавшая всем требованиям колониального режима и национального угнетения. Она сосредоточивала всю полноту власти в руках военной администрации, которая, в свою очередь, опиралась на местную феодальную знать, также привлекаемую к управлению местным населением. В том же 1860 г. была учреждена канцелярия начальника Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре.

Во главе управления Дагестанской области был поставлен особый начальник, подчиненный непосредственно главноначальствующему на Кавказе и сосредоточивший в своих руках не только административно-политическую власть (гражданскую с правами генерал-губернатора, а по управлению «туземными племенами» — с правами, определенными особым положением), но и военную по званию командующего войсками области⁴ на правах командира корпуса. При начальнике области состояли: штаб командующего войсками области и канцелярия начальника области. Штабом управлял начальник штаба, а канцелярией — правитель. Канцелярия, в свою очередь, состояла из двух отделений: в первом сосредоточивались дела по гражданскому управлению краем, во втором — по управлению «туземными племенами».

В пределах военно-административной власти начальнику области было, в частности, предоставлено право: 1) употреблять «оружие против возмущившихся и упорствующих в повиновении жителей»⁵; 2) предавать военному суду за измену, возмущение против правительства и поставленных властей, за неповиновение начальству и похищение казенного имущества; 3) высылать из области в административном порядке «вредных и преступных жителей»; 4) право утверждать приговоры судов⁶ и т. д.

Общим законам империи были подчинены лица, не принадлежавшие к коренному населению, но проживающие в области. Это было городское население и население, проживающее в районе военных округов, в штаб-квартирах, т. е. главным образом русское население. Что касается местных жителей, то они управлялись по особым военно-уголовным законам. Для первой категории населения судопроизводство осуществлялось через Дагестанский областной суд (гражданский и уголовный)⁷, а для второй, т. е. для «туземцев», — через дагестанский «народный суд». Состав последнего (председатель, семь депутатов — по одному от каждого округа, два кадия и письмоводитель) назначался командующим войсками области. Председатель суда утверждался еще и наместником Кавказа. Решения суда, хотя и принимались большинством голосов, но непременно передавались на утверждение командующего войсками, т. е. начальника области, от воли которого зависело утверждение, отклонение или передача «на благоусмотрение» главнокомандующего кавказской армией. Таким образом, начальник Дагестанской области являлся высшим представителем самодержавной власти, осуществлявшим здесь как общую колониальную политику царизма, так и военную и административно-политическую власть.

В 1883 г. упраздняются должности командующего войсками области, военных начальников отделов, а также штаб войск области. Управление областью передается военному губернатору, должность которого просуще-

⁴ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 20; ЦГА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 8, л. 8.

⁵ Е. И. Козубский. Там же, стр. 20.

⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 8, л. 8.

⁷ Ведению этого суда подлежали уголовные и гражданские дела, решения которых превышали власть дербентской городской полиции и начальника порта г. Петровска.

ствала до свержения царизма. В Дагестанском «народном суде» председательствовал теперь помощник военного губернатора. Решения суда по новому порядку утверждались военным губернатором.

В административном отношении, как уже было сказано, область была разделена на четыре отдела. Отделы, в свою очередь, делились на округа, а округа — на наибства, позднее (с 1900 г.) — на участки. Темир-Хан-Шуринский округ, например, находился в ведении начальника Северного Дагестана (до 1883 г.) и был разделен на наибства: Темир-Хан-Шуринское, Таркинское, Чирюртовское, Карабудахкентское, Дженгутайское и Оглинское. Округ управлялся окружным начальником, который имел помощников из числа штаб-офицеров. В ведении окружного начальника находились военное управление и окружной суд, состоявший из депутатов, кадия и письмоводителя.

На начальников отделов и округов возлагались: строгий надзор «за расположением умов населения» в отделе и округе, наблюдение за деятельностью суда, раскладка натуральных повинностей, устройство и исправное содержание дорог и т. д. Этими же начальниками разрешались гражданские иски и тяжбы, возникающие между жителями отделов или округов, первым — на сумму до 200 руб., а вторым — на сумму до 100 руб. Они разбирали и решали также все дела о мелких преступлениях и проступках жителей (воровство, ссоры и т. д.). Как начальник отдела, так и начальник округа имели право наказывать лиц «простого звания» розгами (от 10 до 100 ударов) и арестом (от 1 дня до 3 месяцев), а лиц привилегированного сословия и имеющих военные или гражданские чины — арестом до 7 дней.

Начальники наибств или участков также назначались из числа штаб-или обер-офицеров. Наибам, кроме обязанностей по «наблюдению за настроением населения», предоставлялось право разрешать мелкие споры между жителями⁸. Окружной суд, на котором председательствовал окружной начальник, рассматривал дела по гражданским спорам, воровству, дракам, увозу женщин, разводам, разделу имущества и т. д. Разбор дела происходил гласно и словесно, с ведением только книги записи для жалоб и решений по ним. Решения выносились большинством голосов. Суд производил разбирательство по адатам и шариату. По адатам в качестве судьи выступали знающие адаты депутаты суда, а по шариату — кадий. Кадий и другие депутаты утверждались командующими войсками области. Недовольные решением окружного суда приносили жалобы военным начальникам или командующему войсками области, т. е. начальнику области, который выносил окончательное решение или передавал дело в Дагестанский «народный суд».

Более важные дела (измена правительству, восстание и т. д.) не подлежали разбирательству в окружных судах. Вопросы такого характера разбирались военно-полевыми судами. Представители местного населения судились по общим законам империи в том случае, если преступление совершено ими на территории, не подчиненной военно-народному управлению, кроме того, если в судебном процессе в качестве одной из сторон фигурировали не местные люди (русские, грузины, армяне и т. д.), не подчиненные военно-народному управлению.

В 1875 г. был упразднен Дагестанский областной суд. Вместо него в Дербенте, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре в 1876 г. были открыты мировые отделы, которые руководствовались судебными уставами 1864 г., но с теми изменениями, которые предусматривались «Положением» от 22 ноября 1866 г. «О применении судебных уставов 1864 г. в Закавказье». Мировые отделы находились в ведении Тифлисской судебной палаты

⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 8, лл. 8—10.

и Бакинского окружного суда⁹. Мировые судьи назначались заместником Кавказа. Суд разбирал мелкие гражданские и уголовные дела. При мировых судьях состояли следователи, которые вели следствие по уголовным делам.

Большая роль в судебной практике принадлежала присяжным поверенным. Им доверялось ведение всех дел во всех видах судебного разбирательства и во всех инстанциях суда.

Сельское управление

Сельское общество составляли жители одного селения, имеющие в нем постоянное жительство. Если при селении были хутора, к данному обществу приписывались и хуторяне.

Для решения важных общественных дел (вопросы землепользования, водопользования, выборы должностных лиц, раскладка повинностей, штрафы и т. д.) общество созывало сход. Сельский сход состоял из совершеннолетнего мужского населения. К участию в работе схода допускался только один человек от дыма, причем самый старший в семье. Лишь по уважительным причинам глава семьи мог уступить свое представительство другому члену семьи (старшему после себя). Женщины к участию в сходе не допускались так же, как фактически не допускалась и молодежь.

Всеми делами общества управлял старшина. Только он мог созвать джамаат, и первое место на сходе принадлежало старшине. Лица, созвавшие собрание без ведома начальства, подвергались строгой ответственности. Решения сельского схода признавались законными лишь в том случае, если сход проводил старшина или его помощник. Жалобы на решение сельского схода приносились через наиба окружному начальнику. Начальник округа, если он самостоятельно не мог решить вопроса, передавал жалобу в высшую инстанцию. На решение дел, кроме старшины, большое влияние оказывала эксплуататорская верхушка селения.

Согласно «Положению о сельских обществах», утвержденному главнокомандующим армией в 1868 г., сельский старшина должен был исполнять беспрекословно требования начальства и объявлять его указания и распоряжения народу, докладывать начальнику о «преступлениях и беспорядках», случившихся в селении, а также о «распространителях между жителями вредных для общественного спокойствия слухов»¹⁰, наблюдать за исправным отбыванием жителями казенных натуральных и денежных повинностей, за исполнением всеми сельскими должностными лицами своих обязанностей. Старшина должен был всячески содействовать «безопасному и безотлагательному следованию через территорию села воинских частей и (других лиц) и т. д. Старшина имел право наказывать членов общества отправкой на работу до двух дней, подвергать денежному штрафу до 1 руб. или аресту на срок до двух дней.

Сбор казенных повинностей производился обычно специальным сборщиком под непосредственным наблюдением старшины селения. Положением о сельском управлении предусматривалась отдача «самого недоимщика или кого-либо из членов его семейства в посторонние заработки в том же округе или соседственном» с условием «обратить заработанные деньги для погашения задолженности»¹¹.

В отдельных случаях сельская администрация определяла к недоимщику специального опекуна, без разрешения которого не позволялось

⁹ Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края, стр. 25.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 1, л. 35.

¹¹ ЦГА СО АССР, д. 41, оп. 5, д. 4288, л. 87.

«неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его дохода до пополнения недоимки»¹². Если у крестьянина нечего было отбирать, если и другие меры не приносили ожидаемых результатов, то администрация заставляла общество вносить налоги за него с тем расчетом, чтобы к 15 января следующего года погасить все недоимки. В противном случае начальник округа применял против общества «законную силу»¹³.

За свою службу старшина получал от царской администрации определенную плату. Кроме того, он пользовался большими льготами в землепользовании, водопользовании и т. д.

За счет сельского общества нанимался кадий. Кроме контроля за деятельностью религиозных учреждений и школ, он должен был вести судопроизводство по шариату по делам, касающимся наследства, завещаний и опеки, оформлять переписку по управлению сельским обществом и т. д.

Маловажные дела решались сельским судом. Так же как дагестанский народный и окружные суды, сельский суд разбирал дела, руководствуясь адатами и шариатом. Как и раньше, при решении дел по адатам в качестве судей выступали влиятельные старики-карты, а по шариату — кадий. Судьи заслушивали истца, ответчика, свидетелей, а затем большинством голосов выносили решение. Нередко решения суда по тем или иным причинам отменялись военной администрацией, выносившей окончательный приговор.

Кроме свидетелей, значительную роль в судебной практике кумыков во второй половине XIX в. продолжали играть «тусевы» (соприсяжники) и «айгаки» (доказчики)¹⁴.

Кроме суда по шариату и адатам, у кумыков существовал суд по маслаату, когда дела решались с помощью посредников, избранных тяжущимися.

В сельском управлении по-прежнему определенную роль играли «чауши» (бегеулы, мангуши) — исполнители распоряжений старшины и «тургаки» (стража). «Тургъакъы» (тур — вставай и къакъ — бей), назначавшиеся по наряду, выполняли полицейские обязанности. Они наблюдали за порядком на общественных землях, за потравой посевов, сенокосов и т. д.

Сельскими старшинами, их помощниками, кадиями, судьями, муллами назначались «политически благонадежные» люди, заслуживающие доверия военного начальства, независимо от возражений населения. Поэтому должностные лица утверждались начальником округа и начальником отдела области. Все они должны были «верой и правдой» служить царскому правительству и зорко следить «за умами и настроениями обществ».

«Выборы» в сельские и окружные управления составляли только формальную сторону дела, за которой скрывался классовый подход к подбору должностных лиц, колониальный режим. Войдя в доверие к начальству, эти должностные лица жили за счет сельского общества, творили насилия, бесконтрольно распоряжались общественным богатством, занимались взяточничеством и т. д. Для их характеристики достаточно указать на жалобы, относящиеся к 1906 г., жителей сел. Султан-Янги-юрт Темир-Хан-Шуринского округа. Перечисляя «насилия, причиняемые старшиной», они указывали, что старшина без разрешения общества сдал их участок в аренду «под охоту начальнику округа на 80 рублей» и деньги присвоил, продавал таким же образом и другие лесные участки; без разрешения общества пахал общественные земли для себя; без всякой нормы

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 88.

¹⁴ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 319—327; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., ч. II, стр. 208—210.

возил лес для себя и для родственников; тратил общественные деньги неизвестно куда, не обращая внимания на претензии общества; брал взятки, «не брезгая даже 10 копейками». Он вел «дружбу с ворами» и получал «от них чай; например, когда у еврея Ханата украли корову, то при обыске у старшины нашли шкуру и мясо»¹⁵.

Но жалобы обществ не проверялись, а если даже и проверялись, то, как правило, это не приводило к желаемым результатам. Царская администрация строго требовала от должностных лиц, в том числе от старшины, только точного исполнения ее распоряжений.

Таким образом, вторая половина XIX в. характеризуется рядом преобразований общественно-политического управления Кумыкии, ликвидацией феодальной раздробленности и разобщенности, упразднением ханств и созданием единой системы административно-политического управления, включающей край в состав России, что является прогрессивным явлением в истории народов Дагестана, в том числе кумыков.

2. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1865—1867 ГГ.

Как уже отмечалось выше. Кумыкская равнина в рассматриваемое время была краем сравнительно развитых феодальных отношений. Доминирующее положение занимало крупное землевладение, выросшее на основе экспроприации земель рядовых общинников. Несмотря на преобладание натурального хозяйства, с середины XIX в. начинают играть заметную роль и элементы капитализма. С развитием капитализма в России Дагестан, особенно его равнинная часть, все более и более втягивается в русло общероссийского рынка. Ускоренно идет процесс общественного разделения труда. Под влиянием складывавшихся товарно-денежных отношений среди кумыкских помещиков развивается предпринимательство. Характерно, что часть помещиков постепенно начинает улучшать оросительную систему, применять более совершенные сельскохозяйственные орудия. Увеличивается производство хлеба на рынок. «Производство хлеба помещиками на продажу, — писал В. И. Ленин, — особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹⁶.

Большое распространение получают посевы трудоемких технических культур, в первую очередь марены. В 1859 г. на землях одного только Али-султана Казаналичова было занято под мареной 1000 десятин земли¹⁷. Особенно интенсивно развивалось земледелие в Хасавюртовском округе, который считался «житницей Терской и Дагестанской областей»¹⁸.

К середине XIX в. все больше ощущается конфликт между развивавшимися производительными силами и старыми, являвшимися уже тормозом, производственными отношениями. В. И. Ленин указывает, что «Страна, в которой происходит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой»¹⁹.

Крестьянская реформа 1865—1867 гг. явилась следствием развития русского капитализма вширь, а также экономического развития самой Кумыкской плоскости.

Основной общественной силой, активно борющейся за ликвидацию феодально-крепостнических отношений, были закрепощенные крестьяне,

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 10, л. 1.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 3, д. 43, лл. 4—5.

¹⁸ ЦГА СО АССР, ф. 52, оп. 1, д. 89, л. 25.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 60.

которые заставили кавказскую администрацию заняться этим вопросом. «Народ... испытывает всю тягость нового положения,— писал С. Эсадзе о Кумыкской плоскости,— настойчиво начал домогаться у владельцев разграничения прав на земли. Такая настойчивость привела, наконец, к положительным результатам»²⁰.

Антифеодальное движение в Кумыкии росло с каждым годом, особенно после отмены крепостного права в России. Феодално-зависимое население Кумыкии требовало отмены рабства, освобождения чагаров, прекращения тяжелой феодальной эксплуатации, наделения крестьян землей на права собственности и т. д.²¹

Царское правительство, хотя и защищало интересы местной феодальной знати, все же не могло не видеть опасности со стороны трудового народа. Заняться реформой существующих отношений вынудили царскую администрацию не только бесконечные жалобы на рост феодальных повинностей, не только волнения крестьян, но и жалобы самих феодалов Кумыкии на «домогательства» поселян «присвоить себе владельческие земли и на уклонение от повинностей, которые они отбывали отцам их»²². Кавказская администрация решила заняться прежде всего определением существовавших личных и поземельных прав населения Дагестана. Для этого Главный штаб Кавказской армии затребовал от канцелярии начальника Дагестанской области сведения о существующих отношениях между феодальным и зависимым сословиями, об их правах, повинностях и т. д.

Кавказская администрация считала, что «приведение в известность поземельных прав здешнего высшего сословия и других отношений его к поселянам... представляет весьма значительный труд»²³, а что касается реформы, то с этим вопросом она не торопилась. Нужно заметить, что первая попытка более подробного изучения сословно-поземельного вопроса на Кавказе, в частности и в Дагестане, делается в 30-х годах XIX в. при Паскевиче.

В 1830 г. тарковский шамхал представил «всеподданнейшее прошение» о том, чтобы дагестанским владетелям (князьям, ханам, бекам) было «соблаготволено пожаловать права, титулы и почести, какие имеют князья и дворяне российские»²⁴. В том же году, 4 июня, Паскевич писал Нессельроде по поводу указанного ходатайства шамхала, что он уже начал изучать сословный вопрос на Кавказе и заниматься «предположением на счет сословия дворян вообще во всем Кавказском крае, в том числе и Дагестане, и вскоре будет иметь счастье представить оное на благоусмотрение его императорского величества»²⁵.

Одним из первых актов в определении сословных и имущественных прав феодальной знати Кавказа, в частности Дагестана, можно считать «высочайший рескрипт» от 6 декабря 1846 г., по которому правительственные мероприятия 1841 г. о лишении земельной собственности ханов, агаларов, меликов и других лиц «высшего сословия» мусульманских районов Закавказья и передачи их имений в казну признавались «мерою ошибочною», земли эти подлежали «возвращению прежним владельцам»²⁶. По

²⁰ С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 447.

²¹ Пршение поверенных общества сел. Кумторкала. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, л. 40.

²² Копия записки об учреждении особой комиссии, которую предложено составить для определения личных и поземельных прав высшего сословия во владении Тарковском, ханстве Мехтулинском и наибстве Присулакском. ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 7.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 7.

²⁴ АКАК, т. VII, стр. 535.

²⁵ Там же, стр. 538.

²⁶ В. Линден. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917, стр. 34.

этому рескрипту за ханами, беками, меликами и другими лицами утверждались в потомственном владении как земли, пожалованные им царским правительством, так и все те земли, «коими роды их обладали во время присоединения мусульманских провинций к России»²⁷.

Издав такой рескрипт, царское правительство имело в виду создать здесь себе крепкую опору для колониального порабощения трудового народа. «За сим мы твердо уверены, — говорилось в рескрипте, — что высшее мусульманское сословие Закавказского края, обеспеченное в способах своего существования утверждением за членами оногo тех земель, коими они ныне пользуются, будет всегда готово... являться в ряды наших храбрых воинов и отправлять с ревностью и усердием те обязанности, которые будут на это сословие возлагаемы»²⁸.

Царское правительство этим актом признало за феодалными владельцами мусульманских районов Закавказья бесспорное право на потомственное владение населенными имениями, право полной земельной собственности. Одновременно возвращались на тех же условиях и земли, отнятые у них по закону 1841 г. По распоряжению наместника Кавказа командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае князь Аргутинский-Долгоруков 9 июля 1848 г. издал предписание о создании в Дербенте под председательством военного губернатора комиссии, которая, «сбрав сведения о состоящих в пользовании лиц высшего мусульманского сословия здешней губернии имениях, представила бы по рассмотрению оных соображения свои»²⁹.

При попытке применения в отдельных частях Дагестана рескрипта от 6 декабря администрация встретила ряд затруднений, и дальнейшее применение его в Дагестане было приостановлено³⁰.

Наместник Кавказа князь Воронцов счел необходимым отложить приведение «в известность лиц высших сословий» в остальных провинциях Закавказского края, входивших в состав бывших Шемахинской и Дербентской губерний «до определения поземельных прав беков в этих провинциях»³¹.

После кавказской войны царская администрация снова приступила к рассмотрению вопроса о личных и поземельных правах местных владельцев на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. В отдельных областях были созданы самостоятельные комиссии по изучению этого вопроса. В 1860 г. была создана такая комиссия и по Кумыкской плоскости, известная под названием «Кумыкского комитета по правам личным и поземельным туземцев Терской области». В 1863 г. этот комитет был переименован в «Кумыкский окружной отдел комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Терской области».

Перед комиссией была поставлена задача «привести в известность численность туземного населения..., установить его сословные права и количество находившейся у каждой народности земли, распределить земли по племенам, обществам и отдельным «фамилиям», с отграничением владений и составлением на них надлежащих документов...»³². Комиссия должна была заняться и разрешением спорных земельных вопросов между отдельными владельцами.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал манифест об отмене крепостного права в России. В связи с этим начальник Дагестанской области

²⁷ Полное собрание законов Российской империи, собр. 2, т. XXI, отд. 2. СПб., 1847, стр. 617.

²⁸ Там же, стр. 619.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 187, оп. 1, л. 13.

³⁰ В. Линден. Указ. соч., стр. 109.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-г, л. 2.

³² В. Линден. Указ. соч., стр. 77.

князь Меликов 30 марта 1861 г. обратился с докладной запиской о положении в Дагестане к главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому. Указывая на тяжелую картину угнетения рабов их владельцами, начальник области писал, что такие факты будут продолжаться до тех пор, «пока действующее здесь крепостное право не будет ограничено в некоторых своих последствиях». При этом начальник области вовсе не затрагивал интересы местных владельцев. Ограничение крепостного права, по его мнению, должно было заключаться в том, что «владельцы крепостных людей или рабов в Дагестанской области не иначе могли продавать, дарить или иным способом отчуждать своих крестьян, как целыми семействами, а не порознь отдельными членами», что крепостная женщина, которая вышла замуж за узденя, «не могла быть разлучаема с мужем без согласия сего последнего, а дети, рожденные от их брака, — без обоюдного их согласия»³³. Спрашивая у главнокомандующего разрешения объявить об этом, областной начальник считал указанные «ограничения» достаточными «для начала присвоения классу рабов в Дагестане общечеловеческих прав»³⁴.

Эта кудая мера была одобрена Барятинским. В своем отношении от 7 апреля 1861 г. к начальнику Дагестанской области главнокомандующий разрешил объявить эти ограничения. Одновременно он предложил начальникам Кубанской и Терской областей высказать мнение о возможности и степени применения данного распоряжения и в этих областях.

8 февраля 1863 г. командующий войсками Кубанской области граф Евдокимов в докладной записке на имя князя Барятинского сообщает, что он уже приступил к введению в своей области «ограничений владельческих прав, предложенных князем Меликовым»³⁵. Вместе с этим Евдокимов отмечал, что необходимо «изыскать средства не только к ограничению..., но и к постепенному уничтожению состояния холопов или рабов»³⁶. Эта мера, по мнению Евдокимова, будет поддерживать между местными жителями слух об уничтожении рабства и этим самым будет способствовать передаче рабов в другие руки с правом выкупа. Он считал, что желающий приобрести раба должен был внести за него владельцу не цену вообще, а откупную сумму, а новому владельцу холоп обязан работать «известное число лет, однако не более 10 лет»³⁷.

И эта мера была одобрена главнокомандующим, который потребовал от начальников Терской и Дагестанской областей составления подробной записки «об ограничении и уничтожении крепостного права». Проект, предложенный Евдокимовым, был возвращен обратно для сбора дополнительных материалов о холопах, их положении, образовании и т. д. Начальники Терской, Кубанской и Дагестанской областей должны были представить подробные сведения о правах зависимых сословий (речь идет о чагарах, райятах и рабах) на те земли, на которых они поселены и которыми они пользуются, о количестве и видах повинностей, которые они отбывают своим владельцам, о размере средних цен, существующих у различных племен при продаже и аренде земель, о размере выкупной цены крепостных и рабов, об обычаях, на основании которых крепостные и рабы могут приобрести свободу, о численности лиц зависимых сословий по пародностям и округам, о наличии у лиц зависимого сословия лично им принадлежащего имущества³⁸.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71-а, лл. 5—6.

³⁴ Там же, л. 6.

³⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 25, л. 135.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 1.

В 1864 г. в ответ на отношение начальника Терской области о том, что «увеличиваются покупки холопов из других областей», последовало предписание главнокомандующего начальникам Кубанской, Терской и Дагестанской областей о запрещении продажи, дарения и вообще отчуждения рабов из одной области в другую. Что касается продажи рабов в пределах области, то она должна быть засвидетельствована в окружном суде³⁹.

Этим, собственно говоря, и кончаются все «мероприятия» по ограничению рабства в Дагестане.

В 1864 г., спустя три года после образования «Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Терской области» и его «Кумыкского отдела», в Дагестане под председательством статского советника князя Джорджадзе была создана «Временная комиссия для приведения в известность личных и поземельных прав высших сословий во владении Тарковском, ханстве Мехтулинском и Присулакском наместве и размежевания земель их, так и относительно тех правил, кои должны лежать в основании действий комиссии при ее занятиях»⁴⁰.

Комиссия должна была потребовать от указанных владельцев «поколенную роспись своего дома, копии документов (актов, грамот, свидетельств и т. д.), которые давались им как их старшими в роде, так и русскими государями, представителями царской администрации на предмет подтверждения владельческих прав; потребовать подробные сведения о недвижимых имениях, принадлежащих как владельцам лично, так и родственникам». Комиссия должна была собрать подробные данные «об отношениях к поселянам, живущим на землях, принадлежащих лично владельцам», а также «членам их дома»⁴¹. Требовалось, чтобы были установлены и отношения, имевшие место до присоединения Дагестана к России. требовались именные посемейные списки чагаров, кулов, принадлежащих владельцам, с объяснением их местонахождения, прав и обязанностей. Кроме сведений по этим вопросам непосредственно от владельцев, комиссия должна была заняться извлечением из архивов имеющихся документов о правах владельческих сословий.

Комиссия, таким образом, не ставила вопроса о прекращении зависящих отношений и об окончательном разрешении земельных споров. Она занималась лишь изучением существовавших в то время, а также уже отживших земельно-правовых отношений. При этом комиссия нередко ограничивалась показаниями самих владельцев, которые всеми правдами и неправдами пытались доказать исконность своих «прав». Комиссия работала много лет, собрала огромный материал по всем владениям. Кроме лиц, занятых определением сословных отношений, в комиссии было немало топографов для проведения съемочных и межевых работ. На один только год на содержание членов комиссии, без штата топографов, было выделено 3690 руб.⁴² Однако конкретных мероприятий комиссия не предложила.

Несколько более производительно работала сословно-поземельная комиссия в Терской области, в частности ее Кумыкский отдел. В комиссии высказывались разные мнения относительно прав кумыкских князей и сала-узденей на земли, объявленные их собственностью. Одни считали, что большая часть занимаемых кумыкскими князьями земель в первой половине XVIII в. не составляла «чьей-либо собственности», иначе «правительство не дало бы себе право жаловать земельными угодьями поселявшихся

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 141.

⁴⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1037, л. 17; ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 20.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 9.

⁴² Там же, л. 20.

на р. Сулаке и назначать им в правители князей»⁴³. Это означало, что при Петре I эти земли были обращены в государственное достояние. Существовало мнение и о том, что права кумыкских владельцев в прошлом не были ошрделены юридически, и что «по мере того как кумыкские владельцы вследствие занятия русскими кумыкской плоскости теряли свое политическое значение, они старались взамен того укрепить за собою права поземельной собственности, и в итоге несравненно больше причин признать это право за ними, чем за каким-нибудь другим сословием или ногайцами»⁴⁴.

Командующий войсками в Терской области князь Святополк-Мирский не был согласен со многими выводами сословно-поземельной комиссии. В частности, он был не согласен с мнением члена комиссии Н. П. Тульчинского, топографа, производившего межевые работы в Кумыкском (Хасавюртовском) округе Терской области о том, что в течение первой половины XIX в. кумыкские князья, «состоя на русской военной службе в разных офицерских чинах, вплоть до генералов, получали административные должности у себя же дома и эти обстоятельства упрощали и расчищали пути к беспрепятственному завладению общественными землями»⁴⁵.

По мнению Святополк-Мирского, разного рода распоряжения русского правительства, касающиеся Кумыкской плоскости, не могли создать земельные права кумыкских князей, они могли лишь подтвердить имеющиеся здесь земельно-правовые отношения. Существование у кумыкских князей родовых владельческих прав на землю, как он мыслил, не подлежало «ни малейшему сомнению»⁴⁶.

В комиссию поступали многочисленные прошения самих владельцев о разрешении земельных споров между ними, даже тех, которые уже были разрешены судом и кавказской администрацией в предыдущие годы. На рассмотрение комиссии поступали многочисленные прошения и от феодально-зависимого населения.

Под давлением высшей кавказской администрации комиссия решала все вопросы в пользу владельцев. Н. П. Тульчинский справедливо писал, что «по окончании споров оказалось, что вся территория плоскости очутилась в руках князей и узденей, а у народа нет и пяди земли»⁴⁷.

Решив таким способом вопрос о правах кумыкских владельцев, «доказав» принадлежность им всей земли на Кумыкской плоскости, кавказская администрация в дальнейшем встретила большие затруднения.

Нужно было во что бы то ни стало провести земельную реформу, ибо нельзя было совсем лишить земли народ, на глазах у которого феодалы расхищали остатки общинной собственности. В этом у представителей власти не было разногласий. Но большие споры возникли по вопросу о том, как произвести наделение крестьян землей. Кавказская администрация не могла полностью руководствоваться положением реформы 1861 г. в России. Свообразие земельно-правовых отношений на Кумыкской плоскости диктовало необходимость применения иных способов решения этого вопроса с учетом местных условий. Администрация не хотела изымать у владельцев принудительным порядком даже небольшую часть земли. Но в связи с ростом антифеодального движения царская администрация и кумыкская знать все-таки пришли к единому мнению, что надо уступить народу часть земли. Первым актом от 13 июля 1864 г. владельцы соглашались уступить только $\frac{2}{5}$ занятых ими земель. В этих переговорах активное

⁴³ Н. П. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. «Терский сборник», вып. 6, 1903, стр. 80.

⁴⁴ Там же, стр. 83.

⁴⁵ Там же, стр. 84.

⁴⁶ Там же, стр. 82.

⁴⁷ Там же, стр. 85.

участие принимал начальник Терской области граф Лорис-Меликов, пользовавшийся большим влиянием на кумыкских феодалов.

Все это вызвало большое недовольство рядовых узденей. 20 июля 1864 г. жители сел. Аксай писали: «Мы слышали, что правительство, с согласия всех кумыкских землевладельцев, разделяет землю на пять частей, из которых две части отдадут народу и три части — владельцам. На такой раздел мы не согласны по той причине, что две части слишком недостаточны для нас»⁴⁸. Под давлением протестов крестьян царская администрация и феодалы вынуждены были пойти на уступки. По новому проекту крестьянам выделялась половина земли.

Актом от 5 февраля 1865 г., составленным в присутствии начальника области Лорис-Меликова в Хасавюрте, владельцы Кумыкской плоскости уступили половину всех занятых ими земель безвозмездно⁴⁹. Что касается второй половины земли, то правительство должно было утвердить ее за владельцами на правах полной собственности с выдачей соответствующих документов. Проект распределения земель между владельцами и сельскими обществами 12 ноября 1867 г. был утвержден правительством⁵⁰.

После утверждения данного акта комиссия приступила к размежеванию земель между владельцами и населением. Весь земельный фонд Хасавюртовского округа, находившийся до реформы в пользовании обществ и владельцев, за исключением 17 411 десятин казенной земли, представленной восемью участками⁵¹, составлял 400 750 десятин⁵². Всего в округе насчитывалось 7284 дыма, из них владельческих 162⁵³. Из этого количества землевладельцы получили на правах полной собственности 347 лучших участков с общей площадью в 186 311 десятин⁵⁴, а 7122 двора зависимого населения, куда входили также чагары и теркеменцы⁵⁵ общей численностью 2313 душ, на правах общинного пользования — 203 123 десятины⁵⁶. Из 7122 дворов зависимых крестьян 1547 дворов составляли кочующие ногайцы, объединенные в три куба (общества)⁵⁷. В среднем на двор кумыкской семье приходилось по 28 десятин, кочующим ногайцам — 36 десятин. Земля, отведенная ногайцам, была худшей. При этом совершенно не были наделены землей 299 семейств чеченцев, ауховцев, сала-тавцев и других горцев, переселившихся на Кумыкскую плоскость после 1850 г. Лишены были права получения наделной земли и 142 семейства горских евреев⁵⁸, хотя они и имели давнюю оседлость на этой территории. Поэтому после реформы часть горцев вынуждена была расселиться по разным местам Дагестана⁵⁹ в поисках клочка земли, другая же часть попала в помещичью кабалу.

В то же время, по предписанию главнокомандующего Кавказской армией, около 2000 десятин лучшей земли отводилось «до особого назначения» в распоряжение кавказской администрации⁶⁰ в дополнение к имеющимся

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 47.

⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 202; Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 86.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 119.

⁵¹ Там же, д. 7, л. 59.

⁵² Там же, д. 3, л. 206.

⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 13, л. 92.

⁵⁴ Там же; Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 88.

⁵⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1053, л. 5; ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 1; ССКГ, вып. 1, стр. 40.

⁵⁶ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 88.

⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 207; Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 88.

⁵⁸ П. А. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, вып. II, 1869, стр. 45.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 1.

⁶⁰ Там же, д. 7, л. 59.

17 411 десятинам казенной земли. С целью создания для себя фонда бесконтрольных расходов кавказская администрация отдала рыбные промыслы «в водах, берега которых отошли к народу», на откупное содержание, якобы для обращения доходов «с них в общественные суммы», в то время как такие же промыслы, доставшиеся владельцам, оставались в их исключительном владении⁶¹. При разделе земли царская администрация старалась во всем угодить частным землевладельцам, хотя акт гласил: «передел земли, подлежащей народу, сделать безобидно для обеих сторон». В акт был включен также специальный пункт, гласящий: «если раздел... сделает народ, то выбор половины предоставляется князьям и узденям-землевладельцам, если же раздел сделают князья и уздени-землевладельцы, то выбор половины предоставляется народу»⁶². Однако частные землевладельцы сумели при поддержке администрации оставить за собой лучшие земли, с хорошо налаженной оросительной системой. «Порядок пользования существующими водопроводными канавами и устройство новых оставить на тех же основаниях, кои существовали до настоящего времени», — гласила инструкция о распределении земель. Понятно, что лучшие водоотводные каналы принадлежали здесь одним только феодалам. То же самое следует сказать о садах, мельницах, маренных плантациях⁶³.

Выступая яркой защитницей интересов местной феодальной знати, царская администрация шла даже на разрушение селений, на переселение жителей из родных мест по разным аулам. Так, в угоду князьям Каплановым, крестьяне сел. Джабаюрт, жившие на выделенной этими владельцами земле, были расселены по разным аулам⁶⁴. Несмотря на законный протест обществ против неправильного раздела участков в пользу владельцев, им, однако, безотлагательно, без разбора жалоб пострадавшей стороны, выдавались соответствующие документы (планы, межевые книги и т. д.), удостоверяющие их полную собственность на отведенные им участки. Что касается другой части земли, отводимой обществам, то она мало тревожила администрацию.

Земля, отведенная народу, была обозначена лишь временными границами. По предписанию главнокомандующего Кавказской армией было начато составление подробной проектной карты окончательного распределения между обществами земли, но в 1870 г. приостановлено. Для составления такой карты считалось «необходимым... предварительное производство точно-хозяйственной съемки, для успешного выполнения коей требовались все наличные технические силы»⁶⁵. Начальник Терской области только 24 декабря 1901 г. представил на утверждение командующему войсками Кавказского военного округа проектный план окончательного распределения земли между селениями⁶⁶.

Отвечая на вопрос о том, как кумыкские владельцы согласились безвозмездно уступить часть земли крестьянам, Н. П. Тульчинский, на наш взгляд, справедливо указывал, что здесь нельзя «взять в образец реформу 1861 года», так как народ сохранил свежую память о завершении захвата феодалами общинных земель в XVIII и начале XIX в.⁶⁷

И после крестьянской реформы часть бывших феодально-зависимых крестьян продолжала находиться в «обязательных отношениях к владельцам». Вместе с тем с 1 января 1866 г. все бывшее зависимое население, в том числе и временно-обязанное, было обложено подъемной податью в

⁶¹ П. А. Гаврилов. Указ. соч., стр. 46.

⁶² Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 86.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 7, л. 60.

⁶⁴ Там же, л. 59.

⁶⁵ Там же, д. 3, лл. 119, 207.

⁶⁶ Там же, л. 224.

⁶⁷ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 59, 85.

размере 3 рублей с двора⁶⁸. Причем указывалось, что «увеличение потребностей местного управления повлечет за собою и увеличение источников для их удовлетворения»⁶⁹, т. е. увеличение налогов. Оставались и другие повинности, отправляемые в пользу царской администрации, в частности тяжелая аробная повинность. Царская администрация, в целях всемерного увеличения податей облагала общества по числу отведенных аулам подымных наделов, а не по числу фактически пользующихся землей дымов. Общества должны были вносить подать и за те семейства, которые фактически не пользовались землей по бедности или по другим причинам⁷⁰.

Крестьянская реформа 1865 г. на Кумыкской плоскости не затронула самую бесправную категорию населения — рабов, которых в Хасавюртовском округе накануне реформы насчитывалось 276 семейств⁷¹, или 944 души⁷². В 1866 г. кавказская администрация все же была вынуждена вернуться к этому вопросу. Начальник Хасавюртовского округа полковник Вояковский поставил перед владельцами вопрос о необходимости освобождения рабов, потребовал представить соображения, на каких началах и когда можно будет осуществить это мероприятие.

В письме от 9 ноября 1866 г. рабовладельцы писали: «Мы, князья и уздени, по своим неспособностям к физическому труду и общественному положению в народе, положительно не можем быть годны ни для какой черной работы, а потому с отходом от нас дворовых людей принуждены будем заменить их вольнонаемными людьми... Мы льстим себя надеждой, что высшие власти не откажут нам своим сочувствием... просим во всем этом оказать нам ходатайство»⁷³. Рабовладельцы не отказывались совершенно от освобождения рабов, но предлагали свои условия. Они требовали: а) предоставить им годичный срок для освобождения своих рабов; б) срок уплаты выкупа установить от 4 до 6 лет; в) установить выкупную цену для рабов до 10-летнего возраста — 100 руб., до 15-летнего — 150, от 15 до 50 — 400, от 50 до 70 лет — 100 руб. серебром (старика старше 70 лет освобождались бесплатно); в) разрешить рабам выкуп личным трудом, если они «найдут для себя отяготительным денежный выкуп»⁷⁴.

В 1867 г. кумыкские владельцы приступили к освобождению рабов. Условия освобождения целиком и полностью исходили из интересов рабовладельцев. Выкупная цена устанавливалась в пределах 200 рублей, а предельный срок выкупа 4—6 лет. Рабы, не имевшие возможность внести денежный выкуп, должны были поработать на владельца в течение 4—5 лет, т. е. находиться во временно-обязанных отношениях. Все движимое имущество, находившееся в пользовании раба, делилось пополам между ним и владельцем. Освобожденные семьи рабов приписывались к разным сельским обществам, наделялись наравне с крестьянами земельными наделами и облагались подымной податью по истечении восьмилетнего срока со дня освобождения. Для проведения процедуры освобождения рабов был учрежден «мировой посреднический суд». После его упразднения все споры, возникавшие между бывшими рабами и владельцами, должны были разбираться в окружном «народном» суде⁷⁵.

Таким образом, освобождаемые рабы должны были вносить значительные суммы, которые редко кто из этого сословия мог иметь. Большинство

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 7, л. 65.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, л. 59.

⁷¹ Там же, д. 3, л. 1.

⁷² Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области. ССКГ, вып. 1, 1869, стр. 40.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 44-а, л. 3.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 4, д. 56, л. 8.

рабов должно было находиться во временно-обязанных отношениях до внесения полной выкупной суммы. Следует также иметь в виду, что платить приходилось не одному человеку, а всем взрослым членам семьи. Многочисленные материалы судебных органов показывают, в каких трудных условиях «освобожденные» рабы выплачивали выкуп, как их преследовали владельцы и как царская администрация вынуждала платить и тех, кто по состоянию здоровья непригоден был к работе. Так, например, бывшая рабыня (караваш) узденки Ажав Клычевой Насипли Джамагулова в своем прошении (1872 г.) на имя пристава 2-го участка укрепления Хасавюрт пишет, что она 24 апреля 1867 г. была отпущена на волю за 170 руб. серебром с рассрочкой на 6 лет. Вскоре после освобождения Насипли «заболела костоедом ноги. Она не могла работать, кормил ее брат. Но бывшая хозяйка требовала выплаты денег». Насипли просила пристава освободить ее от выплаты как нетрудоспособную. Ее болезнь была засвидетельствована врачом. Врач писал, что «уже несколько лет страдает больная», что образовалась у нее язва. Дело разбиралось в канцелярии начальника Терской области. Решение было следующее: «Так как на основании 4 пункта инструкции бесплатно могли быть освобождаемы те холопы, которые оказались увечными и одержимыми неизлечимыми болезнями при самом совершении выкупных сделок, а просительница заболела после этого, то, следовательно, право бесплатного выкупа на нее распространено быть не может»⁷⁶.

Решение сословно-поземельного вопроса в других частях Кумыкии, т. е. в Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и Присулакском наибстве, затянулось на еще более длительный срок. Как было указано выше, в 1864 г. была создана «Временная комиссия для приведения в известность личных и поземельных прав высших сословий во владении Тарковском, ханстве Мехтулинском и Присулакском наибстве». К 1867 г. в результате четырехлетней работы комиссией был собран огромный материал по сословно-правовым отношениям в этих владениях. Были, в частности, собраны материалы о численности населения в данных владениях, о видах и размерах повинностей и податей с зависимого населения, о доходах по всем статьям. Производя подсчет, сколько тарковский шамхал и мехтулинский хан имеют дохода от личного зависимого населения, комиссия установила, в частности, что из 5440 дворов шамхальства в зависимых отношениях к князю Шамсудину Тарковскому находилось 2784 двора⁷⁷. Годовой доход с недвижимых имений шамхала тарковского (вместе с доходом с Улусского магала) составлял примерно 34 000 руб. Подати, вносимые 2784 дворами, находившимися в зависимых отношениях к нему, в переводе на деньги составляли ежегодно 7193 руб. серебром⁷⁸. Комиссией был внесен ряд предложений, «долженствующих определить на будущее время отношение к землевладельцам»⁷⁹ зависимого населения по этим владениям. Ставя вопрос перед этими владельцами о проведении крестьянской реформы, кавказская администрация обещала вознаградить их должным образом.

В день открытия Темир-Хан-Шурийского округа, куда входило и шамхальство (1 августа 1867 г.), тарковский шамхал сообщил начальнику Дагестанской области о своей готовности освободить от зависимых отношений всех лично ему обязанных крестьян селений Тарки, Большие Казаници, Халимбек-аул, Буглен, Урма, принадлежащую ему лично четвертую часть сел. Гелли, чагаров, живущих в сел. Тарки, шамхальских погайцев — всего 2784 дыма. Он просил начальника области князя Меликова объявить

⁷⁶ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 4, д. 46, л. 10.

⁷⁷ «Шамхалы Тарковские», ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 69.

⁷⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 2617, лл. 2—3.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 15, л. 56, л. 26.

об этом населению при открытии округа. Вознаграждая князя Шамсудина Тарковского, правительство назначило ему потомственную пенсию в 7000 руб.⁸⁰

Комиссией были подготовлены данные и по Мехтулинскому ханству. По этим данным в Мехтулинском ханстве насчитывалось около 3450 дворов, или 15 932 души обоего пола. Из этого количества во временно-обязанных отношениях к самому хану находилось 1515 дворов. Доходы мехтулинского хана от зависимого населения составляли около 3766 руб.⁸¹ Кроме того, с летних и зимних пастбищ, сдаваемых в аренду, хан получал 880 баранов, 115 ягнят, 115 кусков⁸² сыра, 400 руб. деньгами⁸³ и т. д.

В июне 1866 г. мехтулинский хан Рашит-хан, получив соответствующее предложение, заявил о своей готовности сложить с себя обязанности по управлению ханством и отказаться от всех временно-обязанных к нему отношений⁸⁴.

В мае 1867 г. правительством было утверждено представление главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению о сложении с мехтулинского хана гвардии полковника Рашит-хана обязанностей и прав по управлению ханством и «на отмену всех повинностей и налогов, отбывавших ему жителями ханства»⁸⁵. Правительство сочло необходимым вознаградить мехтулинского хана единовременным пособием в размере 10 тыс. руб., увеличить на 1 тыс. руб. получаемую им потомственную пенсию, т. е. установить потомственную пенсию в размере 5 тыс. руб. За ним были утверждены также все недвижимые имущества, составляющие бесспорную его собственность⁸⁶.

25 марта 1867 г., согласно сделанному управляющим Северным Дагестаном князем С. Джорджадзе предложению, присулакский владетель Али-Султан Казаналипов⁸⁷ также подал докладную записку, в которой он объявил: «Я решился предоставить жителям селений Султан-Янги-юрт и Чонт-аул навсегда и безвозмездно.. половину всех принадлежащих мне удобных и неудобных земель, леса и воды из водопроводных канав и вместе с тем освободить их от всех нынешних обязательных отношений ко мне по несению в мою пользу разных прямых и косвенных налогов и нарядов по обработке полей»⁸⁸.

Одновременно с этим кавказская администрация добилась согласия тарковского шамхала, мехтулинского хана и других владельцев на освобождение рабов. Во владениях тарковского шамхала, мехтулинского хана и Казаналипова насчитывалось 460 рабов обоего пола. Феодалы изъявили готовность освободить рабов на тех же условиях, на каких они были освобождены в других местностях, в частности в Кумыкском (Хасавюртовском) округе. Был установлен выкуп в размере от 100 до 180 руб. за совершеннолетних, от 50 до 100 руб. за несовершеннолетних обоего пола⁸⁹. Рабы, не имевшие возможности сразу внести выкупную сумму, вступали во временно-обязанные отношения на срок от 4 до 6 лет. Кроме выкупной суммы, которую вносили освобождаемые рабы, нередко и царское правительство, правда, без широкой огласки, шло на вознаграждение рабовладельцев. Так, например, Али-Султану Казаналипову было обещано за осво-

⁸⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 2617, лл. 2—3.

⁸¹ Там же, д. 256, лл. 33—34.

⁸² Кусок — 12—13 кг.

⁸³ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 256, л. 33.

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 15, д. 56, л. 45.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Он имел владения и в Кумыкском (Хасавюрт) округе Терской области и провоздвил раздел своих земель, согласно акту от 5 февраля 1865 г.

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 140-в, лл. 445—446.

⁸⁹ Освобождение бесправных рабов в Дагестане, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 52.

бождение 31 души 3500 руб.⁹⁰ Кавказское горское управление в своем письме от 5 июня 1867 г. предложило начальнику Дагестанской области князю Меликову сделать это «в виде негласной меры, не в пример другим»⁹¹. Со дня объявления о прекращении зависимых отношений все население указанных владений было обложено подымной податью в размере 3 руб. с дыма (вместо прежних 2 руб.)⁹².

Нужно отметить, что крестьянская реформа только частично затронула Тарковское шамхальство и Мехтулинское ханство, основная часть населения которых по-прежнему оставалась в зависимых отношениях к владельцам, уплачивая в то же время налоги в царскую казну. Реформой здесь было охвачено только 4302 двора крестьян, находившихся в зависимых отношениях от шамхала и мехтулинского хана с его чанками⁹³.

Несколько позднее, в 1900 г., прекратило свою зависимость от беков общество сел. Ишкарты, выкупив все повинности по взаимному соглашению. В 1906 г. прекратили зависимые отношения к тарковским бекам и жители сел. Кафир-Кумух⁹⁴. Но даже к 1908 г. в Темир-Хан-Шурином округе в 20 селениях б. Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства насчитывалось 6530 дымов, зависимых от владельцев⁹⁵.

Таким образом, реформа 60-х годов не разрешила земельного вопроса у кумыков, не ликвидировала противоречий между крестьянином и помещиком. Она явилась новым ограблением крестьян, новым их закабалением.

Реформа вообще не затронула значительную часть населения Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства. Зависимые отношения к владельцам здесь оставались вплоть до 1913 г. Реформой совершенно не были затронуты южные кумыки, входившие в Кайтаго-Табасаранский округ (бывшее Кайтагское удийство). Даже часть тех крестьян, которых она непосредственно коснулась по разным причинам, в том числе по причине задержки фактического раздела земли⁹⁶, продолжала находиться на определенном сроке во временно-обязанных отношениях к феодалам и получила название «временно-обязанных».

Так как около 170 феодальных хозяйств в Хасавюртовском округе продолжало владеть значительной и лучшей частью земельного фонда, с хорошо поставленной оросительной системой, крестьяне снова оказались во власти помещиков, арендуя у них земли на кабальных условиях. То же самое можно сказать и о других владениях. Крестьянина теперь угнетали и местные помещики, требуя высокую арендную плату за землю, и царское правительство, постоянно увеличивавшее национально-колониальный гнет.

Сословно-поземельная комиссия в Северном Дагестане в 1868 г. прекратила свою работу, так и не выполнив своей задачи. 21 июля 1869 г. была создана «Комиссия для разбора сословных и поземельных прав жителей южного Дагестана», а равно и для «определения повинностей, кои поселяне должны отбывать бекам и другим землевладельцам означенной части края»⁹⁷. Комиссия должна была охватить округа: Кайтаго-Табасаранский, куда входили и южные кумыки, Самурский и Кюринский. Ею был составлен «Проект поземельного устройства жителей южного Дагестана». Эта комиссия в 1883 г. также прекратила свою деятельность.

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 14-б, л. 2.

⁹¹ Там же.

⁹² Освобождение бесправных рабов в Дагестане, стр. 51 (примеч.).

⁹³ Там же, стр. 52 (примеч.).

⁹⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 370, л. 2.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Раздел земли между присулакским владельцем Казаналиповым и обществами сел. Чонт-ауд, Султан-Янги-юрт не был завершен даже к 1901 г. ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 298, лл. 1—3.

⁹⁷ В. Л и н д е н. Указ. соч., стр. 111.

Взамен упраздненных сословно-поземельных комиссий была учреждена новая «Сословно-поземельная комиссия при канцелярии наместника на Кавказе по военно-народному управлению». В приказе от 28 июля 1898 г. об учреждении, правах и обязанностях этой комиссии главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа ген.-адъютант князь Голицын писал: «Комиссия включается в состав канцелярии моей по военно-народному управлению, с возложением на нее обязанностей как окончания сословно-поземельных дел в местностях, состоящих в ведении военно-народного управления, так и предварительного рассмотрения и обсуждения всех поземельных вопросов, возникающих в этих местностях, по представлениям начальников областей и Закатальского округа, а также по просьбам и жалобам местного населения, с предоставлением ей права требовать по производящимся к ней делам сведения и заключения от местных начальств»⁹⁸.

6, 13 и 17 марта 1899 г. на заседаниях совета при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе обсуждался проект «Положения о поземельном устройстве поселян Дагестанской области, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а также находящихся в зависимости от беков и обществ». Проект вызвал много споров и возражений со стороны членов совета. Члены совета высказались против пункта проекта «Положения», который предоставлял поселянам право собственности на приусадебную землю, сады и мюльки, а также право выкупа полевых угодий. Исходя из опыта внутренних губерний России, члены совета считали, что «пользование крестьян землей на праве собственности представляет весьма опасное условие», что крестьяне, пользуясь этим правом, могут отчуждать свои участки, «образовав, таким образом, из себя безземельный пролетариат». Члены совета предлагали провести реформу по образцу Сибири и Туркестана, где по новому законодательству правительством предоставлено «крестьянам не право собственности на условиях выкупа, а лишь право потомственного пользования»⁹⁹. Много возражений и толков вызвали и другие статьи «Положения». Проект не был принят. Его решили переделать в соответствии с замечаниями членов совета. В дальнейших проектах уже указывалось, в частности, что мюльки, сады и т. д. «оставляются за теми же дымами на праве потомственного пользования»¹⁰⁰.

Для переработки проекта «Положения» в 1901 г. в Дагестанскую область была командирована особая временная комиссия, которая должна была проверить по планам хозяйственной съемки земель Дагестанской области границы фактического землевладения беков и зависимых поселян и собрать в Дербентском архиве сведения по вопросу о применении в Дагестанской области рескрипта 6 декабря 1846 г.¹⁰¹

После долгого обсуждения и внесения в проекты многочисленных изменений и дополнений 7 июля 1913 г. Государственный совет и Государственная дума утвердили закон «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам»¹⁰². Несомненно, что этот акт правительства был ускорен упорной борьбой крестьян Дагестана в период первой русской революции 1905—1907 гг., выступлениями крестьян селений Атлы-Боюи, Тарки, Алборикент, Кяхулай, Агач-аул, Кумторкала, Шамхал-Янги-юрт, Эрпели, Нижнее и Верхнее Казанище, Башли и др. По указанному выше закону в воз-

⁹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 219, л. 1.

⁹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 40, оп. 2, д. 30, лл. 33—34.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ «Земельные отношения в дореволюционном Дагестане». — «Красный архив», 1936, № 6, стр. 125.

¹⁰² Полное собрание законов Российской империи, собр. 3, т. XXXIII. СПб., 1913, стр. 733.

мещение утрачиваемых прав беков на повинности и для одновременного вознаграждения беков и кешкелевладельцев в 1913 г. отпускалось из государственного казначейства 537 273 руб.¹⁰³ Из этой суммы беки Темир-Хан-Шуринского округа получили 61 148 и Кайтаго-Табасаранского округа — 186 121 руб.¹⁰⁴ Освобождаемое население обязано было уплатить в Государственное казначейство 302 309 руб.¹⁰⁵ Сумма эта должна была погашаться освобождаемым от повинностей населением «путем ежегодных равных взносов в государственное казначейство» в течение двадцати лет, начиная с 1 января 1913 г.¹⁰⁶ Для осуществления этого закона был создан целый аппарат штатных работников. Учреждались, в частности, 23 должности мирового посредника, 23 — переводчика при мировых посредниках, 3 — члена Дагестанского областного по крестьянским делам присутствия и т. д. На содержание этих работников ежегодно расходовалось 24 467 руб.

Так выглядела крестьянская реформа в Дагестане вообще, а у кумыков в частности. Приведенный материал показывает, что крестьянская реформа коснулась кумыков ранее других народностей. Здесь она проводилась в основном в 1865—1867 гг., хотя и охватила только часть зависимого населения. Несмотря на свой половинчатый характер, крестьянская реформа в Кумыкии имела большое значение. Она способствовала экономическому и культурному росту населения, дала толчок развитию капиталистических отношений в деревне, хотя этот процесс в отдельных районах происходил очень медленно.

На экономику Дагестана огромное влияние оказало утверждение капиталистических отношений в России. Пореформенная Россия все более и более втягивала Дагестан в общее русло капиталистического развития. В. И. Ленин писал:

«Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку...»¹⁰⁷

3. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ КУМЫКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX В.

Сельское хозяйство

Основной отраслью сельского хозяйства кумыков по-прежнему оставалось полеводство, которое в пореформенный период получило значительное развитие. Большое значение имело применение в полеводческом хозяйстве кумыков более совершенных орудий и дальнейшее развитие системы искусственного орошения.

«Почва обрабатывается в горах исключительно сохой; на плоскости же это первобытное орудие стало заменяться железным плугом. Заметна также потребность в других усовершенствованных орудиях, из коих особенно распространены молотилки как конные, так и паровые», — читаем мы в «Военно-статистическом описании Терской области»¹⁰⁸, в плоскостную

¹⁰³ Там же, стр. 734.

¹⁰⁴ Земельные отношения в дореволюционном Дагестане, стр. 148.

¹⁰⁵ Там же, стр. 105.

¹⁰⁶ Полное собрание законов Российской империи, собр. 3, т. XXXIII, стр. 735.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

¹⁰⁸ Г. Н. Казбек. Военно-статистическое описание Терской области, ч. 1. Тифлис, 1888, стр. 146.

часть которой входила значительная территория кумыков — Хасавюртовский район. Широкой известностью пользовались, например, изделия промышленника Петрова, проживавшего во Владикавказе (по-кумыкски «Бурав-кала» — Железная крепость). Он имел чугунолитейный завод, поставлявший различные усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Кроме реализации продукции своего предприятия, заводчик выписывал из других мест сеялки, усовершенствованные плуги, в том числе «венгерские плуги», и т. д. На заводе Петрова, в частности, производились кукурузные сеялки по образцу выписанной им сеялки, стоившие от 9 до 10 руб. Усовершенствованные плуги завода Петрова, в которые впрягалась пара лошадей, имели ту же силу, что и местные самодельные трех-четырёхпарные плуги; стоимость усовершенствованных плугов равнялась «32 руб., а местных самодельных — 21—25 руб.»¹⁰⁹.

Распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий особенно усиливается со времени строительства Петровской ветки Владикавказской железной дороги. «...С проведением Петровской ветки Владикавказской железной дороги в селениях, земли которых прилегают к ней, Шамхал-Янги-юрт, Чонт-аул, Кафир-Кумух, Муселим-аул, Казанища и других, постепенно вводятся в употребление усовершенствованные железные плуги. Они встречаются даже у кочевников «тарки-ногайцев», — читаем мы в «Обзоре Дагестанской области за 1899 год»¹¹⁰.

Развитие земледелия находилось в прямой зависимости от усовершенствования оросительной системы. В этом отношении можно сказать, что Кумыкская плоскость (Хасавюртовский округ) в пореформенный период сделала значительный шаг вперед. Так как этот вопрос представляет большой интерес, мы дадим здесь краткую характеристику развития оросительной системы на Кумыкской плоскости.

Известно, что на Кумыкской плоскости все посевы должны были поливаться, иначе они не могли дать урожая; неполивные поля были заняты покосами, пастбищами и т. д. Воды рек Аксай, Яман-Су и Ярак-Су разбирались на поля без остатка; только р. Акташ в период сильных дождей в горах доносила свои воды до Аграханского залива.

Самыми значительными водными системами округа являлись системы рек Терек и Сулака, но их воды использовались далеко не достаточно (первая проходила по границе Хасавюртовского округа на расстоянии примерно 120—130 верст, а вторая — 100 верст). Во время половодий эти реки выходили из берегов и приносили населению большой ущерб, затопливая поля, образуя болота — очаги комаров, саранчи и т. д. По обычаям кумыков, вода в реках никому лично не принадлежала и считалась общим достоянием. Однако вода, выведенная из рек в отдельные водоотводные каналы, делалась собственностью строителя канала. При недостатке воды в небольших реках не полагалось строить новые каналы. Использовать же многоводные рр. Терек и Сулак мешали многочисленные причины, среди которых главными были — частная собственность на землю, отсутствие у зависимого населения заинтересованности в развитии оросительной системы и общая техническая отсталость. Значительный толчок улучшению ирригационной системы дали крестьянская реформа 1865—1867 гг. и последующее развитие земледелия у кумыков. В 1873—1875 гг. на Кумыкской плоскости сельскими обществами проводится огромная работа по созданию новых оросительных систем. В этот период были проведены самые значительные водные каналы во всей области: из Сулака — Юзбаш, Шабур с его разветвлениями, из Терека — Юзбаш, Вояковский.

Канал Юзбаш — Сулак-татавул, как его называли кумыки, был построен в 1873—1874 гг. Назывался он Юзбаш-татавул по имени началь-

¹⁰⁹ Сильвестрович. Кукурузная сеялка. «Терские ведомости», 1883, № 48.

¹¹⁰ «Обзор Дагестанской области за 1899 г.». Темир-Хан-Шура, 1900, стр. 50.

ника округа С. Д. Юзбашева, выступившего инициатором строительства этого канала. Он брал свое начало в двух верстах ниже сел. Бавтогай, расположенного на левом берегу р. Сулак, и доходил до самого центра Кумыкской плоскости¹¹¹. На строительные работы выходили все общества, поля которых должен был орошать этот канал. Землевладельцы не выполняли земляных работ, а делали «денежные приношения» для покрытия расходов на строительство искусственных сооружений¹¹². Значение этого канала было так ощутимо, что в его районе быстро возросли площади посевов. «Жители Байрам-аула, — читаем мы в «Очерке состояния орошения в Терской области», — в первый же год устройства канала обработали около 800 десятин вместо 350, как это было прежде, и полагают заняться хлебопашеством на 4500 десятинах..., оставшихся до сих пор по недостатку воды исключительно лишь под пастбищами и покосами»¹¹³.

Другим крупным каналом был Шабуровский канал. Он являлся одной из старых водных систем, но подвергавшейся значительной реконструкции в 70-е годы. Шабуровский канал брал свое начало из Сулака и проходил по юго-восточной части Кумыкской плоскости. Эта система со всеми разветвлениями давала 175¼ баша воды, т. е. орошала свыше 21 000 десятин земли¹¹⁴. Вся тяжесть реконструкции и других ремонтных работ легла здесь на плечах трудового крестьянства. «Землевладельцы, — читаем мы в «Очерке» Вейсенгофа, — должны были участвовать в ремонте денежными взносами пропорционально получаемой воде. Но до сих пор... взносы эти производились крайне неаккуратно, и вся тяжесть содержания канала падает всецело на сельские общества, отбывающие работы натурой»¹¹⁵.

Третьей искусственной водной системой был канал Юзбаш-Терек-татавул, построенный в 1873—1874 гг. Он брал начало из р. Терек, имел длину 32—40 верст и впадал в Аграханский залив¹¹⁶. Юзбаш-Терек-татавул орошал примерно 3800 десятин земли¹¹⁷.

Последним значительным каналом Кумыкской плоскости был канал Вояковского, выведенный из Терека у сел. Джаба-юрт. Канал Вояковского имел длину около 35 верст и разделялся на Тота-татавул, который имел 40 верст длины, и Муса-татавул — 20 верст длины. В общей сложности эта водная система могла орошать свыше 8000 десятин¹¹⁸.

Кроме названных искусственных водных систем, на Кумыкской плоскости соорудались и мелкие каналы.

Система орошения постепенно улучшалась не только на Кумыкской плоскости, но и в Темир-Хан-Шурином округе, в бывших владениях тарковского шамхала, мехтулинского хана и в Присулакском наместстве. По данным 1898 г., в Темир-Хан-Шурином округе имелось 66 больших и малых оросительных каналов общей протяженностью до 285 верст. Ими орошалось до 3500 десятин земли¹¹⁹. В этом отношении самое выгодное положение занимало Присулакское наместство, в частности владения князей Казаналиповых, которым близость к многоводной р. Сулак позволяла в избытке орошать свои поля.

Вместе с развитием новой водной системы возникали новые населенные пункты, развивалось виноградарство и садоводство.

¹¹¹ Вейсенгоф. Указ. соч., лл. 16—17.

¹¹² Там же, л. 18.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время. Рук. фонд НИЯЛ, д. 973, л. 8.

¹¹⁵ Вейсенгоф. Указ. соч., л. 20.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время, л. 8.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.». Темир-Хан-Шура, 1899, стр. 46.

Все эти естественные и искусственные водные системы далеко не полностью удовлетворяли потребности трудового народа, вода была в недостатке только у помещиков и нарождающейся сельской буржуазии, которые всегда находили «основание» в лучшие сроки и в нужном им количестве пользоваться общественной водой. Трудовое же население продолжало ощущать острый недостаток в воде и после строительства новых каналов. В своем прошении жители селений Кумторкала и Кяхулай Темир-Хан-Шурина округа в 1897 г. писали, что их беки в строительстве Сулакского канала не принимали никакого участия, а воду для орошения своих земель берут сколько им угодно. В Кяхулае Исмаил-бек имел «право» пользоваться оросительной водой в течение целого месяца и оставлял жителей без воды в самое засушливое время года¹²⁰, хотя здесь на дым в среднем приходилось только два капа земли.

Для каждого канала или канавы выбирался особый смотритель и измеритель — «курух-баш». Он следил за их исправностью, привлекал от каждого дыма к ремонтным работам по одному человеку в течение пяти-шести дней в году. Не вышедшие на работу по очистке и ремонту каналов лишались надела земли и пая воды¹²¹. Курух-баш в нужное время должен был отделить половину воды из канала для посевов феодальной знати¹²².

В начале большинства каналов устранивались деревянные плюзы, из которых выделялась вода по башам, что имело исключительно большое значение для равномерного распределения воды. Водным «башем» кумыки называли обычно такое количество воды, которым четыре человека поливают один сабан или плуг в течение четырех-пяти дней (12—15 десятин земли). При нормальном «баше» постоянный приток воды составлял примерно 100 л/сек¹²³. «Баш» воды нередко внутри плуга делили на четыре части. Каждая из них называлась «карамух». Четвертая часть «баша» (карамух) давала постоянный приток воды от 25 до 30 л/сек. Таким образом, один человек мог полить лишь одну десятину в день.

При недостатке воды в каналах вода распределялась по дням и часам. Делили воду по жребью. Кумыкская знать самолично распоряжалась общественной водой, поливая свои обширные поля в самое лучшее время. Кумыкские феодалы имели и свои каналы, к которым не имели доступа рядовые общинники. Без жребия получали воду и представители сельского управления, курух-баш и др.

Кумыки предпочитали поливать поля подряд, по течению канала, но это редко удавалось.

Очень много воды поглощали чалтычные (рисовые) поля. «На землях помещиков, так же как и на землях сельских обществ,— читаем мы в упомянутом выше «Очерке»,— громадные пространства заняты чалтыком, поглощающим большую часть воды»¹²⁴.

Земли Кумыкской плоскости и Присулакского наместничества нередко подвергались разрушительным действиям рек Сулака и Терека, которые порою затапливали поля, образуя камышовые болота. «...в 1847 году у деревни Янги-юрта образовался прорыв (имеется в виду р. Сулак.— С. Г.) настолько значительный, что несмотря на причиняемые убытки и затопления, нельзя было его запрудить раньше наступления малых вод. В 1849 г. заграждающие плотины были прорваны вновь и не только повторились затопления, но сообщение на плоскости прекратилось»¹²⁵. Отдельные старожилы Хамамат-юрта Хасавюртовского округа еще помнят, как постра-

¹²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 59, л. 9.

¹²¹ Вейсенгоф. Указ. соч., л. 16.

¹²² Там же, л. 16.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же, л. 20.

¹²⁵ Там же, л. 8.

дало их селение от разливов р. Терек. Это селение стояло раньше на берегу Терека; после наводнения жители покинули селение и обосновались на новом месте ¹²⁶. В целях предупреждения такого рода прорывов население Кумыкской плоскости постоянно возобновляло работу по укреплению береговых плотин.

Иногда и администрация области бывала вынуждена принять участие в этом деле. В 1894 г. начальник Терской области Каханов доносил в штаб военного округа: «Наводнением Сулака истребляются сады. Прошу... согласно ходатайству начальника Хасавюртовского округа распоряжения об отпуске из казенного леса 3000 возов хворосту, 3000 кольев для укрепления берега Сулака» ¹²⁷.

Говоря о землепользовании в пореформенный период, следует отметить, что земли, закрепленные за обществами и обработанные ими, как и прежде, в одних местах находились в общественном пользовании с ежегодными переделами, а в других местах — в подворном пользовании с правом передачи по наследству.

Общинное землепользование имело место главным образом в Хасавюртовском округе.

В пореформенный период значительно улучшилась сельскохозяйственная техника кумыков. Появляются железные плуги, усовершенствованные молотилки, сеялки и т. д. Однако основная часть кумыкского крестьянства до Октябрьской революции не имела возможности приобретать заводские сельскохозяйственные орудия. Только помещики и богатые слои крестьянства были в состоянии применять железные плуги, молотилки, сеялки и другие заводские орудия. Трудовому же крестьянству были доступны только самодельные тяжелые деревянные плуги, требовавшие до четырех пар волов. В предгорной зоне повсеместно употреблялись сохи, деревянные бороны, молотильные доски, серпы и т. д. Поэтому неудивительно, что средний урожай у трудового народа часто не превышал сам-4—5, в то время как в хозяйствах, применявших усовершенствованную технику, на орошаемых землях урожай озимых доходил до сам-9—10 ¹²⁸, а кукурузы — до сам-14 и даже сам-30—40 ¹²⁹.

Недостаток удобных орошаемых площадей заставлял трудовое население прибегать к аренде помещичьей земли. При этом крестьянин-арендатор должен был платить землевладельцу четвертую часть урожая. Если вместе с участком владелец земли давал и семенное зерно, то получал половину урожая ¹³⁰. Во второй половине XIX в., с развитием капиталистических отношений, значительно увеличивается число случаев покупки и продажи земли. С расслоением деревни выкристаллизовывается богатая прослойка крестьян — кулаки, которые постепенно сосредоточивают в своих руках не только большое движимое имущество, но и землю.

По данным Н. П. Тульчинского, к концу XIX в. 58,6% всей земли феодальной знати Кумыкской плоскости было распродано в разные руки ¹³¹ (казне, переселенцам, местным кулакам). В Темир-Хан-Шуринском округе имения многих владельцев были заложены за долги. Наряду с крупными помещиками из шамхальской и ханской фамилий крестьян эксплуатировали и новые хозяева земли — кулаки, сдававшие в аренду земли на кабальных условиях.

¹²⁶ Эти данные сообщил нам житель сел. Хамамат-юрт Махмуд Бекболатов 99 лет, запись 1953 г.

¹²⁷ ЦГА СОАССР, ф. 52, оп. 1, д. 89, л. 10.

¹²⁸ Вейсенгоф. Указ. соч., л. 16.

¹²⁹ Терский календарь и сборник на 1891 г. Владикавказ, 1889, вып. 1, стр. 226; статьи «Терских ведомостей» за вторую половину 1881 г., стр. 407.

¹³⁰ Вейсенгоф. Указ. соч., л. 20.

¹³¹ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 88.

Общинную землю делили прежним способом с применением жеребьевки. В Темир-Хан-Шурином же округе, где и в пореформенный период, вплоть до 1913 г., подавляющее большинство населения продолжало находиться в зависимых отношениях, крупные землевладельцы получали лучшие участки без жребия, в размере 7—8 наделов рядовых общинников¹³². «При разделе земли на местности Гирей-туз,— читаем мы в материалах о сел. Карабудахкент,— сначала выбирают для себя участки, без жребия, местные бекп, каждый по 8 кап посева и воду в надлежащем количестве, затем таким же порядком выбирают для себя чанки по 4 капа посева, а оставшееся затем пространство распределяется по жребию между узденями по расчету на каждого по 2 капа»¹³³.

Без жребия получали участки старшины, курух-баши и другие представители сельской администрации. Курух-баш, например, в Хасавюртовском округе имел право сперва на 4 пая, а потом на 8 паев¹³⁴. Часто курух-баш получал от общества плату деньгами 5 руб. с баша¹³⁵. Лучшие земли переделу по жребию по существу не подлежали.

Почти тот же порядок существовал и при разделах сенокосных участков и воды.

В полеводческом хозяйстве кумыков по-прежнему ведущее место занимали зерновые культуры (пшеница, ячмень, кукуруза, рис, просо), причем главную роль среди зерновых культур играла пшеница. Ее роль еще более возросла с развитием торговли. Тот же Вейсенгоф в 1875 г. писал, что жители Кумыкской плоскости « $\frac{2}{3}$ всех сабанов засевают пшеницей»¹³⁶. «На плоскости культура пшеницы... сделала большой успех в массе туземного населения... Кумыкской и Владикавказской плоскостей...», — писал Г. Н. Казбек в «Военно-статистическом описании Терской области» в 1888 г.¹³⁷ В Хасавюртовском округе, например, в 1884 г. было собрано урожая в четвертях: пшеницы 123 033, ячменя 18 670, кукурузы 21 530, проса 3681, риса — 7696, картофеля — 562¹³⁸.

Во второй половине XIX в., с развитием оросительной системы, заметные сдвиги сделало виноградарство и виноделие. В 1889 г. в одном только Хасавюртовском районе числилось 1859 владельцев садов и виноградников, включая хозяев маленьких участков¹³⁹.

Автор (под псевдонимом «Н») статьи «Несколько дней на Кумыкской плоскости» (1878 г.) отмечал значительные для того времени успехи виноградарей Хасавюртовского округа. «Виноградарство,— писал он,— достигло на Кумыкской плоскости весьма значительных размеров и имеет двойную цель: получение доходов прямо продажей винограда — в целом садом огульно или с ведра получаемого суслу — кушчам..., которые приезжают ко времени уборки и из срезанного винограда дают суслу..., и другая — получение напитка для себя, для собственного расхода или частью на продажу своим сельчанам-кумыкам»¹⁴⁰. Тот же автор указывает на большое распространение среди кумыков местного вина — джаба и муселлес, на сходство муселлес с венгерским вином. О развитии виноградарства и виноделия говорят возраставшие из года в год цифры. Если в 1874 г. в Хасав-

¹³² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 28, лл. 33—34; ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 370, л. 34.

¹³³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, л. 1.

¹³⁴ Это записано 25 августа 1953 г. у ныне покойного жителя сел. Аксай Хасавюртовского района Исмаила Омарова (1863 г. рожд.).

¹³⁵ Вейсенгоф. Указ. соч., л. 18.

¹³⁶ Там же, л. 20.

¹³⁷ Г. Н. Казбек. Указ. соч., стр. 150.

¹³⁸ Там же, стр. 146—152.

¹³⁹ Всеподданнейший отчет начальника Терской области о состоянии области за 1889 г., Владикавказ, 1891, стр. 86.

¹⁴⁰ «Терские ведомости», 1878, № 44.

юртовском округе было выделано 46 000 ведер вина¹⁴¹, то в 1899 г. количество его достигает 51 395 ведер, а сбор винограда определяется в 83 254 пуда¹⁴².

Значительное развитие виноградарство получило также в Темир-Хан-Шурином округе. В 1892 г. здесь было собрано 32 120 пудов винограда и 21 715 пудов фруктов. Из них было продано 23 580 пудов винограда за 17 250 руб. и 18 035 пудов фруктов за 11 501 руб.¹⁴³ В 1898 г. по тому же округу было изготовлено 68 800 ведер вина¹⁴⁴.

В развитии виноградарства и виноделия особенно большой вклад внесли жители сел. Кумторкала Темир-Хан-Шурином округа, славившиеся как лучшие виноградари и виноделы. Однако развитию виноградарства, а затем и виноделия препятствовало отсутствие у населения необходимых агрономических и технических знаний. Очень медленно шло улучшение сортов винограда.

Опыт образцово для того времени поставленного виноградарства и виноделия в имении Воронцова-Дашкова в местности Геджух Кайтаго-Табасаранского округа не был доступен трудовому крестьянству Дагестана. Только в г. Дербенте существовала единственная школа виноделия.

Техника приготовления вина, как правило, была примитивная. Не имея необходимого оборудования для того, чтобы выдерживать вина, виноделы старались как можно раньше, в ущерб своим экономическим интересам, реализовать его по дешевой цене.

В начале XX в. виноделие стало развиваться в г. Порт-Петровске, где крупная московская фирма занималась переработкой местных вин¹⁴⁵.

В пореформенный период заметно развиваются садоводство и огородничество. Одним из главных стимулов, способствовавших развитию этих отраслей земледелия, являлась постройка Владикавказской железной дороги, а также улучшение колесных дорог в Дагестане. Из огородно-бахчевых культур по-прежнему первое место занимали лук, чеснок, фасоль, дыни, арбузы, тыква, хотя значительно увеличиваются и посевы помидоров, капусты и т. д.

С семидесятых годов XIX в. у кумыков начинается заметное падение мареноводства, получившего в свое время большое распространение. Если до 1874 г. Хасавюртовский, Кизлярский и Грозненский округа давали российскому рынку до 80 тыс. и более пудов марены в год¹⁴⁶, то в 1874 г., в результате отсутствия спроса, здесь было реализовано только 57 580 пудов марены, в том числе 57 тыс. по Хасавюртовскому округу¹⁴⁷. Причина падения кавказского мареноводства вообще и кумыкского в частности заключалась во ввозе из-за границы более дешевого красителя — синтетического ализарина. Газета «Терские ведомости» в 1876 г. очень ярко и полно характеризует тяжелое положение кумыкских мареноводоов. Она указывает, что кумыкские мареноводоы «по случаю кризиса... понесли громадные убытки, так как на разведение маренных плантаций убили последние свои капиталы, и большинство небогатых людей брали даже в долг деньги для этой цели... за громадные проценты... например, 20—25% на 100»¹⁴⁸. В 1873 г. цена пуда марены сразу упала с 11 руб. до 5 руб.¹⁴⁹

¹⁴¹ Вейсенгоф. Указ, соч., л. 16.

¹⁴² Всеподданнейший отчет начальника Терской области о состоянии области за 1889 г., стр. 86.

¹⁴³ «Обзор Дагестанской области за 1892 г.», Темир-Хан-Шура, 1893, стр. 39.

¹⁴⁴ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 68.

¹⁴⁵ «Обзор Дагестанской области за 1904 г.», стр. 37—38.

¹⁴⁶ Статьи и заметки «Терских ведомостей» за 1875 г., стр. 2.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ «Из сел. Аксай». — «Терские ведомости», 1876, № 34.

¹⁴⁹ Там же.

Тяжелое положение кавказских мареноводоов вынудило кавказскую администрацию в 1868 г. обратиться к министру финансов с ходатайством, отпустить 50 тыс. руб. для улучшения дела мареноводства¹⁵⁰. Это, однако, не привело к желаемым результатам.

Некоторые сдвиги в пореформенный период сделало животноводство, составлявшее вторую по значению отрасль хозяйства кумыков. Для характеристики состояния животноводства приведем данные по Хасавюртовскому округу за 1884, 1885, 1889 гг.¹⁵¹

Виды скота	Количество голов		
	1884 г.	1885 г.	1889 г.
Крупный рогатый скот	47 745	49 716	76 360
Овцы и козы	162 170	233 232	158 367
Лошади	6 824	6 139	8 038

Как видно из таблицы, постепенно увеличивается поголовье крупного рогатого скота и лошадей. На наш взгляд, это объясняется полеводческим характером хозяйства населения, необходимостью увеличивать поголовье крупного рогатого скота (буйволов, быков), а также лошадей — основной тягловой силы, без которой немислимо было земледелие.

В табунах лошадей преобладали кабардинские и ногайские породы¹⁵². Отдельные помещики имели большие табуны. Так, например, в Хасавюртовском округе князь Батыр-Гирей Мехтиев, семья которого состояла всего лишь из трех человек, имел 350 лошадей, князь Будаихан Капланов — 232 лошади, князь Алибековы — 227 лошадей, Алиш Хамзаев — 200 лошадей¹⁵³. Периодически, во время праздников, свадеб и т. д., устраивались скачки. В 1884 г. великий князь Николай Николаевич специально учредил императорские призы для организованных во Владикавказе, Пятигорске, Нальчике и Хасавюрте конных скачек¹⁵⁴.

Но животноводство вообще по-прежнему носило экстенсивный характер. Скот был малорослым. Недостаток кормов, различные болезни ежегодно уносили много скота. Делались только некоторые опыты, и то главным образом русскими переселенцами, по рациональному кормлению скота, по улучшению его поголовья, по созданию ветеринарной службы¹⁵⁵. Основными скотоводами кумыкских степей были ногайцы, которые и во второй половине XIX в. вели полукочевой образ жизни в кибитках.

Значительно большее развитие, чем любая другая отрасль хозяйства, получает в этот период рыбная промышленность.

Как известно, после реформы 1865 г. на Кумыкской плоскости в результате раздела земли между владельцами и сельскими обществами рыболовные воды на землях обществ перешли в ведение казны — Астраханского управления Каспийских рыболовных и тюленьих промыслов, а на частновладельческих землях остались за их прежними хозяевами. Казной было образовано четыре промысла в пределах Хасавюртовского округа (на Сулаке и у Аграханского залива)¹⁵⁶. В открытом море лов считался сво-

¹⁵⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 7820, лл. 7—8.

¹⁵¹ Г. Н. Казбек. Указ. соч., стр. 170—175; Всеподданнейший отчет начальни- ка Терской области за 1889 г., стр. 109.

¹⁵² Г. Н. Казбек. Указ. соч., стр. 167—168.

¹⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 258, оп. 1, д. 1; там же, ф. 250, оп. 1, д. 1; там же, ф. 248, оп. 1, д. 1.

¹⁵⁴ Г. Н. Казбек. Указ. соч., стр. 169.

¹⁵⁵ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 251—252.

¹⁵⁶ Г. Н. Казбек. Указ. соч., стр. 178.

бодным, но с каждой рыбацкой лодки взималась определенная плата. В пределах Дагестанской области значительная часть рыболовных вод перешла в ведение казны — Управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области¹⁵⁷. Право частной собственности на рыболовные воды в пределах Дагестана сохранилось главным образом у землевладельцев из фамилий Тарковских и Казаналиповых (в Темир-Хан-Шурином округе). Почти все рыбные промыслы, в том числе и частновладельческие, находились на откупе у предпринимателей¹⁵⁸.

Роль рыболовства и рыбных промыслов особенно возросла со времени присоединения Петровска, Дербента и вообще прибрежного Дагестана к общей сети железных дорог России. С развитием железнодорожной сети постепенно увеличивается лов и отгрузка рыбы в промышленные города России, растет приток рыбопромышленников и повышается арендная плата за эксплуатацию промыслов¹⁵⁹.

В 1898 г. на промыслах одного только Темир-Хан-Шуриного округа было добыто рыбы на 128 391 руб.¹⁶⁰

На промыслах округа работало около 500 человек. Одним из крупных рыбопромышленников конца XIX и начала XX в. был арендатор рыбных Тарковских промыслов купец Воробьев, который имел около станции «Петровск I» свою фабрику и холодильник. Воробьев отправлял в разные города мороженую рыбу, а также консервы, судя по отзывам «не уступающие Одесским фабрикам» по своему качеству¹⁶¹.

Рыбные богатства края эксплуатировались хищнически. Рыба вылавливалась без разбора, масса мелкой рыбы просто выбрасывалась на берег. Повсеместно устраивались всевозможные заграждения, лишавшие рыбы население берегов верхнего течения рек.

Нельзя не указать на обнищание жителей, ранее занимавшихся рыболовством, в связи с переходом рыбного дела в руки крупных предпринимателей вроде Воробьева. Воробьев безжалостно эксплуатировал местных рыбаков, всеми средствами принуждал их продавать за бесценок добытую ими рыбу. То же самое делали и другие рыбопромышленники, в том числе азербайджанский миллионер Тагиев, в руки которого с 1913 г. переходят почти все рыболовные воды Кумыкской равнины.

Особенно сильно пострадало ногайское население Кумыкской плоскости, находившее в рыболовстве один из главных источников существования. Будучи неустroенными в земельном отношении и живя вблизи рыболовных вод, ногайцы издавна слыли неутомимыми рыбаками. С переходом рыболовных районов в руки арендаторов рыбаки-ногайцы стали самой дешевой рабочей силой для эксплуататоров. Даже официальная газета «Терские ведомости» не могла умолчать о грабеже этого народа рыбопромышленниками. «Всегда готовая к делу целая рать безответных тружеников, — писала эта газета о ногайцах, — за свое жалкое существование, периодически как бы по наследству переходит из властных и бессердечных рук одного арендатора в руки другого, рабски повинуюсь всякому его произволу, ...арендатор, ...пользуясь своим господствующим положением над беспомощным положением ногайцев-рыбаков, связывает их договором, в силу которого половина всего улова рыбы, без различия пород, безусловно идет в его пользу за одно лишь пользование его сетями для улова этой рыбы, другая же половина поступает к нему же по цене, которую, впрочем, он сообразовал назначить, уплачивая за таковую

¹⁵⁷ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 83.

¹⁵⁸ Отчет губернатора о состоянии Дагестанской области за 1901 г.; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 63, л. 6.

¹⁵⁹ «Обзор Дагестанской области за 1892 г.», стр. 8.

¹⁶⁰ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 84.

¹⁶¹ «Терские ведомости», 1896, № 102.

не наличными деньгами, а продуктами и товарами и по таким ценам и с такими приписками к забору по записям, что расчет обыкновенно сводит к тому, что у бедных ногайцев остается одно лишь грустное воспоминание о понесенных ими трудах и лишнее сознание о безвыходной их кабале. Случается, правда, и так, что смирение и долготерпение даже и у ногайцев исчезает и тогда спор заканчивается «недоразумением»¹⁶².

Правительство, отдав рыболовные воды на откуп, довольствуясь арендной платой, не интересовалось постановкой работы на этих промыслах и давало полное право промышленникам безжалостно истреблять рыбу.

Развитие рыбной промышленности способствовало увеличению спроса на соль и добычи соли в соляных озерах Темир-Хан-Шурина округа (Туралинские озера), принадлежавших тарковскому шамхалу. По отчетным данным 1898 г., из Туралинских озер было добыто 200 тыс. пудов соли. Увеличение спроса на соль приводило к росту цены на нее. Как известно, начиная с 50-х годов XIX в. тарковские шамхалы стали отдавать соляные озера на откуп русским промышленникам. Для иллюстрации динамики цен на соль приведем следующие данные.

В 1853 г., когда соль из озера Турали пользовалась значительно меньшим спросом, тарковский шамхал Абдул-Муслим установил на нее цены: за ипачий вьюк 15 коп., за лошадиный — 20 коп., за горскую арбу — 50 коп., за кумыкскую арбу — 80 коп. В 1859 г. Абдул-Муслим Тарковский отдает Туралинские озера на откуп сроком на 12 лет «3-ей гильдии купеческому сыну Михаилу Будылкину». Откупщик в связи с увеличением спроса на соль уже взимает плату: с арбы соли по 1 руб., за лошадиный вьюк 30 коп., ипачий — 20 коп. В 1871 г. князь Шамсудин Тарковский отдает рыбные промыслы и Туралинские озера 2-й гильдии купцу Кривошееву, который, ссылаясь на отсутствие в конторе условий отпуска соли, считал себя вправе совершенно произвольно устанавливать на нее цены. Даже с местных жителей, вместо 1 руб. за арбу, он стал брать по 2 руб. Резкое повышение цен на соль вызвало протест жителей Темир-Хан-Шурина округа, которые начали жаловаться начальнику Дагестанской области и просить «оградить их от произвола откупщика»¹⁶³. Бесконечные жалобы населения вынудили кавказскую администрацию заняться этим вопросом.

Строительство Петровского участка Владикавказской железной дороги способствовало усилению нефтедобычи в Дагестане. Спрос на нефть приводит не только к увеличению ее добычи в таких издавна эксплуатируемых районах, как Каякентское, Башлинское, Берикейское месторождения нефти, но и вызывает необходимость организовать разведывательные работы в новых районах, в частности в Темир-Хан-Шурина округе.

Как видно из рапорта начальника Темир-Хан-Шурина округа на имя военного губернатора области, в 1897 г. началось бурение скважин в местности Орта-уй-таш¹⁶⁴. В 1899 г. житель сел. Агач-аул Темир-Хан-Шурина округа Шавлук-бек Алыпкачев обратился в горное управление «с прошением о разрешении ему открыть нефтяной промысел на принадлежащей ему земле»¹⁶⁵.

В конце XIX и начале XX в. увеличивается число русских промышленников, желающих заняться разведкой и разработкой полезных ископаемых. В Дагестане, в том числе на территории северных и южных кумыков, создается ряд обществ и компаний по разработке нефти: «Англо-русское нефтяное общество», «Англо-Петровское нефтяное общество», «Челекено-Дагестанское общество», из Баку проникает сюда известная

¹⁶² «Хасавюрт». «Терские ведомости», 1896, № 109.

¹⁶³ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 825, лл. 4—13.

¹⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 36-а, л. 9.

¹⁶⁵ Там же, оп. 21, д. 176, л. 1.

фирма бр. Нобель и др. Заявки на выдачу разрешений на право разведки нефти делают доверенные князей С. Н. Трубедкого и Оболенского, княгини П. К. Трубецкой и др.¹⁶⁶ Однако добыча нефти продолжала носить кустарный характер. Уровень технического оснащения разработок был крайне низким. Нефтепромышленники в погоне за легкой наживой совершенно не заботились о замене ручного труда машинным. Максимальную прибыль капиталисты обеспечивали за счет жестокой эксплуатации рабочих. Правительство не производило сколько-нибудь серьезных исследований полезных ископаемых Дагестана и не делало даже попыток нормализовать проводимую разными предпринимателями работу по изысканию ископаемых, прежде всего нефти.

В 1871 г. по ходатайству начальника Дагестанской области и по предписанию наместника Кавказа в Дагестан прибыл для проведения геологических исследований в области горный инженер князь Цулукидзе, которому было предложено «все известные уже... месторождения каменного угля, горючего сланца и торфа геогностически исследовать с тем, чтобы определить, которые из них окажутся более благонадежными и выгодными для постоянной разработки, и потом избрав из них такие, кои по условиям залегаия подадут надежду на выгодную разработку, составить соображение о детальной разведке их...»¹⁶⁷ Инженер Цулукидзе в своем рапорте командующему войсками в Дагестанской области сообщил, что геологические исследования привели к весьма благоприятным результатам. Однако работа дальше этого изучения не пошла, так как царское правительство не стремилось к созданию очагов промышленности на колониальных окраинах империи и отдало на откуп богатства народа разным предпринимателям, заинтересованным только в максимальной прибыли от эксплуатации дешевой рабочей силы и грабежа богатейших источников.

Развитию нефтяной промышленности и добычи других полезных ископаемых области мешала неопределенность земельно-правовых отношений населения. Например, ходатайство упомянутого выше Алышкачева о разрешении ему открыть нефтяной промысел в районе Агач-аул Темир-Хан-Шурийского округа было отклонено Кавказским управлением Министерства земледелия и государственных имуществ до «определения поземельных прав поселян Дагестанской области»¹⁶⁸.

В экономике кумыкского населения этого периода, наряду с сельским хозяйством и некоторыми другими указанными выше отраслями народного хозяйства, продолжали играть большую роль и разнообразные кустарные промыслы. Все же развитие капитализма и приток фабричных товаров сократили переработку сельскохозяйственного сырья (шерсти, овчины, шелка и т. д.) в домашнем хозяйстве крестьянина. Почти прекратилось у кумыков, например, изготовление сукна, ткани из хлопка, изготовление платков из шелковой пряжи. Значительно сократились обработка кожи для обуви и изготовление многих кожаных изделий, которые постепенно вытеснялись фабрично-заводскими изделиями, с одной стороны, и притоком высококачественных ремесленных изделий из горных районов, с другой. Например, ввоз оружия усовершенствованных систем привел к упадку производства кремневых ружей и пистолетов, что в свою очередь привело к сокращению поля деятельности серебряных дел мастеров, искусно украшавших все виды оружия и другие боевые принадлежности (патронташи, газыри и т. д.)¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Там же, оп. 3, д. 22-б, л. 7.

¹⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 28, лл. 1—6.

¹⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 176, л. 1.

¹⁶⁹ Г. А. Вертепов. Очерки кустарных промыслов Терской области. «Терский сборник», вып. IV. Владикавказ, 1897, стр. 24—25.

В. И. Ленин, говоря о развитии капитализма на Кавказе, отмечал, что «...шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия... падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина...»¹⁷⁰. Однако все это не говорит о полной ликвидации кустарных промыслов народов Дагестана. Вытеснение изделий местной кустарной промышленности изделиями фабрик и заводов было постепенным процессом. В хозяйстве народов Кавказа, в частности и Дагестана, местная кустарная промышленность и в пореформенный период продолжала играть весьма значительную роль.

Кумыку-бедняку трудно было отказаться от домашней промышленности, ибо все привозное нужно было покупать на деньги, на хлеб. Поэтому городские изделия прежде всего попадали в хозяйства помещиков и кулаков. Кумыкская знать, как указывал князь Х-ъ, пользовалась дорогой «русской мебелью», «печами, самоварами» и т. д.¹⁷¹, беднота же довольствовалась большей частью тем, что производило ее собственное хозяйство.

Отдельные виды изделий кустарей-дагестанцев и в пореформенный период пользовались большой славой. «Промысел этот, обрабатывающий все виды местных сырых материалов, распространен в области повсюду, причем каждый округ отличается каким-нибудь особым родом производства. Во многих из отраслей этого промысла дагестанские горцы достигли совершенства и приобрели вполне заслуженную известность: их изделия расходятся по всему Кавказскому краю и охотно покупаются в России», — читаем мы в «Обзоре Дагестанской области за 1892 год»¹⁷².

Среди кустарных промыслов кумыков и в этот период большое место занимает изготовление сельскохозяйственного инвентаря из дерева и железа (ароб, плугов, колес, молотильных досок, серпов, кос и т. д.).

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве способствовало не только увеличению ввоза усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, но и росту их изготовления на месте как для собственных нужд, так и на рынок.

Большое значение продолжало иметь изготовление кинжалов и пашек, а также ювелирное искусство. Дальнейшее развитие в пореформенный период получило ковроделле. Этому способствовала растущая роль товарно-денежных отношений, расширение спроса на ковры. Надо отметить, что благодаря усилению торговых связей кумыков с другими народами орнамент кумыкских ковров обогащается новыми элементами, появляются совершенно новые рисунки, заимствованные у соседних народов.

Заметные сдвиги делает в пореформенный период торговля, особенно со времени строительства Петровского участка Владикавказской железной дороги. На Кумыкской равнине прежде всего наблюдается рост производства товарного хлеба. Об этом свидетельствуют данные об отправлении хлебных грузов со ст. Хасавюрт. Если в 1897 г. отсюда было отправлено 1290 тыс. пудов, то в 1913 г. — уже более миллиона пудов¹⁷³. «Разви-

¹⁷⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

¹⁷¹ Князь Х-ъ. К вопросу о хозяйственных успехах туземцев. «Терские ведомости», 1891, № 95.

¹⁷² «Обзор Дагестанской области за 1892 г.», стр. 43.

¹⁷³ Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. Хлебные грузы. СПб., 1898, 1914. Данные приводятся по кандидатской диссертации А. Г. Ме-

тие промышленности в центральной России, — писал В. И. Ленин, — и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого. Промышленные губернии получали с юга хлеб, сбывая туда продукты своих фабрик, снабжая колонии рабочими руками, ремесленниками...»¹⁷⁴. Улучшение земледельческой техники и оросительной системы, применение в помещичьем хозяйстве, а также в хозяйстве нарождающейся сельской буржуазии — кулаков более совершенных заводских сельскохозяйственных орудий и машин (молотилок, сеялок и т. д.) приводили к увеличению урожая, о чем говорилось выше. На Кумыкскую равнину, которая издавна служила житницей для многих районов Дагестана, все еще поступали изделия ремесел горных народов (сукна, бурки, холодное оружие, гончарная, деревянная утварь, ювелирные изделия кубачинских мастеров и т. д.). Горцы обменивали свои изделия на кумыкский хлеб или покупали его за деньги.

В торговле кумыков первое место по-прежнему занимали продукты земледелия: зерно, виноград, вино, фрукты, огородно-бахчевые культуры и т. д. Большое место в торговле отводилось рыбе, соли. Кумыки продавали также нефтепродукты, строевой лес, дрова, кольца для виноградников, мед, воск, ковры, паласы. В 1895 г. через одну только Петровскую порттовую таможенно было вывезено в русские порты указанных выше товаров на сумму 11 302 666 руб.¹⁷⁵ На кумыкский рынок из других областей России поступали хлопчатобумажные и шелковые ткани, сахар и другие бакалейные товары, металл и металлические изделия, различная посуда и другие хозяйственные предметы.

С развитием капиталистических отношений все более и более увеличивается роль денег. Деньги приобретают первостепенную роль не только в городах, в городской торговле и в торговле за пределами области — роль денег постепенно растет также в торговле в сельской местности, где ранее торговля носила главным образом меновой характер.

Вместе с городской торговлей растет торговля и в сельской местности. Основными торговыми центрами являлись Темир-Хан-Шура, Петровск, Хасавюрт. К старым торговым центрам в округах прибавляются новые торговые центры (селения Дженгутай, Костек, Аксай, Карабудахкент и др.), где торговля сосредоточивается на еженедельных базарах.

«Костек, — читаем мы в «Очерке состояния орошения в Терской области», — одна из самых больших деревень Кумыкской плоскости, насчитывающая 715 дворов... Деревня имеет целую улицу лавок, базар, ватаги и мельницы по Сулаку. Это промышленный центр всей местности»¹⁷⁶.

Состояние торговли и развитие капиталистических отношений на селе хорошо отражаются в статье П. Мажоновского «Из деревни Аксай» (1871 г.). «К добру или к худу, — пишет он, — в нашем многолюдном Аксае страсть к торговле доходит почти до мании. Число торговцев растет с каждым днем, постройка новых лавок и переделка старых на новый лад идет безостановочно... Капиталисты наши проснулись от долгой спячки и стараются захватить во что бы то ни стало прилегающие к центру торговли места и застроить их лавками... Одним словом быстро идет у нас развитие торговли. Много убито денег на постройку лавок и по другим торговым предприятиям; немало крупными торговцами роздано товару в кредит меньшей своей братьи...»¹⁷⁷. Имея в виду Хасавюртовский округ,

.....
лешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана конца XIX — начала XX в. (Рукопись). Махачгала, 1957, приложение IX.

¹⁷⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3 стр. 219.

¹⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 9-а, л. 28.

¹⁷⁶ Вейсенгоф. Указ. соч., стр. 20.

¹⁷⁷ «Терские ведомости», 1871, № 7.

Хамзаев писал, что здесь нередко приходится видеть среди «...туземцев коммерсантов, имеющих торговые обороты на десятки тысяч»¹⁷⁸.

Гнет лавочников, духанщиков и других торговцев становится настолько тяжким, что общество сел. Кумторкала составило «общественный приговор не иметь в селении ни одного духана»¹⁷⁹, что вызвало серьезные столкновения между обществом и владельцем-беком Абдулмеджидом Мирзоевым. Вопрос этот был предметом обсуждения не только окружной администрации, но и начальника области.

В отдельных сельских торговых центрах осенью проводились ярмарки. Так, например, в 1890 г. в Хасавюртовском округе такие ярмарки проводились в Хасавюрте и в сел. Аксай, в первом с 15 по 22 августа, во втором — с 18 по 25 сентября¹⁸⁰. С развитием городов и городской торговли особое значение приобретают села, расположенные вблизи городов.

«Жители Темир-Хан-Шурина участка, — читаем мы в официальном документе 1901 г., — являются единственными поставщиками всех продуктов, дров, сена, зерна для жителей г. Темир-Хан-Шуры, а жители Таркинского участка — г. Петровска»¹⁸¹. Из селений Темир-Хан-Шурина участка особое место в торговле занимало сел. Халимбекаул, где выращивались разные овощи¹⁸² в торговых целях, а жители селений Тарки и Карабудахент для тех же целей занимались «разведением лука и чеснока»¹⁸³. В города Темир-Хан-Шура, Петровск, слободу Хасавюрт фрукты из сельских мест транспортировались мелкими партиями с середины мая (черешня) до середины февраля-марта (яблоки, груши, виноград и т. д.). Из городов фрукты, консервы, пюре и т. д. отправлялись уже большими партиями во внутренние губернии империи через местные транспортные конторы обществ «Надежда», «Кавказ и Меркурий»¹⁸⁴. Интересно, что для приготовления консервов, пюре и вообще заготовки фруктов по дешевой цене промышленники и другие предприниматели нередко выезжали в садоводческие районы еще до полного вызревания фруктов, заключали выгодные для себя сделки с садоводами, постоянно нуждавшимися в деньгах, товарах и т. д. Часто садовод становился должником предпринимателя, а поэтому не имел права искать более выгодных условий продажи фруктов. Из приведенных данных не следует заключать, что кумыки реализовали на рынке только продукты земледелия. В торговле населения большую роль играли и продукты животноводства, особенно в Темир-Хан-Шурина округе. В этом округе, например, в 1892 г. было продано кожи на сумму 5866 руб., шерсти — 2410 пудов на 9855 руб., масла — 1091 пуд на 10 910 руб., сыру — 281 пуд на 1464 руб., курдючного сала — 2650 пудов на 13250 руб., мясных продуктов — 5375 пудов на 14 840 руб., крупного рогатого скота — 1515 голов на 21 629 руб., лошадей — 229 голов на 6373 руб. и мелкого рогатого скота — 1925 голов на 5600 руб., всего по округу на 89 788 руб.¹⁸⁵

Вместе с развитием капитализма в Дагестане ширится и распространение русских мер и весов: четверть, фунт, аршин, сажень, десятина, верста и т. д. Если раньше пахотная земля измерялась шагами, зерном, которое шло на то, чтобы засеять участок («кап земли», — говорили кумыки), дорога измерялась днями, то теперь повсеместно все более и более применяются сажени, десятины и версты. Однако в связи с тем, что во

¹⁷⁸ Князь Х.-Ъ. К вопросу о хозяйственных успехах туземцев.

¹⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 3, д. 110, л. 4.

¹⁸⁰ Терский календарь и сборник на 1891 г., стр. 117.

¹⁸¹ «Дагестанский сборник», вып. 1, 1902, стр. 115.

¹⁸² «Обзор состояния Дагестанской области за 1898 г.», Темир-Хан-Шура, 1899, стр. 68.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 64.

¹⁸⁵ «Обзор Дагестанской области за 1892 г.», стр. 42.

многих случаях сохранялась меновая торговля, да и вообще по традиции, сохранялись и местные меры. Для измерения емкости у кумыков по-прежнему существовало сабу¹⁸⁶.

Кумыкские торговцы и предприниматели были тесно связаны с русской буржуазией, со многими русскими торговыми фирмами. Кумыкские купцы разъезжали по промышленным и торговым городам России, делая свои заказы и выбирая нужные товары. Ряды буржуазии нередко пополнялись выходцами из крестьян. Промышленниками и торговцами становились иногда помещики, дворяне. Чем больше капитализм проникал в разные отрасли экономики (в земледелие, в промыслы, в дорожное строительство и т. д.), тем значительнее становилась роль местной торговой и промышленной прослойки. Однако ведущая роль в торговле и промышленности принадлежала русской буржуазии, от которой в значительной мере была зависима местная национальная буржуазия.

Пореформенный период характеризуется и развитием городов Дагестана: Дербента, Темир-Хан-Шуры, Петровска, слободы Хасавюрт, из которых три последних были расположены на Кумыкской равнине. Города были средоточием торговли (главным образом) и промышленности. С развитием капитализма росло и городское население. Приведем данные о росте городов, городского населения и промышленности.

Город Петровск имеет совсем небольшую историю. Еще в 1856 г. он назывался Петровским укреплением, а в 1857 г. был переименован в портовый город Петровск¹⁸⁷. Город рос сравнительно быстро. Если в 1871 г. в нем проживало 3665 чел.¹⁸⁸ и в 1874 г. — 3890 чел.¹⁸⁹, то в 1898 г. здесь насчитывалось уже 11 594 жителя, из них дворян и беков 323 чел., духовенства 47, купцов, торговцев, промышленников и других представителей «городских сословий» — 4759, «сельских сословий» — 3321, военных — 2012, иностранных подданных — 1132 чел.¹⁹⁰ В городе проживало 674 ремесленника¹⁹¹. Вместе с ростом населения росло и экономическое значение города. С 1858 по 1870 г. строится Петровский порт, который приобрел большое торговое и особенно транзитное значение.

Для иллюстрации портового значения города, которое он получил в первые же годы своего существования, приведем следующие данные¹⁹².

Годы	Прибыло судов в Порт-Петровск	Привоз товаров в руб.	Вывоз товаров в руб.
1858	396	737 509	70 696
1859	764	974 039	57 891
1860	583	1 493 472	102 413
1861	453	890 810	100 153
1862	357	557 826	73 529
1863	423	786 405	29 725
1864	395	1 348 554	68 129

¹⁸⁶ В связи с этим следует отметить, что до сего времени распространенные в Дагестане единицы измерения не изучены. Так как в архивных данных вместо десятины мы встречаем термины сабу земли, «кап земли» и т. д., то попадаем в затруднительное положение и невольно делаем неточные определения количества земли, продуктов и т. д. Поэтому одной из проблем, стоящих перед историками Дагестана, является исследование и систематизация местных терминов мер и весов, столь разнообразных у народов Дагестана.

¹⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 84, лл. 50—52.

¹⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 79, л. 12.

¹⁸⁹ Там же, оп. 2, д. 87, л. 6.

¹⁹⁰ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 43.

¹⁹¹ Там же, стр. 82—83.

¹⁹² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 12.

В 1898 г. через г. Петровск уже было привезено в область 14 047 000 пудов грузов и вывезено из области 8 306 000 пудов¹⁹³.

Как видно из приведенных цифр, из года в год (правда, с отклонениями) растет портовое и экономическое значение города; вместе с тем бросается в глаза перевес ввоза товаров в область над вывозом. Это объясняется слабым развитием обрабатывающей и добывающей промышленности.

Вся промышленность Петровска в 1874 г. состояло только из следующих предприятий: две табачные фабрики с производством продукции на 7 тыс. руб. в год, на которых работало 10 рабочих, два фотогенных завода, вырабатывавших продукции на сумму 12 тыс. руб. (с 8 рабочими), кирпичный завод, вырабатывавший продукции на сумму 8 тыс. руб. (с 5 рабочими), известковый завод — на сумму 5200 руб. (с 5 рабочими), спичечная фабрика — на сумму 1000 руб. (с 2 рабочими), водочный завод — на сумму 1100 руб. (с 3 рабочими)¹⁹⁴. К концу XIX в. город имел рыбохолодильник, несколько предприятий рыбной промышленности, винные заводы и т. д. В 1898 г. в городе возникает крупная бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура», на которой в 1905 г. уже работает 1021 чел.¹⁹⁵ В том же 1898 г. была построена табачная фабрика. Постепенно увеличилось число рыбных промыслов и бондарно-механических предприятий.

Постепенно рос и город Темир-Хан-Шура. Если в нем в 1871 г. насчитывалось 3574 чел.¹⁹⁶, в 1874 г. — 4150 чел.¹⁹⁷, то в 1899 г. население его выросло до 9011 чел.¹⁹⁸ По данным 1898 г., в Темир-Хан-Шуре проживало представителей «городских сословий» 3176 чел.¹⁹⁹ и 607 ремесленников²⁰⁰.

В 1892 г. в Темир-Хан-Шуре насчитывалось семь промышленных предприятий. Все эти предприятия вместе взятые выпускали продукцию на сумму 13 760 руб., а число рабочих на них составляло 28 чел.²⁰¹

Постепенно рос и Хасавюрт. В промышленном отношении Хасавюрт не имел, однако, большого значения. Здесь, как повсеместно, были мелкие кустарные предприятия: кожевенные, винокуренные, водочные, известковые, мельницы и т. д. Торговля была поставлена несколько лучше. В 1881 г., например, в Хасавюрте на Успенскую ярмарку (осенью) было привезено товаров на сумму 60 тыс. руб.²⁰² Если в 1904 г. торговый оборот слободы составлял примерно 270 тыс. руб., то к 1909 г. он достигает 1 млн. руб. в год²⁰³.

Следует отметить, что обществом Хасавюрта несколько раз (в 1879, 1881, 1904 и 1908 гг.) возбуждалось ходатайство о преобразовании слободы в город²⁰⁴. Этот вопрос неоднократно рассматривался высшей администрацией. Так, в сентябре 1912 г. вопрос о преобразовании слободы Хасавюрт Терской области в город рассматривался на совете наместника на Кавказе²⁰⁵.

Однако под разными предложениями он не был разрешен, и Хасавюрт стал городом только после Октябрьской революции.

¹⁹³ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 93.

¹⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 87, л. 11.

¹⁹⁵ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 289.

¹⁹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 79, л. 20.

¹⁹⁷ Там же, д. 87, л. 35.

¹⁹⁸ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 43.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же, стр. 82—83.

²⁰¹ «Обзор Дагестанской области 1892 г.», стр. 9.

²⁰² «Терские ведомости», 1881, № 3.

²⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 6, л. 13.

²⁰⁴ Там же, л. 3.

²⁰⁵ Там же, л. 89.

Жители всех названных городов, кроме торговли и промышленности, занимались ремеслом, извозом, сельским хозяйством и т. д. Извозный промысел был развит главным образом в Темир-Хан-Шурином округе, жители которого возили во внутренние районы разные товары, получаемые морем из Астрахани и Баку, а также провиант, доставляемый в воинские части. Главными были дороги от Петровска до Темир-Хан-Шуры и оттуда в горы, от Темир-Хан-Шуры на Дешлагар и Дербент. Из Темир-Хан-Шуры шла также дорога через Хасавюртовский округ на Владикавказ.

Большое значение для развития капиталистических отношений в Дагестане имело строительство в 90-х годах XIX в. Владикавказской железной дороги, особенно Петровского участка. Эта дорога, строительство которой преследовало прежде всего стратегические цели, призвана была вместе с тем соединить множество местных рынков с общероссийским рынком. Она должна была способствовать и улучшению разработки полезных ископаемых края.

На вопрос командированного в 1883 г. чиновника Министерства финансов Михайловского о том, «какое влияние может произвести Владикавказско-Петровская железная дорога на бакинскую нефтяную промышленность», комиссия по изысканию Владикавказско-Петровской железной дороги ответила, что «несмотря на существующий водный путь (на Астрахань) и железную дорогу, следует ожидать, что Петровской дорогой пойдет от 10 до 20 миллионов пудов, т. е. от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ того нефтяного груза, который идет теперь на Астрахань»²⁰⁶, ибо с наступлением зимы доступ в Астрахань делался невозможным, а это лишило Россию нефти и другого осветительного материала в это время года. Железная дорога в пределах Дагестанской области проходила от самой границы Хасавюртовского округа до р. Самур. С открытием движения по Петровской линии Владикавказской железной дороги вырос вывоз продуктов земледелия и других отраслей народного хозяйства Кумыкской равнины во внутренние губернии России. Открылись новые рынки с большим спросом на свежие и консервированные фрукты. «Благодаря прекрасным качествам дагестанских фруктов, в особенности персиков,— сообщалось в «Обзоре Дагестанской области» за 1898 год,— заказы на консервы из них поступают из таких отдаленных окраин империи, как Финляндия (из гор. Николайштадта), Прибалтийского края (из гор. Риги), из Привислинского (из Варшавы)»²⁰⁷. Пюре из разных фруктов поступало на консервные заводы и кондитерские фабрики, а консервы — в торговые фирмы промышленных городов России.

В 1900 г. начинаются изыскательские работы по строительству железнодорожной ветки, соединяющей областной центр Темир-Хан-Шуру с Владикавказской железной дорогой²⁰⁸. В 1915 г. строительство было завершено, Темир-Хан-Шура и Петровск были соединены железнодорожной линией. В 1894 г. в Петровске открывается депо для ремонта паровозов.

С развитием капитализма рос и пролетариат. Накануне первой мировой войны в фабрично-заводской промышленности Дагестана (без Хасавюртовского округа) было занято 4926 чел.²⁰⁹

Однако процесс формирования национального пролетариата шел медленно. Дагестан все еще оставался феодальной страной, где до 1913 г. сохранялись крепостнические отношения. Промышленность была развита весьма слабо.

²⁰⁶ «Терские ведомости», 1883, № 38.

²⁰⁷ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 64.

²⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 17, л. 4.

²⁰⁹ И. Р. Н а х ш у н о в. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, стр. 118.

Достаточно сказать, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции по всему Дагестану насчитывалось лишь 134 предприятия²¹⁰, но большая часть этих предприятий не могла быть отнесена к числу фабрично-заводских. В области существовало лишь несколько более или менее крупных фабрично-заводских предприятий, в том числе бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура», бондарный завод, рыбохолодильник, табачная фабрика в Петровске, кожевенный и консервный заводы в Темир-Хан-Шуре и некоторые другие²¹¹. На одно предприятие в 1912—1913 г. в среднем приходилось рабочих по г. Петровску (без текстильной фабрики) около 17 чел., а по г. Темир-Хан-Шуре — 2,4 чел.²¹²

Колониальная политика царизма обрекала народы национальных окраин на хозяйственную и культурную отсталость, используя эти области как рынки сбыта промышленных товаров и источники сырья. «Возможность угнетать и грабить чужие народы, — писал В. И. Ленин, — укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «иностранцев»»²¹³.

Из приведенного анализа состояния отдельных отраслей народного хозяйства можно заключить, что в пореформенный период в экономике кумыков произошли серьезные изменения. Развитие экономики шло по линии укрепления капиталистических отношений. И в начале XX в. в многоукладном хозяйстве кумыкского народа эти отношения постепенно занимают значительное место. Однако сохранившиеся в ряде мест Темир-Хан-Шурина и Кайтаго-Табасаранского округов феодальные производственные отношения тормозили капиталистическое развитие кумыков.

Положение трудового крестьянства в пореформенный период. Подати и повинности. Обострение классовой борьбы

Характеризуя крестьянскую реформу, мы указывали на ее половинчатость. Большинство крестьян в Темир-Хан-Шурина округе, так же как и во всех округах Дагестанской области (без Хасавюртовского округа), вплоть до 1913 г. продолжали находиться в зависимых отношениях к феодалам — бекам и чанкам. Многие крестьяне, освобожденные по реформе 1864—1867 гг, также находились во временно-обязанных отношениях к своим владельцам. Хозяевами земли по-прежнему оставались помещики не только в районах, частично охваченных реформой (Темир-Хан-Шурина округ), но и там, где эта реформа проводилась сравнительно полно (Хасавюртовский округ, Присулакское наместничество).

Вместе с тем реформа способствовала развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Растущее проникновение капитализма в Дагестан вызвало усиление процесса купли-продажи земли, а также процесса расслоения крестьянства. По мере дифференциации крестьянства из него выделялась, с одной стороны, сельская буржуазия, с другой — беднота — источник формирования рабочего класса.

В пореформенный период земельный голод среди трудового крестьянства не только не был ликвидирован, но и принял более острые формы. Многие помещики, особенно в Хасавюртовском округе, не желавшие перестраивать на капиталистический лад свое хозяйство, после крестьянской реформы, предпочитали продавать свои имения. С усилением классовой дифференциации, с образованием на одном полюсе сельской буржуазии

²¹⁰ И. Р. Нашхунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России, стр. 118.

²¹¹ «Обзор Дагестанской области за 1915 г.» (приложение).

²¹² «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 340.

²¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 278.

и на другом — бедноты, лишенной средств производства, помещицья земля все более и более сосредоточивалась в руках зажиточной прослойки крестьян. Ввиду отсутствия специальных исследований о расслоении кумыкского крестьянства и концентрации земли в руках сельской буржуазии трудно указать, какой процент земельного фонда народа в пореформенный период переходит в руки зажиточной крестьянской прослойки. Можно отметить, однако, что к концу XIX в. у бывших крупных землевладельцев на Кумыкской плоскости оставалось на правах собственности только 41,4% земли, а остальная площадь — 57,6% была отчуждена путем продажи²¹⁴. К этому времени многие имения находились в залоге у бывших общинников или у казны. Так, например, князь Абдулмеджит Канзалипов в 1899 г. заложил два участка земли в количестве 5800 десятин за взятые у жителя сел. Чирюрт Беки-Магома-Али-оглы 49 600 руб.²¹⁵

Если раньше, т. е. в дореформенный период, феодалы совместно владели целыми фамильными (родовыми) имениями, то в пореформенное время идет усиленный процесс раздела земли между членами каждой фамилии, что обеспечивает право свободного отчуждения лениго участка земли. Теперь каждый владелец уже разделенного имения обязан был соблюдать лишь одно правило: при продаже своей части он должен был предложить купить ее в первую очередь бывшим совладельцам и только при отказе мог продать ее посторонним лицам²¹⁶.

Кавказская администрация всячески способствовала оформлению разделов земли между землевладельцами, а также реализации ими права продажи земель. В 1863 г., например, главнокомандующий Кавказской армией писал начальнику Терской области: «Принимая во внимание, что для промышленного населения Кумыкского округа имеет особенную важность, в экономическом отношении, скорейшее предоставление землевладельцам права совершать различные договоры о доставшихся им при общем разделе земель округа участках, ...я разрешаю Вашему превосходительству: дозволить ныне же кумыкским землевладельцам отчуждение в постороннее владение, посредством продажи и других договоров, назначенных им... в собственность участков земли...»²¹⁷.

С развитием капиталистических отношений в деревне росло число кулаков, выкупавших и арендовавших помещицья земли, росли цены на земли и арендная плата.

Положение крестьян еще более осложнялось в тех случаях, когда владельцы земли (мы имеем в виду районы, где не проводилась крестьянская реформа) отчуждали участки, на которые общества имели определенное сервитутное право. В частности, отдельные общества имели обычное право пасти свой скот на бекских и ханских кутанах в течение известного периода года. Этого права они стали лишаться в пореформенный период. Такое право, например, имело общество сел. Халимбакаул на кутан Каратюбе. Принадлежавший Ибрагим-хану Мехтулинскому. Вдова Ибрагим-хана Мехтулинского Рейганат-бике продала в 1881 г. названный кутан жителю Кафыр-Кумуха прапорщику милиции Бахтияру-хаджи Ахмедханову, который совершенно лишил существовавших на этот кутан сервитутных прав общество Кафыр-Кумуха. Что же касается Рейганат-бике, то она заявила, что «Бахтияр-хаджи не обязан отвечать на претензии лиц, не имеющих документальных доказательств на земли на проданном кутане»²¹⁸. В 1883 г. в Темир-Хан-Шуринский окружной словесный суд обра-

²¹⁴ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 88.

²¹⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 26, л. 4.

²¹⁶ ЦГА СОАССР, ф. 254, оп. 1, д. 62, л. 60.

²¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 3, д. 53, л. 7.

²¹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, л. 6.

тилось общество сел. Халимбакаул с жалобой на то, что жительница сел. Эрпели Гебек-Къыз-бике «отдала в аренду принадлежащие ей кутаны, и с тех пор арендатор не допускает общество к обычному праву пользования пастбию на этих кутанах»²¹⁹.

Таким образом, земля выступала в качестве товара, на который постоянно росла цена. Трудовое крестьянство не в состоянии было не только покупать такие земли, но и порою арендовать их. Зажиточные же крестьяне все более и более расширяли свое хозяйство и увеличивали земельную собственность. Нередко встречалась субаренда. Предприниматель брал землю у владельца на откупное содержание и, в свою очередь, сдавал в аренду. В таких случаях крестьян эксплуатировали и непосредственные владельцы земли и первые арендаторы.

К удорожанию земли, а следовательно, и к ухудшению экономического положения трудового крестьянства, приводила и все растущая колонизация края. Как известно, в пореформенные годы русский капитализм все шире и шире распространялся на новые территории, на колониальные окраины России, в том числе и на Северный Кавказ. «В пореформенную эпоху, — писал В. И. Ленин, — происходила... сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу ишеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России»²²⁰.

В северный Дагестан, как и на другие окраины царской России, переселялись, с одной стороны, трудовые крестьяне, чтобы избавиться от земельной нужды, от сохранившейся еще помещичьей кабалы, а также от все возрастающего налогового гнета, с другой — кулацкие элементы, чтобы нажиться за счет местного трудового крестьянства. Недаром один наблюдатель писал об этих кулацких элементах на Кумыкской плоскости, завладевших лучшей территорией и получавших огромные доходы от аренды земли: «Глядя на эти обширные земли, невольно думается, что здесь как бы создали нечто вроде нового сословия «общинных помещиков», сообща сдающих в аренду свои имения и охотничьи угодья»²²¹.

Сама царская администрация на Кавказе не скрывала колонизаторские цели царизма, стремление его вытеснить горцев с обжитых мест. «Основная мысль общего плана, для покорения Кавказа принятого, — читаем мы в «Плане общего управления горским племенем» (1841—1842 г.), — состоит в постоянном стеснении горцев посредством занятия всех низменностей укрепленными линиями и заселения очищенных от горцев земель русским населением; следовательно, исполнение этого плана сопряжено с лишением коренных жителей поземельной собственности»²²².

Лучшие, самые плодородные земельные участки, а также леса отводились под гарнизоны и переселенцам. Прежде всего отбирались общественные земли, часто даже у остро нуждающихся в земле обществ. Так произошло, например, с обществом сел. Ишкарты Темир-Хан-Шурина округа, у которого военная администрация отобрала под штаб-квартиру воинской части 1300 десятин земли²²³, а когда эта часть передислоцировалась, земля эта была присоединена к казенной земле. Общество Ишкарты ощущало острую нужду в земле — на 630 душ населения оно имело всего лишь 198³/₄ десятины.

²¹⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, л. 6.

²²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520—521.

²²¹ Н. Ф. Эргарт. Природа, люди и охота на Кумыкской плоскости. «Природа и охота», № 4, 1895, стр. 12.

²²² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6488, ч. 1, лл. 23—24.

²²³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-г, л. 41.

При таком скудном земельном фонде Ишкартинское общество вынуждено было ежегодно арендовать у казны из своих же бывших земель более 600 десятин на сумму 700 руб. в год, а также арендовать земли у частных лиц на еще более тяжелых условиях²²⁴.

Военный губернатор Дагестанской области князь Чавчавадзе в 1889 г. вынужден был писать в канцелярию главноначальствующего, что «население области, особенно нагорной части, находится в безвыходном положении по малоземелью; средним числом на дым не приходится и $\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли, и при таком условии отвод земли постороннему элементу был бы новым нецелесообразным стеснением местных жителей и ухудшил бы их материальное положение»²²⁵. Такое признание губернатора Чавчавадзе было вызвано новой попыткой администрации захватить участка земли «Озень» в 2800 десятин, орошаемые Сулакским каналом, который был сооружен исключительно трудами местных жителей, даже по признанию князя Чавчавадзе, «около 20 лет работавших над проведением этого огромного канала и ожидающих результатов своих долготлетних трудов»²²⁶.

Для расселения переселенцев и размещения гарнизонов кавказская администрация нередко покупала земли у местных помещиков. Из земель князей Казаналиповых, например, у Чирюрта под штаб-квартирой воинской части находилось 10 109 десятин²²⁷. Князья Хамзаевы продали казне два участка в Хасавюртовском и Кизлярском округах («Узункол» и «остров Бирюч»), в общей сложности 3685 десятин, за 300 тыс. руб.²²⁸ В 1898 г. для переселенческих целей казна купила у князей Кацлановых 1818 десятин земли близ сел. Хамамат-юрт²²⁹.

Царская администрация щедро раздавала общественные и казенные земли чиновникам и офицерам. По Хасавюртовскому округу, например, в 70-х годах XIX в. были пожалованы из казенных земель секретарю Хасавюртовского окружного полицейского управления штабс-капитану Тимошенко 100 десятин, полковнику Алибеку Пензулаеву 550 десятин, исполняющему должность начальника Хасавюртовского округа Юзбашеву 250 десятин, подполковнику Григоровичу 234 десятины, полковнику Патрикию Ницыка 230 десятин, капитану Ладыженскому 230 десятин, штабс-капитану Юсуп-Кади-Клычеву 402 десятины, капитану Мусе Нестерову 300 десятин. Кроме того, для разведения сада, огородов и т. д. отдельным лицам отводилось по 4—5 десятин земли²³⁰.

К концу XIX в. только в одном Хасавюртовском округе казенных земель насчитывалось 37 254 десятины²³¹. Здесь постепенно появлялись новые поселки переселенцев. Населенные пункты возникали не только на казенных или купленных у владельцев землях, но и на арендованных на 10—15 лет участках.

С увеличением притока желающих поселиться на владельческих землях росла арендная плата. Казаналипов, например, постепенно повысил плату за десятину земли с 1 руб. 20 коп. до 4 руб. Владелец неумолимо грозил «согнать переселенцев с земли и сдать ее новым арендаторам, если переселенцы поселка не пожелают уплачивать ему вновь назначенной платы»²³². Это было очень трудно для тех переселенцев, которые бежали

²²⁴ Там же, д. 142-6, л. 24.

²²⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 145, л. 2.

²²⁶ Там же, лл. 2—3.

²²⁷ Там же, д. 91, л. 289.

²²⁸ ЦГА СОАССР, ф. 11, оп. 68, д. 265.

²²⁹ Там же, ф. 261, оп. 1, д. 4, л. 1.

²³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 194; ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 6939, лл. 25—26.

²³¹ Отчет начальника Терской области за 1891 г.

²³² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 186.

от тяжелого помещичьего гнета из внутренних губерний России и были в экономическом отношении слабы.

Многие переселенцы сравнительно быстро сумели создать на новых местах передовое для того времени хозяйство. Они применяли более совершенные методы «в способах возделывания земли и в подборе семян для полей и огородов», пользовались усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами²³³. Кроме зерновых, большое внимание переселенцы обращали на огородные культуры: капусту, огурцы, помидоры, редьку, картофель, арбузы, дыни, лук, редис и т. д. Проживая в 5—6 км от железной дороги, переселенцы имели «весьма удобный сбыт своих продуктов». В скотоводческом хозяйстве переселенцы также вводили новшества. Они улучшали скот, скрещивая животных голландской породы с местными²³⁴. Все это оказывало благотворное влияние на организацию и культуру земледелия местных жителей. Следовательно, колонизация края имела и свои положительные стороны. Она способствовала ускорению начавшегося издавна сближения кумыков с русским населением, приобретению кумыков к русской культуре.

Пореформенный период характеризуется постоянным ростом не только арендной платы, но и податей и повинностей, ибо, как уже отмечалось, часть крестьян до 1913 г. находилась в зависимых отношениях к владельцам. Так же как в дореформенный период, рента взималась в трех видах: барщиной, продуктами и деньгами. В отдельных случаях преобладала денежная рента. Как правило, поселяне отбывали четырехдневную барщину в самое выгодное для владельца время; от 20 баранов отдавали по одной овце с ягненок. С развитием денежной ренты владельцы стали брать с каждого барана по 40—50 коп. В случае отдачи обществом своей земли в аренду под пастбу половина арендной платы также поступала в пользу владельцев.

Говоря о натуральных повинностях Темир-Хан-Шурина округа в пореформенный период, Сословно-поземельная комиссия так суммировала их: «...поселяне обязаны выставлять для распашки бекских полей плуги со своим скотом и прислужгой, распахивать их, боронить, засеивать зерном бека и выставлять для жатвы и косьбы рабочих» и т. д.²³⁵ Тут же отмечается, что повинности в Темир-Хан-Шурина округе отбываются «целым обществом, кроме села Бет-аул, где способ отбывания их подворный»²³⁶. Все владельцы, кроме того, поливали свои посеы без жребия и в нужное количество дней. К концу XIX в., по сведениям Сословно-поземельной комиссии, общества селений Кафир-Кумух, Верхнее Казанище, Параул, Дургели и Кака-Шура платили в основном денежную ренту (первое по 50 коп. с дыма, а остальные — по 1 руб.)²³⁷.

Владельцы постепенно лишали поселян пастбищных угодий, права лова рыбы в речках, заставляли платить государственные налоги за те участки, которыми пользовались сами владельцы. «По окраине нашего селения, — писали в своем прошении поверенные сел. Шамхал-Янги-юрт, — протекает река, которая в давнее время была в нашем общественном распоряжении, и мы ловили из нее рыбу, снабжали беднейшую часть нашего общества..., но в настоящее время этой доходностью пользуется Тарковский, отдавая воды эти в аренду посторонним лицам, за что взимает 1500 руб. в год в свою пользу, а построенный им на этой реке паром сдается также в аренду за 400 руб. в год; имеющийся и нам принадлежащий

²³³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 183.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же, ф. 231, оп. 1, д. 370, л. 5.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же, д. 347, л. 1.

кутан под названием «Ала гёз-кутан» также сдается Тарковским в аренду в свою пользу на том основании, что якобы кутан этот достался ему от отца...»²³⁸. Аналогичные жалобы направляли в адрес кавказской администрации и другие общества. Однако она всюду защищала интересы феодальной верхушки. На жалобы крестьян царская администрация нередко отвечала, что вопрос о зависимых отношениях разбирается Сословно-поземельной комиссией, что скоро этот вопрос получит разрешение, а до этого нужно точно выполнять свои обязанности.

Кроме феодальной верхушки, трудовое крестьянство эксплуатировалось и духовенством. $\frac{1}{10}$ часть всего дохода поступала в виде дани в распоряжение духовенства и духовных учреждений, которые должны были содержать сельскими обществами, причем беки и чанки не участвовали в этих расходах²³⁹.

Тяжелым бременем ложились на плечи трудового крестьянства также подати и повинности, которые взимало государство: подымная подать, оброчная подать, земский сбор, воинский налог, подводная, квартирная и дорожная повинности. В 1901 г. в прошении на имя главнокомандующего на Кавказе поверенные общества сел. Кумторкала Темир-Хан-Шурина округа, указывая на двойной гнет, писали, что их «по какому-то непонятному недоразумению... заставляют, говоря образно, молиться двум богам — нести повинности царю и беку»²⁴⁰. В секретном рапорте от 22 марта 1892 г. начальник Кайтаго-Табасаранского округа писал военному губернатору Дагестанской области, что к нему поступают бесконечные жалобы на тяжелое положение населения, которое усугубил неурожай. «...Жители без исключения всех наибств округа, — писал он, — указывают на сравнительно большой против прежних лет оклад казенных взысканий и просят как об отсрочке платежа, так и об уменьшении повинностей до нормы прежних лет. Подобные заявления и просьбы в данное время приняли хронический характер»²⁴¹.

По раскладке подымного налога сельское население Дагестанской области было разделено на девять разрядов в зависимости от экономического состояния. При обложении населения Темир-Хан-Шурина округа селения были разбиты в свою очередь на три категории. К первой категории относились селения, жители которых должны были платить 3 руб. подымной подати и 1 руб. 26 коп. земского сбора; ко второй и третьей — общества, которые платили по 2 руб. подымной подати и земский сбор от 80 коп. до 1 руб. 79 коп. Ко второй и третьей категориям относились общества, которые несли также и феодальные повинности²⁴². С прекращением зависимых отношений они должны были облагаться дополнительно. На земле, принадлежащей казне, поселяне платили подымную подать от 1 руб. до 3 руб. в год²⁴³.

От платежа подымной подати были освобождены должностные лица сельского управления, служащие по «военно-народному управлению», офицеры и их семейства, беки и чанки, всадники Дагестанского конного полка²⁴⁴. Даже военная администрация в Дагестане вынуждена была признать, что «все бремя податной повинности лежало на массе крестьянского населения области»²⁴⁵.

²³⁸ Там же. ф. 90, оп. 2, д. 30, лл. 273—274.

²³⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 35, л. 1.

²⁴⁰ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, л. 40.

²⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 42.

²⁴² ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 48, л. 12; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 3, лл. 50—51.

²⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 5, лл. 23—24.

²⁴⁴ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 93.

²⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 63, лл. 3—4.

Только с 1 января 1901 г. землевладельцы были обложены поземельным налогом в связи с отменой правительством подымной подати и установлением государственной оброчной подати и поземельного налога²⁴⁶, привлекаящими к податному обложению всех владельцев земли, без различия сословий. Следует, однако, отметить, что завершенность решения сословно-поземельного вопроса в Дагестане и сохранение зависимых отношений поселян к бекам во многом препятствовали осуществлению этой налоговой реформы.

Коренное население Дагестана, как и многих других областей Кавказа, было освобождено от отбывания воинской повинности. Однако взамен этой повинности мужское население платило с человека по 35 коп.

Чрезвычайно обременительными для крестьянства являлись и другие натуральные повинности, среди которых большое место занимали дорожная, подводная и квартирная.

Дорожная повинность представляла собой одну из самых обременительных для общества обязанностей — держать в исправности дороги и мосты. Для этой цели ежегодно выставлялось огромное число рабочих и подвод. Так, например, в 1875 г. на исправлении дорог от Петровска до Гуниба и оттуда на Хунзах и Ботлих до границ Терской области работало 51 260 чел.²⁴⁷ из Темир-Хан-Шуринского округа. Выходить на дорожную работу зачастую приходилось со своим транспортом (арбами), со своим инвентарем, питанием и т. д.

Население несло и подводную повинность, т. е. выставляло подводы с рабочими для этапных команд проходящих войск, доставляло бесплатно дрова для штаба армии и т. д. По данным 1898 г., по одному только Темир-Хан-Шуриному округу было выставлено для этой цели 1718 подвод²⁴⁸.

Не менее тяжелой была для трудового крестьянства квартирная повинность. Почти все общества кумыкских округов должны были представлять по требованию военного начальства квартиры для располагаемых в селениях воинских частей.

Общества должны были нести еще конскую повинность, содержать караулы в аулах, принимать меры против саранчи, содержать в исправности межевые знаки, проточные воды и т. д.

Кроме прямых налогов и твердо установленных натуральных повинностей, трудовому населению приходилось вносить и многие косвенные налоги. Высокие пошлины на различные товары приводили к резкому сокращению их потребления маломощным крестьянским населением.

В. И. Ленин говорит, что «косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов»²⁴⁹.

Прямые налоги распределялись внутри податного сословия также совершенно неравномерно. Чем состоятельнее было крестьянское хозяйство, тем меньшую долю его расходов составляли налоги. И, наоборот, доля налогов в расходах бедного крестьянского хозяйства составляла значительно больший процент.

Таким образом, трудовое крестьянство подвергалось двойной эксплуатации: со стороны местных феодалов и со стороны царской администра-

²⁴⁶ «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате». 3 июня 1900 г. СПб., 1900. стр. 216.

²⁴⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 840, лл. 3—4.

²⁴⁸ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 102.

²⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 309.

ции. Жестокая эксплуатация, острый недостаток скота, поливной земли, отсталая техника земледелия, высокая арендная плата и т. д. ставили крестьян в невыносимо трудные условия. Недаром в кумыкской песне говорится: «И пахали мы, и жали мы, но пшеничная мука все же оставалась нашей мечтой».

Богатая прослойка крестьян была лучше обеспечена не только землей, но и сельскохозяйственным инвентарем. Общественная форма землепользования, существовавшая во многих обществах, особенно в Хасавюртовском округе, не дает возможности проанализировать ход расслоения крестьян и концентрации земли в руках зажиточной верхушки. Зато по другим средствам производства, в частности по рабочему и продуктивному скоту, нетрудно проследить процесс экспроприации крестьянства, т. е. увеличения пролетарских и полупролетарских слоев деревни.

Например, в сел. Тарки 53,5% хозяйств совершенно не имели рабочего скота, а если к этой цифре прибавить 26 хозяйств, имевших только по одной голове рабочего скота, то процент бедноты увеличится до 54,5. Что же касается мелкого рогатого скота, то 90,7% населения вовсе не имели его. Таким образом, скот концентрировался в руках определенной зажиточной группы крестьян.

Состоятельное крестьянство, расширяя площадь своей земли и увеличивая количество скота, не могло теперь обойтись без наемной силы. Как указывал В. И. Ленин, необходимым условием существования зажиточных крестьянских хозяйств было образование прослойки батраков, наемных рабочих²⁵⁰.

Многие бедные крестьяне не могли фактически использовать наделенную землю. Они вынуждены были либо сдавать ее в аренду более состоятельным семьям, либо уступать половину за то, что другой будет пахать, либо же вообще отказаться от надела и стать наемными рабочими. В. И. Ленин, отмечая расслоение крестьян в пореформенной России, подчеркивал, что «заяжиточное крестьянство «собирает» землю..., а немущее — бросает землю и превращается в наемных рабочих...»²⁵¹. Многие бедняки работали батраками у богатых односельчан или в других аулах. Кроме постоянного батрачества, широко применялся наем сезонных рабочих, особенно в период уборки хлебов. За тяжелый труд в летний период сезонные рабочие нередко получали из 10 убранных снопов только один.

Тяжелое экономическое положение, постоянно растущие налоги вынуждали крестьян заниматься отхожим промыслом. На «отход» крестьяне обычно шли с осени, по окончании уборки урожая. Отправлялись они как в города Дагестана, так и в другие области и края. Баку, Астрахань, Ставрополь, Владикавказ, Кизляр, Грозный и другие города привлекали большое число «отходников» из Дагестана, искавших средства к существованию. По статистическим данным, в 1898 г. по Темир-Хан-Шуриному округу вместе с г. Темир-Хан-Шура на отхожие промыслы выехало 3330 чел.²⁵², а в 1913 г. 5240 чел.²⁵³ Отходники работали на различных промыслах, на виноградниках, в садах и т. д. и всюду владели жалкое существование, получая мизерную заработную плату за 11—12 часов труда в сутки. На рыбных промыслах Темир-Хан-Шуриного округа, где работало в конце XIX в. более 500 рабочих, заработная плата не превышала 4—7 руб. в месяц²⁵⁴. Нередко промышленники под разными предлогами уклонялись от выдачи и этой небольшой суммы.

²⁵⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 82, 145

²⁵¹ Там же, стр. 95.

²⁵² «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 81.

²⁵³ «Обзор Дагестанской области за 1913 г.», стр. 20.

²⁵⁴ «Обзор Дагестанской области за 1898 г.», стр. 83.

Отходниками, как известно, были мужчины. Их семьи обычно оставались в аулах. Сами живя впроголодь, отходники собранный заработок привезли домой. Несмотря на тяжелые условия, отходничество имело для крестьян прогрессивное значение, повышало его культурный уровень, самосознание. В. И. Ленин пишет, что отвлечение от земледелия, отход в города «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности... Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной»²⁵⁵.

Дагестанские отходники в процессе совместного труда общались с политически более зрелыми русскими рабочими, которые помогали им встать в ряды активных борцов за свержение гнета помещиков и капиталистов. за свержение царизма.

Тяжелое экономическое и правовое положение, постоянно растущие налоги вызывали не только жалобы на действия администрации, но и активные формы борьбы против помещичьего и царского гнета. Во многих селениях почти ежегодно повторялись отказы от исполнения повинностей, от уплаты налогов в пользу владельцев и казны. Прежде всего крестьяне отказывались выходить на барщину. Выполнение четырехдневной барщины крестьяне считали «глубоким оскорблением» их самолюбия²⁵⁶. В 1883 г. Бикабай-бике подала жалобу в Темир-Хан-Шуринский окружной суд на то, что жители сел. Эрпелл отказались от установленной адатами повинности — доставления от каждого дыма по одной подводе дров по случаю смерти ее брата Абдул-Керимбека²⁵⁷. Как видно из приказа начальника Кайтаго-Табасаранского округа от 16 июня 1899 г., «раяты некоторых селений не вышли косить... сено для своих беков» и продолжали «уклоняться от исполнения лежащих на них бекских повинностей».

Наряду с коллективным сопротивлением в классовой борьбе пореформенного периода большое место занимала одиночная борьба. Единично оказав сопротивление воле феодальной знати и царской администрации или возглавив восставших, отдельные крестьяне становились абреками и вели одиночную борьбу против насилия. В своей борьбе абреки всегда находили горячую поддержку населения.

Деятельность жителей сел. Баммат-юрт Хасавюртовского округа, оказывающих систематическую поддержку абрекам, в 1899 г. было предметом специального обсуждения «Общего присутствия Терского правления». Ввиду того, что «общество этого аула постоянно укрывало у себя абреков и вообще оказывало всевозможные противодействия распоряжению местной администрации»²⁵⁸, было возбуждено ходатайство перед штабом Кавказского военного округа о расселении его жителей по разным аулам и передаче их земли русским переселенцам. По докладу военного министра указанное ходатайство было удовлетворено, и общество сел. Баммат-юрт расселено по аулам Хасавюртовского и Грозненского округов.

Царское правительство зверски усмиряло народные волнения, где бы и в каких бы формах они ни проявлялись, разорение и обнищание трудового крестьянства росло.

Однако борьба народных масс против социального и колониального гнета росла с каждым годом и особенно усилилась со времени первой русской революции 1905—1907 гг., оказавшей огромное влияние на поднятие ре-

²⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 505—506.

²⁵⁶ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, л. 40.

²⁵⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 1, д. 35, лл. 18—19.

²⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 34, л. 36.

волюционного сознания масс. Революционное движение из центра России быстро перекинулось на окраины, в том числе и в Дагестан. Всюду на промышленных предприятиях городов Дагестана шла стачечная борьба под руководством социал-демократических организаций. Вслед за рабочими на борьбу поднялись и крестьяне. Вооруженные столкновения происходили между беками и зависимым крестьянством. Так, в 1905 г. вооруженные таркинцы сожгли кутаны князя Тарковского, вырубил лес и намеревались поджечь его дом, находившийся в Шамхал-Термене. Они же вырубил леса геллинских и агачкалинских беков. Из лесоучастка геллинских беков они вывезли 700 арб дров²⁵⁹.

Особенно широкий размах приняли выступления крестьян в сел. Кумторкала. В 1907 г. за «допущенное сопротивление властям» в сел. Кумторкала была поставлена на один месяц сотня Дагестанского конного полка на полном содержании жителей этого селения²⁶⁰. Отказалось от уплаты денежных податей своим бекам за 1905, 1906 и 1907 гг. в сумме 1026 руб. общество сел. Верхнее Казанище²⁶¹ и т. д.

Как уже отмечалось, в 1913 г. под напором все возрастающего антифеодального движения были прекращены зависимые отношения крестьян от беков. Однако аграрный вопрос не был решен. Хозяевами земель по-прежнему оставались помещики и царская казна. Непрерывно росли налоги. Положение крестьян еще более ухудшилось в связи с вспыхнувшей в 1914 г. империалистической войной. Снижался уровень промышленного производства, сокращалось число рабочих на фабрично-заводских предприятиях. В упадок приходило и сельское хозяйство. Только за 1914 г. в Темир-Хан-Шуринском округе поголовье овец сократилось на 34%²⁶². Вместе с тем увеличивались налоги и всяческие повинности, связанные с войной. Все это привело к резкому понижению жизненного уровня трудового народа, к его обнищанию.

Война, хозяйственная разруха, неразрешенность аграрного вопроса, высокие налоги и повинности еще более обострили классовые противоречия в кумыкской деревне, усилили начавшийся в предвоенный период новый революционный подъем широких народных масс.

Кумыкское трудовое крестьянство, живя вблизи Темир-Хан-Шуры, Петровска, Кизляра, Хасавюрта, испытывало огромное влияние фабрично-заводского пролетариата, который под руководством большевистских организаций показывал пример борьбы за свержение власти капиталистов и помещиков, за свержение царизма. К тому же значительную часть рабочих бумагопрядильной фабрики «Каспийская мануфактура», бондарных, рыбных предприятий составляли выходцы из сел. Тарки, Кумторкалы, Атлыбуяна и др. Весть о происходящих в городах забастовках быстро распространялась по аулам и оказывала большое влияние на кумыкское крестьянство.

К 1916 г. многие селения Кумыкии были охвачены крестьянским движением, направленным против империалистической войны, против царизма и помещиков. Самым крупным крестьянским восстанием этого периода, пожалуй, является аксаевское восстание в июле 1916 г. Выступление крестьян началось стихийно. Поводом послужила очередная реквизиция подвод для военных целей. Общество категорически отказалось выполнить требования администрации. Сельскому старшине и выделенным в помощь ему стражникам было приказано отобрать подводы насильно. Однако сде-

²⁵⁹ Джелал-Эдин Атаев. Земельные споры таркинцев с князьями. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1413, л. 22.

²⁶⁰ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, л. 255.

²⁶¹ Там же, стр. 366.

²⁶² «Очерки истории Дагестана», т. 1, стр. 364.

лать это не удалось, ибо стражников «встретила большая толпа жителей, вооруженных книжалами, вилами и палками»²⁶³. Положение в сел. Аксай стало все более напряженным. Администрация направила в Аксай три роты пехоты и сотню казаков, которые вступили в бой с восставшим народом. Бой шел в течение двух часов. Телеграфное сообщение с Хасавюртом было прервано. Командование получило сведения о том, что «со всех окрестных селений спешат на помощь аксаевцам большие толпы вооруженных конных и пеших туземцев»²⁶⁴. Выступление аксаевцев было жестоко подавлено, имелось много убитых и раненых. Руководители восстания были арестованы вместе с семьями, всем жителям было запрещено носить оружие. До полного «успокоения» аксаевцев были оставлены рота пехоты и сотня казаков «с полным довольствием их за счет жителей»²⁶⁵.

Выступление крестьян сел. Аксай было столь значительным, что начальник Терской области Флейшер, опасаясь его распространения, вынужден был сделать «надлежащее распоряжение» начальникам соседних округов, чтобы те «воспрепятствовали жителям окрестных селений и других округов присоединиться к бунтовщикам»²⁶⁶. В телеграмме в Тифлис он называет жителей Аксая «дерзкими инициаторами вооруженного сопротивления властям и беспорядков, грозивших нарушить спокойствие и безопасность в области», и отмечает, что примерное их наказание явится средством «предупреждения подобных преступных выступлений в будущем»²⁶⁷.

Огромную роль в политическом пробуждении горцев играли передовые русские рабочие, которые, работая в Дагестане на фабриках, заводах, железных дорогах, тесно общались с местным населением. Вопреки колониальной политике царизма в молодой промышленности Дагестана росла и крепла издавна установившаяся дружба между горцами Дагестана и великими русским народом.

Совместная революционная борьба горцев Дагестана и русских, их боевой союз с особой силой проявились в период Октябрьской революции и борьбы за установление Советской власти в Дагестане.

Победа Октябрьской революции в центре России дала могучий толчок развитию пролетарской революции во всей стране. Рабочие, трудовое крестьянство Дагестана, руководимые большевистскими организациями, с новой силой поднялись на борьбу за установление Советской власти в Дагестане. С помощью русского пролетариата, сплотившего вокруг себя все народы царской России, с помощью Красной Армии, в тяжелых схватках со своими угнетателями и со всеми контрреволюционными силами дагестанцы установили Советскую власть и в тяжелый период гражданской войны сумели отстоять завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

В ходе революционной борьбы кумыкский народ, как и другие народы Дагестана, выдвинул из своей среды ряд известных революционеров: Улубия Буйнакского, воспитанника Коммунистической партии, сыгравшего выдающуюся роль в установлении Советской власти в Дагестане; З. Батырмурзаева, С. Казбекова, Д. Горкмасова, Д. Атаева, С. Абдулгалимова и др., которые рука об руку с дагестанскими революционерами М. Дахадаевым, С. Габиевым, К. Агасиевым, Г. Далгатом, М. Хизроевым, А. Измайловым, Г. Саидовым, М. Далгатом и многими другими, а также русскими револю-

²⁶³ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1409, л. 4.

²⁶⁴ Там же, л. 8.

²⁶⁵ Там же, л. 4.

²⁶⁶ Там же, л. 1.

²⁶⁷ Там же, л. 2.

дионерами-большевиками А. Сельтеновым, И. Котровым, Н. Ермошкиным, О. Лещинским, Э. Захарочкиным и другими вели трудящиеся массы на борьбу за победу Советской власти в Дагестане.

30 марта 1920 г. является днем окончательного утверждения Советской власти в Дагестане. Эта знаменательная дата отмечается народами советского Дагестана как большой национальный праздник. 13 ноября того же года Дагестан был провозглашен автономной республикой в составе РСФСР. 20 января 1921 г. был издан декрет ВЦИК РСФСР об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда освободила народы Дагестана, в том числе и кумыкский народ, от социального и национального гнета и создала все условия для приобщения их к социалистическому строительству.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура кумыков, подобно культуре других народов, отличается рядом специфических национальных черт, обусловленных историческим развитием народа, его хозяйственной деятельностью. Вместе с тем эта культура имеет много общего с материальной культурой других народов Дагестана. Эта общность проявляется в орудиях труда, жилище, внутреннем убранстве дома, в утвари, одежде, пище, что свидетельствует об общности происхождения, а также тесных и длительных культурных связях народов Дагестана.

1. ПОСЕЛЕНИЯ

Основным типом поселения кумыков издавна является селение, которое называется у северных кумыков «юрт» (Хасавюрт, Бабаюрт, Адиль-Янги-юрт, Султан-Янги-юрт), у южных кумыков «кент» или «гент» (Башликент, Каякент, Янгикент). Термин «юрт» не чужд и южным кумыкам, но он употребляется чаще в значении жилища наряду с равнозначим термином «уй» (дом). В последние годы термин «юрт» в значении селения стал широко распространяться и у этой группы кумыков. Однако собственные названия ряда селений, включающие термин «кент», продолжают сохраняться.

У северных кумыков нередко встречается и термин «аул»¹: Эндирей-аул, Кандаур-аул, Чонт-аул, Муцал-аул (у засулакских кумыков), Халимбек-аул, Меселем-аул, Агач-аул (у буйнакских кумыков). Селения с такими названиями — главным образом позднего происхождения. Что же касается древнейшего кумыкского селения Эндирей-аул (современный Андрей-аул), то оно прежде называлось просто Эндирей или Эндери. Именно это название встречается в литературе и архивных документах XVII—XIX вв.

Наряду с селениями у кумыков в прошлом существовал и хуторской тип поселений, хотя он по сравнению с первым типом не играл большой роли. Хуторской тип также имел два названия: «отар» — у засулакских кумыков (хасавюртовский диалект), «махи» — у всех остальных кумыков (буйнакский и кайтагский диалекты). Термин «махи», вероятно, заимствован кумыками у своих соседей — даргинцев или аварцев. Что касается

¹ «Аул» — по-кумыкски означает также «квартал».

первого термина, то он, несомненно, тюркского происхождения. Нам думается, что слово «отар» образовалось от слова «от» (от — трава, ар — словообразующий аффикс), что значит «пастбищное место». В самом деле, «отары» или «махи» возникали на пастбищах, причем постройки первое время не были фундаментальными.

Численность населения этих хуторов постепенно росла. Экономическое усиление хутора и увеличение численности его населения приводили к ликвидации зависимости его жителей от того селения, откуда переселились хуторяне. Хутора Чагар-отар, Адиль-отар, например, были образованы выходцами из сел. Аксай (Кумыкская плоскость). Как показывает само название, в Чагар-отаре первоначально жили чагары (крепостные) аксаевских князей. Впоследствии здесь поселились также выходцы из других мест, в том числе с гор. В настоящее время эти поселки выросли настолько, что многие из них не отличаются от других селений ни числом жителей, ни размером, ни типом построек, ни культурным обликом, хотя они и продолжают носить старые названия «отар».

Вполне заслуживает внимания утверждение кумыкского исследователя первой половины XIX в. Девлет-Мурзы Шихалиева о том, что «все мелкие деревни на Кумыкской плоскости первоначально² были не что иное, как хутора княжеские или узденские, впоследствии времени обратившиеся в прочные деревни»³.

С основанием каждого селения кумыки связывают различные предания⁴, которые всегда содержат известную долю правды. Повествуя о межплеменных войнах, о коллективной обороне против внешних врагов, о борьбе народных масс против феодализирующейся родовой знати и т. д., эти легенды ценны также тем, что, являясь отражением реальных исторических событий, они свидетельствуют о многовековом пребывании кумыков на данной территории и о возникновении в древности ряда ныне существующих селений. Эти предания совершенно исключают предположения о сравнительно позднем (XIII в.) проникновении сюда кумыков из других мест. В то же время, как уже говорилось выше, нельзя отрицать роли пришлых племен, в частности кыпчаков, в формировании кумыкской народности.

Если некоторые легенды, можно предположить, связаны с домонгольским населением Кумыкской плоскости, то другие, как будет видно ниже, относятся к более позднему времени. Ряд легенд, особенно засулакских, указывает на роль пришлых племен, участвовавших в формировании кумыкской народности⁵.

Рассмотрим одно из преданий, посвященных основанию Эндирея.

Первоначально в Эндирее жили тюмены, а недалеко от них (на территории современного Казбековского района) жили гуены. Эти племена постоянно враждовали между собой. Только у одного юноши из племени тюменов — Индер-бая — был друг гуен. Каждый день после охоты они встречались и вместе проводили свободное время. Однажды Индер-бай присутствовал при обсуждении его соплеменниками-тюменами плана поголовного уничтожения гуенов. Тюменский тамаза (старейшина) решил пригласить гуенов к себе и напоить отравленным напитком. На следующий день Индер-бай отправился к своему другу и предупредил его о грозящей гуенам опасности. Получив приглашение, гуены ответили, что принимают его с большой радостью, но просят подождать три дня, так как они положили все свои луки в воду (в действительности они положили в воду не

² Имеется в виду послемонгольский период.

³ Кумык. Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ», 1848, № 40.

⁴ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960.

⁵ Н. Семенов. Туземцы Северного Кавказа. СПб., 1895.

все луки, а только старые) ⁶ и им неудобно идти без оружия. По возвращении домой посланцы тюменов сообщили, что гуены положили все луки в воду. Предположив в этом средство улучшить военную технику, тюмены решили проделать то же самое — они положили в воду все свои луки, в том числе и новые.

Через три дня тюмены повторили свое приглашение, и на этот раз все мужское население гуенов, способное носить оружие, отправилось в гости. Их тамазы расположились на почетных местах, а молодежь в боевом порядке встала за ними, заявив, что по обычаю племени молодые не смеют сидеть при старших. В бокалы был налит отравленный напиток и поднесен гостям. Однако гуены, опять-таки сославшись на свой обычай, предложили сперва выпить напиток почетным тюменам. Не находя иного выхода, они выпили напиток и тут же умерли. Остальных тюменов гуены захватили в плен.

Земля тюменов очень понравилась гуенам, и они основали здесь селение. В знак благодарности Индер-баю, которого гуены усыновили и окружили почетом, они дали этому селению его имя. Впоследствии оно изменилось в Эндирей ⁷.

В основе этой легенды, по-видимому, лежит исторический факт. Гуены и тюмены, племена, вероятно, тюркоязычные, действительно обитали на данной территории после монголо-татарского нашествия и были одними из основателей Эндирея, давшими свое название двум кварталам этого селения: Тюмень-аул и Гуен-аул ⁸.

Говоря о населенных пунктах, возникших в послемонгольский период, следует учесть, что в период вторжений восточных племен, в частности монголов, многие селения на Терско-Сулакской низменности были совершенно разрушены, и население их было оттеснено в горы. В послемонгольский период, как об этом свидетельствуют источники, наблюдается обратное движение из внутреннего Дагестана на Кумыкскую плоскость.

Здесь уместно вспомнить различные предания кумыков о первом князе Кумыкской плоскости Султан-Муте, сыне тарковского шамхала, чей отец в XVI в. уступил Кумыкскую плоскость, после чего началась интенсивная колонизация этой территории выходцами из Тарковского шамхальства и горцами Дагестана ⁹.

Многие считают, что все ныне существующие здесь селения, в том числе Аксай, Костек, Султан-Янги-юрт и др., были основаны выходцами из сел. Эндирей после XVI в. Ряд селений (Бабаюрт, Кази-юрт, Муцал-аул, Адиль-Янги-юрт, Хамамат-юрт и др.) действительно был основан в конце XVIII или в первой половине XIX в.

Основание отдельных аулов еще помнят некоторые старожилы. Например, столетний колхозник сел. Хамамат-юрт Бабаюртовского района Махмуд Бекболатов прекрасно помнит историю селений Бабаюрт и Хамамат-юрт. «Бабаюрт вырос на наших глазах, — говорил он, — я помню, когда там было три-четыре хозяйства. Селение тогда называлось Магомед-къапу. Это был маленький отар». Бекболатов помнит и как было основано современное сел. Хамамат-юрт, которое прежде стояло на Тереке; после наводнения, затопившего селение, жители его обосновались в другом, более удобном месте, но свое новое селение они называли по-старому — Хамамат-юрт. Это подтверждают и другие старшие жители селения.

⁶ Новый лук, сделанный из сырого дерева, будучи положен в воду, теряет свои боевые качества.

⁷ Записано у кумыкского сказителя Аява Акавова в 1953 г. (Хасавюрт).

⁸ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 237.

⁹ «Шамхалы Тарковские», ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 58.

Таким образом, предания, как и памятники материальной культуры, указывают на сравнительно позднее происхождение ныне существующих селений засулакских кумыков.

Некоторые старые поселения кумыков были подвергнуты разрушениям и в более позднее время в связи с военными событиями. Так, варварски разрушены были кумыкские селения иранскими полчищами. В XVIII в., в период опустошительных походов Надир-шаха, особенно сильно пострадали селения южных кумыков. Многие населенные пункты Кумыкии подверглись разрушению и в период Кавказской войны. Девлет-Мурза Шихалиев писал: «Таких деревень¹⁰ было много до 1831 года, с появлением Кази-муллы большая часть их была уничтожена; потом все они были восстановлены, но когда мюридизм в горах начал усиливаться и опасности для кумыков увеличились, то большая часть мелких деревень, в 1840 году, опять уничтожена. Теперь только одни развалины их сохранили свои наименования, например, Лаклак-юрт, Генже-аул, Карлан-юрт, Гуен-отар, Сала-отар, Качкар-юрт, Хасавюрт, Баммат-юрт, Бал-юрт, Бамматбек-юрт, Казак-Мурза-юрт, Имен-Гул-юрт, Бабаюрт, Нуракай-юрт, Танай-юрт, Азамат-юрт, Умахан-юрт Нижний и пр.»¹¹.

Наряду с этим следует отметить строительство новых населенных пунктов и крепостей, предпринятое русскими на Кумыкской равнине в период присоединения Дагестана к России и Кавказской войны. Это важно прежде всего потому, что отдельные из этих пунктов в силу ряда экономических и политических причин развились до уровня городов. Как известно, еще в XVI в., вблизи устья р. Терек была построена крепость, называвшаяся Терским городом, а в 1722 г. на берегу р. Сулак (недалеко от нынешнего сел. Кази-юрт) была основана крепость Св. Крест. Особенно важное значение имело основание в 1736 г. Кизлярской крепости. Кизляр впоследствии стал одним из основных экономических центров Северного Кавказа, сыгравшим большую роль в укреплении русско-дагестанских отношений.

Многие укрепления левого фланга Кавказской линии находились на территории, населенной кумыками. Здесь возникли крепость Внезапная, построенная Ермоловым в 1819 г. на левом берегу р. Акташ (напротив сел. Эндирей), крепость Бурная, тоже построенная Ермоловым в 1818—1821 гг. на Тарки-гау, Низовое укрепление, построенное в 1839 г. на берегу моря (северо-восточная часть нынешней Махачкалы), укрепление Чир-юрт, построенное в 1846 г., и Петровское укрепление, основанное в 1844 г. в двух-трех верстах от Низового укрепления. В 1857 г. указом сената Петровская крепость была переименована в портовый город Петровск. В 1832 г. было основано Темир-Хан-Шуриновское укрепление, а в 1846 г. — укрепление Хасавюрт. Некоторые из этих крепостей, расположенные на путях, соединяющих экономические центры края, с течением времени превратились в города — Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск, Хасавюрт. Большинство же из этих укреплений разрушено в период Кавказской войны и вскоре после ее окончания.

В пореформенный период усиливается колонизация Северного Кавказа, в том числе и Кумыкской равнины. Возникают русские селения и хутора как на частновладельческих землях, так и на землях, принадлежавших казне. Так возникли ныне существующие селения Нечаевка, Богатыревка, Покровское, Кизил-юрт и др. Вместе с возникновением новых населенных пунктов в местах, где перекрещивались дороги, связывавшие разные экономически важные районы, постепенно падает значение отдельных крупных для первой половины XIX в. центров. Такая участь постигла Тарки

¹⁰ Речь идет о мелких населенных пунктах.

¹¹ «Кавказ», 1848, № 40. Многие из перечисленных здесь селений потом были восстановлены

в связи с возникновением г. Петровска, Эндирей — в связи с ростом Хасавюрта и др.

На Кумыкской равнине начиная с первой половины XVII в. проживают и ногайцы. Несколько позднее кумыкские ногайцы разделились на три группы: таркинских, обитавших на р. Сулак, подвластных тарковским шамхалам, аксаевских, кочевавших у берегов Терека, подвластных аксаевским князьям, и костековских, обитавших между двумя первыми группами, подвластных костековским князьям. По современному административному делению ногайские селения входят главным образом в Бабаюртовский район (Тамаза-тубе, Геме-тубе, Мужукай, Арка-гечен и др.). До недавнего времени ногайцы вели кочевой образ жизни. Жили они в кибитках, называемых «тельме». Группы кибиток составляли селение, которое называлось «куп» или «аул»¹².

Пристального внимания исследователя требует решение вопроса о возникновении и продолжающемся сейчас процессе развития поселений горцев на Кумыкской равнине. Этот вопрос имеет большое значение для изучения исторических и экономических связей, а также культурной общности народов Дагестана. Ввиду того, что эта тема должна явиться предметом специального исследования, мы коснемся здесь лишь вопроса об основании отдельных населенных пунктов, возникших в результате переселения горцев на плоскость.

Многочисленные предания кумыков о князе Султан-Муте, сыне шамхала, получившем в удел засулакскую равнину (Кумыкская плоскость), и о заселении ее после нашествия монголов указывают на тесные связи кумыкских (засулакских) владетелей XVI—XVII вв. с горцами аварской группы народностей. Как свидетельствуют предания, «союзниками» Султан-Мута в его борьбе за свой удел были кабардинцы и салатавцы, ныне жители Казбековского района. Потомки Султан-Мута широко привлекали горцев в свои дружины. Дружинники-горцы щедро награждались землей, оружием, верховыми лошадьми и т. д. Такие горцы нередко переселялись на плоскость, составляя опору кумыкских владетелей в их феодальных междоусобицах. Награждению землей отдельных горцов способствовал и развитый среди кумыкской феодальной знати институт аталычества. Воспитанный в доме горца сын кумыкского князя на всю жизнь сохранял уважение к своему воспитателю и оказывал ему всевозможные услуги.

На Кумыкскую равнину спускались не только состоятельные горцы (аталыки, нукеры и др.), но и беднота, которая из-за малоземелья в горах вынуждена была селиться на землях кумыкских феодалов, неся бремя тяжелой феодальной ренты. С развитием товарных отношений часть горцев стала приобретать земельные участки на плоскости также и путем покупки.

Большое значение в освоении горцами новых земель на плоскости имел отгонный характер животноводства в Дагестане. Несмотря на ряд отрицательных сторон, отгонное животноводство сыграло огромную роль в развитии культурно-экономических связей кумыков и горцев Дагестана. Находясь на плоскости пять-шесть месяцев в году и эксплуатируя, как правило, один и тот же участок, горцы-барабановоды вкладывали сюда некоторые средства, воздвигали хозяйственные помещения и жилые строения.

В силу ряда причин на Кумыкской равнине возникает значительное число поселений аварцев и даргинцев. Так была заселена аварцами определенная часть современного Казбековского района. Это подтверждается данными топонимики района. Названия многих местных населенных пунктов, родников, гор, отдельных земельных участков имеют кумыкское происхождение. Возьмем, к примеру, названия двух аварских селений — Коз-

¹² Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 366—367.

тала и Гертма. «Къозтала» по-кумыкски значит «ореховая поляна». В самом деле, это место и в настоящее время отличается обилием ореховых деревьев. Название Гертма, по-кумыкски «Гертме», т. е. лесная груша, также связано с характером местности — там и сейчас много таких деревьев.

И. Бахтамов считал, что название аварского сел. Миатли или Миятли происходит от слияния двух кумыкских слов — «минг атлы» (тысяча конных) и что это селение называлось так потому, что оно выставляло против неприятелей конницу из тысячи всадников. По данным того же автора, аварское сел. Чиркей современного Буйнакского района имеет всего лишь 250-летнюю историю. «Эти горы, — писал он об обществе сел. Чиркей в 1863 г., — 160 лет тому назад вышли из разных мест Аварии, избрали место на левой стороне реки Сулак и поселились на земле, принадлежавшей некогда андреевским князьям, коим платили произведениями из посевов и садов своих, впоследствии приобрели это место покупкою»¹³.

Старожилы аварского сел. Чирюрт (по-кумыкски «чир» — забор) рассказывали, что они — выходцы из разных районов Аварии. В селении сохранились три тухумных названия: Буртунайтухум — переселенцы из сел. Буртунай Казбековского района, Багулалтухум — выходцы из западной Аварии, Лагтухум (бывшие рабы)¹⁴.

Так постепенно возникли на плоскости селения Нижний и Верхний Каранай, Верхний Дженгутай (на территории современного Буйнакского района), Нижний Чирюрт, Бавтугай (последнее название произошло в результате слияния двух кумыкских слов: «бав» — сад и «тогай» — балка) и др. Одни из этих селений возникли в более ранний период, другие — сравнительно недавно.

Процесс переселения горцев на плоскость продолжается и сейчас. Так, в Хасавюртовском районе за последнее пятилетие возникло крупное селение Куруш, основателями которого являются переселенцы из высокогорного аула Куруш; в Каякентском районе даргинцами основаны большие селения нового типа — Первомайское, Герга и т. д.

Говоря о переселении горцев на плоскость, нельзя обойти вопрос об индивидуальном переселении их в собственно кумыкские аулы. В полосе соприкосновения аварцев и даргинцев, с одной стороны, и кумыков — с другой, существует множество кумыкских населенных пунктов, в которые издавна переселяются отдельные семьи или группы семей горцев. Они постепенно ассимилируются с кумыками, накладывая, однако, диалектный отпечаток на язык этих кумыков. Это доказано дагестанскими диалектологами Ш. И. Михайловым, М. С. Саидовым и И. А. Керимовым. Для примера можно назвать такие селения, как Алхаджикент, Каранай-аул (Каякентского района), Нижний Дженгутай, Верхнее Казанище, Эрпели, Ишкарты (Буйнакского района), Дургели, Кака-Шура, Параул (Карабудакентского района) и др.

Таким образом, систематическое переселение горцев на плоскость привело не только к образованию отдельных пунктов, населенных горцами, но и к росту существующих издавна кумыкских селений. Все это способствовало ослаблению национальной ограниченности, развитию чувства единства народов Дагестана и взаимному обмену материальными и духовными ценностями.

¹³ И. Бахтамов. Чирка или аул Чиркей. «Кавказ», 1863, № 29. Нам думается, что автор несколько неточен в определении значения сел. Миатли в прошлом. Одно это селение вряд ли могло выставлять такое ополчение. Вероятнее всего, сел. Миатли, расположенное на берегу р. Сулак, на удобном месте, в силу ряда причин играло важную военно-стратегическую роль и было более известно, чем другие селения салатавцев. Поэтому общая военная сила салатавцев могла быть приписана одному этому селению.

¹⁴ Записано в 1954 г. у колхозника Гасана Айдемирова 72 лет в сел. Чир-юрт Кизилюртовского района.

Селения, основанные горцами на территории Кумыкии, по своей планировке и внешнему облику очень похожи на кумыкские селения. Вместе с тем продолжают сохраняться и некоторые особенности национальной культуры горцев. Это проявляется больше всего во внутреннем убранстве жилых помещений, в пище.

Селения кумыков в большинстве случаев расположены на возвышенности, но планировка в них горизонтальная. Исключение составляют селения засулакских кумыков, расположенные на равнине, а также селения, созданные в более позднее время. Некоторые селения, например Тарки, Кяхулай, Алхинжикент, Тумеллер, расположены на весьма значительной высоте, что, вероятно, было вызвано потребностями обороны. Примечательно, что в стенах отдельных домов, примыкающих к обрывам, когда-то имелись, как об этом рассказывают старики, бойницы, которые потом были заложены камнями. Об этом свидетельствует и П. Пржецлавский, состоявший в начале 60-х годов XIX в. помощником военного начальника Среднего Дагестана. Он писал: «Все селения (юртлар) построены сжато, конечно, для удобнейшей при нападениях неприятеля обороны, так, что одно строение прилеплено к другому; улицы узкие, едва дающие возможность разехаться двум арбам... В примыкающей к улице стене, около дверей и окошек, делаются бойницы так, что каждая комната в военном отношении имеет характер оборонительный. Бойницы эти, когда в них нет надобности, закрываются камнями»¹⁵. Кроме того, в селениях имелись башни и другие оборонительные и наблюдательные пункты.

Для характеристики старых поселений с оборонительными сооружениями большой интерес представляет описание сел. Тарки — резиденции шамхалов, составленное «Посольством из Грузии» (1603—1604 гг.). «Городище Тарки в Кумыцкой земле от морского берегу версты с две, — говорится в «Описании», — исстари город бывал каменной, стоит на горе; а та гора поотшла от больших гор к морю гребенем, и по ней лес большой, а вверх ее сажен с 30, и ныне на той горе на самом верху стоит башня каменная и с той башни мочно очицат из наряду до моря и на все стороны. А с одну сторону у той горы от моря залом каменной самородной; а под заломом визну сажен с 20 и больше стоит на той же горе двор шевкалов, палаты каменные и избы. Да тутю ж с одного края позади шевкалова двора башня другая каменная да городище старое. С двух сторон горы стена была каменная. И для крепости к тем к старым башням по старому городищу и вново с двух сторон делати стена каменная или деревянная...»¹⁶.

А. М. Будковский также отмечал, что в Эндирее «почти все княжеские дома окружены каменными оградами и оборонительными башнями»¹⁷. То же самое писал он и о сел. Аксай¹⁸.

Несмотря на трудности, связанные с условиями рельефа, многие селения имели хорошо устроенную для того времени систему орошения и каналы, снабжавшие их ключевой водой. Гербер писал о сел. Тарки: «Пред прочим примечания достойны там каналы, которыми вода из находящихся на верхних горах ключей сперва в шамхалов дворец, а оттуда во все дворы и конюшни протекает»¹⁹.

¹⁵ П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», 1860, № 4, стр. 274—276.

¹⁶ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 404.

¹⁷ А. М. Будковский. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 241.

¹⁸ Там же, стр. 242.

¹⁹ И. Гербер. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и об их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760, стр. 35.

Рис. 36. Один из старейших кварталов сел. Тарки

Планировка старых селений в большинстве случаев бессистемна. Все же в каждом селении можно проследить главную улицу, правда, не всегда прямую, от которой во все стороны расходятся переулки, перекрещивающиеся с другими, более отдаленными от центра улицами. «Весь город раскинулся амфитеатром прямо перед глазами, — писал И. Н. Березин в 1850 г. о Тарках, — можно видеть даже внутренние подробности домов, и однако же, несмотря на все это, приедем не без туземного проводника внутрь этих извилистых, жалко-узких улиц, нередко оканчивающихся ни с того, ни с сего стеной»²⁰. Далее он отмечал, что в Тарки вела крутая и узкая дорога, что «две арбы, не без крика и ссоры хозяев, могут разъехаться на ней рядом», что дома «разбросаны без всякого порядка»²¹. Главная улица селения была центром местной общественной и экономической жизни. Здесь, как правило, стояла джума — мечеть с высоким минаретом, у которой решались вопросы хозяйственного и правового порядка.

Существенные перемены в экономическом и общественном положении наиболее влиятельных жителей того или иного квартала иногда приводили к перенесению центра общественной жизни с одной улицы на другую. Однако такого рода явления наблюдались редко, так как связующим звеном неизменно служила главная мечеть. Главная улица селения называлась и сейчас называется «уллу орам» (у северных кумыков) или «уллу эльчи» (у южных кумыков)²². Она обычно была шире, чем остальные улицы, и застроена, как правило, лучшими домами, хотя самое лучшее здание — замок феодала (бийни къаласы или бийни къапусу) стояло особняком в стороне от остальных зданий.

Бессистемность планировки старых аулов сочетается с большой скученностью заселения, в связи с чем собственно дворы занимают незначи-

²⁰ И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 57.

²¹ Там же, стр. 56.

²² «Уллу» — большая, «эльчи» или «орам» — улица.

тельную площадь. В селениях нередко встречаются тупики (Каякент, Тарки и др.).

Одной из характерных особенностей старых кумыкских селений является односторонняя застройка улиц, причем надворные постройки и двор находились на значительном расстоянии от самой улицы. Что же касается другой стороны улицы, то здесь мы наблюдаем противоположную картину — жилые постройки стоят вглубь от красной линии улицы, зато на первый план выходят забор, ворота и надворные хозяйственные постройки. Однако этот порядок иногда нарушался.

Селения делятся на кварталы — «авул»²³, которые имеют свои названия. Названия авулов указывают часто на географическое положение данного квартала.

Нередко эти названия указывали на социальное положение жителей квартала в прошлом. Так, сел. Андрей-аул делилось на восемь авулов: Барагъанавул, Тюмень-чагъар, Айдемир-чагъар, Адиль-герей-чагъар, Темир-чагъар, Салавул, Мухавул. Прежде это селение имело и ряд других кварталов, которые в результате образования новых селений и переселения жителей на новое местожительство постепенно исчезли. Такими были Эсгиюрт, Барагъан-тогъай, Алберавул (Ари-бериавул)²⁴, Тюмень-баш, Гичайлангъан, Уллауайлангъан, Уллучумлу, Гуенсызакъ, Умахан-ер.

Как видно из многочисленных названий кварталов, Андрей-аул (Эндирей) был самым крупным селением на Кумыкской плоскости. Оно сыграло важную роль в процессе образования многих ныне существующих населенных пунктов. Некоторые названия как ныне существующих, так и исчезнувших кварталов этого селения указывают на крепостное состояние их жителей в феодальную эпоху (например, кварталы: Тюмень-чагъар, Айдемир-чагъар, Темир-чагъар, Адиль-герей-чагъар), названия кварталов Тюмень-баш, Гуен-сызакъ указывают на племенную принадлежность (племена тюмень и гуен) и т. д. В этом селении, как об этом пишет Н. С. Семенов, был еще квартал, заселенный теркеменцами. Название «теркеме» указывает как на сословную, так и на национальную их принадлежность.

Один из кварталов сел. Алхаджикент до сих пор называется Сиргъавул. Предание говорит, что первыми основателями этого квартала были выходцы из даргинского селения Сиргъа. В селениях Тарки, Андрей-аул, Башликент и других имеются кварталы, называемые «чагаравул». Они были заселены потомками бывших рабов, посаженных феодалами на землю на правах крепостных крестьян. Кварталы иногда назывались и по имени их основателей: Урусханавул, Аликейавул, Сабанайавул (сел. Аксай), Барагъанавул (сел. Андрей-аул) и др. Внутри кварталов общественная жизнь была сосредоточена вокруг авульной мечети, куда ежедневно собиралось на молитву взрослое мужское население. Мужчины собирались также на «очарах» (специальные места для отдыха).

На кумыкские селения наложили определенный отпечаток различные эпохи общественного развития: родовой строй с его тухумной организацией и большой семьей, рабовладельческий уклад, феодализм и капитализм.

Родовые организации у кумыков стали исчезать сравнительно рано и для XVIII—XIX вв. был характерен феодальный строй, хотя родовые

²³ Слово «авул» в литературе подменилось термином «аул»: «Андрей-аул», «Каранай-аул» и т. д., что, несомненно, является искажением этого слова.

²⁴ Некоторые старейшие жители этого селения считают, что правильно говорить «ари-бериавул», т. е. квартал, жители которого дважды переходили с места на место (сперва они жили за Акташем, потом Кази-мулла разрушил селение, и они перешли на новое местожительство): другие считают правильным названием «алберавул» — торговый аул.

пережитки продолжали сохраняться еще очень долго. Установление и развитие феодальных отношений привели к исчезновению тухумного принципа расселения кумыков по кварталам. Образование каждой новой хозяйственной ячейки влекло за собой ее переселение на имевшееся свободное место. Все же члены близкородственной группы предпочитали жить вместе, недалеко друг от друга. Для этого они до минимума сокращали приусадебные участки или дворы и нарушали планировку целого участка, чтобы устроиться поудобнее. Особенно это заметно в селениях Каякент, Тарки, Алхаджикент, где многие дома совершенно не имели дворов.

Своей бедностью и низкими одноэтажными постройками выделялся в селении квартал, заселенный чагарами — бывшими рабами, который назывался «чагаравул». Рядом с ним находилась опромная усадьба владельца этих рабов — феодала, целый комплекс жилых и хозяйственных построек, обнесенный крепостными стенами.

Развитие капитализма внесло существенные изменения в планировку кумыкских селений. Вместо старых домов с глухими стенами на улице появляются новые двухэтажные дома с большими окнами, балконами и застекленными галереями. Кумыкская буржуазия была тесно связана с русской буржуазией. Разъезжая по промышленным и торговым центрам России, кумыки-купцы воспринимали русскую городскую культуру, в частности, строили свои жилые дома и торговые заведения на русский городской лад. В связи с этим появляются совершенно новые кварталы. Например, в селениях Тарки и Эндирей были особые торговые кварталы: в первом — Базаравул, во втором — Алберавул.

Селения позднего происхождения, как, например, Бапликент, Аксай и др., отличаются более правильной планировкой. Улицы здесь прямые, параллельные друг другу. Параллельно расположены и переулки, соединяющие улицы. Таким образом, территория селений позднего происхождения разбита на правильные кварталы. В таких селениях дома, как правило, имеют обширные дворы, частично занятые под огород или сад.

2. ЖИЛИЩЕ

Исследуя кумыкское жилище, мы ставим перед собой задачу проследить по мере возможности его историческое развитие и выяснить изменения, происшедшие и продолжающие происходить в типах и характере построек, в строительной технике, в материалах, применяемых в строительстве, а также во внутреннем убранстве жилых помещений.

На характер кумыкского жилища значительное влияние оказывали местные условия: климат, топография, наличие леса, строительного камня, песка и глины, уровень производства строительных материалов. Развитие кумыкского жилища от простейшего однокамерного помещения до современного дома теснейшим образом связано с изменением и развитием самого общества, экономических и общественных отношений кумыков. Исследования, проведенные нами в различных районах, дают основание утверждать, что жилище кумыков на основной территории их расселения однотипно. Это относится к Буйнакскому, Ленинскому, Каякентскому и Кайтагскому районам, т. е. к территории распространения буйнакского и кайтагского диалектов. Исключение составляют засулакские кумыки (Кизилюртовский, Хасавюртовский и Бабаюртовский районы), жилища которых имеют свои отличительные особенности.

Земля засулакских кумыков является самой равнинной частью кумыкской территории. Здесь очень мало строительного камня, и в прошлом он почти не использовался. Основным строительным материалом здесь служил саманный кирпич из глины и соломы. Мало было также строевого леса.

В несколько более благоприятных условиях находилось сел. Эндирей, сравнительно лучше обеспеченное лесными материалами и имевшее некоторые запасы строительного камня. В этом селении имеется ряд монументальных зданий, построенных с применением тесаного камня и ценных пород строевого леса. Некоторые монументальные здания (мечети, бывшие купеческие дома, административные здания) сохранились и в других крупных селениях Кумыкской плоскости, в частности в Аксае и Костеке, но эти здания строились из привозного материала. Недостаток своего строительного материала и трудность его доставки наложили отпечаток на жилище засулакских кумыков. Определенное влияние на характер жилища этой группы кумыков оказали и их соседи — ногайцы, русские, чеченцы. С выделением Кумыкской плоскости в удел Султан-Муту (в XVI в.) и особенно после включения их в состав Терской области засулакские кумыки были в значительной мере оторваны от основной части кумыков, проживавших в Тарковском шамхальстве. Вместе с тем усилились связи засулакских кумыков с русскими и другими соседями.

Жилище остальных кумыков, т. е. кумыков, живущих на территории распространения буйнакского и кайтагского диалектов²⁵ (Буйнакский, Ленинский, Каякентский, Кайтагский, районы и окрестности г. Махачкалы), более монументально. На жилище этих кумыков значительное влияние оказывало жилище их соседей — даргинцев и аварцев. Наряду с саманом здесь широко применялся тесаный и рваный камень, а также ценные породы строительного леса. Известный автор середины XVII в. Эвлия Челеби уже отмечал широкое применение камня жителями сел. Тарки. Он писал: «Они (т. е. дома.— С. Г.) построены из камней на каменном основании. Здесь имеются такие прекрасные здания, как дворец Шамхал-Шаха-Вифи, ханский дворец, дворец Хурхурбека, дворец Улубека, дворец Касумбая, дворец Алибая»²⁶.

Однако и здесь трудно найти памятники старины, ибо в местном строительстве первостепенную роль играл все же саманный кирпич. В связи с этим только путем сравнительного анализа жилищ всех кумыков с учетом их локальных особенностей возможно правильно подойти к изучению данного вопроса.

Отсутствие древних сооружений крайне осложняет задачу установления ранних форм жилища кумыков.

Однако данные археологии позволяют проследить некоторые этапы развития жилища обитателей Кумыкской равнины. Характеристику одного из ранних памятников человеческого жилища на территории, заселенной кумыками, дает, например, поселение близ сел. Каякент (эпоха энеолита)²⁷. Поселение это было расположено на сравнительно ровной площадке высокого холма, причем было сильно укреплено. Его насельники жили в небольших легких плетеных постройках, обмазанных глиной. Наряду с этими постройками имелись и более сложные сооружения на каменном фундаменте с конической или горизонтальной крышей.

На Джемикентском поселении родового типа начала II тысячелетия до н. э. выявлены два типа жилищ — наземные и типа землянки или полуземлянки. Жилища имели небольшие размеры, прямоугольную, подчас несколько округлую в плане форму, стенки их были обложены камнем.

²⁵ Эти кумыки, как мы отмечали выше, до образования в 1860 г. Дагестанской области входили в феодальные образования: Тарковское шамхальство, Мехтулинское ханство и Кайтагское удийство.

²⁶ Отрывки из Эвлия Челеби. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1157, стр. 89.

²⁷ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 20; Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, 22, 1955, стр. 5—20.

Рис. 37. Улицы современных селений:
сел. Каямент, сел. Верхнее Казанще

Жилища типа землянки соединялись между собой посредством узкого прохода. Внутри жилищ имелись печи типа современных кёрюков²⁸. По-видимому, жилища предназначались отдельным семьям, объединенным в рамках больших патриархальных семей, что нашло свое отражение в системе проходов, связывавших отдельные жилища между собой.

Более поздние памятники эпохи бронзы (середина II тысячелетия до н. э.) свидетельствуют об умении местного населения изготавливать сырцовые кирпичи. Ими были выложены пол и частично стены подкурганых могил близ ст. Манас²⁹. Потолки и стены при этом иногда белились.

Большой интерес представляют выявленные археологическими раскопками на Кумыкской равнине жилища эпохи раннего средневековья. Архитектура и принцип их сооружения весьма близки современным кумыкским жилищам. Так, жилища этого времени, раскопанные близ селения Миатли на Сулаке и Агачкалы Буйнакского района, были сложены из каменных плит в несколько горизонтальных рядов. Жилища близ Агачкалы возводились на каменном фундаменте со стенами из мелкого камня с глиняной обмазкой. Перекрытие было плоское и состояло из жердей, обмазанных глиной³⁰. На каменном фундаменте возводились дома Миатлинского и других поселений на Сулаке³¹. Стены в ряде случаев сооружались и из сырцовых кирпичей, как, например, на Бавтугайском, Верхне-Чирюртовском и Миатлинском поселениях. Иногда встречаются и турлучные стены³². Жилища в плане, как правило, имели прямоугольную форму, пол был глинобитным, дома многокамерными — от двух до пяти помещений, реже — однокамерными, как на Сегитминском городище. Обычно в комплексе дома входили и хозяйственные помещения, а также дворик³³. Внутри помещений находились глинобитные печи. Оштукатуренные стены жилищ раннего средневековья подвергались побелке. Иногда побелка производилась и на наружной части дома³⁴. Наряду с побелкой значительный интерес представляет и факт сооружения лежанки внутри жилища³⁵. Как известно, лежанка была характерна до недавнего времени для жилищ горного типа.

Для определения ранних форм жилищ кумыков, как и других тюркских народов, большой интерес представляют существовавшие у кумыков до недавнего времени хозяйственные постройки под названием «алачыкъ» или «алачукъ». Алачык — это большое, довольно массивное, цилиндрической формы сооружение, плотно сплетенное из прутьев, с конической крышей, сделанной из жердей или прутьев и покрытой соломой. В верхней части конуса изнутри укреплялось колесо, надетое на высокую жердь, укрепленную посередине помещения. Сверху на колесо опирались жерди конуса. Алачык имел небольшую дверь и оконное отверстие, что вполне соответствует названию («алачыкъ» — от двух тюркских слов: «алды» и «ачыкъ», что дословно означает «открытое спереди»). По своей форме это

²⁸ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 30—33.

²⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. 45, М., 1952, стр. 86—88; его же. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г. (фонды Дагмузея).

³⁰ К. Ф. Смирнов. Отчет об археологических исследованиях Дагестана в 1950 г. (Дагмузей), стр. 37.

³¹ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. «Уч. зап. ИИЯЛ», вып. I, 1956, стр. 217.

³² Н. Д. Путинцева. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья по материалам в зоне строительства Чирюртовской ГЭС. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2519, стр. 24.

³³ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г., стр. 71; В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 217.

³⁴ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г., стр. 70; В. И. Канивец. Указ. соч.

³⁵ В. И. Канивец. Указ. соч.

Рис. 38. Соломохранилище — «алачык»

сооружение очень напоминало юрту кочевника, хотя оно было не войлочным, а плетеным. Наряду с этим кумыки делали алачык и из саманных кирпичей, четырехугольный в плане, с обычной для кумыкского дома крышей. Это была уже дальнейшая эволюция данной формы постройки. Исследование этого типа сооружений у кумыков, на наш взгляд, имеет большое значение для решения проблемы этногенеза кумыкской народности.

Как свидетельствуют исторические источники, кочевые племена стали проникать на Кумыкскую равнину в раннем средневековье. В отличие от азербайджанских и некоторых других тюркоязычных народов, которым алачык известен как войлочное жилое помещение, кумыки в XIX и в начале XX в. знали это сооружение уже только как хозяйственное. Однако в кумыкском фольклоре содержатся данные, позволяющие предполагать, что алачык у предков кумыков когда-то служил жилищем наряду с другими ранними формами. В связи с этим большой интерес представляют сообщения арабских писателей о постройках города Семендера, некогда столицы Хазарии и царства Джидан, расположенного на Кумыкской равнине. Автор X в. Ал-Истахрий писал: «Постройки семендеровцев деревянные, плетеные; кровли на домах выпуклые»³⁶. «Жилища семендеровцев, — сообщает другой автор конца X в. Ал-Мукаддасий, — из дерева, переплетенного камышом; крыши у них остроконечные»³⁷.

Не менее важное значение для суждения о ранних формах кумыкского жилища имеет старинный однокамерный дом — «тавчулу уй» или «тавчуй» («тав» — гора, «уй» — комната; комната, построенная по-горски, горская комната). Такой дом состоял из одной большой комнаты,

³⁶ И. Я. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК, вып. 29, 1901, стр. 47—48.

³⁷ Е го же. Сведения арабских географов IX и X вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 5.

которая тонкой перегородкой была разделена на две части — «тавчу», где располагался очаг, и «тавчуну тишани» (т. е. наружная сторона «тавчу»). Перегородка шла до потолка. Ее обычно делали из хвороста и обмазывали глиной³⁸. В перегородке устраивали прямоугольное отверстие, высотой примерно 80 см и шириной около одного метра, которое служило входом (вернее, лазейкой) в «тавчу». Перед самым входом в тавчу, на небольшой полукруглой площадке, находившейся на одном уровне с полом тавчуну тишани, раскладывали огонь. Это был очаг — костер без правильного дымохода. По обеим сторонам его можно было сидеть и лежать. Пол очаговой половины комнаты, т. е. тавчу, был на 20—25 см выше, чем в остальной части жилого помещения, и напоминал в какой-то степени лежанки средневекового жилища, обнаруженные при раскопках на Сулаке и в горах.

Говорят, что в старину над костром, под отверстием в крыше, ставили на ночь большой медный таз, наполненный водой. Таз укреплялся на специальных жердочках. Это делалось для обеспечения безопасности его обитателей на случай, если кто-либо попытался бы подбросить в дом горящую головню или проникнуть в дом.

Перегородка, разделяющая комнату, кроме сохранения тепла в зимних условиях, имела, по словам стариков, и оборонное значение, так как прикрывала сидящих у очага и защищала их от внезапного нападения. Над входом в перегородку было второе маленькое отверстие, куда ставили освещавший обе половины комнаты «напчыракъ» (светильник), сделанный из глины. Вместо фитиля в нем горела тряпка, смоченная неочищенной нефтью. Копоть от светильника и дым очага выходили через отверстие в крыше. Для лучшей тяги наружную дверь тавчуну тишани все время держали приоткрытой. Окон в помещении не было, днем свет проникал через отверстие в крыше и через наружный вход.

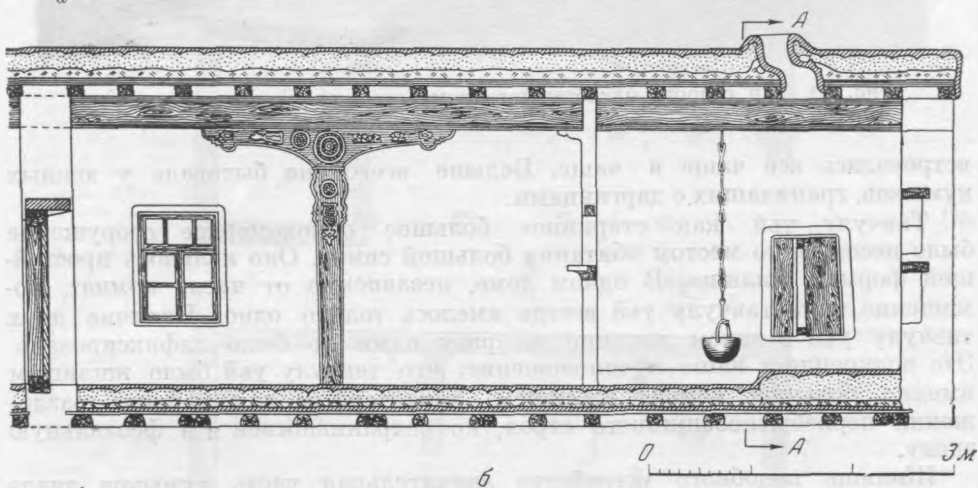
Между перегородкой над входом в тавчу и противоположной стеной были параллельно укреплены две жерди. Над самым очагом эти жерди соединялись перекладной, к которой прикреплялась цепь с крючками — «ильгич» (вешало). Крюков было несколько: один был укреплен выше — для большого котла, другие ниже — для маленьких котлов. Интересно, что до сих пор кумыки говорят «къазан аса» (вешает котел), хотя «ильгич» давно вышел из употребления и все пользуются плитами, на которые ставятся кастрюли. В котлах готовили пищу для большой семьи. Перекладину над очагом использовали также для вяления мяса и сала. Дрова в очаг закладывали в большом количестве и в пераспленном виде. Они горели постоянно, постоянно накапливались и зола. В этой горячей золе и на углях выпекали хлеб. Стены тавчу от дыма и копоти становились черными. Снизу, на метр или более от пола, время от времени их покрывали слоем серой глины («шере»), а верхняя часть так и оставалась черной. Тавчуну тишани была значительно чище — здесь все стены снизу доверху обмазывали белой глиной. В обеих частях жилища было множество ниш, куда помещали всякую утварь.

Само название «тавчулу уй» связывает кумыкское жилище с жилищем аварцев, даргинцев и лакцев. Засулакские кумыки совершенно не знают такого типа сооружения, и в их диалекте нет термина «тавчул» или «тавчулу уй». По мере продвижения в горы эта форма жилища

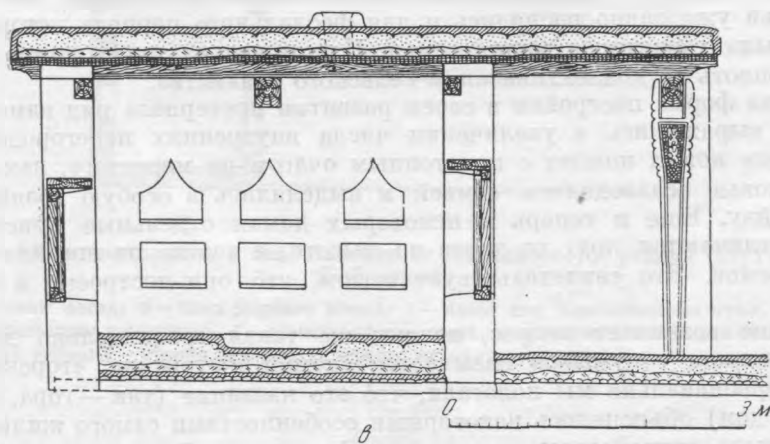
³⁸ Перегородка нередко состояла из плетня, оштукатуренного с двух сторон, с последующей обмазкой. Использование в древности легких плетеных построек на территории современных кумыков (в Каякентском поселении) зафиксировано А. П. Кругловым (см. А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 20). Для нужд хозяйства кумыки и в настоящее время применяют легкие плетеные постройки.

а

б

в

Рис. 39. Тип старого дома:

а — передний фасад; б — разрез «ставчулу уйи»; в — разрез «ставчу»

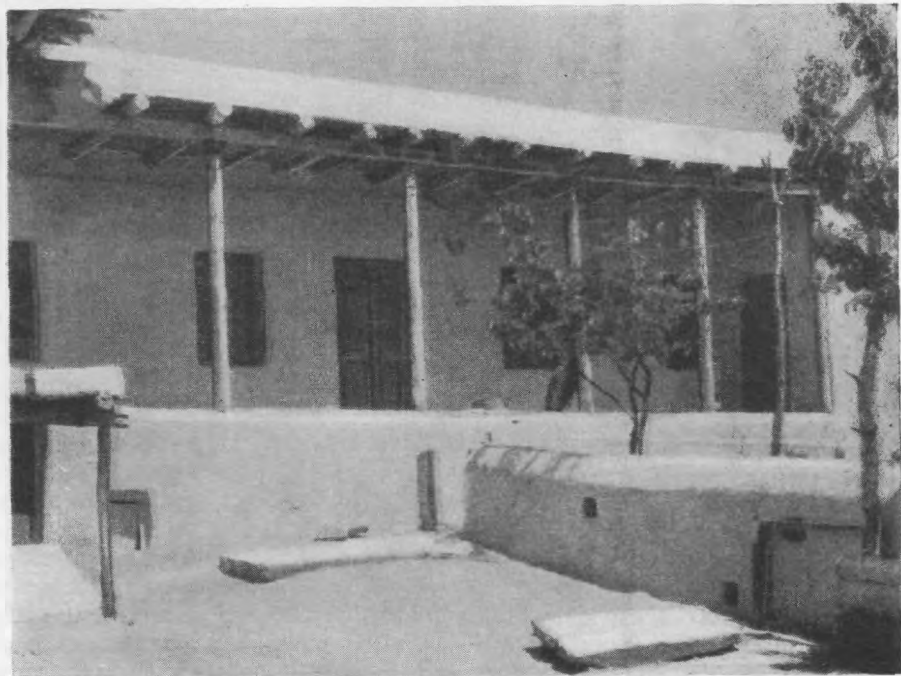

Рис. 40. Тип старого одноэтажного дома средних и южных кумыков

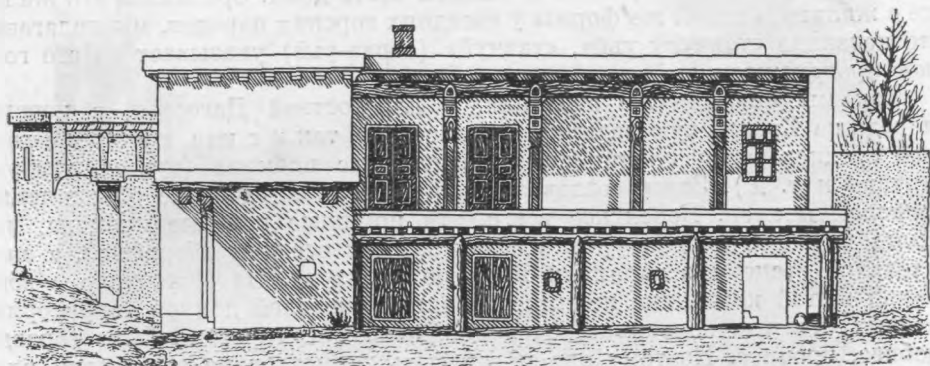
встречалась все чаще и чаще. Больше всего она бытовала у южных кумыков, граничащих с даргинцами.

Тавчулу уй как старинное большое однокамерное сооружение было несомненно местом обитания большой семьи. Оно являлось простейшей формой жилища. В одном доме, независимо от числа комнат, помещение типа тавчулу уй всегда имелось только одно. Наличие двух тавчулу уй в одном жилище ни разу нами не было зафиксировано. Это подкрепляет наше предположение, что тавчулу уй было жилищем именно большой семьи, жилищем, характерным для периода разложения первобытнообщинного строя, но сохранившимся и в феодальную эпоху.

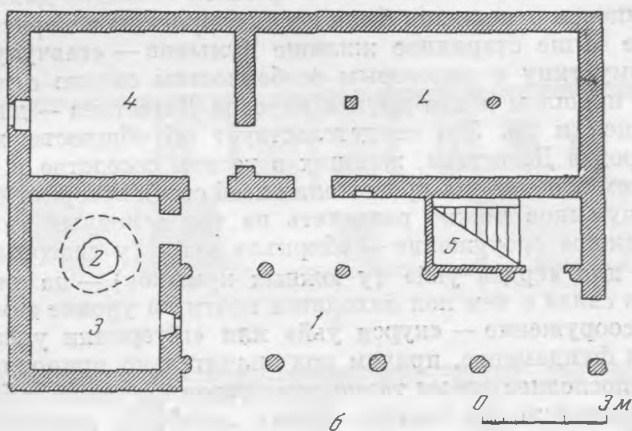
Жилище подобного устройства значительная часть кумыков знала вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, хотя большие семьи уже давно распались и для феодального периода истории кумыков была характерна малая семья. Некоторые из таких домов сохранились вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Данная форма постройки в своем развитии претерпела ряд изменений, которые выражались в увеличении числа внутренних перегородок и в пристройке новых комнат с пристенным очагом по мере того, как взрослые сыновья обзаводились семьей и выделялись в особую хозяйственную ячейку. Еще и теперь в некоторых домах отдельные пристройки сильно отличаются друг от друга по высоте, а также по ширине оконных проемов. Это свидетельствует о том, что они построены в разное время.

Законно возникает вопрос, почему же такая сравнительно древняя форма жилища у кумыков называется «домом по-горски», «горским домом». Первоначально мы полагали, что это название (тав — гора, уй — комната, дом) объяснялось некоторыми особенностями самого жилища и прежде всего устройством пола, который в очаговой половине комнаты

a

б

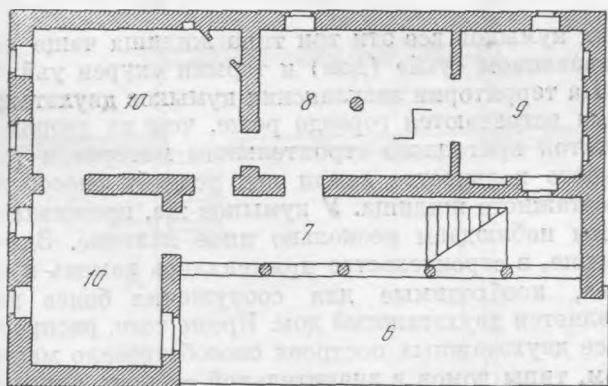

Рис. 41. Дом колхозника в сел. Башлыкент Каякентского района (двухэтажный, Г-образный)

a — передний фасад; *б* — план [первого этажа: 1 — навес для хозяйственных нужд, 2 — погреб, 3 — хозяйственное помещение, 4 — помещения для скота, 5 — лестница на второй этаж; *в* — план второго этажа: 6 — крыша над частью первого этажа, 7 — галерея, 8, 9, 10 — жилые комнаты

был на 20—25 см выше, чем в остальной части дома. Сравнивая это жилище с жилищем такой же формы у соседних горских народов, мы полагаем, что название «тавчулу уй», «тавчуй» (тавча-уй) указывает на его горское происхождение.

Как мы не раз уже отмечали, в плоскостной Дагестан, в первую очередь на Кумыкскую равнину, как с севера, так и с юга, начиная с раннего средневековья проникали тюркоязычные племена (гуны, хазары, кипчаки и т. д.). Здесь создавались крупные политические объединения тюркских племен. Вероятнее всего, эти пришлые кочевые племена, находясь на более низком уровне развития, чем оседлые аборигены, в значительной степени восприняли местную культуру. По сравнению с войлочной юртой кочевника жилище коренных жителей данной территории, которых степные кочевники, очевидно, называли горцами, было гораздо удобнее, прочнее. Поэтому оно могло быть заимствовано пришлыми племенами и названо «домом по-горски» (тавча уй). Что же касается местных племен, то они могли забыть прежнее название данного жилища, так как в языковом отношении были ассимилированы в тюркской среде.

Описанное выше старинное жилище кумыков — «тавчулу уй», «тавчуй» по своему типу и некоторым особенностям сходно с жилищем, характерным в прошлом и для других народов Дагестана — для даргинцев, аварцев, лакцев и др. Это свидетельствует об общности материальной культуры народов Дагестана, живших в тесном соседстве и находившихся в постоянном общении на протяжении всей своей истории.

Жилище кумыков можно разделить на три основных типа:

1) одноэтажное сооружение — «биркъат уй» (у северных кумыков), «алаша уй» или «ерден уй» (у южных кумыков) — на очень низком фундаменте, в связи с чем пол находится почти на уровне земли; 2) полутораэтажное сооружение — «курси уй» или «гётеринки уй» — на высоком каменном фундаменте, причем пол значительно приподнят над уровнем земли; в последнее время такие дома строятся также с большим подвальным помещением для хозяйственных целей; 3) двухэтажное сооружение — «бийик уй» (у южных кумыков) или «эки къат уй» (у северных кумыков).

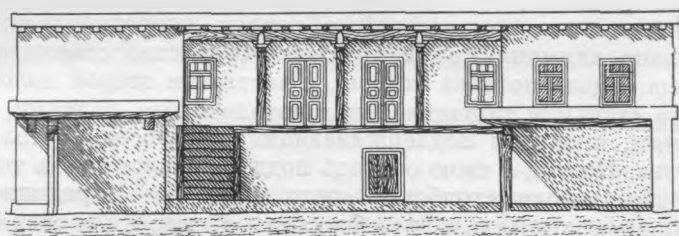
У засулакских кумыков все эти три типа жилища чаще всего известны просто под названием «уй» (дом) и термин «курси уй» у них вообще отсутствует. На территории засулакских кумыков двухэтажные и полутораэтажные дома встречаются гораздо реже, чем на территории прочих кумыков. Недостаток пригодного строительного материала (камня, леса) и наличие должного количества земли под усадьбу способствовали развитию здесь одноэтажного жилища. У кумыков же, проживающих в предгорной полосе, мы наблюдаем несколько иное явление. Здесь, как уже было отмечено выше, в строительстве применялись камень и строевой лес лучшего качества, необходимые для сооружения более капитального здания, каким является двухэтажный дом. Кроме того, распространению в предгорной полосе двухэтажных построек способствовало малоземелье.

Таким образом, типы домов в значительной степени определялись размерами и формой участка усадьбы и, кроме того, были связаны с планировкой самого поселения.

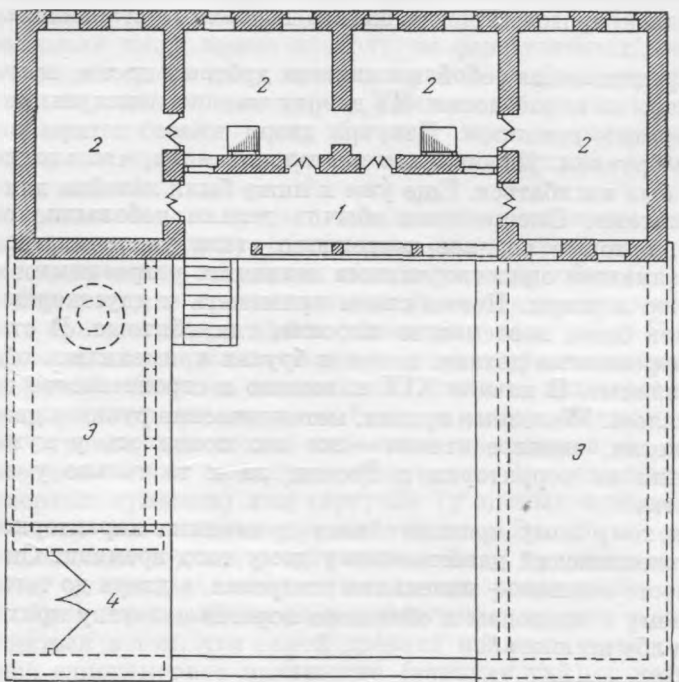
Все эти три типа жилища в свою очередь различаются по своей внутренней планировке. В одних домах все комнаты расположены в один ряд, в других комнаты расположены в виде буквы Г, в третьих — в виде буквы П. Г-образную планировку имеют дома, в которых больше двух комнат, П-образная планировка возможна при наличии более трех комнат. В последнем случае основу дома составляют две и больше смежных комнаты, к которым под прямым углом пристраивают по обеим сторонам другие комнаты. Все эти комнаты объединяются идущей вдоль главного

a

б

в

0 3 м

Рис. 42. Тип современного полутораэтажного дома (сел. Башлыкент Каякентского района):

a — общий вид; *б* — передний фасад; *в* — план: 1 — галерея, 2 — жилые комнаты, 3 — крыша над навесом, 4 — крытые ворота

фасада галереей — «догъа», «пурха» Исключение в этом отношении составляет тесно застроенное сел. Каякент, в котором нередко встречаются дома с планировкой, напоминающей планировку домов азербайджанцев, табасаранцев, лезгин.

Например, во многих домах комнаты располагаются по обе стороны галереи, в одном конце которой устраивается балкон, в другом — лестничная клетка. Галерея — «догъа» — в таком случае напоминает русские сени. У засулакских кумыков наряду с «догъа» нередко встречаются и сени, которые называются здесь «гъарве». Если дом состоял из пяти-шести комнат, соответственно увеличивалось число сеней.

Учитель Костековского училища М. Афанасьев в 90-х годах XIX в. правильно описал жилище этой группы кумыков. «Дома, — писал он, — строят одни с сенями, другие без сеней... Комнат бывает почти всегда по две чрез сени, а затем, если еще нужны комнаты, то таковые располагаются, хотя и под одной крышей, но с другим отдельным ходом и сенями. В сенях внутри дома оставляют отверстия не сквозные, а вроде шкапов, в которых располагается посуда и другие вещи, отверстия эти иногда завешиваются, смотря по состоянию, ситцевыми или шелковыми занавесками»³⁹. Нам думается, что наличие сеней в жилище этой группы кумыков объясняется влиянием соседей, в первую очередь русских.

Заслуживает внимания и внутреннее устройство старинного кумыкского жилища. Вдоль потолка комнат, в частности второй половины «тавчулу уй» (в «тавчуну тишани»), под потолочными балками, перпендикулярно к ним, проходил поддерживающий их прогон из толстого отделанного дерева. Прогон в свою очередь поддерживался очень толстым вертикальным деревянным столбом — «орта багъана» (серединный столб), стоящим в центре комнаты. «Орта багъана» обычно имел сверху деревянную массивную подбалку с декоративными деталями в виде львиных голов, выполненными резьбой. Подбалка служила как бы подушкой, на которую опирался прогон. Иногда вместо подбалки устанавливали боковые подпорки.

Двери представляли собой массивные дубовые доски, причем каждая дверь делалась из целой доски. На дверях имелись выступы, которые входили в отверстие притолок. Изнутри двери вместо запора закладывали деревянным брусом. Двери были настолько низки, что входивший человек должен был нагибаться. Еще уже и ниже были лазейки для сообщения между комнатами. Вместо окон обычно делали небольшие отверстия — «тешиклер», которые позднее постепенно стали увеличиваться и закрываться деревянными одностворчатыми ставнями, устроенными по тому же принципу, что и двери. Позже стали применять и двустворчатые ставни. Крыши домов были повсеместно плоские, глинобитные. В старых домах отдельные деревянные детали, доски и брусья применялись обычно колотые, а не пиленые. В начале XIX в. железо в строительстве домов почти не употреблялось. Железные крыши, металлические ручки у дверей и окон, задвижки, петли, оконное стекло — все это появилось у кумыков после присоединения их территории к России, да и то только у зажиточных слоев общества.

К кумыкскому дому прошлого века применима характеристика, которую дал Пржецлавский дагестанскому дому того времени. Он писал, что в домах «вместо окошек — маленькие отверстия, а двери до того низки, что не привыкшему к поклонам и обиванию порогов человеку приходится часто носить на лбу шишки»⁴⁰.

³⁹ М. Афанасьев. Селение Костек Хасав-Юртовского округа Терской области. СМОМПК, вып. 16. 1893, стр. 95.

⁴⁰ П. Пржецлавский. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», 1863, т. 3, стр. 142.

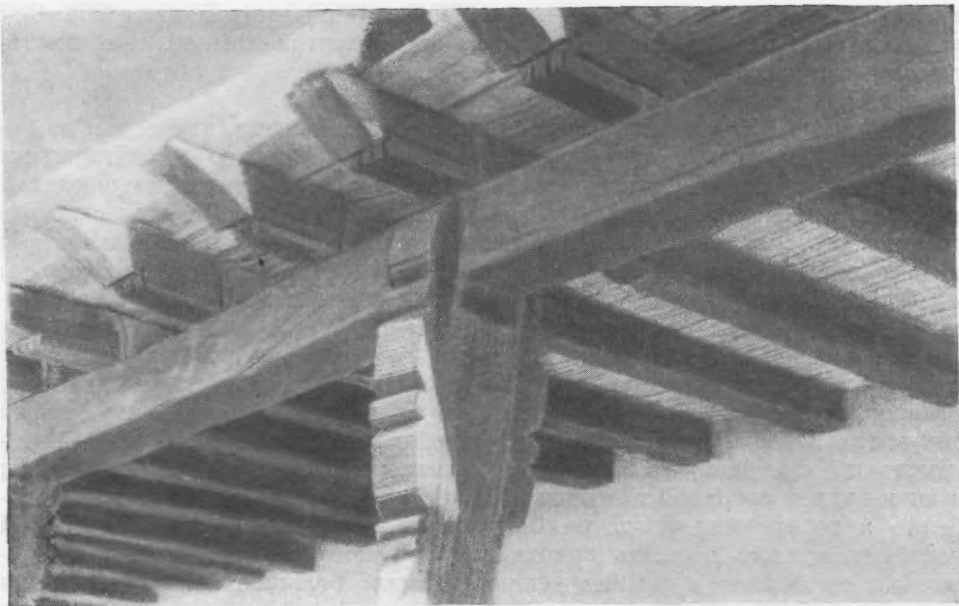

Рис. 43. Фрагмент традиционного перекрытия одноэтажного жилого дома

«Комнаты освещаются,— писал Березин в середине XIX в., — преимущественно дверями, в крайности прибегают и к окнам или лучше к отверстиям без рам и стекол, по большей части закрытым деревянными ставнями»⁴¹. Окна делали на высоте не более 0,25 м от пола. Это объясняется тем, что в старину кумыки не пользовались столами и стульями, а отдыхали и принимали пищу прямо на полу, на разостланных коврах или паласах. Постройке жилого дома кумыки придавали большое значение. Это отражено и в народных пословицах. Кумыки говорили: «Богатый горец стремится иметь побольше овец, богатый житель равнины — получше дом». Сооружение многокомнатного дома было доступно только богатым кумыкам.

В доме состоятельного кумыка каждая комната имела свое назначение. Под кухню (аш уй) отводилось самое просторное помещение. Здесь в основном жили женщины и дети, и сюда обычно не заходили мужчины. Говорят, что провинившиеся дети, боявшиеся наказания отца или старших братьев, могли найти убежище в «аш уй». У засулакских кумыков роль кухни и хозяйственного помещения частично выполняла и «гьарве» (сени). Имелась специальная комната для гостей — «кьонак уй» (кунацкая), куда не должны были заходить женщины. Князья и сала-уздени строили для гостей отдельное помещение во дворе. Одна комната отводилась для хранения продуктов. Она называлась «иччери уй» (у северных кумыков) или «артуй» (у южных кумыков) и по своему назначению напоминала русский чулан. Это было самое глухое и темное помещение в доме, в него можно было проникнуть через невысокий проход. Остальные комнаты выполняли роль спален старших членов семьи. Если проанализировать назначение комнат и их названия, можно убедиться в том, что самой древней является «аш уй» (кухня). Это то самое однокамерное помещение (тавчулу уй), о котором мы говорили выше. Появление остальных комнат связано с эволюцией дома, с развитием общественно-экономических отношений. Что касается назва-

⁴¹ Н. Березин. Указ. соч., стр. 60.

ния кухни — «аш уй»), то оно несомненно позднего происхождения. Оно возникло вместе с возникновением названий других комнат, т. е. вместе с развитием дома.

Мы охарактеризовали дом состоятельного кумыка.

Бедняк до победы колхозного строя не мог, конечно, иметь дом из нескольких комнат. Рядом с многокомнатными, нередко двухэтажными домами с балконами, принадлежавшими кумыкским баям, имевшим, как правило, обнесенную саманным или каменным забором усадьбу с хозяйственными постройками, стояли убогие домики бедноты. Баи называли их в насмешку «демеклер» (курытники). Прав был Амиров, когда писал: «У большей части горцев существует только одна комната,... которая служит для горца всем, от гостиной до кухни»⁴².

Все галереи, окна и двери в старых домах обращены на юго-восток или на юг. Поднявшись на горку, легко можно было видеть, что делалось в каждом доме, особенно на галереях и во дворах. Ориентация домов на юго-восток вызвана рядом причин. Такой порядок застройки можно объяснить прежде всего тем, что дом, обращенный фасадом на юго-восток и юг и глухой стороной на север и запад, лучше защищал от холода, особенно в те времена, когда не было оконного стекла и дверь в «тавчуй уй» приходилось держать приоткрытой. Такой дом получал много солнечного тепла, что в зимних условиях имело большое значение. Кроме того, дом, обращенный на юг или юго-восток, хорошо защищал террасы от дождя.

Специфической чертой кумыкского дома являлась его система отопления, которая с развитием жилища подверглась значительным изменениям. Характеризуя старинное однокамерное сооружение, мы отмечали примитивность его отопления. На смену очагу-костру пришел пристенный очаг с дымоходом, напоминающий камин, — «отбаш» или «тавхана». Из этих двух терминов наиболее древним является несомненно «отбаш» (от — огонь, баш — глава, т. е. место огня, очаг). Термин «тавхана» является поздним заимствованием (тав — горы, хана — по-персидски — комната). Интересно, что у разных народов термин «тавхана» имеет разное содержание. Так, даргинцы на урахинском диалекте, лезгины и лакцы словом «тавхана» называют лучшую комнату в доме, южные кумыки — пристенный очаг в виде камина, северные кумыки — карниз, который делается у надкаминной стены. В нашей работе слово «тавхана» употребляется в значении камина.

Анализ старого отопительного устройства дает основание полагать, что тавхана первоначально был угловым очагом. Для устройства дымохода такого очага необходима была только третья дополнительная тонкая стенка, закрывающая угол двух стен до потолка, в то время как для устройства камина, пришедшего ему на смену, требовалось гораздо больше труда и навыков. Характерно, что угловые пристенные очаги встречаются в наиболее старых постройках — в жилых помещениях, на галереях, а также на мельницах, под навесами и т. д., т. е. в помещениях наиболее архаического типа.

Дрова в тавхана комещали стоймя, и пока камин горел, в комнате было тепло и светло. В полу перед камином имелось полукруглое углубление, куда выгребали уголь и золу. На углях выпекали хлеб. Внутри камина ставили треножник — «очакъ». Такой камин, по сравнению с прежним отопительным устройством «тавчуй», был для кумыков большим шагом вперед. Но и камин не мог удовлетворить потребности семьи в тепле и приготовлении пищи.

⁴² Г. М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, вып. 7, 1873 стр. 78—79.

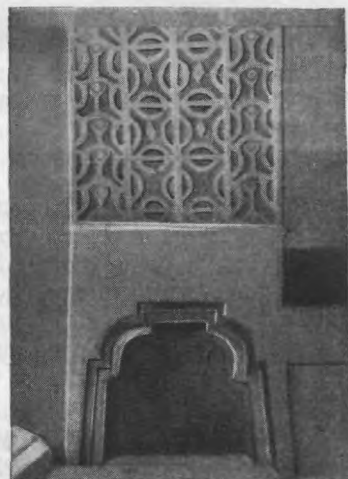
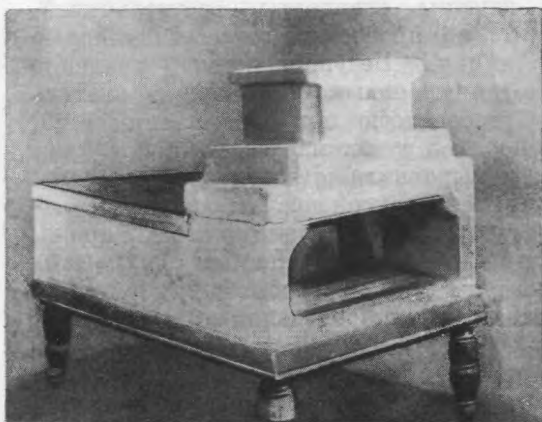
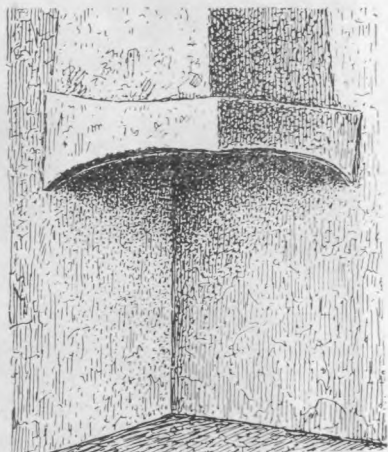
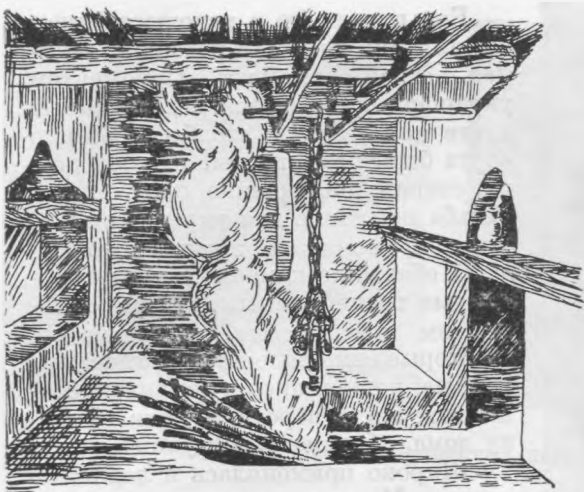

Рис. 44. Типы очагов и комнатных печей

У северных кумыков во второй половине XIX в. появились комнатные печи — «уьй печ», имеющие много общего по своей конструкции с печами «кёрюками», издавна сооружавшимися или во дворе, или на галерее нижнего этажа для выпечки хлеба⁴³.

С конца XIX и начала XX в. у состоятельных кумыков (и северных и южных), особенно в их кунацких, постепенно стали появляться железные печи, которые были заимствованы у русских. «Вращаясь между русскими, — писал в конце XIX в. Афанасьев, — кумыки видят преимущество русских домов пред своими и стараются уже подражать русским строениям: так делают печи, окна створчатые, чтобы на летнее время не вынимать рам, потолки, полы и другие приспособления для сохранения тепла в зимнее время»⁴⁴.

⁴³ Подробное описание устройства печи «кёрюк» см. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 82—84.

⁴⁴ М. А. Афанасьев. Указ. соч., стр. 97.

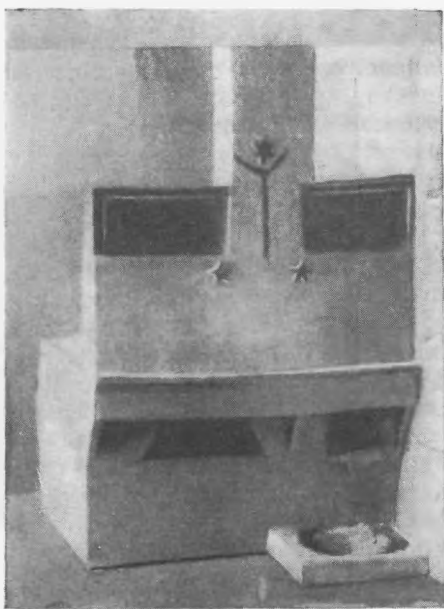

Рис. 45. Надворная печь для выпечки хлеба

проемов, дверей, окон. Нередко с топором в руках мастерицы исправляли ошибки, допущенные строителями, и выравнивали на глаз все формы. Для расстановки фарфоровой, фаянсовой и другой посуды женщины лепили на расстоянии примерно 0,5 м от потолка во всю длину стены карниз, украшенный желобчатыми параллельными линиями. Лепным орнаментом украшались не все части стеной поверхности, а только ниши, карнизы и в особенности надкаминная часть стены. В распределении архитектурно-декоративных элементов на поверхности стен и в интерьере в целом кумычка-мастерица исходила из традиционных приёмов, основанных на специфическом понимании декоративного ритма. Над архитектурным оформлением каминя и надкаминной части стены мастерицы работали совершенно так же, как скульптор над своим произведением.

Постройка дома у кумыков начиналась с закладки каменного фундамента во всю длину и ширину внутренних и внешних стен дома. В прошлом, как рассказывают старики, у кумыков существовал обычай закладывать в фундамент зерно, позднее — золото или серебро, что, по-видимому, было пережитком древних верований (жертвоприношение духу — покровителю домашнего очага) ⁴⁵.

Стены дома возводили главным образом из крупного сырцового кирпича. Зачастую стены возводились на высоком каменном цоколе. Высокий цоколь делался для прочности дома, сохранения стен от влаги и т. д. Засулякские кумыки строили цоколь из мелкого речного камня без всякой обработки, но с особой укладкой.

В нижнем этаже делали проемы для дверей, а если дом был одноэтажный, то и для окон. В двухэтажном доме нижний этаж использовали как помещение для скота, а также для других хозяйственных нужд. Поэтому здесь вместо окон делали небольшие квадратные отверстия для света и вентиляции.

⁴⁵ Подробное описание конструкции дома и техники его сооружения см. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 53 сл.

Большое место в художественном оформлении домов старого типа занимал резной орнамент. Орнаментом украшали прежде всего деревянные части дома, балки, столбы, особенно «орта багъана», стеновые шкафы, двери, ставни, обрамление окон, ворот. Резьба по камню для украшения жилища применялась значительно реже. Небольшие каменные плиты, покрытые традиционным резным орнаментом и надписями, содержащими некоторые семейные хронологические данные, вставлялись в саманные стены галерей, в ворота, а также в стену дома, обращенную к улице.

Широко применялась и лепка из глины. Многие кумычки, особенно кайтагские, были подлинными мастерами этого дела. Они искусно изображали разные геометрические фигуры (квадраты, треугольники), точно проводили перпендикулярные линии. Безукоризненное владение такими навыками в первую очередь требовалось при оформлении ниш,

Рис. 46. Типы современных двухэтажных домов

Потолочные балки первого этажа опирались на массивные столбы из прочного дуба. Столбы ставились в один ряд в виде колоннады под той частью крыши, которая выступала над верандой нижнего этажа.

В центре жилого помещения, почти в каждой комнате, как отмечалось выше, ставили массивный столб, который считался «почетным». В домах, построенных в начале XX в., этот столб исчез.

Крыша была почти плоской с небольшим уклоном для стока воды, ее утрамбовывали катком и обмазывали глиной, смешанной с соломой. Исключение в этом отношении составляли дома засулакских кумыков. В отличие от других кумыков они делали крыши домов почти двускатными и значительно более легкими. Нам думается, что основной причиной, обусловившей создание такой формы крыши, была опять-таки нехватка полноценного строительного леса, в результате чего население вынуждено было использовать недоброкачественный лес и соответственно менять форму крыши.

В появлении двускатной крыши у засулакских кумыков можно видеть и влияние архитектуры русских — ближайших соседей этой группы кумыков. В домах с крышей такой формы, за исключением новых сооружений городского типа, отсутствовал чердак. Поэтому двускатная крыша своей внутренней стороной служила потолком для комнат, а следовательно, делала потолок также двускатным в отличие от плоских потолков жилищ с плоской крышей.

Плоская крыша, характерная для жилища основной группы кумыков, требовала заботливого ухода. Домохозяйства тщательно сметали с нее снег, осматривали после дождей и принимали меры против протекания. Почти каждый год производился капитальный ремонт крыши, причем иногда весь камыш на потолке заменяли новым.

В отдельных двухэтажных домах, особенно в построенных в начале XX в., встречаются балконы общекавказского типа, устроенные на выносных консольных балках с балюстрадами. Балконы устраивали с легкой деревянной крышей или же в виде открытой площадки. В кумыкском доме балконы, выходящие на улицу, считались второстепенной частью дома, тогда как «догъа» (галерея, веранда), выходящая во внутренний двор, являлась совершенно необходимой. Она проходила по всей длине дома и достигала 3 м ширины. По существу, «догъа» — это часть дома, основное летнее помещение. Пол галереи верхнего этажа часто расширяли, создавая «алды къалкъы» (переднюю крышу). «Алды къалкъы» использовалась как добавочное хозяйственное помещение, где сушили

зерно, тыкву, фрукты, мыли посуду и хранили часть сена для скота. В то же время она служила навесом над частью двора, под которым нередко ночевал скот, куда ставился хозяйственный инвентарь и т. д.

В двухэтажном доме или в доме на высоком фундаменте (курси уй) сооружали каменную или саманную, а в последнее время чаще деревянную лестницу. Над лестницей иногда делали деревянный люк, который закрывали на ночь.

Особого внимания заслуживает взаимопомощь, оказываемая кумыками друг другу при строительстве дома. Жилой дом обычно строили наемные мастера (усталар), проживающие в том же селении или приглашенные из соседних селений. Надо заметить, что издавна в качестве мастеров-строителей выступали главным образом даргинцы или аварцы. Кумыки прибегали к найму мастеров из соседних горских селений в связи с издавна существовавшим территориальным разделением труда между горцами и жителями равнины. Труд горца, находившегося в менее благоприятных экономических условиях, оплачивался гораздо дешевле, чем труд односельчанина или другого жителя плоскости.

Большое участие в сооружении дома принимало и общество. По старинному обычаю родственники хозяина дома, соседи и другие приносили по очереди угощение мастерам, строившим дом. Следуя тому же обычаю, на месте стройки укрепляли высокий шест, на который близкие дому семьи прикрепляли полотнища шелковой или хлопчатобумажной материи, полотенца, платки и т. д. Все эти подарки шли в пользу мастеров. Штукатурка и обмазка дома обходилась хозяину почти бесплатно. При обмазке стен, крыши, пола обычно устраивали «булкъя». Эту работу в большинстве селений выполняли исключительно женщины. Назначив подходящий день, хозяйка дома приглашала девушек и женщин — родственниц, соседок, знакомых. Приглашенные работали почти целый день. Кумычки тщательно выбирали глину для обмазки. Глина должна была быть пластичной, крепкой после высыхания, водонепроницаемой. Эти требования имели большое значение в условиях сельской местности, где крыши в большинстве случаев были глинобитные. Такую глину кумыки называют «саз балчыкъ» (желтая глина).

На «булкъя», как и при всех других видах коллективной работы, проводилось строгое разделение труда. Утром к месту работы раньше всех должны были явиться девушки, чтобы приготовить глину для обмазки и доставить к месту работы. Обмазка карнизов и стен с каминами поручалась самым лучшим мастерицам, которые тут же аккуратно делали из глины выступы и полочки для мелких вещей, выводили всевозможные узоры. Они же производили обмазку проемов для окон и дверей, т. е. выполняли всю наиболее ответственную часть работы.

Окончательную отделку женщины производили во время вторичной обмазки. Для вторичной обмазки, которая производилась после того, как высохнет штукатурка, брали глину того же сорта. Ее просеивали через редкое решето и прибавляли к ней свежий лошадиный навоз в определенной пропорции, чтобы предохранить глину от растрескивания после высыхания. В отличие от первой штукатурки получалась ровная, гладкая обмазка. Эта работа выполнялась не в один день, а постепенно. Для выполнения ее не устраивались «булкъя», так как она требовала особенно тщательной работы умелых женщин, каждая из которых полностью производила вторичную обмазку хотя бы одной комнаты.

Когда обмазка окончательно просыхала, хозяйка производила побелку. Белили белой глиной — «акъ палчыкъ». Известь, а тем более мел совершенно не применялись при побелке. Внутренние жилые помещения и галерею белили очень часто. В белую глину, как правило, добавляли синьку. Кайму над отверстием камина и кайму каменной полочки обычно

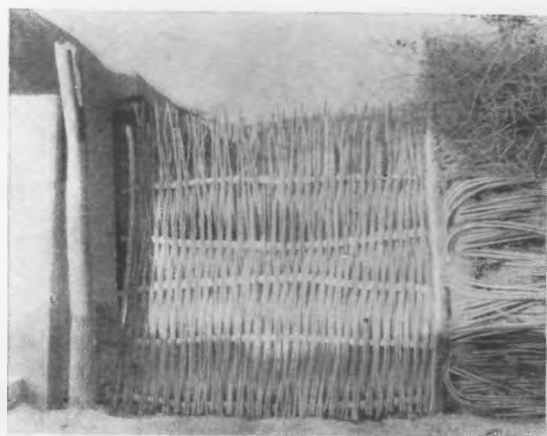

Рис. 47. Типы ворот

делали черной краской, которая приготавлилась из глины с добавлением сажи. При побелке стен строго следили за тем, чтобы не было полос.

Пол мазали серой глиной. У отдельных хозяек белой глиной покрывался и пол на ширину 2—3 см от стенки. Это была довольно трудная работа, требовавшая особой аккуратности.

Мы выше говорили о некоторых надворных постройках — «алачыкь», «кёрюк» и о зимних помещениях для скота — «аран», под которые чаще всего использовалась часть нижнего этажа дома. Следует добавить, что у засулакских кумыков, где преобладают одноэтажные дома, помещения для скота — «аран» — строили подальше от жилых построек, в конце двора. Помимо вышеназванных помещений во дворе располагались «тувар-чали» — помещения для крупного рогатого скота, «бизав-чали» или «ялтга» (у южных кумыков) — помещение для телят, а также «тавуць уьй» или «демек» (у южных кумыков) — помещение для птицы, навес со скирдой сена — «тебен чардах» и др.

«Тувар-чали» собственно представлял собой загон для скота, который был отгорожен со всех сторон невысоким плетеным из орешника забором. Внутри этого загона или рядом с ним таким же плетнем отгораживалось место для телят — «бизав-чали». То и другое помещение имело дверцы, тоже большей частью из плетня; дверцы закрывались на ночь. Эти помещения для соблюдения чистоты строились как можно дальше от жилых построек, в конце двора. Помещением для домашней птицы летом служила особая плетенка, изготовленная из орешника, высоко подвешенная под общим навесом. Зимний же «тавуць уьй» представлял собой специально построенное крытое помещение, в котором на определенной высоте от пола уложено несколько горизонтальных жердей — наместов. У засулакских кумыков многие состоятельные люди во дворе, чуть подальше от жилых помещений, сооружали и кухни.

Во дворе же помещались «бежены» для хранения кукурузы. Под навесами или просто во дворе находились и «куры» — ямы для хранения зерна. По стенкам их для предохранения зерна от сырости укладывали ряд кукурузных стеблей. Наполнив яму зерном, ее плотно закрывали дубовыми досками. Богатство кумыка определялось, в частности, числом наполненных зерном «беженов» и «куров».

Кумыки ограждали свой двор забором, который устраивали из камня, самана (чыр, барув), плетеного орешника (чали). На плетень часто на-

Рис. 48. Медный столик — поднос

кладывали колючки (тегенек), чтобы посторонний не мог проникнуть во двор. Дворы, за немногими исключениями, имели ворота, которые на ночь закрывали. Ворота имели крытый проход и массивные деревянные створки. Почти все деревянные части ворот в XIX в. делались из дуба и покрывались резьбой.

Внутреннее убранство жилища

Описывая самую старую форму жилища — «тавчуй», мы отмечали, что оно разделялось перегородкой на две половины: «тавчу» и «тавчуну тишани».

Очаговая половина, т. е. «тавчу», убиралась просто. По обеим сторонам очага пол застилался паласами, войлоком или коврами, на которых лежали подушки, набитые шерстью. Стенные ниши заполнялись разной хозяйственной посудой, первое место среди которой занимали гончарные изделия.

В другой половине — «тавчуну тишани» — вдоль самой большой, глухой стены, расположенной обычно против входной двери, на расстоянии 130—140 см от пола проходила длинная деревянная полка — «зухтахта». Снизу параллельно ей над полом тянулся выступ из глины — «хасы», 25—30 см высоты и примерно такой же ширины. Деревянная полка в одном-двух местах опиралась на глиняные столбики, которые соединялись с глиняным выступом. Таким образом получалась своеобразная этажерка.

Полку (зухтахта) до самого пола покрывал безворсовый тонкий ковер — «дум», изделие кумыкских мастериц. На полке в строгом порядке размещалась постель семьи: сначала матрацы — «тёшеклер», искусно свернутые особым образом; на них укладывались стеганные шерстяные одеяла — «юургъанлар», тоже сложенные по определенным правилам; затем большие подушки — «назбарышлар». В результате сложенная постель достигала потолка. На полку укладывалась парадная постель. Старые же постельные принадлежности убирали под полку — «зух туп», за ковер (в бедных семьях ковер заменялся занавесом из дешевых тканей). Уборка постели была одним из сложных занятий женщин, требовавшим не только физических усилий, но и умения. Каждый матрац весил 25—30 кг, так как в него набивали много «ябагы» (у северных кумыков) или «хунца» (у южных кумыков), особым образом приготовленных отходов шерсти. На ночь эту шерсть нужно было расположить в чехле равномерно, утром же следовало убрать матрац на полку, туго забив шерсть в оба конца чехла.

Рис. 49. Типы традиционной резной мебели

Стену сверху донизу заполняла медная посуда. Каждая вещь имела здесь свое место. Внизу вдоль стены делалось возвышение, куда ставили большие медные или глиняные кувшины и умывальные приборы (маленький медный таз и кувшинчик); дальше ставился сундук и т. д. На самом верху стены имелись две одинаковой формы квадратные ниши, находившиеся на одинаковом расстоянии от углов и пола. Сюда ставились высокие медные сосуды и вазы.

Богатство семьи определялось также числом и весом медной посуды. Не случайно Афанасьев писал, что по количеству медной посуды «судят о богатстве невесты»⁴⁶. Богатые невесты при выходе замуж везли с собой одну-две подводки с посудой.

У стены справа от двери, как мы указывали при описании жилища, на расстоянии 0,5 м от потолка, лепили карниз — «такъча» (у южных кумыков) или «ираб» (у северных кумыков). На него ставилась вся фарфоровая и фаянсовая посуда.

Нередко стены дома украшались оружием, в состоятельных домах — двумя одинаковыми зеркалами, большими сундуками заводского изготовления и т. д. Комнаты устилались коврами, паласами. Коврами украшались часто и стены комнат. У засулакских кумыков для предотвращения влияния сырости под ковер вешалась плетеная из камыша циновка — «чипта».

Под влиянием русской культуры кумыкская знать в XIX в. начала употреблять кровати, столы, стулья и другие предметы русской мебелировки.

Убранство жилых помещений бедных семей, хотя и соблюдавших традиционные порядки, резко отличалось от убранства комнат богатых домов.

⁴⁶ М. Афанасьев. Указ. соч., стр. 98.

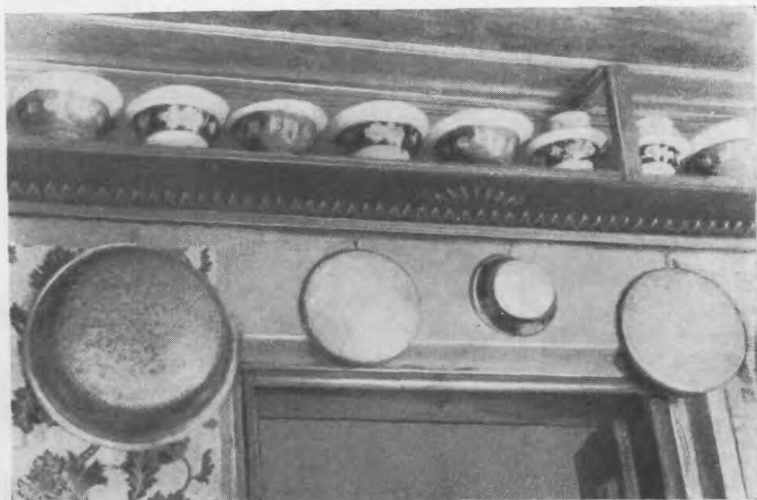

Рис. 50. Карниз — «такъча»

Так, вместо медной посуды здесь находилась гончарная, вместо ковров — простые паласы и т. д.

В состоятельных домах одна из комнат убиралась специально для гостей — «къонакъ уй» (кунацкая). В убранстве этой комнаты также соблюдались традиционные особенности, но основное место занимали ковры и постельные принадлежности.

Комната, в которой проживала сама семья и где готовилась в зимних условиях пища, убиралась не так нарядно. У северных кумыков, в особенности засулакских, необходимым предметом обстановки такой комнаты были нары — «тахтабек», которые занимали почти половину комнаты. На тахтамеке можно было отдыхать, есть, стелить постель и т. д. В богатых домах тахтабек покрывался несколькими слоями ковров — сперва циновкой, потом войлоком, а сверху — нарядным ковром. Такие нары совершенно не употреблялись южными кумыками. Роль тахтамека здесь выполняли возвышения — «тавчу». Трудно сказать, откуда появился тахтабек у северных кумыков. Отсутствие его у южных кумыков, так же как и у всех горцев Дагестана, заставляет задуматься над тем, не завезен ли он сюда кочевыми племенами, в частности кыпчаками, вместе с тюркским языком.

В хозяйственных комнатах, на галерее, иногда и в столовой — «аш уй» — располагались и сосуды для хранения зерна — «бежены». Во многих домах вместо бежена, особенно для муки, употреблялись большие, во всю длину комнаты, деревянные сундуки на ножках — «загъур», покрытые резьбой. Они нередко имели посередине специальное отделение, вроде шкафчика, для хранения продуктов питания (масла, мяса, хлеба и пр.).

3. ОДЕЖДА

Из всех элементов материальной культуры кумыков менее всего была исследована народная одежда. Особенно отрывочны сведения по раннему периоду, до XVII в.

Наиболее важные сведения об одежде, вооружении и пище кумыков, относящиеся к XVII в., сообщает Олеарий⁴⁷. К этому же периоду относится

⁴⁷ Олеарий. Указ. соч., стр. 494, 510.

Войлочный ковер «арбабаш»

Рис. 51. Кумыки в национальной одежде

и книга Стрейса⁴⁸, в которой он, в частности, описывает вооружение и обувь кумыков. В работах других авторов XVII, а также XVIII в. описания народной одежды кумыков очень беглы и носят общий характер. Более полные и точные сведения о национальной одежде, технике изготовления сукна и т. д. содержатся в работах авторов XIX в.

Мужская одежда

Характеризуя мужскую одежду, Олеарий писал о жителях плоскостного Дагестана, в частности сел. Тарки, что «они ходят в длинных серых и черных кафтанах, сделанных из плохого сукна, а наверх одевают грубый войлочный плащ. На голове у них шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ее»⁴⁹. Об одежде эндиреевского владетеля Махмуда он же писал: «Он был в шелковом кафтане из зеленого «дараи»⁵⁰ с бронью, на которой был надет мохнатый черный войлочный плащ; у него были сабля, лук и стрелы, как у всех других»⁵¹. Наконец, описания народного костюма, составленные авторами первой половины XIX в., позволяют уже более отчетливо и полно определить основные элементы народной одежды.

⁴⁸ Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 218—219.

⁴⁹ Олеарий. Указ. соч., стр. 494.

⁵⁰ Шелковая ткань типа тафты.

⁵¹ Олеарий. Указ. соч., стр. 510.

Самой легкой нательной одеждой мужчин была туникообразная рубаха (гёйлек) и штаны (иштан, шалвар). Рубаха состояла из прямого полотнища длиной примерно 180—200 см, сложенного вдвое — перед (алды) и спинка (арты). С обоих боков к этому полотнищу пришивались от подола до проймы рукава-клинья (чабув) узкой стороной вверх. В результате низ рубахи был значительно шире, чем ее верхняя часть. Рукава делались прямые, длинные; у кисти руки они несколько суживались. Рукава рубахи более старого покроя не имели манжета. Позднее к ним стали пришивать манжеты (къысма). Под рукавами (точнее, между клиньями и рукавами) пришивали квадратные ластовицы (хипшек) из той же материи.

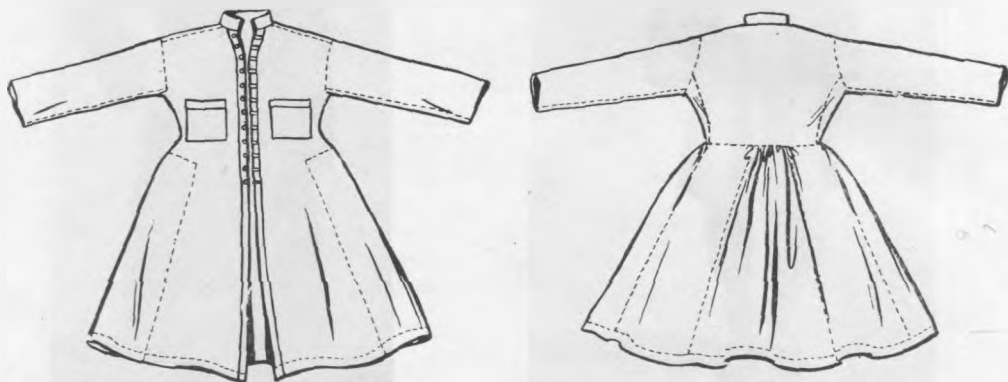

Рис. 52. Верхняя мужская одежда — «к'аптал»

Рубахи шились с небольшим стоячим воротником. В литературе встречаются указания на то, что южные кумыки делали рубахи без всякого воротника. Воротник застегивался на одну пуговицу.

Мужские штаны шили широкими сверху и суживающимися книзу. Между двумя штанинами вставлялись ромбовидные клинья (к'ыйыв). Вверху штаны стягивались шелковыми или шерстяными шнурками (иштанбав), изготовлявшимися на особом ручном станке. Поскольку основная масса кумыков в прошлом употребляла эти штаны не только как нижнее белье, но и как часть верхней одежды, то такие штаны шились обычно из темного плотного материала (сукна, полотна, тика и т. д.). Кумыкская знать употребляла особые штаны в качестве нижнего белья. Это, пожалуй, и имел в виду Афанасьев, когда писал о засулакских кумыках, что у них «белье носят так же, как у русских: рубашки, кальсоны, носки, носовые платки»⁵². Однако верхние и нижние штаны ничем не отличались по покрою. На нижние штаны шли только более мягкие и тонкие ткани, в то время как верхние шились из местного сукна или привозных шерстяных тканей.

С начала XX в. у кумыков широкое распространение получили брюки «галифе», которые в условиях Дагестана оказались очень практичными.

Поверх рубахи кумыки носили бешмет (к'аптал), который, по представлению народа, имеет очень древнее происхождение. Существование данного вида одежды, например, в XVII в. подтверждается письменными источниками. Как было упомянуто выше, Олеарий свидетельствует, что эндиреевский владетель Султан Махмуд был в шелковом кафтане из «дараи».

⁵² М. Афанасьев. Указ. соч., стр. 100.

Къаптал делали как из темных (для зимы, для работы), так и светлых (для лета) тканей (шерстяной, шелковой, хлопчатобумажной). Хотя къаптал имел спереди прямой (сверху донизу) разрез, все же как перед, так и спинку его кроили из цельного полотнища с неотрезной талией. У талии, чтобы расширить низ къаптала, пришивали клинья, образующие фалды. Къаптал шили на подкладке, в талию, со стоячим простеганным воротником и длинными узкими рукавами. Для зимы къаптал шили на вате. От воротника до пояса къаптал застегивался на мелкие пуговицы с петлями, сделанными из самодельного шелкового шнура, окрашенного

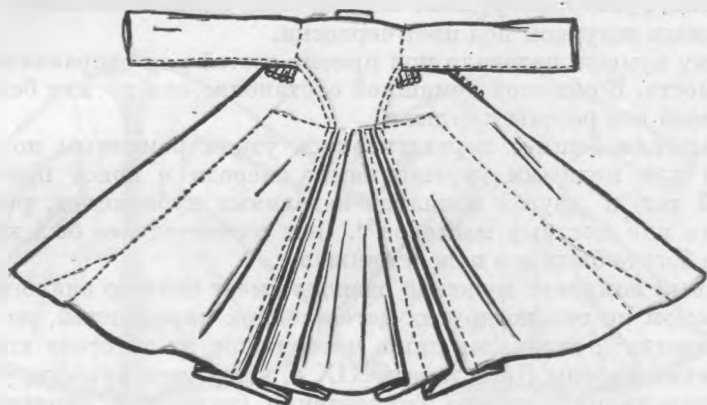

Рис. 53. Верхняя мужская одежда — «чепкен»

под цвет ткани. На груди пришивались по обеим сторонам карманчики, которые у подростков и молодежи украшались позументом. По бокам у клиньев къаптал имел и внутренние карманы, нередко обшитые узкой самодельной тесьмой.

Бешмет (къаптал) постепенно заменила «кавказская рубашка». Кавказская рубашка первоначально шилась кумыками почти так же, как описанная выше нижняя рубашка. Подобно нижней рубашке кавказская рубашка кроилась из прямого полотнища, сложенного пополам, с такими же клиньями, но в ней отсутствовали квадратные ластовицы — «хишдеклер». Отличительную особенность составляли нагрудные карманы, которые, очевидно, стали пришивать ввиду необходимости и привычки иметь их на бешмете. Постепенно этот вид рубахи подвергался некоторым изменениям⁵³.

Однако окончательного вытеснения бешмета не произошло. Бешмет оказался очень практичной одеждой для мужчин старшего возраста. На бешмет удобно было надевать шубу. И в настоящее время некоторая часть мужчин старшего поколения по-прежнему пользуется бешметом.

На бешмет или на кавказскую рубашку надевалась черкеска — «чепкен» (у северных кумыков) или «чопкен» (у южных). По нашему мнению, она также является одной из форм старинной мужской одежды, постепенно подвергавшейся некоторым изменениям.

Чепкен шили из сукна разных цветов, главным образом домотканого, и полусуконных или хлопчатобумажных материй. Для нарядных черкесок изготовляли сукно из белой верблюжьей шерсти, но его приобретала только богатая верхушка кумыкского общества. Чепкен, так же как и бешмет, делали в талию, цельнокроеным (без разреза у талии), с длинными и широкими рукавами, спускающимися ниже кисти руки. Поэтому к нижней части рукава на 30—35 см пришивалась шелковая подкладка, и во

⁵³ См. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 109—110.

время работы рукава отворачивались. Чепкен шили значительно длиннее, чем бешмет, и вместо стоячего воротника делали характерный вырез на груди, из которого выглядывал бешмет или кавказская рубаха. На груди по обеим сторонам пришивались карманчики с отделениями для газырей (гъазирлер). Карманчики эти позднее, потеряв былую роль места хранения ружейных патронов, служили только украшением. Черкеска застегивалась на самодельные пуговицы и петли из шнура. По бокам, почти у подола черкески, а также у рукавов оставлялись разрезы, куда пришивались широкие плетенные из шелковых и золотых ниток галуны. Вся черкеска, рукава, нагрудные карманчики, полы обшивались самодельным шелковым шнурком под цвет черкески.

Черкеску кумыки надевали при приеме гостей или отправляясь в общественные места. В обычной домашней обстановке они носили бешмет, легкий и удобный для работы и отдыха.

Черкеска или бешмет перетягивались узким ремненным поясом с серебряными или медными украшениями; спереди к поясу привязывался кинжал. И тот и другой являлись изделиями кубачинцев, ремесленников Кайтага или местных мастеров⁵⁴. Чем состоятельнее был кумык, тем наряднее и богаче были его пояс и кинжал.

Описанный комплекс мужской одежды имеет полную аналогию с мужским костюмом не только других дагестанских народностей, но и многих народов Кавказа⁵⁵, отличаясь лишь материалом, из которого шилась черкеска. Горские народы Дагестана в XIX в. чаще, чем кумыки, употребляли шерстяные ткани местного изготовления (келебские, каратинские, цахурские и другие сукна).

Зимой поверх бешмета или черкески кумыки надевали овчинную шубу (тон), которая шилась так же, как черкеска: в талию, длинной, расширенной книзу. Наиболее нарядные шубы делались из белых овчин молодых барашков — «кёрпе-тон», но такие шубы были доступны только зажиточной части населения, а основная масса его носила простые овчинные шубы — «тери-тон». Кумыкская феодальная знать и буржуазия носили дорогие собольи, бобровые, хорьковые, горностаевые шубы, которые шили из привозных русских мехов. Эти шубы были известны у кумыков под общим названием «хаз-тон» (хаз — мех, тон — шуба).

Верхней одеждой, защищавшей от дождя, холода и ветра, служила у кумыков распространенная на всем Кавказе бурка — «ямучу».

Кумыки употребляли бурки двух видов: небольшие, узкие, приготовленные в виде войлока из некачественной шерсти и не имевшие швов: такая бурка нужна была путнику — пешеходу, пастуху, крестьянину в поле; второго вида бурки предназначались для всадника; они немного больше по размеру, лучшего качества и другого покроя — сшиты у плеч. Когда Свидерский писал, что «бурка особенно удобна при верховой езде, так как, будучи надета на всадника, покрывает собою и спину лошади»⁵⁶, то несомненно имел в виду бурку этого вида.

С дальнейшим развитием общественного разделения труда изготовление бурок у кумыков почти прекратилось. Кумыки стали пользоваться главным образом привозными изделиями из аварских и даргинских районов. По качеству и нарядности бурок по всему Кавказу и за его пределами славились андийские бурки (из Андийского округа). Покупая готовые бурки у андийцев, кумыки, однако, перепшивали их по своему вкусу и богато украшали золотыми и серебряными галунами.

⁵⁴ Местные мастера изготавливали главным образом клинки.

⁵⁵ См., например, Е. Н. Студеницкая. К вопросу о национальной кабардинской одежде. «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. IV, Нальчик, 1948

⁵⁶ П. Ф. Свидерский. Кумыки. Материалы для антропологии Кавказа. СПб., 1898, стр. 37.

Обувь мужчины отличалась большим многообразием. Самыми распространенными видами обуви были носки — «джораплар», связанные из шерстяной пряжи, и легкие сапоги — «масилер» или «чарыкълер». «Масилер» представляли собой легкие сафьяновые чупяки — «мачий», к которым пришивались голенища — «ипшим» — из такого же сафьяна. Масилер шили главным образом из черного сафьяна. Нарядные сапоги иногда изготавливались из желтого или красного сафьяна. Встречались и такие масилер, каждое голенище которых делалось из двух разноцветных кусков сафьяна, например красного и черного⁵⁷.

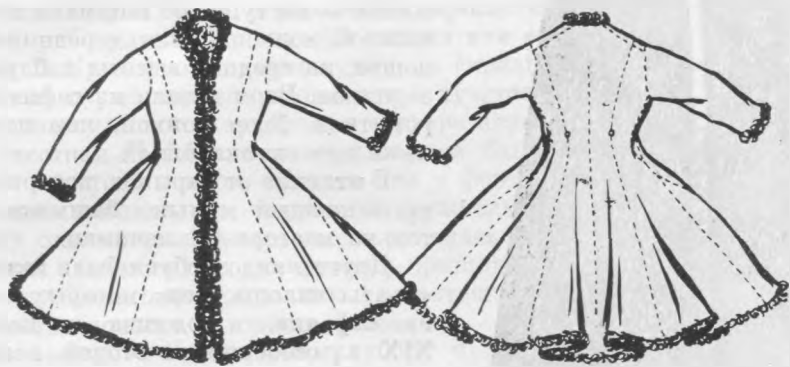

Рис. 54. Мужская овчинная шуба

Такого рода сапоги шили исключительно женщины. Они же изготавливали для этой цели из кендыря нитки, которые для крепости промазывали воском. Сперва мастерица пришивала чупяки — «мачий» — к голенищам — «ипшим», затем шел длинный шов — вдоль всей стелы (посередине) до самого верхнего конца голенища.

Дошедшие до нас варианты масилер дают возможность проследить эволюцию этого вида обуви от простейших форм до сравнительно сложных. Нам думается, что у самой архаической формы масилер чупяки не пришивались к голенищам; сначала на ноги надевались голенища, а затем и чупяки. В одежде тарковского шамхала, относящейся к первой половине XIX в., Гагарин показал именно такие масилер. Этот вид обуви был более удобным для одевания, простым, практичным. Постепенно стали появляться масилер, чупяки которых пришивались к голенищам.

Во второй половине XIX и начале XX в. широкое распространение снова получили масилер, чупяки которых не пришивались к голенищам. Как верх чупяк, так и голенища покрывались фигурной строчкой. В отличие от чупяк первого вида чупяки этих масилер имели подошву (ултан) из другой, более крепкой кожи. К голенищам с двух сторон пришивали кожаные петли из сафьяна, которые застегивались на пуговицы из того же сафьяна, пришитые по бокам чупяк. Такие сапоги надевали и при выходе на улицу.

«Чарыклар» служили рабочей обувью. Они шились либо из сыромятной кожи, обработанной дома у кумыка примитивным способом (гон чарыкъл), либо из кожи, обработанной более совершенным способом горскими евреями (къачалай чарыкъл). Так как кожа, обрабатываемая евреями, обходилась дорого, бедняки, как правило, носили чарыклар первого вида, т. е. из сыромятной кожи. Чарыклар — очень удобная обувь для работы в поле. Их шили и шьют почти так же, как чупяки масилер. В отличие

⁵⁷ См. «Альбом Гагарина». Дагестанский краеведческий музей, инв. № 5903.

от чувак чарыклер шились из цельного куска кожи, сложенного вдвое, без продольного шва на подошве, зато со швом сверху и сзади. Чарыки завязывались тонким ремешком из той же кожи. Вместо голенищ при чарыклар носили обмотки — «долагълар», которые женщины искусно ткали из хлопчатобумажной пряжи. Употреблялись также войлочные обмотки или суконные пуговицы. Чарыклар — национальная обувь не только кумыков, но почти всех народов Дагестана.

Другим видом национальной обуви кумыков были башмаки — «башмакълар» (от тюркского глагола «басмакъ» — наступать). Башмаки шили на толстой кожаной или деревянной подошве, на средней высоты каблуке, без задников. Верх делали из сафьяна, сыромятной, более тонкой, чем подошва, кожи или «къачалай»⁵⁸.

В отличие от чарыков, которые умел шить каждый кумык, башмаки шили только мастера-башмачники.

Другим видом обуви были галоши — «къаты калош», верх которых делался из сафьяна, а подошва из кожи. В XIX в., особенно во второй половине, состоятельные кумыки стали носить сапоги с длинными голенищами и на высоких каблуках, на изготовление которых употреблялись лучшие кожевенные товары. Так же как и башмаки, их шили только мастера-сапожники, главным образом приезжие лакцы. Трудно сказать, являются сапоги указанного вида результатом изменения и совершенствования масилер или они заимствованы у других народов, в частности у русских. Известно, однако, что под влиянием связей с другими районами России форма голенища и каблука неоднократно подвергалась изменению. Вообще в XIX в. с увеличением притока фабрично-заводских изделий из центральной России кумыки, особенно женщины, стали употреблять более изящную обувь.

Головным убором кумыков была овчинная шапка — «бёрк» (у северных кумыков), «папах» (у южных кумыков), которая имела несколько вариантов.

Самые ранние сведения о головном уборе кумыков относятся к середине XVII в. Тот же Олеарий пишет, что кумыки носили «шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна»⁵⁹. То же самое сообщает Стрейс, посетивший Дагестан почти одновременно с Олеарием. Однако Олеарий на рисунке, изображающем сел. Тарки и его жителей, показывает несколько иной головной убор, а именно невысокие шапки вроде колпаков, изготовленные, видимо, из овчины. В памяти народа, в его устном творчестве, также не сохранилось никаких сведений о мужских головных уборах из сукна. В связи с этим нам кажется, что в описании Олеария речь могла идти о тубетейках с четырехугольной тульей. Такие тубетейки, но только круглой формы, носили в прошлом кумыкские дети. Возможно летний легкий головной убор такой формы в то время

⁵⁸ «Къачалай» — более тщательно обработанная кожа крупного рогатого скота; сна шла на подошву, иногда и на верх обуви.

⁵⁹ Олеарий. Указ. соч., стр. 494.

употреблялся и взрослыми кумыками. Олеарий мог иметь в виду и суконные башлыки, которые широко распространены в Дагестане, хотя они имели треугольную, а не четырехугольную форму. Можно допустить и другое предположение: автор описал шапки, которые носили некоторые феодалы, подражая восточным владетелям.

Судя по дошедшим до нас видам головного убора, а также по литературным источникам XIX в., данным фольклора и свидетельствам стариков, кумыки изготовляли шапки только из овчины. Папахи шили из овчин двух видов. Из овчины ягненка — молодого барашка с завитой шерстью — шили выходную или обычную папаху «кёрпе папах» или «кёрпе бёрк», а из овчины взрослого барана — рабочую папаху — «тери папах» или «тери бёрк». В Кумыкию, находившуюся на скрещении торговых путей, издавна проникали и лучшие сорта среднеазиатского каракуля — «бухара кёрпе».

Известная нам более ранняя папаха была довольно простого покроя. Шилась она в форме невысокого колпака, с несколько суживающимся кверху околышем. Тулья папахи делалась из того же меха (овчины) и аккуратно пришивалась к околышу. Такого покроя шапки и в настоящее время употребляют старики в качестве ночного головного убора.

На смену этому головному убору пришла высокая папаха, околыш которой также несколько суживался кверху. С. Броневский в начале XIX в. писал, что дагестанцы «вместо полукруглой шапки черкесской... носят высокую шапку с плоскою тульею и с черною бараньею опушкою»⁶⁰. Донышко папахи делалось или из той же овчины, или из сукна. Шили папаху на теплой стеганой подкладке. С конца XIX и начала XX в. снова стали носить невысокие папахи (20—23 см высоты), причем верх околыша папахи постепенно расширялся.

От старинной папахи эта форма головного убора отличалась еще и тем, что тулья пришивалась не к самой крайней линии околыша, а почти к середине, на подкладке, оставляя по краям пустое пространство, куда мужчины иногда клали письма, иголку с ниткой и т. д. Такой формой донышка дагестанская папаха отличалась от папах других народов Кавказа. Если папах предназначалась для молодого мужчины или юноши, донышко украшалось золотыми или серебряными галунами.

В качестве головного убора кумыки употребляли также «башлык» (баш — голова, лык — словообразующий аффикс), который мужчины носили поверх папахи, отправляясь в путь в непогоду или в холодное время. Башлык шили чаще всего из белого сукна в форме треугольника, от которого с двух сторон шли два неширокие полотнища, завязывавшиеся у шеи. Подобно бурке кумыки украшали башлык галуном, вышивали разноцветными нитками, главным образом золотыми и серебряными. В XIX—XX вв. башлык стал неотъемлемой частью черкески. Независимо от времени года всадник поверх черкески почти всегда стал «накидывать башлык», хотя и не надевал его на голову.

После присоединения Дагестана к России в кумыкскую среду стала проникать и привозная городская одежда (пальто, сапоги, шапки, плащи и т. д.). Но она была доступна только верхушке общества.

Такую же одежду, за исключением бурки и башлыка, носили и мальчишки, начиная с пяти — семи лет. Дети в бедных семьях черкесок не имели.

Рис. 56. Мужские легкие сапоги — «маси»

⁶⁰ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 446.

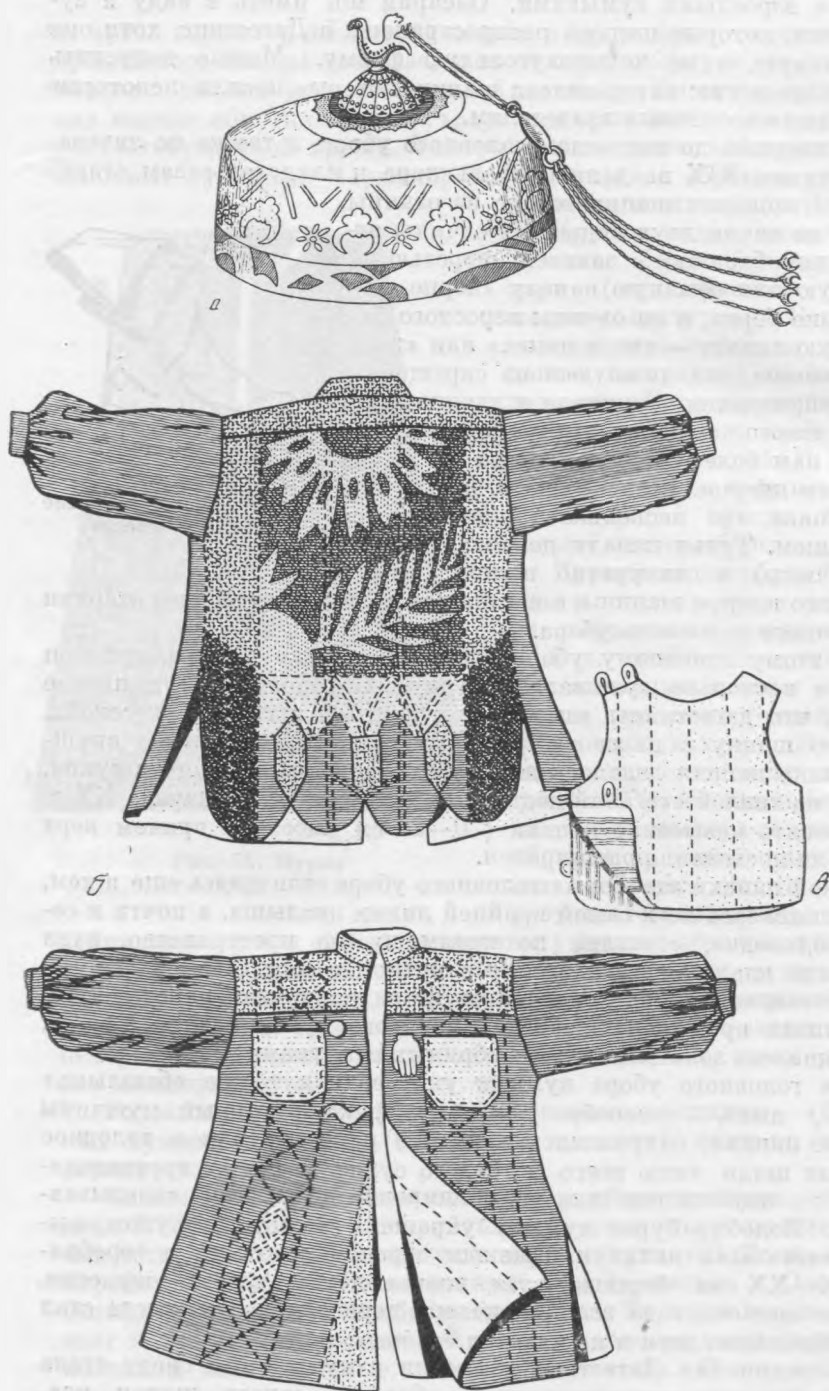

Рис. 57. Детская одежда:

а — шапочка; б — телогрейка; б' — безрукавка

В холодное время года мальчики надевали либо шубу, либо куртки из шелка, шерсти на вате или из овчины «тошлукъ». Шили тошлук с длинными рукавами или без рукавов, как теплый жилет.

Самый распространенный вид тошлука имел прямой разрез спереди. Его делали и без разреза на груди, если шили без рукавов. В таких случаях тошлук завязывался шнурочками на плече и сбоку. Нижнюю часть курточки делали значительно шире, чем верхнюю.

Через один-два месяца после рождения на голову мальчика надевали шапочку вроде тубетейки, только более глубокую, с ровной и круглой тульей из того же материала. Она шилась часто из дорогого цветного бархата, отделанного золотыми нитками. К тулье шапочки, а равно и на спину и плечи куртки пришивались специальные детские украшения: петушки, цепочки или кувшинчики из серебра, бусы из янтаря и некоторые предметы ритуального значения.

В отличие от одежды взрослых детская одежда шилась из более ярких тканей, украшалась вышивкой, галунами и всевозможными подвесками.

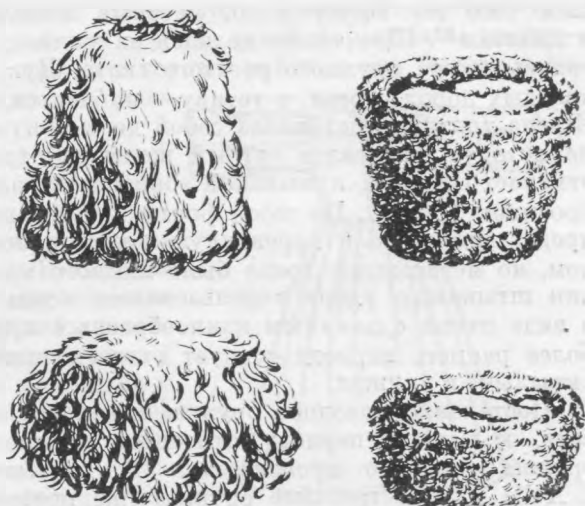

Рис. 58. Виды мужских головных уборов

Оружие кумыка

Имеющиеся в литературе сведения о вооружении кумыков относятся главным образом к XIX в. Что же касается более раннего времени, то можно назвать лишь несколько работ, которые содержат некоторые сведения об оружии кумыков, их средствах защиты и нападения. Несмотря на свою малочисленность, сведения авторов XVII—XVIII вв. содержат весьма ценный материал для характеристики вооружения того периода. Другим важным источником, помогающим воспроизвести виды древнего оружия кумыка, являются изображения на старинных надгробных памятниках. Наряду с другими принадлежностями покойного, на памятниках (резьба по камню) показано и его личное оружие. Сравнивая литературные и вещественные источники с данными устного творчества и сведениями стариков, можно сделать попытку охарактеризовать оружие кумыков XVII—XIX вв. (см. рис. 4 на стр. 53).

По данным Олеария, в XVII в. кумыкский воин надевал латы, шлем и был вооружен луком, стрелами, копьём или дротиками, саблей и щитом⁶¹. В кумыкском фольклоре сохранилось указание, что войны носили и кольчугу (гове). Из этого комплекса оружия труднее всего описать шлем (такъыя, гове пашах), кольчугу (гове) и щит (къалкъан), о формах и размерах которых источники сообщают очень мало. Однако известно, что во время военных действий кумыкские воины широко пользовались

⁶¹ О л е а р и й. Указ. соч., стр. 494, 510.

и кольчугой, и шлемом, и щитом. По рассказам стариков, кольчуга (гове) представляла собой металлическую рубашку с коротким рукавом, изготовленную из железной проволоки. По сведениям Броневского, имели распространение и панцири, которые, как и везде, делались из сплошного металла. Шлем (такья) изготовлялся из железа или из стали. По данным того же Броневского, местные жители носили шлемы, панцири и шапки⁶². Щит также делался из железа. Иногда для щита использовалась шкура крупного рогатого скота. Лук (оьк джая) изготовляли из твердых пород дерева, а тетиву — из тесьмы, сделанной из овечьей кожи. Стрела (оьк) представляла собой деревянную палочку 0,5—0,6 м длины, на которую надевался острый железный треугольный наконечник. Как отмечает Олеарий, кумыкский воин пользовался и метательным копьем — дротиком (сунгу). По своей форме копье напоминало стрелу. Оно также представляло собой деревянную палку с острым железным наконечником, но метательное копье было намного массивнее стрелы. Для нанесения штыкового удара использовалась «сульче», которая изготовлялась в виде палки с длинным клинообразным штыком на конце. К оружию более раннего периода следует отнести также меч с кривым клинком — «кылыч» и кинжал.

Постепенно холодное оружие сменилось огнестрельным. Трудно сказать, к какому периоду относится появление первого огнестрельного оружия местного производства. Не вызывает сомнений, однако, что в XVII в. огнестрельное оружие уже применялось. Олеарий, например, отмечал, что их посольством местным владельцам были поднесены в числе других подарков бочки с порохом и пистолеты⁶³. В начале XVIII в. Гербер писал уже о широком употреблении кумыками огнестрельного оружия. «Конница, — отмечал он, — у них хорошая и быстрая, все почти имеют огнестрельное оружие и сабли, а луки и стрелы — немногие»⁶⁴.

Огнестрельным оружием кумыков было плоскоствольное ружье — «тувек» и пистолет — «тапанча», изготовлявшиеся главным образом в селениях Харбук и Кубачи Кайтагского уездийства. Наряду с оружием местного производства имели распространение и турецкие, русские, английские ружья. Кинжалы, пистолеты, шашки, ружья покрывались различного рода украшениями, золотой или серебряной оправой. Чем состоятельнее был кумык, тем богаче было его личное оружие. Кумыкская знать заказывала перечисленные виды оружия лучшим кубачинским мастерам, которые при изготовлении оружия учитывали вкусы заказчиков.

Украшалось серебром и золотом не только личное оружие, но и конская упряжь — седло, уздечка и пр. Броневский писал о дагестанцах, имея в виду, конечно, состоятельную часть населения, что «все избытки свои источают они на конские уборы, в коих состоит главнейшая их роскошь. Повсюду блестит серебро и золото, целыми бляхами; не щадят их в наборах на ремнях и насечках на стали»⁶⁵.

Из всех видов оружия наиболее широкое применение имел у кумыков кинжал, который почти постоянно носили все взрослые мужчины.

Женская одежда

Женская одежда отличалась большим разнообразием. Тогда как мужской костюм был за некоторым исключением единым для всех кумыков, костюм кумычек имел много локальных особенностей, связанных с местными условиями, влиянием других народов, живущих по соседству, и пр.

⁶² С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 447.

⁶³ Олеарий. Указ. соч., стр. 510.

⁶⁴ И. Гербер. Указ. соч., стр. 33—34.

⁶⁵ С. Броневский. Указ. соч., стр. 447.

На тело кумычка надевала хлопчатобумажную или шелковую рубашу («гёйлек» или «ич гёйлек», т. е. нижняя рубашка) туникообразного покроя, с разрезом на груди. Так же как мужская рубашка, она имела прямой разрез на груди, клинья и квадратные ластовицы по бокам, прямые длинные рукава и т. д. Но рубаша женщины была шире и длиннее (намного ниже колен, иногда даже до пят). Такая рубаша иначе называется «тюз гёйлек», что значит «прямая рубашка». Рубаша такой формы была распространена по всему Дагестану, однако в горных районах она бытовала не только в качестве белья, но и как верхнее платье.

Другой разновидностью нательной одежды кумычек была рубаша «бузма гёйлек» (у южных кумыков) или «бурушма гёйлек» (у северных кумыков), которая также надевалась под платье. Ее носили не только как белье, но и как верхнее платье, особенно летом, в обычной домашней обстановке. Такая рубашка, как и платье, состояла из лифа и пришитой к нему широкой длинной юбки, но ее лиф шился не по фигуре, как у платья, а несколько шире, просторнее, так как она предназначалась главным образом для ношения дома, во время работы. Рукава рубашки делались длинными и широкими, без манжет. Для нарядных рубашек употреблялся легкий шелк (дарай), часто яркий, но без узоров. Так как юбка рубашки состояла из четырех — восьми полотнищ, на рубашку расходовалось 8—10 м материи. Под рубашку надевали шаровары (шалвар), почти такие же, как мужские, или широкие штаны (иштан). Последние бытовали только до конца XIX в. Они были двух видов: «экибалакь-иштан» и «бирбалакь-иштан». На экибалакь-иштан шло почти столько же материи, сколько на бузма гёйлек. Верхняя часть иштан (20—25 см от пояса) делалась такой же ширины, как и у мужских штанов, с таким же ромбообразным кливом. К ней пришивались мелкими складками две широкие половины ткани, представляющие как бы две самостоятельные юбки. Каждая половина (балакь) состояла из четырех-пяти полотнищ.

Рис. 59. Старинная женская рубаша — «бузма гёйлек»

«Бирбалакь-иштан», на который расходовалось материи почти наполовину меньше, напоминал просто широкую юбку. Он также обшивался бархатом или галуном или покрывался вышивкой. Иштан, так же как шалвар, завязывался шнуром (иштан бав). Нарядные штаны делались из шелковой материи и обшивались особого вида бархатом (гюльмахмар).

Верхним платьем, надеваемым поверх гёйлек («буруш гёйлек» или «тюз гёйлек») была «арсар» или «бузма». Арсар делали с прямым разрезом сверху донизу. Это платье, как и все другие виды верхней одежды, шили в талию, с лифом и широкой юбкой в шесть-семь полотнищ (одни с клиньями, другие без клиньев). Юбку пришивали к лифу складками — «бутук букма» (главным образом для молодых) и просто мелкой сборкой — «йип букма». Пожилые женщины лиф такого покроя делали на вате. Арсар имел откидные рукава, сшитые лишь до локтя; ниже локтя они свободно свисали с рук. К поясу спереди пришивались застежки — «шарпазлар» (у северных кумыков) или «къармакълар» (у южных кумыков) в форме длинных пряжек. Нарядные платья обшивались галуном, к рукавам и поясу платьев молодых кумычек пришивались монеты и иные серебряные украшения.

Другим видом платья была «полуша». Это платье не имело разреза на юбке, делалось с открытым на груди лифом и обычными рукавами на манжете. Во всем остальном оно было похоже на арсар (лиф, ширина и длина юбки и т. д.).

Еще одним видом платья кумычки был «кѡабалай». Сохраняя основные элементы и фасон кумыкского платья, кѡабалай имел свои отличительные особенности. Основное отличие заключалось в том, что к платью

Рис. 60. Верхнее женское платье — «арсар»

в форме арсар вместо разреза сверху донизу вставлялся особый передник — «алдылыкъ» из отдельного полотнища шириной 60—70 см, обычно из той же материи, что и само платье. От подола до пояса это полотнище соединялось с другими полотнищами юбки и застрачивалось с двух сторон, образуя две широкие складки, а на груди и шее оно застегивалось на пряжки и пуговицу, закрывая нижнюю рубашку. Кѡабалай имел двойные рукава — верхние и нижние. Нижние рукава делались по руке, были узкие и застегивались на пуговицу. Сверху пришивались вторые рукава. Они представляли собой широкие

полотнища, 50—80 см ширины, спускавшиеся значительно ниже кистей. По краям этих полотнищ нашивались шелковые кружева.

Анализ двух видов платья — арсар и кѡабалай — дает основание полагать, что арсар по своему происхождению древнее кѡабалай и что кѡабалай является разновидностью платья арсар, претерпевшего с течением времени значительные изменения. Вместе с тем мы считаем, что

Рис. 61. Нарядное платье — «кѡабалай»

один из элементов этого платья — передник (алдылык), который пришивался к платью, не местного происхождения. Сравнивая этот вид платья с аналогичным платьем осетинок, можно прийти к заключению, что появление такого рода вставки к платью является результатом культурно-исторических связей кумыков с осетинами. Недаром платье с такой вставкой называется у некоторых кумыков «осетин полуша» или «осетин кѡабалай», а у южных кумыков — просто «осетинлар» (осетины). Все эти

виды платьев, если их шили для молодой женщины или девушки, украшались по подолу, на поясе, рукавах и груди золотыми или серебряными галунами. На поясе платье застегивалось двумя-тремя большими (у молодых женщин) или маленькими (у девочек, пожилых) серебряными, позолоченными «шарпазлар». В отличие от других платьев грудь къабалай

Рис. 62. Женская шуба из белой мерлушки

у богатых женщин покрывалась еще серебряными позолоченными украшениями «къаршума», имевшими форму длинного «шарпаза». «Къаршумалар» предварительно пришивались к нагруднику из бархата, тафты, обычно ярких цветов, затем нагрудник носили с любимым платьем такого покроя и даже с арсаром.

Нарядные платья указанных выше фасонов, которые шили из дорогого шелка и бархата, носили и хранили очень бережно, передавая дочерям и внучкам.

Прежде большинство женщин носило зимой ту же одежду, что и летом. О пальто вообще не имели понятия, так же как и о теплой обуви. Однако многие женщины, особенно пожилые, носили шубы, сшитые из шкур белых барашков (кёрпе тон) с парчовой отделкой вместо галунов. В отличие от мужской шубы женская имела больше клиньев, образующих своеобразные фалды, короткие рукава (до локтя). Женская шуба не запахивалась, а застегивалась на пряжки, как и платье. Женщины из дворянских семей носили шубы из дорогих русских мехов, крытые бархатом, плюшем и украшенные галуном. Кумыкские шубы шились длинные, как и вся верхняя одежда.

Рис. 36. Старинная женская обувь

Обувь женщины составляли главным образом белые шерстяные носки и чувяки (мачийлер) из сафьяна. Нарядные, в том числе и свадебные, чувяки делались из красного сафьяна и обшивались тонкой тесьмой (чалув) из золотых или серебряных ниток. По своему покрою женские чувяки были очень похожи на мужские ноговицы, пришиваемые к голенищам. Женские чувяки также шились со швом вдоль стопы (посередине, с мысиком на подъеме). Поверх чувяк женщины зимой и в непогоду носили башмаки — «башмакълар» — обувь, напоминающую глубокие туфли без задников. Женские башмаки, так же как и мужские, шились с сафьяновым верхом на толстых деревянных или кожаных подошвах с высокими каблуками. Нарядные башмаки делались на более тонкой, но крепкой подошве с бархатным (гюльмахмар) или суконным верхом. Нередко сукно, предназначенное для башмаков, вышивалось золотыми, серебряными или разноцветными шелковыми нитками. Башмаки постепенно стали заменяться кожаными галошами, которые надевались также поверх носков и «мачийлер».

Рис. 64. Головной убор женщины — «чутку»

В отличие от «маси» и «мачий», которые «каждая женщина сама кроила и шила для своего семейства»⁶⁶, башмаки и галоши шили специалисты-башмачники. Каблуки башмаков делались с железными подковами.

Кумычки носили на голове повязку (чутку) в виде узкого, открытого сверху и снизу мешка длиной 100—120 см и шириной 40—45 см. Шили чутку из атласа, сатина или шерсти. Самой нарядной считалась чутку из тонкой черной шерсти с яркими цветами. В чутку опускали «волосы, сплетенные в мелкие косички, и закидывали на спину»⁶⁷. Чутку, прикрыв ею на 2—3 см лоб, завязывали вокруг головы узкими полосами материя. Нижний конец чутку обшивали кружевами такого же цвета. К чутку не пришивали никаких украшений (цепочек, ракушек), как это имело место в горных районах Дагестана. Полевой материал дает основания полагать, что чутку не составляла древнего элемента женской одежды, а была навязана религией. По Корану женщина не должна была показывать свое лицо, фигуру, свои наряды посторонним мужчинам.

Вопреки запретам религии, женщины прежде выпускали на висках длинные локоны, иногда даже ниже пояса, а молодые женщины и девушки оставляли на лбу челку (лепеке). В середине XVII в. Олеарий писал: «Женщины, как и девушки, без стеснения, с открытыми лицами ходили среди людей. Девуцы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы, они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички»⁶⁸.

С усилением влияния ислама в Дагестане к середине XIX в. женщины стали тщательно прятать волосы под чутку. Только молодые кумычки по-прежнему носили челку и на висках оставляли пейсы — «самайлар» (у северных кумыков) или «тулумлар» (у южных кумыков).

Поверх чутку носили большой платок — шелковый, шерстяной, тюлевый или ситцевый, в зависимости от состояния. К тюлевому платку

⁶⁶ П. Пржецлавский. Указ. соч., стр. 286.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ О л е а р и й. Указ. соч., стр. 499.

обычно пришивалась золотая или шелковая бахрома. Из шелковых платков самыми распространенными были широко бытующие в настоящее время платки «гюльмелли», изготавливаемые в Гандже (ныне Кировабад, Азербайджанской ССР), а также «хара явлукъ», привозившиеся из Бухары. У южных кумыков широкое распространение имели дмотканые платки, приобретаемые главным образом в даргинском сел. Мюрего и известные под названием «муреге кIана». Эти платки изготавливались из натурального шелка. Многие кумычки, чтобы иметь такой шелковый платок, разводили шелкопряда, сами делали из коконов пряжу и затем обменивали ее на готовый платок. Такие платки нередко делались по заказу с учетом вкуса хозяйки.

Шелковые и вязаные платки проникали на Кумыкскую плоскость и оттуда на всю кумыкскую территорию также из Осетии — «осетин явлукъ». Эти платки отличались своим высоким качеством и поэтому ценились дорого.

Платки у кумычек были весьма разнообразны. Женщина выбирала платок прежде всего с учетом своего возраста, обстановки (праздник, траур и т. д.). Пожилые женщины носили платки и чутку однотонных темных цветов, в то время как молодые женщины и девушки носили яркие и разноцветные.

Девочки с 5—7 лет носили такие же платья, что и молодые женщины. Но их костюм отличался более пестрой расцветкой. Согласно обычаю, девочки могли не носить чутку до 10—11 лет, но по наступлении этого возраста они должны были одеваться и причесываться, как все женщины.

Украшения

У кумычек были широко распространены всевозможные золотые, серебряные и другие украшения, которые вместе с нарядными платьями бережно хранились как семейные драгоценности и передавались из поколения в поколение. Украшения носили не только девушки и молодые женщины, но и девочки, начиная с младшего возраста. Украшения носили представительницы всех слоев кумыкского общества, однако дорогие вещи были достоянием только феодальной верхушки и буржуазии.

Женские украшения делились на две группы: привозные и изготавливаемые в Дагестане. Из России и Персии издавна поступали серебряные или золотые монеты⁶⁹, коралловые ожерелья, жемчуг, часы, браслеты, цепочки, брошки, серьги, позумент и т. д. Большинство же украшений изготавливалось в самом Дагестане. Центром производства высококачественных золотых и серебряных изделий, как уже отмечалось, был аул Кубачи. Кумыкские женщины, в первую очередь женщины из среды феодалов, делали кубачинцам всевозможные заказы. Нередко работа выполнялась из материала закавказцев. Во многих крупных селениях кумыков работали также мастера-ювелиры как приезжие из Кубачей и лакских аулов, так и местные.

Как известно, украшения употребляются либо отдельно, самостоятельно (кольца, серьги, браслеты, бусы и пр.), либо пришиваются к одежде и являются ее деталью (пуговицы, вышивки, галуны, пряжки и пр.). Из украшений, имеющих самостоятельное значение, прежде всего следует отметить «камал» — широкий серебряный пояс, иногда в золотой или позолоченной оправе. Нередко в пояс вставлялись драгоценные камни. Вместо серебряного пояса менее состоятельные женщины

⁶⁹ Большое распространение имела золотая персидская монета времен Надиршаха — «ашрафы», которая называлась у кумыков «ашлепи».

носили широкий пояс из позумента, к которому во всю длину пришивали несколько рядов серебряных монет различных размеров.

Другим излюбленным украшением кумычек был особый вид ожерелья — «тамакьса». Тамакьса состояла из 20—25 мелких золотых или серебряных бусин — «къыраа», нанизанных на две нитки. Это ожерелье плотно охватывало шею.

Из нагрудных украшений следует отметить «къаршумалар». «Къаршумалар» делались из позолоченного серебра и имели форму длинных и узких пряжек. Они пришивались на нагрудник из яркого бархата, плюша или какой-либо другой плотной и красивой материи. Нагрудник надевался под платье и украшения выглядывали из выреза на груди. Нередко нагрудник пришивали к платью, и он составлял как бы его неотъемлемую часть.

Женщины горных районов Дагестана, в частности даргинки, носили аналогичные, но более массивные украшения: специальные нагрудники из материи, со сплошь нашитыми монетами, цепочками, подвесками, и надевали их поверх платья. На груди кумычки носили также кораллы — «минчак», золотые и серебряные бусы — «арпа», имеющие формы ячменя. Такие бусы часто прикреплялись к золотым или серебряным монетам. В феодальной среде широкое применение имели большие нагрудные броши в форме розы — «гюль», которые украшались драгоценными камнями, часы на цепочке, медалионы русского и западноевропейского производства, жемчуг (танажар), янтарные бусы.

Кумычки надевали золотые или серебряные серьги — «гьалкъя» или «сыргъя» различных фасонов. Самое большое распространение имели два вида серег: «чумекли гьалкъя» и «салктынжакъ гьалкъя». «Чумекли гьалкъя» делались без подвесок, но очень массивными. «Салктынжакъ гьалкъя» имели от четырех до шести тонких подвесок, сделанных из мелких колец. Богатые женщины носили и привозные серьги, украшенные драгоценными камнями. К концу XIX и в начале XX в. у кумыков появились более упрощенные фасоны золотых серег, в том числе фабричные изделия, стали исчезать всевозможные подвески, петушки и т. д.

Из украшений, надеваемых на руки, следует назвать прежде всего кольца — «юзюк». Кумычки носили их на пальцах как правой, так и левой руки. На некоторых пальцах носили и по два кольца. Кумычки носили кольца, украшенные камнями и драгоценными, и полудрагоценными. Чаще всего встречались перстни с одним более или менее крупным камнем. В отличие от соседей (даргинцев, аварцев и ногайцев) кумычки не носили кольца на большом пальце, а носили на указательном и безымянном, а также на мизинце. На средний палец кольцо надевали не все женщины, в этом сказывалось влияние суеверий. Считалось, что женщина или девушка, которая носит кольцо на среднем пальце, непременно потеряет брата.

Другим широко распространенным видом украшений были браслеты — «белезик», которые также имели различные формы. Изготавливали браслеты из золота и серебра. Основная часть их представляла собой длинные, сплошные и гибкие пластинки с несоединенными концами. Благодаря этому они обычно надевались легко и подходили к любой руке. Встречались и браслеты, которые состояли из нескольких отдельных пластинок, соединенных между собой. Такого вида браслеты обязательно имели застежку. Те и другие браслеты покрывались богатым орнаментом и украшались камнями, особенно посередине. Кроме самодельных браслетов, у кумыков издавна встречались и привозные. Например, в первой половине XVII в. в числе подарков голштинского посольства эндиреевскому владельцу были и золотые браслеты⁷⁰. Наряду с браслетами из

⁷⁰ О л е а р и й. Указ. соч., стр. 510.

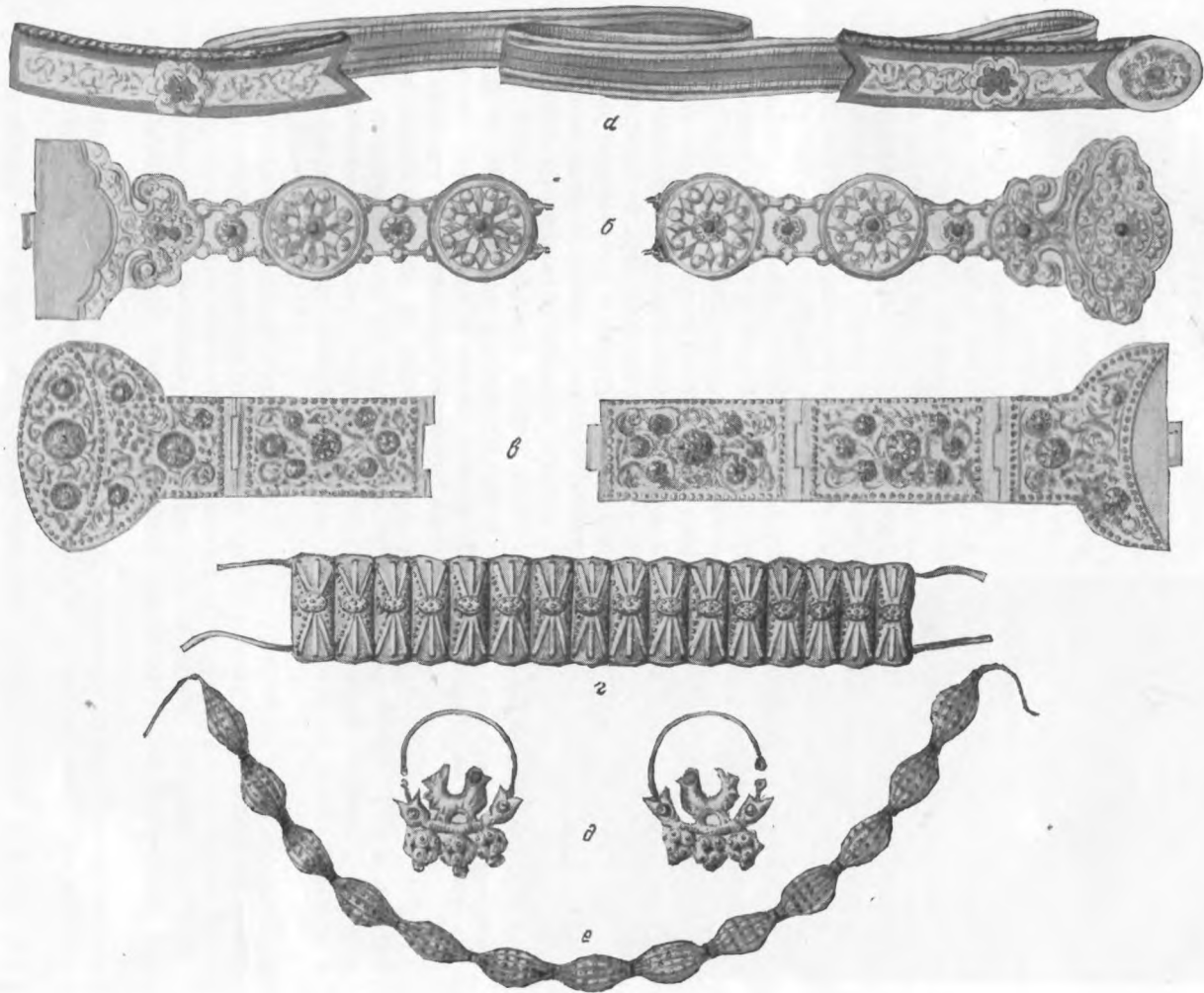

Рис. 65. Женские золотые и серебряные украшения:
 а, б, в — пояса, г, е — нагрудные украшения, д — серьги

благородных металлов, широкое применение имели, особенно у девочек младшего возраста, браслеты из кораллов. В этом случае кораллы нанизывались на нитки в три-четыре ряда, причем для прочности и удобства концы ниток переплетались вместе и в таком виде завязывались на руке.

Из украшений, которые составляли неотъемлемую часть одежды, прежде всего следует назвать пряжки — «шарпазлар», «квармакълар». Они пришивались к поясу платья. Число этих пряжек на одном платье зависело от их величины. Длинные узкие пряжки, в форме маленькой рыбки, употреблялись по три-четыре штуки вместе, а более мелкие — по пять-шесть. «Шарпазлар» изготовлялись из серебра и, подобно поясу «камал», украшались филигранью или чеканкой. У южных кумыков принято было пришивать мелкие бляхи на откидные рукава, на пояс, на обе стороны трудного выреза платья и т. д. Платья украшались и всевозможными пуговицами, главным образом серебряными.

Большое внимание уделяли кумычки, в особенности жены кумыкских феодалов и представителей буржуазии, косметике — «ягышмакъ». По представлениям кумыков, красивая женщина должна была иметь чистый ровный лоб, длинные узкие брови в форме полумесяца с определенным расстоянием между ними. Поэтому многие женщины выщипывали лишние волосы со лба и бровей; удалялись также волосы между бровями. Брови и ресницы красили сурьмой. Для этой цели использовали и ядра грецких орехов. При горении ядро ореха превращалось в мягкую жирную пасту, которую брали на палочку и слегка мазали брови. Раз в два-три месяца состоятельные кумычки красили волосы хной (жъйна), которая поступала из Персии, главным образом через Ширван. Хной красили и ногти.

Менее состоятельные женщины в целях укрепления корней волос и придания им блеска время от времени красили волосы кашицей из толченых ядер косточек особого сорта абрикосов. Для укрепления волос мыли голову сыворткой — «наг», иногда кислым молоком. Широко пользовались и дождевой водой, которую каждая семья собирала и хранила про запас.

Многие молодые кумычки красили щеки красной краской — «энгилик» и все лицо особыми белилами — «оба». Губы кумычки никогда не красили.

Женщины из феодальных семей издавна пользовались привозными предметами косметики, в том числе особыми белилами и красками. Женщины из небогатых семей пользовались местными средствами. Для изготовления румян, например, использовалось особое растение — «ер энгилик». Корень этого растения растворяли в масле и получали красную пасту. Краску получали также из привозных крашеных ниток, материи и т. д. Летом, чтобы освежить лицо и придать ему белизну, его мазали

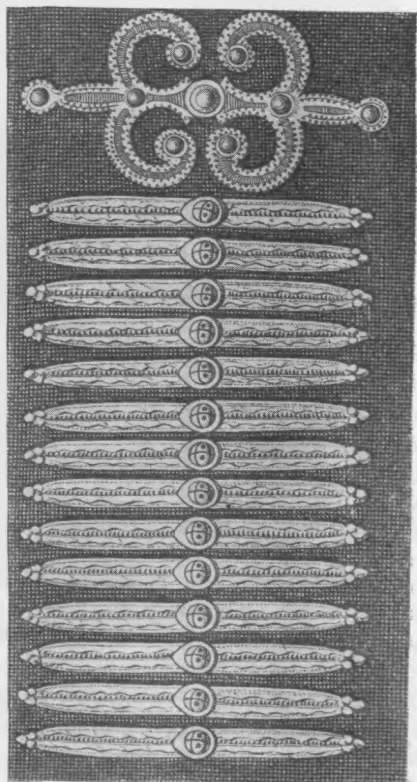

Рис. 66. Старинное женское нагрудное украшение

Рис. 67. Женщины в национальной одежде

кислым молоком, иногда белой глиной — «акъ палчыкъ». В XIX в., особенно во второй его половине, в кумыкские районы стали чаще проникать привозные духи, пудра, помада и т. д. Из всех предметов косметики меньше всего употреблялась пудра.

Во время траура женщины не пользовались косметикой. В такое время снимали все украшения и не надевали нарядные платья с галунами. Потеряв близкого человека, молодая кумычка должна была в течение одного или двух лет носить платья из простого темного материала. В случае невозможности приобрести подходящий материал женщина должна была покрасить в темный (серый, черный и пр.) цвет имеющееся у нее нижнее белье и платья. В трауре женщина убирала челку и чутку носила, почти закрыв лоб. Платок также должен был быть из простого материала, но обязательно белого цвета. Для этой цели шили платки преимущественно из мадеполама, батиста и т. д. Многие женщины из среды северных кумыков во время траура носили мужской «къаштал», показывая тем самым свое отречение от земной жизни. Этот обычай несколько напоминает обычай, распространенный у даргинцев. Даргинки в период траура носили зимой и летом шубу, не снимая ее даже во время летних полевых работ. Женщина должна была стирать траурный костюм как можно реже. Старые женщины по смерти близких не меняли и не красили одежду, а носили то, что имели. Траурный период женщины называли «киргие» (кир — грязное, несвежее, тие — одевается) или «къара гие» (одевается в черное).

В отличие от женщин мужчины во время траура одежду не меняли, не красили, но все же старались одеваться поскромнее, снимали украшения, не брились. Траурный период для женщины был более длительным, чем для мужчины.

Говоря о национальной одежде кумыков, нельзя не отметить, что в прошлом многие семьи не имели лишней смены белья, выходного костюма. Не случайно хозяйка дома принималась за стирку, как правило, ночью. Ночью же одежда сушилась у огня, чтобы утром все были одеты. Многие пожилые кумычки рассказывают, как они держали в постели своих мужей, под предлогом их нездоровья, пока чинили, стирали или же шили новую одежду. На свадьбу одалживали одежду у родственников, соседей. Бедность заставляла кумыков смотреть на сколько-нибудь приличное платье как на семейную ценность, которая передавалась из поколения в поколение.

Анализ национальной одежды кумыков позволяет сделать следующие выводы. Кумыкский мужской костюм в основном сходен с мужским костюмом других народов Дагестана. Однако он имеет ряд национальных особенностей. Например, кумыкская мужская шуба шьется в талию и с рукавами, как у обычной одежды, в то время как шуба у даргинцев, аварцев и других народов или имеет широкой покрой и узкие ложные рукава во всю длину шубы, служащие лишь украшением, или представляет собой меховую накидку.

Костюм кумычки также имеет большое сходство с женским костюмом других народов Дагестана. Общедагестанскими, например, являются женская туникообразная рубашка, длинные, суживающиеся книзу штаны, почти одинаковые как для женщин, так и для мужчин. Много общего наблюдается в головном уборе, обуви и т. д. Однако кумыкский женский костюм имеет больше, чем мужской костюм, особенностей, отличающих его от костюма других народностей. В отличие от женского платья даргинцев и аварцев, имеющего главным образом туникообразный покрой, все виды платья кумычек шьются в талию. В отличие от лишенного всякого украшения головного убора кумычек, «чутку» у многих народов нагорного Дагестана имеет различные височные и налобные украшения. У отдельных народов аварской группы имеется совершенно оригинальный головной убор, оригинальна также обувь. В то время как кумычки носят квадратные или треугольные платки, у даргинцев и аварцев женщины носили в прошлом главным образом длинные, в 2—2,5 м полотнища, которые особым образом надевались на голову.

Мужская кумыкская национальная одежда, как и одежда всех народов Дагестана, имеет много общего с национальной одеждой других народов Кавказа (осетин, адыгейцев, кабардинцев, грузин и др.). Общей для всех кавказских народов является, например, хорошо известная черкеска, хотя она у каждого народа имеет свои отличительные черты, обусловленные бытом, географическими условиями и т. д. Анализ этого вида костюма у кумыков дает основание считать, что он местного происхождения. Название этого костюма — «черкеска», несомненно, проникло в Дагестан в XVIII—XIX вв. и, на наш взгляд, из России. В Дагестане как черкеска в целом, так и каждая ее составная часть (бешмет, чоха, ноговицы, башлык и т. д.) имеют свое собственное название. Для черкески на месте изготовлялось все необходимое и прежде всего сукно. Вместе с тем нельзя не видеть и отдельные заимствования в одежде у народов Кавказа, с которыми издавна существовали культурно-исторические связи. Так, например, кумыкское платье «к'бабалай» или «полуша» во многом напоминает осетинское «к'баба». Кумыкские нагрудные украшения «к'баршума» почти ничем не отличаются от осетинских и кабардинских женских нагрудных украшений.

Не вызывает сомнения, что национальный костюм кумыков, с одной стороны, носит ярко выраженные черты самобытности, а с другой — указывает на древние этно-культурные связи с другими народами Дагестана и всего Кавказа: осетинами, адыгейцами, кабардинцами и т. д.

4. ПИЩА

Основными продуктами, идущими на приготовление пищи у кумыков, являются продукты земледелия: мука — пшеничная, ячменная, кукурузная, крупа — пшеничная, кукурузная, просяная, а также фасоль, рис и продукты животноводства — мясо, масло, молоко и др. Кумыкская кухня, кроме того, использует и некоторые огородные культуры: чеснок, лук, кипзу — разновидность петрушки, перец, арбузы, дыни, тыкву, огурцы, а также фрукты.

Все продукты питания, за небольшими исключениями, кумыки производили у себя, в своем хозяйстве, которое в прошлом носило натуральный характер. Картофель, помидоры и капусту кумыки до XIX в. в пищу не употребляли. Кумыки приобретали у горцев в порядке обмена некоторые продукты животноводства: масло, мясо, сыр, а также покупали в городах сахар, чай, конфеты и пр. В XIX в. у кумыков получают развитие огородные культуры. Появляются помидоры, капуста, картофель, укроп, морковь, свекла и др. Из различных видов мяса самым ценным считалась баранина, затем говядина. Конину употребляла в пищу часть засулакских кумыков, проживающих по соседству с ногайцами; употребление ими конины и умение искусно готовить из нее разные блюда наталкивает на мысль, что мясо лошади было в прошлом одним из основных продуктов питания кумыков, который по ряду причин постепенно вышел из употребления. Вполне возможно, что употребление конины было в далеком прошлом привнесено на Кумыкскую плоскость тюркоязычными племенами, в частности кыпчаками, ногайцами. И до настоящего времени у многих тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья конина широко употребляется в пищу. Свинину кумыки, как и другие народы, исповедовавшие ислам, совершенно не ели.

Кумыки употребляли и мясо домашней птицы, любили также дичь, которой очень богаты кумыкские леса и степь. Рыбу, несмотря на ее изобилие и наличие на территории кумыков множества рыбных промыслов, употребляли сравнительно мало. Литературные источники и рассказы стариков

Рис. 68. Медный котел

дают, однако, основание полагать, что в прошлом рыба играла немало важную роль в питании засулакских кумыков. Описывая прием, устроенный эндиревским владетелем в его шалатке, Олтарий рассказывал: «Он велел предложить нашим людям большой котел осетрины, зарезанной и разорванной небольшими кусочками и вареной с солью, [разлив его] по деревянным корытам, выдолбленным вроде наших подобного рода посуды (Mulden); кроме того, в особых деревянных сосудах подавалась похлебка из щавеля и коровьего масла, чтобы туда макать рыбу»⁷¹. На широкое употребление рыбы в прошлом указывает и наличие у кумыков местных названий рыбы: «балыкъ» (общее название), «бекра» (осетр), «яйын»

⁷¹ О л е а р г и й. Указ. соч., стр. 510.

(сом), «иргъай» (лосось), «чорпан» (щука), «сазан» (сазан) и др. Рыбу ели в вареном и жареном виде. Применялось и вяление рыбы на зиму. Старики-кумыки рассказывают, что сушеная рыба шла даже на приготовление хинкала, который в настоящее время делается исключительно из мяса домашних животных.

Несмотря на большую любовь к мясным блюдам, большинство кумыков употребляло в прошлом мясо отнюдь не каждый день. И для кумыкской семьи прошлого вполне применимы слова Г. Амирова: «Горец — большой охотник до свежего мяса, но ему оно достается очень редко»⁷².

Повседневной пищей большинства кумыков были постные блюда: супы, каши, в лучшем случае заправляемые бараньим или говяжьим жиром, и пироги с начинкой из трав, приготовлявшиеся подчас без всяких жиров и сладостей. Коровье и буйволиное молоко шло в пищу в сыром или кипяченом виде. Из молока получали сметану — «къаймакъ», кислое молоко — «ювурт», простоквашу — «чий», творог — «бишлакъ», из кислого молока — особый вид творога — «сюзма».

«Къаймакъ» получали путем отстаивания молока. Для этого молоко летом ставили в глиняных и медных луженых сосудах в глубокие ямы — «кур», где оно стояло примерно неделю. Потом сосуд выносили и снимали сметану. В летний жаркий день холодная простокваша была лучшим средством утоления жажды. Сложный процесс получения сметаны означал каждую хозяйку запастись большим количеством глиняной и медной посуды. Глиняные сосуды после трех-четырёхкратного использования для отстаивания молока выставляли на солнце на несколько дней для сушки, ибо посуда впитывала в себя сыворотку, что могло затем вызвать преждевременное свертывание молока и нарушение процесса отстаивания сметаны.

Из сметаны сбивали масло — «май» (у северных кумыков) или «яв» (у южных кумыков). Для сбивания масла пользовались глиняными кувшинами — «сюйреме». Вместе со сметаной в кувшин-маслобойку наливали равное количество воды и мешали, раскачивая кувшин на полу. Вода, поскольку она тяжелее сметаны, сильно ударялась о стенки кувшина и ускоряла процесс сбивания масла. Пахта называлась «айран».

Таким же образом готовили масло и из кислого молока. Айран, полученный при сбивании масла из сметаны и кислого молока, пили, как отмечал Броневский, вместо кваса. Из козьего и овечьего молока делали сыр — «къой бишлакъ».

Сыр кумыки делали и из коровьего молока. Этот сыр назывался «мая бишлакъ». Обычная же простокваша шла на получение творога. У южных кумыков в прошлом принято было оставлять излишки творога на зиму. Для этого простокваша, как только она наливалась в редкий мешок для процеживания сыворотки, ставилась под круглый плоский камень, чтобы творог приобрел форму кумыкского хлеба. Потом его резали маленькими кубиками и опускали в соленый раствор или же сушили на солнце, чтобы в нужное время растереть и употреблять, размешивая со сметаной или в молоке. Сыр и творог в питании кумыков играли большую роль.

Все блюда кумыкской кухни можно разбить на три группы: жидкие блюда, вторые блюда и всевозможные печенья. Однако кумыки в прошлом редко разделяли эти блюда на первые или вторые и в обычной семейной обстановке ограничивались чаще всего одним из этих блюд. Готовили его вдоволь, чтобы хватило всем членам семьи.

⁷² Г. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, вып. 7, 1873, стр. 8.

Самым распространенным и любимым жидким блюдом всех дагестанских народов, в том числе кумыков, было и остается «хинкал» (гьинкал — у северных кумыков, хинке — у южных кумыков)⁷³. Его готовили следующим образом: варили жирный бульон из хорошего мяса (без лука и круп), отдельно замешивали некрутое пшеничное тесто, резали его на маленькие квадратики и опускали в кипящий бульон, когда мясо было почти готово. Кусочки теста, сваренные в жирном бульоне, и назывались собственно хинкалом, хотя это название относится также ко всему блюду в целом. Кумыки готовили хинкал нескольких видов (къалын гьинкал, юкъя гьинкал, сырсыр гьинкал и т. д.), заправляя его разной подливкой: из сметаны, кислого молока, орехов, томата и т. д., и ели обязательно с чесноком. Делали хинкал и из кукурузной муки — «гъалнама»⁷⁴.

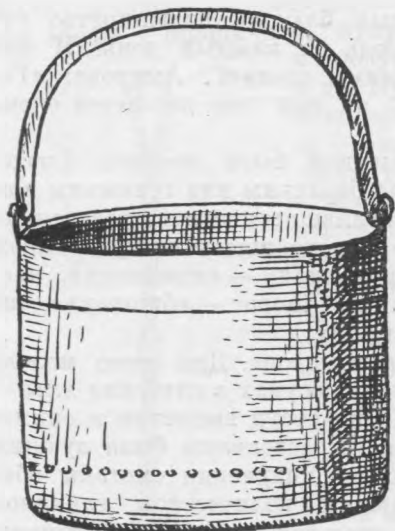

Рис. 69. Старинный котел для приготовления пищи

В пище кумыков широко были распространены супы — «шорпа». Они готовились с фасолью, рисом, лашшой, с мелкими кусочками теста, с пшеничной крупой. Во все эти виды супов, кроме молочных, клали в большом количестве лук, летом — зеленый перец, кислую пастилу из слив или дикой алычи, кислое повидло из кизила или сушеную

курагу. Все эти супы готовили в луженых медных котлах, реже в чугунных. Только один из видов супа, а именно «къаба шорпа» (по-азербайджански — пити), принято было варить в глиняном сосуде (къаба — кувшин или сосуд, шорпа — суп). Такой суп готовили обычно зимой, когда кто-нибудь из членов семьи рано утром отправлялся в путь. Кроме того, в прошлом такой суп приготавливали на ночь во время «уразы», когда верующие должны были соблюдать днем пост и есть только вечером и под утро. Ложась спать, кумычки зарывали сосуд в золу и под утро ели готовый суп.

Одним из повседневных блюд кумыкской бедноты был суп «гъаливахудур», из муки, масла и лука, который, на наш взгляд, является наиболее архаичным, самым простым по способу приготовления кушаньем. Раньше такой суп давали больному вместо чая.

В отличие от остальных кумыков жители сел. Каякент, подобно азербайджанцам и табасаранцам, готовили, да и сейчас готовят, суп из кислого молока, или «айрана» (айран-шорпа или довгъа), что можно объяснить наличием этнических связей жителей сел. Каякент с азербайджанским народом.

Одним из самых любимых вторых блюд было «кюрзе» (пельмени). «Кюрзе» делали с начинкой из мяса, творога, молока с яйцами, тыквы, бараньего или коровьего ливера, крапивы.

Кумыки широко употребляли в пищу различные травы, в том числе молодую крапиву. С начинкой из крапивы делали «кюрзе» и «чуду» (че-

⁷³ «Хинкал» называется это блюдо и на некоторых даргинских диалектах. На литературном даргинском языке хинкал называется «хинки».

⁷⁴ Подробнее способы приготовления различных блюд см. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч.

буреки). Начиная с марта, женщины или дети собирали в садах крапиву, которая растет на плоскости в большом количестве. Рубленную, как мясо, молодую крапиву сначала варили в молоке или воде, разбавляя поджаренной на масле мукой. Когда состав густел, его снимали с огня и прибавляли толченые орехи.

Другим национальным кушаньем кумыков является «долма»⁷⁵ — вид голубцов из виноградных листьев. С появлением капусты стали делать и голубцы — «хапуста долма» (у северных кумыков) или «кедем долма» (у южных).

К числу национальных блюд относится также шашлык — мясо, поджаренное на вертеле на горячих углях, известное у кумыков под названием «чишлик» (чиш — вилка, вертел и лик — словообразующий аффикс). Для шашлыка обычно употребляют мягкие куски мяса. Осенью, зимой и ранней весной богатые семьи специально оставляли свежее мясо для шашлыка, причем перед тем как готовить шашлык мясо заправляли уксусом, луком, перцем, душистыми травами и оставляли в таком виде на несколько часов. Кумыки делали шашлык также из сушеного мяса и сушеной колбасы. Разновидностью шашлыка было жареное на луженых сковородках мясо — «къызартгъан эт», которое жарили с луком и заливали уксусом.

Широкое распространение имела яичница — «кьоймакъ» (у северных кумыков) или «хайгина»⁷⁶ (у южных кумыков), которую делали не из целых яиц, а взбалтывая их, как для омлета.

Состоятельные кумыки в качестве праздничного кушанья готовили плов — «аш» или «пилав». Трудно сказать, у кого заимствовано это кушанье. Известно, однако, что еще в XVIII в. теркеменцы Кумыкской плоскости и теркеменцы Кайтагского удмийства сеяли здесь рис, который употребляла в пищу состоятельная часть местного населения. Плов готовили разными способами, в том числе и среднеазиатским. Общаясь с другими народами, кумыки нередко перенимали и их способы приготовления кушаний, в частности плова. Во время праздников, свадеб или похорон чаще, чем плов, готовили мясной соус без картофеля — «бозбаш». Некоторые кумыки его называли «кьувурма». Бозбаш готовился в больших луженых медных котлах; его принято было подавать на стол в фарфоровых или фаянсовых пиалах, которые имелись в доме каждого более или менее состоятельного кумыка.

Употребляли кумыки и разнообразные каши. Варили их как из пшеничной, так и из кукурузной крупы, пшеничной муки, риса, тыквы и пр. Кашу из пшеничной муки — «тахана» (у северных кумыков), «дахни» (у южных кумыков)⁷⁷ варили как мамалыгу. «Дахни» у южных кумыков считалось исключительно женским блюдом, которое обычно давали роженицам. Каши из пшеничной или кукурузной крупы — «ярма», которые больше всего употреблялись в бедных семьях, готовили на молоке и на воде. Если кашу готовили на воде, то заправляли поджаренным луком и маслом. Рисовую кашу — «чилав» (у северных кумыков) или «ширктай» (у южных кумыков) — принято было делать на молоке, но иногда и на воде. У южных кумыков «чилавом» называли рисовую кашу, приготовленную со щавелем (ат кьулакъ), в которую клали масло и сырые яйца. Из пшеничной крупы южные кумыки готовили особый вид каши — «кьувурма ярма». Искусно приготовленная «кьувурма ярма» ни-

⁷⁵ Нам думается, что это название происходит от тюркского слова «долдурма» (долдур — наполняй, ма — словообразующий аффикс).

⁷⁶ У даргинцев — тоже «хайгина», у аварцев — «хайгин». Слово, очевидно, персидского происхождения.

⁷⁷ У даргинцев — «дахни».

сколько не уступала плову. Отсутствие этого блюда у северных кумыков, составляющих основную часть кумыков, и наличие в соседнем Кайтаге (у даргинцев) и Табасаране каши, приготовляемой по типу «кэувурма ярма» из полбы (перунж), произрастающей как в Кайтаге, так и в Табасаране, указывает на заимствование южными кумыками способа приготовления «кэувурма ярма» у своих соседей. Так как полба не росла на территории южных кумыков, то они кашу готовили из лучшей пшеницы — «сари будай».

Это далеко не полный перечень основных национальных кушаний кумыков. В каждом районе, в каждом селении в приготовлении кушаний имелись свои особенности, специфические приемы, имелись даже совершенно особые блюда.

Кумыкские женщины проявляли большое умение в приготовлении хлеба, всякого рода мучных изделий, пирогов, халвы и пр. Хлеб они пекли как из пшеничной, так и из ячменной и кукурузной муки. В прошлом бедность не позволяла большинству кумыков есть пшеничный хлеб. Народ в большинстве своем ел ячменный хлеб, а позднее, с появлением кукурузы, и кукурузный.

Хлеб — «этмек», «аш» — кумыки готовили разных видов из кислого теста — «хамур этмек» и из пресного — «кэысыр этмек» (у северных кумыков) или «кэысыр плацлары» (у южных), но предпочитали хлеб из кислого теста. Для закваски пользовались жидким кислым тестом — «хамурдан», постоянно сохранявшимся в каждом доме. Пресный хлеб чаще всего готовили в случае, когда нужно было быстро подать на стол. Из кислого теста делали несколько сортов хлеба: мягкий хлеб, хлеб, для которого тесто дважды месилось, и др.

Несдобное кислое тесто делалось мягче, чем пресное тесто. Хлеб пекли в виде больших круглых лепешек, весом 600—900 г. В отдельных случаях, связанных с обрядами, хлеб — «гулече» — пекли весом 1,5—2 кг. Из кукурузной муки готовили только пресный хлеб — «мичери». Тесто замешивали на крутом кипятке и хлеб готовили, пока тесто было горячим, чтобы легче было придать ему плоскую и круглую форму. Пекли хлеб, а также всевозможные пироги — «чуду» — в печках — «кёрюк», поставленных во дворе, под навесом или на веранде — «догъа». Как правило, печи сооружались не в каждом доме, а в количестве двух — пяти на целый квартал — «авул». Печи эти топились ежедневно теми, кто желал испечь хлеб. В целях экономии топлива хозяйки нередко объединялись и топили печь вместе. Зимой принято было печь хлеб на два-три дня, а летом — каждый день.

В отличие от русских печей, а также южнодагестанских и азербайджанских тондуров, кумыкская печь топилась беспрерывно; легкие «этмеки» быстро выпекались, освобождая место другим.

В тех случаях, когда условия погоды не позволяли пользоваться «кёрюком», хозяйки довольствовались комнатным камином и пекли хлеб в горячей золе. Для такого хлеба — «от эмек» — готовили очень крутое тесто. Пекли его медленно, иногда заменяя остывшую золу горячей. Буханка нередко весила 5—10 кг, и ее хватало на сутки целой семье. Других способов печения хлеба, кроме двух указанных, кумыки не знают. Широко распространённые в южном Дагестане и в Азербайджане печи — «тондуры» — кумыкам в исследуемое время не были известны.

Кумычки приготовляли множество всевозможных сладких и несладких сдобных хлебов. Для сдобного хлеба, который каждая хозяйка старалась испечь к праздникам и другим торжественным дням, тесто готовилось на молоке и масле, иногда добавляли яйца. Такой хлеб называется «назык» (у северных кумыков), «кэалач» или «пенжекеш» (у южных кумыков). Его приготовляли или круглым, как обычный хлеб,

или продолговатым. На этом хлебе делали вилкой всевозможные узоры. Другой вид сдобного хлеба — «майлы этмек» (слойка), т. е. хлеб с маслом. Делали «майлы этмек» из кислого и из пресного теста.

Из пирогов следует прежде всего назвать пирог с творогом — «бишлакъ чуду». В творог принято было класть толченые орехи, масло с поджаренным луком, перец, душистую траву — кинзу или ярууз — мяту. «Эт чуду» — пирог с мясом — делали из мясного фарша, приготовленного так же, как для пельменей. «Ичкърны чуду» готовили с такой же начинкой, как «ичкърны кюрзе». «Къоз чуду» — пирог с орехами — готовили с начинкой из толченых орехов, смешанных с мелкими кусками курицы или баранины, с луком и кислой настилой. «Къабакъ чуду» — пирог с тыквой — делали из вареной или сырой тыквы, добавляя поджаренный на масле лук, поджаренную на масле муку, толченые орехи. «Къычыткъан чуду» — пирог с крапивой — делали с начинкой, приготовленной так же, как и для «къычыткъан кюрзе». Пирог делали и из других местных трав. На молоке приготавливались особого вида пироги — «чий чуду», «буршуна».

Из яиц готовили «печную яичницу» — «кёрюк къоймакъ» или «оймакъ къалач» (у южных кумыков) — с основанием из теста.

Как мы отмечали выше, кумыкскую кухню значительно разнообразили травы, которые в изобилии растут в поле и в садах. Эти травы входили в состав многих блюд. Делали, например, пироги с начинкой из черемши, лука, трав, известных под названием «джулаа», «карзама» (у северных кумыков) или «ццигъа» (у южных кумыков)⁷⁸. Пироги из этих трав готовили повсюду одинаково — мелко нарезанный лук, черемшу и другие травы смешивали с подливкой, приготовленной из поджаренной на масле муки, сырых яиц и толченых орехов, и пекли так же, как пироги с мясом или творогом. Делали «чуду» с начинкой из конского щавеля — «аткъулакъ чуду» (аткъулакъ — конское ухо). Этот вид «чуду» было повседневной едой кумыкской бедноты в прошлом, ибо для его приготовления ничего не требовалось, кроме самой травы, соли и теста. Для всех названных видов «чуду», за исключением «чий чуду», использовалось пресное, тонко раскатанное тесто. «Чуду» делали полуоткрытыми (къабакъ чуду, халияр чуду, аткъулакъ чуду и др.). Они могли быть круглыми, как хлеб, или в форме полумесяца.

Из сладких кушаний кумыки предпочитали халву. Ее приготавливали разных сортов, для торжественных случаев заранее.

Любимым лакомством, как всюду на Востоке, считалась пахлава.

Другой вид сладкого печения — «гулеме» (у южных кумыков) или «гъалва къалач» (у северных кумыков) — приготавливали из слоеного теста, внутрь которого клали «ун гъалву». На «гулеме» принято было делать узоры наперстком, предварительно помазав его яйцом. «Гулеме» обычно делали мелкими, в виде коржиков, и пекли также на легком огне. «Гулеме», как и халва и пахлава, делались, кроме праздников, еще и в дорогу, так как они долго не портились.

Зимой и ранней весной кумычки готовили из первосортной пшеницы и пшеничной муки «салат» (у северных кумыков), «семене» (у южных). «Семене» — сладкое кушанье, по вкусу напоминало повидло и являлось любимым блюдом кумыков, хотя из-за трудности приготовления его ели редко. Богатые кумыки употребляли в пищу и разного рода варенье — «мураба». «Мураб» делали из кизила, вишни, садового терна, айвы, значительно реже из сливы.

⁷⁸ Даргинцы кайтагского диалекта тоже называют эту траву «ццигъа».

Большую роль в пище кумыков играли фрукты (виноград) и бахчевые, в изобилии произрастающие в каждом селении. Яблоки, груши айва, сливы, арбузы, дыни, виноград ели в качестве второго или третьего блюда. Большим подспорьем в питании были также дикорастущие фрукты, ягоды и орехи, которыми изобилуют леса и поля кумыков (дикий виноград, дикие груши, яблоки, айва, алыча, дикий терновник, орехи грецкие и лесные и пр.).

Переходя к напиткам, упомянем прежде всего о самом древнем алкогольном напитке, известном у кумыков под названием «буза» (брага). «Буза» употреблялась как в обычной обстановке, как и на свадьбах и в прочих торжественных случаях.

Другим национальным и, судя по данным фольклора, очень древним алкогольным напитком была «джапа» (у северных кумыков), или «ч1аба» (у южных)⁷⁹, которая употребляется кое-где и в настоящее время. Этот напиток очень приятен на вкус и почти такой же крепости, какую имеют сухие вина, но он, в отличие от вин, подвергался кипячению.

Наличие больших виноградников на территории кумыков еще в хазарский период свидетельствует о возможности широкого употребления напитков из винограда еще в древности. Распространение ислама, совершенно запрещавшего употребление каких бы то ни было алкогольных напитков, привело в более поздний период к сокращению виноделия у кумыков.

Традиционным десертным напитком был «муселлес», который также представлял собой кипяченый виноградный сок. В отличие от «джапа» кумыки употребляли «муселлес» в качестве легкого сладкого напитка. Из виноградного же сока изготовляли особый виноградный мед — «тушал», который имел широкое употребление.

Широко употреблялся также сладкий напиток — «шербет» (сладкая вода). Он имел, как правило, ритуальное значение, т. е. употреблялся во время свадебных торжеств. Каждая невеста, к какому бы сословию она ни принадлежала, должна была, отправляясь в дом жениха, брать с собой кувшинчик с шербетом. Все родственницы ее будущего мужа должны были попробовать этот напиток и пожелать при этом молодым сладкой, радостной жизни. Прохладительным напитком еще был «айран», о котором речь шла при описании молочных продуктов.

Из заимствованных напитков следует назвать прежде всего чай. Чай и сахар благодаря торговле с Востоком проникли в Дагестан, вероятно, издавна. Однако чай кумыки употребляли мало. Он был достоянием только феодальной знати. Менее зажиточные семьи использовали для заварки сушеные листья айвы, конского щавеля, плоды шиповника, мяту, чебрец, а вместо сахара — «тушал» и сухие фрукты — «к5акъ». Северные кумыки, особенно засулакские, широко употребляли калмыцкий чай, приготовляемый на молоке, с маслом и солью. Как показывает само название, этот чай, по всей вероятности, стал распространяться у кумыков с XVIII в., со времени появления калмыков у берегов Терека. Широкому распространению калмыцкого чая у северных кумыков способствовали также их соседство и тесные культурно-экономические связи с ногайцами, проживавшими издавна по берегам Сулака. Калмыцкий чай — «к5алмукъ чай» — у южных кумыков совершенно не употреблялся. Вместо чая в бедных семьях широко пользовались жидким кушаньем «г5алва худур», которое давали больным, особенно в случаях простуды.

Несмотря на религиозный запрет, на свадьбах и других торжествах состоятельные кумыки употребляли спиртные напитки, и прежде всего

⁷⁹ У даргинцев тоже «ч1аба».

вило — «чагыр». Жители сел. Кумторгала, например, были в XIX в. лучшими виноделами. Виноделие получило развитие и на Кумыской плоскости, главным образом в Муцал-ауле. Из привозных крепких напитков употреблялась только водка — «аракы».

Заканчивая характеристику способов приготовления пищи и напитков, скажем несколько слов и о заготовке продуктов на зиму.

Кумыки делали запасы муки на весь зимний период, так как мельницы, работавшие на воде мелководных горных рек, зимой часто бездействовали. Кроме того, летом и осенью удобно было мять и сушить зерно на солнце. У кумыков существовала также традиция вялить мясо на весь зимний период. Это, как нам представляется, было вызвано многими причинами и прежде всего замкнутым натуральным хозяйством, отсутствием базаров, где можно было бы покупать и продавать излишки, и условиями отгонного скотоводства. Убой скота происходил осенью, когда скот имел наиболее высокую упитанность. Итак, каждая семья старалась запастись сушеным мясом, так как зимой было трудно купить его. Осенью каждый проезжающий мог определить, кто в селении беден, кто богат, по числу туш (шульме) или количеству мяса, висевшего на веранде. До недавнего времени южные кумыки, как и их соседи даргинцы, сушили мясо в помещении, называемом «тавчу». Мясо приносили в это помещение и подвешивали к потолку над очагом после того, как слегка провяливали на воздухе. Дымом, который распространялся по всей комнате, мясо коптилось. С исчезновением «тавчу уй» исчез и этот способ вяления мяса. Вялили также колбасу (ичек). Засулакские кумыки делали колбасу и из конины, называя ее «къазы», так же как среднеазиатские народы.

Кумыки делали и запасы всевозможных фруктов, орехов и овощей. Фрукты, главным образом яблоки, груши, айву, хранили в сетках, подвешенных к потолку; к потолку подвешивали и устойчивые сорта винограда. Особые сорта груш: «гюльган» (у северных кумыков) или «кзурхан» (у южных), «тертме», иногда и яблоки принято было мочить на зиму в больших глиняных сосудах — «кумес», в которых вменялось по два-три пуда.

Летом из свежих фруктов приготавливали всевозможное варенье. В большом количестве запасались и сухими фруктами. В печках сушили как садовые фрукты (яблоки, груши), так и лесные (яблоки, груши, кизил, алычу и др.). Из дикой алычи и кизила делали пастилу и повидло (без сахара), которые употреблялись в пищу как приправа к мясным блюдам. На солнце сушили абрикосы и сливы. Потом их заливали медом и оставляли на зиму. На зиму солили молодые виноградные листья, которые шли на приготовление «долмы».

Кухонная утварь состояла из медной посуды — «багыр савут»: котла — «къазан», скородки с ручкой — «ялгъав», цедильника — «сюзгюч», самовара, подноса — «тепси», разливательной ложки — «чомуч», шумовки — «чолпу» или «кепкил», кувшина — «багыр», «акъчалыкъ» (у северных кумыков), «къуткъа» (у южных); гончарной посуды — «сыныкъ савут»: тарелок — «хадира», «сукара», миски, сосуда для молока, воды, кувшина — «таш акъчалыкъ» (у северных кумыков) или «чолмек», «ачкъалыкъ» (у южных); деревянной посуды: подноса — «агъач тепси», чашек, корыта — «кершен», шумовки, ступки, вилка, ложек и пр.; фарфоровой посуды — «чины савут», фаянсовой — «киреч савут»: мелких тарелок — «бош къап», чашек в форме пиалы — «сукара», «пияла», супника — «хума», блюд, ваз — «лимча» (у южных кумыков), «пилав бошкъап» (у северных), чайника, чайных чашек и блюдец и т. д.

Количество и качество кухонной посуды определялись имущественным положением семьи. В бедных семьях преобладала гончарная и де-

ревянная посуда; состоятельные кумыки, прежде всего феодальная знать, широко пользовались фарфоровой и медной посудой. Большинство кумыков вплоть до Октябрьской революции пользовалось самодельными ложками и вилками. Вилками обычно служили палочки с заостренным концом из дерева барбариса. Изредка делались вилки с двумя-тремя зубцами. Ложки были разной формы.

Кумыки ели два-три раза в день: утром между 7—9 часами завтрак (эрген аш), между 12—14 часами обед (туш аш), примерно в 18 часов

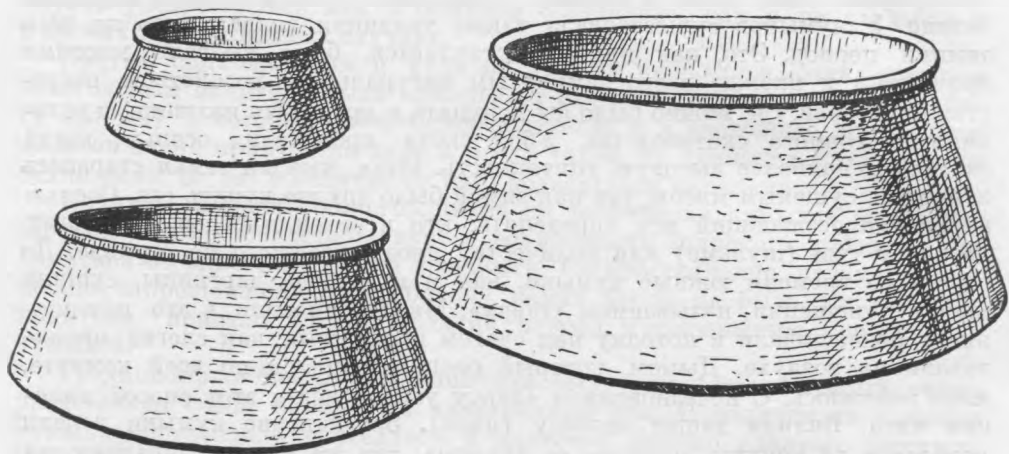

Рис. 70. Котлы-для приготовления пицци

зимой и в 20 часов легом ужин (ахшам аш). Основу пищевого рациона кумыков составлял ужин, который состоял из лучших горячих блюд, фруктов, сладкого. Во время полевых работ особое внимание уделялось завтраку и обеду.

Ели кумыки чаще всего сидя на полу, поджав под себя ноги. Пол покрывался паласами, у богатых — коврами, на которых обычно лежали подушки для сидения во время еды или отдыха. Кушанье подавалось либо на подносах, ко многим из которых приделывались невысокие ножки, либо на скатерти (тастымал) из грубой ткани. Многие кумыки из феодальной знати ели за столом, по-европейски.

Свято соблюдая обычай гостеприимства, кумыки очень богато накрывали стол при приеме гостей. Число блюд, подаваемых при гостях, в богатых семьях нередко доходило до 15—20, включая и холодные блюда. На столе можно было видеть плов, голубцы, жареную курицу, халву, пчелиный мед, фрукты и т. д.

Перед едой и после нее принято было мыть руки. Во время приема гостей хозяин дома или его сын, а у феодалов — один из его нукеров-узденей, подходил к каждому из сидящих с кувшинчиком, тазом и полотенцем, помогая мыть руки. При гостях-мужчинах женщины не обслуживали стол, они должны были только готовить.

Из всего вышесказанного видно, что кумыки, как и все народы Дагестана, употребляли больше всего мясную и молочную пищу. Достаточно отметить, что далеко не полный перечень блюд, приведенный нами, показывает, что наиболее разнообразны были именно мясные и молочные блюда. Разнообразна в национальной кумыкской кухне и мучная пища. Одних только сортов хлеба кумыки знают более семи.

Кумыкская народная кулинария имеет много общего с кулинарией других народов Дагестана и всего Кавказа. Такие блюда, как шашлык, боз-

баш, чуду (чебуреки), халва и др., являются традиционными блюдами многих кавказских народов, что свидетельствует об издавна существовавших культурно-исторических связях между этими народами. Мало того, кумыки как народ, в формировании которого участвовали тюркоязычные племена, имеют известную общность в своей национальной пище и с другими тюркоязычными народами — казанскими татарами, казахами, киргизами, туркменами, узбеками, что нетрудно установить при сравнении наиболее распространенных блюд, способов их приготовления, компонентов, наименований и т. д. Национальная пища кумыков постепенно обогащалась различного рода блюдами, заимствованными у соседних народов, а после присоединения Кумыкской равнины к России — блюдами русской кухни.

Приведенные выше данные позволяют отметить достоинства кумыкской кухни, ее богатство и разнообразие, высокие вкусовые качества, популярность ее у соседних народов. Можно уверенно сказать, что кумыки внесли определенный вклад в соответствующую отрасль материальной культуры.

Таким образом, материальная культура кумыков создавалась и совершенствовалась народом в течение всей его истории. Она носила ярко выраженные черты самобытности и развивалась главным образом на почве обогащения местных традиций. Вместе с тем она отражает культурно-исторические связи кумыков с народами Кавказа: осетинами, кабарддцами, грузинами, азербайджанцами и др. Анализ материальной культуры кумыков указывает и на их этнические связи с другими тюркоязычными народами Средней Азии и Кавказа.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Г Л А В А П Я Т А Я

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

1. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В XIX в. у кумыков существовали сравнительно развитые феодальные отношения. Со времени крестьянской реформы 1865—1867 гг. в хозяйственной жизни кумыков происходят значительные изменения — непрерывно увеличивается роль капиталистических элементов. В конце XIX и начале XX в. ведущую роль постепенно начинают занимать капиталистические отношения. Вместе с тем в общественно-экономической жизни кумыков вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись пережитки патриархально-родового быта. Поэтому семейный быт народа отражал не только существовавшие тогда социально-экономические отношения и их изменения, но и пережитки более ранних этапов общественного развития¹.

В XIX в., в особенности в пореформенный период, основной хозяйственной ячейкой у кумыков была малая семья. Это подтверждается не только этнографическими наблюдениями, но и данными статистики. Достаточно сказать, что по переписи 1886 г. на один кумыкский дым, или хозяйство, в среднем приходилось 4,4 человека².

Вместе с тем у кумыков в этот период сохранялись и более архаические формы семьи — большие нераздельные семьи, или семейные общины. Низкий уровень техники и полунатуральный характер хозяйства, независимо от господства феодальных отношений, способствовали частичному сохранению больших семейных общин, основанных на коллективных формах труда и кооперировании всех средств производства. «Наряду со своеобразием самого распада большой семьи, — пишет М. О. Косвен, — особенность данного процесса составляет то, что распад первобытно-общинных начал идет в большой семье неизмеримо медленнее, чем вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом... Так семейная община оказывается консервативной общественной формой, которая иногда надолго, иногда в условиях даже развитого классового строя, сохраняет и воплощает в себе пережиточные первобытно-общинные начала»³.

¹ Эти вопросы предварительно рассматривались нами в статье «О семейных отношениях кумыков в XIX в.». — «Уч. зап. ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР», вып. IV, 1958, стр. 183—211.

² Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья (Дагестанская область), т. I, вып. 4, Тифлис, 1890, стр. 8.

³ М. О. Косвен. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 12.

На примерах сохранившихся во второй половине XIX в. в пережиточном виде больших семей кумыков можно составить более или менее ясное представление о сущности и структуре большой семьи, об имущественно-правовых отношениях ее членов, об управлении ею, расселении и т. д.

Исследование этой формы семьи и в настоящее время встречает немало трудностей. Основная трудность заключается в недостатке исторических документов и других письменных источников, содержащих сведения о семейной общине у кумыков. Прав был М. О. Косвен, который писал, что «почти совершенно нет в литературе сведений о семейной общине в Дагестане»⁴. Дореволюционные исследователи С. Броневский, М. Ковалевский, А. Комаров, Н. Дубровин, Н. Семенов, Ф. Леонтович, П. Петухов и др., в той или иной мере уделявшие внимание проблеме общественного строя народов Дагестана, в своих работах мало затрагивали вопросы устройства семейной общины, для полевого этнографического изучения которой в то время несомненно имелись все возможности.

Основным источником для характеристики архаических форм семьи служит нам полевой этнографический материал, собранный нами в 1949—1957 гг. в различных районах расселения кумыков. Всесторонний анализ этнографического и исторического материала дает основание полагать, что процесс распада семейной общины и утверждения малой семьи начался раньше у северных, особенно у засулакских, кумыков, чем у южных. Этому несомненно способствовала известная неравномерность развития общественно-экономических отношений в северной и южной Кумыкии. Северные кумыки раньше других были втянуты в русло товарно-денежных отношений. В связи с этим большая семейная община здесь раньше, чем у южных кумыков, испытала глубокие изменения. У южных кумыков, проживающих в предгорной полосе, удаленной от торговых путей и центров торговли, большие семьи, напротив, оказались более стойкими. Поэтому при исследовании пережиточно сохранившихся в XIX в. архаических форм семьи более значительный этнографический материал был собран в южнокумыкских селениях.

Кроме информационных данных, полученных от представителей старшего поколения, нам удалось зафиксировать наличие у южных кумыков остатков материальных памятников большой патриархальной семьи. Это — описанные выше длинные дома типа «тавчулу-уьй» с большими жилыми помещениями, в которых обитали нераздельные семьи. По рассказам престарелых кумыков, в первые десятилетия XX в. и у северных кумыков кое-где сохранялись большие жилища, хотя и несколько иной формы. Материалы по истории кумыкского жилища дают возможность проследить дифференциацию малых семейных ячеек в составе патриархальной семейной общины.

Семейная община у кумыков имела несколько наименований. Все они указывают на хозяйственное, потребительское и родственное единство членов этой семьи. Таковы термины: «улли ожакъ» (большой дом, очаг), «улли агьлю», «улли хизан» (большая семья), «гюремлешген къардашлар» (неразделенные братья), «гюремлешген ожакълар» (неразделенные дома, очаги), «джамлашгъан къардашлар» (объединенные, общие братья), «джамлашгъан ожакълар» (общие дома). Последние два термина, на наш взгляд, имеют позднее происхождение. Они скорее всего указывают на факт сохранения больших семей в условиях господства малой семейной ячейки. Мы склонны также полагать, что термин «джамлашгъан къардашлар» означает вторичное объединение экономически слабых, полурас-

⁴ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа, СЭ, 1946, № 2, стр. 112; новое освещение вопроса о состоянии исследованности семейной общины в Дагестане см. в книге М. О. Косвена «Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы», М., 1961, стр. 95—96.

павшихся малых семей и большую семейную общину с целью укрепления хозяйства. Характеризуя аграрные отношения в России к концу XIX в., В. И. Ленин отмечал, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния⁵.

Кумыкская патриархальная семейная община по своей структуре представляла собой родственную группу, объединявшую потомков одного отца по третьему-четвертому колению включительно, а также их жен. Члены большой семьи (родители и дети, братья, сестры, племянники, дяди, бабушка, дедушка и внуки) назывались «бир уйню аглюсю» (жители одного очага) или «бир къазан аглю» (люди, питающиеся из одного котла). К кумыкской большой семье вполне подходит известное определение, данное Ф. Энгельсом югославянской задруге⁶.

Письменные сведения о численном составе семейной общины кумыков в прошлом не сохранилось. Представители самого старшего поколения помнят большие семьи, число членов которых доходило до 25—30 человек⁷. Таким образом, большая семья объединяла ближайших родственников как нисходящих, так и боковых линий, до третьего-четвертого колена. Естественный рост членов семьи приводил к сегментации семейной общины. Как отмечал М. О. Косвен, семья делилась на части — сегменты, представляющие собой в свою очередь такие же семейные общины, первоначально, конечно, численно меньшие⁸.

Толчком для сегментации большой семьи обычно служила смерть главы семьи, самого старшего. Новые семьи, состоящие из трех, иногда четырех поколений родственников по нисходящей линии, возглавляли сыновья умершего.

По сообщению наших старейших информаторов, во второй половине XIX в. среди сохранившихся больших семей чаще всего встречались общины, объединявшие только родственников (три-четыре поколения) по прямой нисходящей линии, т. е. семьи, которых М. О. Косвен называет «отцовскими большими семьями». Описывая семейные отношения кумыков в предшествовавший период, кумыкский этнограф конца XIX — начала XX в. М. Алибеков отмечал именно такого рода большие семьи. «До смерти отца, — писал он, — они (сыновья. — С. Г.) от него не отделялись, ничего при жизни отца они не называли своим, не спрося разрешения отца, ничего никому не давали и не брали»⁹. Характерной особенностью такой семьи является ее сравнительная малочисленность (15—20 чел.) и рост деспотической власти главы семьи.

Большую семью возглавлял старший по возрасту — дед или отец, очень редко — старая женщина. Глава семьи — «атай» (отец), «дада» (дед), «агъай» (старший распорядитель) — был не только самым старшим по возрасту, но и лучшим работником, умелым организатором, обладающим большим хозяйственным и вообще жизненным опытом. В случае его дряхлости, неумения руководить делами или потери трудоспособности место главы семьи занимал другой из старших членов семьи — обычно следующий после него по старшинству мужчина (брат, сын). В управлении хозяйством и другими делами глава семьи был наделен большим полномочиями, порою неограниченной властью. Он регулировал все дела семьи, считался полновластным хозяином всего имущества. Все члены семьи, в том числе и самые старшие (после него), беспрекословно подчи-

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 68, 107.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 59.

⁷ О составе отдельных больших семей см. С. Ш. Гаджиева. О семейных отношениях кумыков в XIX в., стр. 186—187.

⁸ М. О. Косвен. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 11.

⁹ М. Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 31.

нялись его воле. Общий контроль за поведением каждого из членов семьи оставался за главой семьи. Глава семьи мог подвергнуть любого из членов семьи (кроме старших) физическому наказанию. Старинная кумыкская поговорка гласит: «Старший отец сам вынесет свой приговор». Однако при решении важных вопросов он не мог не советоваться с другими взрослыми членами семьи. В этом случае основную роль играл семейный совет, который по существу являлся высшей властью в семье и членами которого были все взрослые мужчины, а также некоторые женщины (старшие, опытные). Важные хозяйственные и семейные вопросы, вопросы усыновления, исключения из семьи и некоторые другие решались главным образом на семейном совете.

В семье существовало четкое разделение труда. Различные виды работ закреплялись за членами семьи, как правило, по усмотрению главы семьи, который при этом исходил из способностей и умения каждого работника. Наиболее ответственные работы (пахота, сев, полив, отбор семян, изготовление и ремонт сложных сельскохозяйственных орудий и т. д.) выполнялись старшими и самыми опытными мужчинами. На сенокос, жатву, молотьбу хлебов, прополку и другие работы, не требующие большого опыта, выходили все взрослые мужчины и молодежь. Молодые члены семьи пасли также скот, ухаживали за ним, их труд использовался на заготовке дров, на перевозке сена, зерна, мякины, топлива. На долю молодежи падали различные поездки по поручению семьи, несение феодальной повинности, известной под названием «чапарская повинность»¹⁰. Сложные полевые работы на феодалов (барщина) выполнялись, как правило, опытными членами семьи.

Авторитет каждого члена семьи зависел прежде всего от его роли в хозяйственной жизни общины и некоторых личных качеств.

Положение женщины также определялось степенью ее участия в хозяйственной жизни семьи. Женщина обычно мало привлекалась к полевым работам — основной отрасли хозяйственной деятельности кумыков. Ее трудовая деятельность ограничивалась работами по дому (приготовление пищи, изготовление одежды, поддержание порядка и чистоты в доме, домашние ремесла — ковроткачество, сукноделие, обработка кожи) и воспитанием детей. В связи с этим женщина находилась в прямой зависимости от мужчины, в руках которого находились основные отрасли хозяйства. Зависимое положение женщины еще более усугублял шариат, который по существу сводил права женщин на нет.

Однако старшая женщина — «абай», «апай», «уллуажай» (бабушка), обычно жена главы семьи, в общине пользовалась большим авторитетом. Ей подчинялась вся женская половина семейной общины, и она являлась руководительницей женского труда. В ее распоряжении находились все запасы продуктов питания, которые она должна была рационально расходовать. О правах и обязанностях старшей наш информатор ныне покойный Ниматуллаев сообщал: «Их дед не вмешивался в «женские дела». Здесь полной хозяйкой была бабушка Сухат. Она держала ключи от сундуков и кладовых. Все женщины семьи подчинялись ей». Абай могла подвергнуть любую из своих подчиненных наказанию, даже физическому. Кумыкская поговорка — «не больно, когда бьет абай», — говорит о большой власти старшей женщины.

Данные фольклора свидетельствуют не только о былой власти старшей в доме, но и вообще о мудрости, благородстве женщины-матери.

Человека человеком сделала мать,
Человека научила труду мать.

¹⁰ Выставление конных вестовых для ханских дворов.

«Кто не прислушивался к совету матери, тот не достигал своей цели», «после матери сестра самая дорогая родня» — гласят кумыкские пословицы.

В случае смерти абай или ее дряхлости управление домашним хозяйством обычно переходило в руки старшей снохи, причем старшинство снох считалось не по их возрасту и времени пребывания в данной семье, а по возрасту их мужей. Поэтому бывали случаи, когда в большом доме распоряжалась работой старших женщин и управляла хозяйством молодая женщина только потому, что она жена старшего сына главы семьи.

Старшая была неизменным членом семейного совета и руководила воспитанием детей; только подростки-мальчики переходили в ведение мужчины — главы семьи.

По дому на плечи женщины падали сложные и многочисленные обязанности. Среди женщин, так же как среди мужчин, существовало строгое разделение труда. Приготовление завтрака и ужина¹¹ считалось функцией первой помощницы абай, обычно старшей снохи. Печь хлеб для семьи также было делом опытной женщины, особенно в зимний период. Доить коров, перерабатывать молочные продукты, носить воду из родника, убирать дом и двор поручалось молодым невесткам. За детьми ухаживали как сами матери, так и пожилые, опытные женщины. Молодые девушки должны были помогать во всем старшим, работать под их наблюдением. Нередко для выполнения различных работ по дому абай устанавливала очередность.

В силу преобладания натурального хозяйства большая семья в основном должна была сама обслуживать себя. Поэтому делом женщин было изготовление одежды как мужской, так и женской и некоторых других предметов обстановки и убранства дома (ковров, паласов, циновок, всевозможных вышивок и т. д.). Если к обработке сырья (шерсти, хлопка, кожи, шелка) могли быть привлечены все взрослые женщины, то сложные работы (изготовление пряжи, окраска ниток, тканье и т. д.) выполнялись только опытными женщинами. Особенно ответственной и наиболее почетной работой считались кройка и шитье черкесок, шуб, бешметов, мягких сафьяновых сапог и т. д. Женщина, компетентная в этих делах, была уважаема всеми. Опытным женщинам нередко приходилось изготавливать одежду и членам более широкой родственной группы по мужу и соседям. В этих случаях принято было приносить не сырье (шерсть, кожу и т. д.), а материал (сукно, сафьян), из которого женщина должна была кроить и шить тот или другой предмет одежды.

Все работы в доме производились под строгим контролем и наблюдением абай. В фольклоре сохранилось много указаний на деспотизм и жадность абай. В одном предании говорится, что абай, отпуская своих снох на ночь из общего жилища в их личные комнаты, каждый вечер заставляла их танцевать, подняв руки (это делалось для того, чтобы проверить, не спрятали ли они хлеб или другие продукты). Вообще жестокости этой старшей не было конца. Тогда снохи решили отомстить абай. Они подыскали для младшего сына абай девушку, известную своим крутым, дерзким характером, и посоветовали женить на ней младшего сына. Поверив хвалебным отзывам снох, абай женила сына на ней, но с первого же дня почувствовала, что ошиблась. Однажды, когда молодая сноха пекла хлеб, она оставила один каравай с отверстием посередине для себя и повесила каравай под ильтем. Когда абай заставила сноху танцевать, она исполнила ее требование и при этом спела: «Я спекла большой чурек, абай. Чурек имеет маленькое отверстие. Если шнур не оборвется, узел не развяжется, никто о нем ничего не будет знать».

¹¹ Кумыки готовили горячую пищу на завтрак и ужин, а в полдень ограничивались легкой холодной пищей.

Когда снохи обмолачивали хлеб ручным способом, абай подсаживалась к ним за спину. Младшая сноха во время обмолачивания подняла молот (зерно очищали большим деревянным молотом) так, что он разбил череп абай, сидевшей за ее спиной.

Деспотический характер управления в патриархальной семье, особенно на последней стадии ее существования, отрицательно влиял на взаимоотношения молодых супружеских пар.

В большой семье особенно тяжелым было положение самой молодой снохи, которая должна была всем угождать. Старшие снохи называли молодую просто «гелин» (невестка), глав семьи (женщину и мужчину) молодая должна была называть тем именем, каким называли их в семье остальные. Глава женской половины, а порой и старшие снохи поручали ей непосильную работу, испытывая ее умение и выносливость. Ее угнетали и весьма унижительные адаты, которые молодая сноха должна была соблюдать. Не рассуждая. Она не имела права сидеть при старших, оставаться без дела, отлучаться в свою комнату, когда в «большом» доме собиралась семья, гости, не могла участвовать в разговоре, если ее не спрашивали, а когда спрашивали, была обязана отвечать кратко. Невестка, несмотря на то, что ее через несколько дней после свадьбы торжественно вводили в «большой» дом, в течение целого года, а иногда и больше не имела права разговаривать с самыми старшими в доме женщиной и мужчиной. По сведениям М. Алибекова, женщины «с отцами мужей... не говорили до смерти»¹².

И после распада большой семьи невестка соблюдала этот обычай по отношению к родителям мужа. По истечении периода «избегания» совершалось «заставление» разговаривать. Довольные ее «уважением» к себе, старшие, обычно глава семьи — мужчина, должны были поблагодарить невестку при всех и сделать ей подарок.

Для мужчины этот обычай был значительно проще. Он должен был «избегать» старших в течение недели, иногда 15—20 дней, пока его торжественно не пригласят в общий дом. Затем молодой муж мог уже без стеснения находиться в общем семейном кругу.

Молодая женщина должна была вставать раньше всех и ложиться позже всех, чтобы утром до пробуждения семьи убрать двор и отправить скот на пастбище, а вечером постелить всем постели, закрыть ворота, двери и т. д. Новая невестка должна была обновлять обмазку стен, пола, побелку дома, стирать ковры, паласы — словом, наводить в доме идеальный порядок. Такое положение продолжалось до появления в доме новой снохи. Рождение ребенка, особенно мальчика, до некоторой степени укрепляло положение молодой женщины в доме. Если у нее не было ребенка, она не могла пользоваться доверием членов семьи. Муж мог развестись с ней или взять вторую жену.

Труд женщины в большой семье частично применялся и в полеводческом хозяйстве. В разгар полевых работ (прополка, жатва) она принимала посильное участие в общем труде. Возделывание чеснока, лука и других огородных культур в основном находилось в руках женщины. Исключительно женским занятием было шелководство, которое имело в хозяйстве кумыков большое значение. Женщина-крестьянка несла и ряд феодальных повинностей. Наряду с рабынями и служанками всю домашнюю работу у феодалов выполняли женщины из зависимых сословий.

Размер жилища соответствовал численности семьи. Основная часть жилища состояла из большой, широкой и длинной комнаты, с двух сторон которой приспраивались комнаты для брачных пар.

¹² М. Алибеков. Указ. соч., стр. 30.

Распределение мест в жилище хорошо можно проследить на примере «тавчуду уй» южных кумыков. Самое почетное место на нарах занимал глава семьи. На второй половине нар такое же место отводилось старшей — абай. Сидя тут, дада и абай возглавляли трапезу семьи (женщины и мужчины принимали пищу отдельно). В случае прихода почетных гостей дада и абай могли уступить свои места им. Так как внутренняя половина не вмещала всей семьи одновременно, молодые люди ели во второй половине. В парадных случаях для приема пищи вся семья переходила в большую половину комнаты, где главе семьи также отводилось центральное место. На ночь глава семьи, старшая женщина и другие пожилые люди устраивались в «тавчу» на нарах, возле очага; неженатые сыновья и подростки спали во второй половине комнаты. Молодые брачные пары переходили в построенные для них комнаты.

Все имущество (надворные постройки, скот, земля, сельскохозяйственные орудия) и продукты питания считались коллективной собственностью, т. е. были общим достоянием всей семьи. Общая собственность основывалась на кровных связях и коллективном труде всех членов семьи. Равными имущественными правами пользовались и усыновленные члены семьи, которые в качестве таковых должны были быть признаны всем семейством и джамаатом (обществом). Собственность членов семьи состояла, во-первых, из имущества, перешедшего к ним от отцов, дедов, т. е. по наследству, и, во-вторых, из имущества, приобретенного общим трудом семьи.

Наряду с коллективной собственностью в большой семье имели место и элементы личной собственности. Личную собственность в основном имели женщины, и, как правило, она состояла из приданого — «сеп», полученного от родителей или братьев при вступлении в брак. Личная собственность обычно переходила по наследству к детям. Многие предметы из приданого женщины впоследствии включались в приданое, которое давалось дочери.

В случае раздела семьи личная собственность женщины не подвергалась дроблению. Если эту собственность составляли домашние вещи (ковры, утварь и т. д.), то они сосредоточивались в личной комнате брачной пары; если же личная собственность состояла из скота, то он находился в общем пользовании. При разводе женщина получала все, что она привезла из родительского дома, и, кроме того, плату, полученную ею при вступлении в брак. Что касается скота как приданого, то женщина имела право на получение только того числа голов, которое она внесла в общее хозяйство семьи при выходе замуж. Полученный же приплод поступал в общую собственность семьи. С течением времени в силу тех или иных обстоятельств личная собственность женщины могла также влиться в общую собственность семьи. Личную собственность членов семьи составляли, кроме того, одежда, украшения, оружие.

Развитие товарно-денежных отношений и частной собственности, разложение натурального хозяйства привели к смене большесемейных ячеек малосемейными. Процесс распада больших семей особенно усилился среди кумыков со времени крестьянской реформы, когда в их экономической жизни произошли значительные изменения. В это время обостряются внутрисемейные противоречия. Глава семьи все больше и больше проявляет стремление к своему личному обогащению, к превращению общего имущества в свою частную собственность, к узурпации прав других членов семьи. Тенденция к обогащению, к накоплению частной собственности растет не только у главы семьи, но и у остальных членов ее, особенно у тех, труд которых составляет значительный удельный вес в общем хозяйстве. Чувствуя свою силу, они стремятся создать отдельные хозяйства, разумеется, получив соответствующую долю из общего имущества семьи. Тенденция к разделам и выделам нашла свое отражение в много-

численных пословицах, поговорках, анекдотах, песнях и рассказах кумыков. «Чем иметь общего быка, лучше иметь своего теленка», «Счастлив тот, кто имеет отдельный котел», «пусть сторит общий очаг (дом)», «не всегда одному распоряжаться, выставлять свое «я», — гласят пословицы того времени.

Феодалная знать, а затем и царское правительство, старались искусственно задержать распад больших семей, считая их более платежеспособными податными единицами. Адат также не признавал права сыновей на раздел при жизни отца. Вопрос о выходе из семьи рассматривался на сходе общества и нередко решался в пользу главы семьи.

Несмотря на искусственные препятствия, большие семьи кумыков, раздираемые глубокими противоречиями, неудержимо распадались. Поводом для разделов или выделов были смерть отца или ссоры снос. «Снохи не ладят» или «женщины не ладят», — говорили мужья, когда вели речь о разделах. Что касается женщин, то они действительно являлись инициаторами выделов, ибо на их долю приходились самые тяжелые пережитки патриархата. По свидетельству стариков, женщины жаловались, что они «готовят пищу в большом котле, варят много мяса, тем не менее им достаются только остатки после мужчин».

Однако и после разделов члены бывшей большой семьи продолжали владеть совместно некоторыми видами имущества (мельницей, в отдельных случаях пахотным, сенокосным участком, садом, виноградником и т. д.), соблюдая в пользовании ими определенную очередь или ежегодно деля получаемый доход. Выделившиеся братья по мере возможности устранивались в том же дворе, построив для себя жилище рядом с основным, отцовским домом. Нередко, если отцовский дом мог вместить несколько малых семей, для новой семьи выделялась часть основного жилья. В большом отцовском доме, как правило, оставался один из братьев, чаще всего младший, который, ведя общее с родителями хозяйство, в известной мере продолжал соблюдать традиции былой семьи. Таким образом, и после распада семейной общины отцовский дом служил связующим звеном для близкородственной группы.

Порядок раздела хозяйства не отличался большой сложностью. Право на имущество имели одни мужчины. Девушка, выходя замуж, могла рассчитывать только на свое приданое, выдаваемое отцом или братом, на иждивении которого она находилась. Среди мужчин раздел имущества производился более или менее равномерно. Только глава семьи — дед или отец — имел право на дополнительную часть, тем более тогда, когда с ним оставались жить незамужние дочери или другие близкие родственницы. Если семья состояла из нескольких поколений (нисходящих и боковых), то имущество делилось между самыми старшими братьями, их потомство при разделе не учитывалось.

У кумыков, как и у многих других народов нашей страны, отдельные большие семьи сохранялись вплоть до победы колхозного строя, когда были окончательно ликвидированы условия для их сохранения и подорваны экономические и правовые основы существования патриархальной семейной общины. Распад больших семей, как это отмечает исследователь советской семьи П. И. Кушнер, был вызван советскими порядками наделения крестьянских хозяйств землей, предусматривавшими определенный размер надела и для самой большой семьи, стремлением бывших больших семей получить больше наделной земли (первые годы Советской власти), желанием этих семей иметь «новые приусадебные участки и права на содержание большого количества домашнего скота»¹³ при

¹³ П. И. Кушнер (Кнышев). О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. СЭ, 1956, АЗ, стр. 19.

коллективизации и, наконец, социалистическим принципом распределения доходов в колхозе, желанием каждого самостоятельно распоряжаться личным доходом, что было несовместимо с патриархальными началами. В малой семье кумыков первоначально также господствовали патриархальные порядки. Мужчине — главе семьи беспрекословно подчинялись все остальные члены семьи. Он по своему усмотрению женил сыпоей, отдавал замуж дочерей, распоряжался всем имуществом семьи.

Однако экономическое и правовое положение женщины в малой семье претерпевает значительные изменения. Женщина в малой семье, с одной стороны, освобождалась от многих обязанностей, которые она должна была ранее выполнять по отношению к старшим членам большой семьи, освобождалась от труда на всех и т. д.; в малой семье женщина становится хозяйкой дома, ее действия по дому никем не контролируются, если не считать свекрови. Но с другой стороны, положение женщины в малой семье не только не улучшается, а значительно ухудшается. Это обусловливается дальнейшим развитием частной собственности, обмена и общественного разделения труда, когда роль мужчины в общественном производстве еще более возрастает и женщина, фактически отстраняясь от участия в основных отраслях хозяйства, попадает в полную экономическую зависимость от мужчины и вместе с этим в «домашнее рабство». «Уже здесь обнаруживается, — писал Энгельс, характеризуя эту эпоху общественного развития, — что освобождение женщины, ее уравнение с мужчиной, невозможно и остается таковым, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и ограничивается домашним частным трудом»¹⁴.

В отличие от горных обществ, кумыки мало занимались ремеслом. В результате установившегося общественного разделения труда между плоскостной и равнинной частью Дагестана у кумыков очень рано свертываются многие виды ремесел, в том числе и связанные с женским трудом, и хозяйство их все больше и больше приобретает зерновой характер. Свертыванию ремесел способствует и широкое распространение русских фабрично-заводских изделий, в первую очередь дешевых тканей. Таким образом окончательно подрывается экономическая основа натурального хозяйства и труд женщины все более ограничивается работой по дому, что дает право мужчине смотреть на нее, как на зависимое и почти бесправное существо. Здесь она теряет и те элементы свободы, авторитета и имущественных прав, которые в какой-то мере сохранялись за ней в большой семье.

О зависимом положении женщины свидетельствует и покупной брак, роль которого еще более возрастает при господстве малой семьи. В каждом удобном случае муж напоминает жене, что он внес за нее определенный капитал и что он является ее полным хозяином. Характеризуя положение супругов в малой семье, особенно в кругу имущих классов, Энгельс писал, что муж «в семье — буржуа, жена представляет пролетариат», что муж занимает такое «господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается»¹⁵.

В то время как муж мог дарить коня, телку, дорогую шубу, участок земли за хвалебные песни по его адресу на свадьбе, в компании, бесконтрольно расходовать любую часть имущества, жена не имела права без его разрешения купить даже простой ситец на платье. Деньги находились у мужа, который тратил их по собственному усмотрению. Зерно хранила жена. Однако после распределения его по разным статьям (семенной

¹⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 167.

¹⁵ Там же, стр. 75.

фонд, питание на год, на покупку скота и т. д.), которое производилось мужем по окончании уборки, в распоряжение жены поступала только незначительная часть на мелкие расходы семьи.

Поведение женщины строго регламентировалось адатом и шариатом. Бесправное, угнетенное положение кумычки в малой семье сказывалось во всех областях жизни, ярче всего в семейном быту, и в первую очередь во взаимоотношениях супругов. Жена не имела права на развод, муж же мог в любое время развестись с женой или привести новую. М. М. Ковалевский писал о дагестанской женщине: «Муж всегда вправе наказывать проступок жены плетью... Когда совместная жизнь делается невыносимой, жена подчас убегает от мужа и ищет приюта в доме своих родных. Но если муж не согласится дать ей... развода, жена должна вернуться к мужу и родители не должны ее укрывать»¹⁶. Даже Н. Ф. Дубровин, считавший, что «женщина у кумыков не так подавлена, как у прочих горцев», вынужден был признать, что «жена и здесь находится в полном подчинении мужа. Она должна работать на него, сносить безропотно все наказания и оказывать раболепное уважение мужу, который может развестись с нею, когда ему вздумается»¹⁷.

Если женщина все же решалась уйти от мужа без его согласия, то она по обычаю лишалась права на приданое, которое принесла из отцовского дома, и на «кебингьяк»¹⁸, а также должна была вернуть все подарки и всю верхнюю одежду и уйти в белье, босиком.

В этом отношении очень характерно решение Темир-Хан-Шуриинского окружного суда от 12 декабря 1912 г. по жалобе жителя сел. Буглен Сельдер-хана Султан Ахмед оглы. Жена Сельдер-хана Султан Ахмед оглы — Суханат — самовольно ушла от него, мотивируя это тем, что она «вышла за него не любя, и дальше жить не желает». Так как муж отказывался дать ей развод, сельский суд обязал Суханат вернуться в дом мужа. Разобрав дело и учтя, что Суханат категорически отказывается вернуться в дом мужа, окружной суд решил: «Суханат Аслан кызы признать не желающей продолжать совместную с мужем жизнь без явных уважительных причин, а поэтому признать ее лишившеюся всех прав на получение альгам¹⁹, своего приданого, кабинхакных денег, калыма и даже верхней одежды; все это полностью переходит в собственность Сельдер-хана, который совсем не обязан содержать Суханат и имеет право требовать вознаграждения за дачу развода Суханат, которая не имеет права выходить замуж до получения развода»²⁰.

Женщина при самовольном уходе должна была, кроме того, снять с макушки волосы и оставить их мужу за свое «освобождение». С развитием товарно-денежных отношений отрезание волос компенсировалось в отдельных местах тремя рублями.

Заключение брака, личные и имущественные отношения супругов, развод, отношения родителей и детей, опека, наследование и порядок раздела наследственного имущества определялись у всех мусульман правилами шариата. Ислам во всем ущемлял интересы женщины, ставил ее в рабскую зависимость от мужчины как в семье, так и в обществе. Коран разрешал брать двух, трех и четырех жен. По исламу женщина должна была ходить закрытой, только старые женщины могли показываться посторонним без покрывала.

¹⁶ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 194.

¹⁷ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб., 1871, стр. 639.

¹⁸ Кебингьяк (гебин — саван, гьяк — цена) — материальное обеспечение жены (обычно в денежной форме) на случай развода или смерти мужа.

¹⁹ Альгам — в данном случае подарки, сделанные при сватовстве.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 143, л. 7.

Унизительные патриархальные порядки ярко проявлялись в наследственном праве женщины. При разделе имущества родителей женщина получала воловину меньше, чем мужчина, и фактически отстранялась от наследования недвижимостью. После смерти отца, при отсутствии братьев и других наследников, девушка должна была уступить половину имущества родственникам отца, в то время как сын при тех же условиях наследовал все имущество. Те же самые правила соблюдались и по отношению к супругам. В то время как после смерти жены муж получал одну четвертую часть оставленного ею имущества (остальная часть переходила ее родственникам по нисходящей и боковой линиям), жена имела право после смерти мужа только на одну восьмую часть. При этом ее труд в создании общего хозяйства и увеличении семейного имущества в расчет не принимался.

В малой семье на плечи женщины накладывались дополнительные обязанности. Если раньше существовало разделение труда между женщинами семьи и каждой из них старшая поручала какую-нибудь определенную область или часть работы, то теперь, в малой семье, женщина должна была одна нести всю тяжесть домашней работы. В обязанности женщины входили: уход за молочным скотом и домашней птицей, приготовление пищи, заготовка продуктов впрок, снабжение водой, изготовление одежды и изделий домашнего промысла (там, где он сохранялся), уборка помещений, стирка и починка одежды. Одной из основных обязанностей женщины было воспитание детей, в котором муж до их определенного возраста не принимал почти никакого участия.

В малой семье в основной отрасли хозяйства — полеводстве часто не хватало рабочих рук. Это тем более чувствовалось в такой семье, в которой маленькие дети не могли еще помогать отцу, а он не имел возможности прибегать к найму рабочих. Поэтому женщине нередко приходилось помогать мужчине и в жатве, молотье, уборке сена и т. д., хотя работа в поле считалась делом мужчины.

При всей тяжести, сложности и ответственности работы женщины кумык смотрел на жену как на свою собственность, как на бесправное существо, от которого можно требовать все, что он желает. М. Алибеков так определял положение женщины в семье: «Жены не вмешивались в дела мужей... делали все, что им скажут мужья и не разбираясь, правильно ли это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь²¹, то они не спали до их возвращения... Были такие из мужей, которые давали развод женам за то, что их заставляли спать»²².

Зависимое положение женщины в семье особенно подчеркивалось при посторонних мужчинах. Приветствовать гостей, сидеть с ними в одном помещении, участвовать в беседе вместе с мужем считалось для женщины делом зазорным. Женщины ели отдельно от мужчин. Если жилище состояло из одной комнаты, женщины при гостях садились есть к ним спиной, чтобы мужчины не видели, как они едят. В состоятельных домах, где имелись специальные гостиные, женщина могла даже не знать, кто у них в гостях, так как вход в ту половину был ей запрещен. Любопытным женщинам удавалось, однако, посмотреть на гостей тайком, через окошко или щель двери, а также когда те отдыхали вечером на галерее. При посторонних мужчинах женщина ни в коем случае не должна была подходить к своему ребенку, когда он плакал, брать его на руки и т. д. Больше того, женщина, заметив, что ее с ребенком видит свекор, отец, старший родственник или просто знакомый мужчина, немедленно передавала ребенка в другие руки, а на улице, встретив близко знакомого

²¹ У кумыков принято было после ужина собираться на беседу (йибав). М. Алибеков, очевидно, имеет в виду именно это.

²² М. Алибеков. Указ. соч., стр. 30.

мужчину или поправ случайно на очар²³, она клала ребенка на землю. Согласно обычаю, такого оставленного на земле ребенка мужчины должны были поднять и поручить какой-нибудь женщине или подростку отнести его матери.

Мужчины не принимали участия в воспитании детей в их ранние годы, не показывали посторонним привязанность к ним, не ухаживали за ними, не ласкали их. Мужчина боялся проявлять свое отцовское чувство даже в отсутствие посторонних, дабы ребенок не привык к нему. Если при посторонних ребенок подходил к отцу, тот сурово загораживал ему дорогу ногой или палкой, а затем звал жену, чтобы она взяла ребенка. Женщина в этом случае должна была посадить ребенка около себя и продолжать свою работу. Часто крик ребенка оглашал весь дом, но и в этом случае отец не подходил к нему, а приказывал занятой работой жене: «прекрати крик ребенка». Если в отсутствие матери ребенок просыпался и кричал, отец не должен был брать его из люльки. Он мог только позвать кого-нибудь из соседок, чтобы та успокоила ребенка.

Несколько отличалось положение женщины, когда в семье проживала свекровь. С одной стороны, свекровь здесь значительно ущемляла права невестки, с другой стороны, частично разгружала молодую женщину, помогая ей в домашнем хозяйстве и воспитании детей. Обычай позволял свекрови гулять с ребенком, ухаживать за ним. Помощницей матери во всех домашних делах с самого раннего возраста становилась дочь.

Суровость нравов не позволяла кумыку называть свою жену по имени, муж всегда обращался к жене со словами «гьей» («эй, слушай»), иногда — «симсир» (слабоумная). Обычай требовал, чтобы жена обращалась к мужу, только выбрав удобный момент, или посылала к нему с поручением детей. «Ол» (он), «атагъыз» (ваш отец), «агъагъыз» (ваш господин) и т. д. — таковы были имена, которыми называла жена своего мужа, говоря о нем с членами семьи.

Иным было положение женщины в среде феодалов. Хотя порядки наследования, заключения брака, развода и т. д. были общими для всех слоев населения, однако в дворянских семьях женщина совершенно не занималась тяжелой домашней работой. Больше того, она даже не кормила прудью своих детей, так как еще до их рождения к ним определялись специальные кормилицы — «эмчек ана» (молочная мать). «Бийке» (княгиня, княжна) пользовалась в обществе большим влиянием. При известных условиях она могла самостоятельно управлять своим имением, распоряжаться семейными делами и т. д. Вся тяжелая черная работа выполнялась рабами, «кьуллар», чагарамп (отпущенными на волю бывшими рабами) и прислугой (кьуллукъчу).

Хотя рабство у кумыков, как и у многих других народов Кавказа, не стало системой хозяйства и не составило особого способа производства, тем не менее вплоть до 70-х годов XIX в. патриархальное рабство играло большую роль в хозяйственной жизни феодальной знати. И после освобождения рабов в 1867 г. многие из них в силу ряда обстоятельств продолжали оставаться в качестве прислуги у своих бывших владельцев.

Освобожденные от всякой домашней работы, от забот по воспитанию детей, женщины из семей феодалов увлекались рукоделием, шитьем золотом на различных предметах обстановки и одежды, отделкой поясов, галунов и т. д. Девушек здесь учили этикету, который они должны были соблюдать в семье, в гостях. Некоторые феодалы давали своим дочерям кой-какое образование.

Воспитание мальчиков и девочек в семье резко различалось. Мальчику внушалось, что он призван в будущем играть господствующую роль в

²³ Место отдыха у ворот.

семье. «Столб, на котором держится крыша», «опора дома», — говорили в семье о мальчике. Девочке, напротив, с самого раннего возраста указывали на ее подчиненное положение, на ее зависимость от брата. «Когда говорят «мальчик», дом наполняется добром», «разоряющая дом», — говорили кумыки, противопоставляя девочек мальчикам. Существовала даже такая клятва для девушек: «Клянусь головой своего брата».

При наличии в семье девочек-сестер их брат часто освобождался от всех обязанностей по поддержанию в доме чистоты и порядка. Мальчик имел право распоряжаться сестрами, заставлять их подавать ему одежду, воду и пр. Мальчик мог даже бить сестер, не получая за это наказания от родителей, ибо в этом они усматривали только проявление мужского характера. Более того, брат имел право убить сестру, если она оказывала неповиновение. Если девушка хотела вызвать одобрение родителей, она ни в чем не должна была противоречить брату. «Воля отца», «воля брата», «воля дяди» — говорила девушка, безропотно выполняя все их требования.

В то время как семи-восьмилетняя девочка должна была ухаживать за прудным ребенком матери, а с десяти лет носить воду, бегать по поручениям и выполнять ряд мелких дел, мальчик был освобожден от таких обязанностей и уже вращался в кругу взрослых мужчин. «Мужским» занятиям учил его и старший брат, сажал на подводу в качестве возчика, заставлял выполнять несложные работы и т. д. Перегонять вечером коров и телят, поить и кормить крупный рогатый скот также было делом мальчиков. Особенно любили мальчики ходить за лошадьми.

Воспитание мальчиков в духе их исключительного положения в семье особенно ярко проявлялось в зажиточных семьях, главным образом в тех, где рано лишились главы семьи — мужчины. Такого мальчика и старшие, и младшие сестры называли «атам» (мой отец), а сестры отца — братом, отцом (когда у них не было ни отца, ни других братьев). Избалованный мальчик не признавал ни старших, ни младших женщин, заставлял их делать все, что ему хотелось. Это объяснялось отчасти тем, что брат как мужчина должен был оказывать сестрам необходимое в жизни покровительство. Если муж прогонял жену или она почему-либо должна была покинуть дом мужа, она обязательно возвращалась в отцовский дом, а если ни отца, ни матери не было в живых, — к брату. При разделе отцовского имущества сестра не могла претендовать на недвижимую часть этого имущества; дом доставался брату, но в случае нужды сестра могла найти в этом доме приют.

Дети состоятельных родителей обучались в мечети Корану. Мечетскую школу посещала и часть девочек.

Свободное время дети проводили в играх. Девочки младшего возраста играли главным образом в куклы — «к'зурчак оюн», изготовленные домашним способом. Девочки постарше любили танцы, песни, спортивные соревнования (бег, прыжки и т. д.). Получив в детстве некоторые навыки, девушки потом демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах или общественных праздниках. Широкое распространение имело катание на качелях. Катание сопровождалось особой песней «Г'ясинчек йыр» — песня о качелях.

Качели, качели

Для Гасанали — цветок.

Дай продам я этот цветок,

И погружусь в масло.

Мой брат строит для меня дом

Как сундук с крышкой.

А невестка моя тклет для меня ковер

Как узорчатый шелковый платок и т. д.

Любимой игрой девочек была пастушья игра — «къойчу оюн», также сопровождавшаяся пением. В игре и песне изображается устное поэтическое состязание с чабаном.

У мальчиков большой любовью пользовалась стрельба из лука, в которой состязались с самого раннего возраста. Лук (къазархы) и стрелы (окъ) делали дети сами. В каждом доме, где имелись дети, можно было видеть по три-четыре лука и десятка два стрел. Дети играли и в бабки — «алыш». После дождя, пока почва была влажной, мальчики любили играть в «къангыч» (свайка). Для этой игры каждый мальчик запасался пятью-шестью заостренными палками. Палки бросались с размаху в землю острым концом. Если один из игроков сбивал своей палкой палку товарища, то считался победителем. В эту игру прежде играли и ножами. Летом, в сухую погоду, мальчики играли в «дундурек» (волчок).

В вечернее время юноши собирались в доме товарищей, проводили время в рассказах, играх на музыкальных инструментах, в песнях и т. д. Если где-нибудь устраивалась «булкъа», они направлялись туда, чтобы встретиться с девушками. Обычно юноши являлись на «булкъа», взяв с собой сладости для угощения девушек. Поэтому накануне «булкъа» в одном из кварталов селения юноши устраивали игру — «гудурбай», целью которой был сбор продуктов, обменивавшихся потом на фрукты и сладости. Юноши ходили из дома в дом и пели традиционную песню, изменяя ее по возможности применительно к особенностям каждой семьи. Аналогичное хождение по домам, известное под названием «земире», бывало и у девушек. Оно проводилось только днем во время засухи. «Земире» девушек в отличие от «гудурбай» сохраняло известное религиозное значение.

По достижении 15-летнего возраста (это считалось совершеннолетием) мальчик имел право носить кинжал и находиться в общественных местах, хотя и должен был держаться на почтительном расстоянии от старших. С этого момента отец и сын работали вместе, причем сын обязан был брать на себя основную тяжесть полевых и других работ. С этого времени ему разрешалось жениться.

Кумыкская девушка к 15 годам также считалась самостоятельной работницей и тоже имела право вступить в брак.

Женщина всегда должна была быть при деле, занята работой. Женщине не полагалось выходить за ворота, как это делал в свободные часы мужчина, посидеть там с соседками или пойти к кому-нибудь без надобности. Все это могло способствовать распространению о ней плохого мнения. Женщины все же общались друг с другом у колодцев и источников, у хлебной печи, на мельнице, на всевозможных «булкъа», на свадьбе и т. д. Принято было, например, подругам ходить по воду вместе. Набрав воды в кувшины, женщины порой часами вели у родника беседу, обменивались новостями, советовались. То же самое женщины делали во время работы на «булкъа», у печи и т. д. Раз в неделю женщина после мытья головы имела право уйти на два-три часа к своей подруге, чтобы та причесала ее и заплела ей косы. Здесь она могла обсудить все события своей семейной жизни, доверить свои секреты.

У кумыков, как и у многих народов, существовал униженный обычай (левират), по которому на вдове умершего брата мог жениться его старший или младший брат. Этот обычай имел экономическую подоплеку, заключавшуюся в стремлении сохранить имущество, которое вдова могла при уходе увести с собой. При этом учитывалась и судьба детей, которые по адату после ухода матери должны были остаться у родственников отца. Обычай левирата усугублял и без того тяжелое и бесправное положение женщины, ибо часто она становилась второй женой, нянькой детей от другой жены.

Значительно лучше было положение пожилой женщины. Она истари пользовалась всеобщим уважением и большим авторитетом среди всех членов семьи. Обычно советами умной, практичной старухи руководствовались не только члены ее семьи и родственники, но и посторонние женщины и мужчины. В случае болезни пожилой женщины все ее сыновья, соседи и знакомые оказывали ей знаки внимания, навещали ее, ухаживали за ней. Когда она входила в чужой дом, ее, как и самых уважаемых мужчин, торжественно усаживали на самое почетное место. Она могла есть за одним столом с родственниками-мужчинами, в то время как другие женщины ели отдельно. Отклонить просьбу старой женщины считалось неприличным.

При всей тяжести труда, падавшего на плечи женщины, при всем унижении ее положения в семье и обществе, дагестанская женщина, в отличие от женщин многих стран Востока, не носила ни чадры, ни паранджи. Кумычки всюду ходили с открытым лицом, без покрывал, в платьях, сшитых в талию. Они танцевали с мужчинами и вступали с ними в состязания, пели с ними шуточные песни и т. д. Длинные косы, красивое лицо, изящная фигура девушки были одной из любимых тем устно-поэтического творчества народа. Более того, в кумыкском фольклоре сохранилось немало песен и частушек, свидетельствующих о свободном обращении девушек с мужчинами.

Как нам представляется, распространение чадры и паранджи было связано прежде всего с влиянием ислама. Ислам не успел полностью подчинить себе отдельные стороны быта народов Дагестана, в том числе навянуть женщинам чадру и паранджу. Вопреки предписанию ислама прятать волосы, девушки и молодые женщины носили челку — «лепек» и локоны — «самайлар».

Помимо свадеб, девушки и юноши встречались на «булкъя», где они в процессе работы совершенно забывали о тех преградах, которые между ними ставили адат и шариат. Они сидели вместе, пели, вступали в поэтические соревнования на лучшие стихи, на лучшую песню, на меткую сатиру и т. д.

Самыми хорошими своими часами девушки считали хождение по воду после заката солнца. Девушки одевались для этого в нарядные платья, старательно причесывались. Принято было ходить по воду с подругами. Один из водоразборных пунктов считался главным, парадным, куда собирались «посмотреть на девушек» и юноши. Беседовать с девушками в этом случае не полагалось, тем не менее юноша успевал обменяться несколькими словами со своей возлюбленной.

Хорошо чувствовали себя девушки и юноши на «булкъя», куда хозяйка дома собирала девушек и молодых людей. Самой привлекательной была «булкъя» по очистке кукурузы. На кукурузной «булкъя» девушки и юноши сидели рядами (в одном ряду девушки, в другом — юноши), друг против друга. В отличие от многих других видов работ юноши принимали в «булкъя» активное участие. Здесь во время работы происходила оживленная беседа, в перерывах на отдых танцевали, играли, пели любимые песни, частушки. «Булкъя» проходила в присутствии старших, прежде всего хозяйки дома, которая несла ответственность перед родителями приглашенных за соблюдение ими правил приличия. Чтобы встретиться с девушками, юноши нередко упрашивали влиятельных женщин организовать «булкъя», называя имена своих возлюбленных. То же самое делали и девушки. Обещав удовлетворить просьбу молодых людей, женщины обходили дома приглашаемых. Так как у кумыков была широко развита взаимопомощь, почти никто из родителей не отказывал в посылке дочери или сына на «булкъя». Требовалось, однако, чтобы организаторы «булкъя» пользовались в обществе хорошей репутацией.

Таким образом устраивались «булкъя» и по другим видам работ. На «булкъя» по обматке дома юноши сами не принимали участия в работе, но под разными предлогами подходили к дому, где происходила «булкъя», или проходили мимо него, чтобы увидеть девушек. Девушки в таких случаях должны были «атаковать» парней, метко кидать в них куски глины, приготовленной для обматки. «Булкъя» по жатве хлебов и по прополке сопровождалась хоровым пением девушек и юношей, особенно по дороге от селения до поля. На разных «булкъя» и в других видах коллективной работы проверялись трудолюбие и скромность девушек, особенно теми, кто имел намерение посвататься.

Хотя шариат и допускал одновременное сожителство с четырьмя женами, многоженство у кумыков не получило широкого распространения. Многоженство было присуще только феодальной знати.

Браки у кумыков заключались по воле родителей. Оказывая сопротивление этому порядку, многие юноши и девушки совершали побег (къачыв) из родительского дома и вступали в брак по взаимному согласию. Но на этом пути молодежь встречала большие препятствия. В Темир-Хан-Шуринском округе, например, существовал обычай, по которому за побег с взаимного согласия как юноша, так и девушка должны были уплатить штраф по 30 рублей²⁴ (до распространения товарно-денежных отношений штраф с «виновных» взыскивался натурой — скотом, зерном и т. д.). К такого рода бракосочетанию прибегали главным образом юноши из бедных семей, поэтому тяжелые штрафы разоряли новую хозяйственную ячейку. Кроме того, вокруг женщин, решившихся на побег, чтобы выйти замуж за любимого человека, создавалось отрицательное общественное мнение, в то время как для мужчины такой акт не был предосудительным. Женщина больше, чем мужчина, несла ответственность за рождение ребенка вне брака; закон всячески ограждал мужчину от наказания, а женщину заставляли уйти в изгнание на три года и более²⁵. Бывали случаи, когда женщину, родившую ребенка вне официального брака, сажали на осла и возили по аулу, причем каждый мог плевать ей в лицо и бросать в нее камнями.

Подводя итоги нашему описанию семейных отношений кумыков, необходимо отметить, что женщина-кумычка из трудовой семьи чувствовала себя в быту несколько свободнее, чем женщина из феодальной, богатой семьи. Зато общественное положение женщины привилегированных классов было значительно выше, она могла после смерти мужа управлять всем хозяйством, влиять на общественные дела. В трудовой семье муж и жена составляли домашний совет, жизнь в труде скрепляла их дружеские отношения. И дети в таких семьях были ближе к родителям, в частности к отцу. Но те элементы свободы, которыми пользовалась трудящаяся женщина, мало облегчали ее тяжелое положение. Она была самой обездоленной, самой угнетенной и униженной среди угнетенных. Однако женщина Дагестана отнюдь не была безропотным, пассивным существом. Архивные документы, данные фольклора и рассказы представителей старшего поколения свидетельствуют о трудной, но смелой борьбе дореволюционной женщины-горянки за свои человеческие права, об ее активном участии в общей борьбе народа за социальное и национальное освобождение.

Дагестанская женщина вместе со всей горской беднотой боролась против царского самодержавия и феодальной верхушки.

Первое крупное революционное выступление женщин-кумычек произошло весной 1905 г. в сел. Атлы-Боюн Темир-Хан-Шуринского округа. Основным вопросом, вокруг которого развертывалась борьба трудящихся,

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 16, л. 1.

²⁵ Там же, д. 6, л. 8.

был аграрный вопрос. Женщины Атлы-Боюна вместе с мужьями, братьями и отцами организованно вышли в поле, захватили помещичьи земли и начали пахать. Когда прибыл карательный отряд, женщины, вооруженные вилами, палками, топорами, стали вместе с мужчинами отстаивать свои интересы. Активное участие принимали женщины и в известном Аксаевском восстании в Хасавюртовском округе (1916 г.).

За период установления Советской власти в Дагестане женщины не только заменяли в хозяйстве мужчин, ушедших на фронт, не только готовили и носили пищу и одежду своим мужьям и братьям, боровшимся в партизанских отрядах, но многие из женщин-кумычек принимали непосредственное участие в революционных событиях 1917—1920 гг.^{25а}.

Борьба за равноправие женщины-горянки была частью борьбы всех трудящихся Дагестана за свое социальное и национальное освобождение, ибо не могло быть и речи о раскрепощении женщины в условиях феодального угнетения и колониального режима. Коренные изменения в семейных отношениях произошли лишь с победой Октябрьской революции.

2. СЕМЕЙНАЯ ОБЯДНОСТЬ

Свадебные обряды

Как и во всем Дагестане, браки у кумыков заключались в возрасте 15—16 лет. Патриархальный быт не допускал свободного выбора мужа или жены, а также свободных встреч юношей и девушек. Для девушки считалось позорным остановиться на улице по просьбе юноши, желавшего поговорить с ней. При встрече со взрослым мужчиной или юношей девушка должна была уступить ему дорогу. Если у девушки был брат и к нему приходили товарищи, она немедленно покидала комнату. Девушки не присутствовали при разговорах родителей с гостями, особенно мужчинами. Еще строже эти порядки соблюдались в домах феодальной верхушки общества и духовенства, выступавших строгими блюстителями старых обычаев.

Право выбора невесты принадлежало родителям. Обычай не позволял юноше-кумыку говорить с родителями о своем желании вступить в брак с той или иной девушкой и объясниться с нею. Он доверительно сообщал об этом одному из своих родственников или друзей. Его выбор обсуждался в семейном кругу и одобрялся в том случае, если отвечал всем требованиям, предъявляемым родителями к невесте. Нередко родители юноши и его родственники присматривались к девочкам еще тогда, когда их сын был мальчиком. Для выбора девушки у кумыков устраивались специальные смотрины на сельских свадьбах, на «булкъя» и т. д.

При выборе невесты сторона юноши руководствовалась рядом соображений. Требовалось, чтобы девушка была физически здорова и трудолюбива. Это обуславливалось ее будущим положением в семье как трудовой силы и как матери, способной дать здоровое потомство. При выборе невесты строго учитывалась ее сословная принадлежность. Подобные требования предъявлялись и к юноше стороной невесты.

Предпочитались браки внутри одного и того же тухума и одного селения. Родители обеих сторон считались не только с имущественным положением и происхождением, но и с наличием влиятельных родственников, способных в необходимых случаях оказать поддержку. Отсутствие свободы выбора приводило иногда к тайному похищению юношей любимой им девушки (с ее согласия). Случаи побегов в кумыкском селе, правда, бывали не часто, так как побег девушки из дома расценивался как ее падение, а это, естественно, унижало достоинство ее родителей.

^{25а} С. Ш. Гаджиева и А. Г. Мелешко. Женщины советского Дагестана. Махачкала, 1960.

Несмотря на это, мысль о побеге нередко подавала юноше сама девушка. Бывали и факты похищения девушки без ее согласия, насильственным путем.

Когда родители юноши договаривались относительно выбора определенной девушки, начиналось сватовство. Обычай не позволял самим родителям вести переговоры с родителями девушки — это делалось через соседей, друзей или других односельчан как женщин, так и мужчин. Такое доверенное лицо у кумыков называлось «арачы». При выборе свата руководствовались его влиянием, имущественным положением, отсутствием личной вражды между ним и родственниками невесты и т. д. Нередко умелый выбор «арачы» обеспечивал согласие родителей девушки. Засылались в качестве свата и женщины. Они обычно посещали дом родителей невесты «полулегально», раньше, чем сват-мужчина, и старались добиться в первую очередь согласия матери. Женщина, искусная в сватовстве, могла многого добиться и в случае успеха получала хорошее вознаграждение. Однако официальная сторона дела требовала обязательного визита мужчины-свата, если даже в этом не было никакой необходимости. Одним посещением свата дело не ограничивалось. Чтобы получить согласие, ему нужно было несколько раз посетить дом родителей и их старших родственников. Приличие требовало, чтобы во время первого визита отец девушки, не роняя своего достоинства, отвечал уклончиво, обещал посоветоваться с родственниками, старшими братьями или выдвигал, конечно, на словах, какие-либо препятствия: молодость дочери, неподготовленность ее выполнять сложные обязанности женщины и т. д.

У северных кумыков при выборе невесты имел широкое распространение обычай «хинжал байлав» (надеть кинжал). По этому обычаю сторона юноши, наметив для него девушку, завязывала на какой-нибудь сельской свадьбе близкому родственнику девушки пояс с дорогостоящим кинжалом. Чтобы не задеть самолюбия молодого родственника, который при всем народе принял дорогой подарок, родители девушки соглашались принять предложение, даже неприятное как для девушки, так и для ее семьи. Бывали у кумыков и факты помолвки детей в раннем возрасте, еще в колыбели. О том, что в прошлом практиковались помолвка и сватовство малолетних детей, свидетельствуют и данные фольклора. В этом отношении очень показательна песня об Азнауре. Азнаур, прославленный герой, получает от своего князя задание отправиться в опасный путь. Прежде чем дать согласие, он идет к своим родителям. Отец, мать и сестра отпускают Азнаура с теплым напутственным словом. Тогда он идет к своей жене и говорит:

Названная моей невестой еще в колыбели,
Засватанная за меня с пяти лет,
С 15 лет перевезенная в мой дом,
Жена моя, что ты скажешь, еду я²⁶.

Помолвки малолетних совершались обычно в торжественной обстановке. Объявив однажды о своем решении, как отец девочки, так и отец мальчика должны были быть верны своему слову до конца и все годы до самой свадьбы оказывать друг другу установленные обычаями знаки внимания. При нарушении одной из сторон обязательства возникала, как правило, вражда между двумя семействами. Помолвки малолетних нередко приводили впоследствии к трагическим случаям, вызванным отсутствием у юноши или девушки чувства любви.

Итак, вопрос о браке часто решался родителями независимо от желания самих молодых людей.

²⁶ Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 522, л. 13.

Были и такие нормы обычного права, по которым родители девушки должны были дать согласие на замужество дочери против своего желания, причем по первому посещению свата. Это было связано с распространенным в прошлом обычаем кровной мести. Как известно, после определенного периода между тухумом убийцы и тухумом убитого заключалось перемирие, означавшее конец враждебным отношениям. Обе стороны после этого считали себя родственниками «по крови» — «къанкъардашлар» (кровные братья). Тухум убийцы во всех делах другого тухума должен был принимать самое активное участие. Пользуясь правом требовать к себе постоянное и исключительное внимание, пострадавшая родственная группа могла рассчитывать на любую девушку из тухума убийцы. И каждый родственник убийцы, в особенности член его патронимии, обязан был дать согласие на брак своей дочери с членом пострадавшего тухума, если даже жених страдал каким-нибудь физическим недостатком. Однако предусмотрительные родители старались как-нибудь избежать подобного брака и поспешно, до появления «законного» претендента, объявляли помолвку своих дочерей с другими юношами.

После получения согласия обе стороны договаривались о размере калыма, требуемого семьей девушки. В термин «калым» кумыки вкладывали, по крайней мере в исследуемое нами время, несколько иное содержание, чем многие другие восточные народы. У кумыков только часть калыма шла в пользу родителей девушки как компенсация за рабочие руки, потерянные для данного хозяйства. Другая часть его шла, как правило, на создание материальной основы будущей семейной ячейки, приобретение предметов домашней обстановки и т. д. Она вливалась в приданое девушки, которое она брала с собой из родительского дома при выходе замуж.

Переговоры сторон о калыме носили характер торговой сделки. Каждая сторона стремилась заключить этот акт с наибольшей выгодой для себя: сторона жениха — добиться более или менее умеренной цены, сторона невесты — получить как можно больше. Эти переговоры иногда не достигали цели «вследствие несогласия одной стороны на условия другой»²⁷. Размер калыма зависел от материального положения обеих семей. Естественно, что в зажиточном кругу калым был выше, чем у бедняков. «Женитьба, — писал Д. М. Шихалиев, — стоит князю 720 рублей серебром калыма, кроме мелочных расходов. Уздень платит калыму от 200 до 100 рублей, средний класс и чагары от 100 до 50 рублей серебром»²⁸. По данным первой половины XIX в., основная часть калыма выплачивалась деньгами. Кроме денег, в счет калыма принято было давать кинжал, который в то время стоил 10 руб., от одной до четырех голов сахара (3—10 кг), шелковые и шерстяные платки, отрезы на платья. Более состоятельные сала-уздени и князья должны были в счет калыма давать еще оседланного коня, который переходил в распоряжение старшего в семье. Как сообщает Н. С. Семенов, стоимость калыма во второй половине XIX в. значительно увеличивается за счет платков, сахара, тканей, лошадей и т. д.²⁹ Интересно, что калым у северных кумыков называется еще «альгьам». Альгьам — это молитва, читаемая в разных случаях на арабском языке, в частности при заключении брачного акта. Очевидно, кумыки этот термин перенесли и на предметы, назначаемые при сватовстве в качестве выкупа. При сватовстве родителям невесты вручался не весь калым, а его часть и некоторые подарки, не входившие в условия сделки. Сверх калыма состоятельные семьи посылали золотые монеты или сере-

²⁷ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 299.

²⁸ Кумык (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ», 1848, № 43.

²⁹ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 297—298.

ги, кольцо, пояс и другие предметы украшения или одежды. Калым был настолько большим, что нередко разорял крестьянское хозяйство. Многие юноши из-за отсутствия возможности уплатить вовремя выкуп не могли жениться на любимых девушках. Чтобы собрать требуемую сумму, молодежь уходила в отхожие промыслы, нанималась в батраки. Высокий калым устанавливался родителями иногда умышленно, чтобы нежелательный брак не состоялся.

Кроме калыма, будущий муж должен был платить в установленном обычае размере и кебингакъ, обеспечивающий жену на случай развода или смерти мужа. В отличие от калыма кебингакъ, как правило, не выплачивался сразу. Однако в письменном брачном договоре, оформленном при двух свидетелях, обязательно указывалась сумма, которую муж должен был уплатить жене. Если муж умирал, не заплатив жене этой суммы, то до раздела его имущества между родственниками, даже до погашения долгов покойника, должен был быть выделен кебингакъ жены. При разводе кебингакъ выплачивался полностью. Если жена умерла раньше мужа, не выделившего ей указанной суммы, то муж обязан был выдать кебингакъ ее детям как наследство матери³⁰. Жена в отдельных случаях могла оставить завещание и в пользу мужа.

Тогда как размеры калыма, количество и качество предметов одежды и других подарков, вносимых женихом, устанавливались четко, в переговорах ничего не говорилось о приданом. Между тем приданое, выделяемое из родительского хозяйства, бывало весьма значительным и нередко имело обременительные для семьи размеры³¹. Величина приданого, как и калыма, зависела от экономического состояния семьи — чем состоятельнее была семья девушки, тем значительнее было приданое.

Возвращаясь к свадебным обрядам, отметим, что после договоренности обеих сторон совершалось обручение (гелешмек). Это событие отмечалось в торжественной обстановке с приглашением почти всех односельчан. Иногда обручение оформлялось и без приглашения гостей, в узком кругу родственников. В том и другом случае для скрепления принятых сторонами обязательств родителям невесты вручалась какая-нибудь ценная вещь (шелковый платок, золотые серьги, кольцо, браслет) или несколько таких вещей, в зависимости от состояния семьи. Эти вещи назывались «белги»*. Обрядом «гелешмек» и вручением «белги» сторона жениха приобретала право огласить состоявшееся обручение, право называть девушку «гелин» (невеста).

Не всегда свадьба следовала сразу за обручением. Иногда между ними проходил некоторый промежуток времени. Это чаще всего зависело от экономического положения семьи жениха: были случаи, когда юноши откладывали свадьбу на несколько лет из-за отсутствия денег на калым.

После обручения для невесты наступал период «избеганий» и «запретов». До специального разрешения со стороны жениха невеста должна была сидеть дома, прятаться при встрече с родственниками юноши. Официальное разрешение девушке на выход из дома и на свободное общение с посторонними санкционировалось актом торжественного посещения ее дома представителями женской половины тухума жениха, которые, принеся подарки (главным образом деньги) как от себя, так и от близких родственников-мужчин, совершали «савбол» (будь здорова, спасибо). Только после этого акта девушка могла выйти на улицу. Невеста должна была соблюдать по отношению к родне жениха установленный этикет. Напри-

³⁰ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 302 (примеч.).

³¹ Имущество или приданое девушки составляли главным образом предметы домашней обстановки, внутреннего убранства: медная посуда, сундук, матрацы, одеяла, подушки, ковры и т. д.

* «Белги» в переводе — знак, пометка, клеймо.

мер, когда девушка встречала у родника кого-нибудь из близких своего жениха, она набирала для них воду в кувшин, уступала свою очередь на мельнице, у хлебной печи, свое место на арбе и т. д. То же самое делал и юноша по отношению к родителям и членам семьи девушки.

После обручения жених приобретал право посещения девушки. Но он приходил как бы тайком от родителей невесты. Осведомленные о приходе жениха отец и старшие братья под разными предлогами уходили из дому и делали вид, что не знают о встречах девушки с юношей. В отдельных патриархальных семьях встречи девушки с юношей в самом деле не допускались, и девушке приходилось прибегать к помощи близкой родственницы. Свою невесту жених должен был посещать обязательно в сопровождении друга. Встреча жениха и невесты, кроме того, всегда соблюдала при этом установленный этикет. Встреча при свидетелях нашла свое отражение в устном творчестве. Приняв жениха, говорится в одной песне, одинокая девушка пошла звать соседа. Ей неудобно было прямо сказать, зачем нужен ей сосед, и поэтому она решила ломать с его забора щепки. Услышав это, сосед спрашивает в шуточной песне:

Слушай, девушка-воришка,
Зачем ты ломаешь щепки?
Если я выстрелю в тебя из револьвера,
Ты же на месте померешь.

Девушка отвечает:

Пришел не вовремя гость,
Огонь мой не горит, что делать?
Не стреляй в меня,
Лучше я оставлю щепки и уйду.

Услышав это, сосед набирает сухие дрова и идет к девушке, чтобы принять ее жениха.

Со дня обручения расходы по содержанию невесты частично лежали на семье жениха. Накануне больших праздников жених должен был посылать ей особые подарки. Часть расходов по устройству угощения в доме невесты во время свадьбы также лежала на семье юноши. «За несколько дней до свадьбы, — писал Семенов, — жених посылает родителям невесты от 20 до 30 рублей денег на расходы по угощению гостей»³².

Свадьбу (той) кумыки отмечали весьма торжественно. На свадьбу приглашались, как правило, все односельчане. По существовавшему издавна обычаю, для приглашения женщин посылались только женщины, а для приглашения мужчин — мужчины. В каждую семью приходило четыре человека — два со стороны жениха и два со стороны невесты. Этот обычай не соблюдался лишь при приглашении гостей из других аулов.

В первый день утром собирались главным образом родственники, друзья, соседи, т. е. люди, которые должны были завершить начатую еще за неделю до того подготовку к приему приглашенных. Примерно в полдень свадьба (танцы, угощение и т. д.) была в полном разгаре. На второй день свадьбы, с 8—9 часов утра, в дом жениха и в дом невесты приходили уже официально приглашенные (главным образом односельчане). Обычно одни и те же гости посещали и дом жениха, и дом невесты, причем очередность посещения зависела от близости отношений, родства и т. д. Гости помещались в парадно убранных комнатах жениха и невесты. Женщин угощали отдельно. Жених во время свадьбы должен был находиться в доме близкого друга, который, угощая товарищей и друзей

³² Н. Семенов. Указ. соч., стр. 301.

жениха, нес часть расходов по устройству свадьбы. Дом этот назывался «дом, где остановился жених». Здесь жениха окружали самые близкие друзья, которые назывались «гнезнёгерлер» (свита жениха), танцевали, пели песни, угощали.

Существовали установленные традицией блюда, которые непременно должны были подаваться на свадьбе.

Все приглашенные приносили в дом жениха и в дом невесты подарки: девушке принято было дарить вещи, необходимые в ее будущем хозяйстве, юноше — деньги и продукты, которые расходовались на свадьбе. С самого начала свадьбы во дворе дома жениха играла музыка (в дом невесты музыканты обычно не приглашались, здесь играли на гармонике сами девушки). Музыкальными инструментами, применявшимися кумыками на свадьбе, являлись зурна, барабан, «агач-комуз», «чогур» (два последних инструмента представляют собой род мандолины), гармоника. Музыка поддерживалась всеми присутствующими, которые хлопали в такт в ладоши. Играли обычно лезгинку, которая у кумыков имеет до 18 вариантов. У южных кумыков иногда танцевали и азербайджанские танцы. Танцы начинали близкие друзья жениха и родственники. Ведущим партнером в танце являлся мужчина, хотя он и держался на определенном расстоянии от своей партнерши. Своими движениями он направлял движения девушки, и успех ее танца во многом зависел от искусства юноши.

Особое место среди танцев кумыков занимал танец «сюдюм-таякъ» (любовная палочка), сопровождавшийся пением девушки и юноши (по очереди) и состоящий в том, чтобы каждый из пары танцевал с двумя разными лицами — с тем, кто палочку вручил, и с тем, кому она вручалась. Этот танец с пением хорошо был описан Н. С. Семеновым. Вот что он пишет по поводу одного певца-импровизатора из сел. Аксай по имени Батрай: «Став перед группой девушек, он избирал одну из них и, торжественно-весело, в гладкой и звучной строфе задавал ей вопрос, затрагивающий ее сердечные дела. Вопрос произносился певчим речитативом, а вслед за тем певец, повернувшись к группе девушек спиной и похлопывая в ладоши, делал два-три круга лезгинки, после чего возвращался на прежнее место. Девушка обязательно отвечала ему рифмованными или нерифмованными стихами ...потом, в свою очередь, с грациозно поднятыми руками и склоненною на бок головою, мелкими шажками протанцовывала тур лезгинки около своих подруг. Такой поэтический турнир продолжался иногда довольно долго, возбуждая в слушателях веселый смех и вызывая громкие аплодисменты»³².

Во время танца «сюдюм-таякъ» происходило настоящее поэтическое состязание между юношей и девушкой. В этом отношении очень показательна песня, записанная у кумыков П. А. Головинским в 1879 г. В ней поется:

Юноша: Серые олени бегут по поляне,
Прекрасные девушки любятя ими.
Скажи, что будет, если я тебя поцелую?

Девушка: Если ты решишься меня поцеловать,
Я превращусь в белого голубя.
И улечу под небеса,— тогда ты что сделаешь?

Юноша: Если ты улетишь под небеса голубем,
Я серым ястребом нагоню тебя
И там схвачу тебя, что ты тогда сделаешь?

³² Н. Семенов. Указ. соч., стр. 348.

Девушка: Если ты схватишь меня под небесами,
Я обращусь в рыбу и ускользну в море.
Тогда, в море, ты что со мной сделаешь?

Юноша: Если ты уйдешь в море,
Я, обратясь в железный крючок, нырну в море
И там подцеплю тебя,— что ты тогда сделаешь?

Девушка: Если ты меня в море подцепишь,
Я рассыплюсь просом по траве,
Тогда ты что со мной сделаешь?

Юноша: Если ты рассыпешься просом по траве,
Я сделаюсь петухом и подберу просо,
Тогда ты что сделаешь?

Девушка: И под небесами, и в море, и в траве
Ты преследуешь меня, мне остается одно:
Я умру, скроюсь в сырую землю,
Мои родные, подруги меня уж не увидят.

Юноша: Если ты умерешь, твои родные и подруги
Лишатся тебя, тогда и я умру, лягу
В ту же сырую землю — и там, вместо
Всех, один останусь с тобою!³⁴

Наряду с основными исполнителями песни (мужчиной и женщиной). в «суйдюм-таяк» нередко принимали участие и другие зрители.

Кроме танцев «суйдюм-таяк» и обычной лезгинки, у кумыков были широко распространены и коллективные танцы. Составляя основу всего свадебного веселья, танцы продолжались в течение всех четырех дней с не большими перерывами. Можно говорить об определенной общности в танцевальном искусстве народов Дагестана и Кавказа в целом (черкесов, кавбардинцев, осетин, грузин и др.). Однако дагестанский танец и танец кумыков отличаются своим темпом и особым рисунком.

На свадьбе кумыков широко бытовал обычай «айшабаз», по которому танцующим девушкам делались денежные подарки. Деньги дарились как самим юношей во время танца, так и его старшими родственниками. Так как этикет не допускал прикосновения мужчины к женщине, то деньги клались девушке на голову, покрытую платком. Когда деньги падали на пол, их собирали и посылали девушке.

В перерывах между танцами на кумыкской свадьбе много пели. Это была замечательная традиция народа, которая, к сожалению, в настоящее время незаслуженно предана забвению. На свадьбе выступал как мужской, так и женский хор. Нередко женщины и мужчины, забыв о «запретах», пели вместе, образуя единый хоровой ансамбль. Среди кумыков было много певцов-импровизаторов. «Импровизации,— писал Семенов о кумыкских шуточных песнях,— чаще всего создаются в веселых компаниях молодых мужчин и девушек-невест и тогда авторами их бывают двое — молодой мужчина и девушка»³⁵.

На свадьбах выступали и певцы-профессионалы. Их репертуар составляли главным образом богатырские песни, известные под названием «казак йырлар», песни раздумья и т. д. Приведем одну из популярных

³⁴ П. А. Головинский. Указ. соч., стр. 292—293. В народе бытуют разные варианты этих частушек.

³⁵ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 345—346.

в прошлом песен, исполнявшихся на свадьбах и в других торжественных случаях:

Асхартау³⁶, высок твой нетронутый снег!
Анадол³⁷, ты других многоводнее рек!
Аргамак, ты красив, с чем сравнится твой бег!
Богатырь, есть ли лучше тебя человек?
Что твоя высота, Асхартау-гора!
Достигает орел твоего серебра!
Анадол, что твоя ширина, глубина,
Если стужа тебя проморозит до дна!
Аргамак, что твоя бесподобная статья:
Ты приучен дорогу коням уступать!
А в тебе что хорошего, сильный джигит,
Ты стоишь перед баем, который сидит.
Что хорошего, если потушил ты взгляд
Перед тем, кто и слаб, и труслив, но богат³⁸.

Центральным актом свадебного торжества был переезд невесты из отцовского дома в дом жениха. За невестой отправлялись вечером второго дня свадьбы, примерно в 5—6 часов. Во главе посольства шла часть свиты жениха и некоторые другие мужчины. Женщины ехали на арбах, мужчины — верхом на лошадях. Перед тем как перевезти девушку в дом жениха, ее одевали в новую, привезенную от юноши одежду и, закутав в большое покрывало, сажали на стул. Один из влиятельных стариков подходил к ней и, слегка касаясь покрывала, давал ей свое благословение: желал создать счастливую жизнь, иметь побольше детей, причем среди многих мальчиков — только одну девочку. После этого девушку сажали на убранную коврами арбу. С ней садились ее подруги и одна пожилая женщина, «къуда къатын», которая должна была быть с ней вместе, «отвечать за нее и учить ее первым обязанностям жены». Другие арбы наполнялись приданым, состоявшим из медной посуды, постели, ковров и пр. Невесту перевозили, как правило, с наступлением сумерек. С двух сторон свадебной процессии ехали всадники, которые всю дорогу стреляли и джигитовали. Вместе с ними ехали и два-четыре представителя дома невесты, на обязанности которых было заботиться о привезенной ими девушке. Если девушку везли за пределы ее квартала, то молодежь неоднократно останавливала поезд и требовала выкупа.

Всю дорогу от дома родителей до дома жениха девушки пели обрядовые песни — «гьалалайлар», в которых они прославляли жениха, его родителей, особенно отца, старших братьев, дядю, а также хвалили свою подругу-невесту. Когда свадебный поезд приближался к дому жениха, его родственники выходили к воротам с приветствием и в свою очередь обращались к невесте и отсутствующим здесь ее родителям с величальными песнями.

Однако не все песни, исполняемые во время этой встречи двух сторон, были величальные или хвалебные. Как одна, так и другая стороны пели и шуточные песни, наполненные колкими остротами. Эти остроты были, в частности, направлены в адрес женщины, сопровождающей невесту, или подруг невесты, которым в этих песнях в шутку приписывались разные отрицательные качества. Пока шеед невесты стоял у ворот, — а он не въез-

³⁶ Асхартау — самая высокая легендарная гора.

³⁷ Анадолом называли кумыки р. Дон.

³⁸ Перевод поэта-переводчика Н. Гребнева. См. сб. «Из дагестанской народной лирики». Махачкала, 1952, стр. 58.

жал во двор без вознаграждения, — обе стороны в шуточном песенном состязании старались превзойти друг друга в острогах. Однако вся «критическая» часть песенного состязания относилась только к женщинам. Свадебная процессия, впереди которой шла арба с невестой, требовала вознаграждения для главного возницы. Возница объявлял, что он ни за что не введет арбу с невестой во двор, пока семья жениха не внесет названной им суммы. «В прежнее время упорство возницы преодолевалось поднесением ему кинжала, теперь он мирится на подарке и в 3—5 рублей — писал Семенов³⁹.

Невесту приводили (а у северных кумыков приносили на руках) в отведенную ей лучшую комнату. Перед входом в комнату ей клали в рот мед, потом, обмакнув ее руку в мед, оставляли отпечаток пальцев на стенке у двери. У входа в ее комнату стелили у южных кумыков шкуру овцы, у северных кумыков — шелковое или плюшевое полотно, которое в числе других подарков поступало в распоряжение сопровождающей невесту женщины. Мед, шкура, а затем и полотно должны были по представлению кумыков способствовать созданию дружной семьи, обилию и благополучию в доме. С этой же целью раздавалась и сладкая вода (шербет), которую привозила в кувшине невеста. Эту воду должна была попробовать «самая счастливая женщина», чтобы жизнь молодой пары протекала так же хорошо, как у нее. В углу комнаты невеста помещалась за занавеской. С двух сторон занавески наверху вешали небольшие мешочки, наполненные сахаром, которые должны были принести дому счастье и согласие. После этой церемонии основная часть увеселений переносилась в комнату невесты.

Жених все это время находился в доме своего дружки. Гостям подавалось богатое угощение. Несмотря на это, гости в шутку предъявляли явно невыполнимые требования — подать живую курицу, наполненную пюзом, и т. д. Все эти требования принимались как должное и в ответ всегда следовало «бу сагабат», «баш усте» (сейчас, пожалуйста).

Основательно повеселившись, гости поздно ночью уезжали домой. Тогда друзья жениха приводили его тайком к невесте. Чтобы войти к девушке, жених должен был сделать подарок. Невеста загадывала жениху загадки и не открывала дверь до тех пор, пока он их не разгадывал. В одном предании говорится, что невеста предложила жениху разгадать такую загадку: «человек имеет, но нет ему названия». Жених должен был ответить, что это безымянный палец. Но жених не мог разгадать ее в течение семи месяцев, следовательно, все это время не имел права на фактический брак. При помощи старой и мудрой женщины ему наконец удалось разгадать эту загадку. Загадки и отгадки имели и стихотворную форму. Невеста могла, например, спросить:

Ва гьечедир, гьечедир (не переводится.— С. Г.),
Сколько звезд на небе,
Сколько подков и к ним гвоздей
У тридцати двух лошадей.

От жениха следовал далеко не точный ответ, но ответ поэтический; в рифму:

Пусть у упитанных овец на кутане
Ягятся двойни.
У тридцати двух лошадей
Тысяча восемь подков и гвоздей.

³⁹ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 302.

Невеста должна была в свою очередь решить ряд задач, предложенных женихом. В некоторых селениях южных кумыков она должна была, например, суметь быстро развязать длинную цепочку узелков, сделанных на шнурке из сыромятной кожи, которым горцы завязывали чарыки. Это считалось весьма трудным делом; девушки приходилось развязывать узелки не только руками, но и зубами. Иногда по совету опытных женщин, сопровождавших невесту, она пользовалась для этого пилотом.

Утром третьего дня свадьбы родственницы юноши приходили к молодой «гелин» с поздравлениями и подарками. Совершался обряд «бет очыв» (осмотрения лица). По этому обряду лицо невесты (она должна была стоять под покрывалом, с опущенной на лицо шелковой сеткой) обычно открывала маленькая, «безгрешная» девочка, которая раньше всех получала подарок (как правило, большой шелковый платок). Невесте дарили деньги, кольца, браслеты, серьги и т. д. Она в свою очередь должна была давать подарки — «берне» — родственникам жениха (платки, кисеты, шелковые пояса, сладости).

Родственники-мужчины и некоторые гости (друзья) приходили к молодой с подарками вечером. «Къуда къатын» к этому времени снимала пирму, за которой находилась невеста. Она теперь стояла, закрыв лицо широким рукавом платья. И каждый из мужчин, начиная с тамады свадьбы или старшего родственника, приветствовал молодую и одаривал чем мог. Подарки родственников могли состоять из денег, предметов украшения, скота, ковров и т. д. «Къуда къатын» от имени невесты в свою очередь раздавала гостям подарки, угощала сладостями и т. д.

На кумыкской свадьбе большую роль играл так называемый «хан» или «шах» — распорядитель всего торжества. Роль «хана» обычно исполнял наиболее влиятельный уздень. У южных кумыков в качестве «шахов» выбиралось несколько человек (шахлар). Для исполнения своих распоряжений ханы или шахи выбирали помощников, один из которых назывался «джаллат» (палач). Они занимали особое помещение, сидели за богато накрытым столом. Любо́й приказ хана подлежал немедленному выполнению. Особое место среди функций ханов занимало накладывание на участвующих в свадьбе штрафов. Любо́й гость или родственник хозяев свадьбы мог быть вызван к столу, где шах или хан под разными предлогами требовал от него штрафа. Мнимо провинившихся иногда привязывали к столу, к дереву, угрожали побить, облить водой (даже зимой) и не прекращали наказания до тех пор, пока они или их родственники не внесут выкупа.

Анализ преданий, связанных с этим обычаем, дает основание думать, что народ делал здесь попытку передать власть хана, шамхала и других феодальных владетелей лицу, избираемому из своей среды. Широкое распространение в народе имеет, например, такое предание: однажды житель Кумыкской плоскости (б. Хасавюртовский округ) по имени Бейболат, совершив убийство своего односельчанина, вышел в канлы в сел. Кафыр-Кумух Тарковского шамхальства. Он долго жил в этом селении, имел там семью и нес службу самому шамхалу. Кровные враги давно простили ему убийство, и ему было разрешено возвращение на родину. Так как Бейболат был женат на девушке из зависимого сословия, иными словами, на подвластной шамхала, то последний не разрешал ему взять с собой жену и детей. В день свадьбы в сел. Кафыр-Кумух Бейболат обратился к хану свадьбы и тот разрешил ему выехать на родину вместе с семьей. Шамхал, присутствовавший на свадьбе, вынужден был подчиниться и просил только разрешения у хана, прежде чем отпустить Бейболата, подвергнуть его физическому наказанию за такой «дерзкий» поступок.

Кроме ханов, на свадьбе для увеселения публики подвизались «дом-майлар» (шуты), которые надевали различные маски и выступали со всевозможными шуточными номерами.

В послеобеденное время третьего дня свадьбы состоятельные хозяева устраивали конно-спортивные соревнования — скачки. Победителям выдавались призы. Вечером третьего дня свадьба в основном завершалась.

Во многих местах широкое распространение имел обычай «тияв чакъырыв» (приглашение молодого мужа в свой дом). По этому обычаю, друзья молодого с традиционной песней приводили его в отцовский дом (в первую ночь его приводили тайком). В окружении своей свиты он сидел в комнате, где присутствовали все близкие родственники, в том числе и родители. Здесь происходило одаривание молодых суругов. Близкие юноши настоятельно требовали, чтобы каждый член патронимии дал подарки по своим возможностям. Принято было дарить как движимое, так и недвижимое имущество, которое ложилось в основу будущего хозяйства новой семьи.

На четвертый день вечером к молодой приходила сельская молодежь и она молча угощала ее вином, сладостями и т. д. «На все шуточные расспросы своих гостей, — пишет Семенов, — она неизменно отвечает одно: «пей», указывая на поднос с напитками и закусками»⁴⁰.

Обряды, связанные с бракосочетанием вдов, были значительно проще. Вдова пользовалась кебингъакъом в половинном размере или даже третьей его частью. Ни в доме мужчины, ни в доме женщины во время этого акта особого торжества не происходило. Вдову вводили в дом жениха тайком, ночью.

Однако, узнав о выходе замуж вдовы, сельская молодежь открывала стрельбу, устраивала трезвон. Все это имело значение «злой шутки», издевательства над заключаемым браком⁴¹.

Последний акт брачной церемонии состоял в том, что спустя несколько дней после свадьбы семья мужа приглашала невестку в общую столовую. Собирались близкие родственники, в присутствии которых свекровь — «къаын-ана» делала снохе какой-нибудь подарок. С этого дня «гелин» должна была взяться за работу по хозяйству. Участвуя в хозяйственной жизни семьи, молодая сноха долго еще чувствовала себя стесненной. В течение продолжительного времени она не должна была разговаривать с отцом мужа, а нередко и со свекровью⁴². Такое положение часто продолжалось до года и больше.

Молодая женщина с первого же дня замужества должна была придумать новые красивые, ласковые — для молодых, почтительные — для старших имена. Глав семьи (женщину и мужчину) молодая должна была называть тем именем, каким называли их в семье остальные. Старшего брата мужа молодая чаще всего называла «джан агъав» (дорогой господин), «паччам» (мой царь), младшего брата мужа — «къардашым» (мой брат), «эрке улан» (гордый парень), «алтун тон» (золотая шуба), «къыз сюр» (любимый девушкой), если он не был женат, старших сестер мужа — «жан бажым» (дорогая сестра), «гюлбажим» (цветущая сестра), младших сестер — «арке къыз» (гордая девушка), «гиччи къыз» (маленькая девушка) и т. д.

Долгое время молодую «гелин» не вводили в состав семейного совета, многое от нее скрывали. Только рождение ребенка совершенно меняло к ней отношение семьи и укрепляло ее положение.

⁴⁰ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 303.

⁴¹ Там же, стр. 304.

⁴² М. Алибеков. Указ. соч., стр. 30.

В кумыкской семье рождение ребенка всегда отмечалось как большое радостное событие, но рождение сына встречалось особо торжественно.

Еще перед тем, как отпраздновать свадебный поезд в дом жениха, один из почетных гостей желал невесте иметь много сыновей и только одну дочь. В ответ на оказанную услугу пожилые люди также всегда говорили: «чтобы твоя жена родила тебе сына», а если обращались к молодой женщине: «чтобы ты родила сына, чтобы ты была сыта». Узнав от посторонних, что сноха беременна, свекровь старалась не допускать ее к тяжелой работе. Однако в условиях феодального гнета осуществить это удавалось далеко не всем семьям. Сплошь и рядом беременные женщины работали до последних дней и в поле, и дома, выполняя и тяжелые работы.

Существовало очень много основанных на суеверии обычаев, выполнение которых должно было охранять мать и будущего ребенка от «дурного глаза». Очень многие приметы были связаны с частыми у беременных женщин прихотями в выборе пищи.

Женщины рожали дома с помощью повитухи. Муж роженицы в течение пяти-семи дней не должен был показываться жене. Он жил у своих родственников или уходил в поле. В прошлом существовал обычай тщательной охраны комнаты, где происходили роды, от влияния «дурного глаза». Считалось, что злая женщина может повредить роженице, если она принесет с собой золото и особенно ртуть (гуне сув). Чтобы «предохранить» как ребенка, так и роженицу от «дурного глаза», до недавнего времени к дверям, через которые проходили посетители, ставили что-нибудь железное, чаще всего лемех от плуга или топор. Неудачные роды, смерть ребенка или матери часто объясняли злым намерением одной из родственниц или завистью соседки, которая будто бы привнесла «сильные средства». Поэтому в комнату, где происходили роды, не допускали тех женщин, которые раньше проявляли недоброжелательное отношение к роженице.

При тяжелых родах прибегали к разным «средствам». Так, например, ходили к мулле, который писал на листке изречения из Корана. Этот листок полоскали в воде, смывая письмена, и воду давали выпить роженице. Мулла писал талисманы, которые привесивали на грудь или клали под подушку роженицы. В трубу дымохода бросали яйцо. Если роды были очень тяжелыми и эти «средства» не помогали, то в платье роженицы сыпали ячмень, выносили роженицу к дверям и давали лошади съесть ячмень с колен женщины; с крыши дома, где находилась роженица, стрелял человек, который когда-то совершил убийство.

После благополучного рождения ребенка в доме все оживлялось. Сразу после родов роженице давали специальное кушанье — «тахана» с медом, виноград или что-нибудь сладкое. Радостную весть сперва сообщали свекрови, а потом другим членам семьи. За это они делали добрым вестникам подарки. Принято было снимать с головы отца новорожденного папаху, которую он выкупал, давая какое-либо вознаграждение вестнику.

С появлением на свет ребенка в доме начинались приготовления к торжествам. Готовили в большом количестве горячую халву, бозбаш и другие кушанья. Поздравлять семью с рождением ребенка приходили все родственники, друзья и соседи. Всех посетителей приглашали к столу и угощали.

Через неделю после рождения ребенка ему давали имя. Это событие происходило в еще более торжественной обстановке, с богатым угощением. Когда все приглашенные были в сборе, в разгар угощения ребенку давалось имя. Мужчины на этой церемонии не присутствовали (рождение

ребенка, особенно сына, отмечалось ими отдельно). Имя, которое заранее семейный совет наметил дать ребенку, первым называла бабка — «аначыкътатын». С ребенком на руках она занимала самое почетное место среди гостей. Бабка в первый раз укладывала ребенка в люльку, обращая на это внимание всех присутствующих.

К выбору имени для ребенка кумыки относились с особым вниманием. С рождением ребенка каждый предлагал имя, но принималось то, которое получало одобрение большинства и особенно нравилось старшим в семье, причем согласия матери на это не требовалось. По традиции, кумыки давали своим детям имена умерших предков, особенно родителей. Мальчикам имена давались и в честь «пророков» — Магомед, Али, Иса и др. Широко распространены были чисто народные имена. Эти имена, особенно женские, в своем большинстве весьма поэтичны и красивы, например Айбала (дочь луны), Айгул (лунный цветок), Гюлханум (госпожа роз), Айбике (госпожа луны), Пашманханум (госпожа печали). Последнее имя давалось обычно девочке, если мать умирала от родов или отец девочки умер до ее рождения. Если в семье рождались одни девочки, а сына не было, девочке давалось имя Кистаман (къыз — девочка, таман — довольно). После этого семья рассчитывала дожждаться сына. В качестве имен употреблялись также названия драгоценностей: Алтун (золото), Зимуруд (изумруд), Бурлиант (бриллиант), Таяжар (жемчужина), Перезе (бирюза). Мальчиков называли Батыр (храбрый, богатырь), Арслан (лев), Айбатыр (богатырь луны, лунный богатырь). Кроме полных имен, кумыки давали детям и ласкательные имена, которыми называли детей до совершеннолетия.

Очень вредным был обычай держать детей почти все время в люльке (бешик). Бешик представлял собой род маленькой, очень узкой деревянной скамеечки, поставленной на качающиеся полукруглые подставки. Сверху вдоль скамеечки, на высоте нескольких сантиметров, укреплялась круглая жердочка, к которой привязывались полосы из материи. Этими полосами ребенок плотно привязывался к люльке с вытянутыми руками и ногами. В люльку клали шерстяные матрасики, в которых делалось круглое отверстие для камышовой трубочки. Ребенка привязывали к люльке с таким расчетом, чтобы моча его попадала в камышовую трубочку, не пачкая постель, и выводилась в особый горшочек, прикрепленный к люльке снизу. Ребенок в бешике не мог пошевелить даже пальцем, мать кормила его, подсаживаясь к люльке, затем качала, пока он не уснет. Женщина в бедной семье была настолько обременена работой, что не имела возможности в течение целого дня вынуть ребенка из бешика и рывывала его только два раза в день — утром и вечером. Женщины старшего поколения рассказывают, как они целыми днями сидели за ткацким ковровым станком, за шитьем, починкой одежды, обработкой кожи, шерсти, качая в то же время ногой детей, уставших и требующих своим плачем вынуть их из люльки. Только в крайнем случае, если ребенок не успокаивался, его на время развязывали.

Укладывая спать своих детей, кумыки пели им колыбельные песни — «бешик йырлар». Каждая мать обычно сама сочиняла их, сообразно со своими желаниями, стремлениями, душевными переживаниями. Во многих колыбельных песнях прошлого выражалась и жалоба женщины на свою горькую судьбу, бедность, бесправие.

Похоронные обряды

Кумыки строго соблюдали установившиеся издавна похоронные обряды. Если мужчина или женщина тяжело болели и не было надежды на выздоровление, то старались тактично предложить больному выразить

свою последнюю волю, т. е. сделать завещание. Завещания, особенно касающиеся раздела имущества, делались в присутствии старших близких родственников, которые могли выступить в качестве свидетелей. К умирающему приглашали либо муллу, либо кадия, либо другого человека, знающего Коран, который читал из него «ясин» — одну из сур Корана.

Вскоре после смерти умершего обмывали. Это поручалось мулле, кадию или почетному аксакалу; женщину или девочку обмывали, как шравило, женщины. За свой труд они получали одежду умершего — «тонав». После омовения на покойника надевали новое белье из белой материи, а сверху заворачивали в двойной или тройной саван. Женщин и детей перед тем, как закутать в саван, одевали в лучшее платье, женщинам и девушкам надевали всевозможные украшения, красили брови сурьмой, румянили щеки и пудрили лицо. Похороны совершались в день смерти, до заката солнца. Перед похоронами опять читали «ясин», после чего покойника несли на носилках — «синажа» — на кладбище. На кладбище покойника провожали только мужчины, женщины могли провожать его только до ворот. Хоронили покойника в могиле (к'ябур) без гроба. Дно могилы делалось как бы на два отделения: одна часть представляла собой узкую, вдоль могилы идущую нишу, куда опускали покойника, обратив лицо к югу плотно к стенке. Такое устройство могилы позволяло поставить деревянное прикрытие с определенным скатом, а не горизонтальное, что, вероятно, лучше предохраняло могилу от влаги. Деревянное прикрытие делалось, как правило, из дубовых, тщательно обработанных досок. Сверху досок могила засыпалась землей и сразу же у изголовья ставился временный памятник из неотесанного камня или дубовой доски. После этого мулла опять читал молитву и поливал, если покойник был совершеннолетним, вдоль могилы воду — «талк'ын», которую приносили в кувшине. По представлению кумыков, этот обряд совершался для «очищения» покойника от его грехов. Верующие полагали, что эта вода тут же «пробуждает» умершего, после чего начинается его «загробная жизнь». Участникам похорон раздавали либо деньги, либо сахар или халву, а если хоронили женщину — чаще всего шелковую материю, для чего резали на куски самое лучшее платье.

Состоятельные семьи договаривались с двумя-тремя духовными лицами, которые за определенную плату в течение 7—10, а иногда и 40 дней сидели в специальном шалаше у могилы и поочередно читали для «облегчения его участи» Коран.

Оплакивание умершего — «яс» — проводилось в течение пяти дней. Особенно тяжелыми были обязанности женщин-родственников, которые должны были не только плакать, но и царапать лицо и наносить себе удары. Каждая взрослая родственница должна была, оплакивая родственника, уметь красиво петь — причитать. Самые близкие родственницы, кроме того, должны были носить в течение определенного времени траурную одежду и днем не выходить из дома. Мужчины после похорон сидели на веранде или внизу под навесом, принимая соболезнования мужчин-односельчан. Время от времени отдельные молодые родственники заходили на несколько минут в помещение, где происходил «яс», и участвовали в оплакивании. Оплакивание усиливалось с появлением каждой новой группы посторонних женщин с соболезнованием. Чем больше уважаема была пришедшая гостья, тем сильнее выражали чувство горя в своей песне родственницы умершего. Посторонние женщины, знакомые, друзья также должны были выразить свое сочувствие семье оплакиванием умершего песней-причитанием, обращенной к нему или его близким.

Особенно сильное оплакивание с самоизбиением происходило в случаях, когда родственник умер не естественной смертью, а был убит. В таких случаях отдельные женщины отрезали себе косы, прыгали с крыши, наносили стеклом раны на лице, на руках и т. д. Оплакивание

в этих случаях происходило большей частью стоя. «Ближайшие родственницы,— рассказывал Пржецлавский, описывая «ясы» в Дагестане,— с растрепанными волосами и спущенною до пояса рубашкою или одетые в кули с прорезанными для головы и рук отверстиями, колотят себя пуще других и с плачем импровизируют песню, восхваляющую достоинства усопшего. По адату, жена на похоронах мужа должна отрезать с головы все косы и перевязать ими талию и руки»⁴³.

Во время «яса» строго распределялись места по степени родства. Около двери садилась сестра умершего, после нее жена и т. д. То же самое соблюдалось во дворе среди мужчин, хотя они сидели на бревнах, поставленных вдоль стены, на стульях или просто камнях и особого участия в оплакивании не принимали.

«Ясы» разоряли семью умершего, так как в течение пяти дней она должна была давать богатое мясное угощение всем посетителям, а после этого до 40 дней раздавать кусочки чурека с халвой. Для этой цели обычно резали корову или несколько овец, пекли хлеб из 8—10 пудов муки, готовили в большом количестве халву и т. д. По истечении 40 дней еще раз устраивались поминки с богатым угощением, на которые приглашались родственники, духовенство, почетные лица.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

В главе «Социально-экономические отношения и политический строй» мы охарактеризовали основные черты общественной жизни кумыков. В данном разделе будут освещены лишь некоторые стороны общественного быта, связанные с пережитками тухумной организации, аталычеством, кровной мезтью.

В общественной жизни кумыков XIX в., как уже отмечалось, переплетались сравнительно развитые феодальные отношения с пережитками родового быта.

Для кумыкского аула было характерно бытование сельской общины — джамаата. Общность интересов всех членов джамаата требовала соответствующей формы управления. Родовые формы управления давно уступили место управлению должностными лицами, избираемыми или назначаемыми из числа влиятельных людей. Однако постепенно теряло свое значение и общинное управление, хотя, как мы видели, хозяйственно-административные функции его продолжали сохраняться и в последующее время, при феодальной власти и царской администрации. Словом, в условиях сельской общины XIX в., когда отношения родства стали отступать перед экономическими и общественными интересами, сохранялись тем не менее пережитки родовых отношений.

Пережитком архаических форм общественного быта являлось наличие у кумыков в исследуемый период родственных групп — тухумов. Кумыкский тухум уже задолго до XIX в. претерпел глубокие изменения. Все же тухумные связи, тухумная солидарность и прочее были еще сильны. «У кумыков,— писал Д. М. Шихалиев,— всякий мог с достоинством поддержать свои права, кто имел много родственников, которые бы за него в случае нужды заступились»⁴⁴. Узы родства не везде у кумыков сохранились в одинаковой степени. Тухумные связи, родовая солидарность в исследуемое время сильнее проявлялась у южных кумыков. Северные, особенно засулакские кумыки, в социально-экономическом развитии шли несколько впереди.

⁴³ П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане, «Военный сборник», 1860, № 4, стр. 297.

⁴⁴ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

Тухум у кумыков имел несколько названий: «тухум», «тайпа», «къавум», «джинс». В тухум входили родственники только по отцовской линии. Характеризуя дагестанский тухум, М. М. Ковалевский писал: «Большинство знатоков местных обычаев высказывается в том смысле, что для принадлежности к тухуму степень родства не имеет значения: все родственники по отцу одинаково члены его рода»⁴⁵. Между тем, хотя тухум у кумыков в исследуемое время и объединял всех родственников по отцу, степень родства имела большое значение. Об этом говорят и сами наименования родственников по степени родства и счет родства. Тухумом обычно назывался круг родственников, начиная с третьего колена. Дети родных братьев и сестер именовали друг друга «узукъар» (двоюродный брат и двоюродная сестра назывались одинаково). Дети двоюродных братьев и сестер называли друг друга «къариян» (троюродные), дети же троюродных братьев и сестер — «ариян» (дальняя сторона). Южные кумыки в этом же значении употребляли термин «ариган» (усталый). Остальные родственники назывались просто «къардашлар» (братья) или «тухумлар» (родственники). Отказываясь от особых обязанностей по отношению к родственнику пятого колена, подчеркивая дальность родства с ним, члены тухума употребляли для названия его такие выражения, как «таякъ суйрейген» (опирающийся на палку или тащущий палку), «арып ёлда къалгъан» (отставший по усталости) или же «ийис-мийис» (тот, до которого дошел только запах родства) и т. д. Существовало и общее деление родовой организации по степени родства: «ювукъ-тухум» (близкий тухум, близкие родственники) и «йыракъ-тухум» (дальний тухум, дальние родственники). Близкие родственники, включая двоюродных, а в ряде случаев троюродных братьев и сестер, обозначались термином «ювукъ тухумлар» (близкие родственники).

Численность тухума могла быть самой разнообразной; обычно тухум насчитывал от 100 до 150 членов. По мере роста тухума старшее поколение его и новые молодые члены становились дальними родственниками по отношению друг к другу. Внутри тухума образовывалось, в свою очередь, несколько отдельных групп очень близких родственников, тесно связанных между собой. Кумыкский тухум — та общественная форма, которую М. О. Косвен называл патронимией. По его определению, патронимия — это «родственная группа, состоящая из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи». Как указывает далее М. О. Косвен, «в целом ряде отношений эти родственные семьи сохраняют хозяйственное, общественное и идеологическое единство, хотя каждая семья и представляет собой самостоятельную единицу. Общность патронимии выражается в частности в том, что некоторыми видами земли и некоторыми угодьями патронимия владеет и пользуется коллективно»⁴⁶.

В XIX в. именно группе близкородственных семей, а не тухуму в целом, принадлежала первостепенная роль в родовых связях. Для обозначения такой группы кумыки применяли приведенные выше термины — «ювукъ тухум» (близкие родственники) или «бир ожакъдан айрылгъанлар» (отошедшие от одного очага). Еще в конце XIX в. у кумыков такая группа кое-где имела коллективную собственность на мельницы, сады, сенокосные участки, в отдельных случаях и на пахотные земли. Родовое единство патронимии выражалось в том, что все ее семьи принимали более активное участие в делах членов данной ячейки, чем дальние родственники. На членах патронимии лежал ряд обязанностей, в частности делать

⁴⁵ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. 1, стр. 147.

⁴⁶ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961, стр. 32 и сл.

невесте подарки, выступать организаторами на свадьбе, носить траур по смерти члена патронимии и т. д.

Патронимическое единство ярко проявлялось в траурные дни. В случае смерти родственника принять соболезнования от посторонних могли только члены патронимии. В доме, где был траур, члены тухума занимали места в зависимости от степени родства. Эти правила строже соблюдались женской половиной родственников. В отличие от мужчин, находившихся во время всех пяти траурных дней на веранде или во дворе, женщины все время должны были сидеть в комнате, где лежал покойник. В первый день, пока умершего готовили к похоронам (обмывали, одевали и т. д.), родственницы не претендовали на свои места. С утра второго дня женщины — члены патронимии занимали места в «гиччи тавуне» (малый ряд, малый тухум), т. е. вдоль стены, расположенной, как правило, направо от двери. Остальные родственницы устраивались в «уллу тавуне» (большой ряд, большой тухум), у следующей широкой стены, составляя продолжение всего тавуна. В отдельных случаях велась борьба за место. За правильным распределением мест следили женщины старшего возраста, хорошо знакомые с родословной и обычаями. При наличии большого числа близких родственниц считалось достаточным наличие в «гиччи тавуне» одной представительницы каждого дома патронимии. Поэтому сестры младшего возраста могли сесть в «уллу тавуне», т. е. в ряду дальних родственников. Плакание умершего, траурное пение считалось первейшей обязанностью сидящих в «гиччи тавуне», к которым подсаживались с соболезнованиями многочисленные посетители. В то время как члены патронимии должны были продолжительный срок носить черную траурную одежду и в течение пяти-шести месяцев, а иногда и года, не выходить днем на улицу, остальные члены тухума могли ограничиться трауром в течение нескольких дней или трех-четырех недель. То же самое касалось и мужчин — членов тухума, хотя они во время траура освобождались от тяжелой обязанности «сидения» дома. Члены патронимии — мужчины должны были отпускать бороду, одеваться в течение определенного периода возможно проще, не пить спиртных напитков, не петь, не танцевать.

М. М. Ковалевский, отметив, что у некоторых народов Дагестана, согласно обычаям, «для принадлежности к тухуму степень родства не имеет значения: все родственники по отцу одинаково члены его рода», вместе с тем указал на различие круга родства у других народов. Он, в частности, писал: «Но попадаются и такие обычаи, по которым... принадлежность к тухуму прекращается с наступлением где четвертой, где пятой, где седьмой и восьмой, а где и десятой степени родства; так, например, в Кара-Кайтаге, Урчимули, Терэкеме и Башлах (Башлы — крупное селение южных кумыков.— С. Г.) счет родства идет только до пятого колена...»⁴⁷. Нам думается, что М. Ковалевский, говоря, в частности, о Башлах, имел в виду именно патронимию, а не тухум в целом, ибо общие тухумные связи здесь были значительно шире, даже в более поздний период.

Роль патронимии или «гиччи тавуна» сказывалась и в обычаях, связанных с кровной мстью, и выражалась в оказании всесторонней поддержки пострадавшему члену. В платеже выкупа в случае убийства членом патронимии кого-либо из другого тухума участвовали только члены близкородственной группы. Однако и общая тухумная солидарность в XIX в. была еще довольно сильна. Связующим звеном были самые старшие представители тухума.

⁴⁷ М. М. Ковалевский, Указ. соч., т. I, стр. 147.

Тухум у кумыков, как и у всех народов Дагестана, был эндогамным, браки внутри тухума не только разрешались, но в отдельных случаях предпочитались. Сохранение в тухуме женщины как рабочей силы, а также имущества, выдаваемого ей при выходе замуж в качестве приданого, являлись основными причинами живучести внутритухумных браков.

Каждый тухум у кумыков имел свое наименование. Он назывался либо по имени предка, либо по имени лица, отличающегося храбростью или мудростью; многие тухумы носили названия в зависимости от рода занятий, места происхождения, цвета кожи одного из предков и т. д. В сел. Аксай сохранились такие тухумные названия:

1. Джийшакъ тухум — тухум, который, по преданию отличался практичностью и аккуратностью.
2. Къурубетлер — тухум, члены которого не отличались гостеприимством, были жадными.
3. Къулуй тухум — члены которого были рабского происхождения.
4. Кийиз тухум — мастера по изготовлению войлоков.
5. Чагъан тухум — родоначальник его убежал от шакала.
6. Къакъшорпалар — тухум, члены которого не выливали старый суп, а ели его в течение нескольких дней.
7. Тюенлер.
8. Гюенлер. Нам думается, что два последних термина указывают не на родовое наименование, а на племенное название (гюенское и тюенское племена).

Тухум по названию «къакъшорпалар» существовал и в Эндирее — в древнем селении засулакских кумыков. Очевидно, часть членов этого тухума была со временем переселена из Эндирея в Аксай, селение более позднего происхождения. В Эндирее были, кроме того, тухумы «дарай чарыкълар» (надевающие шелковую обувь), «сарымайлар» (маслоделы), «чачкесгенлер» (отрезавшие косы), «албаслы йымышатгъанлар» (победившие женщину-великана).

В пережиточно сохранившемся в XIX в. тухуме не было, конечно, экономического и общественного равенства. Имущественное неравенство, социально-экономическая дифференциация создавали отношения господства и зависимости, приводили к противоречиям и столкновениям интересов внутри тухума, способствовали распаду демократических начал управления. Управление старейшин было заменено управлением богатой верхушки, преследовавшей свои узкие, частнособственнические интересы. Главой тухума не всегда считался самый старший. На его место нередко выдвигался богатый, влиятельный человек, хотя и не самый старший по возрасту. «Главою тухума, — писал Ковалевский о дагестанском тухуме этого периода, — не всегда считается здесь старший в роде; в большинстве случаев главенство приобреталось и приобретает богатством, умом и другими личными качествами»⁴⁸.

Однако и в XIX в. совет старейшин играл немаловажную роль. Старшие представители тухума по-прежнему продолжали пользоваться большим авторитетом и влиянием среди членов родовой организации. Старейшие «тамазалар» (у засулакских кумыков), «акъсакъаллар» (у остальных кумыков) продолжали по-прежнему толковать и применять в практической жизни обычаи старины, выполнять функции судопроизводителей.

В XIX в. родовой принцип расселения, судя по этнографическим данным, не сохранился. Об этом свидетельствуют названия аулов (кварталов): «Бет авул» (аул, расположенный на возвышенности), «Къала авул» (то же самое), «Тёбен авул» (нижний аул), «Чокъла авул» (аул, расположенный в котловине) и т. д. В этих кварталах в исследуемое время

⁴⁸ М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 152.

жили представители различных тухумов. Однако наблюдавшееся и в этот период стремление жить среди своих родственников, не выходя за границы квартала, максимальное сокращение участков с целью размещения вновь создаваемых семейных ячеек и т. д. указывают на былой родовой принцип устройства. В XIX в. родовые кладбища не сохранились. Они уже обслуживали кварталы или целое селение. Однако близкородственная группа и даже целый тухум при наличии свободной территории старались хоронить своих покойников в одном месте, расположить их могилы рядом. Тухумы имели свои метки — «харзы» и свои клейма — «дамга».

Одним из пережитков родового быта, сохранившихся в XIX и начале XX в., была кровная месть. Тухумная солидарность выражалась вообще в защите всеми членами рода общих интересов против посягательства извне. Средством самообороны рода была кровная месть. Отсутствие единой государственной власти, феодальная раздробленность способствовали сохранению этого пережитка родового строя при сравнительно развитой форме феодальных отношений. После присоединения Дагестана к России царская администрация проводила в Дагестане некоторые мероприятия с целью опрощения кровной мести. Однако царизм не мог вести действительную борьбу с этим вредным пережитком.

В XIX в. у кумыков, как об этом свидетельствуют письменные источники и данные фольклора, в случае убийства возмездие подвергался один человек — убийца или его близкий родственник. «Кровный враг — один», — утверждали кумыки. Однако ряд обычаев глубокой старины указывает, что в более ранний период нападение одного тухума на другой с целью кровной мести совершалось всеми родственниками убитого и месть могла быть направлена на любого из членов рода убийцы. «Среди врагов не бывает пестрого, черного», — гласила старинная поговорка. Самого убийцу называли «баш душман» (главный враг). Сохранявшийся культ предков требовал пролития крови за кровь, обязательной кровной мести. Принцип «кровь за кровь», «смерть за смерть» приводил иногда к полному уничтожению одного из враждовавших тухумов. По адатам кумыков, в XIX в. обязанность кровомщения лежала только на ближайшем родственнике (главным образом по отцовской линии), при отсутствии родственника — на друге⁴⁹ и кровным врагом — «къанлы» — объявлялся сам убийца. Все же продолжал сохраняться и прежний обычай, по которому после совершенного убийства как сам убийца — «къанлы», так и все его родственники должны были немедленно покинуть свои дома и укрываться в течение 30—40 дней у князя или другого влиятельного лица, дома которых были гарантированы от вторжения мстителей и охранялись всем джамаатом.

В адатах кумыков, собранных и систематизированных в 1865 г. под руководством бывшего начальника Кумыкского округа полковника Ф. П. Вояковского, убийство за убийство уже не предусматривалось, а устанавливалась целая система выкупов и примирения, а также высылка убийцы в «къанлы». Таким образом, развитие общественно-экономических отношений приводило к основательной трансформации обычая кровной мести: убийство рассматривалось с точки зрения материального ущерба, нанесенного потерпевшему или его семье. После совершения убийства тухум убийцы обращался к почетным людям своего общества с просьбой организовать примирение с потерпевшей стороной. Началом примирения считалось согласие родственников убитого принять «алым» (выкуп). Величина «алыма» была различна в отдельных обществах и зависела от числа родственников убийцы. Так, кумыки, жившие за Сулаком (Кумыкская плоскость), «алым» вносили в следующем размере: семья убийцы —

⁴⁹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, ч. II. Одесса, 1883, стр. 212.

13 руб., родной брат, живущий отдельно, — 3 руб., двоюродный брат — 1 руб. серебром, остальные, в зависимости от степени родства — до 10 копеек. В конце XIX в. (в 1890 г.), по сведениям Семенова, размер алыма несколько увеличивается. «От семейства убийцы, — пишет он, — передается одна штука рогатого скота на зарез или 13 рублей денег и шелковой материи (зарбаб) два аршина; от братьев убийцы, живущих отдельно, передается от каждого по 5 рублей; от каждого дяди с отцовской стороны передается по 3 рубля; от двоюродных братьев, а также от внуков и племянников передается от каждого по 1 рублю и от родственников в дальнейших степенях родства по мужской линии — по 50 и 25 коп.»⁵⁰ У южных кумыков в середине XIX в. «алым» устанавливался в пределах 40 (сел. Башлы) — 60 (Гамринский магал) руб. серебром. Кроме того, дарил «оседланную лошадь, ружье и полный боевой прибор»⁵¹. Все это считалось выкупом со стороны тухума, а не самого убийцы. Сам же убийца, как будет отмечено ниже, должен был внести особый взнос.

По обычаю, «къанлы» — убийца должен был тайком покинуть селение на определенный срок (3—5, а иногда и 8—10 лет). Продолжительность срока часто зависела от социального положения убийцы, его влияния на общественные дела или от влияния тухума убитого и т. д. Что касается его родственников, то они по истечении 30—40 дней после совершения преступления должны были просить общество организовать предварительное примирение с родом убитого. Без совершения этого акта никто из родственников убийцы не имел права находиться в своем доме, показываться ни днем, ни ночью на улице во избежание погони — «душман къавлав» (преследование врага). Для ведения переговоров о примирении общество выделяло депутацию из влиятельных людей (кадия, муллы, первостепенных узденей, в отдельных случаях — князей).

После получения в результате неоднократных визитов разрешения на примирение от старейших членов пострадавшей стороны (тамазала, р. късакъаллар) совершался обряд «бет гермек» (лицезрение), который можно считать началом прекращения вражды между двумя родами. Оба враждующих тухума выходили на площадь. Тухум убийцы под большой охраной должен был стоять на определенном расстоянии от родни убитого. Между ними размещались собравшиеся от всего селения почетные люди во главе с кадием. Присутствие на площади двух враждебных родов означало прекращение «погони за врагом». Обряд примирения заканчивался чтением кадием молитвы из первой главы Корана. Повторив за кадием слово «фатиха», обе стороны расходились по домам.

После этого род убитого переставал преследовать род убийцы, но продолжал искать самого убийцу. Несмотря на совершение обряда примирения, оба тухума до полного примирения не общались между собой. Сторона убийцы обязана была уступать дорогу, покидать общественное место, где присутствовали родственники убитого, не причинять им никаких обид. В случае нарушения этих правил потерпевшая сторона могла убить первого попавшегося представителя тухума убийцы. Как мы уже отмечали выше, сам убийца должен был выйти в «къанлы» в какое-нибудь дальнее общество. У засулакских кумыков принято было уходить в Чечню, в Тарковское шамхальство, у южных кумыков — в даргинские или казикумукские общества. Убийца всегда находился под страхом возмездия, не мог свободно выходить на улицу, так как опасался тайной слежки потерпевшей стороны. В течение всего периода «къанлы» он не имел права брить голову, бороду, носить нарядную одежду и т. д. По истечении установленного срока изгнания (5—10 лет) его тухум ходатайствовал перед

⁵⁰ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 286.

⁵¹ Н. Петухов. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867, № 12.

родом убитого о разрешении ему вернуться домой. Джамаат снова добивался организации примирения, на этот раз окончательного. Просьба о примирении обычно приурочивалась к какому-нибудь религиозному празднику, посту, когда верующие легче соглашались простить нанесенные обиды, считая это богоугодным делом. В отдельных случаях, чтобы получить согласие на примирение, возбуждалось не одно ходатайство и направлялась не одна депутация в дом убитого.

Обряд примирения у кумыков различных обществ различался в деталях. Каждое общество или район имели локальные особенности. Однако предписание роду убийцы идти в дом убитого с повинной и просить прощения было общим для всех обществ. Кумыки этот обычай примирения соблюдали со всей строгостью. Чем торжественнее организовывался обряд примирения с родом убитого, чем больше в нем участвовало людей, тем мягче оказывался прием кровников пострадавшим тухумом.

Чтобы придать как можно больше торжественности акту примирения, процессия направлялась по самой многолюдной центральной улице. Впереди шли почетные представители общества, за ними убийца и весь его тухум, охраняемый со всех сторон народом. Рядом вели оседланную лошадь, на которой лежали ружье и панцирь (в прежнее время), корову или быка, несли сахар, два метра шелковой материи, саван. Все это было компенсацией расходов на похороны убитого. Кроме того, убийца должен был от себя внести 100 руб. выкупа и, если позволяло состояние, сделать подарок матери и сестре убитого в виде материи на платье. Как убийца, так и весь его род должны были идти босиком, обнажив руки до локтей и ноги до колен, без головного убора и, приближаясь к дому покойника ползти на четвереньках. Среди родственников убийца выделялся отросшими волосами, одичавшим видом.

Акт примирения начинал сам убийца, который, подползая к матери убитого на четвереньках, с поникшей головой, просил о пощаде, выражал свою глубокую скорбь, а также готовность нести любое наказание, для чего и подставлял шею. Обращение убийцы именно к женщине-матери указывает на древность этого обычая, на былую первостепенную роль женщины. По преданиям кумыков, только мать могла отрезать прядь волос с головы убийцы, что означало предоставление кровнику права снять траур.

Этот обряд впоследствии (в XIX в.) стал исполнять брат, отец или другой родственник. Получив от матери ответ — «прощаю», «да простит бог», убийца так же подходил к каждому из родственников, соблюдая степень родства. То же самое повторяли все его родственники. После этого начиналось общее оплакивание умершего, особенно на женской половине.

В этот день никаких угощений не подавалось. На следующий день весь тухум покойника и все, кто участвовал в организации примирения, шли в дом убийцы, который обязан был подать богатое угощение и стоя обслуживать всех гостей. На таком приеме употреблялись и спиртные напитки. После организации общего примирения между двумя тухумами устанавливались самые близкие отношения, иногда даже более сердечные, чем кровнородственные. С этого времени представители двух тухумов называли друг друга «къан къардашлар» (кровные братья). Дружественные связи после примирения нередко закреплялись выдачей замуж девушки в пострадавший род.

Авторитет, честь своего тухума должны были постоянно поддерживать все члены тухума. Когда воспитательные меры воздействия не приводили к желаемым результатам, нарушителей норм поведения изгоняли из рода. Еще в XIX в. наблюдались факты удаления из тухума за неоднократно совершенные тяжелые преступления. Могли быть изгнаны как мужчины, так и женщины. Предавая свое решение гласности, тухум объявлял изгнание

мого «урлукъ аздыргъан» или «тухум аздыргъан» (опозоривший тухум, подорвавший авторитет тухума).

В тухуме, как уже отмечалось, не было социально-экономического равенства. С развитием феодальных отношений из тухума под видом «подорвавших авторитет» изгонялись бедняки, не имевшие возможности поддерживать обычай нового общества. Под видом родовой помощи богатая верхушка эксплуатировала своих сородичей, за их счет расширяла свое влияние.

Другим родовым пережитком, сохранившимся еще в XIX в., была система «тюсеов». В случаях, когда при убийстве, ранении, воровстве и т. д. потерпевший не мог обличить обвиняемого, он требовал от подозреваемого очистительной присяги со стороны определенного числа его родственников. Люди, принимавшие такую присягу вместе с обвиняемым, назывались тюсевами (тюс — цвет, раса, род). Подозреваемый, например, в убийстве должен был очиститься присягой 40 родственников-тюсеов. По данным Семенова, число тюсеов в случае убийства начиная с 30-х годов XIX в. уменьшается до 12 человек. Инициатором такого сокращения выступает князь Муса Уцмиев, служивший тогда главным кумыкским приставом⁵².

Число тюсеов, требуемых потерпевшей стороной, зависело от рода преступления, но не превышало 12 человек. Женщина не могла быть тюсевом. Тюсевы выбирались из рода обвиняемого по усмотрению обвинителя. Подозреваемый в преступлении, по обычаю, должен был первым принять очистительную присягу, а за ним — все его тюсевы. После этого обвиняемый признавался оправданным от предъявляемого обвинения.

К XIX в. порядок выдвижения тюсеов претерпел значительные изменения. В качестве тюсеов выступали не только родственники, но и совершенно посторонние люди, пользовавшиеся хорошей репутацией⁵³.

Обычное право кумыков до тонкостей предусматривало систему компенсаций — платы за различного рода уголовные преступления, личные обиды и т. д. За увечье в конце XIX в. существовала следующая такса: за увечье мизинца виновный должен был заплатить потерпевшему 10 руб., за увечье безымянного пальца — 20 руб., за увечье среднего пальца — 30 руб., за увечье указательного пальца — 40 руб., за увечье большого пальца — 50 руб., за полное увечье одной руки платили 100 руб., за увечье одного уха — 30 руб., а если увечье имело последствием глухоту — 50 руб., за выбитый зуб — 10 руб. и т. д.⁵⁴ Степень увечья чаще всего определялась по истечении времени, обычно через год. Тогда и устанавливалась материальная компенсация. С такой же тщательностью была выработана система штрафов, подробно описанная Семеновым⁵⁵.

Нормы обычного права кумыков подверглись значительному изменению после присоединения Кумыкской равнины к России, под влиянием общих законов Российской империи. Этому было положено начало учреждением ген. Ермоловым в 1819 г. в сел. Эндирей «Андреевского городского суда». Постепенно за проступки уголовного характера виновный стал отвечать не только перед потерпевшим, перед обществом, но и перед царской администрацией, перед государственной властью. Таким образом, на ады кумыков наложили свой отпечаток все пройденные ими исторические эпохи. С развитием общественно-экономической жизни они изменялись и дополнялись.

⁵² Н. Семенов. Указ. соч., стр. 290 (примеч.).

⁵³ Там же, стр. 327.

⁵⁴ Там же, стр. 294.

⁵⁵ Там же.

Институтом родового строя надо признать аталычество, которое, однако, к исследуемому периоду подверглось коренным изменениям и стало отражать феодальные отношения. В XIX в. аталычество (тюркск. ата — отец, лык — аффикс; аталычество — отцовство) было распространено главным образом среди князей и сала-узденей, которые видели в аталычестве средство усиления связей, расширения влияния, богатства. Ко времени рождения ребенка у князя или сала-узденя всегда имелись на примете семьи, в которые можно отдать на кормление и воспитание будущего младенца. Чем знатнее и богаче был бий или сала-уздень, тем больше обнаруживалось охотников взять его ребенка на воспитание. Глава семьи, принявший к себе чужого ребенка, назывался у кумыков «аталыкь». Первое время все обязанности по воспитанию ребенка лежали на женщине — «эмчек ана» (мать по кормлению), которая в случае необходимости должна была ради приемного сына отказать родному ребенку в своем молоке. Подростком мальчик поступал в распоряжение аталыка-мужчины, который обязан был научить его правилам поведения в обществе, военному искусству и т. д. Приемный сын постоянно вращался среди детей аталыка, которые называли его «эмчек кьардаш» (молочный брат). Девочку также учили ее будущим обязанностям, правилам поведения, рукоделию и т. д. В 14—15 лет воспитанник возвращался в дом родного отца. При этом аталык должен был подарить ему оружие, коня и т. д. Воспитатель, в свою очередь, получал в качестве вознаграждения земельный участок, скот, дорогое оружие и т. д. Со времени принятия ребенка на воспитание между двумя семьями устанавливались близкие отношения. Молодой князь или бий в случае ссоры с отцом или по какой-нибудь другой серьезной причине уходил жить к своему аталыку, который был обязан защищать интересы своего воспитанника, как свои собственные. Сохранилось много преданий о том, как уходили молодые князья или сала-уздени к своим аталыкам, как аталыки мирили их, возвращали домой или, наоборот, как аталыки вместе со своими воспитанниками враждовали с отцами последних.

Сала-уздень или простой уздень, принявший княжеского сына на воспитание, как правило, устраивал своего родного ребенка в другой семье, чаще всего отправлял в другое общество.

Кроме описанной формы аталычества, у кумыков, особенно у южных, практиковалась передача аталыкам девушек из княжеского рода перед выдачей их замуж. Этот вид аталычества назывался «баш эмчек» (взрослый, главный эмчек). В данном случае аталыком выступал весьма состоятельный уздень, способный организовать достойное для княжеского рода свадебное торжество и обеспечить княжну богатым приданым. За оказанные услуги бий в свою очередь вознаграждал аталыка. Этот вид аталычества, так же как и первый, способствовал росту авторитета феодала, укреплению его опоры среди состоятельной части общества, а что касается воспитателя, то он получал поддержку феодальной знати.

К XIX в. институт аталычества в былом значении не сохранился. Как об этом свидетельствует этнографический материал, усыновление в полном смысле этого слова практиковалось чаще всего в случае смерти родителей ребенка, когда крайне нужна была помощь посторонних. В этом случае сироту мог усыновить как родственник, так и посторонний человек. После смерти родителей сироты нередко продолжали воспитываться у родственников без усыновления.

Как у всех народов Дагестана, у кумыков широкое распространение имел институт гостеприимства — «кьонакьлыкь» (тюркск. кьонакь — гость, от глагола кьонмакь — остановиться, сесть, быть принятым, приютиться). Гость пользовался всеобщим вниманием и уважением. Хозяин дома, что бы в семье не случилось, какая бы беда ни постигла ее, должен

был одинаково радушно принимать гостей и проявлять о них всяческую заботу. «Гостю еду можешь не дать, а встречай радушно»,— гласит старинная народная поговорка. В устном народном творчестве содержится много преданий о том, как отдельные семьи, принимая гостей, особенно дальних, скрывали от них постигшие их несчастья, даже смерть члена семьи, создавали для них самую благоприятную обстановку, устраивали богатое угощение даже в том случае, когда в другой половине дома шло оплакивание умершего. В песне о легендарном народном герое Айгази есть места, характеризующие отношение кумыков к долгу гостеприимства. Айгази обращается к своей матери, мудрой, простой женщине, с вопросом, как ему быть с тремя неотложными задачами, которые он должен выполнить в течение одного и того же времени. В одну и ту же ночь он должен был убить своего кровного врага, отстоять любимую девушку, которую увозили князья, и в ту же ночь обязан был принять со всеми почестями приехавших к нему гостей. Мать ему советует принять гостей: «Врага ты можешь встретить каждый день. Если говорить о красавице, то найдется еще лучшая, а гостей, перешедших к тебе от отцов, ты обязан принять неотложно и достойно»,— говорит она.

Характеризуя гостеприимство у народов Дагестана, Дубровин писал: «Бедный горец старается предоставить приезжему точно такие же удобства, какие можно иметь у богатого; то, чего нет у него, он попросит у соседа или родственника, так что вам кажется, будто все горцы одинакового состояния... Гость полный хозяин в доме... За столом хозяин только и заботится о том, как бы лучше угостить своих гостей»⁵⁶. О святости обычая гостеприимства свидетельствует описанный Семеновым факт обеспечения горцем неприкосновенности врагу, убившему его брата и укrywшемуся в его доме в качестве гостя. Скрыв кровника от всех родственников, брат убитого ночью вывел его за аул, дал ему лошадь и сказал на прощание: «Теперь езжай куда хочешь, и больше никогда на глаза мне не попадайся, потому что я брат того, чью кровь ты пролил сегодня...»⁵⁷.

Состоятельные кумыки строили во дворе специальные помещения для гостей, где они могли бы удобно расположиться. Особенно большое значение придавали кумыки приему гостей из дальних мест, из других обществ. Это вызывалось взаимными интересами укрепления культурно-экономических связей, развитию которых препятствовала феодальная раздробленность Кумыкской равнины и всего Дагестана. Попадая в чужое общество, в чужое владение, кумык мог рассчитывать на помощь своего кунака, который всегда выступал в качестве покровителя и, когда требовали обстоятельства, выходил с оружием в руках сражаться за гостя, защищая его честь и достоинство. Для укрепления уз дружбы кунаки давали одинаковые имена детям. Через куначество, через экономические, культурные и брачные связи взаимно обогащалась материальная, а также духовная культура народов Дагестана и Кавказа в целом. С ликвидацией феодальной раздробленности в середине XIX в. и образованием централизованного управления в Дагестане куначество в некоторой степени теряет функцию покровительства. В смысле же оказания теплого приема проезжему, путнику и другим лицам, нуждающимся в покое, в устройстве на время и т. д., этот обычай продолжал сохраняться в полной мере и в последующий период. Если у приезжего было несколько кунаков, то один считался главным: приличие требовало, чтобы гость нанес первый визит именно ему. Это соблюдалось и после смерти хозяина— главы семьи. Чтобы не обременить семью своего первостепенного кунака, приезжий мог после визита к нему перейти к другому кунаку, оставляя, одна-

⁵⁶ Дубровин. Указ. соч., стр. 539.

⁵⁷ Н. Семенов. Обычай гостеприимства. «Терские ведомости», 1896, № 92.

ко, в первом доме свою бурку, башлык, кнут, седло и, если была возможность, лошадь. Обычай гостеприимства, как и другие древние обычаи (взаимопомощь, аталычество и т. д.), в XIX в. использовался феодальной верхушкой в эксплуататорских целях. «Выезды» феодалов и их нукеров в подвластные селения, богатое угощение, устраиваемое для них, разорительно сказывались на бюджете крестьянских хозяйств.

На общественную жизнь, на мировоззрение кумыкских крестьян сильное влияние оказывала религия — ислам, и не случайно большое место среди праздников занимали такие религиозные праздники, как «ураза байрам» (праздник после 30-дневного поста), «навруз байрам» (весенний праздник, приобретший потом религиозную окраску), «къурбан байрам» (праздник жертвоприношения скотом) и другие, сопровождавшиеся богатым угощением, обязательными визитами друг к другу и пр. В дни праздников никто не должен был работать в своем хозяйстве, а тем более выезжать в поле. Эти праздники были очень разорительны для крестьян, особенно праздник «къурбан байрам», когда верующие должны были приносить жертву мелким и крупным скотом. От этих праздников богатело только духовенство, которое получало значительную часть всех этих приношений.

В общественной жизни кумыков исследуемого периода значительную роль играли всевозможные состязания и игры молодежи, среди которых первое место занимали конно-спортивные игры, происходившие в торжественной обстановке. Конным спортом кумыки занимались с древних времен. Многие сказания повествуют о дружбе человека с конем, который спасает его от беды и преодолевает любые препятствия, о сложных упражнениях, делаемых джигитом на своем коне, чтобы заслужить руку любимой, и т. д. Конные скачки и иные соревнования на коне (преодоление препятствий и т. д.) приурочивались к свадьбе и другим значительным событиям. Они чаще всего проводились осенью и весной. Получившие приз на сельских скачках имели право участвовать в соревнованиях более широкого масштаба. Скачки с вручением победителям богатых призов устраивались иногда и феодальными владельцами (в день рождения, в день свадьбы и т. д.), а после присоединения Дагестана к России — по инициативе начальников округов, начальников Дагестанской и Терской областей в годовщину какого-нибудь знаменательного события или в день рождения или именин члена царствующего дома.

Играли также в мяч. Широкое распространение имела игра типа русской лапты, называвшаяся «къалакъ топ». С увлечением молодежь участвовала в соревнованиях по метанию камня. Зимой кумыкская молодежь увлекалась катаньем на лыжах и саниах. Кумыкские горные лыжи принадлежали к типу, широко распространенному на всем Кавказе, — для управления служили прикрепленные к ним ручки.

К числу культурных развлечений кумыков в прошлом можно отнести музыкальные вечера молодежи, которая в вечерние часы на улице или дома играла на агач-комузе, чонгуре. Музыка часто сопровождалась пением. Феодальный гнет, отсутствие школ и других культурно-просветительных учреждений, сплошная неграмотность — все это сковывало творческие способности народа, мешало правильно организовать не только его общественную жизнь и труд, но и культурный отдых.

Г Л А В А Ш Е С Т А Я

КУЛЬТУРА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В культурном отношении Кумыкия, как и весь Дагестан, в XIX и начале XX в. представляла собой отсталую окраину царской России. Слабое развитие экономики, наличие значительных пережитков патриархально-родовых отношений в быту, давление ислама на сознание масс, колониальная политика царского самодержавия обусловили низкий культурный уровень кумыков.

По данным переписи 1897 г., из 571 154 человек населения Дагестанской области общее число грамотных (на русском, арабском и других языках) составляло 52 826, т. е. 9,2%¹. Почти такая же картина наблюдалась и в районах расселения кумыков, находившихся в сравнительно лучшем экономическом положении. Так, по той же переписи, в Темир-Хан-Шуринском округе грамотность населения составляла 14,1%, в Кайтаго-Табасаранском — 6,1%, в сел. Маджалис (центр Кайтаго-Табасаранского округа) — 3,3%² и т. д.

Женщины почти поголовно были неграмотны. Процент грамотности среди женщин, по данным той же переписи, не превышал по области 1,74%³. Картина состояния народного образования становится еще более наглядной, если учесть, что основная масса грамотных состояла из людей, умеющих читать и писать только по-арабски или на родном языке, пользуясь арабским алфавитом.

Вплоть до 40-х годов XIX в. во всем Дагестане не было ни одной светской школы. В духовных же школах⁴, организованных повсеместно при мечетях, учение заключалось в умении разбираться в арабской азбуке, а затем и читать Коран, причем совершенно не требовалось понимание его содержания. Окончание чтения Корана означало окончание школы. Характеризуя примечетские школы Кайтаго-Табасаранского округа, П. Ф. Свидерский справедливо писал, что в них дети «продолжают изуче-

¹ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», 1897 г., Дагестанская область. СПб., 1905, стр. 1, 101.

² Там же, стр. 1.

³ Там же, стр. 4.

⁴ О религиозных школах в Дагестане см. А. К. Селимханов. К истории просвещения в Дагестане в XIX в. «Уч. зап. Дагестанского пед. ин-та», вып. 1, Махачкала, 1957, стр. 137—156.

ние Корана у муллы до 10 и даже 12 лет, за это время никаких собственно наук, даже самых элементарных, не проходят»⁵. Это же отмечал П. К. Услар. «Длинный ряд юношеских годов,— писал он,— проводят они в мусульманской школе — гнездилище мрачного изуверства, где по методу, придуманной с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать Коран, упражняются в начертании непонятных для них письмен»⁶. В этих школах совершенно не изучались не только основы общеобразовательных дисциплин, но даже и родная речь. Преподавали главным образом сельские муллы, большинство которых являлись весьма ограниченными, невежественными людьми, не имеющими представления о науке. В примечетских школах обучались и девочки. В большинстве случаев в школах такого типа практиковалось раздельное обучение мальчиков и девочек. Были случаи и совместного обучения, но тогда девочки и мальчики сидели отдельными рядами. В школах для девочек в отдельных случаях преподавали женщины, умеющие читать арабские тексты, но большей частью учителями были мужчины-муллы. Все же основной контингент учащихся составляли мальчики. В силу патриархально-феодалных пережитков подготовка из женщин мулл, кадиев, письмоводителей и других лиц, могущих участвовать в общественной жизни аула, не предусматривалась. Редко кто из девочек проходил «курс обучения» Корана до конца.

Кроме начальных религиозных школ описанного типа, кое-где в наиболее крупных селениях существовали средние конфессиональные (религиозные) школы, известные под названием «медресе». В эти школы могли поступать мальчики-подростки по окончании примечетской начальной школы. Кроме мусульманского богословия, которое преподавалось в широком плане, в медресе изучались арабский язык, арабская литература, логика, шариатское законоведение и, хотя поверхностно, арифметика, геометрия, астрономия и т. д. Учебные заведения типа медресе в Дагестане не получили большого распространения. Являясь школой повышенного типа, медресе готовили кадиев, мулл, членов суда, письмоводителей и т. д. Отдельные выпускники этих школ, систематически повышая свой общеобразовательный уровень, становились знатоками арабского языка. По мнению многих востоковедов, известное сочинение по древней истории Дагестана и Восточного Кавказа «Тарихи-Дербенд-наме», которое в начале XVIII в. проникло в библиотеки Парижа, Берлина и Петербурга и было переведено на разные языки, принадлежит перу ученого-арабиста из сел. Эндирей Мухаммед-Аваби Акташи. Полагают, что это произведение было написано автором на арабском языке в конце XVI в.⁷ Положительным явлением надо признать и приспособление арабской письменности к местным языкам, разработка, правда в более поздний период, такого алфавита на основе арабской графики, в котором учитывались некоторые фонетические особенности местных языков.

Однако такие факты в жизни кумыков были единичными и народ в целом был культурно отсталым и темным.

Реакционное духовенство, служившее интересам эксплуататорских классов, всячески препятствовало распространению грамотности на родном языке. Обучение арабской письменности и арабскому языку преследовало единственную цель — насаждение религиозного фанатизма. Духовенство распространяло главным образом литературу религиозного харак-

⁵ П. Ф. Свидерский. Кумыки. Материалы для антропологии Кавказа. СПб., 1898, стр. 47—48.

⁶ П. К. Услар. О распространении грамотности между горцами. ССРГ, вып. 3, 1870, стр. 4.

⁷ См. предисловие М. Алиханова-Аварского «Тарихи Дербенд-наме» (русс. перевод). Тифлис, 1898, стр. 9—15.

тера, которая отрицательно влияла на умственное развитие населения, на состояние культуры и искусства, отвлекала трудящиеся массы от классовой борьбы. «Число людей,— писал Услар о Дагестане,— действительно знающих по-арабски, конечно, составляет незначительный процент народонаселения, но тлетворное влияние изучения этого языка отзывается в целом на домашней жизни горцев, окутывает их от колыбели до могилы»⁸.

Присоединение Дагестана к России и установление прочных политических, экономических и культурных связей с великим русским народом, положило начало культурному подъему народов Дагестана, хотя этот подъем был очень медленным в условиях колониальной политики царизма.

Важным фактором развития культуры и просвещения было создание в Дагестане, в частности на территории расселения кумыков, русских школ, которые готовили образованных людей и из местных национальностей. Некоторые окончившие эти школы продолжали образование в средних и высших учебных заведениях центральной России и приносили с собой на родину прогрессивные идеи.

Первым русским учебным заведением в Дагестане вообще, на равнинной территории в частности, было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 г. С 1 июля 1877 г. оно было преобразовано в трехклассное городское училище⁹. 1 июля 1859 г. в Темир-Хан-Шуре была открыта первая частная женская школа, которая просуществовала до 1875 г. и была закрыта с созданием в городе мужской и женской прогимназий¹⁰. 16 мая 1861 г. в Темир-Хан-Шуре была открыта четырехклассная горская школа с пансионом на 65 мест для детей почетных фамилий северного и южного Дагестана и русских чиновников¹¹. Число учащихся этой школы к концу 1873 г. возросло до 144¹². В 1870 г. создается одноклассное «начальное училище грамотности и ремесел» в Порт-Петровске, а 14 ноября 1872 г. аналогичное училище открывается и в урочище Чир-юрт, населенном почти исключительно русскими отставными военнослужащими¹³. 14 сентября 1874 г. Темир-Хан-Шурина горская четырехклассная школа была реорганизована в прогимназию с пансионом на 60 чел. (45 — для детей почетных горцев Дагестанской области и 15 — для детей русских чиновников и офицеров)¹⁴. 24 мая 1864 г. там же было открыто женское училище «для бедных девиц всех сословий» с пансионом на 9 человек¹⁵. 1 сентября 1875 г. это училище было преобразовано в женскую прогимназию¹⁶. В 1880 г. прогимназия в Темир-Хан-Шуре была закрыта и вместо нее открыто реальное училище¹⁷.

Сравнительно с другими учебными заведениями Темир-Хан-Шурина реальное училище занимало лучшее положение как в смысле материальной базы, так и в смысле обеспеченности квалифицированными педагогическими кадрами. Кроме того, оно имело пансион и находилось в административном и культурном центре области. Это было наиболее значительное в то время среднее учебное заведение в Дагестане. В нем

⁸ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 4.

⁹ Е. Козубский. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие. «Дагестанский сборник», вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 198—199.

¹⁰ Там же, стр. 227—228.

¹¹ Е. Козубский. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. Темир-Хан-Шура, 1890, стр. 34.

¹² Там же, стр. 8—9.

¹³ Е. Козубский. К истории народного образования в Дагестанской области..., стр. 215.

¹⁴ Е. Козубский. Историческая записка..., стр. 34.

¹⁵ Е. Козубский. К истории народного образования в Дагестанской области..., стр. 226—227.

¹⁶ Там же, стр. 227.

¹⁷ Е. Козубский. Историческая записка..., стр. 79.

ежегодно обучалось примерно 275 человек. Это училище, несмотря на его сословный характер, сыграло большую роль в культурном развитии горцев Дагестана, оказало на них благотворное влияние. В стенах Темир-Хан-Шурина реального училища получили образование многие представители дореволюционной дагестанской интеллигенции: будущие учителя, врачи, юристы, инженеры и т. д.

Тяга к знаниям, к учебе в светских русских учебных заведениях заметно растет среди кумыков с конца XIX в. После крестьянской реформы в общественно-экономической жизни кумыков происходят значительные изменения, растет потребность в грамотных людях. Грамотные люди нужны были в сельском управлении, в создаваемых на местах судебных учреждениях, в торговле и т. д. Положительное влияние на создание школ в сельской местности оказывали города и постоянно растущие экономические связи кумыков с соседними русскими станицами, где школы начали возникать раньше.

Первой русской сельской школой для кумыкских детей (мальчиков) была Костековская начальная школа Хасавюртовского округа, основанная в 1874 г.¹⁸ В 1874 г. аксаевское сельское общество обращается к начальнику Терской области с ходатайством об открытии в селении начальной школы. Сельское общество строит на свои средства школьное здание и помещение под жилье учителей. В 1879 г., после четырехлетнего упорного труда жителей, Аксаевская начальная школа была открыта. 5 сентября 1880 г. открывается одноклассное «нормальное училище» в сел. Карабудахкент, закрытое по непонятным причинам в 1891 г.¹⁹

Стремление местных жителей к знаниям и борьба за открытие каждой школы отображены в статье И. Тучина «Сел. Аксай», помещенной в газете «Терские ведомости» (1876, № 3). «Прежде,— пишет он о русских школах,— открылись они в казачьих станицах, но потом и наши кумыки, вполне сочувствуя грамотности, не пожелали отстать от своих станичных кунаков, и вот сначала открылась школа в сел. Костек, Хасавюртовского округа. Затем Аксаевское общество, еще в 1874 году, через начальника округа, ходатайствовало у начальника области об отдаче в распоряжение общества места под сгоревшим казенным зданием для постройки здания школы»²⁰.

Однако создание общеобразовательных русских школ двигалось крайне медленно. По данным 1897 г., на территории расселения кумыков было всего лишь 10 школ²¹. Это были: 1) Кизлярское горское училище, основанное в 1877 г., с числом учащихся — 144 человека; 2) Хасавюртовское мужское двухклассное Министерства народного просвещения училище, основанное в 1881 г., с числом учащихся — 120 человек; 3) Хасавюртовское женское одноклассное Министерства народного просвещения училище, основанное в 1875 г., с числом учащихся — 58 человек; 4) Костековское одноклассное Министерства народного просвещения училище, основанное в 1874 г., с числом учащихся — 34 человека; 5) Аксаевское народное училище, основанное в 1879 г., с числом учащихся — 35 человек; 6) Чирюртовская слободская одноклассная школа, основанная в 1872 г., с числом учащихся — 30 человек (для детей русоких); 7) Темир-Хан-Шурина реальное училище, основанное в 1880 г., с 323 учащимися, при котором работали педагогические курсы; 8) Темир-Хан-Шурина жен-

¹⁸ «Статьи и заметки «Терских ведомостей» за 1875 г.». Владикавказ, 1876, стр. 1.

¹⁹ Е. Козубский. К истории народного образования в Дагестанской области... стр. 216—217.

²⁰ И. Тучин. Сел. Аксай. «Терские ведомости», 1876, № 3.

²¹ Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1897 г., стр. 328—329, приложение 2-е, стр. 34, 36—37; «Обзор Дагестанской области за 1897 г.», стр. 74—75.

ская семиклассная гимназия, основанная в 1875 г., со 162 учащимися; 9) Петровское городское трехклассное училище, основанное в 1897 г., потом реорганизованное в Николаевское высшее начальное училище с 121 учащимся, при котором функционировали учительские курсы; 10) Петровская городская начальная женская школа, основанная в 1897 г., с 57 учащимися. Как указывают их названия, почти все эти учебные заведения находились в городах, охватывая главным образом представителей городского населения. Только три из них (Чирюртовская, Аксаевская и Костиковская школы) находились в сельской местности.

Состояние народного образования в Дагестане к началу XX в. наглядно отразило в своем отчете «Общество просвещения туземцев-мусульман». «С того времени,— говорится здесь,— прошло 45 лет, и в течение этого, почти полувекового периода число народных школ в Дагестанской области в конце 1904 года достигло 19, из числа которых можно исключить 3 (Дешлагарскую, Озенскую и Чирюртовскую), как находящиеся в поселениях с почти исключительно русским населением»²². Во всех вышеперечисленных школах училось 492 дагестанца²³. Даже царская администрация вынуждена была констатировать неудовлетворительное состояние народного образования в Дагестане. Указывая на «общий низкий уровень экономического благополучия населения области», военный губернатор в своем отчете за 1907 г. писал: «Распространение народного просвещения среди населения округов, по недостатку средств, и в отчетном году достигло малых успехов, число школ в округах дошло лишь до 22, что на шестисоттысячное население, очевидно, слишком мало. Нужно притом заметить, что пять из этих начальных училищ находятся в местностях с русским населением»²⁴.

Начиная примерно с 1911 г., делается попытка к расширению сети учебных заведений, в том числе и школ в сельской местности. По данным 1915 г., в городах и районах расселения кумыков (без Хасавюртовского округа) насчитывалось 32 русских школы (не считая церковно-приходских). Было создано несколько новых школ и в сельской местности, в частности: Геллинское одноклассное училище, основанное в 1912 г., с 14 учащимися; Нижне-Дженгутаевское женское одноклассное училище, основанное в 1912 г., с 10 учащимися; Нижне-Дженгутаевское мужское одноклассное училище, основанное в 1908 г., с 30 учащимися; Ишкартинское двухклассное училище, основанное в 1900 г., с 60 учащимися (44 мальчика и 16 девочек); Карабудахкентское одноклассное училище, основанное в 1899 г.²⁵, с 30 учащимися; Эрпелинское одноклассное училище, основанное в 1913 г., с 12 учащимися (мальчиков — 10, девочек — 2); Таркинское одноклассное училище, основанное в 1913 г., с 16 учащимися; Кафыркумукское одноклассное училище, основанное в 1900 г., с 43 учащимися; Нижне-Казанищенское мужское одноклассное училище, основанное в 1911 г., с 27 учащимися; Нижне-Казанищенское женское одноклассное училище, основанное в 1912 г., с 18 учащимися; Верхне-Казанищенское одноклассное училище, основанное в 1913 г., с 16 учащимися (мальчиков — 12, девочек — 4); Маджалисское двухклассное училище, основанное в 1898 г., с 47 учащимися (мальчиков — 44, девочек — 3); Каякентское одноклассное училище, основанное в 1899 г., с 30 учащимися; Утемышское одноклассное училище, основанное в 1913 г., с 40 учащимися; Янгкентское одноклассное училище, основанное в 1915 г., с 30 учащими-

²² «Отчет о деятельности общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». Темир-Хан-Шура, 1907, стр. 6.

²³ Там же.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 67, л. 3.

²⁵ Первое Карабудахкентское двухклассное училище, созданное в 1880 г., было закрыто в 1891 г.

ся²⁶; Ново-Николаевское одноклассное училище, основанное в 1913 г., Прображенское одноклассное училище, основанное в 1905 г.; Царедаровское одноклассное училище, основанное в 1903 г. Последние три училища были созданы для детей переселенцев.

Как видно из приведенных данных, это были начальные (одноклассные и двухклассные) школы, в большинстве которых число учащихся не превышало 30—40 человек. Программа одноклассных начальных училищ предусматривала прохождение лишь элементарного курса русского языка, арифметики, чистописания и черчения. В двухклассных училищах давались еще некоторые сведения по общей истории, естествознанию, географии²⁷. Во всех школах в обязательном порядке преподавался «закон божий».

Кроме школ в городах и сельских местностях, Дагестанская область имела около 40—45 казенных стипендий в пансионах Ставропольской гимназии и Бакинского и Владикавказского реальных училищ²⁸. Несколько дагестанцев, в том числе кумыков, обучалось в высших учебных заведениях Москвы, Петербурга и т. д.

Все эти учебные заведения были доступны в основном детям привилегированных сословий, а девочек в них были только единицы.

Царское самодержавие не ставило перед собой задачи поднять культурный уровень народов колониальных окраин, в том числе народов Дагестана. Царская администрация в Дагестане всячески препятствовала общественному и культурному развитию горцев, держала их в темноте и невежестве. К делу просвещения «туземцев» она допускала только те элементы, которые отвечали задаче укрепления ее колониального господства. На создаваемые в Дагестане школы царское правительство возлагало обязанность «воспитывать молодое подрастающее поколение в духе требований правительства»²⁹. Через эти школы оно проводило руссификаторскую политику, готовило различного рода «преданных» и «благонадежных» чиновников и офицеров «для равностной и полезной службы его величеству»³⁰. Поэтому все эти школы были сословными учебными заведениями, предназначенными для детей дворян, купцов и сельской буржуазии. Тяжесть же всей «просветительной» деятельности правительства в Дагестане ложилась на плечи трудового народа. Почти все затраты, связанные со строительством школьных зданий и содержанием школ, царская администрация возлагала на сельские общества; в большинстве мест школы работали в не приспособленных для занятий зданиях; из-за отсутствия помещений некоторые из них даже закрывались. Практиковалось создание одной школы для пяти-шести селений, которые должны были нести все затраты по ее содержанию, строительству зданий и т. д. Как было отмечено выше, в 1900 г. в сел. Кафыр-Кумух Темир-Хан-Шурина округа была открыта начальная школа. Здание этой школы строили на свои средства общества сел. Кафыр-Кумух, Халимбекаул, Нижнее и Верхнее Казаница и Буглен, которые и несли все расходы по ее содержанию. Эти общества неоднократно жаловались начальнику округа и военному губернатору на тяжесть сборов на содержание школы. К тому же из некоторых аулов в ней не училось ни одного человека. *

На рапорте от 19 ноября 1902 г. начальника округа, которому было направлено на заключение прошение жителей сел. Нижнее Казанице, хо-

²⁶ «Обзор Дагестанской области за 1915 г.», стр. 57—59.

²⁷ Л. Кругавин. Законы и справочные сведения по народному образованию. СПб., 1904, стр. 146.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 105, лл. 48—49; «Обзор Дагестанской области за 1892 г.», стр. 62.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, ф. 144, л. 1.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, ф. 10, л. 79.

дательствовавших об освобождении их общества от обязанности содержать школу, военный губернатор Дагестанской области князь Дадешкилиани наложил следующую резолюцию: «Такой богатый аул больше может расходовать на школу, поэтому просьбу казанищенцев оставляю без последствий»³¹. Некоторые общества, обремененные поборами, ходатайствовали даже о закрытии Кафыркумхуской школы.

Так выглядело школьное дело в дореволюционном Дагестане.

Однако русские учебные заведения, несмотря на свою малочисленность, сословность, независимо от русификаторской политики царизма и реакционных намерений ее проводников на местах, объективно сыграли положительную роль в истории просвещения всех народов Дагестана. Эти школы способствовали созданию национальной интеллигенции; в них дагестанцы, в том числе и кумыки, овладевали основами наук, приобщались к передовой русской культуре. Русские школы являлись одним из каналов, по которым протекало сближение русских с дагестанской молодежью. Прогрессивные люди из местной интеллигенции знакомились с передовой русской общественной мыслью, с идеями великих русских демократов главным образом через прогрессивно настроенную часть русской интеллигенции в Дагестане.

В этом отношении большая роль принадлежала учителям светских школ. В своем подавляющем большинстве это были неутомимые труженики, энтузиасты своего дела. Передовые русские учителя с любовью относились к учащимся-горцам и, несмотря на огромные трудности работы в условиях общей отсталости и колониального режима в Дагестане, терпеливо и настойчиво насаждали неуязвимые зародыши просвещения, боролись за то, чтобы в каждый дагестанский аул, как писал дагестанский просветитель начала XX в. С. Габиев, «заглянул великий дух Руссо, Песталлюци, Амоса Коменского, Ушинского, Широкова и других достойнейших глубокого почитания истинных педагогов»³².

В дореволюционных школах начали свою педагогическую деятельность и отдельные представители кумыкской интеллигенции, принимавшие затем активное участие в создании первых советских школ,— А. К. Салимханов, ныне заслуженный учитель Дагестанской АССР, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой Дагестанского государственного женского педагогического института, М. Темирханов, заслуженный учитель Дагестанской АССР, А. Исаев, Алиев и др. В них получили образование и крупнейшие дагестанские революционеры У. Буйнакский, М. Дахадаев, С. С. Казбеков, Д. Курмасов, С. Абдулгалимов, М.-М. Хизроев, С. Габиев, Г. Сандов и многие другие.

Как мы уже отмечали, во всех селениях Дагестана, в том числе кумыкских, функционировали примечетские арабские школы. Влияние этих школ на массы было несравненно большим, чем влияние малочисленных русских школ. В 1913 г., например, по одному только Темир-Хан-Шуриинскому округу числилось 83 примечетских школы с числом учащихся 1220 человек³³, в то время как русских школ по области (вместе с городами) в том же году числилось 84³⁴.

В начале XX в. под влиянием некоторых представителей формирующейся кумыкской интеллигенции, получивших образование в Казани, Константинополе и других городах, в отдельных селениях начинают создаваться так называемые повометодные школы (мектеб). Это была попытка совершить реформу старой религиозной школы, реформу, которая несколь-

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 144, л. 34.

³² «Заря Дагестана», СПб., 1912, № 7.

³³ «Обзор Дагестанской области за 1913 г.», стр. 60.

³⁴ Там же, стр. 57—58.

ко ранее проводилась в Турции, в Крыму. Первая новометодная школа у кумыков возникла в 1903 г. в сел. Карабудахкент. Потом были организованы школы такого типа в селениях Казаници, Халимбек-аул, Дженгутай, Дургели, Какаштура, Султан-Янги-юрт, Гелли, Паравул³⁵, Аксай и др. Наряду с обучением арабской грамоте и чтением Корана учащиеся этих школ изучали турецкий язык и его грамматику, четыре действия арифметики³⁶. Как сообщают представители старшего поколения кумыков, в некоторых новометодных школах повышенного типа, помимо турецкого языка, турецкой грамматики и арифметики, изучались география и история. Несколько отличались новометодные школы, расположенные в городах Темир-Хан-Шуре и Петровске. В Темир-Хан-Шуре, например, в 1913 г. существовали две новометодные школы: Новометодная школа Общества туземцев-мусульман Дагестанской области и Новометодная русско-персидская школа «меджидие»³⁷.

По данным полицмейстера, г. Темир-Хан-Шуры, в школе «Общества туземцев-мусульман» преподавались: на русском языке — русский язык, арифметика, геометрия, русская история, естественная история, география, законоведение и на местном языке — «татарский» язык, мусульманское вероучение (закон божий) и арабский язык³⁸. Программа первой школы, по сведениям того же полицмейстера, приравнивалась к программам сельских начальных школ Министерства просвещения. Почти то же самое изучалось в русско-персидской, вернее русско-азербайджанской школе. Новометодные школы выписывали учебники из Москвы, Петербурга, Риги, Казани, Бахчисарая, Баку.

Новометодные школы не получили большого распространения. Эти школы страдали большими недостатками. Существовавшие в сельских местностях школы такого типа вовсе не имели программ и учебного плана, не придерживались определенной системы обучения. Большинство учителей работало «без подготовки, не имея никакого образовательного ценза»³⁹. В этих школах не изучался родной язык, а вместо него преподавался турецкий или татарский язык по выписанным из Турции, Крыма или Казани учебникам. В отдельных школах, хотя и называемых новометодными или школами нового типа, преподавание велось исключительно на арабском языке⁴⁰, т. е. эти школы мало чем отличались от обычных примечетских школ.

Таково было положение народного просвещения в Дагестане, в частности и у кумыков, до Великой Октябрьской социалистической революции. Царское правительство всячески препятствовало развитию в Дагестане сети культурно-просветительных учреждений. Работавшие в то время в Дагестане русские прогрессивные деятели неоднократно обращали внимание на культурную отсталость края, указывали на необходимость расширения сети школ, привлечения в них девочек и т. д. За открытие каждой школы настойчиво вела борьбу и прогрессивная часть дагестанской дореволюционной интеллигенции. Борясь за просвещение народа, она призывала к обучению детей грамоте на родном языке, ссылаясь при этом на высказывания великих педагогов России и всего мира. В этом отношении большое значение имела газета «Заря Дагестана», издававшаяся в Петербурге с февраля 1912 г. С. И. Габиевым.

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 143, л. 10; там же, д. 148, л. 51.

³⁶ Там же, д. 143, лл. 9, 23.

³⁷ Как видно из предметов преподавания, это была русско-азербайджанская, а не русско-персидская школа.

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 148, лл. 12—13.

³⁹ Там же, д. 143, л. 9.

⁴⁰ Там же.

2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Кумыкский народ располагает прекрасными произведениями устно-поэтического творчества, созданными как в прошлом, так и в советскую эпоху. Фольклор кумыков дооктябрьского периода — это культурное наследие, имеющее не только большую историко-познавательную ценность, но и важное художественно-эстетическое воспитательное значение.

В устно-поэтическом творчестве кумыков одно из центральных мест занимают эпические песни «йырлар» (йыры) или иногда «батыр эрлени йырлары» (песни о героях), которые часто исполняются с музыкальным сопровождением. В них отражаются подвиги отважных людей, думы и чаяния народа о лучшем будущем, его борьба против социальной несправедливости, ненависть трудящихся масс к своим угнетателям. Эти идеи и определяют народный характер песен, их прогрессивное значение. Впрочем, наряду с подлинно народными героическими йырами, воспевающими подвиг трудового народа, его борьбу за справедливую жизнь, встречались и йыры, отвечающие интересам эксплуататоров — биев, баев, мулл и т. д. Однако такие произведения не были популярными и быстро забывались.

Некоторые из эпических произведений, такие, как «Мункуллу», «Эльдаруш», «Карт-кожак и Максуман» и другие, относятся к глубокой древности. «Карт-кожак и Максуман», например, отражает доклассовые формы общественных отношений, а именно эпоху матриархата.

Зародившись в эпоху родового строя, эти произведения не остались неизменными. Часть из них дошла до наших дней с значительной переработкой, в разнообразных вариантах. Многие же эпические йыры возникли в феодальную эпоху.

Эпические произведения кумыков, как говорилось выше, в основном имеют стихотворную форму. Встречается и смешанная форма — чередование прозы и стихов. Прозаические отрывки, как правило, используются сказителями или певцами для пояснения отдельных поступков героя эпоса. Иногда эпос начинается с прозаического вступления. Все эти прозаические отступления, встречающиеся во многих произведениях кумыкской традиционной поэзии, думается, можно рассматривать как результат позднейшего разложения стиха. вполне возможно, что кумыки имели когда-то в прошлом более значительные по своему объему произведения эпоса в виде поэм. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что кумыки как народность сформировались в результате смешения пришлых кочевых тюркоязычных племен (болгар, кыпчаков и других) с древним оседлым иноязычным населением прибрежной полосы Дагестана. Очень может быть, что отдельные эпические произведения кумыков, которые мы склонны рассматривать как фрагменты больших памятников народного творчества, занесены сюда кыпчаками и другими кочевниками-тюрками. В последующий период эти произведения могли не сохраниться в полном, первоначальном варианте и дойти до нас в несколько измененном, сокращенном виде, в отрывках.

Из многочисленных памятников эпической поэзии прежде всего заслуживает внимания, как самое древнее из дошедших до нас, нартское сказание о Карт-кожаке и Максуман. Это произведение записано известными кумыкскими писателями и собирателями фольклора А.-П. Салаватовым и А. Аджаматовым⁴¹ в нескольких вариантах и все варианты сочетают стихи и прозу.

⁴¹ См. «Чечеклер». Альманах кумыкской литературы (кумыкск. яз.). Махачкала, 1939, стр. 269—271; рук. фонд. ИИЯЛ Дагфизлиала АН СССР, д. 252, стр. 1—10.

Вкратце содержание этого сказания таково⁴²: Максуман — отважная дочь старого оружейника, единственная сестра сорока нартов. Она владеет большими табунами лошадей и одна охраняет их в поле. Братья пытаются отнять у нее табуны, но безуспешно. Тогда они прибегают к помощи прославленного героя Карт-кожака, который случайно попадает к ним во время пира. Кожак угоняет табуны Максуман во время ее сна. Девушка просыпается и догоняет Кожак. В сражении побеждает Максуман. Оскорбленный Карт-кожак готовится мстить противнику, не зная, что он имеет дело с девушкой. Он заказывает лук и стрелы самого лучшего качества у прославленного мастера. Мастер ставит условие: он изготовит лук и стрелы, если герой для этого даст целый год срока. Мастер не знает, что оружие нужно Кожаку для сражения с Максуман. Кожак вынужден согласиться, но в течение этого времени не покидает мастера. Получив оружие, герой направляется к Максуман. Снова начинается сражение, по на этот раз Максуман признает Карт-кожака достойным себя женихом.

Стихотворная форма изложения событий начинается с пира нартов, с того момента, как к ним случайно попал Карт-кожак.

Пошел в поле охотиться (за добычей) Карт-кожак,
На поляне увидел он пирующих 40 нартов,
Прямо направился туда и приветствовал их как герой.
Старший из нартов принял салам храбреца
И передал ему свой медовый бокал.

Братья спрашивают гостя, кто он, как его имя. Карт-кожак отвечает, что он никем не побежденный «батыр» (богатырь). Тогда нарты дают ему задание:

Вдоль узкого арыка,
Возле терновой рощи,
Напротив ореховой поляны,
На зеленом лугу,
Лежит, жуя жвачку, табун Максуман.
Если ты храбрый, пригони-ка его сюда.

Карт-кожак отвечает не сразу. Ему не по душе такое предложение, хотя он этого внешне не показывает. Однако он седлает коня и направляется к Максуман. Вот та самая поляна, вот и табун. Но не видно хозяина (Карт-кожак думает, что хозяин — мужчина), а батыр — рыцарь, поэтому он стремится встретиться с неприятелем. Здесь очень хорошо показаны благородные черты героя.

Раз обошел он табуны — не нашел хозяина.
Еще раз обошел табуны — не нашел хозяина.
Третий раз он нашел его
И обратился с приветом,
Но хозяин табуна спал, не откликнулся на приветствие.
Неприятие салама не поправилось Кожаку,
Он открыто угнал табуны.

Забегая вперед, отметим, что это качество Кожак проявляет во время его встречи с Максуман. На вопрос бросившейся в погоню Максуман, кто он, почему уводит табуны, противник отвечает, что он «тот, который

⁴² Один из вариантов этого сказания опубликован в антологии кумыкской поэзии «Сокровищница песен кумыков» (кумыкск. яз.), Махачкала, 1959, стр. 55—57. Мы здесь пользуемся еще одним, новым вариантом, записанным 15 августа 1958 г. в сел. Андрей-аул Хасавюртовского района у колхозника Мисирхана Эльдерханова (1898 г. рожд.).

не погасит светильник в доме друзей. тот, который, однажды потушив огонь в очаге врага, снова его не зажжет».

Сказочна и роль одного из коней Максуман. Это чудесный аргамак, помощник ее и спаситель. Аргамаку удается отстать от табуна и быстро прибежать к своей хозяйке:

Он зовет ее как отец,
Будит как сестру:
— Вставай же ты, Максуман, вставай,
Смотри, угнали табуны!

Догнав Карт-кожака на полпути, Максуман обращается к нему с требованием оставить табуны и расстаться мирно, причем девушка внешне сохраняет спокойствие. Но суровый противник не хочет слушать ее и отвечает в очень дерзком тоне. Тогда гордая и отважная Максуман вызывает его на поединок.

Не торопись, нельзя так поступать.
Погоди, проверим, кто из нас старше.
Давай здесь бросим жребий.
Кто вытянет жребий, тот пустит стрелу первым,
Кто не вытянет, тот станет полубоком.

В другом варианте о жребии не упоминается, а указывается лишь на старшинство:

Если ты действительно батыр Карт-кожак,
Постой, проверим, кто из нас старше.
Пусть молодой даст возможность старшему
Удобно стать и стрелять первым.

Тут же выясняется, что Кожяку 35 лет, а Максуман — 15. По праву старшинства или по жребию первым стреляет Карт-кожак, но стрела пролетает мимо противника. Карт-кожак огорчен. Но Максуман жалеет батыра и не хочет убивать его.

Если убью коня, будет пища для ворон,
Если убью тебя, будет несчастна твоя старуха-мать,—

говорит она, убивая его коня и отпуская невредимым побежденного противника. Во всех вариантах этого сказания народ рисует героический образ девушки Максуман, славит ее как героя, наделяет лучшими человеческими качествами, умом, отвагой, выносливостью, гуманностью.

В сказании несомненно видны отголоски матриархальных порядков, когда женщина играла важнейшую роль в общественном производстве. Наряду с этим здесь отражается и борьба мужчин против прав женщины, борьба за новое разделение труда, по которому преимущественной отраслью женского труда становится домашнее хозяйство. О наличии матриархального начала свидетельствует и форма бракосочетания героев — не Кожак просит руки Максуман, как принято в обществе с патриархальными порядками, а она, Максуман, заявляет в категорической форме, что «выходит за него замуж» — брак заключается по инициативе женщины.

Художественную особенность йыра о Карт-кожаке и Максуман составляют ярко выраженный сюжет, динамичность действия, правдивое описание природы, быта, персонажей, хотя произведение и не лишено элементов фантастики и гиперболы.

Другим, не менее популярным эпическим произведением кумысов является йыр о Мункуллу. Герой этого произведения родом из Эндирей. Оставив отца, род, а также нареченную с пятилетнего возраста невесту, он уходит в детстве в степь. Проявляя огромное трудолюбие, отказывая себе во всем, он разводит там стадо овец и один охраняет его. Сторожить отару помогают ему три овчарки — единственные его друзья в безлюдной степи. Но Мункуллу недолго наслаждается плодами своего многолетнего труда. Кочевники-калмыки делают попытки угнать его отару. Как-то раз к нему приходит в гости незнакомец. Скрывая свои намерения, «гость» уговаривает Мункуллу съездить к отцу и повидаться с нареченной. Поручив охрану отары своим помощникам-овчаркам, Мункуллу на три дня уезжает в Эндирей. Воспользовавшись его отсутствием, калмыки угощают стадо и убивают овчарок. Мункуллу узнает от своей нареченной (она представлена ясновидящей), что его стадо угнано. Немедленно он отправляется в степь. В сражении с врагами юноша проявляет необыкновенную отвагу. Несмотря на численное превосходство врагов, он их побеждает, но остается один из неприятелей, которому удается смертельно ранить Мункуллу. Верный друг юноши — овчарка спешит сообщить любимой девушке героя о случившейся беде. Девушка бежит в степь и у тела любимого кончает жизнь самоубийством.

Это произведение записано кумыкским писателем. А. Аджаматовым в четырех вариантах и все они имеют в основном стихотворную форму⁴³.

Йыр о Мункуллу свидетельствует о большой роли скотоводства в хозяйственной жизни народа. Жизнь Мункуллу ничем не отличается от жизни типичного кочевника. Но его отец — оседлый крестьянин, он живет в Эндирее и против того, что сын ведет кочевой образ жизни. В целом йыр о Мункуллу отражает народный идеал мужества и героизма. Он выделяется богатой лексикой, жизненно правдивыми картинками, хотя многие реалистические детали быта переплетаются с фантастикой.

В кумыкских эпических песнях большое место занимает тема защиты родной земли, защиты общественных интересов народа. В этом отношении очень показательна песня об Абдулле⁴⁴. В ней показана борьба народа против иноземных захватчиков. В песне не говорится, о каких именно завоевателях идет речь. Ясно, однако, что в основе этого произведения лежит исторический факт, глубоко запечатлевшийся в сознании народа. Как и во многих других эпических йырах кумыков, в центре этой песни стоит носитель народных идеалов, отважный герой, борец за свободу и независимость родной земли. В лице друга героя, его матери, хорошо отражен характер народа, его мужество, выносливость. Мать героя не только умная и горячо любящая свой народ женщина. В йыре она наделена также большой властью над сыном, правом распоряжаться его судьбой. Она не только посылает большого сына в бой с врагом, но и требует от умирающего юноши, чтобы тот до последнего вздоха был мужественным, соблюдал строгие нравы своего народа.

Одной из центральных тем героических йыров является тема борьбы против социальной несправедливости, борьбы против феодалов.

Среди многочисленных песен, отражающих борьбу народов против феодальной верхушки, особой популярностью пользуется песня Айгази. В основу этой песни положено сказание народа о легендарном герое Айгази, защитнике бедноты и борце за счастье своего народа. Песня повествует о том, как Айгази еще грудным ребенком лишается отца, которого как «бунтовщика» убивают бии, и как, будучи юношей, он беспощаден к вра-

⁴³ См. рук. фонд ИИЯЛ Дагфильмала АН СССР, д. 252. Один из вариантов йыра опубликован в «Сокровищнице песен кумыков», стр. 49—54.

⁴⁴ См. сб. «Чечеклер», стр. 271—272.

гам-феодалам, мстит им за смерть отца и за страдания родного народа. В этой борьбе в качестве наставницы выступает и мать Айгази — истинная дочь своего народа. Отважный Айгази вместе со своими товарищами держит в постоянной тревоге бийскую знать, нападает на нее. В одной из таких схваток юноша расправляется с главным своим врагом — убийцей отца, притеснителем народа. Айгази увозит из княжеского дома и свою возлюбленную, на которой намеревался насильственно жениться один из биев.

Слушай, моя красавица, я пришел за тобой.

Я узнал, что тебя увезли трусы-бии.

Где теперь их герой, чтобы оказать мне сопротивление?

Выходи, моя красавица, увезу тебя, а с биями я разделяюсь как надо⁴⁵ —

говорит Айгази.

Никто не оказывает сопротивления юноше, что лишний раз доказывает трусость биев.

В советский период известный кумыкский драматург А. П. Салаватов на основе устного сказания об Айгази написал одноименную, ныне очень популярную пьесу.

Свободолюбивые тенденции, думы народа о справедливой, счастливой жизни, его борьбу против социального неравенства, очень ярко характеризуют и так называемые «къзаакъ йырлар», на что было обращено внимание еще Н. С. Семеновым⁴⁶. Эти йыры хорошо проанализированы кумыкским писателем, исследователем и критиком К. Д. Султановым в статье «Фольклор и классики»⁴⁷. Как отмечает К. Султанов, в своем большинстве они представляют собой небольшие героические песни. Часть из них известна под названием «къанна къзаакъ йырлар» (короткие казакские песни). Однако среди къзаакъ йыров встречаются и сравнительно крупные произведения с развитой сюжетной линией. Внимательное ознакомление с наиболее значительными по своему объему произведениями этого цикла дает основание предполагать, что многие из них являются частями существовавших прежде больших поэм, дошедших до нас лишь в отрывках.

Эти йыры, как и другие произведения, характерные для эпохи феодализма, ярко отражают борьбу угнетенных масс против социальной несправедливости, против феодального засилия. В них воспеваются богатырские подвиги, свободолюбие и другие лучшие моральные качества:

Речь героя прямодушна и чиста.

Ложью, лестью он не осквернит уста.

Боевая не страшна ему гроза.

Лютой смерти смотрит прямо он в глаза⁴⁸.

В йырах этого цикла батырам нередко противопоставляются имущие трусы-бии, их действия показаны психологически очень верно, с тонким юмором.

В этом отношении характерна следующая песня:

Кругом тишина —

Трусы шумят.

Грохочет война —

Трусы молчат.

Свадьба идет —

⁴⁵ Там же, стр. 281—283.

⁴⁶ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 349—350.

⁴⁷ См. сб. «Литературный Дагестан», Махачкала, 1947.

⁴⁸ «Поэзия народов Дагестана». Махачкала, 1954, стр. 85.

Трусy вперед.
 Кличут поход —
 Трусy назад.
 Пьют да едят —
 Трусy красны.
 Стрелы летят —
 Трусy бледны.
 Трус говорит:
 Я, мол, герой.
 Битва гремит —
 Он за горой.
 Кругом тишина —
 Трусy шумят.
 Грохочет война —
 Трусy молчат ⁴⁹.

Къзакъ йыры почти всегда кончаются моральной победой батыров — бескорыстных, честных, скромных и рассудительных людей.

В къзакъ йырах, так же как и в других произведениях фольклора кумыков, встречаются элементы идеализации прошлого, воспевание отдельных пережиточных явлений, старых адатов и т. д. Но в большинстве героических йыров воспевается народный идеал мужества, борьба крестьянских масс против феодального гнета, против социального неравенства в кумыкском обществе.

В устном творчестве кумыков имеется много героических песен, относящихся к более позднему периоду. В их основе лежат уже хорошо известные исторические факты, подвиги героев, имена которых сохранились в народной памяти.

Таковы песня о завоевателе Надир-шахе (сохранилась в отрывках), «Песня о селении Башлы», «Письмо из Турции», «Песня об Аксаевском Дели Османе», «Песня об Абий-батыре», «Песня о Хаджи-Мурате» и многие другие. В основном эти песни, за исключением некоторых, в том числе песни о Надир-шахе, отражают события XIX в., борьбу крестьянских масс с местной феодальной знатью и царскими колонизаторами. Фонд исторических песен значительно обогатился за счет новых песен, созданных народом в годы Советской власти, социалистического строительства.

В сокровищнице поэтического творчества кумыков весьма значительное место занимает обрядовая поэзия. Она делится на свадебные песни — «гъалалайлар», «сюйдюм-таякъ», «боза йыр», колыбельные песни — «бешик йырлар», песни-прочитания — «яслар», «ваягълар», урожайные песни — «гъалилай-гъайвайлар», культовые песни — «гъоссай» и «земире» и др. Некоторые из этих песен, в частности культовые, очень древнего происхождения. В своей основной части они уже забыты, хотя неплохо сохранились их мелодии. Кстати сказать, каждый из видов обрядовых песен имеет свою особую мелодию.

Свадебные песни, как уже отмечалось, были в основном величальными. Они исполнялись женским хором.

Песня «боза йыр» исполнялась на свадьбе мужским хором во время свадебного шествия с невестой или после ее прибытия в дом жениха. Исполняя песню, участники хора держали в руках роги — «къартыкъ», наполненные напитком «боза» (буза), отчего и песня называлась «боза йыр». Боза йыр исполнялась не только на свадьбе, но и в обычной обстановке. В прошлом каждая семья сама варила бузу для своих нужд. Узнав,

⁴⁹ Песня переведена Н. Гребневым. См. сб. «Из дагестанской народной лирики» стр. 53.

что в каком-нибудь доме имеется свежая буза, мужчины отправлялись туда с пением боза йыр. Хозяин дома, в свою очередь, мог спеть бозу йыр, принимая гостей.

Укладывая детей спать, кумычки пели им колыбельные песни, которые назывались «бешик йырлар», «къакъкъакълар» или «лайла». Каждая мать обычно сама сочиняла их сообразно со своими желаниями, стремлениями, переживаниями. Были и общеизвестные песни, которые пели молодые женщины-матери. Вот одна из таких песен, записанная нами в сел. Башлыкент Каякентского района:

То ли с дуба, то ли с клена,
Кра-кра-кра,— кричит воропа.
Возле мельницы труба.
А под нею — желоба.
Это чей желобок?

Бьякая желобок.

— Бьякай, куда идешь?

— К пасечнику, кушать мед.

— Бьякай, когда придешь?

— Подожду, зима пройдет.

— Бьякай, зима длинна.

— Все равно пройдет она.

Подрастут к весне ребята,

Станут утками утята,

Утки крикнут,

Гуси гагагнут,

Всех утят и всех гусят,

Отдадим мы Айзанат⁵⁰

В колыбельных песнях женщины жалуются на свою горькую судьбу, бедность, общественное и семейное бесправие⁵¹.

«Ясы» или «ваягы» исполнялись при оплакивании покойника. Они занимают большое место в устно-поэтическом творчестве народа. Как известно, у кумыков оплакивание умершего продолжалось пять дней. В течение этого времени с небольшими перерывами исполнялись ясы. Отдельные образцы уже готовых, наиболее распространенных ясов должна была знать каждая женщина, независимо от возраста и состояния. Имелись, однако, настоящие профессиональные мастерицы, обладавшие прекрасными голосами и умевшие импровизировать и петь эти песни. Темы песни старались брать прежде всего из жизни покойника. Наряду с воспеванием достоинств покойника делались иногда и упреки покойнику, особенно в том случае, если он умер не своей смертью, а дал себя убить. При этом убийца осыпался проклятиями.

Ясы-причитания являются важнейшим источником и для характеристики положения трудящихся, особенно женщин, в исследуемое время. В основном эти песни одиннадцатисложные и рифмованные, богатые изобразительными средствами. Пользуясь различными поэтическими приемами для характеристики событий из жизни умершего, его семьи и т. д., плакальщица-профессионалка усиливает душевные переживания участвующих в трауре, вызывает всеобщее оплакивание покойника. Для характеристики ясов приведем отрывки из них.

⁵⁰ Песня переведена Н. Гребневым. См. сб. «Из дагестанской народной лирики», стр. 245—247.

⁵¹ См. С. С. III. Гаджиева. Общественное и семейное положение женщины-кумычки по данным фольклора дооктябрьского периода. СЭ, 1953. № 4, стр. 153—158.

Вот отрывок причитания женщины по случаю смерти одного из членов ее патронимии:

Из многочисленного рода моего отца,
От издавна несчастливого народа его
Был ли хоть один человек удачливым?
На наши головы посыпались камни,
На наш род и бог обрушился.
Был у моего отца отборный народ,
Подобно прекрасной крепости.
Теперь же мы поравнялись с землей
Подобно скошенной поляне крапивы.
Погибли и близкие нам люди, приходившие с гор и с равнины,
Ты тоже последовал их примеру,
Ушел по тому же пути.
Когда ангел Азраиль оседлает на небе коня,
Он только к нам знает дорогу.
И только к нам направляет свой взор.
Черная земля (потусторонний мир.— С. Г.)— пусть разорвется твое брюхо,
Смерть — да погаснет твой огонь.
Вы забрали всех моих родственников,
Не насытились, выпив нашу кровь.
Черная земля — мой кровный враг.
Все мои родственники-мужчины, способные носить колчан, повалились там
И женщины наши в молодом возрасте похоронены там⁵².

Родовые отношения и авторитет главы тухума хорошо отражены в следующем причитании женщины по поводу смерти старшего родственника:

Самый наш старший, сокровище наше,
Ты нам всем желал добра.
Когда мы бушевали, подобно морю,
Ты нам давал советы величиной с горы.
Когда мы теряли разум,
Ты всегда вмешивался, разделял наше горе.
Пусть сгинет все, что я берегла для тебя,
Пусть покроется плесенью то, что отложила для тебя,
Пусть провалятся теперь та тропинка, по которой ты ходил к нам,
Пусть у меня больше не будет того, что я посылала в подарок тебе.
Ты мое голубое море, куда устремлен мой взор,
Ты моя гора Асхар-тав, на которую я опиралась⁵³.

Эта песня, как нам представляется, могла быть сложена в более ранний период истории кумыков, хотя она использовалась плакальщицами и в XIX — начале XX в. В ней имеются отголоски былой большой власти главы тухума, его влияния на общественные дела, авторитета среди родственников, описываются обязанности членов рода по отношению к нему (выделение ему доли из продуктов питания, приношение подарков и т. д.).

Ясы, как уже было сказано, правдиво отражали жизнь того, кому они посвящались. При этом плакальщицы оплакивали не только умершего, но и того, кому эта смерть приносила особенно тяжелое горе.

Вот один куплет такого яса, обращенного к молодой вдове:

К закату солнца тебя привезли счастливую,
К восходу уже разрушился твой дом,
Дым твоего огня, поднимаясь по трубе,
Не успел даже поравняться с облаками⁵⁴.

⁵² Записано в 1958 г. у Умурзят Ахмедовой, сел. Башлыкент Каякентского района.

⁵³ Записано там же у той же сказительницы.

⁵⁴ Записано у той же сказительницы.

В плачах-присказках как нельзя лучше отражается положение женщины-труженицы. Известно, в какой большой нужде жила вдова, оставшаяся после смерти мужа с маленькими детьми. Многие из таких женщин, чтобы прокормить семью, одеть и обуть детей, самоотверженно трудились и, хотя жили в бедности, в мучениях, однако не показывали вида посторонним, скрывали свои невзгоды от злорадствующих недругов-баев. Изливая свое горе по поводу смерти такой женщины или же смерти воспитанного ею в трудных условиях ребенка, близкая родственница — плакальщица очень правдиво, с применением ярких изобразительных средств излагала в стихах основные этапы героической жизни умершей, характеризовала ее прекрасный образ.

Вот отрывок из такой песни, обращенной к женщине-вдове, у которой умерли все взрослые дети, воспитанные ею в трудных условиях феодальной Кумыкии.

Спина твоя служила тебе подводой,
Угол головного платка ты превратила в мешочек ⁵⁵,
Ты носила обувь из сыромятной кожи,
Поравнялась с недостойными твоего уважения людьми.
Ты стала рукавом для овчинной шубы,
Кто с тобой ласково обращался, тем ты душу отдавала,
Кто плохо обращался, от них шарахалась.
Ноги тебе служили конем,
Руки — служили кнутом.
Превратившись из молодой в старушку,
Превратив свой ясный взор в тусклый взгляд,
Постоянно трудясь,
Угнетая душу,
Чтобы не дать врагу знать о своем несчастье,
Чтобы и друзьям не доверять думы,
Ты не ложила спать и в ночное время.
Ты не знала отдыха, тем более днем.
Делая вид, что ты улыбаешься,
Внутренне скрипя зубами,
Ты выходила на улицу, как конь-аргамак,
А в дом возвращалась, подобно собаке с поломанным позвоночником.
Что ты видела, воспитав сирот?
Кусаешь теперь все десять пальцев сразу ⁵⁶.

В этой песне нарисован образ измученной нищетою, но очень волевой женщины. Она носит обувь из сыромятной кожи, чего обычно не делали состоятельные люди, ее платок превращен в мешочек для подаяний; она постоянно на ногах, у нее нет рабочего скота — она все носит на спине — и еду, и дрова. Молодая женщина состарилась от тяжелого труда. Чтобы недруги не злорадствовали, она выходит из дома бодро, с улыбкой, а возвращается домой подавленная горем и нищетою. Затем она лишается и своих детей. Остается одна. Но народ ее не забывает, в ней он видит образец выносливого, мужественного характера.

На таких примерах кумыки воспитывали потомство, способное бороться с любыми трудностями. В ясах нашли отражение исторические факты ⁵⁷ — защита родины, международные события, антифеодалная борьба.

⁵⁵ Осиротевшие дети, а часто и бедные женщины от односельчан получали в подание зерно.

⁵⁶ Записано у той же сказительницы Умурзиат Ахмедовой.

⁵⁷ Н. Семенов. Песня плакальщицы над телом убитого Султан-Мута. Указ соч., стр. 351—352; М. Афанасьев. Плач по погибшим героям, Плач невесты по погибшему жениху. СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1893, стр. 51—53.

Обрядовая поэзия, как мы отмечали выше, включает в себя культовые песни и песни весеннего праздника — навруз⁵⁸. Отдельные культовые песни нами описаны в разделе «Религиозные верования».

Несколько слов о песне, связанной с праздником весны — «навруз-бай-рам» (по-персидски — праздник нового дня). Навруз отмечался 22 марта. Наступление весны приносило народу большую радость. Первые теплые дни позволяли кумыкам выйти в поле, приступить к обработке земли, вывести скот на подножный корм и т. д. Поэтому начало весны отмечалось торжественным обрядом. В проведении этого праздника самое деятельное участие принимала молодежь.

Трудовые песни создавались в процессе труда и поэтому исполнялись в ритме трудовых операций. Самое большое место среди трудовых песен занимали песни, известные под названием «гъалилай-гъайвай». Они исполнялись женщинами как в пути, так и во время работы в поле. По форме и содержанию стихи «гъалилай-гъайвай» мало чем отличались от обычных частушек — «сарын». Мелодия их была, однако, совершенно иная, она отражала ритм трудового процесса: прополку полей, жатву хлебов и т. д.

Были и такие трудовые песни, которые исполнялись исключительно мужчинами, соответственно характеру их работы. Для примера приведем текст песни поговщика волов во время пахоты, переведенной на русский язык Н. Гребневым:

Ну-ка, черные, айда!

Эй, айда!

С вами, дьяволы, беда!

Айда, вога-харч!

С вами, дьяволы, беда.

Эй, айда!

Не крива ли борозда?

Айда, вога-харч!

На луга траву щипать,

Эй, айда!

Веселей, чем плуг таскать.

Айда, вога-харч!

Айда, борозда пряма!

Эй, айда!

Нас не кормят задарма.

Айда, вога-харч!

Всяк бедняк на вас похож

Эй, айда!

День попашешь — раз пожрешь.

Айда, вога-харч!

Айда, черные, айда!

Эй, айда!

Скоро будет вам еда!

Айда, вога-харч!⁵⁹

В песенном творчестве кумыков одно из основных мест занимают частушки «сарынлар» и «такъмакълар» — самый популярный раздел лирики.

⁵⁸ Название этого праздника — «навруз», — очевидно, появилось позже, и его можно объяснить влиянием ислама.

⁵⁹ См. сб. «Из дагестанской народной лирики», стр. 173—174.

Так же как и другие жанры устного творчества, кумыкские сарыны рисуют различные стороны жизни народа, положение отдельных слоев общества, их имущественно-правовые отношения: в них отразились думы и чаяния трудящихся масс, их любовь к родине, к родному народу, вера в торжество идей справедливости. Поэтому эти песни имеют большое историко-познавательное и воспитательное значение. В отличие от йыров, ясов, гылилаев и других, для исполнения которых требовались определенные навыки и голос, сарыны исполнялись каждым. Этим объясняется их широкое распространение.

Лирические песни имеют различные мелодии. Нередко одна и та же мелодия используется для различных текстов. Песни эти в основном четверостишие. В отдельных случаях первые две строки не имеют прямого отношения к главной идее песни. Среди лирических песен большое место занимают песни о любви. В них описываются чувства, яркими красками рисуются лучшие черты девушки или юноши, воспеваются их внешний облик, их красота, высокие моральные качества и т. д. Ради любимых герои преодолевают любые трудности, идут на любые жертвы. Любимая девушка часто сравнивается с драгоценным камнем (рубин, алмаз, жемчуг и т. д.), со струей родниковой воды, с солнцем, луной, высокой пальмой и т. д.

Любовная поэзия кумыков рисует, однако, не только эти стороны отношений любящих друг друга молодых людей. В них отражается также протест против патриархально-феодальных порядков в семье и обществе, против бесправия женщины, которую нередко выдавали замуж против воли, без любви, насильно. Девушка очень тяжело переживала ненавистный ей брак по расчету, который заключался по воле родителей⁶⁰. В кумыкских семьях были случаи выдачи замуж девушек за стариков. Сидя у камина одна или среди подруг, молодая невеста горько оплакивала свою тяжелую судьбу: «Если даже постелю себе постель на нескольких матрацах, все равно со стариком будут болеть бока».

Многие песни рисуют образы волевых юношей и девушек, смело защищающих свое право на счастье. Любящие друг друга молодые люди сами создают свое благополучие. «Батыр и красавица — украшение друг для друга. И пусть дом их будет стоять одиноким и на безводной горе, — они и тогда возмуг свою долю», — поется в кумыкских сарынах.

В кумыкских сарынах ярко отражается жалоба трудящихся на свое тяжелое положение, ненависть к феодальной знати и другим эксплуататорам. Вот некоторые стихи:

Давай сойдемся мы, оба бедняка.
Плечи мои согнулись от переметных сумок.
Наверное, есть где-нибудь наше счастье,
Покрытое плесенью.
Да будет проклята бедность,
Заставляющая в знойное лето копать марену!
.....
Я посеял просо на вершине горы,
Пусть взойдет густо на мое счастье.
Пусть будут уничтожены богачи,
Которые не выдают дочь за бедняка.

Тяжелая жизнь породила грустные песни о судьбе бедняка. Но бедняк настроен оптимистически: он надеется, что где-то есть его счастье,

⁶⁰ См. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч.

и просо, которое он посеял на неудобном поле, может дать хорошие всходы.

Оптимистическая настроенность, жизнеутверждающая сила особенно сильно звучат в шуточных песнях «такмакълар», в которых тема быта разработана юмористически.

Таким образом, песни — один из самых распространенных жанров устного творчества кумыкского народа. В них отражаются все стороны жизни кумыкского крестьянства, его труд, его нравственный облик, внутренний мир, любовь к народу и родине. Исследователь Кавказа Л. Лопатинский так характеризовал в свое время кумыкские песни: «В кумыкской песне отражается, как в зеркале, нравственный облик кумыка — рассудительного и наблюдательного, со строгими понятиями о чести и верности данному слову, отзывчивого к чужому горю, любящего свой край, но умеющего порой пошутить и повеселиться с товарищами»⁶¹.

Еще одним из популярных жанров устного творчества кумыков являются сказки и легенды — «емакълар» и «хабарлар». Они содержат богатый материал для изучения истории и этнографии народа. Отличаясь своей выразительной формой, сказки и легенды полно, в отдельных случаях до мелких деталей, отражают быт народа, его нравы, обычай и традиции, а также думы и чаяния угнетенных масс. По своему характеру эти произведения делятся на легенды, бытовые и юмористические сказки, сказки о животных и т. д.⁶² Большое место среди прозаических произведений кумыков занимают анекдоты. Все эти произведения проникнуты идеями умственного и нравственного воспитания, борьбы против социального неравенства, любовью к своему народу.

Значительное место в фольклоре кумыков занимают нартские сказания. Нартский эпос кумыки сохранили в стихотворной и прозаической формах.

В кумыкских сказаниях нарты рисуются богатырским племенем смелых, кумьных, отважных, добрых людей — охотников и скотоводов. Нарты живут вдали от людей либо в роскошных замках, либо в простых домах или даже в пещерах, причем в описании их жилищ можно отметить черты дагестанской архитектуры и дагестанского внутреннего убранства комнат. Нарты проводят большую часть своего времени на охоте, в разъездах, в пиршествах («Карт-кожак и Максуман», «Жена царя Салавара и нарты», «Езнай батыр», «Нарты и красавица» и др.). В большинстве сказаний нарты живут вместе, имеют общее хозяйство. Коллективный характер собственности проявляется, например, в общем владении большим домом, где живут вместе все сорок нартов, в наличии огромного размера котла с сорока ручками (когда один брат отсутствует, остальные не могут снять его с треножника или с цепи), общих табунов или отар и т. д. Иногда владения отдельных братьев расположены на расстоянии одного-трех дней пути. Передко общим имуществом распоряжается старший брат. В некоторых сказаниях говорится, что на попечении каждого брата находится сестра, но чаще упоминаются сорок братьев-нартов, имеющих одну красавицу-сестру.

Хотя в основном нарты в кумыкских сказаниях рисуются необыкновенно сильными и отважными людьми, иногда они оказываются слабее других людей. В сказке «Къара къыз» (Черная девушка) рассказывается, как к нартам попадает смелый юноша. Он замечает, что 39 нартов из-за того, что отсутствует один, сороковой по счету брат, не могут снять котел с огня. Тогда юноша отстраивает их и сам свободно снимает огромный ко-

⁶¹ Кумыкские тексты. СМОМПК, вып. 17, стр. 57.

⁶² См. сб. «Кумыкские народные сказки» (кумыкск. яз.). Сост. С. Ш. Гаджиева и Г. Б. Мусаханова. Махачкала, 1959.

тех с сорока ручками. В сказке «Кюлчю» юноша по имени Кюлчю, попав к нартам, узнает о постигшем их горе. Сестру сорока нартов похитило и унесло в пещеру семиголовое чудовище. Отважные нарты бессильны перед этим чудовищем. «Вот в эту пещеру унесло мою дочь чудовище, там она и живет, но мы ничего не можем сделать», — говорит мать нартов, изливая свое горе юноше. С помощью Кюлчю братьям удается освободить любимую сестру. «Кюлчю, — говорится в сказке, — берет меч и отрубает чудовищу все головы. Льется целая река крови». После этого нарты, безгранично благодарные за оказанную помощь, отдают за Кюлчю любимую единственную сестру. Нам думается, что такого рода произведения характеризуют более поздний период, период снижения культа воинской силы нартов. С другой стороны, надо учесть и то, что юноши, которые попадают к нартам, не простые люди, а отважные герои.

Кумыкский народ создал множество волшебных сказок, в которых наряду с основными героями действуют и различные фантастические персонажи — волшебные кони, олени, птицы и т. д. Они помогают героям совершать необычайно трудные подвиги, путешествия по далеким странам и т. д. В кумыкских сказках происходят чудесные превращения — змея, например, часто превращается в прекрасного юношу, лягушка или птица — в необычайно красивую девушку и т. д. («Иылан хан», «Аманат», «Одноглазый дев» и др.). Кумыкским волшебным сказкам свойственны высокохудожественная форма, выразительность образов и занимательность сюжета. В них главным образом показывается герой, который благодаря необыкновенному мужеству и находчивости всегда, несмотря на все трудности, выходит победителем («Кюлчю», «Аманат», «Салман-дерево», «Пестрый конь», «Митиш» и др.)⁶³. Герои сказок очень чутки к людям, заботливы. Чтобы защитить других, выручить их из беды, они жертвуют своими интересами, а когда требуют обстоятельства, не жалеют даже жизни. Таким образом, в волшебных сказках народ наделяет любимых героев чудесными чертами, насыщает повествование фантастикой. Все это отражает стремление народных масс к лучшей, справедливой жизни, к овладению силами природы, характеризует их помыслы.

Наряду с волшебными сказками, у кумыков весьма популярны сказки бытовые, сатирические и юмористические, в которых ярко звучат социальные мотивы. В этих сказках описан быт народа, семейные и общественные отношения, этические нормы поведения людей, труд и правовое положение женщины, и т. д.

Сержнем этих сказок является торжество справедливости над несправедливостью, добра над злом. В них сурово осуждаются нечестные, корыстолюбивые, жадные люди, несправедливость, болтливость, глупость и другие отрицательные черты. Очень характерны сказки «Два брата», «Жена бедняка», «Хитрая женщина», «Надий», «Кюлбай», «Сказание о дербентском Таштемире и эндиреевском Бектемире», «Сказание о бие Мосевке и бедняке Мосевке» и др.⁶⁴. Сказки этого цикла, так же как и произведения многих других жанров устного творчества, затрагивают вопросы нравственного воспитания человека, воспитания воли, мужества, честности, верности дружбе, справедливого отношения к людям. Принципы морали, дидактика особенно ярко проявляются в сказках о животных. Эти сказки интересны и тем, что в них сочетается прозаическая форма со стихотворной, что делает их очень популярными, особенно среди детей.

В кумыкском фольклоре значительное место занимают легенды. Они связаны с явлениями природы, возникновением отдельных селений, названий местностей, отражают отношения между родовыми группами, пле-

⁶³ См. «Кумыкские народные сказки».

⁶⁴ Там же.

менами. Многие произведения этого рода проливают свет на древнюю историю народа, служат ценным источником при разработке весьма важных вопросов, в частности вопросов этнического формирования кумыков. Таковы сказания о шамхалах, сказания о гуенах и тюменах, о калмыках, о возникновении сел. Эндирей и другие, которые частично уже были нами отмечены в различных разделах настоящей монографии.

В сокровищнице устно-поэтического творчества кумыков большое место занимают загадки — «чечилеген ёмакълар», пословицы и поговорки — «айтывлар», «аталар сёзлери». В пословицах, поговорках, загадках полно и всесторонне отражаются жизнь, деятельность и мировоззрение народа, мудрость, трезвое, реалистическое направление его ума⁶⁵. Эти пословицы не потеряли своего значения и до настоящих дней.

Таким образом, кумыкский фольклор дооктябрьского периода представляет собой ценный источник, своеобразную устную летопись, в которой кумыки воспроизводят свою историю, отражают свои думы и чаяния. В нем воспеваются мужество, справедливость, гуманность, трудолюбие, жизнерадостность, любовь к своему народу. Лучшие черты характера кумыкского народа с большой силой отражаются в сказаниях о нартах, исторических песнях. Все жанры устно-поэтического творчества народа проникнуты социальными мотивами и отражают классовые противоречия в дореволюционной Кумыкии. Основной герой многих произведений — бедняк. Он наделен самыми лучшими человеческими качествами, он защитник трудового народа и всегда побеждает врагов, в каких бы трудных условиях ни находился, ибо в конечном итоге побеждает сама правда, справедливость. Многие произведения, воплотившие высокие, благородные идеи, сохранившие в совершенстве свою художественную форму, и сейчас представляют большую историко-познавательную, культурную ценность, имеют несомненное художественное значение.

3. ЛИТЕРАТУРА

В XIX в. кумыкская литература находилась лишь в зачаточном состоянии.

Мы не располагаем данными о поэтах, творивших до середины XIX в. Неудовлетворительная постановка народного образования препятствовала созданию литературных произведений, их популяризации среди народных масс, а также сохранению сведений о принадлежности отдельных произведений тому или другому автору.

Видный дагестанский историк второй половины XIX в. Гасан Алкадари, характеризую ученых-литераторов из представителей местных народностей, живших и творивших в первой половине XIX в., упоминает о двух кумыках. «К числу живших в середине того века и умерших ученых, — пишет он, — относятся Гаджи Юсуф-эфенди Аксайский, весьма красноречивый ученый, имеющий много произведений... и Идрис-эфенди Эндирейский, который, подобно упомянутому Гаджи Юсуф-эфенди, был красноречивым ученым и имеет арабские касиды...»⁶⁶. Аналогичные сведения о них сообщает и дагестанский советский историк Али Каев⁶⁷. Судя по

⁶⁵ См. З. Н. Д а п б о в. Пословицы и поговорки кумыков. «Дослукъ» («Дружба»), 1957, № 2 (кумыкск. яз.), стр. 63—70; А. Н а з а р е в и ч. Пословицы и поговорки народов Дагестана. Махачкала, 1958.

⁶⁶ Гасан Алкадари. Асари-Дагестан (перевод А. Гасанова). Махачкала, 1926, стр. 159.

⁶⁷ Али Каев. Биографии ученых арабистов. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилала АН СССР, д. 1678, лл. 14—16.

высказываниям Алкадари и Каяева, оба эти поэта писали по-арабски. Однако их произведения, так же как и произведения многих других поэтов, до сих пор не выявлены. Только одно из произведений Гаджи Юсуф-эфенди Аксайского⁶⁸ было переведено на русский язык Г. Алкадари и помещено в его «Асарп-Дагестан».

Почти одновременно с Гаджи Юсуф-эфенди Аксайским и Идрис-эфенди Эндирейским жил и творил поэт Абдурахман Кака-Шурицкий. В отличие от некоторых современников Абдурахман многие свои произведения писал на кумыкском языке. Однако его произведения в большинстве своем были проникнуты религиозно-мистическим духом, служили целям духовенства и других эксплуататорских классов. Поэзия Абдурахмана из Кака-Шуры и других поэтов, призывавших к покорности «судьбе», смирению, резко противопоставлялась творчеству поэтов, выдвинувшихся из трудового народа и выражавших его помыслы и отношение к феодальной верхушке.

Выразителем чаяний простого народа был популярнейший поэт Ирчи Казак (1830—1879 гг.)⁶⁹, которого принято считать родоначальником кумыкской литературы. Ирчи Казак был родом из сел. Муслим-аул (ныне Сталин-аул) Тарковского шамхальства (ныне Буйнакский район). С юных лет он прославился своими прекрасными песнями. Будучи, кроме того, музыкантом, виртуозно владевшим «кумузом»⁷⁰, Казак был душой молодежных вечеров, свадеб, где он исполнял свои песни-импровизации на самые разнообразные темы. Характеризуя его творчество, поэт-критик и исследователь кумыкской литературы Камиль Султанов справедливо отмечал: «Разумеется, Ирчи Казак не был единственным кумыкским певцом. И до него было не мало популярных поэтов, однако ни один из них не пользовался такой славой, какая выпала на его долю. Казак буквально очаровывал своих слушателей, — он не только слагал замечательные песни, но и сопровождал их искусной игрой на агач-хумузе»⁷¹. Молодой талантливый певец вскоре был взят во дворец тарковского шамхала в качестве придворного поэта, но и там находил возможность высмеивать феодальную верхушку. Поэт стал применять иносказательные формы, прибегал к язвительным намекам. В этом отношении характерно стихотворение Казака «Абумуслим-хан шамхал»⁷², посвященное смерти тарковского шамхала Абумуслима в 1860 г.

Поэт, описывая могущество «шамхалов тарковских, владельцев буйнакских и вазинов дагестанских», говорит о бесславном правлении Абумус-

⁶⁸ Сравнение сведений Али Каяева с архивными материалами дает основание полагать, что Гаджи Юсуф-эфенди — это (в русских источниках) Юсуп-кади Клычев, который служил кадием, был в чине штабс-капитана и получал из русской казны жалованье. В 1870 г., как мы уже отмечали выше, царская администрация награждает Юсуп-кади Клычева 402 десятинами казенной земли.

⁶⁹ Об Ирчи Казаке и его творчестве см. «Дагестанская антология». М., 1934, стр. 105, 107; А.-П. Салаватов. Ирчы Къзаакъ (кумыкск. яз.). «Чечеклер» («Цветы»), Махачкала, 1939, стр. 224—245; К. Султанов. Фольклор и классики. «Литературный Дагестан», Махачкала, 1947, стр. 171—181; его же. Ирчи Казак. «Поэты Дагестана», Махачкала, 1959, стр. 3—19; «Из дагестанской поэзии», Махачкала, 1952; «Поэзия народов Дагестана», Махачкала, 1954; Аткай А д ж а м а т о в. Предисловие к сборнику «Ирчы Къзаакъ». Махачкала, 1954; его же. Недавно выявленные стихи Ирчи Казака. «Дослук» (кумыкск. яз.), 1957, № 1, стр. 77—81; А. Назаревич и Б. Магомедов. Поэтическое наследие горцев и его роль в становлении советской дагестанской литературы. «Очерки дагестанской советской литературы», Махачкала, 1957, стр. 15—16; Г. Мусаханова. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959, стр. 15—40; «Сокровищница песен кумыков». «Антология кумыкской поэзии», Махачкала, 1959, стр. 231—250 и др.

⁷⁰ Кумуз — национальный музыкальный инструмент типа мандолны.

⁷¹ Камиль Султанов. Поэты Дагестана, стр. 4.

⁷² См. «Ирчы Къзаакъ». Махачкала, 1957, стр. 53—55.

лим-хана ⁷³. К. Султанов это произведение рассматривает как «первый... образец высокохудожественной сатиры в кумыкской литературе» ⁷⁴.

В дальнейших своих произведениях Ирчи Казак не ограничивается сатирическими намеками, а начинает открыто выступать против угнетателей трудового народа, в защиту обездоленных людей, к которым принадлежал и сам. Находясь еще в доме шамхала, Казак принимает активное участие в похищении для своего друга Атабая любимой им девушки — шамхальской рабыни, которую они вдвоем увозят в Чечню — Акташ-аул. После этого начинается открытое преследование поэта со стороны феодальной знати, и вскоре его ссылают в Сибирь.

Из Сибири Казак посылал на родину свои произведения. Они глубоко волновали народ, призывали его на борьбу против насилия, социальной несправедливости.

Долго ли томиться в путях беднякам.
Что ни шаг — склоняться голове к ногам?
Жалуемся: можно ль упрекать за это
Горные селенья, что не знают света?
Мы живем в теснине, узники ночей,
Из-за гор не видим солнечных лучей ⁷⁵, —

писал, например, поэт в одном из писем-стихов из далекой Сибири.

Поэт не только рисует на фоне личных переживаний тяжелую картину дореволюционной жизни трудящихся, но и призывает к борьбе против насилия, за счастье на земле.

Ко времени возвращения Ирчи Казака из ссылки в аулах Дагестана произошли большие перемены. Росло число безземельных крестьян — бедноты и батраков, богатства народа все больше и больше концентрировалось в руках помещиков и кулаков. В этот период поэзия Ирчи Казака приобретает еще более острый сатирический характер. Рисуя бесправное общественно-экономическое положение кумыкской бедноты, поэт делает такой вывод:

Когда преступникам, судьбе наперекор,
За дело честное бедняк вступает в спор,
Пусть победит и жизнь отдаст он, — все равно
Ему ни почестей, ни славы не дано.
А кто богат, хотя с похмелья глухо врет,
Хотя позорит он себя и весь свой народ
И скудоумия он перешел предел, —
Всегда, во всем он прав, почет — его удел.

.....
Коль важные дела приходится решать,
Кого, кого зовет заносчивая знать?
Того, кто бестолков, того, кто недалек,
Но лишь бы у него был полон кошелек,
Но лишь бы у него угодлив был язык,
Но лишь бы грубо льстить и подличать привык.
На сотню бедняков один едва ли есть,
Чья признавалась бы заслуженная честь,
Но и его удел печален и жесток,
Во всех своих делах он будет одинок ⁷⁶.

⁷³ Камиль Султанов. Фольклор и классики, стр. 178.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См. «Письмо из Сибири». «Поэзия народов Дагестана», стр. 149—150.

⁷⁶ Ирчи К а з а к. Удача. «Поэзия народов Дагестана», стр. 147—148.

Поэт клеймит позором представителей феодальной верхушки и зарождавшейся буржуазии, называет их «глухими», «ничтожными», «лицемерными», «клеветниками» и т. д.

В 1879 г., в расцвете творческих сил, Ирчи Казак, затравленный и преследуемый бийско-байской знатью, был зверски убит. Однако поэт успел уже стать весьма популярным, завоевать своими произведениями, получившими к этому времени широкое распространение, горячую любовь среди кумыкского трудового населения. Недаром, как это отмечают исследователи творчества поэта К. Султанов и А. Аджаматов, отдельные произведения Казака трудно отделить от народного творчества, ибо они слились с высокохудожественными образцами устной поэзии, особенно с циклом так называемых «къзак йырлар», воспевающих героические подвиги батыров.

Творчество Ирчи Казака отличается не только тем, что в нем отражаются чаяния народа, но и тем, что оно является образцом мастерства кумыкского художественного слова.

К сожалению, приходится отметить плохую организацию сбора и публикации произведений этого замечательного поэта. Первая публикация произведений Ирчи Казака относится к 1883 г. Тогда были опубликованы его стихотворения «Токъмакъ йыр», «Абумуслим-хан шамхал», «Письмо М. Османову», вошедшие в сборник ногайских и кумыкских песен, изданный в Петербурге Магомед-эфенди Османовым⁷⁷. В начале XX в. некоторые его стихи были опубликованы в «Сборниках кумыкских стихов», изданных Абу-Суфьяном в 1903, 1907 и 1912 гг. в Темир-Хан-Шуре. Только в советское время была начата серьезная работа по выявлению и публикации произведений Ирчи Казака, а также по изучению его жизни и творчества. В этом отношении большая заслуга принадлежит советским писателям А.-П. Салаватову⁷⁸, К. Султанову⁷⁹, А. Аджаматову⁸⁰ и др.

Как утверждает К. Султанов, Ирчи Казак «был лучшим кумыкским поэтом всех времен», сыгравшим исключительную роль в развитии новой кумыкской литературы.

Другим известным кумыкским поэтом второй половины XIX и начала XX в. является Магомед-эфенди Османов (1840—1904 гг.), уроженец сел. Аксай Хасавюртовского округа (ныне Хасавюртовский район)⁸¹.

Магомед-эфенди Османов известен и как поэт, и как первый собиратель и издатель кумыкского фольклора. Как уже отмечалось выше, в 1883 г. им был издан в Петербурге сборник ногайских и кумыкских песен⁸². Это первая книга на кумыкском и ногайском языках. Кроме образцов фольклора этих двух народов, в книгу были включены и собственные произведения поэта, а также несколько стихотворений Ирчи Казака. Более полное собрание сочинений поэта было издано, однако, только в советское время, в 1926 г.⁸³ На развитие творческой деятельности М.-Э. Османова оказало

⁷⁷ См. Магомед-эфенди Османов. Сборник ногайских и кумыкских песен. СПб., 1883, стр. 136—137, 163—165, 172—174.

⁷⁸ «Йырчы Къзакъ». «Чечеклер», стр. 224—266.

⁷⁹ «Фольклор и классики». — «Литературный Дагестан», стр. 171—181; Биография Ирчи Казака. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1724

⁸⁰ Аткай. Ранее неизвестные песни из творчества Йырчы Казака. «Дослук», 1957, № 1, стр. 77—81; его же. Предисловие к сборнику стихов «Йырчы Казак», Махачкала, 1954.

⁸¹ О жизни и творчестве М.-Э. Османова см. «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета». СПб., т. II, 1898, стр. 80; Манай Алибеков. Биография Магомед-Эфенди. «Сборник стихов Магомед-Эфенди Османова». Махачкала, 1926; Э. Капиев. Магомед-Эфенди Османов. «Дагестанская антология», М., 1934, стр. 107—110; И. Керимов. Жизнь и творчество Магомед-Эфенди Османова. «Дослук», 1958, № 2, стр. 97—111; Г. Мусаханова. Магомед-Эфенди Османов (1840—1904 гг.). «Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. IV, 1958.

⁸² Магомед-Эфенди Османов. Ногайские и кумыкские песни. СПб., 1883.

⁸³ «Сборник стихов Магомед-Эфенди Османова» (кумыкск. яз.), сост. М. Алибеков, Махачкала, 1926.

большое влияние его длительное пребывание в Петербурге, куда он переехал в 25-летнем возрасте. Имея духовное образование, М.-Э. Османов вначале служил кадием царской конвойной роты (он заменил на этом посту своего престарелого отца Оман-эфенди Османова). Одновременно он систематически совершенствовал свои знания в области восточных (арабского, тюркских) языков, а также мусульманского законоведения. После блестяще выдержанного экзамена по тюркским языкам (татарскому, азербайджанскому, кумыкскому) он был назначен преподавателем «татарского» языка Петербургского университета, а спустя четыре года, в 1871 г., ему было предложено чтение курса лекций на восточном факультете и по мусульманскому законоведению.

Находясь в Петербурге, работая в центре научной мысли, Магомед-эфенди близко знакомится с видными востоковедами, в числе которых были профессор Казембек, Березин, Смирнов и др. В лице Османова эти ученые видели весьма одаренного человека и прекрасного лектора. «Поглубокому и основательному знанию своего предмета Османов был выдающимся лектором и оставил о себе в факультете самую добрую память», — писал Н. Веселовский⁸⁴. В 1881 г. М.-Э. Османов по болезни уходит в отставку и переезжает в свое родное селение Аксай.

Поэзия Османова затрагивает самые разнообразные вопросы, в том числе социально-политические.

Хотя поэт принадлежал к господствующим классам, в своих произведениях он разоблачал реакционные порядки современного ему общества, выступал против произвола феодалов и царских чиновников и т. д. Однако на творчество М.-Э. Османова наложила определенный отпечаток его классовая ограниченность, что показывают многие его произведения, в особенности произведения, посвященные духовенству. Больше того, у поэта встречаются и такие произведения, в которых он воспевае феодалный строй, бийско-узденскую щедрость и т. д.⁸⁵

При всем этом творчество М.-Э. Османова имеет большое значение. Поэзия Османова сыграла важную роль в развитии литературных традиций кумыкского народа. Большая заслуга М.-Э. Османова заключается и в том, что он был первым собирателем и издателем произведений устного творчества кумыкского народа.

По свидетельству Н. С. Семенова, в сел. Аксай Хасавюртовского округа во второй половине XIX в. жил и творил талантливый молодой девец-импровизатор по имени Батирай, который «был душою всякого рода сборищ и импровизировал когда угодно и на какие угодно темы». «К сожалению, — пишет Семенов, — Батирай молодым человеком и умер, унеся почти все свои вдохновенные импровизации с собой в могилу»⁸⁶. Мы не располагаем никакими другими данными о нем, а тем более произведениями этого поэта-импровизатора, чтобы подробнее охарактеризовать его творческую деятельность.

В начале XX в. в кумыкскую литературу вступает ряд новых талантливых писателей, в их числе Манай Алибеков, Темпр-Булат Бейбулатов, Нухай и Зейналабид Батырмурзаевы и др.

Манай Алибеков родился в 1861 г. в сел. Аксай Хасавюртовского округа. Он не учился в школе, но, работая систематически и упорно над собой, сумел стать весьма образованным человеком. Если его современник, друг и земляк М.-Э. Османов был поэтом, первым собирателем и издателем кумыкского фольклора, то М. Алибеков выступает как поэт, как этнограф

⁸⁴ «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета», стр. 80.

⁸⁵ Там же, стр. 61, 63—66, 74—75, 83.

⁸⁶ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 347—348.

и собиратель памятников обычного права кумыков. Творческая деятельность Алибекова, а также его собирательская работа в основном падает на 1905—1919 гг. (поэт умер в 1919 г.). Собрание сочинений М. Алибекова было издано после его смерти в 1925 г.⁸⁷ В 1927 г. в переводе на русский язык вышла его книга — «Адаты кумыков»⁸⁸.

В своих произведениях поэт затрагивает самые различные стороны жизни кумыкского народа⁸⁹. Он подвергает суровой критике феодальную знать, совершавшую насилия над народом, а также представителей местной администрации, занимавшихся взяточничеством и грабежом трудящихся масс, показывает беспросветную жизнь угнетенного народа в дореволюционной Кумыкии. Рисуя картину культурной отсталости кумыков, поэт призывает открыть школы, охватить ими всех детей, в том числе и девочек. Выступая поборником женского образования, он подчеркивает огромную роль и ответственность женщины в воспитании детей.

Большую историческую ценность для исследователей Дагестана представляют и материалы, собранные М. Алибековым по обычному праву кумыков, а также всестороннее описание кумыкской дореволюционной свадьбы, которое является почти единственным источником для изучения свадебных обрядов кумыков в прошлом.

Другим поэтом, начавшим свой творческий путь в дореволюционный период, был Т.-Б. Бейбулатов.

Темир-Булат Бейбулатович Бейбулатов родился в 1879 г. в сел. Нижнее Казанище Темир-Хан-Шуринского округа (ныне Буйнакский район) в крестьянской семье. Получив начальное образование в своем селении, Бейбулатов поступает затем в Ставропольскую гимназию, где учится до 1901 г. В гимназические годы он проявляет большой интерес к музыке и активно участвует в хоровом кружке гимназии. В 1904 г. Бейбулатов оканчивает кавалерийское училище и до 1919 г. служит в Дагестанском конном полку.

В 1926 г. поэт издает сборник своих стихов и песен⁹⁰, состоявший из трех разделов: революционные, школьные и общие песни (лирические, исторические и бытовые). Кроме произведений самого поэта, сюда были включены переведенные им же с русского языка многие революционные песни. В 1927 г. в его переводе на русский язык вышла книга Алибекова «Адаты кумыков».

Большой заслугой Бейбулатова является и то, что он все свои стихи снабдил мелодиями, собранными им у народов Дагестана и Чечни. «Моей целью, — писал автор, — было в музыкальном отношении сохранение народных мотивов, прививка к жизни и быту дагестанских народностей мотивов других народностей, в том числе и европейских, и поднятие ограниченного диапазона пения дагестанцев до уровня общемузыкального исполнения»⁹¹. Бейбулатов внес большой вклад в развитие музыкального и сценического искусства народов Дагестана. Он был одним из организаторов и первым председателем созданного в Дагестане в 1917 г. «Театрального и литературного общества», которое сыграло большую роль в культурной жизни народов Дагестана. Деятельное участие принимал Бейбулатов и в создании первого кумыкского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Танг Чолпан» (Утренняя звезда), который выходил под руководством пламенного революционера З. Батырмурзаева

⁸⁷ «Собрание сочинений Маная Алибекова» (кумыкск. яз.). Махачкала, 1925.

⁸⁸ Манай Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.

⁸⁹ О творчестве М. Алибекова см. Г. Мусаханова. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959.

⁹⁰ Т.-Б. Бейбулатов. Сборник стихотворений и песен (кумыкск. яз.). Махачкала, 1926.

⁹¹ Там же, предисловие.

в Темир-Хан-Шуре начиная с 20 августа 1917 г. Им же был организован в Темир-Хан-Шуре первый драмкружок. В 1925—1930 гг. Бейбулатов преподает и одновременно учится в Дагестанской театральной студии. Жизнь и дальнейшая творческая деятельность Бейбулатова неразрывно связаны с историей возникновения и развития кумыкского государственного театра, заведующим художественной частью которого он работал долгое время, а также Дагестанского ансамбля песни и пляски.

Бейбулатов был высокообразованным человеком. Он сочинял стихи, пьесы, создал оперу «Танг Чолпан»⁹², писал музыкальные произведения, собирал народные песни, переводил произведения русских и западноевропейских писателей и драматургов, в частности перевел на кумыкский язык некоторые стихотворения Лермонтова («Три пальмы», «Тамара»), пьесы Шекспира «Отелло» и «Ромео и Джульетта».

Идеей просветительства еще более проникнута литературная деятельность отца и сына Батырмурзаевых, происходивших из сел. Аксай Хасавюртовского округа.

Нухай Батырмурзаев⁹³ (1880—1919 гг.) в кумыкской литературе выступает как поэт⁹⁴ и прозаик. Наиболее значительными его произведениями являются повести «Язык Хабибат» (1910 г.), «Давут и Лайла» (1912 г.), «Насипсиз Джанбике» (1914 г.), в которых автор призывает народ к просвещению, к обучению девушек и т. д. В 1916 г. Нухай вместе с сыном, известным революционером Зейналабидом Батырмурзаевым, организует в Хасавюрте литературно-драматический кружок «Танг Чолпан» (Утренняя звезда). Просветительская деятельность Нухай Батырмурзаева еще более расширяется с созданием прогрессивного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Танг Чолпан», руководимого Зейналабидом. Нухай Батырмурзаев принимает самое активное участие в редактировании этого журнала.

Зейналабид Нухаевич Батырмурзаев получил начальное образование в своем селеици, в Аксае. В 1912 г. он уехал учиться в Казань, а потом в Астрахань. В Астрахани Зейналабид сближается с русской социал-демократической организацией, принимает участие в создании татарской газеты «Халк» (Народ). В 1914 г. он возвращается на родину и начинает работать учителем. В 1916 г. в Хасавюрте З. Н. Батырмурзаев вместе со своим отцом Нухаем Батырмурзаевым, С.-С. Казбековым и Ш. Даветовым организует литературно-драматический кружок «Танг Чолпан», сыгравший большую просветительную роль. Организаторы этого кружка устраивали спектакли для населения. З. Н. Батырмурзаев написал пьесы «Даниялбек», «Наперекор муллам», «В медресе пришел мулла» и другие, направленные против реакционных адатов, против духовенства.

В мае 1917 г. З. Батырмурзаев переехал в Темир-Хан-Шуру, где вошел в состав Дагестанского просветительно-агитационного бюро, возглавляемого большевиком, кумыком из сел. Буйнак Темир-Хан-Шураинского округа Удлубием Буйнакским. Деятельное участие в работе этого бюро, кроме Батырмурзаева, принимали Г. Саидов, С.-С. Казбеков, Х. О. Булач, А. Султанов и др. Бюро объединяло наиболее передовых, революционно настроенных интеллигентов, способных вести агитационно-просветительную работу в массах. Члены бюро проводили в городах и аулах митинги и общие сходы, издавали и распространяли листовки и брошюры⁹⁵.

⁹² См. статью Х. Ханукаева. Известный музыкант. «Ленин Елу», 16.X 1958 г., № 126 (5601).

⁹³ См. Н. Батырмурзаев. Сборник кумыкских стихов. Махачкала, 1927.

⁹⁴ О творчестве Н. Батырмурзаева см. «Очерки дагестанской советской литературы»; Г. Мусаханова. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959.

⁹⁵ См. «Очерки истории Дагестана», т. II, Махачкала, 1957, стр. 17—18.

В 1917 г. в Темир-Хан-Шуре начинает выходить ушомянутый выше литературно-художественный и общественно-политический журнал «Танг Чолпан», редактором и секретарем которого был З. Н. Батырмурзаев, а издателем — Темир-Булат Бейбулатов. В работе журнала активное участие принимали Уллубий Буйнакский, Д. Коркмасов, С.-С. Казбеков, Х. О. Булач, Н. Батырмурзаев, З. Булач, Дадав из Кумторкалы, известный художник Лансере и др. Кроме вопросов агитационно-просветительской работы, большое место в журнале занимали вопросы развития кумыкского языка, литературы, в том числе драматургии, и музыкального искусства, популяризации произведений русских писателей, ознакомления с историей края и его выдающимися людьми. Со страниц журнала «Танг Чолпан» Зейналабид Нухаевич призывал народ к активной борьбе против социального и национального угнетения.

Дагестанское просветительно-агитационное бюро в 1917 г. начинает издавать газеты на языках народностей Дагестана. Редактором кумыкской газеты «Ишчи халк» становится З. Н. Батырмурзаев. Эта газета пропагандировала среди народных масс социалистические идеи и призывала их к борьбе за победу социалистической революции. В газете «Ишчи халк» выступали Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, Султан-Салд Казбеков и другие видные революционные деятели Дагестана.

Однако отцу и сыну Батырмурзаевым не удалось дожить до окончательного установления Советской власти в Дагестане. В 1919 г. Зейналабид Батырмурзаев, а вслед за ним и Нухай были расстреляны денкинскими палачами.

В конце XIX и начале XX в. в Дагестане усиливается интерес к издательской деятельности. По архивным данным, в это время в городах Кумыкской плоскости существовало несколько типографий и литографий. Безусловно, эти типографии и литографии в своем большинстве были мало мощны. Наиболее крупными были среди них типографии В. М. Сорокина, А. Михайлова, типо-литография «Каспий», типография мусульманской газеты Мавраева.

Народное просвещение в дореволюционной Кумыкии стояло на весьма низком уровне. В сельскую среду попадали главным образом книги религиозного содержания, произведения воинствующих арабистов и мистиков. Кумыкская литература находилась на стадии своего формирования. Однако в дореволюционной кумыкской литературе уже определилось два направления. Одни из писателей выступали выразителями настроений и чаяний простого трудового народа (Ирчи Казак, Нухай и Зейналабид Батырмурзаевы, Манай Алибеков, Темир-Булат Бейбулатов), а другие (Абдурахман Кака-Шуринский, Шихаммат-кади Эрпелинский и др.) отражали взгляды господствующих классов. Прогрессивные кумыкские писатели находились под влиянием русской демократической литературы, изучали и переводили на кумыкский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого и других классиков русской литературы.

4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Господствовавшей религией кумыков был ислам суннитского толка. Появление ислама в Дагестане несомненно связано с арабскими завоеваниями (VII—VIII вв.). Однако широкое проникновение ислама в Дагестан, в частности на Кумыкскую равнину, как это утверждают многие исследователи, относится к более позднему периоду, а именно к XII—XV вв.⁹⁶ В изучаемое время наряду с исламом у народа продолжали

⁹⁶ См. А. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. «Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. III, 1957, стр. 54—76.

сохраняться отголоски и более древних, доисламских религиозных представлений. Значительная часть этих верований, потеряв свой первоначальный, непосредственный вид, существовала под внешним покровом новой религии или в ее облики.

В нашу задачу не входит исследование собственно исламских и связанных с ними обрядов, ибо они являются в основном общими для всех народов, исповедующих эту религию, и достаточно изучены. Здесь мы попытаемся вкратце охарактеризовать наиболее важные стороны чисто народных (доисламского происхождения) верований и обрядов, бытовавших у кумыков вплоть до начала XX в. При этом из нашего исследования не исключены и те обряды, которые слились с обрядами исламской религии.

В комплексе верований кумыков, связанных с различными отраслями их хозяйственной деятельности и прежде всего с земледелием, можно, в частности, заметить следы глубоко укоренившегося в народных верованиях культа языческих божеств. Это — божества плодородия, дождя, воды, огня.

Начнем с характеристики обрядов, сохранивших следы древнего почтения огня. Культ огня, который занимал в прошлом весьма значительное место в верованиях всех народов мира, нашел у кумыков свое отражение в целом ряде поверий. Огонь в представлении кумыков символизировал прежде всего домашний очаг, основу хозяйства. С этим связан обычай охраны «своего» огня в каждом доме. После захода солнца, особенно после возвращения с пастбищ домашнего скота, хозяйки старались не давать огня посторонним лицам. Огонь, «охраняющий» дом, скот и очаг, при постройке нового дома переносился из старого жилища в новое, хотя бы в виде золы. При выходе девушки замуж за ней в дом ее будущего мужа несли огонь из родного очага в виде зажженной лампы. И хорошей хозяйкой считалась та женщина, у которой огонь никогда не погасал. Самой лучшей похвалой для хозяйки было выражение: «за столько-то лет жизни в качестве хозяйки дома (снохи, невестки и т. д.) в очаге никогда не погасал огонь». Недаром вместо слова «женщина» у кумыков в прошлом широко употреблялось выражение «отъягъар» (та, которая защищает огонь). И в настоящее время в некоторых семьях жену называют «отъягъарым» (моя зажигающая огонь).

Говоря о роли огня в поверьях, следует указать на существование связанных с ним проклятий. Самым тяжким проклятием у кумыков считались слова «пусть погаснет твой огонь», «пусть зола твоего огня развеется ветром», «пусть зола твоего очага не собирается в кучу».

Существовала своеобразная игра с огнем. Она заключалась в том, что молодежь сжигала огромные пни до полного их обугливания, а затем гнала пастушьими палками их горячие остатки вдоль улицы.

С этим связан и другой обычай. В определенное время (в весенние дни) вдоль каждой улицы раскладывались костры. Каждый житель улицы должен был перепрыгнуть через костер. Очень возможно, что это было обрядом «очищения» улицы и людей, живущих на ней, огнем. Мы склонны рассматривать как вид «очищения» огнем и имевшие место до недавнего времени ужасные случаи самосожжения девушек, честь которых почему-либо считалась затронутой. Огонь играл большую роль в свершении различных обрядов, связанных с весенним пробуждением природы.

Как и все земледельческие народы, кумыки внимательно следили за явлениями природы. Особенно важным был период начала полевых работ. В этом отношении очень характерен обряд «сжигания зимы» (кыш гюйдюров).

В поле, за селением, зажигались большие костры; вокруг костров собиралась молодежь, устраивались игры, танцы, прыжки через огонь. Этот

обряд исполнялся обычно в 20-х числах марта⁹⁷. До сих пор в народе сохранилась память об этом обряде проводов зимы. Так, например, если хозяйка дома разжигают слишком большой огонь в теплое время, их спрашивают: «Что, вы зиму провожаете?».

Природные условия Кумыкской равнины требовали широкого применения искусственного орошения. С древнейших времен предки кумыков видели в воде один из важнейших источников плодородия. Не случайно в глубокой древности сложился культ божественных сил, олицетворяющих воду. Такими древними божествами, на наш взгляд, являются «Земире», «Гудурбай», «Суванасы» и др.

В исследуемое время господство ислама было уже полным и культ этих языческих божеств почти полностью потерял свое значение. Тем не менее в некоторых случаях все еще совершались обряды, связанные с культом «Земире», «Гудурбая» и «Суванасы».

«Земире», как это показывает этнографический материал, представлялась кумыкам божественной силой, олицетворявшейся в образе женщины, полной, крупной. В древнем языческом пантеоне народа она, очевидно, играла роль богини дождя. На соблюдение кумыками обряда, связанного с «Земире», указывал в своих этнографических работах еще П. Пржецлавский⁹⁸, хотя он должным образом не определил место «Земире» в религиозных представлениях кумыков. Обряд «Земире» совершался девушками⁹⁹ во время засухи. Неся на руках изображение женщины, нарисованное на деревянной лопате углем или белой глиной, девушки обращались к «Земире» с мольбой о дожде. Шествие девушек сопровождалось особой песней, которая дошла до нас в нескольких вариантах, однако во всех ее вариантах можно проследить и самый древний слой — обращение к боже-ству «Земире», как к распорядительнице воды.

Песня эта переводится приблизительно так:

О, Земире, Земире!

О, Земире! (произносилось хором после каждой строчки).

Что нужно для Суткъатын?¹⁰⁰

— Хлеб с молоком.

Что нужно пахарю?

— Полные арыки воды.

Что нужно пастуху?

— Девушка с косами каштанового цвета.

Что нужно мельнику?

— Полные желоба воды.

Что нужно табунщику?

— Много голов в табуне.

Наденем алые халаты

И попросим у бога дождя,

Наденем зеленые халаты,

Дети, попросим дождя!¹⁰¹

⁹⁷ Автор склонен думать, что здесь имеет место также обряд очищения огнем перед сельскохозяйственными работами, ибо земля у кумыков, как и у других земледельческих народов, считалась священной.

⁹⁸ П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», № 4, 1860, стр. 273.

⁹⁹ Имеются сведения, что в старину в свершении этого обряда участвовали и взрослые женщины.

¹⁰⁰ Суткъатын — лесная женщина. По представлениям кумыков, по ночам она бродила в окрестностях селений. О ней будет идти речь ниже.

¹⁰¹ Записано в 1956 г. в сел. Башпыкент Каякентского района у Зейналабиды Ниматуллаева, 1888 г. рождения.

В отдельных вариантах первая строчка этой песни начинается с обращения не к «Земире», а прямо к «Суткъатын»: «О, Суткъатын, Суткъатын, о, Земпре!». Возможно, что это указывает на былую большую божественную силу «Суткъатын» или же на ее связь с «Земире». Во всяком случае и «Земире», и «Суткъатын» представляют собой сложные образы, в которых, очевидно, сплелись элементы разного происхождения.

Как правило, из участниц шествия запевалой выступала девочка-первенец, остальные в припеве хором повторяли одно и то же: «О, Земпре!». Участницы шествия должны были исполнять эту песню у ворот каждого дома. Хозяйка домов как можно обильнее обливали девушек водой и затем одаривали их продуктами (мукой, маслом, сыром, яйцами, медом и т. д.). Существовал и обычай ходить во время засухи к речке с куклой и обливать ее водой. Кукла «къакъый» (у южных кумыков она называлась «урчукъан») делалась из крутого теста. Она была ростом с новорожденного ребенка, с большой, почти квадратной головой.

Во время засухи кумыки выводили маленьких детей в поле, на горку и заставляли их подражать бляению ягнят. Этим народ также выражал мольбу о дожде.

Изучение обряда «Гудурбай» также дает основание думать, что в далеком прошлом народ имел здесь дело с божеством урожая и плодородия. Обряд «Гудурбай» совершался, как правило, осенью во время уборки урожая исключительно юношами и только в вечернее время. Совершая обряд «Гудурбай», мальчики подходили к воротам домов и пели традиционную песню.

Приведем отрывок из одного варианта этой песни.

В переводе на русский язык это звучит так:

Гудур-гудур-гудурбай!
Гъассай! (припев)
Кто видел гудурбай?
Кто его приветствовал?
Отложи свое приветствие,
Наполни лучше мешок просом.

У южных кумыков «Гудурбай» называется «Гъюссемей» и песня начинается прямо с обращения к нему:

О, Гъюссемей, Гъюссемей!
О, Гъюссемей!

Нам думается, что «Гудурбай», «Гъюссемей» и «Гъоссай» — одна и та же божественная сила.

Во всех вариантах этой песни звучит мольба об обильном урожае, благополучии, счастливой жизни.

Если обряд «Земпре» в XIX и начале XX в. еще сохранял свое назначение и совершался в тяжелый для народа период засухи, то обряд «Гудурбай» или «Гъюссемей», приняв к этому времени новое содержание, совершенно потерял былое религиозное значение. В исследуемый период этот обряд проводился уже с целью сбора подарков, которые юноши затем приносили девушкам на «булкъа».

Буквальный перевод слова «Суванасы» — «мать воды». В системе языческих верований кумыков она занимала примерно такое же место, как у русских русалка¹⁰². В представлении народа Суванасы имела образ женщины огромного роста и большой физической силы. Она обитала в реках. Суванасы охраняла воду, но люди могли столкнуться с ней только вече-

¹⁰² См. С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX веков. М., 1957, стр. 87—95.

ром или ночью. В темноте она могла внезапно оглушить ударом того, кто неосторожно подходил к воде, и даже утопить в реке. Поэтому тот, кто направлялся в вечерние или ночные часы к реке по воду, должен был ласковыми словами задобрить Суванасы, упросить ее не причинять вреда и позволить набрать воды. В обращении к ней, в частности, говорилось:

Мать воды, мать воды,
Ты золотой столб вселенной,
Разрешни нам набрать воды!

Нам думается, что это строки из когда-то большой песни, обращенной к Суванасы. Вера в Суванасы была очень сильна. Жители сел. Башлыкент Каякентского района рассказывали случай, который якобы имел место в конце XIX в. или в первые годы XX в. По их рассказу, один из сельчан, Магомед, однажды вечером якобы шел около речки и увидел Суванасы. Она была очень высокого роста, брала из речки огромного размера камни и кидала их в сторону. Рядом с ней был ее ребенок. «Увидев» это зрелище, Магомед убежал в селение и от испуга заболел. Односельчане утром следующего дня решили осмотреть это место и якобы обнаружили отпечатки огромных ног, а рядом следы меньших ног. До недавнего времени была распространена детская игра, которая называлась «суванасы». Сущность игры заключалась в том, что один из играющих становился в середине реки. Он назывался «суванасы». К нему со всех сторон подбегали другие ребята. Задача «суванасы» состояла в том, чтобы, не выходя из воды, поймать кого-нибудь из детей и «утопить». «Утопленный» тут же превращался в «суванасы» и в свою очередь заманивал других.

К фантастическим образам, порожденным народными верованиями кумыков, относится «Албаслы къатын». По сравнению с образом Суванасы и тем более Земире и Гудурбай, образ Албаслы къатын более отчетливо представлен народной фантазией. Албаслы къатын — олицетворение злого, враждебного человеку начала. По повериям, это женщина огромного роста, с густыми распущенными волосами и с большой отвислой грудью. Ее груди настолько велики, что закидываются за плечи. Одной рукой она может вырвать дерево с корнем. Живет Албаслы къатын в лесу, в пещере, а по ночам бродит в окрестностях селений и даже посещает дома жителей. Она очень зла, жестока и душит свои жертвы. Особенно безжалостна Албаслы къатын к роженицам. Она обладает свойством перевоплощения и может превратиться в любое существо или вещь любой величины и даже в тонкую ниточку. Вместе с пищей она может попасть в утробу роженицы и съесть ее легкие и печень. Поэтому роженицу тщательно охраняли от внезапного проникновения Албаслы къатын, закрывали окна и двери.

Приведем одно предание, связанное с Албаслы къатын. Однажды у кумыка рожала жена. Чтобы не присутствовать при родах, муж решил отправиться с арбой в лес за дровами. Когда он заготовлял дрова, он вдруг услышал крик ребенка. Посмотрел вокруг, но никого не заметил. Когда крик ребенка повторился, крестьянин поднялся на высокое дерево и увидел, что у реки стоит Албаслы къатын, а рядом с ней плачет ее ребенок. Он стал наблюдать за ними. Албаслы къатын прервала работу и стала успокаивать ребенка. «Не плачь,— сказала она,— вот кончу работу, пойду в селение. Там только что жена такого-то (она якобы назвала имя именно этого крестьянина) родила ребенка. Я волоском спущусь через дымоход в их комнату, сяду на мучную кашу, которую ей сейчас готовят, спущусь в ее утробу и принесу тебе ее легкие и печень». Услышав это, крестьянин бросил дрова и немедленно вернулся домой. Дома ему, по обычаю, не разрешали войти к роженице, но он отстранил женщин и сел, непрестанно глядя в дымоход. Через некоторое время толстый белый волос опустился на тарелку с кашей, которую должны были подать роженице. Муж тут

же схватил волос и бросил его в огонь. Волос закричал человеческим голо-
сом и сгорел ¹⁰³.

Вера в Албаслы къатын существовала и у других народов Дагестана. У лезгин Албаслы къатын называлась «Албаб». Мужской параллелью Албаслы-къатын у кумыков считался «Темир-тѣш» (Железная грудь). Иногда его называют мужем Албаслы къаты. Однако образ Темир-тѣша менее отчетлив и менее известен, чем образ Албаслы къатын.

Таким образом, в древней религии кумыков отдельные силы природы олицетворены в женском обличе.

«При развитом матриархате, — пишет в своем известном труде «Очерки истории первобытной культуры» М. О. Косвен, — религия развивается по линии культа природы, причем отдельные силы и элементы природы олицетворяются в женском обличе и соответствующие духи носят женские имена. Особо выделяется на основе развития земледелия культ матери-земли, значительное место принадлежит культу луны. Наряду со своим хозяйственным и общественным положением женщина играет ведущую роль в культе» ¹⁰⁴.

В системе народных верований кумыков особую группу составляют различные духи, объединяемые собирательными названиями «джинны» и «шайтаны». Это наиболее многочисленная категория фантастических образов. Народ полагал, что джины и шайтаны обитают в лесу, в горных ущельях, в пещерах, в речных долинах, живут вместе с людьми в домах, пользуются их пищей, инвентарем и т. д. Деятельность духов развертывается преимущественно в вечерние и ночные часы, в темноте. По поверьям, между джинами и шайтанами существует какая-то разница, но ее трудно уловить. Ясно только то, что джины делятся на две группы (положительные и отрицательные джины), в то время как шайтаны всегда выступают в отрицательной роли. Полезные джины известны в народе под именем «перилер». Они часто упоминаются в народных фантастических сказках в качестве положительных персонажей. Пери помогают героям сказок совершать необыкновенные подвиги, разделяют их радость и горе. Пери облечены такой силой, что могут в необходимых случаях превращаться в лягушек, кошек, птиц, а также в прекрасных девушек, вступать в брак с людьми и иметь от них потомство. Если человек нарушит обязательство, данное пери (например при вступлении в брак), она может его навсегда покинуть и даже навредить ему. Недаром существует в народе заклинание: «Пусть своим клыкком поразит тебя пери».

Однако, по народным верованиям, преобладают «отрицательные» джины, среди которых особенно выделяется илбис-шайтан. Эти «вредные» джины и шайтаны всюду преследуют человека, заставляют совершать различного рода преступления (кражи, убийства), говорить неправду, проявлять жадность, обжорство и т. д.

Обдумав совершенный им проступок, кумык нередко употреблял выражение «шейтенге скойгени этдим» (совершил то, что было угодно шайтану, шайтан толкнул). Незаконченное доброе дело также объяснялось вмешательством духов и при этом нередко говорилось: шайтан препятствовал завершению дела. Суеверное воображение кумыка вынуждало его чуть не все зло, встречавшееся на жизненном пути, объяснять кознями этих духов.

Согласно народным представлениям, джин мог показаться людям в облике человека, чаще всего знакомого. Все же шайтану присваивали отличительные черты, а именно — кривой рот, раскосые глаза, пальцы на руках, изогнутые в сторону указательного, и т. д.

Мы уже отмечали выше, что местом обитания этих духов считались главным образом леса, ущелья. По верованиям кумыков, джины вели там

¹⁰³ Записано в 1958 г. в сел. Башлыкент у Умуразият Ахмедовой.

¹⁰⁴ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 166.

почти такой же образ жизни, как и люди. Они пахали, сеяли, поливали поля и убирали урожай. Но все у них было меньшего размера (плуги, молотильные доски, мельницы и т. д.). Они соблюдали те же свадебные обряды, что и люди, обычай кровной мести и т. д.

Близким к джинам образом был у кумыков «бастрыкъ». Он до некоторой степени напоминает домового у русских¹⁰⁵, но совершенно лишен положительных черт. Бастрыкъ, по представлению крестьянина, «джинны азгъаны» — худой, ленивый злой дух. Он нападает на всякого, но чаще на малярика и вообще больного, который страдает хронической болезнью. Бастрыкъ приходит к человеку ночью, во время сна, наваливается на него всем своим телом и душит так, что человек при этом не может даже шевельнуться. Только к рассвету он покидает больного.

Этнографический материал дает основание видеть две стороны народной веры в существование духов. С одной стороны, мы видим страх народа перед неведомой силой, с другой — в народе существовало твердое убеждение, что зло, причиняемое «нечистой силой», можно предотвратить именем бога, чтением отдельных молитв из священного писания или магическими средствами.

Большой интерес представляют и верования, связанные с представлениями о загробной жизни, о культе предков. Возникшие в эпоху первобытнообщинного строя, этого рода представления позднее были пронизаны идеями ислама, что осложняет задачу их исследования. Кумыки верили, что душа (джан) бессмертна и требует о себе постоянной заботы; она может прийти в дом в любое время, наблюдать за тем, как живут родственники, потомство, как они заботятся о своих умерших предках. Идея бессмертия души вызвала веру в загробную жизнь. С этим, в свою очередь, был связан целый ряд похоронных обрядов. Таковыми были, например, обряд обливания водой могилы, чтобы «разбудить покойника», обычай оставлять на кладбище на несколько часов (охранять могилу после похорон) одного из близких родственников, чтобы покойник, проснувшись и увидев свое новое место, не испугался. О прежней вере кумыков в загробную жизнь свидетельствуют данные обрядовой поэзии, в частности песни-причитания (ясы). Вот отрывок из такой песни, широко бытовавшей в исследуемое нами время при оплакивании покойника:

Не будешь там скучать, так как ты не будешь одиноким.
Не будешь бояться, что тебе будет там темно,
Там больше у тебя родственников, чем здесь.
Сегодня же ночью они зажгут для тебя светильники,
Не сомкнув глаз, они будут тебя сторожить,
Они окружают тебя со всех сторон,
Расспросят о нас¹⁰⁶

Забота об умерших родственниках заключалась прежде всего в их регулярном «кормлении». После каждой еды (завтрака, обеда, ужина) кумык должен был поименно назвать своих умерших близких родственников, пожелать, чтобы их души были сыты. Существовало также поверье, что голодные души, вернее голодные предки, могут вредить дому, проклинать сородичей, верили в существование «неблагодарных», «ненасытных» покойников.

В суеверных представлениях народа значительное место занимали всевозможные приметы. Некоторые из этих примет были связаны с определенными днями недели. Считалось, например, что у каждого человека есть свой «счастливый» день (ярашгъан гюн), который якобы постоянно

¹⁰⁵ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 95.

¹⁰⁶ Записано в сел. Башлыкент Каякентского района у Умуразият Ахмедовой.

приносит удачу в задуманном деле. Были и общие для всех «счастливые» дни: понедельник, пятница, четверг. В такие дни принято было кроить и шить новую одежду, начинать носить новую одежду, мыть голову, совершать обряд первого укладывания в люльку новорожденного, отправляться в путь и т. д. Ребенок, родившийся в один из этих дней, считался счастливым. Наряду с этими днями у кумыков были и запретные, «несчастливые» дни. В первую очередь таким днем всеми кумыками признавался вторник (талат гюн). Как правило, в этот день не совершалось бракосочетание. Считалось, что ребенок, рожденный во вторник, обречен на всевозможные неудачи в жизни. Из месяцев «несчастливым» считался бошай (месяц, который идет после месяца рамазана). В этом месяце не принято было начинать ни одно важное дело, и ребенок, рожденный в этом месяце, считался обреченным на несчастливую жизнь.

Ряд примет имеет связь с животным миром. По поверью, например, крик совы и вой собаки предвещают смерть кого-нибудь из членов семьи. Карканье вороны также считалось предвестием несчастья; крик вороны зимой передавался в фольклоре таким образом:

Кар-кар, чтобы ночи были морозные,
Кар-кар, чтобы весь худой скот сдох (от бескормицы),
Кар-кар, чтобы нам еда была.

Когда сова подлетала близко к дому, хозяин, скрывая суеверный страх, обращался к ней с ласковым приветствием:

Богатая птица, богатая птица!
Желаю тебе женить сына,
Выдать замуж дочь,
Чтобы осуществились твои желания.

Были и счастливые приметы, связанные с птицами. Крик петуха на крыльце дома, стрекотанье сороки предвещают приход гостей, возвращение хозяина, какие-нибудь известия.

Особенно приветливо встречал кумык прилет ласточки «къарлыгъач», которая считалась священной птицей. Ласточка имела даже специальное почетное название «сайлы къуш». Она могла свить свое гнездо в любом месте дома, даже в лучшей комнате. В таких случаях двери комнаты оставались целый день открытыми. Гнездо ласточки никогда не разорялось, хотя она вносила в жилое помещение некоторый беспорядок.

По преданию, ласточки в теплых краях оставили слепую мать, по имени Юмурчук. Возвращаясь осенью в теплые края, ласточки должны принести ей привет от жителей горной страны и пожелание здоровья и исцеления больных глаз. Если Юмурчук не получит привет, она может навлечь на страну проклятье. Именно поэтому ласточку не только приветливо встречали, но и просили ее передать привет матери. С этим поверьем связан дошедший до нас отрывок из стихотворного обращения кумыков к ласточке при ее прилете:

С приездом, ласточка!
С удачным возвращением.
Если поправились глаза Юмурчук,
То передай ей от нас салам,
Если же не поправились, то передай ей,
Что мы спрашиваем о ее здоровье¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Записано в 1958 г. у Умуразият Ахмедовой, сел. Башлыкент Каякентского района.

Священной птицей считался и голубь, мясо которого могло быть употреблено в пищу только для особых лечебных целей.

Выходя из дома по серьезному делу, кумык старался избегать встречи с женщиной, идущей с пустым кувшином. Если же он ее все-таки встретил, полагалось вернуться домой и отложить дело.

С религиозно-мистическими представлениями связано и народное объяснение причины затмения луны и солнца, причины грома, молнии и т. д. Считалось, что аллах, когда бывает недоволен поведением людей, посылает на них разного рода кары. Одним из самых суровых наказаний является затмение луны или солнца. По воле бога к луне или солнцу прилетают многочисленные ангелы и заслоняют их своими крыльями. Тогда наступает затмение, которое у всех создает большую тревогу. Чтобы умиловить бога, люди должны покаяться перед ним в своих грехах, просить его о пощаде, совершить жертвоприношение. Аналогичное представление сложилось и относительно грома и молнии. В этом случае, по поверью, для наказания грешных бог посылает ангела Джабраила. Гром происходит оттого, что Джабраил скачет по небу на коне, разгоняет облака своим кнутом, а молния приобретает в воздухе форму огненного зигзага от удара ангела кнутом по облакам. Гром и молния наводили страх на суверенный народ. Этими знаменьями бог давал знать о своей силе.

Карой бога объясняли и землетрясение. Землетрясение, затмение луны, затмение солнца предвещали, кроме того, по представлениям народа, надвигающееся несчастье, кровопролитие, голод, наводнение и т. д. При затмении луны стреляли из ружья, чтобы «напугать и разогнать чертей», которые якобы заслонили луну. На крышу во время затмения бросали полотенце. Считалось, что если завязать этим полотенцем горло ребенка, больного коклюшем, то он непременно выздоровеет.

Крайне превратны были знания кумыков о строении земли. Кумыки полагали, что земля плоская и состоит из семи слоев. Под самым нижним слоем земли стоит огромный бык, который держит ее на своих рогах. Когда бык перекладывает землю с одного рога на другой, происходит землетрясение. Такое представление о землетрясении безусловно противоречило мусульманскому вероучению, которое объясняет это явление природы волей бога.

Интересны представления народа о радуге. Радуга, «джая» — предвестник хорошей погоды. Радугу еще называли «энем джая» — «лук бабы яги». Разноцветная дугообразная лента рассматривалась народом, как сочетание хлебных злаков, которыми засеяны поля. Если весной в радуге преобладал красный цвет, народ ждал много пшеницы, если преобладал желтый цвет — много ячменя, если зеленый цвет — много кукурузы. Говорили также, что оба конца радуги «джая» опираются на большой золотой клад и тот, кто достигнет конца, завладеет им.

Для определения народных воззрений на отдельные явления природы большой интерес представляют и произведения устного поэтического творчества, в частности сказки.

Относительно луны и солнца сохранилась, например, такая легенда: когда-то, в далекие времена, луна и солнце были молодыми, влюбленными людьми. Солнце было красивой девушкой, а луна — юношей. Они были сосватаны. Как-то раз юноша пришел к своей девушке и застал ее за работой — она мазала земляной пол веранды особой серой глиной. Жених начал с ней шутить. Девушка очень рассердилась. Она бросила ему в лицо кусок прыжной овчины, которым она мазала пол, а сама убежала, превратившись в солнце. Юноша, превратившись в луну, пустился в погоню за ней. До сих пор луна не может догнать солнце и наказать его. Пятна, которые видны на луне, это следы глины.

Аналогичное сказание существует и о двух ночных птицах «ат ёкъ къушлар» («безымяные» или «нет коня»), имена которых точно неизвестны народу. Эти птицы олицетворяют брата и сестру. Содержание предания таково. В одной бедной сакле, у опушки леса, жили брат и сестра. Все их богатство состояло из двух быков, арбы и коня. Однажды брат, вернувшись домой с работы, поручил сестре присматривать за конем, а сам лег спать. Девушка сидела под деревом, у опушки леса, где пасся конь, и шила себе чувяки из красного сафьяна. Сначала она следила за конем брата, но мало-помалу, увлекшись работой, совсем забыла о нем. А между тем конь, переходя с одного места на другое, исчез из виду. Окончив один чувяк, надев его на ногу, девушка вспомнила о коне, но к ее ужасу ни вблизи, ни вдали его не было видно. Долго осматривалась кругом девушка, думала о том, как огорчится брат, и решила найти коня во что бы то ни стало.

Сначала она отправилась в лес и долго бродила по нему, но напрасно: коня в лесу не было. Она вышла из лесу, и вдруг перед нею открылось озеро, на зеркальной поверхности которого играли лучи солнца и отражались прибрежные растения. «Быть может конь отправился к озеру, — подумала она. — Конечно, так: наелся досыта и захотел утолить жажду». Утешая себя этой догадкой, девушка отправилась к озеру... «Конь мой, конь мой! Где ты?» — звала она его, но коня и здесь не оказалось. Приближалась ночь. Девушка боялась вернуться к брату без любимого коня. Долго она мучалась, обдумывая, что ей делать. Наконец она поднялась на горку и стала просить бога, чтобы он ее превратил в птицу, которая могла бы быстро лететь и увидеть, где конь. Тут же она превратилась в красивую птицу, на одной ноге которой остался сафьяновый чувяк. Поздно вечером проснулся брат. Посмотрел — нет ни сестры, ни коня. На поиски их брат потратил очень много времени и сил, но не мог найти никого из них. Подобно сестре, он стал просить бога превратить его в птицу, чтобы он мог летать повсюду и разыскивать любимую сестру. Бог превратил его в такую же птицу. Предание гласит, что они с той поры ищут друг друга. Девушка ищет коня и кричит «ат ёкъ» (нет коня), а брат — «ан жагъаннамгъа къыз ёкъ» (что конь, нет девушки). Так они бродят по всему миру, не видя друг друга¹⁰⁸.

Нет надобности перечислять все поверья, которые существовали у народа. Мы охарактеризовали наиболее типичные из них.

5. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ

В народной медицине кумыков нашел отражение многовековый опыт лечения и предупреждения различных болезней.

Издавна народ научился использовать в лечебных целях многие растения. Такими растениями являлись мята (ярпуз), чебрец (гийи-кот), шиповник (итбурум), подорожник (яра япракъ), мать-и-мачеха (бакъа япракъ), мальва (бешипракъ, айлангулле), крапива (къычыткъан) и многие другие. Часть этих растений в виде настоев употреблялась при внутренних болезнях, а часть при наружных. При головной боли и простуде, например, кипятили настой крапивы и чебреца и больного заставляли дышать паром. При расстройстве желудка больному давали пить настой чебреца, при кашле — настой шиповника. Чебрец и мята употреблялись при целом ряде внутренних болезней, особенно при болезнях сердца. Свежие семена тыквы и настоев травы, известной под названием «сувал-

¹⁰⁸ Несколько другой вариант этого предания имеется в материалах известного русского ученого Л. Г. Лопатинского. См. «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», Баку, 1930, стр. 46—48.

чан от» (травя от глистов), употреблялись как глистогонные средства и т. д.

Различные травы, а также мед, масло, воск, яичный желток и т. д. применялись и при лечении ран. Свежую рану накрывали салом только что зарезанного барана, перевязывали и оставляли до следующего дня. На второй день приготавливали особые тампоны — бальгям. Чтобы получить «бальгям», заваривали в кипятке пшеничную муку. Из полученной массы, слегка замесив ее, делали калач, затем его сверху смазывали маслом и клали на рану в виде тампона. Время от времени эти тампоны менялись. Наряду с тампонами из пшеничной муки употреблялись тампоны, приготовленные из волокна кендыря с яичным белком. Если рана была на голове, то тампоны делали из ваты, прокипяченной в масле. Тампоны вставлялись и в застарелые раны с тем, чтобы, как говорили кумыки, «заставить рану работать», т. е. вызвать выход из раны гноя и омертвевших тканей. Когда рана начинала заживать, на нее клали листья подорожника и мать-и-мачехи. Врачеватели постоянно следили за тем, чтобы на ране не росло «чирик эт», т. е. так называемое дикое мясо. Чтобы не допустить роста такой ткани, рану засыпали порошком, приготовленным из особых сухих целебных трав.

Способ лечения ран кавказскими, в том числе и дагестанскими, народными лекарями получил достойную оценку со стороны знаменитого русского хирурга Пирогова в его «Отчете о путешествии по Кавказу»¹⁰⁹. Многие лечебные приемы, практиковавшиеся у кумыков, имеют большое сходство с теми приемами, которые наблюдал знаменитый хирург на Кавказе. Таково, например, применение тампонов для расширения отверстия застарелой раны, применение теплого сала только что зарезанного барана, отказ при лечении ран от хирургических операций за исключением удаления пуль и т. д.

Наиболее удачна была, пожалуй, деятельность местных врачей в области лечения вывихов и переломов костей. Было немало опытных, известных далеко за пределами родных селений лекарей-костоправов. После выправления кости на место перелома накладывалась тугая повязка из пропитанной маслом ткани, а сверху накладывалась вторая, сухая повязка. Затем клеем из яичного белка и муки приклеивались к сухой повязке длинные тонкие дощечки, которые сверху туго привязывались к ней. При легких вывихах и растяжениях часто ограничивались повязкой, смоченной в соленой воде. При растяжении сухожилий применялись припарки из горячих отрубей.

Разные, испытанные средства применялись и при лечении нарывов и язв. Если нарыв долго не созрел, применяли горячие местные ванны и припарки. Для этой же цели употребляли крепкий настой золы (щелок), мыльные повязки, листья подорожника и т. д. Когда нарыв созрел, но долго не прорывался, его вскрывали специальным ножом или иглой. Раны и язвы после фурункулов и нарывов нередко промывались свежей мочой.

В лечебной практике широко применялись пиявки, банки, кровопускание, массаж. Для лечения всевозможных поражений кожи использовалась и нефть. Известно было лечебное питание: целебные свойства квашеного молока, меда, чеснока, лука, фруктов и т. д. Чеснок употреблялся не только в лечебных целях, но и как предохраняющее от многих болезней средство, в целях профилактики. Заслуживает внимания практика, в соответствии с которой при обмывании умершего от заразной болезни (брюшного тифа и т. д.) обмывающему обмывали рот и нос толченым чесноком.

¹⁰⁹ Н. И. Пирогов. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952, стр. 69—71.

Важную роль в народной медицине играли минеральные источники и грязи, которыми весьма богат Дагестан, особенно его равнинная часть. Целебные свойства многих источников были известны народу исстари и для лучшего использования их вод в лечебных целях были сооружены еще в давние времена большие водоемы из тесаных каменных плит. В источниках и грязях лечились от ревматизма, всевозможных кожных болезней, женских заболеваний и т. д. В начале XIX в. русское командование в Дагестане обратило внимание на наличие целебных минеральных источников и начало использовать их для пужд армии. В связи с этим у отдельных источников были возведены некоторые сооружения. Так, например, при ген. Ермолове на Каякентских серных источниках были построены помещения с ваннами и бассейны. Однако, несмотря на проведенные рядом специалистов анализы воды многочисленных минеральных источников Дагестана и признание их высоких целебных качеств, эти источники до установления Советской власти рационально не использовались. Отсталые кумыкские крестьяне, лишенные квалифицированной врачебной помощи, не всегда понимали, когда, как и при каких болезнях допустимо использование минеральных вод или грязей. На серные горячие источники, например, нередко возили туберкулезных больных, сердечников и др., которым они были противопоказаны. Горячие источники, полезные для лечения одних болезней, при неправильном их использовании уносили ежегодно десятки жизней.

Наряду с народной медициной, представляющей собой ценное наследие прошлого, у кумыков было распространено и знахарство, так называемая лечебная магия, являвшаяся откровенным шарлатанством.

Для примера опишем способ «магического лечения» болезни, которая в народе называлась «кыыргъ болгъан» (дословный перевод этого выражения — получившая сорок). Какая это болезнь, сказать трудно. Вероятно, это была одна из тяжелых инфекционных болезней. Чтобы «вылечить» больного, требовалась весьма длительная процедура. Больного прежде всего протаскивали три раза под корытом, в котором обмывали покойника. Если больной не выздоравливал, тогда считали, что болезнь перешла не от покойника, а от собаки. Поэтому больного протаскивали три раза через отверстие, проделанное собаками в изгороди. Если и это «средство» не помогало, то приступали к самому сложному приему «лечения». Находили семь дворов, хозяева которых носили имя Баймат. Из плетней дворов этих хозяев доставали по колу. Далее, в ночь со вторника на среду из-под мельничного колеса набирали воду в новый гончарный сосуд. Этот сосуд ставили под навесом, где ночевали куры. Утром в среду собирали из сорока домов сорок ключей, их клали в сито, а на него — метлу. Больного сажали в таз, над его головой держали сито с ключами и метлой и через сито обливали водой, принесенной с мельницы. После этого разводили костер из кольев, взятых у семи Байматов. В костер бросали еще старый кизяк и паутину. Больной должен был сидеть у костра таким образом, чтобы дым шел ему в лицо.

Вполне возможно, что в описанный лечебно-магический обряд входил и заговор, т. е. какая-то словесная формула, не дошедшая до нас.

При лечении магическим способом глаза, пораженного так называемым ячменем (арпа), применялся легкий удар локтем по глазу и более сильный удар по полу. При этом читался заговор: «легкость тебе (глазу), тяжесть земле».

При малярии, которая трудно поддавалась лечению, кто-нибудь из членов семьи больного должен был ночью подойти к окнам или дверям трех домов и внезапно крикнуть: «Что исцелит скрыггую малярию?». Хозяева дома могли назвать любой продукт питания, и он считался исцеляющим средством для данного больного.

У кумыков, как и у других народов, существовало поверье, что человек и даже скот легко может заболеть от «дурного глаза». В лечении от «сглаза» или «порчи» применялись особые «магические средства». Чтобы вылечить ребенка от «сглаза», применялись, например, такие магические действия: брали из очага горящие угли и, называя каждый уголек именем подозреваемого в «дурном глазе» человека (Патиматны гёзю, Айшатны гёзю — глаз Патимат, глаз Айшат и т. д.), бросали в воду, затем вынимали из нее, растирали и мазали ребенку лоб, щеки, уши, руки и т. д. Эти же «средства» применялись в предохранительных целях.

Большое место занимала магия в области взаимоотношений между полами (любовная магия). С. А. Токарев правильно указывает причины более устойчивого бытования любовной магии. Он объясняет этот факт прежде всего подчиненным положением женщины в дореволюционной России, когда женщина «очень редко могла выражать свои чувства и еще реже свободно распоряжалась своей судьбой»¹¹⁰. В еще большей степени это соображение может быть отнесено к положению женщины Востока, в частности Дагестана.

Для привлечения любимого человека кумычка прибегала к различным «магическим средствам». Первое место среди всевозможных привораживающих средств занимал так называемый «суйдюм таш» (любовный камень), который якобы падает с неба вместе с градом. Этот мягкий белый камень, растертый особым способом в порошок (при растирании камня полагалось производить движения, направленные к себе), примешивался к питью или пище и давался мужчине, которого женщина желала привлечь к себе. Приготовление этого «средства» сопровождалось заговором; говорилось, в частности: «чтобы ты полюбил меня так, чтобы без меня не мог жить, чтобы мы соединились в одно и жили дружно как две влюбленные птицы». Другим, не менее сильным «средством» считалась кость лягушки. Живую лягушку помещали в ящичек из сырой глины с маленькими отверстиями с разных сторон. Ящичек ставили на муравейник. Как только лягушка погибала, муравьи поедали ее, оставляя одни косточки. Из них женщина выбирала косточку в форме вилки. Считалось, что если этой вилочкой она зацепит одежду любимого человека, то этим она вызовет ответное чувство.

Наряду с привлечением любимого «магическими средствами» практиковались и «средства» уничтожения любви, сеяния раздора между мужем и женой. При этом самым сильным «средством» считался волчий глаз (бёрю гёз), точнее глаз старого волка. Этот глаз проносили между любящими, причем глаз волка обращали в сторону того, кто должен был разлюбить. Верили, что с помощью магии можно принести вред и на расстоянии. В этом отношении очень характерен прием «нанесения вреда» ненавистному человеку (чаще всего женщине-сопернице), расправляясь с его изображением. Для этого делалась особая кукла «халмач» из курдючного сала. У ненавистного человека похищали клочки одежды, прядь волос. Из всего этого изготовлялась одежда и прическа для куклы. Таким образом, кукла как бы становилась подобием этого человека и называлась его именем. В голову куклы вбивали гвоздь, в туловище втыкали иголки или колючки растения «держи-дерево». Считалось, что вред, нанесенный кукле, отразится на состоянии того человека, которого изображает кукла. Потом кукла закапывалась в землю в том месте, где чаще всего бывал этот человек. При этом произносился заговор: «чтобы ты высох, пропал, так же как эта кукла».

Существовал магический обряд заклинания вора. Эта процедура также производилась с использованием лягушки, которую заговорив сажали в

¹¹⁰ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 137.

пустой сосуд. Считалось, что после совершения этого обряда вор получит тяжелую болезнь мочевого пузыря и умрет одновременно с пойманной лягушкой.

В этих случаях мы имеем дело с имитативной магией. Как кукла (хал-мач), так и лягушка здесь выступают двойником намеченной жертвы.

Для «избавления» от стихийных бедствий, болезней, «дурного глаза» и т. д. надевались на шею, преимущественно детям и скоту, разные амулеты в виде бус, раковин, камешков из «святых мест» и др. Чаще всего в качестве амулетов употреблялись изречения из Корана, написанные на бумаге и зашитые в тряпочку в форме квадрата или треугольника. Их носили на шее, на спине, под мышкой и т. д. Для «охраны» садов и полев в качестве амулета вешали череп животного, обычно череп лошади. Охраняющая сила приписывалась и многим другим предметам. Так, например, в комнате роженицы должен был стоять сосуд с водой, в которую опускалось сырое яйцо, на порог следовало класть какую-нибудь железную вещь, чаще всего лемех плуга, возле постели роженицы — золото или ртуть. Нередко знахари, хорошо понимая, что одни «магические средства» не могут принести пользу больному, применяли и средства народной медицины. С другой стороны, и народные лекари под влиянием религии и знахарства зачастую применяли некоторые «магические приемы».

Как известно, одним из наиболее распространенных средств народной медицины является применение лекарственных растений. Однако при сборе этих растений или изготовлении из них лекарств практиковались и различные магические приемы. Как правило, для сбора некоторых растений выбирался определенный день недели — среда. При сборе принято было произносить заговор. Так, в частности, при сборе фиалок, применявшихся при внутренних болезнях, нужно было произносить:

Если ты действительно фиалка,
А я тебя собирающая,
А я тебя собрала бы,
Если бы ты излечила от семи болезней.

Такой же заговор применялся при сборе мяты, чебреца и др. На территории кумыков, как говорилось выше, много целебных минеральных источников. Так, например, в Каякентском районе, возле сел. Капкайкент, есть источник, который народ считает целебным и называет «тёз сув» (вода от «сглаза»). Если человек заболел и окружающие полагают, что его «сглазили», то заболевшего лечили водой из этого источника. Воду подогревали и попружали в нее большого на определенное время, после чего укладывали в теплую постель. Такое лечение, безусловно, в некоторых случаях могло благотворно отразиться на состоянии больного. Но примечательно то, что вместе с этими, вполне рациональными приемами считалось необходимым одновременно с ними произносить заговор и производить действия, которым приписывалась магическая сила.

Глаза всех летающих по небу,
Глаза ходящих по земле,
Глаз собаки, глаз кошки
Пусть сглазят тебя тогда,
Когда ты поставишь лестницу до неба,
Когда ты поднимаешься по ней в чувяках,
Пусть тебя сглазят тогда,
Когда ты превратишь муравьев в баранов
И поведешь на кутаны ¹¹¹.

¹¹¹ Записано в 1958 г. у Папу Гаджиева (40 лет) из сел. Алходжакент Каякентского района.

При произнесении этого заговора в воду бросали горящие угли, причем каждый кусок угля назывался «глазом» (глаз кошки, глаз летающих и т. д.).

На народную медицину весьма отрицательно влияла религия. Лечение больных в значительной степени находилось в руках местного духовенства, почти совершенно не признававшего проверенных народным опытом приемов лечения и придерживавшегося «метода» лечения исключительно с помощью молитв и талисманов. Средства лечения больных местным духовенством прекрасно описаны А. Омаровым в его «Воспоминаниях муталима»¹¹².

Официальное здравоохранение стояло на чрезвычайно низком уровне. Царское правительство не было заинтересовано в создании медицинских учреждений в Дагестане — на далекой окраине России. Даже в 1913, предвоенном году общее число врачей в области (включая города) равнялось 38, фельдшеров — 98 и повивальных бабок (акушерок) — 32¹¹³. В том же году для медицинского обслуживания 700 85⁴ душ населения области (без воинских частей) функционировало 28 больничных учреждений с общим числом коек 309, из которых 10 больниц с 201 койкой в городах и 18 с 108 койками в сельской местности¹¹⁴.

В лечебных учреждениях дореволюционного Дагестана работали в основном русские врачи и фельдшера. Среди них было очень мало женщин, что еще больше усложняло медицинское обслуживание женской части населения. Представителей народностей Дагестана, имевших специальное медицинское образование, в то время было лишь несколько человек, в том числе и кумыки — Юсуф Клычев, окончивший медицинский факультет Харьковского университета, Темирболат Бамматов и некоторые другие.

Тяжелые условия жизни, отсутствие медицинской помощи приводили к широкому распространению среди населения различных болезней. Особенно свирепствовали малярия, паразитарные тифы, дизентерия, кожные болезни и др. От непрерывных вспышек натуральной оспы гибло огромное число детей. Как видно из официального донесения начальника Кайтаго-Табасаранского округа от 24 декабря 1902 г. военному губернатору области, в сел. Каякент оспа среди детей в 1902 г. приняла угрожающий характер. «Оспа в селении Каякент, — писал начальник округа, — приняла форму эпидемии, угрожает принять еще большие размеры. Согласно донесению начальника Нижне-Кайтагского участка за время с 8 по 15 сентября сего года вновь заболело 44 и за то же время умерло 28»¹¹⁵. Неудовлетворительное состояние врачебной помощи больным оспой и отсутствие предохранительных мер хорошо отражает и другой документ — «Ведомость о ходе болезни оспы в селении Эрпели Темир-Хан-Шурина округа». По данным ведомости, в сел. Эрпели с 1 января по 15 марта 1903 г. умерло 83 человека¹¹⁶.

Сотни жизней уносили в могилу и эпидемии других болезней: кори, брюшного и сыпного тифа, дизентерии и т. д. Отсутствие специальных медицинских учреждений для женщин приводило к преждевременной смерти многих горянок-рожениц.

Таким образом, накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Кумыкии, как и повсюду в Дагестане, колониальная политика царской России предопределяла низкий экономический и культурный уровень развития населения.

¹¹² Абдулла Омаров. Воспоминания муталима. ССКГ, вып. II, 1869, VI, стр. 1—70.

¹¹³ «Обзор Дагестанской области за 1913 г.», Темир-Хан-Шура, 1913, стр. 45.

¹¹⁴ Там же, стр. 46—47.

¹¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 32, оп. 3, д. 30, л. 17.

¹¹⁶ Там же, д. 53 лл. 7—9, 14, 15, 24.

Г Л А В А С Е Д Ь М А Я

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным пунктом в истории народов Дагестана, вывела их на светлый путь строительства социализма. За сорок лет Советской власти народы Дагестана под руководством Коммунистической партии, при помощи великого русского народа и других братских народов нашей страны осуществили глубочайшие социалистические преобразования во всех областях жизни и превратили свой в прошлом отсталый край в передовую индустриально-колхозную республику с развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством.

Одним из первых и важнейших мероприятий, проведенных Советской властью в Дагестане, была национализация земли и крупных промышленных предприятий. В руки трудового народа перешли десятки тысяч плодородных земель, находившихся в частном владении князей, беков и помещиков. Трудящиеся молодой советской республики, воодушевленные отеческой заботой партии и правительства, развернули работу по восстановлению и расширению оросительной сети, столь необходимой в условиях засушливого климата. Уже в 1923 г. на территории расселения кумыков (от р. Сулак до Махачкалы) был сооружен методом народной стройки самый значительный в республике оросительный канал им. Октябрьской революции (КОР) протяженностью 91 км¹, орошавший тогда 27 тыс. десятин земли.

В апреле 1922 г. председатель Экономсовета Дагестана Д. Кюркмасов по случаю завершения первой очереди этого канала сообщил Ленину, что «состоялся пуск воды в оросительный канал имени Октябрьской революции, что дает возможность уже весной этого года вспахать и оросить до 6 тысяч десятин новых земель»². Самоотверженный труд горцев Дагестана на стройке первой очереди этого канала был высоко оценен Советским правительством. Дагестанская республика первой из советских республик была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Большая работа проводилась и по реконструкции и расширению ранее существовавших каналов. Оросительная сеть Кумыкской равнины значительно расширилась в годы пятилеток, особенно в послевоенный период.

¹ М. Виноградов. Сельское хозяйство Дагестана на путях социалистической реконструкции. «Очерки истории Дагестана», ч. II. Махачкала, 1950, стр. 105.

² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 176, л. 134.

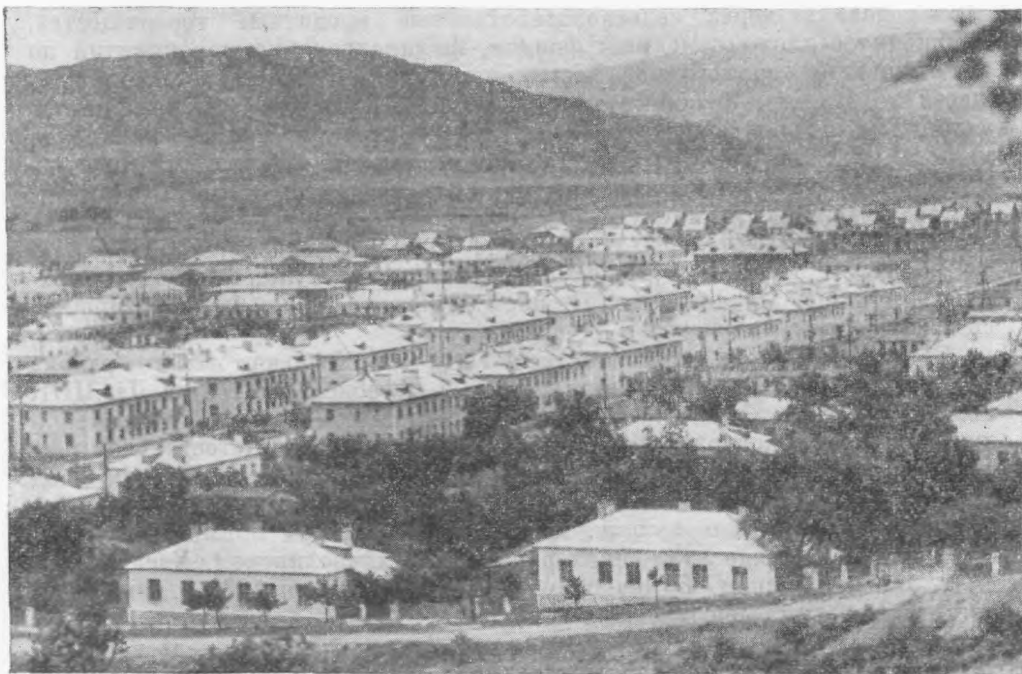

Рис. 71. Новый поселок строителей СулакГЭС (фото Ю. Шевелова)

В настоящее время, кроме рек Терек, Сулак, Шура-узень, Ярыксу, Акташ, Ямансу, Манас-узень, Гамри-узень, Уллу-чай, Башлы-узень и др., Кумыкскую степь орошают такие крупные магистральные каналы, как вышеупомянутый канал им. Октябрьской революции, орошающий в настоящее время в пределах Кизилюртовского и Ленинского районов примерно 19,2 тыс. га, канал им. Дзержинского протяженностью 99,7 км (от р. Терек до Аграханского залива) и снабжающий водой в пределах Бабаюртовского района 52 600 га, канал Юзбаш-Сулак, орошающий в пределах Хасавюртовского и Бабаюртовского районов 49 126 га, канал Шамхал-Янги-юртовский протяженностью 40 км, орошающий 4136 га в Кизилюртовском районе, Султан-Янги-юртовский канал протяженностью 4,5 км, орошающий 751 га в пределах Кизилюртовского района, Ново-Теречный канал, Кабур-Варгазар, канал Кушбар, снабжающие водой многие колхозы Хасавюртовского района, и т. д.³ Идет большая работа по соединению отдельных каналов, в частности, соединяются каналы Султан-Янги-юртовский и Шамхал-Янги-юртовский, которые будут составлять ветвь канала им. Октябрьской революции. Завершение строительства крупнейшей на Северном Кавказе Сулакской (Кизилюртовский район) и Чиркеевской (Буйнакский район) ГЭС, при которых будут созданы огромные водохранилища, сыграет важную роль в орошении Прикаспийской низменности, в том числе Кумыкской степи. Они позволят значительно расширить посевные площади и поднять урожайность полей.

Советское государство, осуществляя мудрую национальную политику Коммунистической партии, помогло трудовому крестьянству Дагестана поднять экономику на должную высоту. Специальные кредиты для приобретения рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря на льгот-

³ Сведения из Управления водного хозяйства при Совете Министров ДАССР от 1960 г.

ных условиях через сельскохозяйственные кредитные товарищества, снабжение бедноты семенным фондом, финансирование мероприятий по реконструкции оросительной сети, повсеместная организация товариществ по совместной обработке земли (ТОЗы), имевших целью развить у крестьян навыки коллективного хозяйства, показать преимущества совместной обработки земли, и многое другое явились конкретным выражением помощи Советского государства крестьянству Дагестана.

Массовое вступление кумыков в колхозы и ликвидация кулачества начались уже в 1929—1930 г. К концу 1929 г. во многих аулах Буйнакского района: Буглене, Кафыр-Кумухе, Халимбек-ауле, Канчугае, Верхнем Казанище, Муслим-ауле, Нижнем Дженгутае уже была завершена сплошная коллективизация⁴.

Вступив в колхоз, крестьяне сел. Бата-юрт Хасавюртовского района в своей телеграмме от 22 ноября 1929 г. в Дагобком ВКП(б) и Даг.ЦИК сообщали: «Мы, граждане селения Бата-юрт, в количестве две тысячи душ вступили в колхоз. Заверяем руководящие органы Дагестанской республики... план пятилетки по хлопководству выполним в три года. Под руководством партии, правительства, в союзе с рабочим классом, отменяя бухаринское хныканье кулака, дружными колоннами примемся строить социализм»⁵. В ряде кумыкских районов: Махачкалинском, Хасавюртовском, Бабаюртовском, Буйнакском, в начале февраля 1930 г. сплошная коллективизация была завершена⁶.

Огромную роль в социалистическом переустройстве сельского хозяйства, его технической реконструкции сыграли машино-тракторные станции.

Победа колхозного строя, основанного на широком применении машинной техники, открыла новые возможности для подъема сельского хозяйства, увеличения его товарности и повышения материального и культурного уровня жизни крестьянских масс.

Развитию социалистического сельского хозяйства также способствовала и та большая работа по осушению заболоченных участков, освоению новых земель, дальнейшему расширению оросительной сети и т. д., которая осуществлялась широкой колхозной общественностью с помощью государства. Эта работа позволила намного увеличить площадь пахотных земель, укрепить кормовую базу.

Победа колхозного строя обеспечила быстрый рост животноводства. Он шел не только по линии увеличения поголовья скота, но в значительной мере и по линии улучшения породного состава. В Дагестан были завезены племенные производители вюртембергских овец и швицкой породы крупного рогатого скота. В 1940 г. поголовье крупного рогатого скота в Дагестане увеличилось против 1913 г. на 153%, овец и коз — на 140%⁷.

Война, навязанная народам нашей страны фашистской Германией, замедлила темпы развития экономики Дагестана. Самая работоспособная часть населения ушла защищать Родину на фронт, а также на строительство Каспийской оборонительной линии. На нужды фронта были мобилизованы машины, арбы, лошади. В ряде кумыкских районов (Хасавюртовском, Бабаюртовском, Кизилюртовском), входивших в прифронтную полосу, значительно сократились посевные площади и поголовье скота. Однако народы Дагестана, как и весь советский народ, самоотверженно

⁴ «Очерки истории Дагестана», т. II, стр. 165.

⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. I, оп. 10, д. 197, л. 129.

⁶ «Очерки истории Дагестана», т. II, стр. 167.

⁷ А. Д. Д а н и л о в. Сельское хозяйство Дагестана за сорок лет Советской власти в республике. «Сельское хозяйство Северного Кавказа», Краснодар, 1960, № 3, стр. 5.

прудясь во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками, успешно справились с поставленными перед ними задачами. После победоносного окончания Великой Отечественной войны народы Дагестана под руководством Коммунистической партии не только восстановили народное хозяйство в довоенных размерах, но и во многом превзошли уровень 1940 г.

В послевоенный период значительно расширилась материально-техническая база колхозов — сеть машинно-тракторных станций, увеличилось число специалистов сельского хозяйства, шире стала применяться передовая агротехника, большая работа проводилась по освоению целинных и залежных земель и т. д.

В одном только 1954 г. было освоено целинных земель: по Каякентскому району 200 га, Кизилюртовскому — 1600, Хасавюртовскому — 1130 га. В 1959 г. колхозы Хасавюртовского района освоили уже 1534 га целинных и залежных земель. Все это давало возможность колхозам значительно увеличить посевные площади. Так, колхоз им. Ленина Хасавюртовского района, освоив новые земли, в 1959 г. увеличил посевы по сравнению с 1956 г. на 1116 га.

В настоящее время кумыкские районы представляют собой районы передового социалистического земледелия. Сотни и тысячи тракторов, комбайнов, сеялок, молотилок и других первоклассных машин работают теперь в кумыкских колхозах, преобразив труд и быт кумыков.

Чтобы показать уровень механизации трудовых процессов в полеводческом хозяйстве кумыков, приведем данные по Хасавюртовскому району. В 1959 г. на полях колхозов этого района работало колесных тракторов (разных марок) — 125, зерновых комбайнов — 124, имелось грузовых автомашин — 228, автомашин специального назначения (автопередвижные мастерские и др.) — 4, легковых автомобилей — 9, прочих транспортных средств (автоприцепы, мотоциклы, тягачи и т. д.) — 67, почвообрабатывающих машин — 1023 (культиваторы, бороны и т. д.), посевных и посадочных машин (сеялки разных видов и т. д.) — 199, уборочных машин — 431 и прочих сельхозмашин — 35, машин по борьбе с вредителями сельскохозяйственных растений — 70, машин и орудий для приготовления кормов и для других нужд животноводства — 204. Этой техникой управляло 109 комбайнеров, 395 трактористов, 26 машинистов, 264 шофера и т. д. В своей основной массе это местные люди, члены колхозов.

Применение такой техники способствует резкому подъему колхозного земледелия кумыков. В настоящее время в кумыкских колхозах механизированы почти все полевые работы. Механизированы многие процессы и в животноводстве.

Большое значение в деле поднятия производственно-технической базы колхозов имело постановление февральского Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Колхозы, сосредоточив основную технику в своих руках, получили все возможности, чтобы еще более рационально, по-хозяйски использовать ее, проявлять инициативу в подготовке и подборе кадров сельскохозяйственных работников, в том числе механизаторов.

В условиях широкого применения машинной техники колхозы Дагестана, в том числе и кумыкские колхозы, на первый план выдвигают вопросы всемерного повышения производительности труда, сокращения затрат труда и средств на производство единицы продукции. В колхозе им. Ленина Хасавюртовского района, например, где систематически ведется борьба за осуществление этой задачи, себестоимость одного центнера кукурузы еще в 1958 г. составляла 6 руб. 12 коп.⁸

⁸ Обращение колхозников, колхозниц и специалистов сельхозартели им. Ленина Хасавюртовского района ко всем труженикам сельского хозяйства Дагестанской АССР. «Дагестанская правда», 16 января 1959 г.

Рис. 72. Здание правления колхоза им. В. И. Ленина в сел. Андрей-аул (фото Ю. Шевслева)

Большинство кумыкских колхозов — многоотраслевые хозяйства, имеющие полеводческо-животноводческое направление. Все же ведущей отраслью хозяйства колхозов является полеводство, в особенности возделывание зерновых культур. В Хасавюртовском, Ленинском, Кизилюртовском, Каякентском районах примерно 60—70% посевных площадей отведено под зерновые культуры. В Хасавюртовском районе, например, колхозы имеют посевы озимых и яровых 46 038,3 га, из них зерновых — 34 016,7 га. Колхоз им. Ленина сел. Андрей-аул этого района имеет 3658 га посевной площади, из которых зерновыми культурами занято 2600 га, а из 5355,5 га посевов озимых и яровых колхоза им. Карла Маркса сел. Карабудахкент Ленинского района 4511 га засеваются зерновыми.

Среди зерновых культур первое место по-прежнему занимает пшеница, лучшими сортами которой считаются здесь сари-будай и ак-будай. Часть пашни занята также ячменем и кукурузой, которые имеют особенно важное значение для развития общественного животноводства. В последние годы, особенно после XXI съезда КПСС, большое внимание уделяется возделыванию кукурузы как важнейшей зернофуражной культуры. Если в 1953 г. в колхозе им. Ленина сел. Андрей-аул Хасавюртовского района этой культурой было занято 558 га, то к 1959 г. ее посевы увеличились до 830 га⁹.

Благодаря широкому применению машин, орошения, введению севооборотов с посевом многолетних трав, улучшающих структуру почвы, применению новейшей агротехники и передового опыта колхозы обеспечили высокие и устойчивые урожаи зерновых. Многие колхозы в 1959 г. получили с гектара по 26—30 центнеров озимой пшеницы¹⁰ и по 60—70 и более центнеров кукурузы.

Наряду с зерновыми культурами в хозяйстве кумыкских колхозов значительное место занимают садоводство и виноградарство, являющиеся весьма доходной и перспективной отраслью сельского хозяйства. Масовая посадка винограда, плодовых деревьев и внедрение мичуринских

⁹ «Дагестанская правда», 16 января 1959 г.

¹⁰ А. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 6.

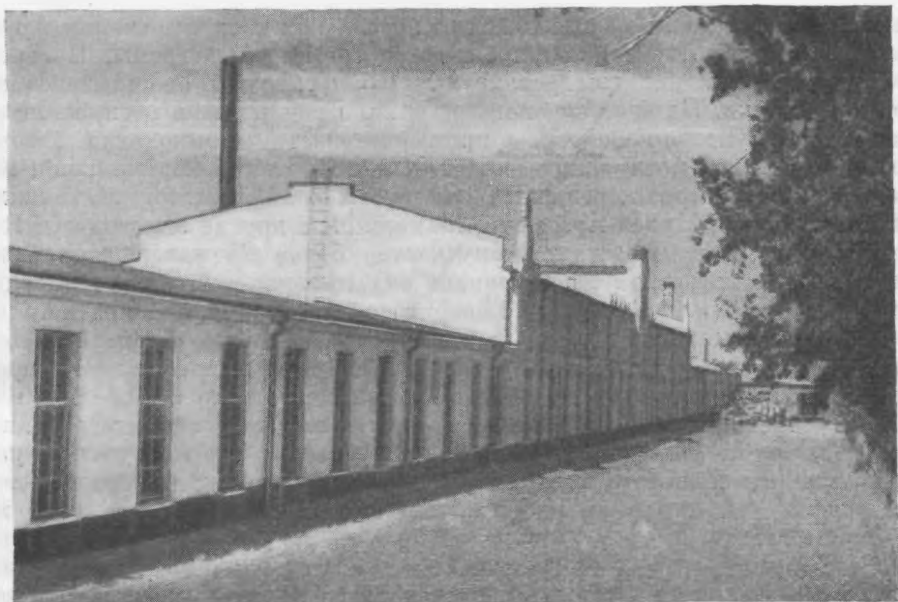

Рис. 73. Один из корпусов Хасавюртовского консервного завода

сортов развернулись в кумыкских районах только после коллективизации сельского хозяйства. Теперь в одном только Буйнакском районе занято садами около 2000 га, площадь садов колхоза им. Орджоникидзе этого района составляет свыше 300 га. Особенно большие сдвиги сделало садоводство за последние годы.

Это можно хорошо проиллюстрировать на примере того же колхоза им. Ленина Хасавюртовского района. В этом колхозе насчитывалось под садами в 1956 г. 159 га, в 1957 г.— 260,8, в 1958 г.— 275, а в 1959 г.— уже 440 га. То же самое можно сказать и о развитии виноградарства. В том же колхозе площадь виноградников в 1956 г. составляла 80,8 га, а к 1959 г. она увеличилась до 258,6 га.

Большие успехи в развитии садоводства и виноградарства сделал молодой совхоз им. Орджоникидзе Кизилюртовского района, организованный на базе сельхозартели им. Орджоникидзе сел. Чонт-аул. На 1 января 1960 г. в совхозе насчитывалось 607 га плодовых садов и 130 га виноградников¹¹.

Семилетний план колхозов и совхозов предусматривает значительное развитие садоводства и виноградарства. В упомянутом выше совхозе им. Орджоникидзе к 1965 г. решено довести площадь садов и виноградников до 1050 га¹², а в колхозе им. Ленина Хасавюртовского района — до 1060 га. В развитии садоводства большую роль играют питомники, созданные в ряде районов, в том числе в Буйнакском, Хасавюртовском, Кизилюртовском.

С целью испытания и внедрения наиболее ценных сортов в Буйнакском, Хасавюртовском и в ряде других районов созданы государственные сортовые участки плодоягодных культур и винограда.

В условиях колхозного строя кумыки получили возможность выращивать высокие урожаи плодов и винограда. На сотнях автомашин (колхоз-

¹¹ И. Кожевников. Большой разбег нового совхоза. «Дагестанская правда», 19 февраля 1960 г.

¹² Там же.

ных и государственных) вывозятся из кумыкских колхозов свежие фрукты и виноград для отгрузки в промышленные центры страны. В городах республики сами колхозы реализуют свои фрукты и овощи через свои торговые точки. На базе садоводства и виноградарства в республике развиваются фруктово-консервная промышленность и виноделие. В число крупных заводов республики входят Хасавюртовский, Буйнакский, Маджалисский фруктово-консервные заводы, Хасавюртовский, Махачкалинский винзаводы, Муцал-Аульский, Манасский и другие винсовхозы. В настоящее время в Дагестане выпускается более 25 наименований вин. Высокое качество ряда дагестанских вин признано на международных конкурсах вин (в Югославии и Венгрии), где они получили медали.

К концу семилетки удельный вес садоводства и виноградарства в хозяйстве колхозов возрастет еще более. Так, семилетним планом предусмотрено увеличить в Дагестане площадь виноградников более чем в два раза по сравнению с 1958 г. Есть все основания полагать, что в ближайшем десятилетии территория расселения кумыков будет не только районным крупным зерновым хозяйством, но и станет обширным садово-виноградским районом с высокоразвитым виноделием и консервной промышленностью.

Немаловажную роль в экономике колхозов играют и огородно-бахчевые культуры. Благоприятные природно-климатические условия, широкое применение сельскохозяйственной техники и орошения позволяют кумыкам из года в год увеличивать площади, занятые этими культурами, и получать высокие урожаи.

Овощеводческое хозяйство кумыкских колхозов приспособлено к потребности городского населения в свежих овощах, а также к потребностям развивающейся консервной промышленности Дагестана, перерабатывающей овощи. Первое место среди овощных и бахчевых культур занимают крупноплодные томаты, которым в ряде колхозов принадлежит более 50% всей площади, отведенной для всех видов овощных культур, лук, чеснок, арбузы, дыни и огурцы, разведение которых традиционно для кумыков, а также капуста, баклажаны, перец и т. д.

Механизация трудовых процессов, проведение сева в лучшие агротехнические сроки квадратно-гнездовым способом, повседневный тщательный уход обеспечивают высокие урожаи овощных культур в колхозах. Кумыкские колхозы имеют большие перспективы дальнейшего развития этой высокодоходной отрасли сельского хозяйства. Уже семилетним планом предусмотрено значительное расширение площадей этих культур, особенно вблизи городов и рабочих поселков.

Второй по своему экономическому значению отраслью общественного хозяйства кумыков (после земледелия) является животноводство мясомолочного направления, а также коневодство.

В прошлом, как мы отмечали выше, животноводство здесь было представлено малопродуктивными местными породами крупного рогатого скота и овцами кумыкской грубошерстной породы. В годы Советской власти и особенно после коллективизации сельского хозяйства были созданы необходимые условия для крутого подъема животноводства, для численного роста поголовья скота и, особенно, для качественного его улучшения. В настоящее время животноводство в кумыкских колхозах превратилось в высокодоходную отрасль сельскохозяйственного производства.

За последние годы широкое развитие в колхозах получили птицеводство и свиноводство, в ряде колхозов занимаются также пчеловодством и разведением шелкопряда.

Для улучшения поголовья скота используются высокопродуктивные племенные породы. Широко применяются методы искусственного осеме-

нения сельскохозяйственных животных. Все кумыкские колхозы отнесены по плану народнохозяйственного районирования в зону разведения меринских пород овец и молочного скота красностепной породы. Поголовье лошадей улучшается арабской и буденновской породами. В таких районах, как Бабаюртовский, Хасавюртовский, Буйнакский, Карабудахкентский, все поголовье скота на животноводческих фермах уже представлено племенным или улучшенным высокопродуктивным скотом. Многие колхозы этих и других районов добились высоких показателей по повышению продуктивности скота и увеличению производства мяса, молока, шерсти и т. д. Это достигнуто не только путем улучшения породности скота, но и благодаря созданию прочной кормовой базы, ветеринарному обслуживанию, организации правильного кормления, заботливому уходу за скотом. На молочно-товарных и других животноводческих фермах колхозов построены просторные, хорошо оборудованные помещения по типовым проектам. В районах создана широкая сеть зооветеринарных учреждений, которые обеспечивают своевременное проведение оздоровительных профилактических обработок скота.

Большую роль в обеспечении общественного животноводства кормами играет кукуруза, которая, как уже отмечалось, широко внедряется в колхозном растениеводстве. В 1958 г. один только колхоз им. Ленина Хасавюртовского района засеял 100 га кукурузы на силос, что дало 1850 т отличного силоса. Введение в рацион кормления кукурузного силоса и концентратов позволило колхозам значительно повысить продуктивность скота.

Многие колхозные фермы Ленинского, Хасавюртовского и других районов широко применяют механизацию трудоемких процессов в животноводстве. Во всех колхозах полностью механизированы стрижка овец, заготовка грубых концентрированных и сочных кормов.

Роль техники в заготовке кормов показывают хотя бы данные по Хасавюртовскому району. Для приготовления кормов и других нужд животноводства колхозы этого района имеют 204 различных машины. На племенных и на ряде молочно-товарных ферм применяются электродойки, механизированы процессы переработки и подачи кормов, воды, очистки животноводческих помещений и т. д.

За годы Советской власти выросли десятки и сотни замечательных мастеров животноводства, овладевших техникой высокопродуктивного сельского хозяйства, отдающих все свои силы и знания развитию общественного животноводства и вносящих свой вклад в выполнение поставленных партией задач по крутому подъему сельского хозяйства. Животноводы республики взяли на себя обязательство выполнить задания семилетки по мясу за пять лет, молоку — за четыре, яйцам — за три года. Наивысших показателей в молочном животноводстве добились колхозы им. Карла Маркса и им. Ленина Ленинского района, колхозы им. Орджоникидзе и им. С. Дударова Буйнакского района, им. Ленина Хасавюртовского района и ряд других. В этих колхозах от каждой коровы надаивают вместо 300—400 кг по 2500—3000 кг молока, от каждой овцы вместо 1—1,5 кг шерсти получают 4—5 кг. В 1959 г. передовая доярка Ленинского района Хала Махмудова надоила от каждой коровы по 4127 кг молока, а доярка того же района Ажай Шейхова — 3985. Успешно выполняя решения декабрьского Пленума ЦК КПСС (1958 г.), многие колхозы за первый квартал 1960 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года увеличили производство мяса почти в шесть раз, а молока на 109%¹³. За это же время

¹³ «Дагестанская правда», 10 мая 1960 г.

в колхозах Каякентского района поголовье крупного рогатого скота возросло на 111%, овец — на 105% и свиней — на 117%¹⁴.

У кумыков, так же как и у других народов Дагестана, сохранилась система перегона скота с летних пастбищ на зимние и обратно. Но система эта подверглась большим изменениям. В прошлом перегон был частным делом отдельного владельца овец. Не удивительно, что из-за недостатка кормов и воды, из-за недостатка транспорта для приплода и больших животных, перегоняемых на расстояния в 120—150 км, в пути гибло много овец. В условиях колхозного строя перегон скота стал проводиться организованно, с участием всей колхозной общественности, с налаженным зооветеринарным обслуживанием. В последние годы широко применяется перевозка скота с одних сезонных на другие сезонные пастбища железнодорожным и морским транспортом, на специальных автомашинах. На трассах скотопргона и на самих пастбищах созданы ветеринарные пункты, введены специальные постройки для работников ферм.

Коренным образом изменилось снабжение чабанов продуктами питания и их культурное обслуживание. Известно, как тяжело жилось прежде батраку-чабану. Ему поручалось пасти 250—300 овец. Чабан работал, не зная отдыха, днем и ночью, за самое скудное содержание. Целый год он жил вдали от семьи, на пастбище. Только собака и свирель были его неразлучными друзьями. В настоящее время труд чабана и табунщика стал почетным, высокооплачиваемым. Передовые колхозы делают все возможное, чтобы создать чабанам хорошие бытовые условия. Для них построены на кутанах благоустроенные жилища, избы-читальни, красные уголки и пр. Часто к работникам ферм приезжают их семьи.

Благоустроенные дороги, наличие автомашин позволяют колхозам, торгующим организациям и культурно-просветительным учреждениям вовремя реагировать на нужды чабанов и других работников животноводческих ферм, регулярно снабжать их всем необходимым.

За последнее время в ряде колхозов стали развиваться такие доходные отрасли хозяйства, как пчеловодство и шелководство, исстари известные местному населению. В колхозах Хасавюртовского района насчитывается более 20 тыс. голов птицы. В развитии и улучшении поголовья птицы, повышении ее продуктивности, важную роль сыграли инкубаторно-птицеводческие станции, созданные в Буйнакске, Хасавюрте, обеспечивающие колхозы здоровым молодняком. Разводятся новые породы птиц, особенно яйценоская русская белая порода и ее помеси. Кроме кур, занимающих первое место в поголовье птиц, кумыкские колхозы разводят индеек и водоплавающую птицу (гусей, уток).

Колхозы располагают подсобными предприятиями: мастерскими, мельницами, электростанциями и т. д. Тот же колхоз им. Ленина Хасавюртовского района для обслуживания своих нужд имеет две мельницы, маслобойку, небольшой черепично-кирпичный завод, лесопилку, столярно-плотничью мастерскую, кузницу и т. д., где широко применяется электрический ток, получаемый из г. Хасавюрта. Наличие таких подсобных предприятий помогает колхозу лучше использовать свои возможности, шире развернуть строительство помещений, обеспечить ремонт и изготовление деталей хозяйственного инвентаря.

Из года в год растет в кумыкских районах число электростанций. Многие населенные пункты полностью электрифицированы. Кроме энергии колхозных электростанций, кумыкские селения получают электроэнергию из Махачкалы, Избербаша, Каспийска, Буйнакска, Хасавюрта, что позволяет отдельным колхозам электрифицировать многие трудовые процессы. С завершением строительства крупнейшей гидроэлектростан-

¹⁴ «Дагестанская правда», 10 мая 1960 г.

дти на р. Сулак электрификация кумыкских селений возрастет еще больше.

Победа колхозного строя позволила кумыкам широко применять в общественном хозяйстве автомашины, которые уже стали в колхозах основным средством перевозки людей и грузов. Однако для этой цели частично применяются еще фургоны и арбы, а для обслуживания бригад — бидарки, тачанки и верховые лошади.

Широкое применение автомашин стало возможным благодаря тому, что за годы Советской власти на территории кумыков проложены новые, благоустроенные дороги, связывающие все селения друг с другом, с районными центрами, с шагорным Дагестаном, со всеми городами республики. Многие дороги, которые пересекают Кумыкскую равнину, в частности автомагистрали Махачкала — Грозный и Махачкала — Дербент, имеют общесоюзное значение. Чрезвычайно важны для хозяйственных связей кумыков, для повышения товарности продукции колхозов железнодорожная магистраль, проходящая через приморскую часть их территории, и линия Махачкала — Буйнакск.

Большинство кумыкских селений занимает очень выгодное положение. Так, например, на территории Каякентского района проходит железнодорожный путь с четырьмя станциями. Центр Ленинского района — сел. Карабудахкент — находится в 12 км от ближайшей железнодорожной станции Манас, с которой соединен хорошей гравийной дорогой. Центры Каякентского, Хасавюртовского, Буйнакского, Кизилюртовского районов расположены у железнодорожной линии. Это города Избербаш, Хасавюрт, Буйнакск и сел. Кизил-юрт. Отсюда ясно, какое огромное влияние оказывает город на развитие экономики и культуры кумыкского колхозного села.

Успехи колхозов во многом зависят от правильной организации труда, от их планомерной, целеустремленной работы.

Колхоз сплотил в единый, дружный и равноправный коллектив всех тружеников кумыкского села, сделав их хозяевами земли и большого общественного производства. Исчезли нищета, бесправие, экономическая зависимость от богачей, которые эксплуатировали кумыка-бедняка в прошлом. Навсегда исчезло и бывшее половозрастное разделение труда, мешающее проявлять творческую инициативу всем трудоспособным людям. Одной из специфических черт нового быта кумыков является активное участие женщин в общественном производстве. Члены колхоза, в том числе и женщины, разбиты на производственные бригады (полеводческая, садоводческая, строительная и т. д.), за которыми закреплены определенные участки работы и часть инвентаря, хозяйственные постройки и т. д.

Разбивка на бригады во многих крупных селениях происходит по территориальному принципу, что очень удобно для членов бригад и для руководящих ими бригадиров.

При разделении труда между женщинами и мужчинами в колхозных бригадах исходят из целесообразности использования мужчин на более трудоемких процессах. Так, овцеводческие и коневодческие фермы в настоящее время почти целиком обслуживаются мужчинами, а уход за птицей и за молодняком скота, доение коров, переработка молочных продуктов являются делом женщины. В колхозах создаются все условия для эффективного участия всех членов колхозов в общественном производстве. Большая ответственность за правильную организацию труда, за рациональное использование возможностей каждого работника и приобретенной на колхозные средства техники лежит на правлении колхоза, которое избирается из самых опытных колхозников, хороших организаторов. За последнее время правления многих колхозов стали возглавлять люди,

получившие специальное сельскохозяйственное образование, — агрономы, ветеринары, а также бывшие ответственные работники партийных и советских органов, имеющие большой опыт работы с массами, способные организовать колхозное крестьянство на дальнейший подъем общественного хозяйства.

С каждым годом увеличивается мощь общественного хозяйства колхозов. Вместе с подъемом их хозяйства, увеличением доходов неуклонно повышается и уровень материального благосостояния колхозников. Иллюстрацией может служить тот же колхоз им. Ленина Хасавюртовского района. В 1955 г. колхоз выдавал на трудодень зерном 4,5 кг и деньгами 4 руб. 20 коп., а в 1956 г. — зерном 4,67 кг и деньгами 8 руб., в 1957 г. — зерном 5,56 кг и деньгами 9 руб., в 1958 г. — зерном 6,1 кг и деньгами 9 руб. Даже в малоурожайном, засушливом 1959 г. трудодень в колхозе составил около 12 руб.

Социалистический принцип оплаты обеспечивает рост производительности труда и является одним из важнейших условий организации и развития в колхозах социалистического соревнования. В колхозах большое внимание уделяется материальному поощрению передовых колхозников, им начисляются дополнительные трудодни, выдаются ценные подарки и т. д. Основной доход, который получает кумык-колхозник от общественного хозяйства, дополняется доходом от личного подсобного хозяйства. В соответствии с Уставом сельхозартели колхозная семья имеет приусадебный участок, а также принадлежащий ей мясо-молочный скот (корову, несколько голов овец) и домашнюю птицу.

На приусадебных участках колхозники возделывают главным образом огородно-бахчевые культуры: лук, чеснок, фасоль, тыкву, помидоры, огурцы, арбузы, дыни, разную зелень.

В отдельных селениях (Кумторкала, Тарки, Нижнее Казанище, Верхнее Казанище, Андрей-аул, Параул, Гели, Дургели, Каякент и др.) продолжают развиваться художественные промыслы, в частности ковроткачество. Они имеют не только хозяйственное значение, но и способствуют дальнейшему развитию национального искусства кумыков. Однако в кумыкских районах нет ковровых артелей, и женщины занимаются этим делом только в свободное от колхозной работы время.

Основной доход колхозник получает от общественного хозяйства, мощь которого увеличивается с каждым годом, а доход от личного хозяйства в бюджете семьи колхозника играет второстепенную роль.

Таким образом, сельское хозяйство кумыков, так же как и других народов Дагестана, за годы Советской власти достигло огромных успехов. На смену отсталому, примитивному хозяйству пришло крупное многоотраслевое полеводческое и животноводческое хозяйство, основанное на современной машинной технике и передовой советской биологической науке. За годы социалистических преобразований в экономике и культуре вырос новый человек — активный строитель коммунистического общества. Из рядов кумыкского колхозного крестьянства вышли сотни замечательных мастеров высоких урожаев, новаторов социалистических методов труда в земледелии и животноводстве, сотни механизаторов, овладевших новой техникой.

Бурное развитие получила в Дагестане, в том числе в кумыкских районах, и промышленность. За сорок лет социалистического строительства кумыкские районы превратились в районы развитой промышленности. Здесь были заново созданы оснащенные современной техникой важнейшие отрасли промышленности: нефтяной, рыбной, пищевой и т. д. Создание мощной материально-технической базы позволило поставить на службу народного хозяйства издавна известные, но примитивно эксплуатировавшиеся природные богатства края (нефть, рыба, соль и т. д.).

На территории одного только Каякентского района в голой степи возникли большой город Избербаш — один из центров нефтяной промышленности республики, поселки нефтяников, несколько рыбозаводов и т. д. За годы Советской власти неузнаваемо изменилась Махачкала — столица Дагестана, превратившаяся в мощный промышленный и культурный центр республики, выросли Хасавюрт, Буйнакс и Дербент. В районе Махачкалы возникли новый благоустроенный город Каспийск и поселок Сулак. Все они, за исключением Дербента, расположены в районах расселения кумыков. Непосредственная близость большинства населенных пунктов кумыков к этим промышленным и культурным центрам имеет огромное значение для перестройки экономики, культуры и быта кумыкского народа.

Рабочий класс Дагестана, его инженерно-технические кадры составляют большей, многонациональный отряд, в рядах которого наряду с аварцами, даргинцами, лезгинами, лакцами, русскими неустанно трудятся и представители кумыкского народа.

За сорок лет, прошедших со времени образования ДАССР, народы Дагестана благодаря помощи Советского правительства, под руководством Коммунистической партии, в братской семье народов Советского Союза ликвидировали свою вековую экономическую отсталость, минуя тяжелый путь капитализма, построили у себя социализм и сейчас уверенно идут по пути строительства коммунистического общества.

Успешное претворение в жизнь исторических решений XXI съезда партии, осуществление принятого на этом съезде семилетнего плана, являющегося программой дальнейшего мощного подъема экономики и культуры всех народов Советского Союза, еще более преобразует города и селения советского Дагестана, сделает жизнь его народов еще лучше, еще краше.

Советский строй внес существенные изменения прежде всего в характер сельского строительства. Зажиточная колхозная жизнь позволяет кумыкам строить удобные, благоустроенные дома, иметь озелененные приусадебные участки, что меняет облик села в целом. Наблюдается процесс постепенного переселения жителей из менее удобных в более удобные в экономическом отношении кварталы (Капкайкент, Паравул, Алхаджикент, Каякент, Тарки и др.). Переселение части хозяйств из густонаселенных кварталов в новые места в свою очередь способствует расширению приусадебных участков жителей, оставшихся на старом месте. В кумыкских селениях появились новые кварталы. Центр общественной жизни теперь переместился в те кварталы, где сосредоточены административные и культурно-просветительные учреждения — клуб, библиотека, школа, правление колхоза, сельсовет, радиоузел, телефонная станция и т. д. С каждым годом растет благоустройство селений, создаются колхозные электростанции, расширяется оросительная сеть, позволяющая озеленить дворы и улицы.

Особенно отличаются своим благоустройством Маджалис, Муцал-аул, Андрей-аул, Верхнее и Нижнее Казанище, Нечаевка, Буглен, Нижний Дженгутай, Кизил-юрт, Кака-Шура, Манас-кент, Ленинкент, Каранай-аул и другие селения, неузнаваемо выросшие за годы социалистического строительства.

Селение Маджалис — центр Кайтагского района — в соответствии с рельефом местности разделяется на две части. Верхний Маджалис расположен на возвышенности, куда ведет довольно крутой подъем. Это самая старая часть селения. В котловине, вдоль р. Уллу-чай, расположен Нижний Маджалис, в основном созданный за годы Советской власти. Главная улица Нижнего Маджалиса тянется с севера на юг. Особенно живописен въезд в сел. Маджалис со стороны железнодорожной станции Мамедкала.

Отсюда начинается большая шоссе́нная дорога, уходящая в горы. По обе стороны главной улицы находятся государственные и культурно-просветительные учреждения. Райисполком и его отделы занимают здания бывшей царской крепости, построенные в середине прошлого столетия и являющиеся, на наш взгляд, первыми по времени строительства зданиями, вокруг которых вырос весь этот квартал. Крепость обнесена каменной стеной, целиком сохранившейся. На восточной стороне обширной площади, у самой р. Уллу-чай, около крепости расположено несколько больших зданий. Это маджалисская средняя школа и дома учителей. В стороне от селения находится маджалисский фруктово-консервный завод — одно из крупных предприятий дагестанской консервной промышленности. Возле моста через р. Уллу-чай расположены электростанция, мельница, баня.

Большое будущее у поселка Сулакской ГЭС — Бавтугай. Этот рабочий поселок был основан совсем недавно, в 1954 г., но в нем уже выше 300 благоустроенных домов. Сейчас строительные работы ведутся здесь в больших масштабах.

Однако в отдельных селениях сохраняется прежняя скученность, не подведена питьевая вода и т. д.

Опрямую помощь в благоустройстве кумыкских селений, их электрификации, орошении и т. д. окажет заканчивающееся вскоре строительство Сулакской ГЭС — одной из крупнейших на Северном Кавказе гидроэлектростанций.

Радикальные изменения произошли и в жилищном строительстве. Благодаря победе колхозного строя кумыки получили возможность жить в благоустроенных, светлых, многокомнатных домах. В условиях Советской власти кумыкская народная архитектура развивается под благотворным влиянием передовой русской архитектуры и архитектуры других братских народов. Вместе с тем в ней продолжают сохраняться наиболее рациональные традиции, выработанные народом в результате многовекового опыта.

Одним из крупных изменений в строительстве жилища является широкое использование железа, шифера и черепицы для покрытия крыши, а также привозного леса для покрытия полов. Применение железа, шифера, черепицы и леса для этих целей имеет огромное значение; оно содействует возникновению новых архитектурных форм, значительно облегчает труд женщин по поддержанию в порядке крыш и полов, которые в прошлом обмазывались глиной, что способствовало появлению сырости, быстрому разрушению полов и крыш и т. д. По степени применения черепицы и железа первое место занимают селения северных кумыков, особенно кумыков Хасавюртовского, Бабаюртовского и Буйнакского районов, расположенные вблизи городов.

Под влиянием города изменилась и планировка жилища. Нередко встречаются дома, построенные по типу городских, с закрытыми, застекленными верандами. Увеличилось число жилых комнат, значительно сократилась площадь всевозможных хозяйственных помещений. Под кухню стали отводить отдельное помещение, которое, как правило, строится во дворе рядом с жилыми помещениями. В планировке и устройстве комнат сохраняются лучшие народные традиции, а ненужные архаические черты устраниваются. Новые дома имеют, как и старые, южную и юго-восточную ориентацию. Однако в отличие от прошлого окна обращены не только во внутренний двор усадьбы, но и на улицу. Вместо маленьких окошек в новых домах делают большие застекленные двухстворчатые окна со ставнями, защищающими от холода зимой и от солнечных лучей летом. В современных домах окна делают на высоте более 0,5 м (60—70 см) от пола. Это связано с широким внедрением в быт столов и стульев фабричного производства. Увеличить высоту окон и дверей и увеличить их размер позволяет увеличение общей высоты жилых помещений.

В новых домах уменьшилось число всевозможных ниш. Постепенно исчезают глиняные полки для утвари. Все это заменяется шкапами, шифоньерами, комодами, этажерками. Однако в ряде мест окна по традиции делают сравнительно невысокими с таким расчетом, чтобы они освещали не только стол, но и поверхность пола. Это обусловлено тем, что кумыки привыкли выполнять некоторые виды домашних работ на полу, сидя на паласах или коврах. Очень много домов за последние годы построено из камня. В таких домах стену, обращенную на улицу, как правило, сооружают из крупных тесаных каменных плит, на которых зачастую выбивают орнамент или надписи (дату закладки дома, имя хозяина, пятиконечную звезду и др.). Остальные стены обычно возводят из неотесанных камней или просто из саманного кирпича.

За последние годы в связи с увеличившимся завозом строительных материалов потолок вместо камыша и настил из жердей часто подшивают широкими ровными досками, что несомненно придает больше красоты интерьеру. Встречаются и такие дома, в которых потолок из мелких жердей и камышового настила покрывается штукатуркой с последующей побелкой. В настоящее время каминны перестали выполнять роль основного вида отопления. Правда, каминны, как и прежде, делаются почти в каждом помещении, часто даже в хозяйственном, но они имеют скорее декоративное назначение. К каминну обычно пристраивают печь из обожженного кирпича с чугунной плиткой сверху. Печь дает больше тепла и более удобна для приготовления пищи.

У кумыков существуют два вида комнатных печей; у северных кумыков широко распространение имеет уже описанная нами печь — «уый печ» с некоторыми усовершенствованиями. Ее стали делать на легкой деревянной подставке. С прекращением отопительного сезона такую печь можно вынести из жилого помещения. Южные же кумыки строят русскую печь с духовкой. Однако и при кладке этого типа печи кумыки применяют свои традиционные навыки. В частности, своеобразна духовка. Как известно, в русских печах духовка имеет форму квадратной коробки. Предварительно приготовленная железная коробка — духовка помещается в печь во время ее кладки. Духовка же кумыкских печей не представляет собой квадратной коробки и не делается полностью из железа. Выложив один ряд кирпичей стенки с оборотами для дымохода, кумычка по традиции ставит, как и в надворную печь, особый тонкий и плоский камень, который называется «эне». Этот камень образует низ духовки. По краям его кладут второй ряд кирпичей, оставляя с одной стороны небольшую дверцу. На эти кирпичи ставится лист железа, который образует верх духовки. Высота духовки, т. е. расстояние от плоского камня до листа железа, не должна превышать 15—18 см, что связано с особенностями выпечки тонкого кумыкского чурека. Отличается эта печь и тем, что она имеет сравнительно небольшую высоту, что объясняется особенностями домашнего быта кумыков — привычкой готовить пищу, сидя на ковре, подушке или на низкой табуретке. Размеры такой печи — примерно 70 × 100 см. При выборе места для печи, при ее кладке и обмазке кумычки руководствуются традиционными приемами. Совершенно вышли из употребления железные печи, как малопрактичные. Женщины не всегда устанавливают железную трубу, и в этом случае дым из печи проходит по дымоходу каминна. В теплое время года пищу готовят в печках или «отбаше», сделанных на галерее — «догъа», где семья обедает и проводит свободное время, особенно по вечерам. У засулакских кумыков и в прошлом пищу готовили летом в специально построенном во дворе помещении «аш уый» (кухня). В этом помещении нередко находилась и печь для выпечки хлеба. Эта традиция засулакских кумыков в современных условиях получила широкое развитие.

Кумыки, как и прежде, имеют хозяйственные надворные постройки. Однако в условиях колхозного строя число этих построек значительно сократилось, так как рабочий скот, арбы, основные сельскохозяйственные орудия перешли в колхоз. Совершенно исчезло со двора огромного размера соломохранилище — «алачыкъ». Двор стал просторнее и чище, так как не стало надобности ограждать отдельный участок в пределах двора для содержания скота в летних условиях (тувар чали). Освобождение двора от лишних хозяйственных построек способствовало использованию его для выращивания фруктовых деревьев и огородно-бахчевых культур. Одной из характерных особенностей новостроек является то, что при выборе участка строители исходят из наличия условий для создания огорода и сада. Эти условия больше соблюдаются в новых селениях, выросших в годы социалистического строительства (Аджи-Дада, Нечаевка, Ленинкент, Кизил-юрт, Нижний Маджалис и др.).

Большим изменениям подверглось за годы социалистического строительства и убранство жилого помещения.

Одна из комнат, в которой колхозники принимают гостей, по традиции считается парадной. Эта комната отличается лучшей обстановкой.

Как мы уже отмечали, во внутреннем убранстве жилых помещений существенную роль играли ковры — «хали». Эта традиция кумыков не только сохранилась в условиях колхозного строя, но и получила еще большее развитие. Коврами по-прежнему украшают стены и пол. Кроме ковров и паласов местного производства, в домах кумыков встречается много приобретенных на рынках, особенно в Дербенте, изделий мастериц-ковровщиц южного Дагестана. Попадают, правда реже, и лучшие образцы среднеазиатских ковров. Широкое проникновение изделий других народов обогащает художественные качества кумыкских ковров. Южные кумыки, помимо ковров, широко пользуются изготовляемыми в сел. Каякент «каякентскими паласами», а также паласами из шерсти, приобретаемыми у соседей-дагинцев. В прошлом паласы из кендыря были основным украшением в доме бедняка, в настоящее же время они используются для разных хозяйственных нужд. Такие паласы часто расстилают на веранде, где земляные полы, у печи-«кёрюк», в которой пекут хлеб, во дворе во время сушки зерна и т. д.

Кумыки полностью сохранили и даже развили существовавшую издавна традицию завешивания стен занавесками — «яювлар», цветными шелковыми и хлопчатобумажными тканями и коврами. Вместо тканей иногда употребляют обои. Окна завешиваются тюлевыми занавесками — «перде».

Медная посуда, игравшая в прошлом существенную роль в убранстве комнат, в настоящее время перешла в хозяйственные помещения. Только в немногих домах еще можно увидеть выставленные в нишах под потолком или на полочке всевозможные сосуды из меди или висящие на стене подносы.

Весьма существенную часть обстановки жилища современных кумыков составляют кровати, появление которых значительно изменило интерьер. Навселда исчезла пешая во всю длину стены полка — «зухтахта», на которую складывали постель. В настоящее время постель убирается на кровати и в специальные пристенные ниши, которые завешивают марлей или цветной тканью. Матрацы теперь делают легче и меньше, по размеру кровати. Кумыки делают также легкие матрацы из хорошей чесаной шерсти. У северных кумыков наряду с кроватями продолжают сохраняться нары — «тахтамек». «Тахтамек» выполняет не только роль кровати. Он используется и как обеденный стол. Однако и этот предмет обстановки постепенно выходит из употребления.

Характерная для кумыков опрятность, строгое соблюдение чистоты и порядка получили в условиях советского строя еще большее развитие.

Рис. 18. Типы кумыкских безворсовых ковров

Рис. 74. Современное убранство

Каждая вещь в кумыкском доме имеет определенное место. Кровать ставят у стены. Убирают ее по-городскому, но, сохраняя национальные традиции, на кровать кладут два, иногда три матраца, поверх два-три шерстяных стеганых одеяла. Строгие правила, существовавшие при уборке постели на полку, сохраняются у кумыков и при уборке постели на кровати. Для полноты убранства на стене у самой кровати вешают ковер. Если в доме несколько кроватей, то все-таки одну из них по национальной традиции убирают лучше остальных. Такая кровать, как правило, стоит в парадной комнате и предназначается для гостей.

Существенную часть современной обстановки кумыкского дома составляют столы и стулья. Стол обычно занимает место у стены. Стремление многих кумыков ставить стол у стены объясняется, на наш взгляд, сохранившейся традицией выполнять отдельные виды работ на полу, для чего кумыки оставляют свободное пространство. Это, пожалуй, нужно и для того, чтобы при большом количестве гостей можно было по обычаю расположиться для приема пищи на полу, на коврах. Во многих домах наряду с кроватью имеется разостланный на ковре (обычно около кровати) шерстяной матрац в чехле — «орнудукъ», с подушкой. На такой постели отдыхают члены семьи. Кроме того, нередко хозяева дома, принимая гостя с почетом, предлагают ему сесть именно здесь, на постели, хотя в комнате имеются стулья. Почти во всех домах появились шифоньеры, буфеты, диваны, швейные машины, радио, новые музыкальные инструменты и т. д. В настоящее время убранство большинства сельских домов трудно отличить от убранства городских квартир. Это особенно заметно в селениях, расположенных недалеко от городов и рабочих поселков.

Таким образом, современное жилище кумыков развивается, сохраняя и совершенствуя лучшие национальные традиции и воспринимая наиболее подходящие в местных условиях элементы городского домостроительства и убранства. Все эти изменения связаны с ростом материального благосостояния народа, который в условиях социалистического строя получил возможность удовлетворять свои постоянно растущие культурные потребности.

Большим изменениям подверглась и одежда кумыков. Совершенно исчезла потребность в самодельных тканях, они полностью вытеснены фабричными.

В настоящее время кумыки носят как готовую привозную одежду, так и одежду, спитую на месте. Привозной одеждой больше всего пользуются кумыки, живущие в городах и в расположенных вблизи городов поселках и селениях. Одежда местного изготовления также нередко имеет городской

покрой. Нижнее белье мужчин мало чем отличается от обычного городского. Кумыки приобретают мужское белье в магазине, да и местные мастера шьют его по городскому образцу. Только часть представителей старшего поколения продолжает носить традиционную национальную нижнюю одежду.

Сильно изменился костюм мужчин. Почти вышли из повседневного употребления бешметы (кыштал). Черкеска сохранилась в качестве парадной национальной одежды, надеваемой лишь во время советских праздников, молодежных вечеров и т. д. Исчезли из широкого употребления и овчинные шубы. В настоящее время их носят лишь некоторые старики. Совершенно исчезли чукяки с голенищами (маси). Чарьки и шапки из местной овчины мужчины носят в основном во время работы в поле. Чарьки — обувь легкая и водонепроницаемая. Преимущества чарьков перед другими видами рабочей обуви способствуют их сохранению и широкому применению повсеместно в Дагестане и в настоящее время, при наличии большого выбора готовой фабричной обуви.

В настоящее время сохранились и оба вида бурок — для пешеходов и всадников. Они особенно нужны в условиях сельскохозяйственных работ. Хорошая теплая бурка вполне заменяет постель. Поэтому чабаны, табунщики, полеводы, ветеринарные врачи, зоотехники и другие специалисты сельского хозяйства, выезжая на работу, берут с собой бурку. Наряду с бурками широкое распространение получили водонепроницаемые плащи, весьма удобные в полевых условиях.

В настоящее время почти вся мужская молодежь носит костюм городского типа — сорочки, пиджаки, сапоги, пальто и т. д.

Национальные традиции в мужской одежде сохранились больше всего в головном уборе. Папаха до сих пор остается любимым головным убором кумыков. Часто можно видеть кумыка, одетого по-городскому — в гимнастерке и брюках-галифе или в пиджачном костюме с брюками навыпуск, но в папaxe. Папаху кумыки делают как из овчин местных молодых барашков — «кыозу тери», «кёрпе», так и из привозного (из Средней Азии) каракуля. В последнее время среди кумыков, особенно кумыкской интеллигенции, сельской и городской, широкое распространение получили ушанки.

Летом колхозники, кроме пожилых, которые в своей основной массе и в летнее время ходят в папaxe, носят кепки или фуражки.

Только шляпы, галстуки и кашне в сельской местности пока еще употребляются редко.

Изменилась также и одежда кумычек.

Вышло из употребления платье старого типа — «арсар». Только отдельные пожилые женщины, и то только в некоторых селениях, носят эту одежду. Женские штаны старого покроя (шалвар) продолжают носить только женщины старшего поколения. Основная часть женской молодежи пользуется готовым бельем, приобретаемым в магазине.

Из повседневного употребления вышло и платье «кыабалай». Однако в отдельных домах «кыабалай» продолжает храниться как семейная ценность; им пользуется сельская молодежь во время вечеров, выступлений коллективов художественной самодеятельности.

Женщины, как и прежде, носят туникообразную рубашку — «тюз гейлек». Она шьется по традиции с длинными рукавами и с кокеткой, ниже колен. Сохранение туникообразной формы рубашек объясняется, по-видимому, обычаем дома в летнее время ходить в них без платья. Сохранилась и другая форма рубашки — «бурушма гейлек» или «бузма гейлек» (у южных кумыков), подвергшаяся, однако, некоторым изменениям. Эта рубашка по существу стала одним из видов платья и потому под нее обычно надевают рубашку первого типа. Многие кумычки старшего поколения

Рис. 75. Кумыкские женщины в современной будничной одежде

называют эту рубашку не «гёйлек», а «капот», имея при этом в виду верхнюю одежду. Вообще «бурушма гёйлек» является в настоящее время самым распространенным и любимым видом одежды кумычек среднего и старшего возраста. Особенно удобна она летом, во время работы, так как в ней просторно и прохладно.

Девушки и молодые женщины в основном носят платья городского типа. Однако даже в этих платьях сохраняются некоторые национальные особенности. Остается, например, разрез спереди на лифе платья, застегиваемый на пуговицы и легко расстегиваемый при кормлении ребенка. Рукава платья делаются почти всегда длинными, что в известной мере объясняется сохранением пережитков ислама. Юбка шьется широкой, со складками сзади и спереди. Это объясняется привычкой кумычек выполнять часть работы, сидя на полу, на ковре или паласе. Кроме того, широкая юбка удобна во время полевых работ.

В настоящее время зачастую носят и платье «ян капот», сохраняющее некоторые элементы старого костюма. Юбка, рукава, спинка делаются так же, как у «полуша». Грудь платья часто покрывается большими складками. В последнее время «ян капот» стали шить не только с разрезом сбоку (ян — бок), но с разрезом спереди, как и большинство других видов платья. К платью часто стали пришивать отложной воротник.

Соблюдая традиционные формы, многие кумычки на юбках платьев у подола во всю ширину делают по одной глубокой и по две мелких складки. Такой фасон платья встречается чаще у южных кумыков. Поверх платья кумычки всех возрастов надевают шерстяные жакетки с длинными рукавами.

На ногах все женщины (и молодежь, и пожилые) носят фабричную обувь. Туфли на высоком каблуке носит незначительная часть женской молодежи. Без чулок не принято показываться в общественных местах. Зимой женщины носят теплые носки. Благодаря усилению связи с го-

родом кумычки широко стали пользоваться известными во всем Дагестане нарядными «ахтынскими носками», изготовляемыми в селениях Ахтынского, Касумкентского, Табасаранского и других районов южного Дагестана.

На голове кумычки носят платки: шелковые и шерстяные. Как правило, их покупают готовыми. Многие кумычки, однако, делают их сами из черного и коричневого кашемира, к которому пришивают длинную бахрому. Принято носить платки одноцветные — коричневые, черные, белые и темно-красные. Платки красной, желтой и зеленой расцветки употребляются редко, причем только девушками. Кумыкская молодежь широко пользуется и самодельными вышитыми на тюле или вязанными из шелковых ниток треугольными (в форме косынки) платками. Часть женщин, главным образом старшего возраста, по-прежнему носит головной убор «чутку». Молодые женщины вместо чутку повязывают косынку.

Пальто носит в сельской местности лишь часть женщин. Теплое пальто заменяют большими теплыми шерстяными шалями (къалын явлук), которые покупают в магазинах. Кроме шали, многие женщины носят телогрейку. Пальто обычно носят школьницы и женская интеллигенция.

Детская одежда — почти целиком городского типа. Мальчики носят покупные костюмы, белье и пальто, ушанки, кепки и фуражки, ботинки, туфли и т. д. Национальная папаха на детях встречается весьма редко.

Девочки носят платья, сарафаны из гладкой и цветной ткани, кофточки с короткими рукавами, что составляет новый элемент одежды. Подавляющее большинство девочек также носит зимой пальто, телогрейки, теплые жакетки. На ногах девочки также носят городскую обувь, на голове — платки (чутку совершенно не носят). Девочки до пяти-семи лет носят также шапочки разных цветов и форм, купленные в магазинах. Многих девочек постарше можно видеть летом и без головного убора или в легкой косынке.

Мы выше отмечали, что до революции многие кумыкские семьи не имели смены белья, выходного костюма и т. д. В настоящее время каждый кумык имеет по несколько комплектов одежды, в том числе рабочие и выходные костюмы. Особенно разнообразен гардероб женщины. В состав женского гардероба входит несколько комплектов летней, зимней, выходной и рабочей одежды, несколько пар туфель, платки и пр.

Рост материального благосостояния и культуры, широкое развитие советской торговли, тесные связи с городами дают возможность кумыкам одеваться по вкусу, модно и красиво.

Социалистический строй внес большие изменения и в питание кумыков. Национальная кухня кумыков в условиях советского строя почти полностью сохранила свою самобытность. Исчезли лишь такие блюда, печенья и напитки, появление и существование которых до революции было вызвано бедственным положением трудящихся масс.

Наряду с сохранением лучших национальных блюд, кумыкская кухня значительно обогатилась под влиянием городской русской кухни и кухни других братских народов. Этому способствовали, с одной стороны, расширившиеся культурно-экономические связи с различными народами нашей страны и, прежде всего, с русским народом, с другой, изменение профиля хозяйства кумыков в годы социалистического строительства. За последнее время большое распространение получили такие блюда русской кухни, как борщ, пши, фаршированные овощи, пироги и пирожки с разной начинкой, торты и всякие другие сдобные печенья, кисели, компоты, ряд сортов варенья. Кумыки восприняли от русских и способы заправки всевозможных овощей, приготовление томатного соуса и т. д.

В распространении блюд городской кухни большое значение имеют столовые в райцентрах и кухни интернатов при школах. Кумыкская интеллигенция, обучающаяся в различных городах страны, также приносит в свою семью навыки приготовления новых блюд. Кумыкская кухня в свою очередь оказывает влияние на кухню своих соседей, в том числе русских. Любимыми блюдами многих русских, проживающих вместе с кумыками, стали, например, «гынгал», «кюрзе», «чуду» с разной начинкой и т. д.

Современная колхозная семья повседневно использует мясные и молочные продукты в их разнообразном сочетании, а также фрукты и овощи, которыми снабжают кумыков колхоз и приусадебные участки. Зажиточная жизнь позволяет им покупать в большом количестве бакалейные и гастрономические товары в магазинах сельской кооперации, а также в городе. Это — сахар, чай, конфеты, печенье, разные крупы, рис, рыба, консервы и т. д.

В связи с тем, что в условиях колхозного строя все более широкое применение находит стойловое содержание скота, вяление мяса постепенно теряет былое значение. Вяление фруктов зачастую заменяется консервированием. Что же касается заготовки запасов других продуктов — муки (ячменная мука совершенно вышла из употребления), фруктов, арбузов, тыквы и т. д., то в этом деле сохраняются издавна установившиеся традиции. Широкое распространение получил обычный чай, который пьют все без исключения члены семьи. Однако у северных кумыков, как и у ногайцев, по-прежнему широко употребляется и калмыцкий чай¹⁵.

Изменилась и кухонная посуда, сервировка стола. Современная фабричная посуда стала достоянием каждого и вытеснила старые виды посуды: деревянные подносы, ложки и вилки, гончарные тарелки, чашки и т. д. Однако «бошбаш» все еще подают по старой традиции в больших фарфоровых и фаянсовых пиалах. Едят теперь большей частью сидя за столом. Почти в каждой семье теперь имеются столы и стулья. Постепенно исчезает обычай обслуживания стола при гостях одним только мужчиной. Исчезает и обычай приема пищи женщинами отдельно от мужчин, не за одним столом. Однако для окончательного изжития обычая обособленного приема пищи женщинам, особенно при посторонних, на свадьбах и т. д., как пережитка патриархальных традиций предстоит сделать еще многое. Усиление борьбы со всякого рода пережитками неправильного отношения к женщине будет способствовать изжитию и этого пережитка.

Таким образом, в современных условиях материальная культура кумыков, сохраняя и развивая лучшие национальные традиции, обогащается элементами культуры других братских народов и в первую очередь русского народа.

Октябрьская революция и победа колхозного строя внесли коренные изменения в семейную и общественную жизнь кумыков. Нищета, страх перед необеспеченным будущим, нужда в покровительстве сильных, необходимость защищаться от кровной мести или мстить самим, унижение перед богачами и т. д. — все это ушло в область преданий. Советский строй создал новые общественные отношения, отношения, основанные на принципах демократизма, товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Созданы широкие возможности для использова-

¹⁵ Ногайцы проживают вместе с кумыками, а также отдельными селениями в Бабаюртовском районе, с русскими и кумыками в районе г. Махачкалы (Главный Сулак), в Хасавюртовском районе. Так же как поселения и жилища, сильному изменению подверглись одежда и пища ногайцев. Еще в дореволюционное время в одежде и пище они многое заимствовали у кумыков. В настоящее время влияние на них кумыков и русских еще более усилилось.

ния всех творческих сил, таившихся в народе. Не осталось и следа от былых порядков, когда все важные дела общества решались только частью общества, феодальной верхушкой, и фактически в пользу только имущих слоев.

В настоящее время каждый трудящийся кумык, чувствуя себя равным среди равных, принимает активное участие в политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Уважение к старшим, издавна присущее всему дагестанскому народу, в условиях советского строя наполнилось новым содержанием. В нем теперь нет былого подчинения, боязни старших, воля которых была законом для молодых; уважение к старшим хорошо сочетается со свободным и самостоятельным положением молодежи. Характерной особенностью нового общественного быта кумыков является также широкая взаимопомощь во время семейных торжеств, несчастных случаев и т. д.

Взаимопомощь, защита общественных интересов особенно ярко проявились в период Великой Отечественной войны. Кумыки, как и весь советский народ, ни на минуту не забывали о священном долге защиты великих завоеваний социалистической революции, отважно боролись на фронте и самоотверженно трудились в тылу во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками. Кумыки дали стране Героев Советского Союза: Ю. Акаева, Ц. Бийболатова, Э. Джамагулова, А. Абдуллаева и Х. Нурадилова. Эскадрилья, которой командовал кумык из Буйнакса, морской летчик Ю. Акаев, громила колонны неприятеля на дорогах Крыма, топила суда врага на путях к Керчи, Феодосии, Севастополю. «Только за один год боев в Крыму эскадрилья Акаева уничтожила две тысячи вражеских солдат и офицеров, четыре транспорта, семь быстроходных десантных барж, три торпедных катера, тральщик, канонерскую лодку, три самолета, сто пятьдесят автомашин, тридцать точек зенитной артиллерии, шестьдесят железнодорожных вагонов»¹⁶. Одним из участников легендарной обороны Брестской крепости, гарнизон которой в числе первых принял на себя удар гитлеровских захватчиков, был кумык из сел. Бабаурт Х. Салгериев¹⁷. В фашистском концентрационном женском лагере смерти Равенсбрюке, находившемся в Германии, в феврале 1943 г. была заключена и подверглась чудовищным пыткам и издевательствам в числе других советских женщин участница героической обороны Севастополя П. Ибашева. Можно привести и много других примеров героических подвигов кумыков.

Горячая любовь кумыкского народа, так же как и других народов Дагестана, к своей социалистической Родине, его патриотизм выразились также в большой материальной помощи фронту, в сборах продуктов питания, теплых вещей для бойцов и т. д. Достаточно привести в качестве примера колхоз Ленин Елу небольшого аула Усемикент Каякентского района. Колхозники этого аула внесли 176 тыс. руб. на строительство танковой колонны, тонны меди, большое количество теплых вещей, много продуктов питания и т. д. Председатель этого колхоза Г. Шамсудинов внес 150 тыс. руб. личных сбережений и дважды получил благодарность от Совета Обороны. Каждое мероприятие, которое проводилось для победы над озверелым врагом, находило живой отклик у кумыков. В проходах колхозников в ряды Советской Армии участвовали не только семьи призванных, но и вся общечеловечность. Как правило, уходящих на фронт провожало почти все селение, жители снабжали их продуктами питания, одеждой, деньгами. Многие старые колхозники снимали с себя теплую шапку, шубу, сапоги и другие предметы одежды, чтобы лучше обеспечить отправляющихся на фронт.

¹⁶ «Дагестанская правда», 23 мая 1954 г.

¹⁷ Там же, 17 июня 1960 г.

В настоящее время очень торжественно отмечается призыв молодежи в Советскую Армию. Не менее торжественно отмечается и возвращение демобилизованных воинов.

Большое влияние на общественную жизнь колхозников оказывают районные центры, многие из которых (Махачкала, Буйнакс, Хасавюрт, Избербаш) являются крупными культурными и экономическими центрами республики. Как административные, культурные и промышленные центры они быстро развиваются и благоустраиваются. Растут и благоустраиваются и другие районные центры: Маджалис, Кизил-юрт, Ка-рабудахкент и др. Многие кумыкские селения, и прежде всего районные центры, стали многонациональными по составу населения. Исчезла прошлая национальная замкнутость кумыков, а вместе с ней и межнациональная вражда. В городах и районных центрах работают в едином дружном коллективе кумыки, русские, аварцы, даргинцы, лакцы и т. д.

Советский социалистический город ведет за собой колхозную деревню, снабжая ее машинами, тракторами, комбайнами, посылая в деревню квалифицированные кадры механизаторов, агрономов и др. Все это свидетельствует о том, что в условиях победившего социализма уничтожена пропасть, отделяющая деревню от города, созданы условия, превращающие сельскохозяйственный труд в разновидность труда промышленного.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало перестройки семейного быта кумыков. Одним из самых значительных революционных преобразований, явившимся основой новых семейно-брачных отношений, было раскрепощение женщины, установление полного равенства женщины с мужчиной и вовлечение ее в общественное производство. Октябрьская революция освободила женщину от всех форм рабства и унижения. «Октябрьская революция рабочих и крестьян,— говорилось в «Декларации прав народов России»,— началась под общим знаменем раскрепощения... Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков»¹⁸.

Провозгласив полное равноправие женщины с мужчиной, Советская власть издала декреты, направленные на искоренение неравноправности женщины в области политической, экономической и культурной жизни. Первая Советская Конституция предоставила женщине право избирать и быть избранной во все органы государственной власти. Советское государство отменило старое семейно-брачное право и декретом о гражданском браке от 18 декабря 1917 г. установило полное равенство супругов в семейно-брачных отношениях. В декрете указывалось, что как мужчина, так и женщина «вступают в брак добровольно»¹⁹.

Таким образом, с победой Октябрьской революции и установлением советского строя не осталось камня на камне от старых законов о браке, разводе, неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях мужчины, т. е. от тех законов, которые В. И. Ленин называл «неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами»²⁰.

Отмечая успехи в осуществлении равноправия женщин, достигнутые сразу же после установления Советской власти, В. И. Ленин писал: «Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство и

¹⁸ «Образование СССР» (сборник документов), 1917—1924 гг. М.—Л., 1949, стр. 2.

¹⁹ «Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952 гг.». М., 1953, стр. 20.

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 101.

ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования»²¹.

Советская женщина стала равноправной не только перед законом. Коммунистическая партия и Советское правительство создали все условия для фактического раскрепощения женщины. Полное освобождение женщины было прежде всего связано с вовлечением ее в общественное производство. «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной,— писал В. И. Ленин в 1919 г.,— нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина»²².

Последовательно осуществляя программу раскрепощения женщины, Коммунистическая партия и Советское правительство учитывали специфические особенности культуры и быта каждой национальности.

Руководствуясь общими законами Советского государства, ЦИК и СНК Дагестанской АССР издавали постановления, учитывавшие специфические условия быта женщины-горянки. «Женщине-горянке,— читаем в постановлении ДагЦИКа и СНК «О правах трудящихся женщин-горянок ДАССР»,— предоставляется полная свобода в деле выбора мужа и всякое насилие над ее свободной волей в этом отношении, принуждение к вступлению в брак или воспрепятствие к заключению такового со стороны родителей, опекунов или близких родственников представляется актом недопустимого насилия над личностью свободной гражданки-горянки и влечет за собой привлечение виновных к уголовной ответственности по ст. 229 УК РСФСР (лишение свободы до 5 лет)»²³. Постановлением был установлен брачный возраст. Вступление в брак с несовершеннолетней девушкой или принуждение ее к этому со стороны родителей, опекунов или родственников строго каралось законом. Запрещалось двоеженство, многоженство, а также взимание при заключении брака калыма «в каком бы то ни было виде и размере, превращающее брак в акт купли-продажи свободного человека»²⁴. Строго каралось законом практиковавшееся в Дагестане похищение женщины для вступления с ней в брак.

Советская власть принимала меры к широкой популяризации этих постановлений среди населения, вплоть до устройства показательных судебных процессов над их нарушителями.

Дагестанская партийная организация осуществляла постоянное руководство работой по раскрепощению женщины-горянки, заботливо выращивала женские кадры для работы в партийном и государственном аппаратах, профсоюзных, комсомольских организациях, кооперации и т. д. 18 июля 1925 г. при ЦИК ДАССР была образована Комиссия по улучшению труда и быта горянок²⁵, в которую вошли руководящие партийные и советские работники республики. Такие же комиссии были созданы при исполкомах окружных, районных и городских Советов. Были созданы специальные отделы по работе среди женщин и при Дагестанском областном комитете партии, при Дагестанском Совете профессиональных союзов, при районных и городских комитетах партии. Отделы по работе среди женщин и Комиссия по улучшению труда и быта горянок руководили работой советских органов по улучшению экономического,

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 24—25.

²² Там же, стр. 25.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 2, д. 1, лл. 2—3.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, оп. 7, д. 1, л. 1.

правового и бытового положения женщин, по изживанию патриархально-феодалных пережитков, препятствующих полному фактическому раскрепощению женщины, в деле «усиления и развития тех конкретных мероприятий в области советского социалистического строительства, которые способствуют вовлечению женщин в самостоятельный труд, повышению всеобщего культурного уровня женской трудовой массы, привлечению их к активному участию в общественной и политической жизни»²⁶.

Вокруг Комиссии по улучшению труда и быта горянок в городах, округах и в центре был создан большой партийный, советский, профсоюзный и комсомольский актив. В работу по раскрепощению женщины-горянки партия вовлекла профсоюзные, комсомольские, кооперативные и другие организации.

Полное раскрепощение отсталой, угнетенной горянки, вовлечение ее в общественное производство и политическую жизнь страны не было и не могло быть делом одного года или двух лет. Каждый практический шаг, направленный на улучшение положения женщины и привлечение ее к общественной работе, давался с большим трудом, «путем упорной борьбы с вековыми предрассудками и взглядами на женщину, как на бесправное существо»²⁷. «Ужасающая нищета, каторжный труд, полная зависимость от мужа, от семьи, от рода, неграмотность, незнание культурных языков — все это, — указывала в докладной записке 1928 г. Комиссия по улучшению труда и быта горянок, — создает страшно тяжелые условия как для существования женщин, так и для работы по улучшению их быта»²⁸.

Трудности еще более осложнялись тем, что культурно-просветительная работа велась на шести языках народностей Дагестана. Кроме того, почти все население было безграмотным.

Правительство Дагестанской АССР и Областной комитет партии прежде всего обратили внимание на создание экономической базы, обеспечивающей самостоятельность женщин. С этой целью в городах и районах были организованы женские кустарно-промысловые артели. При этом учитывались условия жизни каждой народности, традиционные занятия женщин. У кумыков, например, артели занимались выделкой ковров и суматов. В кустарной промышленности Дагестана, охватывающей производства суконно-бурочное, ковровое, трикотажное и другие, женщины играли главенствующую роль. В 1926 г. в 17 кустарных артелях было объединено 1580 женщин²⁹. В 1928—1929 гг. в кустарно-промысловых артелях Дагестана женщины составляли 80%³⁰ общего числа членов. Для повышения квалификации членов артелей в Дагестане были организованы четыре ремесленные школы. На культурно-просветительную работу среди женщин — членов артелей регулярно отпускались средства. Принимались также меры к вовлечению женщин в органы управления артелей (правления и ревизионные комиссии).

С каждым годом увеличивалось и число женщин-работниц, в том числе горянок, на фабриках и заводах республики. Женский труд применялся прежде всего в консервной и текстильной промышленности. Так, например, в консервной промышленности Дагестана в 1927 г. было занято 466 женщин (46% общего количества рабочих), в том числе 317 горянок. На фабрике имени III Интернационала в 1931 г. работало 458 женщин, в том числе 194 горянки³¹.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 3, д. 2, л. 39.

²⁷ Справка о работе среди женщин в Дагестане (1926 г.), ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 2, д. 1, л. 6.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 4, д. 4, лл. 3—4.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 1, л. 6.

³⁰ Там же, оп. 4, д. 4, л. 3.

³¹ Там же, ф. 37-р, оп. 22, д. 360, л. 1.

Значение женского труда росло и в сельском хозяйстве. Для вовлечения женщины в общественное сельскохозяйственное производство создавались специальные хлопководческие, птицеводческие, шелководческие и другие артели. К 1929 г. в Дагестане было вовлечено в сельскохозяйственную кооперацию 100 тыс. женщин, в том числе по Буйнакскому району 8 тыс., Махачкалинскому 7,5 тыс., Хасавюртовскому 6,5 тыс., Бабуртовскому 3,5 тыс., Кайтагскому 2 тыс.³² Для повышения квалификации женщин организовались краткосрочные курсы и семинары по пчеловодству, птицеводству и т. д. В районах и городах проводилась широкая кампания по вовлечению женщин в Советы, по подготовке активисток. В 1927 г. процент женщин, участвовавших в выборах в Советы, достиг 80³³.

Сплошная безграмотность женщин-горянок затрудняла участие их в общественной жизни и государственной деятельности. Поэтому проводилась большая работа по ликвидации среди женщин неграмотности, издавалась соответствующая литература и учебники. С каждым годом росла сеть школ и число обучающихся в них детей, в том числе девочек. В отдельных случаях, как временная мера, допускалась организация специальных школ для девочек. В 1925/26 учебном году в школах округов и районов республики (без городов) уже обучалось 3673 девочки³⁴. Если с 1922 по 1925 г. в высшие учебные заведения СССР из Дагестана было направлено 34 девушки, в том числе 13 горянок, то в одном только 1925/26 учебном году в центральные вузы было направлено из Дагестана 15 горянок³⁵. С каждым годом росло число девушек, обучающихся в педагогических техникумах республики. В Буйнакске и Дербенте были открыты интернаты для девушек-горянок (в Буйнакске на 100 мест и в Дербенте на 50)³⁶. В интернатах кроме общеобразовательного курса девушки обучались музыкальной грамоте, рукоделию, кулинарии, хореографии, пению. Эти интернаты в условиях многонационального, отсталого Дагестана имели очень большое значение. В 1926 г. в Махачкале был открыт акушерский техникум для подготовки акушерок из девушек-горянок.

Большое внимание уделялось организации детских домов, детских яслей, детских площадок, домов матери и ребенка, женских и детских консультаций, родильных отделений при больницах, а также акушерскому обслуживанию рожениц в сельской местности. В 1928 г. в Дагестане работали уже 94 акушерки³⁷.

Одной из многочисленных форм работы среди женщин Дагестана являлись организованные при женотделах делегатские собрания, которые сыграли большую роль в вовлечении широких слоев крестьянок и работниц в социалистическое строительство, в работу партийных, советских и профсоюзных органов.

Большое значение для раскрепощения женщин, вовлечения их в социалистическое строительство и общественно-политическую жизнь имели и создаваемые в районах и городах избы-читальни, клубы, сабли горянок. При них создавались школы по ликвидации неграмотности, курсы рукоделия, медицинские и юридические консультации.

Клуб горянок им. К. Маркса в Махачкале объединял в 1926 г. около 200 членов³⁸. При клубе были созданы «кустарно-показательная артель»

³² ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 5, д. 1, л. 21.

³³ Там же, лл. 4—5.

³⁴ Там же, оп. 2, д. 1, л. 7.

³⁵ Там же, лл. 7—8.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, оп. 4, д. 4, л. (не указ.).

³⁸ Там же, оп. 2, д. 1, л. 7.

Рис. 76. Кумычки читают свой женский журнал «Звезда» (фото Ю. Шевелева,

(коврово-ткацкие и швейные мастерские), детская консультация, работали курсы по подготовке работников женотделов, школа по ликвидации неграмотности, интернат на 15 горянок, столовая, музыкальный и драматический кружки и т. д. Филиалом этого клуба называли клуб горянок, организованный женами рабочих-дагестанцев в г. Баку в 1927 г.

Большую роль в коммунистическом воспитании женщин и вовлечении их в общественно-политическую жизнь сыграли съезды и конференции женщин, которые созывались периодически.

1—4 октября 1927 г. в клубе горянок состоялся I Вседагестанский съезд женщин — членов Советов. Съезд явился одним из ярких свидетельств роста активности, культурного уровня и политической сознательности женщин-горянок и широкого вовлечения их в социалистическое строительство. В своем приветствии Центральному Комитету ВКП(б) участницы съезда писали: «...Ломая бытовые пережитки адатов, труженицы Дагестана участвуют все в большем количестве в общественной жизни своей республики. Мы объявили жестокую войну тем бытовым условиям, покоящимся на старых изжитых адатах, которые задерживают рост сознательности и участия тружениц Дагестана в деле строительства, и внесем больше активности и самостоятельности в организацию нового быта»³⁹. Таким образом, помогая женщинам в борьбе за равноправие, партийные организации и правительство Дагестана применяли самые разнообразные формы и методы работы, создавали все условия для участия широких масс трудящихся женщин в общественной и государственной деятельности.

Примеры раскрепощения женщины, строительства нового быта показывали коммунисты, комсомольцы, работники советских и профсоюзных органов прежде всего в своей семье, среди родственников и т. д.

Дагестанский областной комитет партии и правительство принимали действенные меры к выдвижению активисток на ответственную работу

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 556-р, оп. 3, д. 2, л. 195.

в партийном и советском аппарате, в качестве председателей сельсоветов, членов райгорисполкомов, судей, председателей и членов правлений артелей и т. д.

В. И. Ленин говорил, что «Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы... всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатировать масс. Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, то есть дело строительства нового общества... А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин»⁴⁰.

Кулаки, духовенство и их прислужники встретили крайне враждебно рост активности женщин в социалистическом строительстве. Они распространяли клеветнические слухи об активистках, старались всячески опозорить их в глазах народа. По инициативе классовых врагов совершались террористические акты против передовых женщин, подвергались порче и краже их имущество и т. д. Однако ни агитация врагов, ни их подрывные действия не могли сломить волю освобожденных Советской властью женщин Дагестана. Женщины все шире вовлекались в социалистическое строительство. Коммунистическая партия и Советская власть заботливо охраняли женщину Дагестана от злодеяний преступных элементов.

Социалистическая индустриализация края и коллективизация сельского хозяйства Дагестана способствовали окончательному экономическому, а следовательно, и фактическому раскрепощению женщины-горянки, уничтожению ее зависимого положения в семье и обществе.

Продолжавшееся веками угнетение женщины — основной рабочей силы в домашнем хозяйстве, не могло исчезнуть сразу в результате одних только указанных выше мероприятий. До победы колхозного строя в дагестанском ауле преобладали мелкие, разрозненные единоличные крестьянские хозяйства. Единоличное хозяйство сковывало активность женщин, способствовало сохранению патриархальных пережитков в семье, привилегий мужчин.

Весь уклад семейной жизни горцев, где строго регламентировались обычаям взаимоотношения членов семьи, распределение труда между ними и т. д., воздвигал значительные препятствия на пути к фактическому раскрепощению женщины. Только коллективизация сельского хозяйства, способствовавшая широкому вовлечению женщины-крестьянки в общественное производство, создала прочные основы для всестороннего, фактического раскрепощения женщины. Работая наравне с мужчиной в колхозе, совхозе, в партийном и советском аппарате, получая равную оплату за равный труд, женщина стала вносить равноценный вклад как в общественное производство, так и в свое личное хозяйство. В условиях колхозного строя женщина завоевала себе заслуженное уважение со стороны всех членов семьи, в том числе отца, мужа, брата. Большое значение в раскрепощении женщины имели также бурное развитие промышленности республики в годы первых пятилеток и культурная революция, осуществленная в 30-х годах.

Таким образом, огромные успехи Дагестанской АССР в деле индустриализации республики, рост и укрепление колхозов и совхозов, культурная революция, победа передовой социалистической идеологии, неуклонное осуществление национальной политики партии, братская помощь народов Советского Союза и в первую очередь русского народа привели к коренному изменению жизни, культуры, быта народов Дагестана, ускорили процесс фактического раскрепощения женщины, способствовали созданию новых семейных отношений, основанных на равноправии женщины и мужчины, на их взаимном уважении.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 138.

Рис. 77. Члены школьной производственной бригады кукурузоводов 1
(фото Ю. Шевелева)

Современная колхозная семья обычно состоит из пяти-шести, а иногда из девяти-десяти человек (муж, жена и дети). Часто в состав такой семьи входят старики, главным образом родители мужа. Редки случаи, когда юноша, женившись на девушке, переходит на постоянное жительство в дом ее родителей. Этот принцип в ряде случаев нарушается у кумыков, проживающих в городах, когда новая семейная ячейка создается там, где имеются наиболее благоприятные жилищные условия. При наличии нескольких сыновей родители стараются через несколько месяцев после женитьбы отделить каждого сына. Соответственно делится и общий дом. Однако растущие материальные и культурные потребности вызывают необходимость расширения жилой площади для сыновей. Поэтому через некоторое время, накопив средства и получив помощь от колхоза и семьи, каждая молодая семейная пара возводит для себя отдельный дом. Новый дом не всегда строится рядом с жилищем «отцов», а строится там, где имеются наиболее благоприятные условия (приусадебный участок, вода и т. д.).

Выделив старших сыновей в самостоятельные семейные ячейки, родители, как правило, ведут общее хозяйство с младшим сыном, который по установившейся издавна традиции при разделе остается в родительском доме и берет на себя содержание престарелых родителей. Характерной особенностью новых семейных отношений является и то, что дочь наравне с сыном участвует в материальном обеспечении престарелых родителей. Этой возможности она была совершенно лишена в прошлом, так как не имела своего заработка. Более того, зачастую вдовы старухи переходят на постоянное жительство к своим замужним дочерям, нарушая тем самым устой патриархальной семьи. Нередки случаи, когда родители, выделив в отдельные хозяйства женатых сыновей, сами остаются на попечении незамужней, работающей дочери. Однако, соблюдая и развивая народную традицию, по которой забота о родителях считается священным долгом сыновей и каждый сын обязан обеспечить им спокойную старость, сыновья

в свою очередь выделяют родителям определенную часть своего дохода. Право выбора с кем жить (с каким сыном, с какой дочерью) предоставляется самим старикам.

Основная часть дохода семьи, как мы отмечали выше, складывается из зерна, овощей, денег, получаемых членами семьи на выработанные ими в колхозе трудодни. Дополнительным источником дохода является приусадебный участок.

Как и прежде, в семье существует разделение труда, однако оно коренным образом отличается от старого. Чисто женским делом являются хлебопечение, дойка коров и переработка молочных продуктов, стирка и шитье одежды, уборка жилых помещений и другие дела, связанные с поддержанием чистоты и порядка в доме. Одной из основных и самых почетных обязанностей женщины-матери является забота о детях. Мужчины ухаживают за скотом, работают на приусадебном участке, производят заготовку кормов для скота и топлива для семьи, помогают женам в воспитании детей, заботятся о закупках и т. д. Если в доме несколько женщин и девушек, между ними также существует разделение труда. Престарелые женщины обычно нянчат детей, чинят одежду, поддерживают порядок в доме и, в связи с активным участием молодых женщин в колхозном производстве, выполняют частично их работы по дому. Возглавляют хозяйство чаще всего не старики, как это было в прошлом, а молодые супруги, самые трудоспособные члены семьи. Однако старший в семье, как человек с большим жизненным и производственным опытом, всегда оказывает влияние на жизнь семьи. Он является самым почетным членом семейного совета.

Воспитание детей в кумыкской семье является трудовым воспитанием, поэтому и дети принимают активное участие в хозяйственных делах. «И пчела без труда не ест», — говорят кумыки, прививая детям трудовые навыки. 18-летняя девушка считается у кумыков взрослой и она, наравне с матерью, выполняет всю домашнюю работу. Совершенно исчезло из быта былое привилегированное положение мальчиков. В настоящее время все дети в семье пользуются одинаковой любовью. У мальчиков и девочек воспитывается взаимное уважение, помощь младших старшим. Споры и несогласия между братьями и сестрами в семье стали редким явлением. Особенно дружны дети в многодетной семье, где имеются наилучшие условия для привития детям навыков коллективизма, для правильного и всестороннего развития их личности. На воспитание детей в семье большое влияние оказывает школа. Педагогическая пропаганда, которую проводит учительский коллектив, значительно расширяет кругозор колхозников, помогает правильно организовать домашний быт. Обучаясь и воспитываясь в школе, каждый ученик приносит в семью культурные навыки. Поддерживая с родителями учащих тесную связь, школа в свою очередь пользуется помощью семьи в разрешении воспитательных задач. В этом отношении неизмеримо возросла активность женщин.

У кумыков очень развито уважение к старшим. Оно проявляется как в семейном, так и в общественном быту. Стоит только появиться в доме пожилому человеку, как все члены семьи почтительно встают и не садятся, пока гость не займет свое место. В современной кумыкской семье постоянно увеличивается прослойка рабочих, а также прослойка интеллигенции. Рабочие, представители советской интеллигенции, воспитанные в коллективах промышленных предприятий, обученные в культурных центрах Советского Союза, приносят в свое родное село передовую культуру, активно борются с рутинной, преобразуют свой семейный быт и оказывают большое влияние на повышение культурного уровня колхозников. Взятый в настоящее время курс на развитие политехнического обучения в средних школах дает возможность учащимся ближе ознакомиться со многими

Рис. 78. Здание Каякентской средней школы

производственными процессами и по окончании школы оставаться в колхозе, занять ведущее место в шеренге механизаторов, полеводов и т. д.

Советский строй внес коренные изменения в свадебные обряды кумыков. Исчезли купля и продажа девушки и «кебингъакъ», унижающие достоинство женщины. Право выбора теперь предоставляется самим брачующимся, а не родственникам, как это было прежде. Тем не менее формальные стороны былого сватовства нередко сохраняются. По-прежнему сваты обращаются к родителям с просьбой выдать дочь замуж, хотя это происходит после того, как девушка и юноша объясняются и изъявляют желание вступить в брак. Свадьбу в колхозной деревне отмечают весьма торжественно, с приглашением всех жителей своего селения и друзей из соседних селений. Намного богаче стало угощение. Мы вполне согласны с П. И. Кушнером, который указывает, что у современных колхозников «публичным празднованием свадьбы подчеркивается социальное значение брачного союза, приводящего к образованию новой семьи, нового хозяйства. Попытка придать браку характер частного соглашения супругов, не имеющего отношения к родным и соседям, встречает резкое осуждение окружающих»⁴¹.

Повсеместно производится гражданская регистрация браков. Исчезли обычай закутывания невесты в платок и другие обычаи, унижающие девушку. Свадьбой все больше и больше распоряжается сама молодежь, в частности девушки. Новые свадьбы, свободные от патриархальных порядков и религиозных пережитков, получили название «комсомольские свадьбы». В современной кумыкской семье участились межнациональные браки, являющиеся следствием свободного выбора, а также ликвидации в Дагестане национальной розни и вражды, искусственно разжигавшихся феодальной верхушкой и духовенством.

Только в условиях советского социалистического строя, благодаря большой политико-воспитательной работе, стал возможным брак между русскими и дагестанцами, строго запрещавшийся шариатом. В каждом

⁴¹ П. Кушнер (Кнышев). О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. СЭ, 1956, № 3, стр. 22.

кумыкском селении мы видим десятки русских женщин и женщин других национальностей (даргинок, азербайджанок, аварок, лачек, лезгинок, осетинок и др.), вышедших замуж за кумыков. При этом чаще наблюдаются факты женитьбы кумыков на представительницах других национальностей, чем выход замуж кумычек за представительей других народов.

Однако в семейном быту современных кумыков все еще сохраняются некоторые вредные пережитки, борьбу с которыми необходимо усилить. Среди отсталой части населения встречаются факты уплаты калыма, размер которого часто превышает 4—5 тыс. рублей, помимо одежды и т. д., что отрицательно сказывается на экономике семьи. На экономике населения отрицательно сказывается также пышность свадеб отдельных колхозников. Нередко свадьба у кумыков сопровождается сбором денег, которыми запасаются все, кто идет на свадьбу. Соблюдается обычай дарить деньги хозяевам, музыкантам, новобрачной, которую для этого специально приглашают танцевать. Принято дарить деньги и девушкам во время танца.

Нередко совершаются браки между двоюродными сестрами и братьями. В отдельных семьях молодой невесткой соблюдаются «избегания» и запреты. Часть населения по-прежнему оформляет браки по шариату, хотя брак одновременно регистрируется и в загсе. Иногда имеют место браки по шариату и без регистрации. В этих случаях некоторые кумыки часто меняют жен. При разводах женщина не всегда получает полностью свою долю. Дом нередко остается мужу, хотя в его постройке или капитальном ремонте активное участие принимала и жена. Не совсем исчезли старые обычаи, связанные с похоронами. В некоторых семьях женщины после похорон месяцами не выходят на улицу, а следовательно, и на работу. В некоторых колхозах недооценивается роль женщины в производстве, женщины робко выдвигаются на руководящую работу, мало открываются яслей и детплощадок, необходимых для облегчения труда женщины, и т. д.

Несмотря на большие достижения в области просвещения, кое-где встречаются пережитки прошлого, тормозящие женское образование. Иногда родители отрывают своих дочерей от учебы в старших классах и выдают замуж. Среди девушек, так как они больше отвлекаются на домашние работы, больше второгодников, чем среди мальчиков.

Наблюдаются пережитки и религиозного характера: соблюдение уразы, религиозных праздников, посещение молитвенных учреждений, выполнение обряда обрезания и т. д.

Перечисленные явления несомненно мешают перестройке семейного быта и поэтому надо усилить борьбу с ними. Однако эти пережитки не могут заслонить коренные преобразования семейного быта, новый моральный облик современных кумыков, которые живут светлой жизнью и активно участвуют в строительстве коммунистического общества. Все эти достижения кумыкского народа являются реальным воплощением в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии, результатом постоянной помощи великого русского народа и других братских народов нашей Родины, сплоченных в единую семью равноправных социалистических наций.

Благодаря большой политико-воспитательной работе партии постепенно изживаются пережитки прошлого в семейном и общественном быту, развивается и укрепляется новое социалистическое сознание кумыкского народа.

За годы Советской власти в Дагестане произошла подлинная культурная революция⁴².

⁴² По вопросам культурного строительства в Дагестане см. Ш. Д. Хасбулатов. Народное образование в Дагестане. Махачкала, 1958; Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в Дагестане. Махачкала, 1960; А. А. Абилов. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959.

Коммунистическая партия и Советское правительство обратили особенно большое внимание на культурное строительство среди тех народов, которые при царизме находились в наиболее тяжелых условиях. Уже в решениях X съезда партии по национальному вопросу указывалось, что «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»⁴³.

Впервые в истории кумыков дети обучались не на непонятном им арабском языке, а на родном языке. Наряду с родным языком в школе преподавался и русский язык, который в директивах Дагестанского обкома ВКП(б) (ноябрь 1923 г.) назван языком связи «с союзным пролетариатом и языком приобщения к высшей социалистической культуре»⁴⁴.

Для иллюстрации темпов развития школьного строительства в Дагестане в первые годы Советской власти приведем следующие данные. Если в 1923/24 учебном году в Дагестане была 151 начальная школа с охватом 10 721 учащегося, то в 1926/27 учебном году число этих школ возросло до 349 с 26 928 учащимися⁴⁵. В начальных школах работало уже свыше 800 учителей.

Мероприятия партии и правительства по культурному строительству находили свое яркое отражение и в создании сети школ в кумыкских районах. На 1 января 1925 г., например, в Махачкалинском районе (вместе с городом) была 31 школа с 2652 учащимися⁴⁶, в Хасавюртовском округе — 18 школ с 1127 учащимися, в Буйнакском округе — 19 школ с 2019 учащимися⁴⁷. Таким образом, советская единая трудовая школа, которая была доступна детям всех трудящихся, очень быстро завоевала уважение у народа. Постепенно стали закрываться примечетские школы. Их контингент все больше и больше втягивался в новые школы.

В статье «Советская школа победила медресе» газета «Красный Дагестан» 30 декабря 1924 г. сообщала о новой школе в кумыкском селении: «В Кумторкалинскую школу перешло не менее 90 проц. учащихся из местного медресе. Учащиеся заявляют, что они осознали ложь «науки» в медресе, которая ровным счетом ничего не дала им в жизни. Из 130 учащихся в советской школе уже насчитывается до 30 девочек, и новые ученики все продолжают прибывать»⁴⁸.

«Население округа, — сообщалось из Хасавюрта 28 октября 1923 г. (статья «Школьное дело»), — проявляет большой интерес к вопросам просвещения. На общих собраниях выносятся резолюции и постановления,

⁴³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7. М., 1954, стр. 559.

⁴⁴ «Красный Дагестан», 9 октября 1927 г.

⁴⁵ «На путях к всеобщему обучению». Махачкала, 1927, стр. 42.

⁴⁶ «Статистический сборник. 1925—1926». Махачкала, 1926, стр. 8—11.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Красный Дагестан», 30 декабря 1924 г.

в которых население просит Наркомпрос увеличить число школ»⁴⁹ и т. д. Большую роль в развитии народного образования и подготовке кадров из коренных национальностей сыграли первые школьные интернаты, созданные в 1922—1925 годах в Буйнакске и Дербенте при средних школах. Они были известны под названием «интернатов горцев» и «интернатов горянок». Расширение сети новых школ находилось в прямой зависимости от наличия учительских кадров. Еще в 1920 г. в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были организованы педагогические курсы⁵⁰. Вскоре для подготовки учителей были созданы и педагогические техникумы — Буйнакский в 1922 г. и Дербентский в 1923 г.

В 1927 г. был открыт дагестанский рабфак. Летом ежегодно проводились курсы повышения квалификации учителей. Подготовка кадров для различных отраслей народного хозяйства и культуры проходила и по линии учебных заведений, расположенных вне Дагестана. В столичных вузах и других специальных учебных заведениях, по указанию союзного правительства РСФСР, ежегодно выделялись места для Дагестана. С 1920 по 1925 г. включительно, например, было командировано из Дагестана в учебные заведения (вузы, комвузы, рабфаки, техникумы и т. д.) 420 человек⁵¹, в том числе 62 кумыка.

В создании дагестанской советской интеллигенции и повышении культурного уровня широких народных масс огромную роль сыграли созданные в 1925—1930 гг. сельскохозяйственный, индустриально-экономический, землеустроительный, акушерский, музыкальный, ветеринарно-зоотехнический техникумы. В 1928/29 учебном году, например, во всех средних специальных учебных заведениях Дагестана обучалось 1148 человек⁵².

Одновременно с созданием новых советских школ, подготовкой кадров для различных отраслей народного хозяйства и культуры велась систематическая работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения республики. Для этой цели в городах и селениях при клубах, школах, предприятиях открывались ликпункты.

Исторические решения XV и XVI съездов партии о введении в стране всеобщего обязательного начального обучения, постановления ЦК ВКП(б) от 25 июня 1930 г. и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем начальном обучении» вызвали новый подъем народного образования в республике. Исходя из этих важнейших директив партии и правительства, а также учитывая особенности отдельных районов многонациональной республики, Дагестанское правительство и областная партийная организация установили в пределах 1930—1932 гг. три срока охвата детей всеобщем.

В создании необходимых условий для осуществления всеобщего обязательного обучения большая роль принадлежала открытым в 1930-х годах педагогическим училищам — аварскому, даргинскому, кумыкскому и лакскому. Эти училища были созданы в районах по национальному признаку и готовили учителей начальной школы на родных языках. Курс на всеобщее обязательное обучение очень быстро дал свои результаты. На 1 января 1932 г. уже числилось школ первой ступени: в Хасавюртовском районе (без города Хасавюрта) — 57, Бабаюртовском — 38, Буйнакском (без города Буйнакск) — 39, Махачкалинском (без города Махачкалы) — 31⁵³ и т. д. Кроме школ первой ступени, во всех этих районах работали школы колхозной молодежи, впоследствии реорганизованные в семилетние школы.

⁴⁹ «Красный Дагестан», 28 октября 1923 г.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, д. 41, лл. 48—55, 138.

⁵¹ Там же.

⁵² Г. Ш. Каймаразов. Указ. соч., стр. 98.

⁵³ «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Ростов-на-Дону, 1933, стр. 234.

Рис. 79. Здание кумыкского педучилища в г. Хасавюрте

Постановлением ЦИК и СНК ДАССР от 5 августа 1928 г. в школах республики с 1928/29 учебного года вместо арабского был введен алфавит на латинской основе⁵⁴ (латинский алфавит затруднял изучение русского языка и впоследствии был заменен алфавитом, основанным на русской графике, существующим и поныне). С 1928/29 учебного года на новом алфавите велась и ликвидация неграмотности среди взрослого населения.

Задача ликвидации неграмотности на данном этапе требовала неотложного разрешения, что было тесно связано со всем ходом социалистического строительства. В октябре 1931 г. бюро, а затем и пленум Дагестанского обкома ВКП(б) приняли решения о проведении в республике культсанштурма по ликвидации неграмотности и культурной отсталости населения. «Ликвидация неграмотности трудящихся,—говорилось в решении октябрьского пленума обкома партии,—является величайшей задачей дагпарторганизации и всех трудящихся Дагестана, должна быть делом чести, преданности коммунизму, героизма и доблести тех, кто своей грамотностью и активностью в состоянии принять участие в культпоходе»⁵⁵. По указанию партийных и советских органов на помощь районам для проведения похода были мобилизованы сотни студентов техникумов, врачей и учителей из городов республики. В помощь Дагестану для проведения этой важной кампании северокавказские краевые организации выделили 325 организаторов культпохода и на постоянную работу в органах народного образования и здравоохранения — 246 человек⁵⁶. Таким образом, благодаря большой массово-политической и организаторской работе задачи всеобщего и ликвидации неграмотности были разрешены успешно в установленные сроки.

Во всем этом трудящиеся Дагестана, в том числе и кумыки, постоянно чувствовали горячую заботу Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства, помощь великого русского народа и других братских народов.

Дальнейшее развитие национальной по форме и социалистической по содержанию культуры требовало новой реформы дагестанского алфавита.

⁵⁴ «Красный Дагестан», 12 августа 1928 г.

⁵⁵ «Социалистическое строительство в Дагестане», 1931, № 11, стр. 35.

⁵⁶ «Очерки истории Дагестана», т. II, Махачкала, 1957, стр. 212.

Рис. 80. Врачи-рентгенологи сельской больницы сел. Карабудахкент (фото Ю. Шевелева)

В 1938 г. письменность народов Дагестана, в том числе кумыкского, переходит с латинизированного на более приемлемый в условиях многонациональной республики алфавит, основанный на русской графике. Кроме того, новый алфавит явился одним из тех каналов, через которые шло приобщение народов Дагестана к передовой русской культуре, укрепление сотрудничества и дружбы со всеми другими братскими народами.

Народное образование не ограничивалось осуществлением всеобщего обязательного начального обучения и ликвидацией неграмотности. Увеличивалось также число школ повышенного типа. В третьей пятилетке, в соответствии с решениями XVIII съезда партии, республика переходит к внедрению обязательного семилетнего образования в сельской местности и десятилетнего — в городах и поселках городского типа.

Осуществление закона о всеобщем обязательном обучении, а затем и курс на семилетнее обучение, расширение сети школ всех типов и культурно-просветительных учреждений требовали дальнейшего улучшения подготовки работников соответствующих специальностей и в первую очередь учителей.

Важным событием в культурной жизни народов Дагестана явилось создание в Дагестане высших учебных заведений: педагогического института (1931 г.), реорганизованного в 1957 г. в университет, сельскохозяйственного и медицинского (1932 г.) институтов. Несколько позднее (в 1943 г.) был открыт и женский учительский институт, реорганизованный в 1954 г. в педагогический. В подготовке квалифицированных кадров большую роль сыграли заочные отделения, организованные при педагогическом и сельскохозяйственном институтах. Кадры для различных отраслей хозяйства и культуры Дагестана готовили и вузы других городов Советского Союза. Таким образом, в условиях социалистического строя

Рис. 81. Здание клуба строителей Сулакгэса в сел. Бавтугай
(фото Ю. Шевелева)

высшее образование стало доступным для всех народов Дагестана, в том числе кумыков. Для развития высшего образования, подготовки квалифицированных специалистов из коренных национальностей Дагестана большое значение имели организованные в 1943—1946 гг. при крупных городских средних школах интернаты горцев и горянок. Находясь на полном государственном обеспечении, обучаясь в лучших средних школах республики, воспитанники этих интернатов получали хорошую подготовку. Эти интернаты наряду с сельскими интернатами существуют и по настоящее время. Высшие учебные заведения и десятки специальных средних учебных заведений успешно готовят кадры разных специальностей для нужд народного хозяйства и культуры. Выросла национальная интеллигенция (учителя, врачи, агрономы, инженеры и т. д.).

В настоящее время все кумыкские районы, как и другие районы Дагестана, покрыты густой сетью начальных, семилетних и средних школ. В одном только Хасавюртовском районе существует 73 школы, в том числе 26 семилетних и 9 средних, которыми охвачено 9056 учащихся. В них работает 707 учителей. Кроме того, в Хасавюрте, значительный процент жителей которого составляют кумыки, имеется 17 школ, педагогические училища, школа садоводов и др.

Из года в год увеличивается число культурно-просветительных учреждений — библиотек, клубов, домов культуры. В том же Хасавюртовском районе насчитывается 20 клубов и 26 библиотек. Многие колхозники из кумыкских районов посещают городские театры, концертные залы и кино. Книги, радио, газеты и журналы стали достоянием каждой семьи кумыкского рабочего, колхозника, служащего.

В республике издаются областные газеты на языках основных народностей Дагестана. Такой газетой для кумыкских районов является областная газета «Ленин Елу» (Ленинский путь). Кумыкская интеллигенция и часть колхозников выписывают и областные газеты «Дагестанская правда», «Комсомолец Дагестана», издаваемые на русском языке, а также центральные газеты, журналы.

Свидетельством огромного культурного роста народов Дагестана является существование в республике такого крупного научного центра,

Рис. 82. Доктор медицинских наук хирург
Р. П. Аскерханов

тических учреждений и число медицинских работников. Решение задачи организации народного здравоохранения в первые годы встречалось с огромными трудностями. Основная трудность заключалась в недостатке кадров медицинских работников. Так, например, в 1931 г. в Дагестане для развертывающейся сети лечебных учреждений не хватало 459 врачей и 190 фельдшеров⁵⁷. Тяжелым наследием прошлого была малярия. Малярики составляли здесь 65—67% всех больных инфекционными болезнями⁵⁸. В пределах Дагестана самым малярийным местом являлась приморская равнина, в том числе кумыкские районы. Борьба с малярией проводилась по всем направлениям. Осуществлялись огромные гидротехнические осушительные работы в заболоченных массивах, приводились в надлежащее санитарное состояние каналы и т. д. Параллельно с меропрятиями по уничтожению очагов малярийных комаров, осушке заболоченной территории было организовано регулярное лечение маляриков. В районах распространения малярии были созданы противомаларийные станции и противомаларийные отряды. В 1927 г. в Махачкале был организован Тропический институт, реорганизованный потом в Научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии. Благодаря большой систематической работе органов здравоохранения, благодаря самоотверженному труду масс

⁵⁷ «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР». Махачкала, 1931, стр. 148.

⁵⁸ Там же, стр. 147.

по осушению заболоченных мест — заболевания этой болезнью прекратились.

Важную роль в обеспечении органов здравоохранения республики медицинскими работниками сыграли акушерский техникум, организационный в Махачкале в 1926 г., Дагестанский медицинский институт, созданный в 1932 г., и другие медицинские учебные заведения Дагестана. Кадры местных медицинских работников готовились и в высших медицинских учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Баку и других городов Советского Союза.

За годы Советской власти у кумыков выросли свои квалифицированные кадры медицинских работников. Широко известны имена докторов медицинских наук крупного хирурга Р. П. Аскерханова, Д. И. Шейх-Али, кандидатов медицинских наук С. Ю. Алибекова, заслуженного врача Дагестанской АССР З. С. Титакаевой и других, отдающих все свои силы и знания делу народного здравоохранения, подготовке в Дагестане медицинских кадров высокой квалификации, разработке теоретических проблем медицинской науки.

О больших изменениях в постановке здравоохранения могут свидетельствовать данные о медицинских учреждениях и медицинских работниках по тому же Хасавюртовскому району. На 1 января 1958 г. в этом районе (без города Хасавюрта) числились женская и детская консультация, 55 фельдшерско-акушерских пунктов, 9 больничных учреждений с общим количеством коек 140, 13 врачей (в это число не входят зубные врачи), 87 медработников со средним специальным образованием, 3 детских яслей (без колхозных) на 113 мест⁵⁹.

Крупные изменения произошли и в использовании естественных минеральных источников и грязей. Курорт «Талги» уже давно занял одно из видных мест среди здравниц общесоюзного значения. Минеральные воды «Махачкала», «Рычалсу» также приобрели широкую популярность.

В области развития здравоохранения Дагестанская республика имеет большие перспективы. Будет расширена сеть курортов, поликлиник, больниц, родильных домов, детских и женских консультаций, детских яслей, значительно увеличится число медицинских работников.

За сорок лет социалистического строительства в Дагестане бурное развитие получили литература, театральное, музыкальное и изобразительное искусство.

Рис. 83. Улица Ленина в Махачкале (фото Ю. Шевелёва)

⁵⁹ Данные взяты в Дагестанском статистическом управлении 23.IX 1960 г.

Рис. 84. Народная артистка СССР Барият Мурадова в пьесе «Бораган»

канты, создающие поэтические сказания, песни, музыку о новой, светлой жизни. Среди них самое почетное место занимал Аяв Акавов (1903—1953 гг.) — поэт и народный сказитель. Кроме высокохудожественных произведений, созданных им самим, Аяв Акавов собрал, бережно сохранил и передал современникам множество прекрасных образцов народного творчества. Отличная память, превосходное знание родного языка, многообразие художественных приемов позволили сказителю оставить своему народу большое количество замечательных образцов народного художественного творчества⁶¹.

Современное песенное творчество кумыков находится в теснейшем взаимодействии с советской поэзией.

У кумыков выросла своя национальная литература, из недр кумыкского народа вышла большая группа талантливых поэтов, писателей и драматургов, посвятивших свое творчество темам коммунистического общества в нашей стране, дружбы народов и борьбы за мир. В их числе народные поэты А. Магомедов, Казияв Али, писатели А. П. Салаватов, А.-В. Сулейманов, Н. Хапмураев, Аткай Аджаматов, Б. Астемиров, А. Ад-

⁶⁰ Записано писателем Аткаем Аджаматовым в сел. Отамиш Каякентского района.

⁶¹ Аяв Акавов. Сказки и рассказы. Махачкала, 1951; е го же. Три друга. Махачкала, 1951; е го же. Черепаха и голубь. Махачкала, 1954; е го же. Нарт. Махачкала, 1956.

Современный фольклор ярко отражает те колоссальные изменения, которые произошли в жизни кумыкского народа за годы Советской власти в результате победы социалистического строя.

Сказания, песни, стихи о возрожденной Родине, о богатстве и красоте новой жизни, о широких колхозных полях, о цветущих садах, о родной Коммунистической партии, о Ленине составляют большой цикл произведений современного народного творчества.

Песня о старой, нищенской жизни:

И пахали мы поля,
И убрали мы хлеб,
Однако пшеничная мука
Оставалась нашей мечтой

теперь заменилась песней о новой, богатой и счастливой жизни:

И мука есть, чтобы спечь хлеб,
И шерсть есть для сукна.
С созданием советского строя
Счастье мы обрели⁶⁰.

У кумыков появились новые сказители, певцы, музы-

жиев, К. Султанов, И. Керимов, Ш. Альбердиев, И. Асеков и многие другие. Они являются продолжателями лучших поэтических традиций кумыкского народа. Произведения этих поэтов переводятся на русский язык и становятся достоянием широкой общественности нашей страны.

В 1925 г. в Буйнакске был открыт Дагестанский театрально-музыкальный техникум⁶². Из выпускников этого техникума в 1930 г. был создан кумыкский национальный театр. Из числа первых выпускников техникума в этом театре в настоящее время играют Б. Мурадова (народная артистка СССР), А. Курумов (народный артист РСФСР) и др.

В репертуаре Кумыкского государственного театра музыкальной драмы — пьесы кумыков и представителей других народов Дагестана, произведения русских советских драматургов и драматургов других братских народов, а также классиков мировой литературы. Более 20 лет на сцене этого театра идут пьесы А. П. Салаватова «Айгази», «Карачач». Через Кумыкский театр многие дагестанские зрители познакомились с такими произведениями русской и западноевропейской классической драматургии, как «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Овечий источник» Лопе де Вега, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Беспреданница» Островского.

Народы Дагестана заслуженно гордятся Государственным Кумыкским театром музыкальной драмы, его талантливым коллективом. Большой любовью зрителя пользуются народная артистка СССР Барият Мурадова, народный артист РСФСР А. Курумов, народная артистка ДАССР и заслуженная артистка РСФСР Х. Магомедова, народный артист ДАССР и заслуженный артист РСФСР Т. Гаджиев, народные артисты ДАССР М. Рашитханов, С. Нуров, А. Курбанов, народная артистка ДАССР С. Мурадова, заслуженные артисты ДАССР Р. Эсельдерова, Х. Казимагомедова и многие другие.

Кумыки за годы Советской власти вырастили и своих вокалистов, композиторов, художников. Далеко за пределами Дагестана известны имена талантливых певцов — народной артистки ДАССР и заслуженной артистки РСФСР Исбат Баталбековой, заслуженных артисток ДАССР Барият Ибрагимовой, Изумруд Абигасановой и многих других. Широкую известность и признание получили произведения талантливого композитора, заслуженного деятеля искусств РСФСР Н. С. Дагирова, заслуженного деятеля искусств РСФСР художника М. Джемала, художника С. Салаватова.

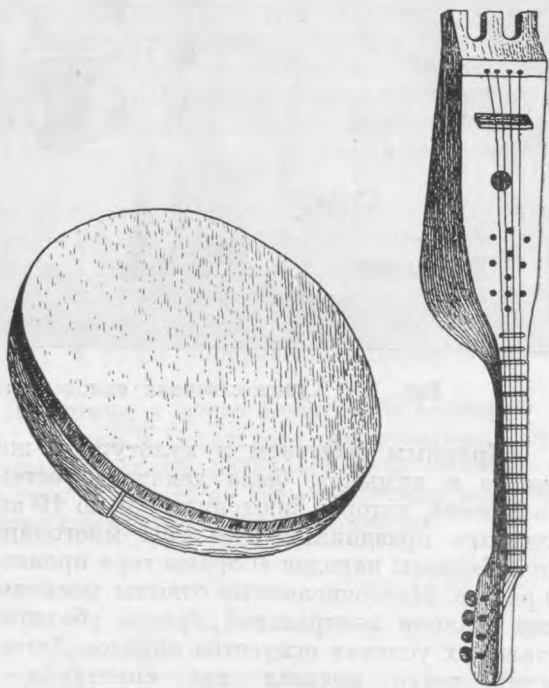

Рис. 85. Национальные музыкальные инструменты: агъач къомуз и теп

⁶² С. Говоров. Кумыкский театр. Махачкала, 1955.

Рис. 86. Художественная самодеятельность Ленинского района

Крупным событием в культурной жизни народов Дагестана, в том числе и кумыков, была декада дагестанского искусства и литературы в Москве, которая проходила с 8 по 19 апреля 1960 г. Она явилась подлинным праздником культуры многонационального советского Дагестана. Таланты народов «Страны гор» проявились в дни декады во всей своей красоте. Многочисленные отзывы москвичей и зарубежных гостей, а также отклики центральной прессы убедительно свидетельствуют о замечательных успехах искусства народов Дагестана. Во время декады Кумыкский театр показал два спектакля — пьесу заслуженного деятеля искусств РСФСР Г. Рустамова «Под деревом» и бессмертную трагедию Пушкина «Каменный гость». Оба эти спектакля прошли с огромным успехом. «Постановщик спектакля, главный режиссер театра Г. Рустамов, — отметил в своем отзыве о спектакле Кумыкского театра главный режиссер театра имени Вахтангова народный артист СССР Р. Н. Симонов, — показал нам очень интересную работу, которую мы смотрели с огромным вниманием. «Каменный гость» поставлен в романтически приподнятой манере. Великолепен актерский ансамбль. Лаура в исполнении Барият Мурадовой — один из лучших образов классической драматургии»⁶³.

«Барият Мурадова, мы с вами почти не знакомы. Но я увидела вас в роли Лауры и полюбила навсегда. В этом образе вы раскрыли для всех нас свою душу, свое благородное сердце. Вы живете и трудитесь в далеком Дагестане, но нас роднит горячо любимая профессия, искусство больших и благородных страстей», — говорит народная артистка СССР Л. П. Орлова⁶⁴.

Восхищение и изумление вызвали у москвичей ансамбли песни и танца Дагестана, художественным руководителем которого является заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Дагиров, и народного танца «Лезгинка», которые ярко показали расцвет искусства социалистического Дагестана.

⁶³ «Говорят зрители». — «Дагестанская правда», 20 апреля 1960 г.

⁶⁴ Там же.

В дни декады с творческим отчетом выступали писатели Дагестана, в том числе большой отряд кумыкских писателей, композиторов. На выставке, открывшейся в дни декады в Москве, москвичи познакомились с работами дагестанских художников, в том числе заслуженного деятеля искусств РСФСР кумыка М. Джамала «Горцы у Ленина», «Сбор персиков», «У строителей Гергебильской ГЭС». К декаде искусства и литературы было выпущено более 150 названий книг, что свидетельствует о большом творческом росте работников литературы и искусства Дагестана.

Все эти факты лишний раз свидетельствуют о том, что благодаря Советской власти кумыкская национальная по форме и социалистическая по содержанию культура получила невиданные возможности для своего развития, стала подлинно народной культурой. Коммунистическая партия и Советское правительство создали многочисленные национальные кадры новой, советской интеллигенции, вышедшей из народа, связанной с народом, отдающей все свои силы народу, служению великому делу строительства коммунизма.

За сорок лет Советской власти Дагестан в экономическом и культурном отношении изменился неузнаваемо. Постоянное внимание партии и правительства, осуществление ленинской национальной политики, щедрая и бескорыстная помощь великого русского народа и других братских народов дали возможность народам Дагестана за короткий срок ликвидировать свою вековую отсталость и встать в ряды передовых социалистических наций.

В дружной семье народов Дагестана и всего Советского Союза, под руководством Коммунистической партии и Советского правительства кумыкский народ, как и все народы Дагестана, развивает свою экономику, материальную и духовную культуру и вместе со всем советским народом активно участвует в строительстве коммунистического общества.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЛИТЕРАТУРА

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. Капитал, тт. I—III. М., 1949.
Маркс К. и Энгельс Ф. Восточный вопрос. Соч., т. IX.
Маркс К. и Энгельс Ф. Персия и Китай. Соч., т. XI.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2, М., 1952.
Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч., т. 15.
Ленин В. И. К деревенской бедноте. Соч., т. 6.
Ленин В. И. К женщинам-работницам. Соч., т. 30.
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20.
Ленин В. И. Международный день работниц. Соч., т. 32.
Ленин В. И. О кооперации. Соч., т. 33.
Ленин В. И. О пролетарской культуре. Соч., т. 31.
Ленин В. И. По поводу государственной росписи. Соч., т. 5.
Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
Ленин В. И. Советская власть и положение женщины. Соч., т. 30.
Ленин В. И. Социализм и война. Соч., т. 21.

Документы КПСС и Советского правительства

- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1. М., 1954.
«Образование СССР (сборник документов 1917—1924 гг.)». М.—Л., 1949.

Выдающиеся деятели партии и правительства

- Калинин М. И. Что дала Советская власть трудящимся. Статьи и речи. 1936—1937 гг. М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.
Киров С. М. Избранные статьи и речи. М., 1957.
Крупская Н. К. Женщина страны Советов — равноправный гражданин. М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.
Орджоникидзе Г. К. Речь на съезде народов Дагестана. Темир-Хан-Шура, 13 ноября 1920 г. В кн.: С. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. М., 1945.
Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956.
Хрущев Н. С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 г. М., 1959.
Хрущев Н. С. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы 14 марта 1958 г. М., 1958.

- Абельяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. «Кавказ», 1857, № 50—51.
- «Адаты жителей Кумыкской плоскости». ССКГ, вып. 6. 1872.
- «Адаты южнодагестанских обществ». ССКГ, вып. 8, 1875.
- Аджигитов И. О кумыках. «Терские ведомости», 1910, № 224.
- А. И. Несколько слов о кумыках. «Кавказ», 1852, № 29.
- «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», т. 4, СПб., 1842.
- «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею», тт. 1—12, Тифлис, 1866—1904.
- Алибеков Манай. Собрание сочинений (на кумыкск. яз.). Буйнакск, 1925.
- Алибеков Манай. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.
- Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.
- Анучин Д. И. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. «Изв. Русского геогр. об-ва», т. 20, вып. 4, 1884.
- Аристов П. А. О земле половецкой. Историко-этнографический очерк. Киев, 1877.
- Аристов П. А. Заметки об этническом составе тюркских племен. «Живая старина», вып. 3—4, СПб., 1896.
- «Армянская география VII века по р. х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)». СПб., 1877.
- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
- Артамонова-Полтавцева О. А. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, 14, 1950.
- Афанасьев М. Кумыкские песни. СМОМПК, вып. 17, 1893.
- Афанасьев М. Селение Костек Хасавюртовского округа Терской области. СМОМПК, вып. 16, 1893.
- Азердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. Архивные материалы. М., Изд-во вост. лит., 1958.
- Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
- Бакланов Н. Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.
- Бакунина В. И. Персидский поход в 1796 г. «Русская старина», т. 53, СПб., 1883.
- Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод с арабского проф. П. К. Жузе, Баку, 1927.
- Баргольд В. В. К вопросу о происхождении кайтаков. «Этнографическое обозрение», № 1, 2, 1910.
- Баргольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924.
- Баргольд В. В. Кавказ, Туркестан, Волга. «Изв. Кавказского историко-археол. ин-та», т. 4, Тифлис, 1926.
- Баргольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.
- Баскаков П. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. 1, М., 1952.
- Батгамов Исаак. Чирка, или аул Чиркей. «Кавказ», 1863, № 29—30.
- Бельм Дж. Путешествие через Россию в разные азиатские земли..., ч. III. Перевод с франц., СПб., 1776.
- Белобородов А. Землевладение в Терской области. «Терские ведомости», 1895, № 107, 108, 109.
- Белобородов А. Прошлое кумыков. «Терские ведомости», 1896, № 145, 146.
- Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.
- Берже А. П. Прикаспийский край. Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856.
- Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1858.
- Бредэ К. А. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии ИНИАЛ Дагфилнала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
- Броневский С. П. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1—2. М., 1823.
- Бугков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 1—3. СПб., 1869.
- Бугков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. В кн.: «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», Архивные материалы. М., 1958.
- Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. В кн.: «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.». «Быт мехтулинских и аварских ханов». — «Кавказ», 1850, № 38, 41.
- Вейденбаум Е. Г. Путеводитель по Кавказу, Тифлис, 1888.
- Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов Терской области. «Терский сборник», вып. 4, Владикавказ, 1897.

- Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, тт. 1—3. СПб., 1890, 1898.
- Воронов Н. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 3, 1870.
- «Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1863—1869 гг.», СПб., 1870.
- «Всеподданнейший отчет начальника Терской области за 1889 г.». Владикавказ, 1891.
- Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России. «Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. 1, Махачкала, 1956.
- Ган К. Краткие известия древних писателей о Кавказе. СМОМПК, вып. 2, 1882.
- Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.
- Гербер И. Г. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, и об их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760, июль.
- Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.». Архивные материалы, М., 1958.
- Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение», 1901, № 1, 2, 3.
- Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
- Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. III. СПб., 1785.
- Говоров Сергей. Кумыкский театр. Махачкала, 1955.
- Головина Т. Ф. О некоторых событиях гражданской войны в Дагестане. В кн.: Борьба за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1957.
- Головинский П. А. Игры, песни и предания кумыков. «Терские ведомости», 1871, № 8—10.
- Головинский П. А. О гузах и тюменах. О кумыкских ногаях. «Терские ведомости», 1871, № 5—7.
- Головинский П. А. О кумыкских ногаях. «Терские ведомости», 1871, № 6, 7.
- Головинский П. А. Кумыки. Их игры, песни и обычаи. «Сб. сведений о Терской области», вып. 1, 1879.
- Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
- Грен А. Из области кумыкской этнографии. «Терские ведомости», 1901, № 144.
- «Дагестанская область». В кн.: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1890.
- «Дагестанская область». Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., Тифлис, 1893.
- «Дагестанские летописи». Извлечения из истории Дагестана, составленные Мухаммедом-Рафи. ССКГ, вып. 5, Тифлис, 1871.
- Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. Изд. 2, М., 1851.
- Даниялов А. Д. Сельское хозяйство Дагестана за 40 лет Советской власти в республике. «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 3, Краснодар, 1960.
- Даниялов Г. Д. Дагестан в период революции 1905—1907 гг. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 1, Махачкала, 1956.
- Даниялова Н. В. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане и ее своеобразие. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 5, Махачкала, 1958.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Дагестане. «Антропологический сборник», вып. 1, М., 1956.
- «10 лет автономии ДАССР». Материалы к отчету правительства ДАССР о состоянии советского, хозяйственного и культурного строительства к десятилетию автономии Дагестана (1921—1931). Махачкала, 1931.
- Дори Б. Известия о хазарах восточного историка Табары. «Журнал Министерства народного просвещения», т. 43, отд. 2, СПб., 1844.
- Дори Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу. «Труды Восточного отделения археол. об-ва», прилож. № 11, 1864.
- Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871.
- «Ежедневный очевидец. Кумыки и ногайцы». «Терские ведомости», 1888, № 4.
- Еремян С. Г. Моисей Каланкутуйский о посольстве албанского царя князя Варз-Трдата к хазарскому хакану Али-Илитверу. «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. 7, М.—Л., 1939.
- Ермолов А. П. Письма. СМОМПК, вып. 45, Махачкала, 1926.
- Заблоцкий П. Путевые записки из Астрахани через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 годах. «Журнал Министерства внутренних дел». СПб., 1838.
- Забудский. Ставропольская губерния. «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XVI, ч. 1, СПб., 1851.
- «Заря Дагестана». № 1—12 за 1912 г. и № 1—8 за 1913 г.
- «Заселение Кумыкской плоскости». — «Терские ведомости», 1889, № 78.

- «Земельные отношения в дореволюционном Дагестане». — «Красный архив». т. 6. М., 1936.
- Зиссерман А.* Десять лет на Кавказе. «Современник», т. 47, кн. 9; т. 48, кн. 11, 1854.
- Зубов Платон.* Картина Кавказского края, ч. 1—4. СПб., 1834—1835.
- И. А.* Несколько слов о кумыках. «Кавказ», 1852, № 29.
- Ибн-Эль-Асир.* О первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны. «Уч. зап. Императорской Академии наук по I и III отд.», т. 2, СПб., 1854.
- Иессен А. А.* Отчет о работах на р. Сулак. «Изв. ГАИМК», вып. 110, М.—Л., 1935.
- Из селения Акская. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1876 г. № 34. Владикавказ.
- Исаков М. И.* Археологическая раскопка Таркинского могильника. Труды первой научной сессии 8—11 октября 1947 г. Махачкала, 1948.
- Исаков М. И.* Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, вып. 36, М., 1951.
- Исаков М. И.* Тапгинский могильник. КСИИМК, вып. 67, М., 1957.
- «Исторические сведения о месте, на котором основан г. Петровск». — «Кавказ», 1869, № 146, 147.
- «История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века». СПб., 1861.
- «История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века». Перевод с арм., СПб., 1862.
- Кавказский календарь с 1846 по 1917 г., Тифлис, 1845—1916.
- Казбек Г. Н.* Военно-статистическое описание Терской области, ч. 1. Тифлис, 1888.
- Каймаразов Г. Ш. и Эфендиев А.* Успехи культурного строительства в Дагестане за годы Советской власти. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 4, 1958.
- Каймаразов Г. Ш.* Культурное строительство в Дагестане (1920—1940 гг.). Махачкала, 1960.
- Канивец В. И.* Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. «Уч. зап. ИИЯЛ», вып. 1, 1956.
- Канивец В. И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 3, 1957.
- Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане, СМОМПК, вып. 31. Тифлис, 1902.
- Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане, СМОМПК, вып. 32, Тифлис, 1903.
- Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX и X веков по р. х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908.
- Кардашев С.* Селение Карабудахкент. СМОМПК, вып. 11, 1891.
- Кашкаев Б. О., Эмиров Э. Н. П., Гаджиев А. С. и Аликберов Г. А.* Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1960.
- Кильчевская Э. В.* Искусство народов Дагестана. В кн.: Народное декоративное искусство РСФСР, М., 1957.
- Кильчевская Э. В. и Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана, М., 1959.
- Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф.* Описание Дагестана 1831 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.
- Ковалевский М. М.* Родовое устройство Дагестана. «Юрид. вестник», ч. 29, кн. 4, 1888.
- Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2. М., 1890.
- Ковалевский М. М.* Родовой быт. Б/м, 1905.
- Козубский Е.* Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. Темир-Хан-Шура, 1890.
- Козубский Е.* Очерк истории города Темир-Хан-Шуры. СМОМПК, вып. 19, Тифлис, 1894.
- Козубский Е. И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.
- Козубский Е. И.* Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 год. Темир-Хан-Шура, 1901.
- Козубский Е. И.* Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902.
- Козубский Е. И.* Дагестанский сборник, вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904.
- Козубский Е. И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902.
- Комаров А. В.* Алаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868.
- Комаров А. В.* Народонаселение Дагестанской области. «Зап. Кавказского отд. русского геогр. об-ва», кн. VIII, 1873.
- Косвен М. О.* Матриархат. М.—Л., 1948.
- Косвен М. О.* Семейная община. СЭ, № 3, 1948.
- Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
- Косвен М. О.* Переход от матриархата к патриархату. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 14. Родовое общество. М., 1951.
- Котов Ф.* Хожение кушца Федота Котова в Персию. М., 1958.
- Котович В. Г.* Новые археологические памятники южного Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана», т. 1. Махачкала, 1959.

- Котович В. Г. Научный отчет о работе южного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 г. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1960.
- «Краткая записка о горских народах». — «Северный архив», т. XXII, № 13, 1826.
- Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. 5. М.—Л., 1940.
- Круглов А. П. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 58, 1958.
- Крупнов Е. И. Каякентский могильник-памятник древней Албании. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940.
- Крупнов Е. И. Северокавказская экспедиция КСИИМК, вып. XXI, М.—Л., 1947.
- Крупнов Е. И. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. 27, М.—Л., 1949.
- Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, вып. 23, М.—Л. 1951.
- Крупнов Е. И. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, М., 1954.
- Кто-то. О правах наследства у кумыков. «Терские ведомости», 1875, № 37, 43.
- Кумык (Шизалиев). Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ», 1848, № 39—44.
- «Кумыки». Этнографический очерк. «Правительственный вестник», 1895, № 22.
- Кушева Е. Н. Политика русского государства на Северном Кавказе 1552—1572 гг. «Истор. зап.», вып. 34, М., 1950.
- Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., М., 1954. Дагестанский филиал АН СССР. Материалы научной сессии по истории народов Дагестана.
- Кушнер П. (Кнышев). О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. СЭ, № 13, 1956.
- Лавров Л. И. Тарки до XVIII века. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 4, 1958.
- Лазарев Ягуб-бек. О гунах Дагестана. «Кавказ», 1859, № 34, 36, 38.
- Лавышев В. В. Известия древнейших писателей о Скифии и Кавказе.—ВДИ, 1947, № 2, 4; 1948, № 1, 2; 1949, № 2.
- Левин В. Н. Этнографическое распределение некоторых признаков у населения Северного Кавказа. «Антропологический журнал», 1932, № 2.
- Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Материалы по общному праву северного и восточного Кавказа, вып. 1, 2. Одесса, 1882—1883.
- Ливенцов М. Из воспоминаний о походе в Дагестан в 1843 г. «Кавказ», 1850, № 70, 71, 73, 75, 80, 83.
- Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917.
- Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и земельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916.
- Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. «Кавказ», 1846, № 37, 38.
- Лопатинский Л. Кое-что о кумыках и об их языке. СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1893.
- Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958.
- Лысов В. Т. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951.
- М. Татарское племя на Кавказе. «Кавказ», 1859, № 86, 87, 90, 92.
- Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX века. Махачкала, 1957.
- Магомедов Р. и Назаревич А. Дагестанская АССР. 25 лет борьбы и труда в составе Российской Федерации. Махачкала, 1945.
- Магомедов Р. М. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды II научной сессии, Махачкала, 7—12 февраля 1949 г. Махачкала, 1949.
- Макаров Т. Кумыкский округ. «Кавказ», 1860, № 77—79.
- Марграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
- Марковин В. И. Археологические памятники в районе с. Капчугай ДАССР. СА, 20, М., 1954.
- Марковин В. И. Археологические находки на территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, вып. 67, М., 1957.
- Марковин В. И. и Мурчаев Р. М. Неолитическая стоянка близ города Буйвакса. КСИИМК, вып. 67, М., 1957.
- Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 4, Махачкала, 1958.
- Мерперг Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- «Мехтулинские ханы». — ССКГ, вып. 2, Тифлис, 1869.
- Миклашевская Н. Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. КСИЭ, вып. 19, М., 1953.
- М-ов. Селенне Костек. «Терские ведомости», 1900, № 152.
- М-ов. Встреча весны у кумыков. «Терские ведомости», 1905, № 269.

- Мохир М. Аксай (или Ташкичу). СМОМПК, вып. 16, Тифлис, 1893.*
- Мунчаев Р. М. Каякентское поселение и проблемы кавказского энеолита. СА, 22, 1955.*
- Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, 26, М., 1956.*
- Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф. Археологические памятники близ с. Карабудахкент (Дагестанская АССР). МИА, 68, 1958.*
- Муравьев-Карский Н. Н. Записки. «Русский архив», вып. 7, 1888.*
- Мусаганова Г. В. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959.*
- Н. Несколько дней на Кумыкской плоскости. «Терские ведомости», 1878, № 44.*
- Павшированов З. Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму. «Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии», т. 3. Симферополь, 1929.*
- Нахиунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.*
- Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.*
- Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.*
- Никольская З. А. и Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, № 4, 1952.*
- «Обзор Дагестанской области за 1892 год» (отд. вып. до 1915 г.). Темир-Хан-Шура, 1893—1916.
- «Обозрение Российских владений за Кавказом», ч. 4, СПб., 1836.
- Оганов. В гостях у кумыкских князей. «Природа и охота», 1892, № 56.*
- Огарев Н. В. От Астрахани до Тифлиса. «Кавказ», 1868, № 17.*
- Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 гг. «Русская старина», СПб., 1893, 1894.*
- «О правах наследования у кумыков». — «Терские ведомости», 1875, № 37, 43.
- Окольников Н. Перечень событий в Дагестане. «Военный сборник», вып. 1—2, 1859.*
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.*
- Омаров Абдулла. Воспоминания муталима. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868.*
- «Освобождение бесправных рабов в Дагестане». ССКГ, вып. 1, 1868.
- Османов Г. Г. Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Труды Ин-та истории партии при Дагобкоме КПСС», т. 1, Махачкала, 1957.*
- Османов Магомед-Эфенди. Ногайские и кумыкские песни, СПб., 1883.*
- Османов Магомед-Эфенди. Сборник стихов (сост. М. Алибеков). Махачкала, 1926. На кумыкском языке.*
- Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1157.
- Отчет Дагестанского обл. статистического комитета за 1900 год, отд. вып. до 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1901—1905.
- «Отчет начальника Терской области за 1891 год». Владикавказ, 1892.
- «Очерки истории Дагестана», тт. 1—2, Махачкала, 1957.
- «Памятники дипломатических отношений России с иностранными державами». СПб., 1852.
- Пантюхов П. О кумыках. «Кавказ», 1894, № 138, 139, 225.*
- Пантюхов П. И. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895.*
- Петровский житель. Петровск Дагестанской области. «Терские ведомости», 1896, № 118.*
- Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867, № 7, 8, 12, 13, 15, 16.*
- Цигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.*
- Пирогов Н. П. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952.*
- Полиевктов М. А. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила Георга-Готлиба Гмелина (младшего). «Изв. Кавказского историко-археол. Ин-та в Тифлисе», т. 3, 1925.*
- Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.*
- Попков Иван. Терские казаки со стародавних времен. Истор. очерк, вып. 1. СПб., 1880.*
- Портовый город Петровск. «Кавказ», 1858, № 91.*
- Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 1, вып. 1, СПб., 1887; т. 2, вып. 4, СПб., 1888; т. 3, вып. 1, СПб., 1886.*
- «Поэзия народов Дагестана». Махачкала, 1954.
- «Предания о некоторых местностях Дагестана. СМОМПК, вып. 2. Тифлис, 1882.
- Пржецлавский П. С. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», т. 12, кн. 4, 1860.*
- Пржецлавский П. С. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», т. 3, 1863.*
- «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука». М., 1957.
- Радлов В. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря.— В кн.: Приложения к 98 тому записок Академии наук, № 4, СПб., 1884*

- «Районированный Дагестан», Махачкала, 1930.
- Рамазанов Х. Х. Крестыянская реформа в Дагестане. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 2, 1957.
- Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. *Seminarium Kondakovianum. Praha, 1933.*
- Расовский Д. А. Половцы. *Seminarium Kondakovianum, Praha, 1933, № 6.*
- «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сб. документов и материалов. Махачкала, 1956.
- Р-ий К. Л. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Сб. газеты «Кавказ», 1846, 2-е полугодие, стр. 198—221.
- Романовский. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860.
- Руновский А. Взгляд на сословные правила и на взаимные отношения в Дагестане. «Военный сборник», т. 25, кн. 8, 1862.
- Русов А. А. Отчет о летних и осенних археологических работах 1880 г. в южном Дагестане.— В кн.: V археологический съезд. Протоколы предварительного комитета. М., 1882.
- «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв.». Документы и материалы. Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.
- Сатыбалов А. А. Социально-политические термины тюркоязычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа». «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 5, 1958.
- Свидерский П. Ф. Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки. (Диссертация). СПб., 1898.
- «Селение Костек». «Терские ведомости», 1904, № 149.
- Селимханов А. К. Из истории просвещения в Дагестане в XIX в. «Уч. зап. Дагестанского женского пед. ип-та», вып. 1, Махачкала, 1957.
- Семенов Н. Заметка к вопросу о следах гунов на Кавказе. «Терский сборник», вып. 1, Владикавказ, 1890.
- Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.
- С-ин М. Двадцатилетие освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе. «Терские ведомости», 1892, № 50.
- Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник-памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. 38, 1951.
- Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951.
- Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСНИМК, вып. 45, М., 1952.
- Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., М., 1958.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II. М., 1946.
- «Сокровищница песен кумыков». Альманах кумыкской литературы. Махачкала, 1959.
- «Социалистическое строительство Дагестана», 1931, № 11.
- «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Ростов-на-Дону, 1933.
- Степанов П. Пять месяцев в Дагестане. «Кавказ», 1862, № 10, 12, 13.
- Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.
- Султанов К. Фольклор и классики.— «Литературный Дагестан». Сборник. Махачкала, 1947.
- Султанов К. Поэты Дагестана. Махачкала, 1959.
- Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. «Революционный Восток», 1935, № 5.
- «Танг Чолпан» (Утренняя звезда). Темир-Хан-Шура, 1917, 1918 гг.
- «Терехи Дербент-наме». Перевод под ред. М. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898.
- «Терские ведомости». Газета за 1875, 1881 гг. Владикавказ.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884; т. 2, М.—Л., 1941
- Тихонов Д. И. Описание северного Дагестана 1796 г.— В кн.: «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», М., 1958.
- Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.
- Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, I, 1938.
- Труды V археологического съезда в Тифлисе, 1881. М., 1887.
- Туземец. О горском словесном суде. «Казбек», 1897, № 11, 12.
- Тульчинский Н. П. К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа. «Терские ведомости», 1901, № 6.
- Тульчинский Н. П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. «Терский сборник», вып. 6, Владикавказ, 1903.
- «Турецкое племя на Кавказе».— «Кавказ», 1853, № 90.
- Тучин И. Селение Аксай. «Терские ведомости», 1876, № 3.
- Услар П. О распространении грамотности между горцами. ССРГ, т. 3 Тифлис, 1870.
- Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
- Федоров Я. А. К вопросу об этногенезе кумыков. «Научные доклады высшей школы», истор. науки, вып. I, М., 1959.

- Х-ъ (Хамзаев), Кое-что о кумыках. «Кавказ», 1865, № 68, 70.
- Х-ъ (Хамзаев). Барамта. «Кавказ», 1867, № 2.
- Х-ъ (Хамзаев). К вопросу о хозяйственных успехах туземцев. «Терские ведомости», 1891, № 95.
- Хангишиев М. Заметки об устном народном творчестве кумыков. «Дослукъ» («Дружба»), Махачкала, 1958, № 3 (на кумыкск. яз.).
- «Хасав-Юрт». — «Терские ведомости», 1896, № 109.
- Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Автореферат диссертации, Махачкала, 1957.
- Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
- Хвольсон Л. А. Известия о хазарах, бургасах и руссах Алу-ал-Ахмада, Бен-Омар-иб-Доста. СПб., 1869.
- Моисей Хоренский. История Армении, СПб., 1858.
- «Чечеклер» (Цветы). Альманах кумыкской литературы. Махачкала, 1939 (на кумыкск. яз.).
- Чобан-заде Б. Заметки об языке и словесности кумыков. «Изв. вост. ф-та Азербайджанского ун-та», т. 1, Баку, 1926.
- Чобан-заде Б. Предварительное сообщение о кумыкском наречии. «Изв. Об-ва обследования Азербайджана», № 1. Баку, 1926.
- Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
- Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. СМОМПК, вып. 46. Махачкала, 1929.
- Шемшединов А. Легенды и сказания кумыков. «Этнографическое обозрение», 1905, № 2, 3.
- Шемшединов А. К. Легенды и сказания кумыков. «Этнографическое обозрение», 1910, № 1, 2.
- Шейхов Н. Б. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник по материалам Агачкалинского могильника. КСИИМК, вып. 46, М., 1952.
- Шиллинг Е. М. Дагестанские кустари. М., 1936.
- Шиллинг Е. М. Ковроткачество Дагестана. СЭ, 4, 5, 1936.
- Шиллинг Е. М. Орнаментальное искусство Дагестана. — В кн.: Творчество народов СССР, вып. 1, М., 1937.
- Шиллинг Е. М. Литейное производство Дагестана. СЭ, 1, 1947.
- Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. — В кн.: Историко-этнографические этюды. М. — Л., 1949.
- Шихсаидов А. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. 3, 1957.
- Эргарт Н. Природа и охота на Кумыкской плоскости. «Природа и охота», 1895, № 4.
- Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1. Тифлис, 1907.
- Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. «Ист. зап. АН СССР», т. 1, М., 1937.
- Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. «Уч. зап. Свердловского пед. ин-та», т. 1, 1938.
- Ярхо А. Я. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет. «Антропол. журнал», 1936, № 1.

Литература на иностранных языках

- Baye I. Au nord de la chaîne du Caucase. Paris, 1889.
- Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Kaukasus, Bd. I. Stuttgart — Tübingen, 1834.
- Erckert R. Der Kaukasus und seine Völker. Kумыкен. Leipzig, 1887.
- Klaproth I. Reise in den Kaukasus..., Bd. 2. Halle und Berlin, 1814.
- Klaproth I. Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Caspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814.
- Klaproth I. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814.
- Mandelslo I. Suite de la relatio du voyage en Moscovie, Tartarie et Perse. T. 2. Paris, 1666.
- Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- D'Ohsson C. Les peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne ou voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828.
- Reinegg I. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, T. 1. Gotha und Spb., 1796.
- Vambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК — «Акты, собранные Кавказской археологической комиссией»
ВДИ — Вестник древней истории
ВУА — Военно-ученый архив
ГИМ — Государственный исторический музей
ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии»
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
СА — «Советская археология»
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»
ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах»
СЭ — «Советская этнография»
ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда
ЦГИА Груз. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской Советской Социалистической Республики
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГА СОАССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
<i>Глава I.</i> Краткий очерк истории кумыков	17
1. Древнейший период (до раннего средневековья)	17
2. V—XV вв.	24
3. Проблема этногенеза кумыков	33
4. Социально-экономический и политический строй кумыков накануне присоединения Дагестана к России (XVI—XVIII вв.)	45
5. Присоединение кумыков к России	54
<i>Глава II.</i> Социально-экономические отношения и политический строй в первой половине XIX в.	62
1. Хозяйство	62
2. Классовая структура	106
3. Земельно-правовые отношения	118
4. Подати и повинности	124
5. Административно-политическое устройство	131
<i>Глава III.</i> Кумыки во второй половине XIX и начале XX в.	144
1. Ликвидация ханской власти и организация управления	144
2. Крестьянская реформа 1865—1867 гг.	150
3. Развитие экономики кумыков во второй половине XIX и начале XX в.	163
<i>Глава IV.</i> Материальная культура	192
1. Поселения	192
2. Жилище	201
3. Одежда	222
4. Пища	242
<i>Глава V.</i> Семейный и общественный быт	252
1. Семейные отношения	252
2. Семейная обрядность	269
3. Общественный быт	282
<i>Глава VI.</i> Культура и народное образование	293
1. Народное образование	293
2. Устное народное творчество	301
3. Литература	314
4. Религиозные верования	321
5. Народная медицина и лечебная магия	330
<i>Глава VII.</i> Социалистические преобразования	336
Литература	378
Список сокращений	386

Сакинат Шихамедовна Гаджиева
Кумыки

Утверждено к печати
Дагестанским филиалом АН СССР

Редактор издательства Г. Ф. Дубовикова
Технические редакторы Н. Д. Новичкова, П. Е. Кашина

РИСО АН СССР № 181—23Р. Сдано в набор 20/VII—1961 г.

Подписано к печати 7/X 1961 г. Формат 70×108^{1/16}

Печ. л. 24,25 + 5 вкл. = 33,22, усл. печ. л. + 5 вкл.

Уч.-издат. л. 34,2 (0,7 вкл.)

Тиранж 3300 экз. Т-09186 Изд. № 5506

Тип. зак. № 2129

Цена 2 руб. 33 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, В-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

instituteofhistory.ru